

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

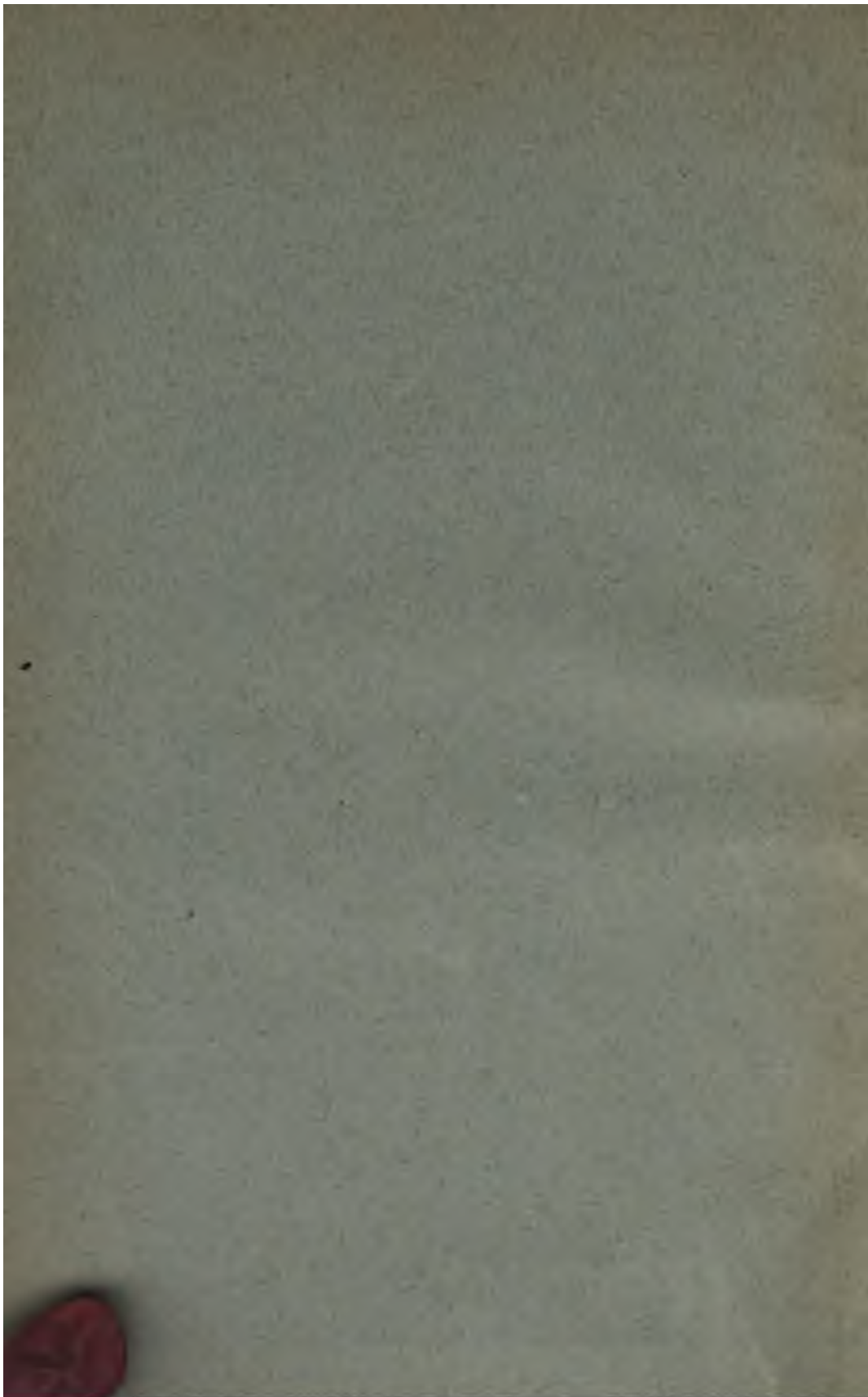
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

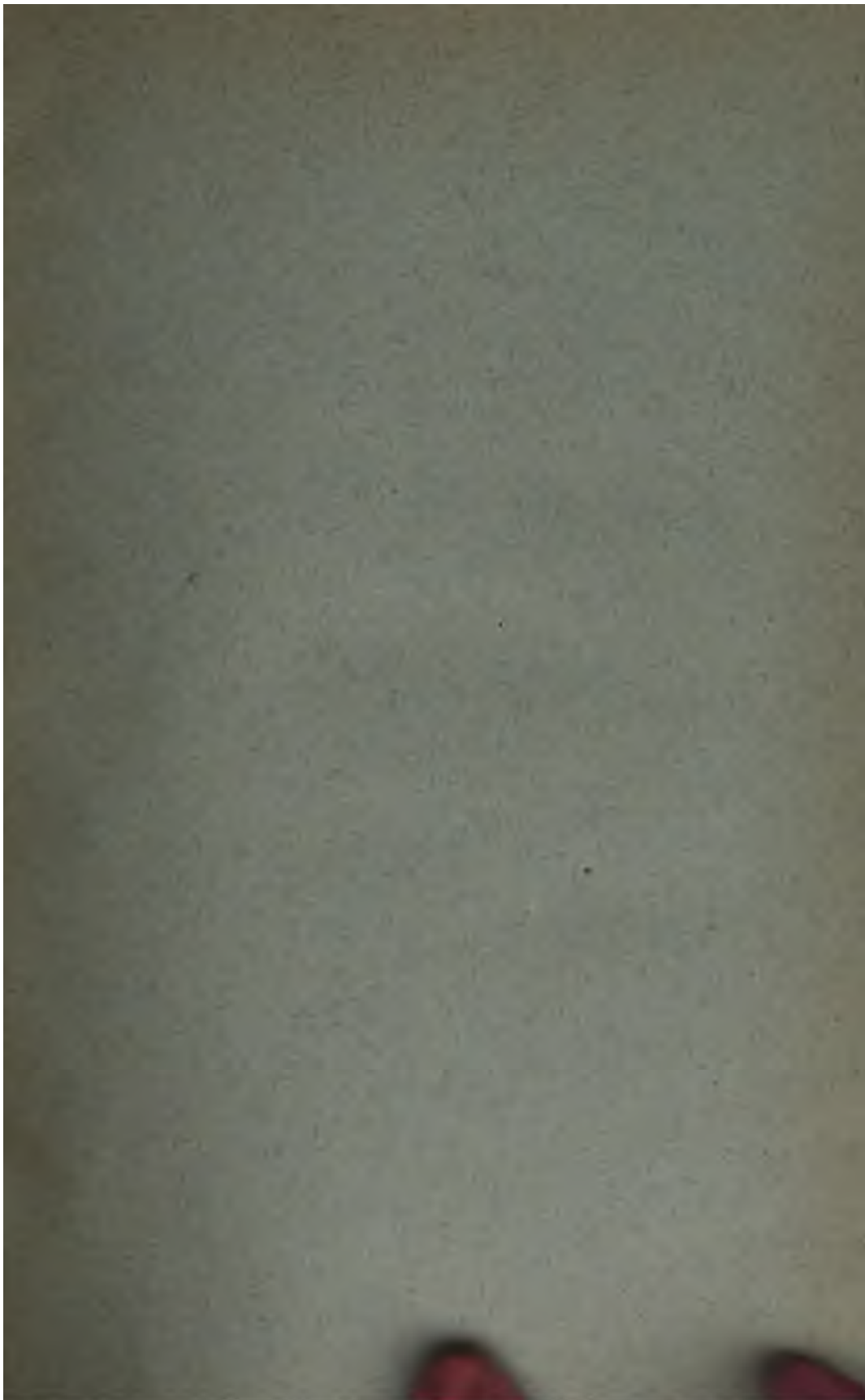
О программе Поиск книг Google

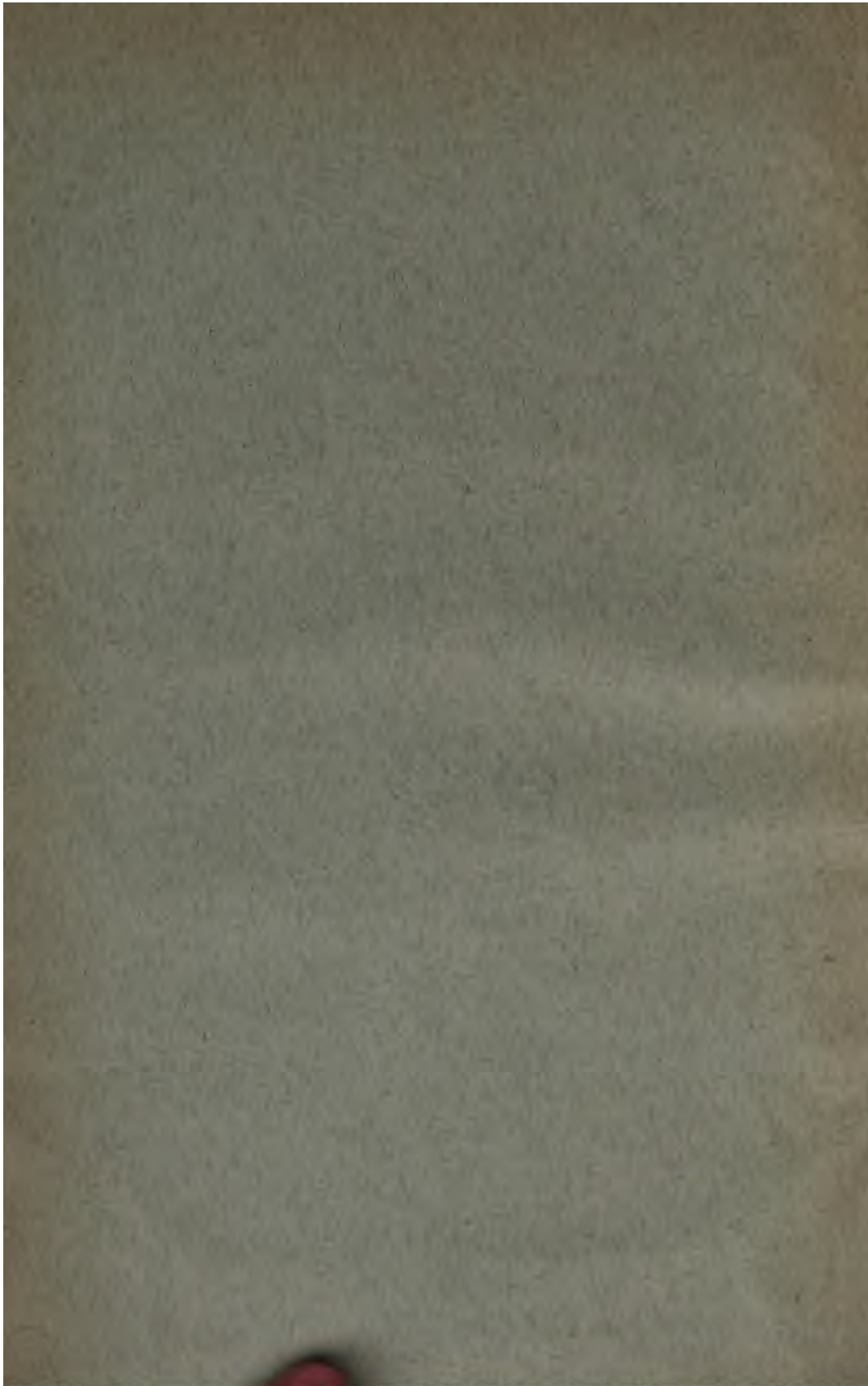
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

B 1,090,829

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

(ИМПЕРАТОРСКОЙ) АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

36

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9-я зап., № 12).

1885.

THE HISTORY

OF THE

REIGN OF

CHARLES

THE SECOND

BY

JOHN

ИЗДАНИЯ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

- Томъ I.** Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — Характеристика Державина какъ поэта, Я. К. Грота. — Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи. П. П. Пекарскаго. — Мифы въ Словарѣ славянскихъ нарѣчій, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, Я. К. Грота. — О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ, его же.
- Томъ II.** Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго. — Литовскія народныя пѣсни, И. Юшкевича. — Коренное значеніе родства у Славянъ, П. А. Лавровскаго. — Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ, П. П. Пекарскаго. — Труды югославинской академіи наукъ и художествъ, И. И. Срезневскаго. — Литературные труды П. И. Кеппена, А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.
- Томъ III.** Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго.
- Томъ IV.** Феофанъ Прокоповичъ и его время, И. А. Чистовича. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.
- Томъ V.** вып. I. Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія. И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова съ письмами къ Городчанову и Анастасевичу. — Переписка Евгенія съ Державиннымъ, Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — О словаряхъ Евгенія, А. Ф. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями. — Цѣна 75 коп.
- Томъ V.** вып. II. Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ VI.** Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота. — Дополн. біограф. извѣстіе о Крыловѣ, его же. — О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи, А. В. Никитенко. — О языкѣ Крылова, И. И. Срезневскаго. — О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки, А. Ф. Бычкова. — Сатира Крылова и его Печка Духовъ, Я. К. Грота. — Слово въ день юбилея Крылова, преосв. Макарія. — Пирогъ; Лытай; Кофейница, драматич. сочин. Крылова. — Пиръ басня, его же. — Объясненіе Крылова. Письмо его къ

В. А. Олениной. Забѣтка о пѣкот, басняхъ Крылова, Я. К. Грота.—О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова, его же.—Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова, сост. В. Ѳ. Кеневичемъ.—Матеріалы для біографіи Крылова, доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семейскимъ.—Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова.—Цѣна 2 р.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки», записка И. И. Срезневскаго.—Записка о томъ же, А. Ѳ. Бычкова.—Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія, П. П. Пекарскаго.—Толковый словарь В. И. Даля, записка Я. К. Грота.—О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля, записка Л. И. Шренка.—О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля, замѣтка Ф. И. Рупрехта.—Дополненія и замѣтки съ словарю Даля, Я. К. Грота.—Дополненіе къ областному словарю, Н. Я. Данилевскаго.—Объясненіе темныхъ и непороченныхъ мѣстъ русской лѣтописи, Я. К. Эрбена.—Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки», статья К. И. Невоструева.—О греческомъ кондакарѣ XII—XIII вѣка, архим. Амфилохія.—Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи, В. Макушева.—Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова, сост. А. В. Никитенко.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ.—Матеріалы для біографіи литературы о Ломоносовѣ, С. И. Пономарева.—Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, И. Срезневскаго.—Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи.—П. Неаполь и Палермо, Ш. Неаполь, Бари и Анкона, В. Макушева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко.—Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Я. К. Грота.—Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, Д. А. Ровинскаго.—Когда основаны Уфа и Самара, П. П. Пекарскаго.—Новѣсть о судѣ Шемяки, М. И. Сухомлинова.—Библиографическія находки во Львовѣ, Я. Ѳ. Головацкаго.—Дополненія къ словарю Даля, П. В. Шейна.—Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ, Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова.—Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. К. Грота.—Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749—1774), М. Н. Лонгинова.—Дополненіе къ очерку славяно-русской бібліографіи В. М. Ундольскаго, сост. Я. Ф. Головацкимъ.—Дополненія и замѣтки Г. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля. Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго.—Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго.—Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ. И. И. Носовича.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвигъ Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 50 к.

- Томъ XV.** Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма, И. И. Срезневскаго. — Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II, А. С. Павлова. — Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XVI.** Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 75 к.
- Томъ XVII.** Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, И. Я. Порфирьева. — Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукъ, живописи и переводахъ (Матеріалы для бібліографіи), С. И. Пономарева. — Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія, М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.
- Томъ XVIII.** Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилей Упсальскаго университета, Я. К. Грота. — Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ, С. И. Пономарева. — Библиографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. — Происхожденіе Екатерины I, Я. К. Грота. — Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилей Александра I, М. И. Сухомлинова. — На память о Бодискомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи, И. И. Срезневскаго. — Отчетъ комиссіи о присужденіи преміи графа П. А. Куселева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки, Я. К. Грота. — Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка, Я. К. Грота. — Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго, С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIX.** Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова. — Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XX.** Некрологъ князя Виземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Я. К. Грота. — Слово о двѣнадцати снахъ Шахнши, по рукописямъ XV вѣка. Академика А. Н. Веселовскаго. — О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа, А. Н. Веселовскаго. — Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC, И. И. Срезневскій. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, Я. К. Грота. — Князь Виземскій, М. И. Сухомлинова. — Памяти кн. Виземскаго, С. И. Пономарева. — Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, Академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Виземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXI.** Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго, составленная ак. Я. К. Гротомъ. — Русско-нищенскій словарь Минской губерніи мѣстечка Семенова. — Старообрядческій синодикъ, А. Н. Пыпина. — Разысканія въ области духовныхъ стиховъ, А. Н. Веселовскаго. — Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ, И. А. Чистовича. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Ст. П. Я. К. Грота. — Фриульскіе Славяне, И. И. Срезневскаго. — Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю, И. И. Носовича. — Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г., составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова, И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXII.** Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V. — Южно-русскія былины, А. Н. Веселовскаго. — Croissans-crescens и

Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, А. Н. Веселовскаго. —
Ф. Кеанфинъ. Греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи. Г. С.
Дестуниса. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ
памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка
и словесности за 1880 г., съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, состав-
ленный А. Ф. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срез-
невскаго. — Цѣна 2 руб.

Томъ XXIII — XXVII. Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго.
Книга I. Сказки и забавныя листы. — Кн. II. Листы историческіе, кален-
дари и буквари. — Кн. III. Притчи и листы духовныя. — Кн. IV. Примѣ-
чанія и дополненія. — Кн. V. Заключение и алфавитный указатель именъ
и предметовъ. — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.

Томъ XXVIII. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненія Клавихо. Днев-
никъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандѣ. 1403—1416. Подлинный
текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакцію
И. И. Срезневскаго. — Разысканія въ области духовнаго стиха. III—V.
А. Н. Веселовскаго. — Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка,
открытое Е. В. Барсовымъ. Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. Эрикъ Лакеманъ. Я. К. Грота. — Отчетъ II Отдѣленія Импера-
торской Академіи Наукъ за 1881 годъ. А. Н. Веселовскаго. — Новыя
свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ. Я. К. Грота. —
Библиологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. П. М. Строева.
Изданъ подъ редакцію А. Ф. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ
указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I-й
Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ. Г. Вос-
кресенскаго. — Письма Погодина къ Максимовичу. С. И. Пономар-
ева. — Исторія Россійской Академіи. Вып. VI. М. И. Сухомлинова. —
Отчетъ о первомъ приужденіи премій Пушкина. Я. К. Грота, Н. Н.
Страхова и О. Ф. Миллера. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Ака-
деміи Наукъ за 1882 годъ. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXII. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Составленъ и въ день
его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ. — Пожаръ Зимняго дворца
17 декабря 1837 года. Записка В. А. Жуковскаго. — Списокъ сочиненій,
переводовъ и изданій академика Я. К. Грота. Составленъ С. И. Пономар-
евымъ. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI.
А. Н. Веселовскаго. — Письма В. С. Соניкова къ К. Ф. Калайдовичу.
Сообщилъ И. Шляпкинъ. — А. П. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ
Петербурга въ Москву». I—VIII. М. И. Сухомлинова. — Замѣтки по ли-
тературѣ и народной словесности. А. Н. Веселовскаго. I. — Матеріалы
для библиографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтню его литературной
дѣятельности (1783—1883). Собралъ С. И. Пономаревъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIII. Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи
Наукъ за 1883 годъ. Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Отчетъ
о приужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ че-
тырехъ критико-палеографическихъ статей. И. В. Ягича. (Съ тремя лито-
граф. таблицами). — Николай Ивановичъ Гибдичъ. Нѣсколько данныхъ для
его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня
его рожденія (1784—1884). Сообщилъ П. Тихановъ. — Екатерина II въ
переноскѣ съ Гриммомъ. Статья третья. Я. К. Грота. — Лекціи о русской
литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 году С. П. Шевыревымъ. Цѣна
2 руб. 50 коп.

Томъ XXXIV. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средне-вѣковаго періода. Д. Дестуниса. — Описаніе славяно-русскихъ книгъ, печатанныхъ кырилловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 гг. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXV. Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.

Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.

Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.

Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.

Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.

Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп.

Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.

Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб.

Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію). 1883: 3 руб.

Цѣна всѣмъ девяти томамъ роскошнаго изданія **Сочиненій Державина** 25 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ.

Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. —

Томъ III. 1870: 1 руб. — Томъ IV. 1874: 1 руб. — Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI.

1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. Т. I. 1880.

Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ. П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рыкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.

- Новыя извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.
- Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 р.
- Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 р. 50 к.
- Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ, Я. Грота. Спб. 1874: 20 к.
- Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873: 1 р. 50 к.
- Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870.
Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.
- Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1873: 25 к.
- Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I*). Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 2 руб. Вып. VII, цѣна 2 руб.
- Екатерина II и Густавъ III. Я. Грота. Спб. 1877: 50 коп.
- Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилей Упсальскаго университета. Я. Грота. Спб. 1877: 30 коп.
- Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова. Спб. 1877: 45 коп.
- Библиографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 к.
- Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Цѣна 60 к.
- XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка. Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. Спб. 1875. 1 руб. 50 к.
- Русская историческая библиографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. № 1—10,036. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Т. II. № 10,037—26,249. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. № 26,250—36,810. Спб. 1883. 2 р. 50 к. Томъ IV оканчивается печатаніемъ.
- Древніе памятники русскаго письма и языка. (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. Трудъ И. И. Срезневскаго. Второе изданіе. Спб. 1882. 2 рубля.
- Памятникъ глаголической письменности. Маринское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883 г. Цѣна 5 руб.
- Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ 50 лѣтнему юбилею его. Спб. 1883. 20 коп.
- Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Рѣчь Я. К. Грота. Цѣна 25 коп.
- Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.
- И. И. Гибдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.
- Екатерина II въ перенесѣ съ Гриммомъ. Я. Грота. Спб. 1884. Цѣна 2 р. 50 к.
- Сочиненія и переписка Плетнева. Три тома. 1885. Издавъ Я. Гротъ. Ц. 6 руб.
- Русское правописаніе. Руководство, по порученію 2-го Отдѣла. Ак. Наукъ составленное Я. Гротомъ. 1885. Цѣна 60 коп.
- Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц. 2 руб.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

*) Отдѣльно уже не имѣется; но заключается въ томъ XI Сборника Отдѣленія.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1885 года.

Непрѣмѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Извлеченія изъ протоколовъ Императорской Академіи Наукъ.	
Засѣданія Отдѣленія русскаго языка и словесности за январь — май 1884 года.....	I
Приложенія къ протоколамъ:	
1. Правила о преміяхъ профессора Котляревскаго.....	V
2. Программа изслѣдованія профессора А. И. Кирпичникова «О Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и искусствѣ».....	VIII
3. Отзывъ академика Ѳ. И. Булгаева о программѣ изслѣдованія профессора Кирпичникова «О Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и искусствѣ».....	XII
Засѣданія Отдѣленія русскаго языка и словесности за сентябрь — декабрь 1884 года.....	XIII
«Русское правописаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ..... № 1.	
Предисловіе.....	I
Ч. 1-я. Основныя черты русской фонетики и русская азбука.....	1— 19
Ч. 2-я. Правописаніе.....	20—112
Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 годъ. Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ..... № 2.	1— 24

Южно-русскія былинны. Академика А. Н. Веселовскаго. (III—XI)..... № 3.	1—411
III. Былины о Саулѣ Леваидовичѣ и греческая пѣсня объ Армури.....	1— 35
IV. Былины объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ и старофранцузскій романъ объ Прак- лип.....	37— 68
V. Богатыри-Сурожцы. Суровець-Сузда- лецъ и Чурила Пленковичъ.....	69—124
VI. Дюкъ Степановичъ и западныя па- раллели къ пѣснямъ о немъ.....	125—254
VII. Какъ перевелись на Руси богатыри.	255—286
VIII. Царь Константинъ въ русскіхъ и южно-славянскіхъ пѣсняхъ.....	287— 305
IX. Бой Ильи Муромца съ сыномъ....	307—339
X. Алексѣй Поповичъ и Тугаринъ. — Пля Муромецъ и Идолице.....	341—380
XI. Алеша «бабій пересмѣшникъ» и сю- жетъ Цимбеллы.....	381—401
Поправки и дополненія.....	403—411
Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 году, съ приложеніемъ рецензій профессора П. В. Помялов- скаго	№ 4. 1— 62
Указатель къ XXXVI тому Сборника.	

ЗАСѢДАНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Январь — май 1884 г.

Чтаны утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, на основаніи Высочайшаго соизволенія послѣдовавшаго 15 ноября минувшаго года, правила о преміи профессора Котляревскаго. Положено, напечатать означенныя правила въ приложеніи къ протоколу, опубликовать оныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ пунктомъ 17-мъ этихъ правилъ, приступлено къ составленію проекта рисунка медали, предназначенной для раздачи постороннимъ рецензентамъ представляемыхъ на премію сочиненій.

Академикъ Гротъ доложилъ, что по поводу предстоящей 2-го будущаго февраля столѣтней годовщины дня рожденія Гнѣдича желательно было бы тѣмъ или другимъ способомъ почтить память этого писателя и что приличнымъ къ тому средствомъ представляется возможность напечатать нѣкоторыя неизданныя до сихъ поръ бумаги Гнѣдича, находящіяся въ рукахъ Павла Никитича Тиханова. Положено уполномочить Я. К. Грота войти о томъ въ сношеніе съ г. Тихановымъ.

Читано письмо штатнаго смотрителя уѣзднаго училища въ Лидѣ Романова о ходѣ его занятій по бѣлорусскому словарю и составленію бѣлорусскаго сборника памятниковъ народнаго творчества. Положено отвѣчать г. Романову, что работы его по словарю, по оковчаніи ихъ, могутъ быть доставлены въ Отдѣленіе; что же касается сборника, то необходимо дождаться напечатанія такого же труда, составленнаго г. Шейномъ, такъ какъ иначе невозможно опредѣлить, что изъ собранныхъ г. Романовымъ матеріаловъ заслуживаетъ изданія.

Читанъ доставленный академикомъ Буслаевымъ отзывъ о переданной ему на разсмотрѣніе программѣ предпринятаго профессоромъ А. И. Кирпичниковымъ изслѣдованія «о Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и въ искусствѣ». Определено, сообщивъ автору программы отвѣтъ Ѳ. И. Буслаева, напечатать въ приложенияхъ къ протоколу какъ этотъ отзывъ, такъ и самую программу.

Согласно съ предположеніемъ академика Ягича постановлено: по примѣру издававшихся Отдѣленіемъ въ прежнее время «Матеріаловъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики» возобновить изданіе, посвященное исключительно изслѣдованіямъ по русскому языку, древнему и новому, въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, въ видѣ разбора языка отдѣльныхъ памятниковъ или говора отдѣльныхъ мѣстностей, объясненія словъ съ указаніемъ ихъ источниковъ, фізіологическихъ особенностей произношенія и т. д. Въ прочитанной И. В. Ягичемъ по этому предположенію запискѣ было между прочимъ сказано: «Освѣщеніе русскаго языка въ его многовѣковой жизни — это одна изъ самыхъ главныхъ задачъ Отдѣленія русскаго языка и словесности. Оно никогда не забывало этой своей задачи, какъ свидѣтельствуешь содержаніе изданныхъ имъ Извѣстій, Ученыхъ Записокъ, Матеріаловъ и до сихъ поръ продолжающагося Сборника. Но опытъ доказываетъ, что научная дѣятельность, особенно въ наше время, значительно усиливается, при существованіи специальныхъ органовъ или изданій, посвящаемыхъ сосредоточенію однородныхъ изслѣдованій. Предполагаемое изданіе могло бы быть озаглавлено: «Изслѣдованія по русскому языку». По выслушаніи записки И. В. Ягича Отдѣленіе вполне одобрило его программу и положило предоставить ему заняться постепеннымъ приготовленіемъ матеріаловъ для перваго выпуска.

Предсѣдательствующій доложилъ, что по поводу 80-тилѣтней годовщины Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ отправлена имъ, по определенію Отдѣленія, слѣдующая телеграмма на имя секретаря Общества Е. В. Барсова: «Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ сочувственно привѣтствуетъ Общество Исторіи и Древностей. Да продолжаетъ Общество свою достохвальную дѣятельность, въ гордомъ сознаніи заслугъ, оказанныхъ имъ русской исторической наукѣ». Въ отвѣтъ на это привѣтствіе получено слѣдующее письмо за подписью предсѣдателя и секретаря Общества: «Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ симъ приносить Второму Отдѣленію Императорской Ака-

деміи Наукъ свою глубочайшую благодарность за горячее сочувствіе, выраженное ему въ день 80-тилѣтней его годовщины. Относя этотъ знакъ вниманія къ достославнымъ дѣятелямъ своего прошлаго, Общество дорожитъ имъ, какъ современнымъ свидѣтельствомъ о своемъ историческомъ значеніи въ русской наукѣ, свидѣтельствомъ тѣмъ болѣе цѣннымъ для его настоящихъ и будущихъ дѣятелей, что оно исходитъ отъ высшаго ученаго учрежденія въ Россіи, имѣющаго съ нимъ въ своей дѣятельности ту же внутреннюю связь, какая дается понятіями: *языкъ и народъ*. Выражая свою благодарность за такое вниманіе, Общество проситъ 2-ое Отдѣленіе Академіи не оставлять его и на будущее время своею нравственною и ученою поддержкою въ его дальнѣйшемъ служеніи исторической наукѣ.

Читано прошеніе младшаго помощника бібліотекаря I-го Отдѣленія Библіотеки Академіи Наукъ Гонсіоровскаго съ предложеніемъ предпринять въ теченіе лѣта на счетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности поѣздку въ сѣверо-восточную часть Пруссіи для наблюденій надъ языкомъ живущихъ тамъ по деревнямъ мазуровъ и доставленія о немъ свѣдѣній вмѣстѣ съ памятниками народнаго творчества, какіе удастся собрать, а также картою селеній, гдѣ живетъ это племя. Отдѣленіе, находя, что осуществленіе изложенной въ прошеніи программы обѣщаетъ пользу для изученія малоизвѣстнаго славянскаго нарѣчія, опредѣлило испросить разрѣшеніе г. Президента на командированіе г. Гонсіоровскаго съ означенною цѣлью.

Читано письмо протоіеря Зимняго Дворца Арсенія Тимофеевича Судакова о желаніи его принести въ даръ Академіи Наукъ сдѣланный имъ переводъ «Исторіи Шведскаго народа» Гейера и начала «Разказовъ изъ Шведской исторіи» Фрюкселя, содержащейся въ четырехъ рукописныхъ тетрадяхъ листового формата. Положено довести объ этомъ дарѣ до свѣдѣнія Общаго Собранія, которымъ и опредѣлено выразить о. Судакову искреннюю благодарность Академіи, самую же рукопись передать на храненіе въ I-е Отдѣленіе академической Библіотеки.

Академикъ Гротъ представилъ составленную С. И. Пономаревымъ статью о двухъ послѣднихъ произведеніяхъ Жуковскаго: «Вѣчный Жидъ» и «Апокалипсисъ», оставшихся послѣ смерти поэта въ неисправленной окончательно рукописи и потому напечатанныхъ съ разными невѣрностями въ посмертныхъ изданіяхъ Жуковскаго, при чемъ Я. К. Гротъ объяснилъ, что г. Понома-

IV ВЪЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССК. ЯЗ. И СЛОВЕСНОСТИ.

реву въ концѣ прошлаго года сообщена была означенная рукопись, найденная въ бумагахъ Плетнева, и что онъ, тщательно сличивъ съ нею печатные тексты, составилъ на этомъ основаніи вновь написанную имъ съ нужными примѣчаніями и объясненіями редакцію, которую и представляетъ при статьѣ своей. Определено напечатать этотъ трудъ въ Сборникѣ, выразивъ г. Пономареву искреннюю признательность Отдѣленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

1.

ПРАВИЛА

О ПРЕМІЯХЪ ПРОФЕССОРА КОТЛЯРЕВСКАГО.

Вслѣдствіе желанія, заявленнаго Отдѣленію русскаго языка и словесности вдовою покойнаго профессора Котляревскаго и на пожертвованныя ею средства, учреждены при Императорской Академіи Наукъ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго на всеподданнѣйшій докладъ Министра Народнаго Просвѣщенія, преміи имени Котляревскаго на слѣдующихъ основаніяхъ, утвержденныхъ г. Министромъ 15 Ноября 1883 года:

1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 17 марта 1883 года, при Императорской Академіи Наукъ учреждаются преміи имени Котляревскаго, покойнаго профессора университета Св. Владимира, за сочиненія опредѣленнаго ниже въ пунктѣ 7-мъ содержанія.

2. На преміи сіи назначаются проценты съ капитала въ *восемь тысячъ* рублей, пожертвованнаго вдовою Котляревскаго и заключающагося въ облигаціяхъ Восточнаго займа.

3. Этотъ капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ и возрастаетъ могущею впредь быть причисленною къ нему частію процентовъ въ нижеупомянутыхъ случаяхъ.

4. Премія Котляревскаго состоитъ на первое время изъ *тысячи* рублей и присуждается чрезъ каждые три года изъ суммы процентовъ послѣднихъ трехъ лѣтъ.

5. За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, присуждается полная премія въ помянутомъ размѣрѣ; если такого сочиненія не окажется, то за сочиненія, въ значительной степени отличающіяся учеными достоинствами, могутъ быть присуждаемы половинныя преміи, въ *пятьсотъ* рублей каждая.

6. Преміи, оставшіяся не присужденными или по какимъ-либо обстоятельствамъ не выданными, присоединяются къ основному капиталу. По мѣрѣ накопленія процентовъ, Академія предоставляется право: 1, сверхъ одной полной преміи въ 1000 руб., присуждать по усмотрѣнію еще и половинную, и 2, въ видѣ за-дачъ на премію, объявлять темы трудовъ, подходящихъ подъ одинъ изъ разрядовъ сочиненій, исчисленныхъ вслѣдъ за симъ въ пунктѣ 7-мъ.

7. Премія Котляревскаго назначается за напечатанныя ученія изслѣдованія по славянской филологіи и археологіи, именно:

а) За изслѣдованія по славянскимъ древностямъ, рассматривающія бытъ Славянъ въ географическомъ или культурномъ отношеніи въ самую раннюю эпоху ихъ исторической жизни; подобнаго рода изслѣдованіе можетъ ограничиваться однимъ какимъ-либо славянскимъ племенемъ, но и въ такомъ случаѣ оно должно обнимать географическое распространеніе, характеръ поселенія и внутренней бытъ племени.

б) За изслѣдованія по исторіи славянскихъ литературъ или устной словесности: изслѣдованія по исторіи литературъ могутъ касаться цѣлой эпохи или же представлять обстоятельное критическое разсмотрѣніе отдѣльнаго писателя, занимающаго видное мѣсто въ литературѣ своего народа. Изслѣдованія по исторіи русской словесности могутъ участвовать въ соисканія преміи только въ такомъ случаѣ, если дѣло идетъ объ отношеніи русской къ какой-либо другой славянской литературѣ.

в) За изслѣдованія по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ или лексическомъ отношеніи, имѣющія предметомъ либо историческую ихъ судьбу, либо особенности живыхъ народныхъ говоровъ; въ послѣднемъ случаѣ, къ изслѣдованію должны быть

приложены образцы того говора, къ которому оно относится. Изъ этого разряда трудовъ не исключаются словари и грамматики, имѣющіе вполне научный характеръ.

8. При равномъ достоинствѣ, сочиненія первой (подъ а) изъ исчисленныхъ въ предыдущемъ пунктѣ категорій предпочитаются сочиненіямъ второй (подъ б), а эти сочиненіямъ третьей (подъ в) категоріи.

9. Соискателями премій Котляревскаго могутъ быть какъ русскіе, такъ и иностранные подданные, но за сочиненіе, напечатанное на одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, въ Россіи употребительныхъ, премія выдается только по напечатаніи оного въ русскомъ переводѣ.

10. Премія получается только самимъ авторомъ сочиненія или законными его наслѣдниками, но никакъ не издателемъ чужого труда.

11. Къ соисканію премій Котляревскаго допускаются только сочиненія, появившіяся въ предшествовавшее конкурсу трехлѣтіе; на первый же конкурсъ принимаются труды, напечатанные въ послѣднія шесть лѣтъ передъ этимъ конкурсомъ.

12. Назначаемыя на конкурсъ сочиненія доставляются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ не позже какъ въ теченіе декабря мѣсяца передъ конкурснымъ годомъ. За три мѣсяца до срока Отдѣленіе объявляетъ въ газетахъ о предстоящемъ соисканіи.

13. Конкурсъ на преміи Котляревскаго будетъ происходить въ 1886, 1889, 1892 годахъ и т. д.

14. Премію присуждаетъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, которому предоставляется право къ разсмотрѣнію представленныхъ на соисканіе сочиненій приглашать постороннихъ ученыхъ.

15. Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ въ соисканіи преміи участвовать не могутъ.

16. Отчетъ о присужденіи премій Котляревскаго читается

однимъ изъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности въ публичномъ засѣданіи 19-го октября конкурснаго года.

17. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи, могутъ быть выдаваемы медали, на изготовленіе которыхъ госпожею Котляревскою пожертвована особая сумма въ *тысячу пять сотъ* рублей.

18. Если бы съ теченіемъ времени, по указанію опыта, представлялась надобность въ измѣненіи того или другого изъ выше изложенныхъ правилъ, то Императорская Академія Наукъ, по предложенію Отдѣленія русскаго языка и словесности, испрашиваетъ на то разрѣшеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, при чемъ однакоже самое назначеніе премій не можетъ быть измѣнено.

2.

Программа изслѣдованія профессора А. И. Кирпичникова «о Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и въ искусствѣ».

Моя работа должна преслѣдовать 3 цѣли: 1) изложить исторію выработки и видоизмѣненій поэтически-художественнаго образа и легенды о Богоматери на западѣ и на востокѣ, иначе сказать: представить опытъ исторіи идеаловъ христіанской Европы, насколько они выражаются въ поэтическихъ и художественныхъ изображеніяхъ Богоматери; при этомъ спеціальною моею цѣлію будетъ выяснитъ съ этого частнаго пункта отношеніе русской поэзіи и искусства къ византійскому съ одной стороны, къ западно-европейскому съ другой, и отчасти западно-европейскаго къ византійскому.

2) Попытаться уяснитъ нѣкоторые вопросы христіанской археологіи и словесности (какъ русской, такъ и западно-европейской) или рѣшаемые различно, или вовсе не поставленные, имѣющіе связь съ культомъ Богоматери. Здѣсь, между прочимъ, мнѣ представляются важными слѣдующія спеціальныя задачи: а) выяснитъ изъ церковнаго культа (иконописи, гимновъ, словъ и сказаній) многія черты народнаго культа Богоматери, въ которыхъ мифологи хотѣли видѣть отзвукъ поклоненія праславянскому или даже праиндоевропей-

скому женскому божеству; б) показать непосредственное или посредственное (через иконопись) вліяніе апокрифическихъ сказаній о Дѣвѣ Маріи на національную эпическую поэзію Россіи и западной Европы.

3) Выяснить, насколько это будетъ возможно на данномъ частномъ случаѣ, общій теоретическій вопросъ о взаимодѣйствіи поэзіи и искусства.

Послѣ полуторагодовыхъ работъ мнѣ удалось достигъ нѣкоторыхъ результатовъ, которые я могу обставить убѣдительными (на мой по крайней мѣрѣ взглядъ) доказательствами.

Раннія катакомбныя Богоматери безъ Христа—сомнительны; съ младенцемъ Христомъ она является въ сценахъ Рождества Христова и поклоненія маговъ. Обѣ эти сцены изображаются въ строго-опредѣленныхъ символическихъ формахъ, которыя только модифицируются и осложняются, но не измѣняются существенно на западѣ до XVI, у насъ до XVIII и даже до XIX столѣтія; форма первой сцены стоитъ въ несомнѣнной связи съ апокрифомъ, и главная апокрифическая черта, несмотря на всѣ протесты церкви, не только не уничтожается со временемъ, но напротивъ притягиваетъ къ себѣ много иныхъ чертъ тогоже происхожденія. Типъ Богоматери съ младенцемъ вырабатывается въ V вѣкѣ и распространяется особенно на востокъ съ необыкновенной быстротой, подъ вліяніемъ событій церковной жизни. Благовѣщеніе (первый по времени спеціально богородичный праздникъ) изображается по апокрифу съ V вѣка, и въ VI в. (напр. въ Газѣ) въ такомъ видѣ, какой у насъ сохраняется безъ измѣненій до XVIII в. Но то же Благовѣщеніе съ VIII в. встрѣчается безъ апокрифическихъ чертъ и въ той формѣ, которая на западѣ становится господствующею съ XIV столѣтія.

Несмотря на такое непомѣрное распространеніе иконъ Богоматери (въ VII в. на востокъ ткаными иконами покрываютъ все платье), несмотря на то, что легенда о ея успеніи и вознесеніи пользуется популярностью въ Византіи уже въ IX вѣкѣ (миѣніе, что изображеній вознесенія Богоматери нѣтъ на западѣ до возрожденія положительно невѣрно), до XIII в. на западѣ, а у насъ приблизительно до XVI — въ изображеніяхъ вознесенія Христова и сошествія св. Духа, равно какъ и въ церковной поэзіи, болѣе реальная фигура Богоматери борется съ идеальной фигурой церкви—такъ долговѣченъ оказывается древнехристіанскій, связанный съ философіей переходной эпохи символизмъ; — въ вознесеніи Христа изъ-за фигуры *orantis* шагъ за шагомъ выдвигается Дѣва Марія.

Западъ до крестовыхъ походовъ живетъ византійскими идеями и формами, но владѣетъ только небольшою частью ихъ; легенда объ Иоакимѣ и Аннѣ становится общимъ достояніемъ (черезъ искусство) только со времени крестовыхъ походовъ; тогда же распространяется и сказаніе объ иконѣ св. Луки. Съ 1/2 XII в. западное искусство, какъ и поэзія, быстро идетъ впередъ, быстро обгоняетъ византійскую гѣритику (которая когда-то была реализмомъ сравнительно съ символическою первыхъ вѣковъ), и уже къ XIII в. доходить мѣстами и въ болѣе смѣлыхъ представителяхъ до рафаэлевскаго Младенца, играющаго съ Матерью. (Одно изъ лучшихъ свидѣтельствъ о *всеподавляющемъ* культѣ Богоматери въ XIII в. — VII книга *Dialogi Miraculorum*).

Въ XVII в. гусситскія войны даютъ новый толчекъ культу Богоматери; тогда же реализмъ и свобода развиваются до крайнихъ предѣловъ (Христосъ сосетъ, ищетъ груди; онъ въ современномъ костюмѣ, держитъ на веревкѣ собачку и пр.); тогда становится возможнымъ и быстро распространяется «св. семейство» (культъ Іосифа, начавшійся съ этого столѣтія, дѣлается особенно популярнымъ въ Испаніи въ XVII в.). Но въ томъ же XV столѣтіи встрѣчаются примѣры крайняго идеализма и символизма.

Этому соотвѣтствуютъ два потока въ литературѣ вообще и въ теологіи въ частности — реализмъ и мистика. Въ XVI в., какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ они до извѣстной степени объединяются, при чемъ въ странахъ германскихъ беретъ перевѣсъ умѣренный реализмъ, въ странахъ романскихъ — умѣренный мистицизмъ, смѣняемый временами по реакціи крайней чувственностью.

Борьба съ реформой усиливаетъ культъ Богородицы, что выражается между прочимъ въ постановкѣ догмата о безсѣмянномъ зачатіи Дѣвы Маріи Анною; развитію его предшествуетъ, какъ переходная ступень, недоработанный догматъ о зачатіи *ex osculo*, вызванный на свѣтъ изображеніемъ.

Всѣ главные моменты развитія культа Богородицы на западѣ отражаются и у насъ, прямо или косвенно, въ письменности или въ искусствѣ, положительно или отрицательно (напр. *immaculata conceptio* вызываетъ частые наивные протесты), часто 2—3 вѣками позднѣе. Есть случаи, гдѣ русскій матеріалъ не только дополняетъ, но и освѣщаетъ западный.

Особенность русской миниатюры и иконописи — необыкновенная устойчивость преданія, поколебленная только отчасти въ XVI —

XVII вв. Архаическія черты шагъ за шагомъ уступаютъ новымъ идеямъ и, повидимому исчезнувъ на время, снова возрождаются.

Въ русской письменности есть и пользуется сильной популярностью редакція житія Богородицы, болѣе древняя, по своему первоисточнику, чѣмъ Protoevangelium Jacobi и Ev. Pseudomaththaei, древнѣйшіе изъ апокрифовъ. Ev. Pseudom. у насъ не въ ходу; наши «Слова» слѣдуютъ тому же тексту Protoev., который находится въ Макарьевскихъ Минеяхъ.

И въ XVIII в. западное вліяніе въ иконописи идетъ на сѣверъ черезъ югъ.

Успеніе и вѣнчаніе Богородицы. Праздникъ Успенія очень популяренъ съ VI в.; 1-й дошедшій до насъ художественный памятникъ Ascensionis Mariae на западѣ — IX вѣка. Западъ Европы слѣдуетъ главнымъ образомъ псевдомелитонову тексту, а востокъ — псевдоіоаннову. Ап. Ѳома является сравнительно поздно. Въ XII или XIII в. латинское преданіе подновляется греческимъ (βραβεῖον въ Золотой Легендѣ). Въ XIII в. — важный вопросъ — о вознесеніи *тѣла* Богоматери — рѣшается на западѣ положительно, но и позднѣе встрѣчаются изображенія, гдѣ на небо возносится *душа*. Полная редакція — съ ап. Ѳомою у насъ встрѣчается съ XVI в., но вознесеніе въ иконописи плохо прививается. Вѣнчаніе Богоматери (сперва однимъ Христомъ, сидящимъ съ нею рядомъ) встрѣчается на западѣ съ XII вѣка. У насъ вѣнчаніе является очень поздно и только подъ западнымъ вліяніемъ. Облако, принесшее апостоловъ, заимствовано изъ сказанія объ успеніи многими житіями.

Вліяніе на народную поэзію. Огненная Марія — изъ символа и наивнаго изображенія Неопалимой Купины. Красный шелкъ, которымъ Богоматерь вышиваетъ въ заговорахъ — изъ иконописи; отсюда же и колодезь, изъ котораго Богоматерь тянетъ воду радугой. Обряды благовѣщенскіе объясняются отчасти художественно-литературнымъ преданіемъ, отчасти временемъ праздника. Разцвѣтшій жезлъ Іосифа вызываетъ сходные эпизоды въ сказкахъ. Рассказъ о скоропоспѣвшей жатвѣ при бѣгствѣ въ Египетъ (въ русской письменности я еще не нашелъ его) переносится на другихъ бѣглецовъ народныхъ сказаній.

Добавки къ Евангелію въ такъ называемыхъ младшихъ духовныхъ стихахъ — всѣ изъ апокрифовъ, большею частію черезъ посредство иконописи.

Извѣстный эпизодъ Калевалы — не безъ вліянія апокрифовъ.

Пункты мнѣ неясные: Когда и откуда появляется сказаніе о

соропоспѣвшей жатвѣ? Вызывающія споры позы Богоматери и Иосифа въ изображеніяхъ Р. Х. есть ли проявленіе реализма или какого-нибудь миѣ неизвѣстнаго литературнаго преданія? Въ вѣнчаніи Богоматери не есть ли она первоначально *ecclesia triumphans*? Отношеніе Софій Премудрости къ Богоматери и церкви? Что означаютъ птица и дѣвочка, встрѣчающіяся въ изображеніяхъ Благовѣщенія? (Птица изъ обряда выпускающія птицъ?). Мусульманскій рассказъ о Р. Х. слѣдуетъ ли объяснить изъ непонятаго изображенія бѣгства въ Египеть? и т. д.

3.

Отзывъ ординарнаго академика Буслаева о программѣ изслѣдованія профессора А. И. Кириичникова «О Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и искусствѣ».

Въ виду успѣшнаго разработыванія на западѣ иконографическихъ матеріаловъ въ связи съ исторіею церкви и литературы, задачи, предложенныя профессоромъ Кириичниковымъ для рѣшенія въ его монографіи «О Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и искусствѣ», оказываются вполне настоятельными, потому что, будучи предложены на разсмотрѣніе ученымъ, именно русскимъ, онѣ могутъ повести къ открытію новыхъ и существенныхъ данныхъ, недоступныхъ западнымъ ученымъ, изъ византійско-русской старины, въ такой сохранности удержавшихся въ нашихъ иконописныхъ преданіяхъ даже до XVIII вѣка. Г. профессоръ постоянно имѣетъ въ виду это выгодное положеніе русскаго ученаго въ изслѣдованіяхъ христіанской иконографіи, и между прочимъ ставитъ такой тезисъ: «Западъ до Крестовыхъ походовъ живетъ идеями и формами византійскими, но владѣетъ только не большою частію ихъ».

Я думаю, что по мѣрѣ изслѣдованія матеріаловъ такъ называемаго романскаго стиля, г. Кириичниковъ будетъ открывать подъ искаженными формами этого стиля болѣе и болѣе слѣдовъ древнехристіанской и византійской гіеритики. Эти гіеритическіе останки задерживаютъ еще и подъ обновленными, болѣе натуралистическими формами стиля готическаго, и оттуда переходятъ въ ксилографическія Инкунабулы XV вѣка и даже частію и въ иллюстрированныя книги XVI вѣка. Такимъ образомъ на протяженіи многихъ вѣковъ западной исторіи русскій ученый можетъ открывать очевидныя точки со рикосновенія западной иконографіи съ восточною, не по вліянію только первой на послѣднюю, но и го-

раздо болѣе того въ силу общаго иконографическаго преданія византійскаго, которое на востокѣ сохранилось въ болѣе безпримѣнной чистотѣ, а на западѣ постепенно ослаблялось новыми теченіями историческаго развитія.

За утратою множества византійскихъ оригиналовъ, наши русскія копии, хотя и позднѣйшаго времени, отъ XIV в. и до XVIII-го, иногда довольно грубо исполненныя, должны будутъ служить ничѣмъ не замѣнимымъ пособіемъ при открытіи византійскихъ основъ въ иконографіи западной, и именно въ памятникахъ эпохи гораздо древнѣйшей. Такой анахронизмъ въ пріемахъ изслѣдованія вполне объясняется и оправдывается безпримѣрнымъ консерватизмомъ нашей національной старины. Мысль эту г. Кирпичниковъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Особенность русской миниатюры и иконописи—необыкновенная устойчивость преданія, поколебленная только отчасти въ XVI — XVII в.» И въ другомъ мѣстѣ: «Есть случаи, гдѣ русскій матеріалъ не только дополняетъ, но и освящаетъ западный».

Изъ сказаннаго надобно заключить, что работа г. Кирпичникова можетъ внести существенный вкладъ въ западныя изслѣдованія по тому же предмету, каковы напр. Jameson, *Legends of the Madonna*, 3-е изд. London 1864. — Laforge, *la Vierge, type de l'art chrétien, histoire, monuments, legendes*, Lion. 1864. — Lehner, *die Marienverehrung in den ersten Jahrhunderten*, Stuttgart 1881 и друг.

Сентябрь — декабрь 1884 г.

Академикъ А. Н. Веселовскій доложилъ, что онъ, имѣя надобность въ одной познанской рукописи XVI вѣка, содержащей на 223 страницахъ древнѣйшій текстъ трехъ русскихъ повѣстей, распорядился, съ согласія Отдѣленія, о перепискѣ ея въ теченіе наступающаго лѣта.

Читано письмо штатнаго смотрителя Лидскаго училища (Виленской губерніи) Романова, который, препровождая первый выпускъ составляемаго имъ Бѣлорускаго Сборника, просить Отдѣленіе дать ему мѣсто въ своемъ изданіи. Академикъ Бычковъ, принявъ на себя трудъ разсмотрѣнія этого сборника, сообщилъ о немъ слѣдующій отзывъ: «1-й выпускъ перваго тома Бѣлорускаго Сборника,

составленнаго г. Романовымъ и обнимающаго губернію Могилевскую, содержитъ въ себѣ 338 пѣсенъ голосовыхъ протяжныхъ, раздѣленныхъ на семейныя (108), чумацкія (13), разбойничьи арестантскія (8), рекрутскія военныя (57) и любовныя (152). При каждой пѣсенѣ указана мѣстность, гдѣ она записана, а при нѣкоторыхъ приведены варианты и указаны печатные сборники бѣлорусскихъ пѣсенъ.

«Сборникъ г. Романова заключаетъ въ себѣ нѣсколько совершенно новыхъ пѣсенъ, какъ напр. 22, 99, 107 изъ семейныхъ, 21 изъ любовныхъ и друг., и представляетъ любопытные факты народнаго творчества XVIII и XIX в. (напр. семейная 25; рекрутскія, арестантскія). Жаль, что г. Романовъ не сличалъ, какъ кажется, пѣсенъ своего сборника съ сборниками великорусскихъ пѣсенъ любовная 4).

«Обнародованіе этого сборника было бы весьма желательно; но такъ какъ въ настоящее время уже печатается при Академіи Бѣлорусскій Сборникъ г. Шейна, то Отдѣленіе, затрудняясь принять предложеніе г. Романова, опредѣлило ходатайствовать предъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа объ оказаніи г. Романову содѣйствія и пособія для напечатанія этого труда».

Читано переданное изъ Историко-Филологическаго Отдѣленія письмо архимандрита Никодима Милаша изъ Зары о томъ, что у него находится древне-славянская рукопись, принадлежавшая въ 1556 году церкви Покрова Богоматери во Львовѣ, подъ заглавіемъ: «Поученія избрания ѿ стаго Евліа и ѿ многихъ бжтвѣныхъ писаній глѣма ѿ архіерея изоустъ в всякоуж нлю на поученіе хрѣтоименитымъ людемъ или прочитаема такожде и на гьскыя празники. Преложена же с' греческаго языка на роускыя книги в' лѣто дѣи (6915)». Архимандритъ проситъ увѣдомить его, извѣстны ли подобныя сочиненія и гдѣ находится оригиналъ означенной рукописи, если вообще оны существуютъ. Академикъ А. Ѳ. Бычковъ, изъявивъ готовность предварительно навести по этому запросу справку, представилъ слѣдующее свѣдѣніе: «Помянутая рукопись принадлежитъ къ числу весьма обыкновенныхъ, и въ каждой нашей большой библіотекѣ встрѣчается по нѣскольکو экземпляровъ. Собраніе этихъ поученій и сочиненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ приписывается Константинопольскому патриарху Филовею, какъ свидѣлствуютъ греческія рукописи и между прочимъ находящаяся въ Туринской Библіотекѣ (Codices manuscripti bibliothecae Regiae Taurinensis. Codex CLXIV). Въ этой рукописи много поученій различныхъ отъ

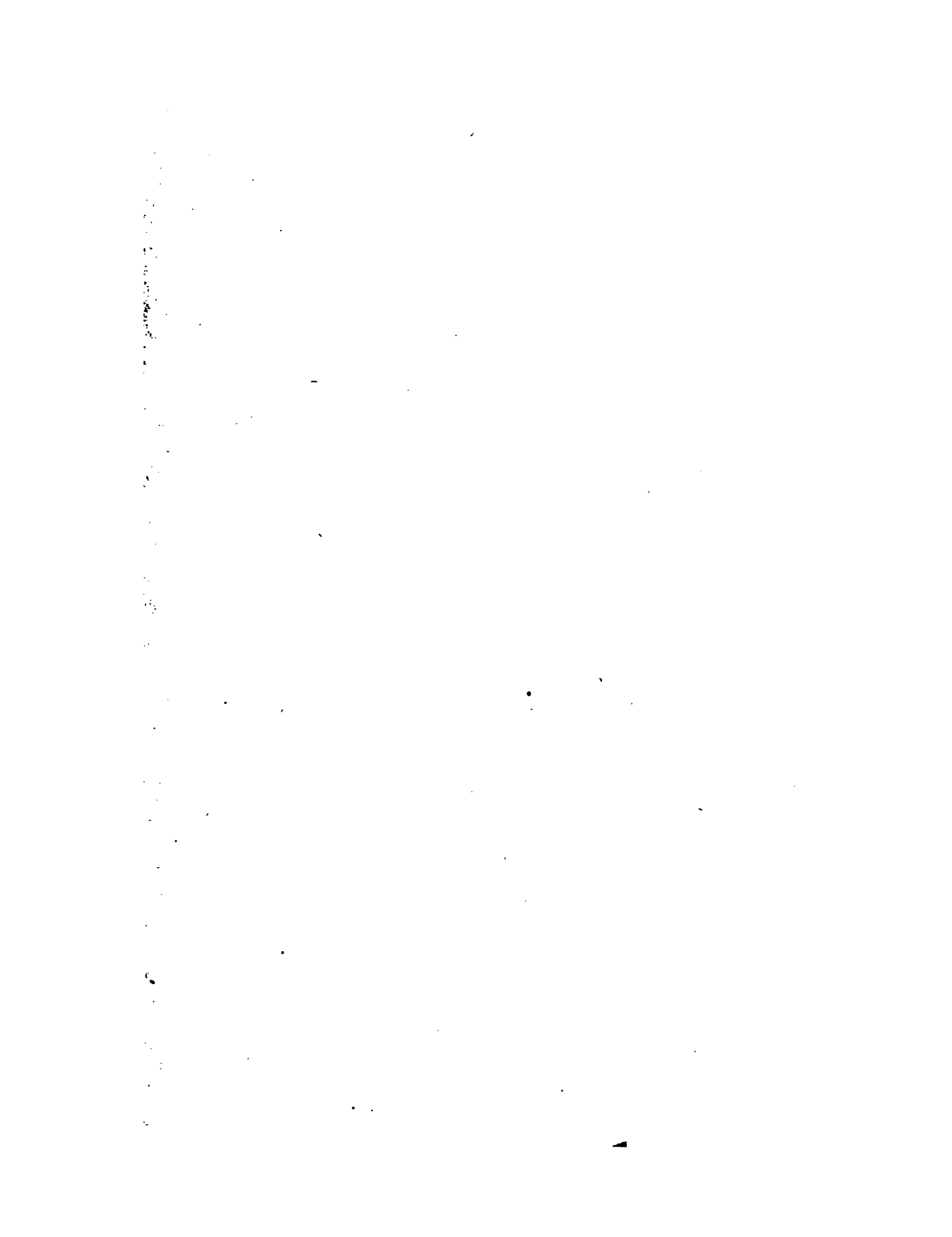
повъ церкви и преимущественно Іоанна Златоустаго. Славянскій переводъ этихъ поученій былъ неоднократно напечатанъ: въ Заблудовѣ въ 1569 г., въ Вильнѣ въ 1595 г., въ Криосѣ въ 1606 г. (въ этомъ изданіи собраніе словъ приписывается Константинопольскому патріарху Каллисту), въ Москвѣ въ 1629, 1637, 1652, 1686, 1707, 1724 и друг. годахъ». Положено сообщить это свѣдѣніе архимандриту Никодиму.

М. И. Сухомлиновъ, доложивъ, что согласно съ предположеніемъ Отдѣленія о постепенномъ составленіи словарей нашихъ писателей, студентъ С. - Петербургскаго университета по Историко-Филологическому факультету Смирновъ занимается изготовленіемъ словаря, извлеченнаго изъ сочиненій Ломоносова, — представилъ образцы этого труда, въ которомъ слова расположены по извѣстнымъ группамъ. Отдѣленіе, вполне одобрявъ основную мысль этого предпріятія, признало, что при составленіи подобныхъ словарей всего удобнѣе и полезнѣе, въ видахъ употребленія ихъ какъ матеріала для общаго русскаго словаря, располагать всѣ выписываемыя изъ автора слова въ алфавитномъ порядкѣ безъ раздѣленія ихъ на группы, которыя могутъ быть извлечены въ послѣдствіи изъ составленнаго уже словаря писателя, какъ выводъ при окончательномъ разсмотрѣніи особенностей его языка, о чемъ и положено сообщить г. Смирнову.

Академикъ А. Н. Веселовскій доложилъ о приготавливаемомъ имъ къ печати новомъ трудѣ его подъ заглавіемъ: «Матеріалы и изслѣдованія по исторіи романа и повѣсти». — Принято къ свѣдѣнію.

Сверхъ того въ засѣданіяхъ истекшаго года академикъ Я. К. Гротъ читалъ составлявшееся имъ, по порученію Отдѣленія, руководство къ правописанію, при чемъ каждый вопросъ былъ тщательно обсуждаемъ въ собраніи, и затѣмъ корректурные листы посылались всѣмъ наличнымъ членамъ Отдѣленія, а также и Т. И. Фялппову, который изъявилъ желаніе участвовать въ чтеніи корректуръ этого труда и сообщалъ составителю свои замѣчанія.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XXXVI, № 1.

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ.

РУКОВОДСТВО,

СОСТАВЛЕННОЕ ПО ПОРУЧЕНІЮ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

АКАДЕМИКОМЪ Я. К. ГРОТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 ЛИН., Д. № 12.)

1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С. Петербургъ, декабрь 1884 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Настоящее краткое руководство имѣетъ цѣлю удовлетворить сознаваемую всѣми потребность привести русское правописаніе къ желательному единообразію.

Въ основаніе труда положено было изданное мною изслѣдованіе: „Спорные вопросы русскаго правописанія“; но при этомъ каждый вопросъ подвергался тщательному пересмотру въ собраніи всѣхъ наличныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, и рѣшаемъ былъ съ общаго согласія.

Во многихъ случаяхъ наше правописаніе установилось давно уже, хотя и не всегда правильно; измѣнять его въ подобныхъ случаяхъ не представлялось удобнымъ, потому что такого рода измѣненія могли бы только поколебать существующее соглашеніе и вызвать новыя разнорѣчія въ нашемъ письмѣ.

Поэтому принято было за правило по возможности держаться утвердившагося обычая, отступая отъ него только тогда, когда общепотребительныя начертанія оказывались положительно невѣрными или слишкомъ непослѣдовательными.

Въ видѣ введенія изложены „основныя черты русской фонетики“, такъ какъ предварительное знакомство съ ними признано необходимымъ для вполне отчетливаго и сознательнаго письма.

Въ концѣ книги помѣщенъ Справочный Указатель всѣхъ словъ, не только разсматриваемыхъ въ руководствѣ, но и вообще имѣющихъ какое-либо отношеніе къ орфографіи. При первыхъ означены и страницы, гдѣ можно найти объясненіе каждаго начертанія.

Я. Гротъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе.....	СТР. I
------------------	-----------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (ВВЕДЕНИЕ).

Основные черты русской фонетики и русская азбука.

ПАРАГРАФЫ.

1. 2. Звуки и буквы.....	1
Членораздѣльные звуки. Азбука.	
3. 4. О звукахъ рѣчи вообще ...	3
Органы рѣчи. Гласные и согласные звуки.	
5—9. Гласные русскаго языка.....	4
Чистые гласные. Твердые и мягкіе. Двугласные. Облеченные гласные. Удареніе. Неударяемые гласные.	
10—15. Согласные звуки.....	7
Смычные. Проторные (спиранты). Раздѣленіе звуковъ по органамъ. Плавные. Носовые. Звуки <i>ц</i> и <i>щ</i> .	
16. 17. Твердость и мягкость согласныхъ: <i>з</i> , <i>ь</i>	11
18. 19. Сочетаніе согласныхъ съ слѣдующими за ними гласными..	12
Означеніе мягкости согласныхъ. Встрѣча <i>ер</i> съ гласнымъ <i>и</i> .	
20. Уподобленіе звуковъ.	—
I. Въ отношеніи къ твердости и мягкости.....	
Твердость и мягкость звуковъ внутри слова. Двойное произношеніе звука <i>е</i> . Измѣненіе <i>е</i> въ <i>ѣ</i> . Неизмѣняемость <i>е</i> передъ твердымъ звукомъ. <i>ѣ</i> передъ мягкимъ звукомъ. Слогъ <i>ер</i> внутри слова.	

ПАРАГРАФЫ.	СТР
II. Уподобленіе голосовыхъ звуковъ безголоснымъ и на- оборотъ	17
Случай такого уподобленія. Неуподобляемые согласные.	
21. Общій выводъ о русской азбукѣ	19

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Правописаніе.

22. Раздѣленіе на три отдѣла	20
------------------------------------	----

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объ употребленіи той или другой буквы.

23. Два начала правописанія: фонетическое и этимологическое.	—
24. Сочетаемость буквъ	21
I. Какую употребляютъ букву изъ двухъ, означающихъ разные звуки?	
25—42. 1) Гласныя	22
25. <i>а</i> или <i>о</i> , <i>я</i> или <i>е</i> ? — <i>а</i> ударяемое	—
26. <i>о</i> ударяемое. <i>е</i> ударяемое	—
27. <i>а</i> , <i>о</i> , <i>я</i> неударяемыя	23
28. Сомнительныя формы существительныхъ именъ	24
29. Малороссійскія фамиліи на <i>ко</i>	25
30. Имена на <i>ло</i> или <i>ла</i> ?	26
31. Частица <i>ка</i> или <i>ко</i> ?	27
32. Предлогъ <i>раз</i> или <i>роз</i> ?	—
33. <i>амъ</i> или <i>емъ</i> въ страдательныхъ причастіяхъ послѣ шипя- щихъ?	—
34. <i>ютъ</i> или <i>ятъ</i> , <i>утъ</i> или <i>атъ</i> въ глагольныхъ окончаніяхъ 3-го лица множ. ч.? Два разряда глаголовъ. <i>дышетъ</i> или <i>дышитъ</i> ?	28
35. Окончанія причастій на <i>щій</i> . Прилагательныя на <i>щій</i>	31
36. Неударяемое <i>е</i> или <i>и</i> ? Уменьшительныя имена на <i>екъ</i> , <i>икъ</i> . Уменьшительныя имена на <i>емъка</i> . Уменьшительныя при- лагательныя. Окончаніе <i>има</i> , <i>имка</i> . Суффиксы <i>це</i> , <i>ице</i> . Окончанія прилагательныхъ: <i>имскій</i> , <i>енскій</i> . <i>Въ теченіе</i> <i>или съ теченіемъ</i> ? Частные случаи начертанія <i>и</i>	—
37. Окончаніе множ. числа прилагательныхъ: — <i>ме</i> , <i>мя</i> ; — <i>іе</i> , <i>ія</i> .	36

ПАРАГРАФЫ.	СТР.
38. <i>и</i> или <i>я</i> въ глаголахъ: <i>отчаиваться, раскаиваться?</i>	36
39. Глаголы на <i>овать</i> и <i>ывать</i>	37
40. <i>е</i> или <i>о</i> послѣ шипящихъ <i>ж ш ч щ</i> въ ударяемыхъ слогахъ: <i>жо шо чо цо?</i>	38
41. Особенность звука <i>р</i>	40
42. <i>е</i> или <i>о</i> , <i>и</i> или <i>ы</i> послѣ <i>ц</i> : <i>це</i> или <i>цо?</i> <i>ци</i> или <i>цы?</i>	—
43—52. 2) Согласныя	42
43. <i>к</i> или <i>к'?</i> <i>х</i> или <i>х'?</i>	—
44—46. <i>з</i> или <i>с?</i>	43
Слитно употребляемые предлоги на <i>з</i> : <i>воз, из, низ, раз, без,</i> <i>чрез.</i> — Соединеніе словъ съ предлогомъ <i>раз</i> (<i>расчестъ,</i> <i>расчетъ, расчитать, рассказать, расспросить</i>).	
47. Прилагательныя на <i>кій</i>	45
48. <i>д</i> или <i>т?</i> Частные случаи: <i>свадьба будочникъ, потчевать,</i> <i>задѣлѣй</i> и проч.....	—
49. <i>ж</i> или <i>ш?</i> <i>ч</i> или <i>щ?</i> Употребленіе шипящихъ по производству.	46
50. <i>ц</i> или <i>тс?</i> Разложеніе звука <i>ц</i>	47
51. <i>щ</i> или <i>сч, зч, жч?</i> Разложеніе звука <i>щ</i>	—
52. Суффиксы: <i>щикъ, щина.</i> Измѣненіе <i>щ</i> въ <i>ч</i> послѣ <i>т</i> и шипящихъ.....	—
53—60. <i>ъ</i> или <i>ь?</i>	49
1. Въ концѣ словъ.	
53. <i>ъ</i> или <i>ь</i> послѣ шипящихъ?	—
54. Послѣ другихъ согласныхъ.....	50
2. Внутри словъ.	
55. <i>ъ</i> послѣ'представокъ	51
56. <i>ы</i> вмѣсто <i>и</i>	—
57. <i>и</i> или <i>ы?</i>	—
58. <i>ъ</i> не пишется передъ твердыми гласными	52
59. <i>ь</i> внутри словъ;— передъ обличенною гласною;— между двумя согласными	—
60. Опущеніе <i>ь</i> вопреки произношенію	54
II. Какую употреблять букву изъ двухъ гласныхъ, означающихъ одинъ и тотъ же звукъ?	
61. <i>и</i> или <i>і?</i>	55
62. <i>е</i> или <i>ѣ?</i> Тройное употребленіе буквы <i>ѣ</i>	—

1. ъ въ корняхъ словъ.	
ПАРАГРАФЫ.	СТР.
63. Мѣсто слоговъ, въ которыхъ пишется ъ.....	56
64. Два случая измѣненія древняго ъ въ е.....	58
2. ъ въ образовательныхъ окончаніяхъ.	
65. Въ нарѣчіяхъ.....	59
66. Въ именахъ на ъль и ъй. Въ именахъ собственныхъ	—
3. ъ во флексіяхъ.	
67. Въ склоненіи именъ существительныхъ: — <i>и</i> или — <i>ію</i> ? — <i>ы</i> или — <i>ю</i> ?	61
68. Въ склоненіи мѣстоименій и именъ числительныхъ: <i>ми</i> , <i>къмъ</i> , <i>тъ</i> и т. д.	62
69. Въ прилагательныхъ сравнительной степени	—
70. Въ глагольныхъ формахъ: <i>имѣть</i> , <i>терпѣть</i> и т. п.	63
71. Правописаніе словъ: <i>видѣть</i> и <i>болѣть</i>	—
72. Окончанія: — <i>юіе</i> и <i>еніе</i>	64
III. Удвоеніе согласныхъ.	
73. Условное значеніе термина: <i>удвоеніе</i> . Два рода удвоенія ..	65
А. Этимологическое удвоеніе.	
74. Въ корняхъ и при встрѣчѣ съ приставками	—
75. Скрытое удвоеніе.....	—
76. Частныя замѣчанія: <i>разорять</i> , <i>росомага</i> , <i>возделаніе</i> , <i>возжи</i> , <i>дрожди</i> , <i>искусство</i> , <i>возженный</i>	—
Б. Фонетическое удвоеніе.	
77. Удвоеніе звука <i>и</i> . Причастія страдательныя. Прилагатель- ныя на <i>имй</i> , на <i>емйи</i> , на <i>ямйи</i>	66
78. Удвоеніе звука <i>т</i> въ глаголѣ <i>итти</i> . Тотъ же глаголъ съ представками: <i>войти</i> , <i>зайти</i> , <i>пойти</i> и проч.....	69
IV. Правописаніе заимствованныхъ словъ.	
79. Общее замѣчаніе	70
80. Два разряда заимствованныхъ словъ.....	—
81. Трудность начертаній	71
82. Необходимость буквы <i>э</i>	—
83. Употребленіе <i>э</i> въ началѣ слоговъ.....	72
84. Употребленіе <i>э</i> послѣ согласныхъ.....	—
85. Буква <i>э</i>	73

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IX

ПАРАГРАФЫ.	СТР.
86. Двойное назначеніе <i>t</i>	74
87. Употребленіе <i>e</i>	—
88. Излишество <i>мжмжм</i>	75
89. Передача англійскаго <i>w</i>	76
90. <i>ia</i> или <i>ia</i> въ серединѣ словъ? Передача сочетанія <i>a</i> съ <i>l</i> <i>moillé</i>	—
91. <i>io</i> , <i>yo</i> , <i>yo</i> ? Передача сочетанія <i>o</i> съ <i>l</i> <i>moillé</i> и <i>gn</i>	77
92. Передача сочетанія <i>io</i> какъ дифтонга	78
93. Передача сочетанія <i>iy</i> , <i>iy</i>	—

Удвоеніе согласныхъ въ заимствованныхъ словахъ.

94. Случай несоблюденія удвоенія. Пропускъ согласной въ представкѣ. Пропуски въ собственныхъ именахъ. Случай двоичныхъ начертаній	79
95. Излишнія удвоенія. Удвоеніе гласныхъ	81

V. Употребленіе большихъ, или такъ называемыхъ прописныхъ буквъ.

96. Общее замѣчаніе. Отдѣльныя правила	82
--	----

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О соединеніи двухъ словъ въ одно.

97. Общее замѣчаніе. Отдѣльныя правила	86
--	----

О переносѣ частей слова изъ строки въ строку.

98. Общее замѣчаніе	91
---------------------------	----

I. Слова простые.

Раздѣленіе согласныхъ буквъ	—
Раздѣленіе гласныхъ буквъ	93

II. Слова сложные.

99. Общее замѣчаніе. Отдѣльныя правила	94
--	----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Употребленіе знаковъ препинанія.

100. Назначеніе ихъ. Точка. Точка съ запятой	95
101. Двоеточіе	97

ПАРАГРАФЫ.	СТР.
102. Многоточіе.....	98
103—112. Запятая между краткими однородными предложениями и отдельными словами	98
113—114. Отделение запятыми придаточных предложений от глав- ныхъ. А. Определительныхъ: 1) полныхъ, и 2) сокра- щенныхъ. Б. Дополнительныхъ и обстоятельственныхъ: а) съ союзами; б) при дѣпричастіяхъ	105
115—119. Черта. Черточка. Скобки. Знаки восклицательный и вопро- сительный.....	108
120. Надстрочные знаки	109
<hr/>	
СПРАВОЧНЫЙ ОРФОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ	110

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ РУССКОЙ ФОНЕТИКИ

И

РУССКАЯ АЗБУКА.

Звуки и буквы.

1. Каждое произносимое слово может быть разлагаемо на недѣлимья составныя части, которыя принято называть *членораздѣльными звуками*. Разсмотрѣніе ихъ образованія, ихъ сочетаній и измѣненій составляетъ предметъ *фонетики*.

Членораздѣльные звуки.

Каждый языкъ располагаетъ только опредѣленнымъ числомъ свойственныхъ ему членораздѣльныхъ звуковъ. На письмѣ каждый звукъ языка долженъ быть изображаемъ особою, и притомъ только одною *буквою*; каждая буква должна означать только одинъ звукъ.

Вотъ основное правило всякой азбуки; но такого совершенства не достигаетъ ни одинъ изъ существующихъ алфавитовъ: въ нихъ то недостаетъ начертаній для имѣющихся въ языкѣ звуковъ, то оказываются излишнія буквы. Поэтому при изученіи языковъ необходимо постоянно имѣть въ виду, что звукъ и буква далеко не всегда одно и то же.

Азбука.

Неудовлетворительность азбукъ происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что разъ изобрѣтенный въ древности алфавитъ примѣнялся потомъ, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, къ различнымъ языкамъ. Другая причина заключается въ томъ, что звуки языка съ теченіемъ времени незамѣтно измѣняются, установившаяся же азбука остается все та же и не легко поддается исправленіямъ.

2. Русская азбука состоитъ изъ 35-ти буквъ, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

а б в г д е ж з и і к л
м н о п р с т у ф х ц ч
ш щ ъ ы ь ѣ э ю я ѳ ѵ.

Двѣ изъ этихъ буквъ (и, е) получаютъ еще особое назначеніе помощію надстрочныхъ знаковъ (й, ё), при которыхъ онѣ изображаютъ другіе звуки и потому должны бы также занимать мѣсто въ азбукѣ.

Эта такъ называемая *гражданская* азбука передѣлана при Петрѣ Великомъ изъ *церковно-славянской*, составленіе которой приписываютъ ученому Константину (въ монашествѣ св. Кириллу), жившему въ IX вѣкѣ. Такъ какъ его азбука (кириллица) большею частью была заимствована изъ греческой, то буквы ея, по примѣру этой послѣдней, назывались не однимъ звукомъ, который онѣ выражали, а цѣлыми словами: *азъ, буки, вѣди* и т. д. Русскія же буквы, напротивъ, по примѣру другихъ европейскихъ азбукъ, называются либо однимъ своимъ звукомъ (напр. *а і о у*), либо своимъ звукомъ съ помощію другого, произносимаго то послѣ него (*бе ве ге де*), то передъ нимъ (*эль эмъ энъ эръ*). Однакожъ старинныя названія еще остаются за нѣкоторыми изъ нашихъ буквъ; таковы: *ерь, еры, еръ, ять, ѿта, ижица*. Буквы *и і*, для отличія другъ отъ друга, называются — первая *и осмеричнымъ*, вторая *і десятичнымъ*, по цифрамъ 8 и 10, для означенія которыхъ онѣ служатъ въ церковно-славянской письменности.

Буквы въ нашей азбукѣ, какъ и въ другихъ, расположены безъ всякой системы; при научномъ разсмотрѣннн письма первою задачею должно быть приведеніе буквъ азбуки въ правильный порядокъ, основанный на свойствѣ изображаемыхъ ими звуковъ.

О звукахъ рѣчи вообще.

3. Подробное изслѣдованіе законовъ образованія звуковъ рѣчи относится къ *физиологнн*, наукѣ о свойствахъ и отправленіяхъ органическихъ тѣлъ. Филологія же довольствуется указаніемъ на главныя основанія этихъ законовъ.

Органы
рѣчи.

Органы рѣчи, которыми производятся звуки, суть:

1) *гортань*, которая посредствомъ воздуха, выталкиваемого легкими, издаетъ *голосъ*;

2) *полость рта* (иначе устная полость) съ нѣбомъ, языкомъ, зубами и губами;

3) *носовая полость* съ двумя устьями — ноздрями.

Полости рта и носа въ отношеніи къ гортани уподобляются духовому инструменту, приставленному къ губамъ, а потому и называются *надставною трубой*.

4. Главное различіе между звуками рѣчи зависитъ отъ того, произносятся ли они открытымъ ртомъ, какъ напр. *а о у*, или для произнесенія ихъ нужно болѣе или менѣе тѣсное сближеніе двухъ частей рта, напр. *к г, с з*. Звуки первого рода по самому способу своего произношенія называются *гласными* (вокалами, отъ лат. vox = голосъ); звуки второго рода — *согласными* (консонантами), потому что они только съ помощію гласнаго звука могутъ образовать слогъ.

Гласные и
согласные
звуки.

Сближеніемъ двухъ частей рта производится въ надставной трубѣ преграда, посредствомъ которой согласные звуки *артикулируются*, т. е. точно и ясно образуются какъ *членораздѣльные* (артикулованные) звуки. Впрочемъ это названіе прилагается и ко всѣмъ вообще звукамъ человѣческой рѣчи въ отличіе отъ звуковъ, издаваемыхъ бессловесными животными. Самое же образованіе звуковъ органами рѣчи называется *артикуляціею* (лат. отъ articulus — члеть).

Если въ образованіи звуковъ рѣчи участвуетъ голосъ, то они называются *голосовыми*, напр. *а д з*; звуки, образуемые безъ участія голоса, именуются *безголосными*, напр. *т с*. Всѣ гласные звуки суть голосовые, чѣмъ объясняется и названіе ихъ.

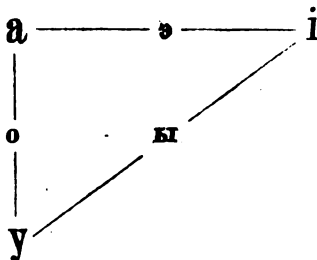
Нѣкоторые называютъ голосовые звуки *звонкими* или *громкими*, а безголосные *глухими* или *шопотными*, но эти термины не довольно точны.

Гласные русскаго языка.

5. Русскіе гласные раздѣляются на *чистые* и *облеченные*.

Чистые
гласные.

Наши чистые гласные могутъ быть представлены въ слѣдующей схемѣ:

Основные звуки означены здѣсь крупными буквами, промежуточные же или переходные — мелкими.

Въ смыслѣ историческомъ звуки *а і у* не могутъ быть признаваемы первоначальными, но въ физиологическомъ отношеніи они сохраняютъ признанное за ними издавна значеніе основныхъ.

Для произнесенія *а* ротъ всего болѣе раскрывается, языкъ остается почти въ совершенно спокойномъ положеніи на днѣ устной полости, и надставная труба получаетъ форму расширенной спереди воронки.

Если послѣ произнесенія *а* суживать отверстіе рта, слегка разводя губы и приподнимая языкъ, то произойдетъ *э*, а при усиленіи того же движенія губъ съ бѣльшимъ подъемомъ языка къ нѣбу, образуется *і*. Сообразно съ движеніемъ губъ въ сторону, эти два звука расположены нами въ поперечномъ направленіи.

Если, суживая полость рта, протягивать губы впередъ, такъ чтобъ между ними образовалось округленное отверстіе, то произойдетъ *о*, а при усиленіи этого движенія съ отдергиваніемъ языка назадъ, услышится *у*. Сходно съ движеніемъ губъ звуки *о* и *у* помѣщены нами въ направленіи сверху внизъ.

Наконецъ, между *і* и *у* мы поставили *ы*, какъ звукъ, образуемый совокупною артикуляціей этихъ двухъ крайнихъ гласныхъ: для произнесенія его губы нѣсколько оттягиваются въ обѣ стороны какъ для *і*, языкъ же, вмѣсто движенія кончикомъ впередъ, отдергивается спинкою къ нѣбу какъ для *у*. Отъ остальныхъ гласныхъ *ы* отличается тѣмъ, что слышится не иначе какъ послѣ согласной и никогда не начинается слога. Изъ другихъ славянскихъ нарѣчій только польское сохранило этотъ звукъ, во все неизвѣстный другимъ европейскимъ народамъ.

Изъ шести исчисленныхъ *чистыхъ* или *простыхъ* гласныхъ звуки *а о у ы* суть твердые, *і* — мягкій звукъ; а *э*, составляющей переходъ отъ *а* къ *і*, можетъ быть то твердымъ, то мягкимъ, какъ будетъ объяснено далѣе.

Твердые и
мягкіе.

Термины *твердый* и *мягкій* звукъ, какъ самые простые и наиболѣе установившіеся, приняты нами предпочтительно передъ другими, напр. *дебелый* и *тонкій*, *широкій* и *узкій*, которые также употреблялись въ некоторомъ.

6. Чтобы перейти къ *облеченнымъ* гласнымъ, мы должны напередъ дать понятіе о *двугласныхъ*.

Изъ двухъ рядомъ стоящихъ гласныхъ одинъ можетъ произноситься такъ кратко, что образуетъ вмѣстѣ съ другимъ *одинъ слогъ*. Такое звуковое сочетаніе, производимое однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ, называется *двугласнымъ* звукомъ или *дифтонгомъ*; въ этомъ слогѣ кратчайшій гласный именуется *полугласнымъ*.

Двугласные
(дифтонги).

Въ русскомъ языкѣ только звукъ *і* можетъ служить полугласнымъ для образованія дифтонга. Слѣдуя за другимъ гласнымъ, онъ изображается начертаніемъ *й*: *ай эй ой уй ый*. Удвоенный звукъ *і* можетъ также образовать дифтонгъ, — на письмѣ

ий, по этотъ дифтонгъ, равно какъ и *ый*, не любимъ русскимъ языкомъ, и въ произношеніи, а отчасти и на письмѣ, замѣняется звуковыми группами *ой, ей*; такъ вмѣсто *наий, прямой, край*, говорятъ и пишутъ: *нагой, прямой, край*; вм. *лій, судій*—*лей, судей*.

7. Дифтонги, въ которыхъ, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, полугласный занимаетъ второе мѣсто, называются *нисходящими*. Но бываютъ и *восходящіе* дифтонги, начинающіеся полугласнымъ звукомъ *й*, который однакожъ въ собственно русскихъ (не заимствованныхъ) словахъ не означается на письмѣ, а скрывается въ начертаніяхъ *я, е (н), ё, ю*, употребляемыхъ вмѣсто диграфовъ: *йа йэ йо йу*, которые пишутся только въ словахъ иноязычныхъ: *майоръ, Йоркъ*. Въ кириллицѣ полугласный такихъ восходящихъ дифтонговъ означался посредствомъ начертанія *ј*, такъ что они писались: *ја, је, јо* (сокращеніе изъ *іѣ*).

Облеченные
гласные.

Въ нашей филологической литературѣ двугласные *я, е (н), ё, ю* принято называть *йотѣванными* гласными (отъ греч. *iota* = *i*). Но надо замѣтить, что это названіе справедливо только тогда, когда ими начинается слогъ и что они имѣютъ на письмѣ еще другое значеніе, которое можно объяснить только при разсмотрѣніи согласныхъ. Поэтому начертанія *я, е (н), ё, ю*, удобнѣе называть *облеченными* гласными.

Т. е. облеченными звукомъ *і*. Этотъ терминъ въ первый разъ былъ употребленъ Востоковымъ (см. его *Филол. наблюденія*, стр. 30), а впоследствии его употреблялъ и проф. Буславевъ (см. его *Истор. Грамматику*, ч. I, § 26), но оба только мимоходомъ.

Удареніе.

8. Съ понятіемъ о гласныхъ связывается понятіе объ *удареніи* или *акцентѣ*. Такъ называется то усиленное выдыханіе воздуха, съ которымъ произносится одинъ изъ слоговъ каждаго слова; такое господство одного слога надъ прочими необходимо для совокупленія всѣхъ звуковъ слова въ одно цѣлое. Слогъ, на который падаетъ удареніе, называется *ударяемымъ*. Для означенія на письмѣ ударяемаго слога, надъ гласною его ставится знакъ *'*. Въ русскомъ письмѣ знакъ ударенія употребляется только съ особенною цѣлью въ исключительныхъ случаяхъ.

Такъ какъ русское удареніе всегда бываетъ одинаково, то нѣтъ надобности употреблять еще и другой знакъ, который ннме, по примѣру греческаго письма, ставятъ надъ гласной, оканчивающей слово.

9. При исчисленіи гласныхъ русскаго языка въ грамматикѣ имѣется въ виду произношеніе ихъ въ ударяемомъ слогѣ. Въ неударяемыхъ слогахъ эти же гласные артикулируются такъ слабо и неполно, что произношеніе ихъ становится неяснымъ, и вмѣсто звуковъ *a* *o* является неопредѣленный, средній между обоими звукъ, въ которомъ на половину слышится *a*, на половину *o*; тому же самому ослабленію подвергаются въ неударяемыхъ слогахъ звуки *e* (*n*) *i* (*u*). Для того и другого средняго звука у насъ нѣтъ особыхъ начертаній: оттого на письмѣ нерѣдко одна буква ставится вмѣсто другой: въ одномъ и томъ же словѣ одни пишутъ *a*, другіе *o*, одни *e*, другіе *u*, тогда какъ правильно только одно изъ обонхъ начертаній.

Неударяемые гласные.

Согласные звуки.

10. Преграды въ надставной трубѣ, необходимыя для произнесенія согласныхъ, бываютъ двухъ родовъ:

1) Если двѣ части органовъ рѣчи плотно смыкаются, такъ что между ними воздухъ проходить не можетъ, то при устраненіи этого затвора образуются *смычные* звуки (*Verschlusslaute*). Они слышатся только въ самый мигъ раствора, почему и называются иначе *миновенными* (*momentaneae*) или *взрывными* (*explosivae*). Таковы напр. *б* *п*, *д* *т*. Эти звуки не могутъ быть распознаваемы безъ помощи гласныхъ.

Смычные.

2) Если двѣ части органовъ рѣчи не вполне соприкасаются, такъ что между ними остается скважина или щель для протока воздуха и образуется только тѣснина, то происходятъ *проторные* звуки (*Reibelaute*) или — употребляя старинный терминъ — *спиранты*. Они могутъ быть произносимы безъ перерыва дыханія довольно долго и потому иначе называются *длительными* (*continae*). Таковы напр. *в* *ф*, *з* *с*. Для произнесенія ихъ нѣтъ надобности въ помощи гласныхъ.

Проторные (спиранты).

Раздѣленіе звуковъ по органамъ рѣчи. **11.** Какія части органовъ рѣчи образуютъ преграды того и другого рода, видно изъ слѣдующей таблицы:

Разряды звуковъ по органамъ.	Сближаемая части органовъ рѣчи.	Затворъ:		Тѣснина:	
		Смычные или мгновенные звуки.		Проторные или длительные звуки.	
		Голосовые.	Безголосные.	Голосовые.	Безголосные.
Губные	Нижняя губа съ верхнею .	б	п		
	Нижняя губа съ верхними зубами	в	ф
Зубные	Кончикъ языка съ верхними зубами	д	т		
	Кончикъ языка съ нижними зубами	з	с
Нѣбные	Кончикъ языка съ нѣбомъ	ж	ш
Гортанные	Средняя часть языка съ нѣбомъ	г	к		
	Задняя часть языка съ нѣбомъ	г̣	х

Звуки послѣдняго разряда называются *гортанными* по близости мѣста ихъ артикуляціи къ гортани.

Между г и г̣ та разница, что г означаетъ звукъ, слышимый напр. въ словахъ *юродъ, нога*, а г̣ — звукъ, замѣчаемый напр. въ словахъ *благо, тогда*. Для послѣдняго въ нашей азбукѣ нѣтъ особаго начертанія, а употребляется та же буква, что и для перваго. Мы здѣсь означаемъ второй звукъ посредствомъ г̣, желая надстрочнымъ * напомнить, что это голосовой звукъ, отвѣчающій безголосному х.

Звукъ г̣ исключительно господствуетъ въ малорусскомъ нарѣчій; вотъ почему, можетъ быть, онъ перешелъ къ намъ и въ церковно-славянскомъ, принявшемъ въ Кіевѣ тотъ видъ, въ какомъ

русская Церковь его унаслѣдовала. Отсюда довольно распростра-
ненное мнѣніе, что *лаиомъ* въ кириллицѣ именно и означалъ этотъ
звукъ. Въ великорусскихъ говорахъ, наоборотъ, преобладаетъ *γάρμα*:
въ нашемъ образованномъ языкѣ звукъ *г* встрѣчается лишь въ не-
многихъ словахъ, общихъ русскому съ ц.-сл., какъ-то: *Господь*,
благо, *Бога* (и въ др. косв. падежахъ этого слова). Сверхъ того
такъ произносится *г* въ нарѣчіяхъ *когда*, *тогда*, *всегда*, *иногда* и
въ косвенныхъ падежахъ словъ иноязычнаго происхожденія: *Пе-
тербурга*, *Выбору*, *Лейпцигомъ*, *Берга* и др. Немнѣе особой
буквы для звука *г* всего болѣе чувствуется въ заимствованныхъ
словахъ съ греческимъ жесткимъ придыханіемъ (´), съ латинскимъ
или западно-европейскимъ *h*, каковы напр. *идра*, *Гомеръ*, *Гора-
ций*, *Голландія*, *Гуго* (Hugo), *галстукъ*, *ю-рельефъ*, *царь*, кото-
рыя, вслѣдствіе неточнаго начертанія, и произносятся невѣрно,
т. е. вмѣсто спиранта *г* слышится въ нихъ у насъ смычной *г*.

Въ приведенной таблицѣ не нашли мѣста еще слѣдующіе
звуки русскаго языка:

- 1) два плавные *р л*.
- 2) два носовые *м н*.
- 3) звуки *ц ч*.
- 4) сложный звукъ *щ*.

12. Плавными (*liquidae*) издавна называются голосовые дли-
тельные звуки *р л*, какъ болѣе другихъ сходные съ гласными и
въ нѣкоторыхъ языкахъ служащіе даже къ образованію сло-
говъ безъ помощи гласныхъ, напр. въ сербскомъ и чешскомъ.

Плавные
р л.

Чтобы артикуловать *р*, языкъ приподнимается къ верхнимъ
деснамъ и приводится въ дрожаніе, при чемъ вдоль его обра-
зуется углубленіе, по которому проходитъ воздухъ.

Для произнесенія же *л* языкъ (какъ для *д т*) прикасается
къ верхнимъ зубамъ, а воздушный токъ проходитъ по обѣ сто-
роны языка, между нимъ и щеками.

Такъ какъ въ образованіи *р л* главное участіе принимаетъ
языкъ, то эти звуки по органу произношенія называются *языч-
ными*.

Носовые
м н.

13. Для объясненія, какъ производятся *носовые* звуки *м н*, принадлежащіе къ разряду голосовыхъ длительныхъ, нужно замѣтить, что отъ задней оконечности твердаго нѣба виситъ мышечная плоскость, называемая нѣбной занавѣской или мягкимъ нѣбомъ. Пока она остается въ этомъ положеніи и ротъ закрытъ, воздухъ свободно проходитъ черезъ носъ.

Чтобы воздухъ проходилъ черезъ ротъ для образованія большей части звуковъ, эта занавѣска приподнимается и тѣмъ запираетъ носовой проходъ; но для *м н* она опускается и воздухъ выталкивается въ носовой каналъ: въ то же время для *м* губы сжимаются, а для *н* онѣ бывають раскрыты и кончикъ языка прикладывается къ верхнимъ зубамъ.

По участию губъ въ образованіи *м*, а зубовъ въ образованіи *н*, первый изъ этихъ носовыхъ звуковъ причисляется къ *губной*, второй же къ *зубной* группѣ.

Звуки *и ч*.

14. По теоріи, *и ч* — сложные звуки, состоящіе: *и* изъ *тс*, *ч* изъ *ти*. Въ подтвержденіе такого взгляда приводятъ, что при продолженномъ въ одинъ приемъ произнесеніи этихъ звуковъ, только въ самомъ началѣ слышатся полные *и ч*, но затѣмъ они тотчасъ же превращаются, первый въ *с* (тссс...), второй въ *ш* (тшшш...). При всей справедливости этого довода, наблюденіе убѣждаетъ однакожь, что и *и* и *ч* производятся каждый одною артикуляціей языка, который для перваго прижимается къ нижнимъ зубамъ, а для втораго только приближается къ нимъ; звуки, слышимые при продленіи *и* и *ч*, хотя и сходны съ *с* и *ш*, но отличаются отъ нихъ особымъ оттѣнкомъ. Чтобы удостовѣриться, что въ русскомъ, какъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, *ч* не сложный, а простой звукъ, стоить только сравнить произношеніе нашего *кучеръ* съ нѣмецкимъ *Kutscher*.

Сложный
звукъ *ш*.

15. Буквою *ш* изображается *сложный* звукъ *шч*; первоначальное значеніе этой буквы видно изъ древнихъ церк.-слав. памятниковъ, въ которыхъ ея начертаніе было сперва *шт*, а позднѣе получило сокращенную форму *ш*, въ которой поперечною чертою раздѣлялись двѣ составныя части звука.

Собственно говоря, древнее произношеніе звука *щ* еще точнѣе выражалось бы начертаніемъ *шт*^в, такъ какъ это сочетаніе всегда кончалось мягкимъ звукомъ.

Ж ш ч щ принято называть *шипящими* (Zischlaute), а звуки *Шшипящіе.*
з с ц иногда называютъ *свистящими* (Sibilanten). Эти термины, основанные на внѣшнихъ акустическихъ признакахъ, не научны, но они удобны для практики и потому остаются въ употребленіи.

Твердость и мягкость согласныхъ —ъ, —ь.

16. Почти всѣ русскіе согласные могутъ произноситься двояко, т. е. твердо или мягко, смотря по тому, образуются ли они въ направленіи къ твердой гласной *о у*, или къ мягкой *э і*. Отъ твердости или мягкости слѣдующей гласной зависитъ то или другое произношеніе предшествующей согласной. И въ концѣ слога, за русскою согласной слышится всегда приступъ къ твердой или къ мягкой гласной: въ первомъ случаѣ этотъ оттѣнокъ произношенія въ окончаніи слова означается буквою *з*, напр. *данъ*, *плотъ*, во второмъ — буквою *ь*: *дань*, *плоть*. Твердые и мягкіе.

Въ древне-славянскомъ буквы *з ь* служили въ серединѣ словъ слогообразовательными согласными, которыя приближались: *з* къ нашему *о*, а *ь* къ *е*, но произносились менѣе явственно, глухо, напр. въ словахъ: *сѣнь*, *дѣждь*, *крѣвь*, *плѣть*; *тѣсть*, *крѣсть*. Но въ концѣ словъ *з* и *ь*, вѣроятно, очень рано уже означали только оттѣнокъ произношенія предыдущей согласной.

Артикуляція мягкихъ согласныхъ нѣсколько отличается отъ способа образованія твердыхъ, но мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на этой разницѣ.

17. Нѣкоторые согласные, именно небные: *ж ш*, всегда произносятся твердо, даже и передъ мягкими гласными, хотя въ силу исторической грамматики, иногда и принимаютъ на письмѣ *ь* (*ложь*, *ръжь*, *говорить*). Буквы же *г к х* никогда не допускаютъ при себѣ *ья*, хотя передъ мягкой гласной и произносятся мягко: *сань*, *китъ*, *хитъ*. Напротивъ, звуки *ч щ* всегда слышатся мягко, даже и тогда, когда по грамматическимъ правиламъ за соответственными буквами слѣдуетъ *з*, напр. *мечъ*, *свищъ*, *тощъ*.

Сочетаніе согласныхъ съ слѣдующими за ними гласными.

Означеніе
мягкости
согласныхъ.

18. Если за согласнымъ слѣдуетъ твердый гласный *а о у ы*, то и согласный бываетъ твердымъ, напр. въ слогахъ: *ба ю ду мы* звуки *б и д м* твердые. Слѣдующая за согласною мягкая гласная *и* или облеченная гласная *е ё ѣ я ю* означаетъ мягкость согласнаго, напр. въ слогахъ: *би де дѣ лѣ ря тю* согласныя *б д л р т* суть мягкія; въ такомъ случаѣ облеченная гласная теряетъ свою йотацію, перестаетъ быть дифтонгомъ и передаетъ мягкость предшествующей согласной, сама же становится чистою, такъ что, собственно говоря, приведенные сейчасъ слоги должны бы имѣть такое начертаніе: *д^е, л^о, р^а, т^у*. То же самое видимъ мы напр. въ словахъ: *няня, дядя, лёдъ, блюдо*, которыя должны бы писаться: *н^ан^а, д^ад^а, л^{одъ}, бл^{уд}о*, подобно тому, какъ въ сербской азбукѣ имѣются буквы *ь ѣ ѣ ѣ*, означающія *н^о л^о т^о д^о*, или какъ въ польскомъ письмѣ мягкость согласныхъ отмѣчается значкомъ надъ буквою (напр. *ń ś*).

Встрѣча
ера съ глас-
нымъ и.

19. Мы показали, что мягкая гласная, слѣдуя за согласной, умягчаетъ эту послѣднюю; но въ сложныхъ словахъ твердая гласная, оканчивающая первое слово и отмѣченная *еромъ*, не умягчается передъ *и*, начинающимъ второе слово, а напротивъ эта мягкая гласная, въ соединеніи съ предшествующимъ *еромъ*, обращается въ *еры* (*ъ + и = ы*). Такимъ образомъ сложные слова *предъ-идуцій*, *отъ-искать*, *розъ-игрышъ* произносятся и пишутся: *предыдуцій*, *отыскать*, *розыгрышъ*.

Уподобленіе звуковъ.

20. Въ русскомъ языкѣ во многихъ случаяхъ предыдущій звукъ подвергается вліянію слѣдующаго:

I. Въ отношеніи къ твердости и мягкости.

Твердость и
мягкость
звуковъ вну-
три слова.

а) Послѣдній звукъ слова дѣйствуетъ на произносимые передъ нимъ звуки: твердый дѣлаетъ и ихъ твердыми, мягкій — мягкими. Дѣйствіе это часто распространяется и на предыдущій слогъ. Такъ напр. въ словѣ *перстъ* по причинѣ твердаго звука *тъ*, тверды также предшествующіе звуки *с* и *р* (произн. *перъсътъ*).

Напротивъ, въ словѣ *персть* отъ мягкаго *ть* становятся мягкими также *с* и *р* (произн. *персьсть*). Такимъ же образомъ послѣдній слогъ слова, смотря по твердости или мягкости своего гласнаго, дѣйствуетъ различно на предыдущіе звуки. Напр. въ словѣ *годный* звукъ *д*, по причинѣ слога *ный* — твердый (произн. *годный*), а въ словѣ *прошлогодный* этотъ же звукъ, по причинѣ слога *мый* — мягкій (произн. *годный*). Ср. также *праздный* и *праздникъ*, *братство* и *братный*.

Только твердость и мягкость плавнаго *л* не подвергается вліянію послѣдующаго звука, какъ показываютъ напр. слова: исполнить, жельчъ (гдѣ *л* остается твердымъ при мягкости слѣдующихъ за нимъ *н* и *ч*); бѣльмо, столжо, мюта (гдѣ мягкій *л* не измѣняется передъ твердыми *м*, *к*, *г*).

б) Съ объясненнымъ закономъ уподобленія связанъ двоякій отгѣнокъ произношенія звука ϵ^1 (*э е ъ*), смотря по тому слѣдуетъ ли за нимъ твердый, или мягкій звукъ: въ первомъ случаѣ, при ббльшемъ растворѣ рта, слышится широкій или открытый звукъ, подобный французскому *è* (*e ouvert*); во второмъ ротъ раскрывается менѣе, и образуется сжатый или спертый звукъ, похожій на франц. *é* (*e fermé*)². Приводимъ примѣры по каждой изъ трехъ буквъ: *э е ъ*, означающихъ въ основѣ тотъ же звукъ.

Двоякое произношеніе звука ϵ .

	Широкій ϵ .		Сжатый ϵ .	
	1	2	3	4
з:	э — та	э — та	э — ти	э — ти
	поэ — ть	поэ — ть	поэ — зія	поэ — зія
е:	брè — дь	брè — дь	брé — дить	брé — дить
	смè — ртньй	смè — ртньй	смé — рть	смé — рть
	шè — сть	шè — сть	шé — сть	шé — сть
ѣ:	бѣ — ль	бѣ — ль	бѣ — ль	бѣ — ль
	вѣ — трь	вѣ — трь	вѣ — терь	вѣ — терь
	грѣ — ть	грѣ — ть	грѣ — ть	грѣ — ть

¹ Употребляемъ греческое ϵ для означенія вообще звука, изображаемаго въ нашемъ письмѣ троякимъ образомъ: *э е ъ*.

² Въ отношеніи къ звуку ϵ термины *широкій* и *сжатый* кажутся намъ болѣе отвѣчающими особенному характеру его двоякаго произношенія, нежели названія *твердый* и *мягкій*.

Въ самыхъ названіяхъ буквъ *еръ* и *ерь* разница двоякаго произношенія слышится столько же рѣзко въ гласной, какъ и въ согласной. Кто сомнѣвается въ вѣрности этого наблюденія, пусть попробуетъ соединять въ одно слово звуки 1-го столбца со звуками 4-го, или звуки 3-го со звуками 2-го.

Измѣненіе
е въ *ѣ*.

В) Широкое произношеніе *е* передъ твердой согласной (первичное уподобленіе) влечетъ за собою еще другое явленіе (последственное): находясь подъ вліяніемъ произносимаго за нимъ твердаго звука, широкій *е* легко обращается въ звукъ *йо*, который однакожъ на письмѣ не имѣетъ особаго начертанія, а изображается тою же буквою *е*, иногда съ двоеточіемъ надъ нею, а послѣ шипящихъ буквою *о*: *ѣлка*, *твёрдый*, *плѣтка*, *шовъ*¹. Напротивъ, сжатый *ѣ*, соображающійся съ послѣдующимъ мягкимъ звукомъ, не подвергается такому измѣненію: *ель*, *плеть*, *твердь*, *черъ*. Образованный языкъ допускаетъ обращеніе *е* въ *ѣ* только въ ударяемыхъ слогахъ. Въ народной же рѣчи этотъ звуковой переходъ является во многихъ слогахъ, частью неударяемыхъ, частью же и въ ударяемыхъ, но въ литературномъ языкѣ удерживающихъ неизмѣненное *е*, напр. народъ говоритъ: *смёртный*, *пёрстъ*.

Причина легкости, съ какою широкій *ѣ* обращается въ *ѣ* — физиологическая: при произношеніи такого *е* передъ твердымъ гласнымъ пѣбвая артикуляція сталкивается съ противоположною ей губною, и естественно, что для удобства образованія послѣдующаго звука предыдущій къ нему приновляется. Потребность въ согласованіи двухъ смежныхъ артикуляцій, или, другими словами, въ этомъ родѣ уподобленія звуковъ такъ сильна, что переходу звука *е* въ *ѣ* подвергаются иногда и такіе слоги, въ которыхъ гласною служитъ буква *ь*, обыкновенно не поддающаяся измѣненіямъ; именно въ словахъ: *иньда*, *звъзды*, *съдла*, *подиньта*, *смьткя*, *обръль*, *цель*, *зъываль*, *надъываль*, *надъвань*. При всемъ томъ обращеніе *е* въ *ѣ* передъ твердымъ звукомъ — далеко не общее въ языкѣ явленіе.

Неизмѣняемость *е* передъ твердымъ зв.

Вотъ главные случаи, когда ударяемое *е* не измѣняетъ своего первичнаго произношенія и передъ твердымъ звукомъ:

1) Въ словахъ церковно-славянскаго, вообще книжнаго образованія или отгѣнка, напр. *небо*, *крестъ*, *предметъ*, *клеветъ*, *хре-*

¹ Впрочемъ *о* послѣ шипящихъ можетъ быть употребляемо только въ извѣстныхъ скучаяхъ, которые будутъ указаны ниже.

беть, клеветъ, судьбъ, чудесъ, ветхій, словесный, древесный, собиенный, минованный, блаженный, священный, вселенная, современный, умерший, веши, прошедшій (причастіе этой формы народному языку не свойственно).

2) Къ той же категоріи относится большая часть словъ, гдѣ въ корнѣ вмѣсто древняго ѣ пишется *е*, особенно послѣ *л* или *р*: *векша, мелко, мрежа* (народ. мерѣжа), *вредъ, средство, воскресъ, запреть, треба, предъ, чрезъ, блескъ, членъ*. Но *е* послѣ *л* и *р* измѣняется въ *ѣ* въ словахъ и формахъ народнаго языка: *клѣнъ, врѣтъ, прѣтъ, врѣбъ, скрѣбъ, блѣкну, встрѣпка*. (Ср. *левъ* и *лѣвъ, ревъ* и *рѣвъ, деревъ* и *дерѣвъ*). Исключеніе представляютъ: *брѣдъ, брѣжу, брѣзгать*.

3) Въ замкнутомъ слогѣ¹, передъ *р* или *л*, гдѣ *е* не есть собственно коренная гласная, а замѣнило древній *ь*, особливо если за согласными слѣдуетъ еще другая согласная и другой слогъ: *сердце, серна, меркнуть, верба, дверма, дерзкій, мерзкій*. Но чаще слова этого разряда произносятся по общему закону: *семѣрка, четвѣрка, весѣлка, дѣрять*. Между прочимъ вставочное, бѣглое *е* въ такихъ случаяхъ обращается въ *ѣ*: *сѣдѣлка, ведѣрка*.

4) Въ замкнутомъ слогѣ прилагательныхъ передъ окончаніями *скій* и *ный*: *земскій, женскій, деревенскій, вселенскій; скверный, подземный, туземный, полезный, любезный, безмездный, прилежный, тщетный, лестный, смежный, честный, ежедневный, хвалелбный, судебный, служебный, учебный, волшебный*. Однако говорятъ: *тѣмный, чѣрный*.

Часто и передъ удвоеннымъ *н* въ прилагательныхъ *е* не измѣняется, что и составляетъ отличіе ихъ отъ страдательныхъ причастій: *обыкновенный, степенный, здоровенный, совершенный* (въ отличіе отъ прич. совершенный), *несравненный* (въ отлич. отъ прич. сравненный).

Впрочемъ это различіе не постоянно соблюдается, такъ какъ и въ значеніи прилагательныхъ причастія нерѣдко измѣняютъ *е* на *ѣ*: *опредѣленный, просвѣщенный*. Ср. также прилагательныя народнаго языка: *обыдѣнный, забубѣнный*. Народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произноситъ такъ же: *смѣжный* (или *сумѣжный*).

5) Вообще очень часто послѣ шипящихъ *ж* и *ц*: *жезлъ, шестъ, шипка, исчезъ, черпать, ужѣ, пещера, вообще, вотще* (въ

¹ Т. е. въ слогѣ, кончающемся на согласную. Слогъ, оканчивающійся гласною, называется *открытымъ*.

нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ дѣйствуетъ и славянское ихъ происхожденіе) рядомъ съ именами: *желчь, счетъ, щетка, жолобъ, пожога, печора, трущоба*. (Ср. пунктъ 4).

6) Въ предлогѣ *без* и въ частицѣ *не*: *бездна, безтолочь, недругъ, ненависть, не былъ, не молодъ*.

7) Въ окончаніяхъ *ецъ, ецкій, ечь, еча, ечный, ечка, ечко*: *конецъ, молодецкій, мечъ, греча, безпечный*¹, *овечка, колечко*; то же бываетъ иногда и въ окончаніи *ежь* въ словахъ, не сдѣланныхъ народными: *мятежь, надежь* (грамм.); но *надѣжь* (скота), *латѣжь, грабѣжь, молодѣжь* (хотя ъ).

Относительно слоговъ, въ которыхъ *е* стоитъ передъ *ч*, слѣдуетъ однакожь замѣтить, что такъ какъ *ч* всегда мягкій звукъ, то передъ нимъ эта гласная, по общему закону, и не можетъ измѣняться въ *ѣ*: она въ такихъ слогахъ всегда произносится узко.

8) Въ словахъ иностраннаго происхожденія, когда на томъ языкѣ, откуда они заимствованы, произносится чистый звукъ *е*: *кавалеръ, офицеръ, скверъ, рельефъ, сюжетъ, пьеса, министерство, интересъ, крепъ, тарелка, газета, нервы, лента, гербъ, мизерный, черкесь, шведъ, чезъ, сербъ, персь*. Въ заимствованныхъ словахъ *ѣ* является только для передачи звука *ё* (франц. eu) или *о* (послѣ мягкаго *л*), *серьезный, актёръ, суфлёръ, акушёръ, флёръ* (Flor). Иногда по недоразумѣнію такъ же выговариваютъ: *партнеръ, доктринеръ* (вопреки дѣйствительному окончанію этихъ именъ: *part ner, doctrinaire*).

Фёдоръ произп. вм. *Феодоръ*, *Семёнъ* вм. *Симеонъ*, *Матрёна* вм. *Матрона*; но иногда и чистое *е* измѣняется такимъ образомъ въ именахъ, издревле усвоенныхъ народомъ, напр. *Пётръ, Фёкла, Олёна* (вм. Елена).

9) Наконецъ, составляя послѣднюю букву слова, ударяемое *е*, независимо отъ слѣдующаго за нимъ слога, обыкновенно произносится какъ *ѣ* (послѣ шипящихъ *ѡ*): *житьѣ, конѣ, моѣ, всеѣ, синѣ, ещѣ, хорошо, горячо*.

Законъ, по которому передъ мягкими звуками гласный *е* подъ удареніемъ не измѣняется въ *ѣ*, допускаетъ также нѣсколько исключеній:

1) Въ надежныхъ окончаніяхъ или второобразныхъ формахъ такихъ словъ, у которыхъ въ прямой или первичной формѣ бу-

ѣ передъ
мягкимъ зву-
комъ.

¹ Такъ впрочемъ произносится *е* и въ существительныхъ: *безтека, пекаръ*.

ква *e* стоитъ передъ твердымъ звукомъ и потому произносится какъ *ё*, напр.: *берёзъ* (отъ берёза), *Серёжи* (отъ Серёжа), *чёр-ненкйй* (отъ чёрный), *денёчекъ* (отъ денёкъ), *намёки*, *тетёхи*, *далёкимъ* (отъ намёкъ, тетёха, далёкъ). Иногда такія второобразныя слова произносятся различно, напр. *кулечекъ* и *кулёчекъ*, *мышечекъ* и *мышёчекъ*, *сплетни* и *сплётни*, *переплетчикъ* и *переплётчикъ*.

2) Въ окончаніяхъ глаголовъ ударяемый гласный *e* передъ *те* измѣняется въ *ё*, такъ же какъ передъ *шь* (=шъ), *тъ* и *мъ*: *встаёшь*, *встаёте*, *ревёшь*, *ревёте*, *бережёшь*, *бережёте*.

3) Въ уменьшительныхъ родственныхъ и собственныхъ именахъ: *тё-тя* (на подобіе тёт-ка), *Дё-ля*. Но *Пе-тя*, *Се-ня* произносятся безъ измѣненія *e* въ *ё*.

4) Въ творительномъ надежѣ сущ. имени съ жен. окончаніемъ на *я* буква *e* передъ *ю* произносится какъ *ё*, напр. *зарё-ю*, *ступнё-ю*.

Г) Мы указали на законъ, по которому послѣдующій слогъ, въ отношеніи къ твердости или мягкости звуковъ, дѣйствуетъ на предыдущій. Но когда твердому губному или гортанному звуку предшествуетъ слогъ *ер*, то этотъ послѣдній произносится мягко со сжатымъ *é*: слова *вер-хъ*, *цер-ковъ*, *четвер-гъ*, *ковер-катъ*, *пер-вый*, а иногда и *верба*, *стерва*, выговариваются: «вёрхъ», «цёрковь», «четьвёргъ» и т. д. Нѣкоторые Москвичи говорятъ также: «Сёрьпуховъ». Если вникнуть въ это явленіе, то и здѣсь причина отыщется конечно въ естественныхъ законахъ образованія звуковъ.

Слогъ *ер* внутри слова.

II. Уподобленіе голосовыхъ звуковъ безголоснымъ и наоборотъ.

а) Изъ двухъ смежныхъ согласныхъ первый уподобляется второму, т. е. голосовой передъ безголоснымъ становится также безголоснымъ, а безголосный передъ голосовымъ обращается въ голосовой. Это особенно часто бываетъ при соединеніи слова съ префиксомъ или суфиксомъ:

Другого рода уподобленіе предыдущаго послѣдующему звуку.

остать произн. фстать

обхватить — опхватить

иссохнуть — иссохнуть

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

отдать произн. оддать

сберечь — зберечь

здѣлать — здѣлать

<i>невскій</i> произн. нефскій	<i>просьба</i> произн. прозьба
<i>салазки</i> — саласки	<i>также</i> — таґже
<i>будка</i> — бутка	<i>Афланы</i> — Авганы.

б) Свистящіе з с передъ шипящими *ж ш ч* произносятся какъ шипящіе:

<i>пожже</i> — поґже	<i>шведшій</i> — шшедшій
<i>вожжи</i> — воґжи	<i>счастіе</i> — шчастіе (щастіе)
<i>пріѣжжій</i> — пріѣґжій	<i>извозчикъ</i> — извошчикъ (извощикъ).

в) Въ концѣ слова голосовой звукъ произносится какъ безголосный того же органа, каковъ бы ни былъ начальный звукъ послѣдующаго слова, напр.

<i>грибъ</i> — грипъ	<i>годъ</i> — готъ
<i>ровъ</i> — рофъ	<i>ножъ</i> — ношъ
<i>кругъ</i> — крукъ	<i>рѣжь</i> — рѣш
<i>богъ</i> — бохъ ¹	<i>глазь</i> — гласъ.

Но конечный звукъ предлога, хотя и отдѣльнаго, уподобляется начальному звуку послѣдующаго слова, напр.

<i>объ</i> столъ — оп столъ	<i>отъ</i> доски — од доски
<i>надъ</i> тобой — нат тобой	<i>съ</i> другомъ — з другомъ
<i>изъ</i> печки — ис печки	<i>к</i> дому — г дому.

Конечный голосовой звукъ предлога не измѣняется передъ начальнымъ голосовымъ же: *надъ* нимъ, *подъ* рукою, *объ* васъ, *изъ* моря, *изъ* горы.

г) Такъ какъ конечный голосовой звукъ слова произносится безголосно, то и предшествующій конечному голосовой звукъ нѣсколько уподобляется ему, такъ напр. въ словахъ: *дождь*, *подъ-падъ*, *просьбъ*, *мозгъ* предпослѣдній согласный теряетъ часть своей мягкости.

¹ Разница звука г въ словахъ *кругъ* и *богъ* обнаруживается и въ косвенныхъ падежахъ: первому соотвѣтствуетъ смычной *г*, а второму спирантъ *г̣*: ср. выше стр. 8.

д) Въ именахъ, кончающихся на *бль* и *вь*, напр. *корабль*, *рубль*, *журавль*, а большею частью исчезаетъ въ живой рѣчи и звуки *б* и *в* обращаются въ безголосные, такъ что эти имена слышатся какъ: «корапъ, рупъ, журафъ», при чемъ замѣчательно, что мягкій *л* не умягчаетъ предыдущаго согласнаго: ср. выше, стр. 13.

е) Законъ уподобленія звуковъ, изложенный здѣсь въ пунктѣ а) допускаетъ только одно исключеніе: безголосные звуки не обращаются въ голосовые передъ губнымъ *в*, передъ плавными *р* и *л* и носовыми *м* и *н*: *свой*, *сводъ*, *отводъ*, *съ водой*, *къверху*, *творить*, *сразу*, *слабый*, *тратить*, *книга*, *спорька* произносятся совершенно сходно съ своимъ звуковымъ составомъ.

Неуподобляемые согласные.

Описанное здѣсь уподобленіе другъ другу звуковъ голосовыхъ и безголосныхъ на письмѣ не означается, исключая одинъ случай, о которомъ будетъ сказано ниже (начертанія *вос*, *ис*, *рас*—).

Есть еще другой родъ измѣненія звуковъ, состоящій въ томъ, что напр. согласные: *и* *д* *з* переходятъ въ *ж*; *к* *т* *ц* въ *ч* и т. д.; но на этихъ переходахъ звуковъ нѣтъ надобности здѣсь останавливаться, такъ какъ они всегда означаются и на письмѣ, слѣдовательно не представляютъ затрудненія для орфографіи.

Вторая степень умягченія согласныхъ.

21. Если, по разсмотрѣніи звуковъ русскаго языка, мы снова обратимся къ нашей азбукѣ и захотимъ рѣшить, въ какой мѣрѣ она удовлетворительна, то найдемъ, что по отношенію къ богатству русской фонетки она выполняетъ свои сложныя задачи сравнительно простыми средствами. Правда, въ ней нѣтъ буквъ для неопредѣленныхъ гласныхъ и недостаетъ начертанія для спиранта $\tilde{г}$, но, при преобладающемъ въ нашемъ письмѣ этимологическомъ характерѣ, мы и не ощущаемъ особенной надобности въ первыхъ, а спирантъ $\tilde{г}$ былъ бы нуженъ собственно для весьма небольшого количества русскихъ словъ. Важнѣе затрудненіе изображать съ помощью нашей азбуки слова иностраннаго происхожденія, особенно собственныя имена. Въ этомъ отношеніи весьма чувствителенъ недостатокъ: 1) способа означать за-

Общій выводъ о русской азбукѣ.

падно-европейскій звукъ *h* (греч. *spiritus asper*), который мы при-
нуждены передавать нашимъ смычнымъ *и*; 2) буквы для изобра-
женія нѣмецкаго *ö*, французскаго *em, u*, особливо въ началѣ словъ,
напр. для написанія именъ: *Ohman, Eugène, Hugues*, и для англій-
скаго неопредѣленнаго *u* (какъ въ словѣ *but*); 3) буквы для изоб-
раженія дифтонга *uo*, особенно послѣ французскаго *l mouillé*
или гортаннаго *gn*, напр. въ словахъ: *bataillon, bouillon, com-
ragnon*. Способы передачи этихъ звуковъ будутъ объяснены въ
своемъ мѣстѣ.

Другого рода трудность составляютъ существующія въ на-
шей азбукѣ двойныя буквы для трехъ звуковъ: *и i; e n; ф ø*.
И о нихъ рѣчь будетъ ниже.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРАВОПИСАНІЕ.

Троякія пра-
вила.

22. *Правописаніемъ (орѳографіей)* называется общепринятый
на практикѣ и узаконенный теорією способъ начертанія словъ
какъ отдѣльно, такъ и во взаимной ихъ связи. Поэтому къ
правописанію относятся троякія правила:

- 1) объ употребленіи той или другой буквы;
- 2) о соединеніи двухъ словъ въ одно и о переносѣ частей
слова изъ строки въ строку;
- 3) объ употребленіи знаковъ препинанія и другихъ облег-
чающихъ правильное чтеніе знаковъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объ употребленіи той или другой буквы.

Двойное пра-
вописаніе.

23. Въ этомъ отношеніи правописаніе бываетъ: 1) *фонети-
ческое* (звуковое), когда слова пишутся сходно съ произношеніемъ,

какъ напр. въ сербскомъ языкѣ, и 2) *этимологическое* или *историческое*, когда въ письмѣ съ одной стороны соблюдается производство словъ, а съ другой отражается древнее, уже измѣнившееся произношеніе, или вообще употребляются общепринятые издавна начертанія.

Большею частью письмо каждаго языка представляетъ смѣсь обѣихъ родовъ правописанія. Таково и наше письмо, въ которомъ однакожь преобладаетъ характеръ этимологическій. Господствующее начало его заключается въ томъ, чтобы, согласно съ непрерывно развивающеюся исторической жизнію языка, въ начертаніяхъ ясны были слѣды происхожденія и состава словъ.

Сообразно съ этимъ началомъ, наше письмо, подъ вліяніемъ успѣховъ филологіи, постепенно подвергается измѣненіямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ развитіи нашей орфографіи замѣтно и противоположное стремленіе сблизать письмо съ произношеніемъ, что также вполне законно, когда въ такомъ сближеніи нѣтъ прямого противорѣчія словопроизводству, или когда того требуетъ аналогія съ утвердившимися уже уступками выговору. Примиреніе обѣихъ началъ и устраненіе разногласій въ письмѣ составляетъ конечную цѣль разумной теоріи правописанія.

24. Прежде всего укажемъ на общее правило сочетаемости гласныхъ буквъ съ согласными. Сочетаемость
буквъ.

Изъ твердыхъ гласныхъ *ы* не пишется послѣ гортанныхъ *к х* и послѣ шипящихъ *ж ш ч щ*; тѣ же и другія согласныя допускаютъ послѣ себя только *и*, т. е. возможно только сочетанія, *ки хи жи ши чи щи*, а не *гы кы хы* и т. д.

Въ древнемъ языкѣ, напротивъ, для того чтобы гортанныя сохраняли свой звукъ, послѣ нихъ писалось *ы*, напр. *гыбьль*, *Кыевъ*, *хытьрь*, потому что передъ *и* они не могли устоять и переходили въ другіе звуки.

Тѣ же самыя согласныя, а также и *и*, не терпятъ послѣ себя обличенныхъ гласныхъ *я ю*. Поэтому возможны только сочетанія: *га ка ха жа ша ча ща гу ку ху жу шу чу шу*, а не *гя кя*. . . *ю кю* и т. д., при чемъ однакоже должно замѣтить, что въ древ-

немъ языкѣ, вслѣдствіе мягкости шипящихъ и *и*, очень часто являлись начертанія: *жя шя чя ця ѡя шю* и проч.

Послѣ гортанныхъ *г* *к* *х* и послѣ *и* никогда не пишется *ѣ*.

Главные правила употребленія буквъ сводятся къ слѣдующимъ вопросамъ:

- 1) Какую употреблять букву изъ двухъ, означающихъ разные звуки (напр. *а* или *о*, *э* или *с*)?
- 2) Какую употреблять букву изъ двухъ, означающихъ одинъ и тотъ же звукъ (напр. *е* или *ѣ*)?
- 3) Въ какихъ случаяхъ удвоятъ одну и ту же согласную?
- 4) Какъ писать слова, заимствованныя изъ другихъ языковъ?
- 5) Когда начинать слово съ большой буквы?

*

I. Какую употреблять букву изъ двухъ, означающихъ разные звуки?

1) Гласныя.

а или *о*, *я* или *е*?

а ударяемое. 25. *а* ударяемое всегда пишется тамъ гдѣ оно слышится, между прочимъ и въ глагольной формѣ многократнаго вида, въ которой оно образуется изъ *о*: устраи*ва*ть, хажива*ва*ть, допрашива*ва*ть.

Обращеніе *о* въ *а* при образованіи многократнаго вида у насъ еще не вполне установилось. Такъ напр. *о*забáчива*ва*ть въ литературномъ языкѣ вовсе не употребительно. Нѣкоторые глаголы произносятся двояко; одни говорятъ: «обрабатыва*ва*ть, успокаива*ва*ть»; другіе не считаютъ позволительнымъ обращать тутъ *о* въ *а*. Въ сомнительныхъ случаяхъ см. Справочный указатель въ концѣ книги.

о ударяемое. 26. *о* ударяемое пишется не всегда тамъ, гдѣ оно слышится. Многие до сихъ поръ еще пишутъ въ род. пад. прилагательныхъ на *ой*: «второго», «простаго», вм. второго, простаго. Но такъ какъ въ именит. падежѣ ед. ч. такихъ прилагательныхъ уже установилось начертаніе *второй*, *простой*, *сухой*, *нагой* вм. «вторый,

простѣй, сухій, нагій», то нѣтъ причины избѣгать *о* и въ родит. пад. Эта орфографія имѣетъ еще и то преимущество, что она указываетъ на удареніе предпоследняго слога въ окончаніи *ого*.

Въ мѣстоименіяхъ *какого, такого* давно уже правильно пишется *ого* вм. *аго*, потому что они склоняются по образцу мѣстоименій *кого, того*, и въ древнемъ языкѣ никогда не было начертаній: «какаго, такаго». Но въ сущности прилагательныя, по своей формѣ въ нынѣшнемъ языкѣ, совершенно съ ними сходны.

Въ наст. вр. глагола *платить* пишутъ: *платишь, платятъ* и т. д., равно и въ страд. причастіи: *заплаченъ, уплаченъ*, хотя въ произношеніи слышится *о*.

о пишется въ другомъ глаголѣ того же звукового состава: *плотить, плотить, плотятъ*.

Звукъ *е* съ удареніемъ, слышимый послѣ согласнаго, также *е* ударяемое, не всегда пишется. Такъ въ прошедшемъ вр. глаголовъ *запрячь* и *трясти* пишутъ этимологически: *запряжь* и *трясь*, хотя произносятся «запрѣжь, трѣсь». Равнымъ образомъ и въ неопр. наклоненіи пишутъ *запрячь*, а произносятся «запречь». Родит. надежъ ед. ч. личнаго мѣстоим. *она* пишется *ея*, произносится *еѣ*.

27. *а* и *о*, *я* и *е* *неударяемые* въ произношеніи не отличаются другъ отъ друга, отчего на письмѣ часто и смѣшиваются. Чтобы въ употребленіи ихъ избѣгать ошибокъ, необходимо приискивать такія формы словъ, въ которыхъ сомнительная гласная звучала бы явственно, т. е. подъ удареніемъ, или же принимать въ соображеніе законы словообразованія. Напр. когда мы слышимъ глаголъ *морозить, приноравливаться*, то для правильнаго начертанія его надо припомнить слова: *норозъ, снорозка*. Чтобы правильно написать слово *пароходъ* слѣдуетъ имѣть въ виду, что для соединенія двухъ сущ. именъ въ одно служитъ гласная *о* или *е* (иныя невѣрно пишутъ «параходъ»). Исключеніе составляютъ нѣкоторые глаголы въ многократной формѣ съ предложною представкой¹, въ которыхъ пишется *а*, потому что въ древнемъ языкѣ,

¹ *Представка* — prefix; *наставка* — suffix. Слово же *приставка* соответствуетъ общему для обоихъ понятій термину: affix.

при образованіи многократнаго вида, коренное *о* подвергалось подъему въ *а*; такимъ образомъ у насъ сохранились начертанія: *полагать* при корнѣ *лог* и формѣ *положить*, — *касаться* при корнѣ *кос* и формѣ *коснуться*, — *макать* при корнѣ *мок* и формѣ *мокнуть*. Двойко пишутся глаголы: *рождать*, *загорать* (возгораться), *поглощать*, *поклоняться* и «раждать, загарать» и т. д. Сходно съ наиболѣе распространеннымъ обычаемъ и по аналогіи съ первообразными глаголами *родить*, *горѣть*, *глотать*, *клонить*, лучше писать въ нихъ *о*, оставляя *а* только тамъ, гдѣ оно твердо установилось, именно въ приведенныхъ трехъ глаголахъ. Отъ корня *рост* пошли отрасли двойкой формы, какъ-то: *ростъ* и *возрастъ*, *растеніе*, *недоросль*; — *отрасль*, *водоросль* и *водорасль*. Сообразно съ установившимися формами др. слав. орфографіи *возрастъ* и *растеніе*, предпочтительны начертанія: *расти*, *расту*, *растить*, *возрастать*, *возращать*. Но въ прошедшемъ времени и въ родственныхъ съ нимъ формахъ *о*: *росла*, *росло*, *выросъ*, *выросій* (имѣя въ виду *росъ*).

Сомнительныя формы сущ. именъ.

28. Есть также нѣсколько существительныхъ и прилагательныхъ, представляющихъ то же затрудненіе въ выборѣ неударяемаго *а* или *о*, именно: *грамота*, *казакъ*, *калачъ*, *касатка*, *коровай*, *творогъ*, *тороватый*. Формы, въ которыхъ мы здѣсь привели эти слова, наиболѣе употребительны, хотя по производству и слѣдовало бы писать: «грамата, колачъ». (См. справочный указатель въ концѣ книги).

Иногда и въ окончаніяхъ именъ сущ. можетъ встрѣчаться сомнѣніе, писать ли *а* или *о*, именно въ суффиксѣ *шика* или *шко* именъ муж. рода. Первая форма (съ *а*) свойственна именамъ одушевленнымъ: *мальчишка*, *воришка*, *плутишка*, вторая (съ *о*) неодушевленнымъ: *домишко*, *крестишко*. Первые имена и склоняются какъ женскія на *а*, подобно другимъ уменьшительнымъ мужескаго рода съ окончаніемъ *ка*, каковы напр. *батъка*, *батюшка* или собственныя имена: *Ванька*, *Ванюшка*.

Въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ говорахъ употребительны формы: *батюшко*, род. *батюшка*, твор. *батюшкою* и т. д., но мы

здѣсь имѣемъ въ виду собственно московское нарѣчіе и основанный на немъ письменный языкъ.

Изъ кличекъ лошадей только тѣ, у которыхъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, удержали окончаніе *ко* (гнѣдкó, сѣркó, воронкó); прочія, какъ сивка и бурка, перемѣнили его на *ка*.

29. Сюда же относится вопросъ о склоненіи малороссійскихъ фамильныхъ именъ на *ко*. Сообразно съ этимъ окончаніемъ, ихъ слѣдуетъ склонять какъ имена средняго и муж. рода, т. е. говорить и писать: у *Пащенка*, къ *Кованьку*, съ *Шевченкомъ*; но такъ какъ, по господствующему великорусскому выговору, въ окончаніи этихъ именъ неударяемое *о* слышится какъ такое же *а*, то у насъ завелся обычай и склонять ихъ какъ имена женскія: у *Пащенки*, къ *Кованькѣ*, съ *Шевченкою*. Такъ съ подобными именами обращаются большею частью и на письмѣ, чему не мало примѣровъ найдется у нашихъ писателей, начиная съ прошлаго столѣтія, какъ напр.: въ Запискахъ Державина: «послать графа *Безбородку*, перешло отъ *Безбородки*»; въ Запискахъ Энгельгардта: «*Костюшкою*»; у кн. Вяземскаго въ сочиненіи «Фонъ-Визинъ»: «съ княземъ Потемкинымъ и графомъ *Безбородкою*»; у С. Т. Аксакова въ «Семейной Хроникѣ»: «стихи *Родзянки*»¹. Однакожъ Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ и нѣк. др. пишутъ въ род. пад.: Бунка (именит. Бунко), Дорошенка, Коновченка, и это склоненіе, какъ правильное, заслуживаетъ предпочтенія; другое же можетъ быть допускаемо развѣ только въ просторѣчій. Склоненіе муж. рода неудобно лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о лицахъ женскаго пола; въ примѣненіи къ этимъ послѣднимъ фамильные имена на *ко* должны быть оставляемы безъ склоненія, подобно многимъ другимъ собственнымъ именамъ, которыя, по своимъ окончаніямъ, не подходятъ подъ флексіи русскихъ именъ, какъ напр. Гѣте, Коцебу, Дюпанлу, Гюго. Нельзя того же сказать о мужскихъ именахъ на *ко*, принадлежащихъ рус-

Малороссій-
скія фамиліи
на *ко*.

¹ Впрочемъ въкоторыя отрасли этой фамиліи, издавна поселившіяся въ великорусскихъ губерніяхъ, пишутъ уже и въ имен. падежѣ *Родзянка*.

скому народу, а также о тѣхъ иностранныхъ именахъ муж. р., которыя оканчиваются на *z* и потому только при означеніи женскихъ лицъ должны оставаться безъ склоненія. Но писать напр. Александру «Германъ» вм. *Германа*, или Ивана «Вернеръ» вм. *Вернера*, нѣтъ никакого основанія. Иначе пришлось бы также не склонять именъ: Александръ, Константинъ, Яковъ и проч., а также: Гомеръ, Шекспиръ, Шиллеръ, потому что вѣдь и это все имена иноязычныя.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, именамъ на *o* въ примѣненіи къ женскому полу слѣдуетъ давать окончаніе *ова* и говорить напр.: г-жа Крайченкова, но съ этимъ сопряжено то неудобство, что такія имена можно принимать за женскія формы великорусскихъ фамилій на *овъ*.

Имена на *ло*
или *ла*?

30. У насъ есть еще другой разрядъ собственныхъ именъ, въ окончаніи которыхъ на письмѣ является то *o*, то *a*. Это имена, первоначально оканчивающіяся на *лз*, но въ народномъ говорѣ превратившія окончаніе *z* въ новый гласный звукъ. Этотъ гласный есть собственно *o*, какъ замѣститель древняго *ера*, почему большею частію и пишутъ, въ сущности, правильно: *Гаврило*, *Данило*, *Кирило*, *Михайло*; но такъ какъ въ косвенныхъ падежахъ просторѣчіе даетъ такимъ именамъ окончанія женскаго склоненія: у *Гаврилы*, къ *Даниль*, съ *Кирилой*, то для единообразія лучше и въ именит. падежѣ писать *a*: *Гаврила*, *Данила*. Давать именамъ мужскаго рода женское окончаніе не противно духу языка. На этомъ-то основывается и показанная выше разница именъ на *ишка* или *ишко*, смотря по тому, означаютъ ли они лицо или вещь. Пушкинъ руководился вѣрнымъ чутьемъ, когда онъ писалъ: *Гаврила*, *Кирила*. (См. его повѣсти: *Метель*, *Дубровский* и др. соч.).

На томъ же основаніи и въ нарицательныхъ именахъ подобной формы, какъ *запывала*, *надопдала*, *курила*, *кутила*, надо теперь уже видѣть окончаніе женскаго, а не средняго рода, какъ показываютъ между прочимъ ихъ косвенные падежи; окончаніе же средняго рода *ло* отличаетъ имена орудій: *мыло*, *рыло*, *су-*

шило, опахало, покрывало, пухало, чучело. вмѣсто послѣдняго употребляется впрочемъ и форма *чучела* (видоизмѣненіе слова *кукла*).

31. Въ повелительномъ наклоненіи глагола, къ дательному Частица *ко*. падежу личнаго мѣстоименія и къ нѣкоторымъ нарѣчіямъ мѣста въ просторѣчій присоединяется иногда частица *ка* или *ко* (также *тка, тко*), въ которой трудно установить этимологически правильность той или другой изъ обѣихъ гласныхъ, напр. *приди-ка, мнѣ-ко, гдѣ-ка, ну-тка, гляди-тко.*

Въ народномъ говорѣ эта частица слышится различно, смотря по произношенію мѣстнаго нарѣчія. У лучшихъ писателей, иногда у одного и того же, напр. у Крылова, мы встрѣчаемъ то *ка*, то *ко*; у Пушкина постоянно *ка*. Въ академическомъ словарѣ нѣтъ ни той, ни другой формы. У Даля въ азбучномъ порядкѣ словъ находимъ *ка*, но рядомъ и *ко*. Однимъ изъ главныхъ доводовъ въ пользу первой формы можетъ служить то, что у Сербовъ въ томъ же значеніи является частица *ка*.

32. Форма *роз* или *рос* предлога *раз* должна быть употребляема исключительно тогда, когда ея требуетъ падающее на гласную удареніе: *розвалили, роздалг, розняли, розобрало, розговѣнье, розыскъ, розырышиг, розсытъ, розказни.* Этой случайной формы предлога не слѣдуетъ придавать ему, когда онъ въ соединеніи съ словами того же корня, какъ приведенныя, не носитъ ударенія. Какъ мы не пишемъ: «розсказывать», «рознимать», «розборъ», «роздавать» и т. д. соображаясь съ словами *розказни, розняли, розобрало, роздали*, такъ не слѣдуетъ писать и «розысканіе» и «росписка» вмѣсто *разысканіе, расписка.*

— *анъ* или — *енъ* (въ страдат. причастіяхъ)?

33. Сомнѣніе въ употребленіи одного изъ этихъ слоговъ встрѣчается особенно послѣ шипящихъ *ж ш ч щ*, оттого что въ неудараемыхъ слогахъ *а* послѣ этихъ согласныхъ слышится почти какъ *е*, напр. въ словахъ *жалейка*¹ (дудка), *шатеръ, чапракъ, плащаница.*

¹ Въ Словарѣ Даля находимъ это слово въ двухъ формахъ, изъ которыхъ «жалейка» неправильна: оно происходитъ отъ *жалъ*.

Это фонетическое явление подаетъ часто поводъ къ ошибочному начертанію неударяемыхъ окончаній въ страдательныхъ причастіяхъ, изъ которыхъ одни кончатся на *анъ*, другіе на *енъ*. Даже у Карамзина и у Пушкина попадаетъ невѣрное начертаніе: «смѣшенный», напр. «пить медъ, смѣшенный съ кровію». (И. Г. Р. IX, 167). Слѣдуетъ писать: *смѣшанный*, *услышанъ*, *умолчано*, *оконченъ*, *развѣшены*, а не наоборотъ: «смѣшенный, услышенъ, умолчено, окончанъ, развѣшанъ».

Окончанія
страдатель-
ныхъ прича-
стій.

Чтобы не ошибаться въ этихъ случаяхъ, необходимо спра- вляться съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и помнить, что формѣ *ать* соотвѣтствуетъ въ этомъ причастіи окончаніе *анъ*, а формѣ *ить* — окончаніе *енъ*. Когда неопред. наклоненіе кончается, смотря по виду, то на *ать*, то на *ить* (*кончатъ*, *кончатъ*), тогда причастіе образуется только отъ послѣдняго (*конченъ*). *Слышанъ* отличается отъ *слышенъ* тѣмъ, что первое — причастіе, а второе — краткое прилагательное; въ женскомъ родѣ: 1, *слышана*; 2, *слышина*. *Развѣшенъ* должно писаться съ *е*, ибо образовано отъ *развѣсить*, а не отъ *развѣшать*. Равнымъ образомъ *застрѣленъ* отъ *застрѣлить* и *разстрѣлянъ* отъ *разстрѣлять*, *размѣнянъ* отъ *размѣнять*.

— *ютъ* или — *ятъ*? — *утъ* или — *атъ*? (въ глагольныхъ окончаніяхъ 3-го лица множ. ч.).

Глагольные
окончанія.

34. Смѣшеніе неударяемыхъ *я* съ *ю* и *а* съ *у* замѣчается всего чаще въ глагольныхъ окончаніяхъ 3-го лица множ. ч. настоящ. времени.

Глагольные окончанія опредѣляются положительными законами, отъ которыхъ нельзя отступать въ угоду неавственному или неправильному произношенію.

1) Относительно настоящаго (будущаго) времени изъявительнаго наклоненія есть законъ, не допускающій ни одного исключенія: когда въ един. числѣ *ишь*, *итъ* и т. д., то во множ. *ятъ* или *атъ*; когда въ един. *ишь*, *етъ*, то во множ. *ютъ* или *утъ*; тѣ и

другія окончанія всегда соотвѣтствуютъ извѣстнымъ формамъ неопред. наклоненія. Слѣдовательно, при существующей въ русскомъ языкѣ неясности произношенія неударяемыхъ гласныхъ, необходимо повѣрять эти окончанія одни другими и не писать, напр., «колеблятъ, хлопчатъ, держутъ, клеютъ, строятъ, беспокоютъ, надѣются, сѣять, колятъ, морочутъ, вытасутъ», вм. *колеблютъ, хлопчутъ, сьютъ, колютъ, надѣются; морочатъ, держатъ, клеятъ, строятъ, беспокоятъ*; столь же неправильны формы «вы скажите, вы пишите» вм. *скажете, пишете*, потому что въ един. числѣ: *колеблешь, хлопчешь, сьешь, надѣешься; морочишь, клеишь, строишь, беспокоишь, скажешь, пишешь*¹.

Въ этомъ отношеніи всего чаще смѣшиваются два разряда глаголовъ, правда, весьма сходные по звукамъ въ настоящ. времени, но рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого въ неопредѣленномъ наклоненіи. Сюда особенно принадлежатъ тѣ глаголы, которые въ наст. врем. имѣютъ передъ неударяемымъ окончаніемъ шипящую букву. Приведемъ примѣры изъ каждаго разряда. Слѣдуетъ писать:

Два разряда глаголовъ.

1) держишь — держатъ	2) вяжешь — вяжутъ
слышишь — слышатъ	пишешь — пишутъ
корчишь — корчатъ	топчешь — топчутъ
тащишь — тащатъ	клевеешь — клеветутъ.

У гл. 1-го столбца неопредѣл. наклоненіе кончится на *ать* съ тою же шипящею буквой, какая въ изъявительномъ; глаголы же 2-го столбца имѣютъ передъ окончаніемъ на *ать* другую согласную, которая въ наст. времени измѣняется по общему закону: *вязать* (з на ж), *писать* (с на ш), *топтать* (т на ч), *клеветать* (т на ш, ц. слав.).

Такимъ же образомъ смѣшиваются и многіе другіе глаголы,

¹ Само собою разумѣется, что нельзя считать исключеніями тѣ глаголы, у которыхъ единств. и множеств. относятся къ разнымъ темамъ, напр. *хочешь* и *хотять*, *бѣжишь* и *бѣгутъ*.

не имѣющіе въ настоящ. вр. шипящей буквы передъ окончаніемъ.
 Должно писать:

1) клеишь — клеятъ	2) сѣешь — сѣютъ
молишь — молятъ	мелешь — мелютъ
строишь — строятъ	роешь — роютъ
селишь — селятъ	стелешь — стелятъ
любишь — любятъ	колеблешь — колеблютъ
ломилъ — ломаютъ	дремлешь — дремлютъ.

Здѣсь неопредѣл. наклоненія всѣхъ глаголовъ 1-го столбца оканчиваются опять на *ишь*, а всѣ, отвѣчающіе 2-му, имѣютъ другія окончанія, именно: *сятъ, молотъ, рытъ, стлатъ, колебатъ, драматъ*. Послѣднія три относятся къ тому же разряду, какъ и приведенные выше во 2-мъ столбцѣ глаголы, но они имѣютъ передъ окончаніемъ *атъ* не шипящую, а другую, либо также неизмѣняющуюся (*б м*), либо неизмѣняющуюся букву (*л*).

Изъ сказаннаго видно, что на *ишь* — *ятъ* или *атъ* въ наст. времени оканчиваются такіе глаголы, которые въ неопр. наклоненіи передъ *тъ* имѣютъ также *и* (иногда и *ь*, напр. *смотрѣтъ, видѣтъ, обидѣтъ*) или *а* съ предыдущею шипящею буквою (*жатъ, шатъ, чатъ, щатъ*).

Глаголъ ды-
шатъ.

Иногда ошибаются въ обоихъ числахъ наст. врем.; такъ въ обычай вошло писать: *дынешь, дынутъ*, тогда какъ слѣдуетъ писать: *дышишь, дышатъ*, какъ *слышишь, слышатъ; значишь, значатъ*. Форма *дынешь* тоже существуетъ, но она принадлежитъ неупотребительному глаголу *дыхать* (какъ *пашешь — пахатъ, пынешь — пыхатъ*). Нѣтъ причины допускать въ спряженіи постороннюю форму, когда у глагола есть своя, почти не отличающаяся отъ первой и въ фонетическомъ отношеніи: мы видимъ тутъ то же недоразумѣніе, какое замѣчается во многихъ другихъ случаяхъ отъ сходства произношенія неударяемыхъ гласныхъ *е* и *и*. У старинныхъ нашихъ писателей можно найти примѣры вѣрнаго пониманія рассматриваемой формы. Такъ даже Державинъ, вообще не строгій въ этомъ отношеніи, говоритъ

однажды, хотя и съ неупотребительнымъ удареніемъ, но съ правильнымъ окончаніемъ:

«Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ».

(Феллица, строфа 7, стихъ 4).

Поэтому и Востоковъ былъ правъ, помѣстивъ глаголь *дышать* въ разрядъ глаголовъ, имѣющихъ въ настоящемъ времени окончаніе *ишь, итъ* и т. д., отъ чего напрасно отступилъ академическій словарь.

35. Съ окончаніями изъявительнаго наклоненія необходимо соображаться и въ причастіяхъ; поэтому неправильны причастныя формы: «значущій, покоющій, стоящій, строящій» вм. *значащій, покоящій, стоящій, строящій*. Форму *стоящій* позволяютъ себѣ нѣкоторые для отличія отъ *стоящій*; но вводятъ неправильныя начертанія, чтобы отличать одно слово отъ другого, несогласно съ общими требованіями правописанія. Для этого есть другое, законное средство, именно знакъ ударенія, которымъ, при встрѣчающейся надобности, не для чего пренебрегать: въ разсматриваемомъ случаѣ должно писать *стѡящій*.

Окончанія причастій на *ищій*.

Отъ причастныхъ формъ, въ родѣ *стѡящій, покоящій*, надо отличать прилагательныя, которыя иногда могутъ и не быть согласны съ первыми. Вопреки спряженію глагола русскія прилагательныя иногда оканчиваются на *ущій* и *ющій* (чему соответствуетъ народная форма на *чій*, напр. *горючій, кипучій, летучій*, несмотря на причастія: *горящій, кипящій, летящій*). Такъ есть прилагательныя: *вѣрющій* (вѣрующее письмо), *сѣдущій*; на томъ же основаніи академическій словарь допускаетъ начертаніе *малозначащій* (рядомъ съ *малозначущій*) и *огнедышущій*. Последнее можетъ быть оправдано и глаголомъ *дыхать, дышешь*.

Прилагательныя на *ищій*.

е или и?

36. Неударяемые *е* и *и* смѣшиваются во многихъ случаяхъ:

1) Въ глагольныхъ формахъ ошибочно пишутъ: «мы приѣдимъ, вы прикажете, вы напишите» вм. *приѣдемъ, прикажете, напишете*, что уже объяснено выше (см. выше, стр. 29).

Глагольныя окончанія *ишь, ишь*.

Уменьшит.
имена на
екъ, икъ.

2) Въ окончаніяхъ уменьшительныхъ именъ неправильно пишутъ: «цвѣточикъ, кусочикъ, вѣночикъ» вм. *цвѣточекъ, кусочекъ, вѣночекъ*. Это уменьшительныя второй степени, образованныя отъ формъ: *цвѣтокъ, кусокъ, вѣнокъ* посредствомъ прибавленія суффикса *екъ*, при чемъ конечное *к* перваго окончанія обращается въ *ч*.

Уменьшительный же слогъ *икъ* приставляется либо къ имени (большую частію односложному), не имѣющему другаго суффикса, кромѣ *з* или *ь*, напр. *столикъ, домикъ, дождикъ, ножикъ, мячикъ, шалашикъ*, либо къ окончанію имени на *ецъ*, при чемъ *ц* также измѣняется въ *ч*, почти всегда съ выпаденіемъ предшествующей гласной: конецъ — *кончикъ*, купецъ — *купчикъ*, образецъ — *образчикъ*, кузнецъ — *кузничекъ*.

Для повѣрки правописанія такихъ именъ, стѣбитъ только образовать одинъ изъ косвенныхъ падежей ихъ: исчезновеніе гласной передъ *к* (напр. *цвѣточекъ* — *цвѣточка*) будетъ несомнѣннымъ признакомъ, что слово оканчивается на *екъ*, а не на *икъ*, такъ какъ звукъ *и* никогда не бываетъ бѣглымъ: *столикъ* — *столика*.

Уменьшит.
имена на
енька.

3) Въ ласкательныхъ уменьшительныхъ именахъ съ женскимъ окончаніемъ слѣдуетъ писать *енька*, а не «инька», напр. *маменька, папенька, рученька, Оленька, Васенька*.

Въ *собственныхъ* именахъ этого окончанія необходимость *е* объясняется посредствующей формой на *а* (малый юсъ), т. е. на тонкій носовой звукъ (= *ен*); такъ произошли имена молодыхъ животныхъ, напр. отъ ягнъ — *ягенокъ*. Наши дѣтскія имена *Ваня, Коля, Надя, Вася* (въ народѣ иногда *Васеня*) и т. п. оканчиваются на такое же *я*. Въ именахъ на *ша* (*Маша, Паша*, въ народѣ *Пашеня*) это *я* превратилось въ *а* по причинѣ предшествующей шипящей; на второй же степени уменьшенія и у этихъ именъ является также окончаніе *енька*: *Машенька, Пашенька*. Только *Лизанька* составляетъ исключеніе.

Уменьш.
прилагатель-
ныя.

4) Тому же типу слѣдуютъ и уменьшительныя прилагательныя; *худенькій, толстенькій; хорошенькій*. Присутствіе въ нихъ

е яснѣ всего оказывается при переходѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ краткую форму или въ нарѣчіе съ перемѣною ударенія: *худенежъ, толстенежъ; хорошенько*. Когда это окончаніе слѣдуетъ послѣ гортанной буквы корня, то *е* обращается въ *о*, что особенно ясно оказывается въ нарѣчіяхъ при удареніи на предпоследнемъ слогѣ: *тихонько, плохонько, леонько*; слѣдовательно надо писать и прилагательныя: *плохонькій, леонькій, мяконькій*, хотя произносимъ мы обыкновенно по аналогіи: «тихенькій, лёгенькій, мякенькій».

5) Отъ вещественнаго имени *солома* единичное будетъ *соломина*, какъ *градина, горошина, крупина* отъ *градъ, горохъ, крупа*; а отъ *соломина* образуется *соломинка*, какъ отъ *крупина* — *крупинка*; слѣдов. неправильно писать «соломенка».

Окончанія:
ина, иика.

6) Когда имя среднего рода, кончащееся на *ье*, является въ уменьшительной формѣ съ суффиксомъ *це*, то предшествующій послѣднему неударяемый звукъ *е* измѣняется въ *и*: *имънице, варенице*; ударяемое же *ѣ* только теряетъ акцентъ: отъ *копьѣ* образуется уменьш. *копьецѣ*. Появленіе *и* въ первомъ случаѣ объясняется тѣмъ, что суффиксъ *це* имѣлъ первоначально форму *ице*, какъ видно изъ словъ съ этимъ окончаніемъ въ древне-слав. языкѣ.

Суффиксъ *це*.

7) Образующія отъ собственныхъ именъ прилагательныя на *инскій* и на *енскій* должны быть различаемы въ правописаніи.

Окончанія
прилаг.
инскій, енскій.

Почти всѣ имена женскаго рода на *а* и *я* даютъ отъ себя только окончаніе *инскій*: *Анн-а — Анн-инскій*, *Екатерин-а — Екатерин-инскій*, *Елисавет-а — Елисавет-инскій*, *Марі-я — Марі-инскій*.

Очевидно, что это двусложное окончаніе *ин-скій* есть только распространеніе односложнаго женск. притяжательнаго суффикса *инъ*: *Анн-инъ, Екатерин-инъ* и проч., точно такъ же какъ *ов-скій, ев-скій* не что иное, какъ распространеніе мужскаго притяжательнаго окончанія *овъ* или *евъ*: *Петр-овскій, Алексѣ-евскій*.

То же самое видимъ мы часто и въ относит. прилагательныхъ, произведенныхъ отъ именъ мѣстъ или урочищъ: какъ при муж.

окончаніи такого имени вставляется для удобства выговора **ов**, напр. *Днѣпр-ов-скій*, *Орл-ов-скій*; такъ для облегченія выговора при женскомъ окончаніи вставляется **ин**: отъ собств. именъ: *Шемаха*, *Бузульма*, *Бухтарма*, *Жиздра*, *Ломжа*, *Ялта*, *Сайма*, *Висла* должны быть образованы прилагательныя: *шемах-инскій*, *бузульм-инскій*, *бухтарм-инскій*, *жиздр-инскій*, *ломж-инскій*, *ялт-инскій*, *сайм-инскій*, *привисл-инскій*. Соответствующую форму представляютъ существит.: *Семипалат-инскъ*, *Рыб-инскъ*.

Вмѣсто правильной формы *привисл-инскій*, въ печати, какъ и въ административномъ языкѣ, употребляется большею частію форма: «привислянскій», въ оправданіе которой можно привести развѣ только немногія другія имена, отступающія отъ господствующей нормы, какъ-то: *Моршанскъ*, *Мокшанскъ*, *Цымлянскъ*, *Таращанскій* (уѣздъ), отъ именъ рѣкъ: *Морша*, *Мокша*, *Цымля* и города *Тараща*.

Форма *енскій* придается, напротивъ, нѣкоторымъ названіямъ женскаго рода, оканчивающимся на двѣ согласныя (напр. *Керчь* — *керченскій*), или и на тѣ же гласныя *а*, *я*, но при двухъ передъ ними согласныхъ, изъ которыхъ вторая принадлежитъ къ образовательному окончанію, такъ что онѣ при составленіи прилагательнаго могутъ быть раздѣлены буквою *е*; всего чаще окончаніе *енскій* и происходитъ такимъ образомъ, напр. отъ *Колом-на*, *Борз-на*, *Ков-но*, *Ром-ны*, *Лив-ны* образуются прилагательныя: *коломенскій*, *борзенскій*, *ковенскій*, *роменскій*, *ливенскій*. Отъ общаго правила отступаютъ однакоже слѣдующія прилагательныя: *пензенскій* (отъ *Пенза*), *чесменскій* (отъ *Чесма*), *прѣсенскій* (отъ *Прѣсня*). Прилагательное отъ *Гродно* должно бы слѣдовать второму способу, наравнѣ съ образованнымъ отъ *Ковно*, но присоединилось къ случаямъ перваго типа: *гродненскій*.

Въ теченіе.

8) Многіе пишутъ неправильно: «въ теченіи, въ продолженіи» вмѣсто: *въ теченіе*, *въ продолженіе*, въ противность наиболѣе распространенному въ языкѣ обычаю означать протяженіе времени винительнымъ падежемъ съ предлогомъ *въ*. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить выраженіе: *во время* (не

«во времени»). Говорятъ также: *въ жизнь* не видѣлъ, *въ мою бользнь*, *въ твою бытность*, *въ старину*, *въ эти дни*, *въ цѣлое утро*, *въ былые годы*, *въ отечественную войну*. Правильность внимательнаго падежа въ помянутомъ случаѣ обнаруживается также, когда къ имени присоединимъ опредѣлительное слово: *во все продолженіе*, *во все царствованіе*.

9) Существительное *свояченица* (отъ своячина) неправильно пишется многими: «свояченица». Частные случаи начертанія и.

10) При начертаніи словъ: *старшинство*, *большинство*, *меньшинство*, слѣдуетъ помнить ихъ производство отъ именъ: *старшина*, и неупотребительныхъ: «большина, меньшина».

11) Вопреки общему правилу, соблюдаемому напр. въ формѣ *спокоенъ* отъ *спокойный*, краткое прилагательное отъ *достойный* пишется *достоинъ* для отличія отъ причастія: *удостоенъ*.

12) Правильная форма двойственного числа въ числительномъ «двѣстѣ» уступила мѣсто фонетической *двѣсти*. То же видимъ во множ. числѣ мѣстоименія *этотъ*: во всѣхъ трехъ родахъ принято писать: *эти*, *этихъ* и т. д. вмѣсто: «этѣ, этѣхъ».

13) О двойкомъ окончаніи предложнаго падежа на *и* или на *ъ* при склоненіи именъ, оканчивающихся на *ій* (Василій), на *ія* (Наталія), на *ье* (счастье, здоровье), будетъ сказано въ статьѣ объ употребленіи буквы *ь*.

14) Обыкновенно пишутъ «ничто иное», напр. «это было ничто иное». При нарѣчій *ничто* предложеніе должно бы быть отрицательное: «это не было ничто иное». Уже одно это показываетъ, что «ничто» тутъ не на мѣстѣ. Еслибъ прилаг. *иное* было поставлено впереди, то мы сказали бы: «это было не иное что». Отсюда ясно, что слѣдуетъ писать: *не что иное*.

15) Слово *экзаминаторъ* часто является у насъ въ видѣ «экзаменаторъ», что очевидно неправильно: оно не образовано у насъ отъ имени *экзаменъ*, а перешло къ намъ уже готовое и должно сохранить свою латинскую форму.

— *ые, ыя, —іе, ія*, въ прилагательныхъ.

Множ. число
прилагатель-
ныхъ,

37. Правило отличать въ этихъ окончаніяхъ мужескій родъ буквою *е* отъ женскаго и средняго, которымъ въ удѣлѣ предоставлено *я*, это — правило совершенно произвольное, не имѣющее никакого этимологическаго основанія; тѣмъ не менѣе оно соблюдается строго, и нарушение его считается признакомъ незнанія грамматики. Здѣсь надо обратить вниманіе на одно неправильное употребленіе окончанія муж. рода. При словѣ *лица*, когда подразумѣвается мужской полъ, многіе ставятъ прилагательное или мѣстоим. въ мужескомъ родѣ и пишутъ напр. *лица, которые*; но они забываютъ, что тутъ дѣло идетъ только о грамматическомъ родѣ, и что если мы говоримъ: *то* лицо, лицо *которое*, то нѣтъ основанія и во множ. числѣ отступать отъ общаго закона согласованія.

Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что неударяемое окончаніе прилагательныхъ муж. рода един. ч. *кій, скій*, напр. *легкій, земскій*, совершенно несогласное съ произношеніемъ, установилось вмѣсто употреблявшагося прежде «кой, свой», ради послѣдовательности, въ соотвѣтствіе общепринятому начертанію прилагательныхъ же муж. рода на *ый* безъ ударенія.

и или я въ глаголахъ:

отцаиваться, раскаиваться и т. п.?

Глаголы на
аять, ыять.

38. Въ простыхъ глаголахъ *каяться, таять, чаять, смѣяться, спать* корень составляютъ только слоги *ка та ча смь сть*, какъ видно изъ формъ наст. времени, *ка-еишься, та-еишь, сть-еишь* и т. д.; слѣдовательно и въ неопр. наклоненіи многократнаго вида звукъ *я* долженъ выпадать и замѣняться неударяемою вставкою *ива*, соотвѣтствующею слогамъ *ива* въ другихъ глаголахъ. Итакъ правильны только начертанія: *раскаиваться, отцаивать, отцаиваться, осмѣивать*,¹. Такъ точно отъ глаголовъ

¹ Въ *Филол. Запискахъ* 1881 г. (вып. III) г. Дубровскій противъ этого замѣчаетъ, что и форма *ива* образовалась неправильно изъ *ава*, что напр. *дѣлавать* произошло изъ «дѣлывать». Если бъ и было такъ, то когда уже форма

боятся и *стоять* образованы формы: *баиваться* и *стаивать*; напротивъ, у гл. *сіять*, въ которомъ я принадлежитъ къ корню, этотъ звукъ не исчезаетъ въ другихъ формахъ, и въ многократномъ видѣ говорятъ: *осіивать*. Впрочемъ глаголы *таять* и *чаять* допускаютъ также церк.-сл. формы *истаявать*, *отчаяваться*, которыя, слѣдуя произношенію, иногда являются и съ е вмѣсто я. Отъ глаголовъ *спясть* и (за)*тъять* образуются еще многократныя формы: (по-, раз)*ств-ва-ть* и (за)*тъ-ва-ть*.

— *овать* или *ывать*?

39. На *овать* оканчиваются глаголы двухъ разрядовъ: 1) коренные, какъ *сптовать*, или образованные отъ именъ существительныхъ (*сладовать*) или прилагательныхъ (*радовать*) и 2) взятые изъ другихъ языковъ (*командовать*). Глаголы на
— *овать*.

Окончаніе *ывать* принадлежитъ многократному виду глаголовъ разнаго образованія и обыкновенно служитъ признакомъ, что можно сокращеніемъ этого окончанія низвести глаголъ на степень несовершеннаго, или, при предложномъ глаголѣ, совершеннаго вида: такъ изъ *дѣловать* можно вывести *дѣлать*, изъ *проповѣдывать* — *проповѣдать*, изъ *обманывать* — *обмануть*, изъ *образовывать* — *образовать*.

Послѣ этого спрашивается: правильны ли часто встрѣчающіяся въ нашей печати формы: *обнародывать*, *изсмѣдывать*, *обжалывать*, вм. *обнародовать* и т. д.

Собственно говоря, въ этихъ глаголахъ правильно только окончаніе съ гласною *о*; но такъ какъ они при ней имѣютъ значеніе вида совершеннаго, то формы съ *ы* можно допустить

ва утвердилась въ языкѣ, нѣтъ причины допускать исключеніе для глаголовъ, оканчивающихся на *ать* съ предыдущею гласной. Но дѣло въ томъ, что и означенное указаніе на первоначальную форму многократнаго склоненія глаголовъ на *ать* сомнительно: ибо какъ въ такомъ случаѣ объяснить формы: *видывать* (отъ видѣть), *сматривать* (отъ смотрѣть), *калывать* (отъ колоть), въ которыхъ, по аналогіи, передъ *вать* должна была бы также удержаться первоначальная гласная *ы*, *о* и т. д.

развѣ только какъ сокращенныя формы несовершеннаго, потому что полныя «обнародовывать» и т. д. по трудности произношенія неупотребительны. При такой уступкѣ можно позволять себѣ и употребленіе сомнительныхъ формъ: *обнародываю, изслѣдываю* въ настоящемъ времени, подобно глаголу *образовывать*, который благодаря своему ударенію возможенъ безъ сокращенія.

Совсѣмъ другое представляетъ глаголь *совѣтовать*, образованный отъ существительнаго *совѣтъ*. Форма «совѣтывать» невозможна, такъ какъ съ этимъ глаголомъ не соединяется въ употребленіи понятіе совершеннаго вида и слово *совѣтую* можетъ имѣть только значеніе настоящаго времени; для образованія же совершеннаго вида и будущаго времени, въ распоряженіи говорящаго находятся предлоги: *по, при, отъ*.

Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ надобно помнить древнее родство окончаній *овать* и *ывать*, которыя иногда встрѣчаются въ одномъ и томъ же глаголѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли форма церк.-славянскому, или русскому языку (*проповѣдовати, испытovati, связовати*). То же отражается и въ настоящемъ времени, которое еще и теперь иногда употребляется двойко: *проповѣдую* и *проповѣдываю, испытую, обязую* и т. п. рядомъ съ болѣе употребительными формами на *ываю*.

Отсюда происходитъ и возможность употреблять причастія такихъ глаголовъ въ формѣ: *завѣдующій, проповѣдующій* вм. *завѣдывающій* и проч.

е или о послѣ шипящихъ *ж ш ч щ* въ ударяемыхъ слогахъ:

жо шо чо що?

Ударяемая
гласная послѣ
шипящихъ.

40. Вопросъ: можно ли послѣ шипящихъ буквъ писать *о* составляетъ одно изъ главныхъ затрудненій нашей орфографіи и подаетъ поводъ къ наибольшему въ ней разногласію. Причина этому та, что въ др.-славянскомъ послѣ названныхъ согласныхъ, которыя сами составляютъ умягченіе другихъ, могли слѣдовать только мягкія или облеченныя гласныя, т. е. *и ѣ я ю*; по-

нятно, что такъ какъ *я* и *ю* послѣ шипящихъ произносились почти какъ *а* и *у*, то эти двѣ послѣднія гласныя еще въ древности стали и на этомъ мѣстѣ допускаться, т. е. вмѣсто *ножа*, *ножю* или напр. *жупелъ*, рано стали писать *ножа*, *ножу*, *жупелъ*; но такъ какъ въ ц.-сл. *е* никогда не обращался въ *ѣ*, то ни этотъ звукъ, ни сѣходный съ нимъ *о* не могъ появляться послѣ шипящихъ. Не могли также появляться тутъ *з* и *ы* по той объясненной уже причинѣ, что шипящіе звуки сами по себѣ представляли мягкость. Въ русскомъ языкѣ, напротивъ, легкость измѣненія *е* въ *ѣ* естественно породила склонность вмѣсто *жѣ шѣ чѣ щѣ* писать *жо шо чо цо*, и уже въ памятникахъ XII-го или по крайней мѣрѣ XIII-го вѣка мы находимъ: *жонъ*, *шолъ*, *крышонъ* и т. п. Послѣ введенія у насъ гражданской печати такіа начертанія, естественно, встрѣчаются чаще и чаще; они попадаютъ даже и у Ломоносова. Въ наше время нѣкоторыя стали послѣ шипящихъ въ ударяемыхъ слогахъ всегда писать *о* вмѣсто *е*; однакожъ это правописаніе неохотно принимается. Установилось оно въ окончаніяхъ нѣкоторыхъ словъ: *свѣжо*, *хорошо*, *горячо*, *плечо*; въ дифтонгѣ *ой*: *чужой*, *большой*, *душой*, *свѣчой*; въ окончаніи *окъ*: *сверчокъ*, *прыжокъ*, *кружокъ*; въ открытыхъ слогахъ, даже и въ началѣ и въ серединѣ словъ: *шо-потъ*, *шо-рохъ*, *обжо-ра*, *чо-порный*, *труцо-ба*. Напротивъ, въ замкнутыхъ слогахъ, какъ коренныхъ, такъ и флексивныхъ, неупотребительно писать въ такихъ случаяхъ *о*; пишутъ: *жесткій*, *шелкъ*, *счетъ*, *четки*, *щетка*, *въ чемъ*, *мечемъ*, *палашемъ*, *бережемъ*, *течетъ*, а не «жосткій, шолкъ» и пр.

Особенно неудобно писать *о* въ такихъ формахъ, гдѣ *е* принадлежитъ къ этимологическому составу окончанія, именно въ личныхъ глагольныхъ формахъ: *ешь*, *етъ*, *емъ*, *ете* (*течешь*, *течетъ*, какъ *берешь*, *етъ*); въ причастной формѣ прошедшаго времени: *шелъ*, какъ *велъ*, *брелъ*; а также въ страд. причастія того же времени: *нареченъ*, *пристыженъ*, *рѣшенъ*, *прельщенъ*.

Иногда впрочемъ въ причастіяхъ этого рода ставится *о* (рѣже *ѣ*) изъ желанія яснѣе обозначить различный выговоръ двухъ

Течомъ, течомъ?

сходныхъ словъ, напр. *совершенный* и *совершенный*, *жены* и *жены*, *чертъ* и *чортъ*, *шесть* и *самъ-шостъ*, *душенька* и *душонка*. Обыкновенно пишутъ также *шовъ*, а не «шевъ».

Нѣкоторые предлагали вмѣсто *о* употреблять и послѣ шпящихъ начертаніе *ѣ*, но тогда пришлось бы: во 1-хъ, и послѣ другихъ согласныхъ всякій разъ отмѣчать измѣненное *е* двоеточіемъ, что неудобно; во 2-хъ, передѣлать многія общепринятія уже начертанія и начать писать: «плечѣ, хорошѣ, большѣй, чужѣй, дружѣкъ», на что конечно не многіе были бы согласны.

Предпочтительное употребленіе послѣ шпящихъ *е* объясняется, кромѣ естественной силы привычки, еще и тѣмъ, что повсемѣстное введеніе тутъ *о* находится въ противорѣчіи: во 1-хъ, съ общимъ этимологическимъ характеромъ русскаго правописанія, во 2-хъ, съ начертаніемъ *е* вмѣсто *ѣ* послѣ другихъ согласныхъ (напр. *идеть*, *ледъ*, *полеть*). Когда въ безчисленномъ множествѣ случаевъ этотъ обычай не мѣшаетъ правильному произношенію, то и послѣ шпящихъ нѣтъ необходимости всякій разъ означать на письмѣ выговоръ, измѣняющій *е* въ *ѣ* или *о*. Желательно, напротивъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ *о* не вошло во всеобщее употребленіе вм. *е*, соблюдало было и послѣ шпящихъ этимологическое правописаніе.

Особенность
звука *р*.

41. Послѣ звука *р* неударяемое $\frac{o}{a}$ также слышится иногда какъ *е*: это замѣчается въ словахъ *ребенокъ*¹ и *завтра, завтрашній*, которыя обыкновенно произносятся *ребенокъ, завтра, завтрашній*. Въ первомъ даже и пишутъ *е* вм. *о*. Этимологія слова *завтра* (заутра) яснѣе, а потому соблюдается и на письмѣ. Встарину однакожъ писали у насъ и «завтре».

е или *о*, *и* или *ы* послѣ *и*:

ие или *ио*? *ии* или *иы*?

Гласныя по-
слѣ *и*.

42. Звукъ *и* гораздо болѣе шпящихъ способенъ соединяться съ твердыми гласными: это объясняется первоначальнымъ соста-

¹ Отъ *робить* (дѣлать), какъ дитя или дѣтя отъ *дѣлать*.

вомъ его изъ *т* и *с*; пбо *с* не только легко допускаетъ за собою всѣ эти гласныя, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ неохотно смягчается, такъ что вмѣсто *съ*, *ся*, иногда и *сю*, многіе произносятъ *сэ*, *са*, *су*, напр. «держи*сь*, я приму*сь*, дѣлат*са*, взяла*с*, суда» (вм. *сюда*). Поэтому неудивительно, что послѣ *ц* безъ затрудненія произносится и пишется даже *ы*, а слѣдовательно для этой согласной нѣтъ причины чуждаться *о*, которое и ставится послѣ нея всякій разъ, когда, при первоначальномъ *е*, на этотъ слогъ падаетъ удареніе, напр. *лицо*, *кольцомъ*, *купцовъ*.

Въ противномъ случаѣ, т. е. при отсутствіи надъ этимъ слогомъ ударенія, пишутъ *е*, напр. *зеркалице*, *перцемъ*, *иностраницевъ*, *улицею*. Только въ словѣ *танцовать* ставится *о*, на томъ конечно основаніи, что наст. время изъяс. накл. имѣетъ форму *танцюю*, а не «танцюю». Собственно говоря, въ неударяемыхъ слогахъ *це*, *цемъ*, *цевъ*, *цею*, также слышится не *е*, а средній звукъ между *а* и *о*, и потому тутъ равнымъ образомъ можно бы писать *о*, что нѣкоторые и дѣлаютъ, употребляя *е* только въ такомъ случаѣ, когда оно дѣйствительно замѣтно въ произношеніи, напр. въ словахъ: *лицевой*, *лицемъръ*, *внценосецъ*. Такъ какъ однакоже установленное обычаемъ различіе въ употребленіи *о* и *е* послѣ *ц* имѣетъ свою полезную сторону, именно служить указаніемъ относительно ударенія, то лучше сохранить это двойное правописаніе.

Въ окончаніяхъ фамильныхъ именъ нынче также принято писать *цевъ*, когда на этотъ слогъ не падаетъ удареніе, напр. *Ростовцевъ*, *Иноземцевъ*. Въ историческихъ именахъ приличнѣе однакожъ сохранять ту форму, какую нѣкогда употребляли сами носившіе ихъ, напр. графъ *Румяновъ* Задунайскій.

Когда въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, послѣ *ц* слѣдуетъ *и*, то на письмѣ соблюдается различіе между словами, удерживающими у насъ свой первоначальный видъ, и тѣми, которыя издавна передѣланы на русскій ладъ или взяты съ польскаго: въ первыхъ пишется *ци*, въ послѣднихъ *цы*, напр.:

1) *Цилиндръ, цитадель, медицина, капуцинъ, щикорій.*

2) *Цыбикъ, цыганъ, цынга, цырюльникъ, цыфирь.*

Сходно съ именемъ *цыфирь* слѣдуетъ писать и *цыфра*, несмотря на весьма распространенный, но ни на чемъ не основанный обычай, требующій начертанія «цифра».

2) **Согласныя.**

ѣ или *к*? *ѣ* или *х*?

Употребленіе
гортанныхъ.

43. По производству и сообразно съ нарѣчіемъ *куда* и т. п., слѣдовало бы писать «кдѣ» (или, держась др.-слав. орфографіи, «кде»), но уже издавна принято писать по произношенію *идѣ*.

Равнымъ образомъ, вмѣсто «мяккій», «мякчить» (отъ корня *мяк*, который слышится въ словахъ *мякоть, мякишъ*) пишутъ: *мякій, мякчить*.

Напротивъ, пишутъ согласно съ производствомъ: *лежкій* (кор. *лж*), *облежать, кто, когти, ногти, дѣтя*, хотя во всѣхъ этихъ словахъ слышится *х*.

Обращеніе *к* и *ѣ* передъ *к* и передъ *т* въ *х* основывается на естественномъ стремленіи органовъ рѣчи къ облегченію артикуляцій; поэтому же вмѣсто: *къ кому* произносятся «хкому», вм. *кто* — «хто», вм. *ногти* — «нохти» и т. п.

Четвергъ пишется съ *ѣ* въ окончаніи по произношенію косвенныхъ падежей: *четверга, четвергу* и т. д., хотя первоначальная форма именительнаго — *четвертокъ* (др.-сл. «четвертъкъ»).

Слова: *рогъ* и *рокъ, порогъ* и *порокъ, лугъ* и *лукъ, тугъ* и *тукъ*, произносятся одинаково, но пишутся различно по указанію косвенныхъ падежей, въ которыхъ обнажается корень этихъ словъ. Такое же звуковое сходство между глагольными формами: *могъ* (наст. *могу*) и *мокъ* (отъ *мокнуть*).

Слѣдуетъ писать *поперекъ*, а не «поперегъ» по причинѣ корня *прек* (др.-сл. *прѣкъ*), явнаго въ словахъ: *вопреки, прекословитъ*.

Объ употребленіи *ѣ* вмѣсто западно-европейскаго *h* см. ниже въ отдѣлѣ о правописаніи заимствованныхъ словъ.

з или с?

44. По производству и сообразно съ нарѣчіемъ *сюда* и т. п., слѣдовало бы писать *сдѣсь* (или, держась церк.-слав. орфографіи, «сдѣсь»), но утвердилось звуковое начертаніе *здѣсь*, такъ же какъ: *вездѣ*, *ноздри*, *мядра* (вм. «вездѣ, носдри, мядра»).

Частные случаи.

Сумасбродѣ, а не «сумазбродѣ» по общему этимологическому характеру нашего письма. Также не «съумасбродѣ»: см. ниже объ употребленіи буквы *з*.

Отверстіе, *отверстѣй*, потому что хотя эти слова образованы отъ глагола *отверзу*, но *з* передъ безголоснымъ суффиксомъ *т* перешло въ *с*, какъ въ неопр. накл. *отверсти*: древне-слав. существительн. — *отгързстіе*.

45. Сюда же относится вопросъ о правописаніи слитно употребляемыхъ предлоговъ, кончащихся на *з*: *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *без*, *чрез*.

Предлоги на з.

По общему требованію нашего правописанія предлоги, кончащіяся на другія голосовыя согласныя (*в б д*), когда служатъ представками, не измѣняютъ этихъ буквъ передъ безголосными; напр. пишутъ: *в-ставить*, *об-тянуть*, *под-писать*. Но относительно нечисленныхъ предлоговъ издревле допущено исключеніе, которое отчасти соблюдается и нынче: въ слитномъ употребленіи ихъ передъ безголосными *к х н т ф*, передъ шипящими *ч ш щ* и передъ *и* пишутъ по произношенію: *вос*, *ис*, *нис*, *рас*; напр. *воскресенье*, *ис-ходъ*, *нис-пускать*, *рас-травлять*, *рас-франтиться*, *ис-чезать*, *вос-шествіе*, *рас-щепать*, *ис-шарпать*. Только передъ *с* всегда удерживается *з*: *воз-станіе*, *из-сохнуть*, *раз-суждать*.

Но правило измѣнять въ названныхъ предлогахъ *з* на *с* не распространяется на предлоги *без* и *чрез*. Принято писать: *безко-нечный*, *безпечность*, *безчисленный*, *чрезполосный*.

46. Затѣмъ есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ является сомнѣніе, писать ли *раз* или *рас*, потому что составъ слова понимается различно. Вотъ относящіяся сюда слова:

Соединеніе съ предл. *раз*.

Расчестъ. Начертаніе «разчестъ» неправильно, какъ показываетъ соединеніе того же глагола *честъ* съ другими пред-

логами: *вы-честь, за-честь, пере-честь, при-честь*. Нигдѣ не прибавляется предлогъ *съ*; слѣдовательно онъ излишенъ и послѣ *раз*. Въ этомъ убѣждаютъ также глагольные формы: *разо-чли, разо-чту*.

Расчетъ. И здѣсь вставка *с* послѣ предлога *раз*, хотя и очень обычная, оказывается излишнею, какъ видно изъ сложенія того же существительнаго съ другими предлогами: *вы-четъ, за-четъ, на-четъ, от-четъ, пере-четъ*.

Разсчитать, разсчитывать. Чтобы глаголь *читать* могъ означать дѣйствіе счисления, нужно сначала помощію предлога *съ* образовать гл. *считать*, къ которому, для развитія дальнѣйшихъ отгѣнковъ значенія, присоединяются уже и другіе предлоги: *на-считать, об-считать, от-считать, пере-считать, на-считывать, об-считывать* и т. д. Только съ предлогомъ *вы* глаголь *читать* въ томъ же значеніи соединяется безъ помощи *съ*: *вычитать*. Но *высчитывать*. Слѣдовательно и *разсчитывать, разсчитать*.

Разсказать, рассказъ, рассказы. Глаголь *казать*, для выраженія понятія говорить, долженъ соединиться съ предлогомъ *съ* и обратиться въ *сказать*; а затѣмъ къ этому предлогу присоединяются другіе для приданія слову разныхъ отгѣнковъ значенія: *вы-сказать, до-сказать, на-сказать, пере-сказать, под-сказать*.

Разспросить, спрашивать, вопросы. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что тутъ *с* послѣ предлога *раз* не нужно, такъ какъ глаголь *просить* при предлогахъ *во* и *до* самъ по себѣ имѣетъ уже значеніе «спрашивать»: *вопросить, допросить*; но эти два слова — давняго происхожденія, тогда какъ глаголь *спрашивать*, подобно глаголамъ *выспрашивать, переспрашивать* — болѣе поздняго образованія; эти сочетанія относятся къ тому времени, когда слово *просить* уже получило болѣе тѣсное значеніе *prier, bitten*, а для значенія *demandeur, interroger, fragen*, образовался сложный гл. *спросить, спрашивать*.

Объ употребленіи на письмѣ формы *роз* вмѣсто *раз* см. выше подь вопросомъ: *а* или *о*? (стр. 27).

47. Въ прилагательныхъ: *дерзкій, овскій*, и т. п., должно Прилагатель-
избѣгать вставки излишняго *с* послѣ кореннаго слога (*дерз, вѣс*); нья на *кій*.
суффиксомъ ихъ служить слогъ *кій*, а не *скій*, какъ показываютъ
краткія формы: *дерзокъ, вѣсокъ*; отъ прилагательныхъ же на *скій*
вовсе не могутъ быть образуемы подобныя формы.

д или т?

48. Пишутъ съ одной стороны *женитьба* по производству, Частные
съ другой *свадьба* по произношенію. Последняя форма однакожъ случаи.
узаконена тѣмъ, что отъ нея пошли уже и производныя слова:
свадебка, свадебный.

Напротивъ, пишутъ *будочникъ* (отъ *будка*), хотя въ живой
рѣчи слышится *т* вм. *д*.

Прежде писали «подчивать», полагая, что слово это состав-
лено изъ предлога *подъ* и прилаг. *чивый*, но единственно пра-
вильное начертаніе его есть *потчевать*, такъ какъ этотъ гла-
голь образовался, посредствомъ перемѣщенія звуковъ *т* и *ч*,
отъ *по-чевать* (польское и южно-русск. *по-чта* зн. чествованіе,
угощеніе). Въ настоящ. времени онъ спрягается: *потчую,*
потчуетъ и т. д. (Въ областныхъ говорахъ слышатся мѣстами
формы: *пбштовать, попоштій*).

Въ составѣ слова *затхлый* мы видимъ первоначальную форму
прилаг. *дохлый*, къ объясненію которой можетъ служить др.-слав.
задъхнѣти. Начертаніе «затхлый» предполагало бы неоснова-
тельное производство отъ *тухлый*, слова, понятіе котораго не
входитъ въ прилаг. *затхлый*.

Въ словахъ: *поздно, праздникъ, окрестность, постный, мст-*
ница, стлать (постилать) звуки *д* и *т* въ произношеніи не слы-
шатся, но на письмѣ не должны быть опускаемы. Употребляе-
мая иногда въ живой рѣчи форма «поздо» на письмѣ не допу-
скается.

Основываясь на уменьшительномъ *тѣсенка*, можно бы думать, что въ словѣ *тѣстница* буква *т* излишня, но это послѣднее слово не что иное, какъ нѣсколько измѣненное церковно-слав. *тѣстница*; *тѣсенка* же образовалось вслѣдствіе произношенія слова *тѣстница*, въ которомъ *т* не слышится. Въ существительномъ *сланецъ* происхожденіе отъ глагола *стлатъ* забыто и писать «сланецъ» не принято.

Въ словѣ *склянка* послѣ *с* было бы нужно *т* по этимологіи (отъ стькло = стекло), но обычаемъ оно устраниено для избѣжанія излишняго стеченія согласныхъ. Буква *т* исключена также изъ слова: *если* (вмѣсто *естли*).

Имя звѣрька: *ласочка* (ласица, *mustela nivalis*) и названіе птицы: *ласточка* (*hirundo*) въ сущности конечно одно и то же (отъ *ластка*); но, для избѣжанія смѣшенія ихъ, пишутся различно.

Нѣкоторые совершенно ошибочно вставляютъ *т* послѣ *с* въ словахъ: *искусный*, *наперсникъ* (отъ *перси* — грудь), *ровесникъ*, *всечасно*. Между тѣмъ, по особенному свойству народной фонетики, звукъ *т* иногда вставляется между *с* и *р*; вопреки словопроизводству, онъ и на письмѣ утвердился въ словахъ: *встрѣтитъ*, *встрѣча* (при срѣтаю) и *строй* (вм. *срой*; др.-слав. *сraigъ*, поль. *stog*).

ж или ш? ч или ш?

Употребленіе
шипящихъ.

49. На второй степени умягченія звуковъ согласный *г* переходитъ въ *ж*, которое должно оставаться и на письмѣ, хотя передъ безголоснымъ звукомъ произносится какъ *ш*; слѣд. надо писать: *дужка* (отъ дуга), *ляжка* (отъ ляга = лядвея) и т. п.

к и *ц* переходятъ въ *ч*, которое передъ суффиксомъ, начинающимся съ *н*, часто произносится, какъ *ш*¹, но на письмѣ не измѣняется. Пишутъ: *скучно*, *нарочно*, *башиманникъ*, *табачный*, *молочный* и т. п., хотя произносятся: «скушно, нарочно» и проч.

¹ Причина этого произношенія та, что въ артикуляціи звуковъ переходъ къ *н* отъ *ч* труднѣе чѣмъ отъ *ш*; въ послѣднемъ случаѣ языкъ не измѣняетъ своего положенія.

Такимъ же образомъ должно писать: *пряничный, прачечная, пустячный, горничная* и т. д.

Въ женскихъ отчествахъ: *Ильинична, Кузьминична, Лукинична, Фоминична* также не слѣдуетъ писать *и* вмѣсто *ч*: они образованы, хотя и со вставкою слога *ин*, отъ мужского окончанія *ичъ* (такъ же какъ имена: *Петровна, Андреевна* и т. п. отъ муж. окончанія *ов*). Равнымъ образомъ *Никитична*.

и или *тс*?

50. Сочетаніе *т* въ окончаніи коренного имени съ буквою *с* Разложеніе звука *ч*. суффикса (какъ напр. въ словахъ *свѣтскій, Гжатскъ*) не обращается въ *и*. Попытка Тредьяковскаго писать «свѣцкій, швецкій» не нашла послѣдователей. Исключеніе составляетъ общепринятая, но не заслуживающая одобренія, орфографія именъ двухъ городовъ: *Полоцкъ* и *Шацкъ*, названныхъ такъ по рѣкамъ Полотѣ и Шати. (Въ Географическомъ Словарѣ Щекатова они пишутся правильно: *Полотскъ* и *Шатскъ*).

ш или *сч, зч, жч*?

51. Когда *с* или *з* составляютъ послѣднюю букву корня, а Разложеніе звука *ч*. суффиксъ начинается съ *ч*, то сочетанія *сч* или *зч* на письмѣ не замѣняются буквою *ш*; поэтому пишутъ *рѣз-че, привяз-чивый, занос-чивый, пис-чий*. (Такъ же пишется и *песчаный*, хотя *к* въ имени *песокъ* принадлежитъ къ корню).

То же бываетъ, когда *с* или *з* въ началѣ слова составляютъ представку или ея окончаніе, а коренное слово начинается съ *ч*: *с-четъ, с-частіе, ис-чадіе* (встарину писали: «щеть, щастіе»).

52. Но какъ поступать, когда суффиксами служатъ окончанія *щикъ* и *щина*, а коренное слово оканчивается на *с, з* или *ж*? Суффиксы *щикъ, щина*.

Извозчикъ, переписчикъ, мужчина или: «извозчикъ, переписчикъ, мущина»?

Оба окончанія: *щикъ* и *щина* происходятъ отъ прилагат. суффикса *скій*: *ямской* — *ямщикъ, женскій* — *женщина* (часто

прилагательное на *скій* неупотребительно и только предполагается).

Измѣненіе
щ въ *ч*.

Но послѣ *д* и *т* суффиксы *щикъ* и *щина* измѣняются въ *чикъ* и *чина*: переплет-*чикъ*, перевод-*чикъ*, объѣзд-*чикъ*, склад-*чина*, солдат-*чина*.

Подобное же бываетъ когда съ суффиксомъ *щикъ* встрѣтится коренная буква *к*, которая при этомъ обращается въ *т*: такъ отъ *потакачь*, *кабакъ*, *ясакъ* образовались производныя имена: *потатчикъ*, *кабатчикъ*, *ясатчикъ*.

На этомъ же основаніи нѣкогда писали «порутчикъ», но уже давно буква *т* изъ этого слова изгнана, и всѣ пишутъ: *поручикъ*.

Когда суффиксамъ *щикъ* и *щина* предшествуютъ коренныя звуки *з*, *с* или *ж*, то *щ* также обращается въ *ч*. Поэтому должно писать: *извозчикъ*, *приказчикъ*, *нагрузчикъ*, *вязчикъ*, *перепѣщикъ*, *разносчикъ*, *переписчикъ*, *мужчина*. Тѣ, которые пишутъ: «изво-щикъ, прика-щикъ, разно-щикъ, перепи-щикъ» предполагаютъ, что передъ суффиксомъ выпадаетъ *з* или *с*, но примѣръ такихъ словъ, какъ *перевод-чикъ*, *солдат-чина* заставляетъ предпочитать принятое нами толкованіе.

Уменьшительное *образчикъ* тѣмъ болѣе должно имѣть это начертаніе, что тутъ о суффиксѣ *щикъ* не можетъ быть рѣчи: это слово произведено отъ *образецъ*, съ обычнымъ измѣненіемъ *ц* въ *ч*, какъ напр. отъ *молодецъ* — *молодчикъ*. См. выше, стр. 32.

Слова *помыщикъ* и *сыщикъ* не могутъ быть написаны иначе, потому что въ нихъ сочетанія коренныхъ звуковъ *ст* и *ск* сами по себѣ переходятъ въ *щ*, и затѣмъ шипящій звукъ окончанія *чикъ* оказывается излишнимъ.

Говоря о буквѣ *щ*, нельзя не коснуться слова *вѣщій* (зн. собственно бѣльшій, польск. *więszy* и *większy*), въ которомъ можно бы опускать букву *ш*, если бъ она не имѣла существеннаго значенія примѣты сравнит. степени, подобно какъ въ прилагат. *лучшій*. Польской формѣ отвѣчаетъ др.-слав. *ващ* (*вач*)-шій.

—з или —ь?

Такъ какъ з и ь пишутся только послѣ согласныхъ, то здѣсь мѣсто разсмотрѣть употребленіе этихъ двухъ буквъ: 1, въ концѣ словъ, и 2, внутри ихъ.

1. Въ концѣ словъ.

53. Вообще говоря, самый звукъ конечной согласной указываетъ, которая изъ двухъ буквъ: з или ь должна за нею слѣдовать; только шипяція произносятся одинаково, будутъ ли онѣ отмѣчены *еромз* или *еремз*, напр. въ словахъ: *ложз* и *ложь*, *камышз* и *мышь*, *ключз* и *ключь*, *леицз* и *вещь* (*ж* и *ш* всегда слышатся твердо, *ч* и *щ* всегда мягко).

ерь и *ерь*
послѣ шипя-
щихъ.

Поэтому въ употребленіи *ера* и *еря* послѣ шипящей въ концѣ словъ руководствуются особенными правилами.

На з оканчиваются:

1) Имена существительныя и прилагательныя муж. рода въ именит. падежѣ ед. ч., напр. *ножз*, *юлыицз*, *ключз*, *плюицз*; *пригожз*, *хороицз*, *горячз*, *тоицз*, *блестяицз*, и мѣстоименія *наицз*, *вамицз*.

2) Имена существ. женскаго и средняго р. въ род. п. множ. ч., напр. *кожз*, *крыицз*, *тысячз*, *ручицз*; *плечз*, *сокровицз*.

3) Сокращенные союзы *жз*, *ужз* пишутся такъ по требованію слуха вм. *же*, *уже* (хотя по общему правилу вмѣсто обличенной или, что все равно, умягченной гласной слѣдовало бы писать ь); также предлогъ *межз* (вм. между), напр. что *жз*, когда *жз*, *межз* тѣмъ.

На ь оканчиваются:

1) Имена женскаго р. въ именит. падежѣ ед. ч., напр. *пльиць*, *ложь*, *дичь*, *вещь*.

2) Глаголы въ неопред. накл. на *чь*: *влечь*, *стричь*, *толочь*.

3) Глаголы во 2-мъ лицѣ ед. ч. повелит. накл. и настоящаго или простаго будущаго времени изъявит. накл., напр. *ръжсь*, *утъишь*, *кличь*; *говоришь*, *несешь*, *бросишь*, *скажешь*.

Въ повел. накл. глагола *лѣтъ* пишутъ «ѣшь», но производство отъ корня *лѣд* (*лѣдѣть*) требовало бы начертанія *лѣжь* (ц.-сл. *лѣждѣ*). Второе лицо ед. ч. повелит. накл. всегда оканчивается на *ѣ*, кромѣ формы *лѣжь*, отъ гл. *лечѣ*.

4) Нарѣчія: *лишь*, *настежь*, *сплошь*, *наотмашь*, *прочь*, *опновѣ*, *точь въ точь*, *вскользь*, *навзничь*, *настежь* и др.

Послѣ дру-
гихъ соглас-
ныхъ.

54. Иногда употребленіе *з* или *ѣ* въ концѣ слова и послѣ другихъ согласныхъ (не шипящихъ) бываетъ сомнительно вслѣдствіе самаго произношенія звуковъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что на *з* оканчиваются:

1) Числительныя имена количественныя, означающія десятки послѣ 40-ка: *пятьдесятъ* — *восемьдесятъ*. (Форма *десятъ* есть древній родит. падежъ множеств. числа отъ *десять*).

2) Сокращенныя числительныя имена порядковыя при мѣстоименіи *самъ*: *самъ-пятъ*, *самъ-десятъ* (а никакъ не «самъ-пять, самъ-десять», какъ многіе говорятъ, ибо полная форма: *самъ пятый*, *самъ десятый*), *самъ-шостъ* (т. е. шѣсть), *самъ-сѣмъ*.

3) Нарѣчія: *близъ* (отъ др.-слав. *близоу*) и *покаптъсъ* (вм. «по кая мѣста»), а на *ѣ*: *наизустъ* (отъ неупотребительнаго гл. «изуститъ» съ предлог. *на*).

Вопреки общему правилу, что твердое или мягкое окончаніе сущ. имени проходитъ чрезъ всѣ падежи его, существительныя имена женскаго рода, оканчивающіяся въ именит. падежѣ ед. ч. на *ня* съ предыдущею согласною, или полугласною *й*, оканчиваются въ родительномъ множественнаго на *нъ* (когда удареніе въ этой формѣ падаетъ на предыдущій слогъ), напр.: *обѣдня*, *обѣденъ*; *таможня*, *таможенъ*; *колокольня*, *колоколенъ*; *соловарня*, *соловаренъ*; *басня*, *басенъ*; *пѣсня*, *пѣсенъ*; *сотня*, *сотенъ*; *конюшня*, *конюшенъ*; *бойня*, *боевъ*. Въ словѣ *кухня* предпочтительно окончаніе на *ѣ*: *кухонѣ*.

Въ народномъ языкѣ отъ существ. *день* и *сажень* (муж. р., какъ въ др.-сл. *сажана*), род. падежъ множ. числа имѣетъ формы: *дѣнъ*, *саженъ*.

2. Внутри словъ.

ѣ.

55. Внутри словъ *ѣ* пишется только послѣ представки (рус- ^{ѣ послѣ при-} ской или иноязычной) передъ облеченной гласной, начинающей ^{ставокъ.} слогъ, — чтобы показать, что она должна произноситься какъ двугласная: *разѣединить, объѣмъ, изъѣять, взѣздъ; адъютантъ, субъектъ, фельдгегерь.*

56. Кромѣ того многіе пишутъ *ѣ* послѣ представки и пе- ^{ѣ вмѣсто ѣи.} редъ слогомъ, начинающимся гласною *и*, для показанія, что эта гласная должна произноситься широко; но такъ какъ для этого звука есть особая буква, которая именно и означаетъ сокращенно соединеніе *ѣ* съ *и* (древнее ея начертаніе было *ѣи*), то нѣтъ причины въ этомъ случаѣ избѣгать ея, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ словахъ она уже и утвердилась окончательно. Такъ напр. всѣ уже пишутъ: *подымать, въискать, сыскной, розыгрышъ* (вм. «подымать, въискать» и проч.). Сходно съ этимъ слѣдуетъ также писать: *предыдуцій, возымтъ, безызвѣстный, безыменный* (пбо непонятно, почему напр. начертаніе — *ѣимать* позволительнѣе чѣмъ — *ѣимтъ* и др. т. п.), помня, что первая половина буквы *ѣи* и означаетъ *ѣ*, а вторая *и*.

Желая обойти мнимое затрудненіе, нѣкоторые стали писать: «безыменный», но это не можетъ быть одобрено, такъ какъ оно не согласно съ выговоромъ. Только въ глаголѣ *ѣзимать* гласный *и*, несмотря на предшествующій твердый звукъ предлога, остается, сходно съ др.-сл. формою, безъ измѣненія въ *ѣи*. Это отразилось и въ формѣ *ѣозьму* (вм. «ѣозиму»).

57. Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ объ употребленіи ^{ѣ или ѣи?} *ѣи* въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. По требованію народной фонетики, въ нѣкоторыхъ словахъ, особенно послѣ *р*, слышится *ѣи* вмѣсто кореннаго *и*, напр. «скрышѣть, скрышка, крынка, дыра» (вм. *дыра*, какъ показывается форма *дыратъ*, многокр. отъ *дыратъ*); но на письмѣ обыкновенно соблюдается правильная форма этихъ словъ: *скрипѣть, скрипка, крынка, дыра.*

Напротивъ, существительное *латынь* употребляется и на письмѣ рядомъ съ болѣе правильною формою прилагательнаго *латинскій*.

Собственное имя *Давидъ*, получивши въ народной рѣчи форму *Давыдъ*, сохраняетъ ее большею частью и на письмѣ. Форма эта перешла и въ фамильное прозваніе *Давыдовъ*.

Форма *псалтырь* также взяла верхъ надъ первоначальною *псалтирь*.

ъ не пишется
передъ твер-
дыми глас-
ными.

58. Передъ твердыми гласными: *а о у* представка никогда не принимаетъ *ера*, напр. *от-объдать*, *пред-оставлять*, *раз-умъ*, *об-уѣ*. Поэтому нѣтъ основанія писать: «сѣумѣть, сѣузить, сѣострить», какъ нынче большею частію пишутъ вм. *сумѣть* и т. д. Если это дѣлается для уясненія, что *с* не принадлежитъ къ корню слова, то слѣдовало бы такъ же писать, напр. «обѣухъ» (для отличія отъ глаг. формы *о-бухъ*), «предѣоставить» (чтобъ не предполагался составъ: «пре-доставить») и даже «сѣпалъ» (напр.— съ голоса, чтобъ отличить глаголь *спасть* отъ *спать*) и т. п. Кромѣ того пришлось бы также писать: *сзумашедшій*, *сзума-сбродъ*, т. е. безъ надобности удлинять письмо тою самою буквой, употребленіе которой желательно вообще ограничить.

ъ.

ъ внутри
словъ.

59. Было показано, что къ отдѣленію представки отъ слога, начинающагося облеченною гласной, служитъ *з*; во всѣхъ другихъ случаяхъ, т. е. въ корняхъ, въ суффиксахъ и во флексіяхъ употребляется *ь*, какъ для отдѣленія согласной отъ гласныхъ *е (ѣ) и я ю*, такъ и между двумя согласными для означенія мягкаго звука первой.

ъ передъ
гласною.

А. Передъ облеченною гласною буква *ь* обыкновенно замѣняетъ *і*, напр.:

1) въ корняхъ словъ и въ словахъ иноязычныхъ: *пью*, *пьянъ*, *вьюга*; *дыкъ*, *пѣса*, *пѣдесталъ*, *рельефъ*, *вьюкъ* (съ турецк.).

Одного корня съ словомъ *вьюга* (отъ *вить*) имена: *вьюнъ*,

выорокъ, выюшка. Слово *выюнецъ* пропзнесено такъ вмѣсто: *юнецъ*.

2) Въ суффиксахъ и флексіяхъ: *судья, платье, ручки, страстью, пятью, Божьяю, третьему*.

Несправедливо писать «подъячій», такъ какъ собственно составъ этого слова такой: «под-дьячій»¹, но первое *д* выпадаетъ и остается *подъячій*. Невѣрно также начертаніе «обезьяна» вм. *обезьяна*.

Б. Между двумя согласными буква *ь* пишется:

^ь между двумя согласными.

1) Въ корняхъ словъ для замѣны мягкой гласной: *львы, льгота, льзя, польза; возьму*.

2) Въ суффиксахъ и флексіяхъ, либо съ тою же цѣлю, напр. *конька, вальки, восьмой, людьми* (вм. людьми), *строиться, держишься, поставь, готовься*; либо только для означенія мягкости звука, напр. *письмо, весьма, просьба, тоненькій*.

3) Въ ласкательныхъ уменьшительныхъ на *енка* буква *ь* необходима для отличія этого окончанія отъ суффикса *енка* (ёнка), имѣющаго противоположное значеніе: *рученка, ножонка*. Только вмѣсто: «пѣсенка, басенка, башенка» и др. подобныхъ именъ (см. выше, стр. 50) принято писать: *пѣсенка, басенка, башенка* и проч.

Когда суффиксу *ка* предшествуетъ шипящая, то *ь* послѣ нея не ставится: *дочка, дощечка, ножка*.

4) При образованіи прилагательныхъ на *скій* отъ существительныхъ на *нь* и *рь*, эти окончанія теряютъ мягкость, напр. конь — *конскій*, царь — *царскій*, монастырь — *монастырскій*; равнымъ образомъ январь — *январскій*; но прилагательныя, образованныя отъ названій мѣсяцевъ: *іюнь* и оканчивающихся на *брь*, удерживаютъ *ь*: *іюньскій, сентябрьскій, октябрьскій* и т. д.

5) Въ означеніи десятковъ, начиная отъ *пятьдесятъ* до числительныхъ *восемьдесятъ* имена единицъ *пять, шесть* и т. д. сохраняютъ *ь*; но въ числительныхъ отъ *пятнадцати* до *девят-*

¹ Въ подтвержденіе этого можно имѣть въ виду др.-слав. *подъдьяконъ* или сокращенно: *подьяконъ*.

надцати буква *ь* передъ второю частью этихъ именъ не пишется на томъ основаніи, что въ нихъ названія единицъ суть первоначально порядковыя: *пятъ, шестъ* и т. д., сокращенныя изъ полныхъ (въ ц.-сл. *пѣтъи-на-дѣсѣтѣ* и т. д.).

Опущеніе
еря.

60. Вообще говоря, надобность *еря* между двумя согласными въ большинствѣ словъ опредѣляется произношеніемъ. Но есть два случая, въ которыхъ мягкость согласныхъ внутри слова на письмѣ не означается. На эти два случая, зависящія отъ закона уподобленія звуковъ, отчасти уже было указано выше въ отдѣлѣ фонетики (стр. 12, п. 20, и стр. 17, п. Г):

1) Когда согласный умягчается подъ вліяніемъ послѣдующаго мягкаго звука, то *ь* послѣ перваго не пишется; напр. слова: *персть, средній, сверстникъ, слѣдствіе*, по причинѣ мягкихъ въ концѣ звуковъ *т* и *в*, произносятся, безъ помощи *еря*, такъ, какъ если бъ написано было: «перьсьть, сьредній, наѣзьдникъ, сьлѣдсьтьвие»; по этой же причинѣ мягкость *н* передъ слѣгомъ начинающимся съ *ч* или *щ* (какъ мягкихъ по существу звуковъ) на письмѣ не означается *еремъ*: *нынче, вѣнчикъ, бранчивый, тончайшій, утонченіе, деревенщина, каменчикъ, денчикъ*. Напротивъ, передъ *ш* (какъ твердымъ звукомъ) носовой *н* принимаетъ *ь*, когда того требуетъ выговоръ: *меньше, меньшей, раньше, тоньше*, а равно и въ производныхъ: *меньшинство, уменьшать*.

2) Когда слогъ *ер* стоитъ передъ гортаннымъ или губнымъ, хотя бы и твердымъ, звукомъ, то *р* умягчается, но эта мягкость также не означается *еремъ*: начертанія *церковь, Сергій, верхъ, первый* произносятся: «церьковь, Серьгій, верьхъ, перьвий».

II. Какую употреблять букву изъ двухъ гласныхъ, означающихъ одинъ и тотъ же звукъ?

и или *і*?

61. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ буква *і* употреблялась только въ видѣ сокращенія *и*, особенно въ концѣ строкъ по недостатку мѣста. Впослѣдствіи, по примѣру южно-славянскаго правописанія памятниковъ XV вѣка, установилось правило, и теперь соблюдаемое, ставить *і* только передъ гласными буквами, какъ чистыми, такъ и облеченными, а также передъ полугласною *й*, напр. христіаннѣ, вліаніе, ловчій. Употребленіе буквы *і*.

Но, въ видѣ исключенія изъ этого общаго правила, издавна принято писать съ буквою *і* слово *міръ*, когда оно значить то же, что *свѣтъ* (*mundus*), и производныя отъ него: *мірской*, *всемірный*, *мірянинъ*. Для означенія же понятія, противоположнаго войнѣ, пишутъ: *миръ*, *мировой*, *миритъ*, *миролюбитъ* и проч. Въ именахъ собственныхъ: *Владимиръ*, *Житомиръ*, *Казимиръ*, производство которыхъ составляетъ спорный вопросъ¹, слѣдуетъ, на основаніи общаго орфографическаго правила, и передъ послѣднею согласною писать *и*, а не десятеричное *і*.

Когда, при соединеніи двухъ словъ въ одно, первое оканчивается звукомъ *и*, а второе начинается гласною, то на письмѣ сохраняется буква *и*: *шестиаршинный*, *пятиэтажный*. Но въ предавкѣ *при* и въ словахъ иностраннаго происхожденія пишется въ такомъ случаѣ *і*: *приостановить*, *приучить*, *прійхать*; *патріархъ*, *архіерей*.

е или *ь*?

62. Въ нынѣшней азбукѣ буквы *е* и *ь* означаютъ одинъ и тотъ же звукъ: въ ихъ произношеніи нѣтъ ни малѣйшей раз- Употребленіе буквы *ь*.

¹ Обыкновенно полагаютъ, что имя *Владимиръ* состоитъ изъ глагола *владѣть* и слова *міръ*; по мнѣнію же нѣкоторыхъ, второе слово этого имени однозначуще съ окончаніемъ *славъ* многихъ славянскихъ именъ и заимствовано отъ готскаго *māri* = знаменитый.

ницы, чему лучшимъ доказательствомъ служить частое смѣшеніе ихъ: слухъ не доставляетъ никакого указанія для выбора той или другой. Нѣтъ сомнѣнія, что при изобрѣтеніи кириллицы буква *ѣ* представляла особенный оттѣнокъ произношенія звука *e*, но въ послѣдствіи точное значеніе ея утратилось, и въ каждомъ славянскомъ нарѣчій ей отвѣчаютъ различные звуки и начертанія. За достовѣрное можно только принять, что она нѣкогда изображала долгій гласный.

У насъ буква *ѣ* имѣетъ тройкое употребленіе: 1) въ корняхъ словъ; 2) въ образовательныхъ окончаніяхъ, и 3) въ извѣстныхъ грамматическихъ формахъ и флексіяхъ.

1. *ѣ* въ корняхъ словъ.

Части слова,
въ которыхъ
пишется *ѣ*.

63. Прежде всего слѣдуетъ показать, въ какомъ мѣстѣ словъ *ѣ* и послѣ какихъ согласныхъ появляется *ѣ*:

1) Ею начинаются только два корня, именно: 1, корень словъ: *ѣда*, *ѣмъ* (*ѣсть*), и 2, корень словъ: *ѣду*, *ѣдитъ*.

2) *ѣ* слѣдуетъ за начинающею корень одною согласной, чаще всего за *ѣ*, напр. *ѣра*, потомъ за *ѣ*, напр. *ѣтъ* и т. д. Такіе корни могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ, по мѣрѣ постепенно уменьшающагося числа *первообразныхъ* словъ, относящихся къ каждому корню:

ѣ: вѣдать (вѣсть), вѣжа, вѣжды, вѣко, вѣкъ,
Вѣна, вѣно, вѣра, вѣсь, вѣть (вѣроятно
отъ *ѣтъ*, такъ же какъ и вѣн-окъ, -икъ),
вѣтъ (за- на- от- при-, вѣщать), вѣха,
вѣять (вѣтръ) = 13 корней.

ѣ: сѣверъ, сѣд(сѣсть), сѣдой, сѣку, сѣно, сѣнь,
сѣръ (сѣра), сѣтовать, сѣтъ, (по)сѣтить,
сѣять (сѣмя) = 11 »

ѣ: мѣдъ, мѣлъ, мѣна, мѣра, мѣситъ, мѣсто, мѣ-
сяць, мѣтитъ, (по)мѣха (мѣшать), мѣхъ, мѣш-
кать = 11 »

<i>рѣ</i> : рѣдкій, рѣдка ¹ , рѣзать, рѣзвый, рѣпа, рѣять (рѣка), рѣсница, (об)рѣту, рѣчь, рѣшить . . . =	10	корней.
<i>лѣ</i> : лѣвый, лѣзу, лѣкъ (лѣкаръ), лѣнь, лѣпить, лѣсъ, лѣто, лѣха =	8	»
<i>цѣ</i> : цѣвка, цѣдить, цѣль (цѣловать), цѣль, цѣна, цѣпь, цѣпь =	7	»
<i>тѣ</i> : тѣло, тѣнь, тѣсный, тѣсто, (по)тѣха, (за)- тѣять. =	6	»
<i>пѣ</i> : пѣгъ, пѣна, пѣствовать, пѣть, пѣх(-ота, пѣшій) =	5	»
<i>бѣ</i> : бѣгать, бѣда (по-бѣда), бѣлъ, бѣсъ =	4	»
<i>дѣ</i> : дѣ(дѣ-лать, дѣ-ю, дѣ-ну, дѣ-ти, дѣтскій), дѣ- ва, дѣдъ, дѣлю. =	4	»
<i>нѣ</i> : нѣга, нѣмъ, нѣ(нѣ-кто, нѣ-который), нѣтъ . =	4	»
<i>зѣ</i> : зѣвъ, зѣло, зѣница =	3	»
		86
		корней.

3) *ѣ* слѣдуетъ за начинающими корень двумя согласными, изъ которыхъ второю бываетъ *плавная*, *носовая* или *зубная ѣ*, а первую чаще всего гортанная (*з х ж*), а затѣмъ зубныя (*с з*).

— <i>л</i> : блѣдный, Глѣбъ, клѣть, плѣнь, плѣсень, плѣшь, слѣдъ, слѣпъ, хлѣбъ, хлѣвъ. =	10	корней.
— <i>ж</i> : гнѣвъ, гнѣдъ, гнѣтитъ (подгнѣта) ² , гнѣздо, Днѣпръ, Днѣстръ, снѣгъ, спѣхъ =	8	»
— <i>р</i> : грѣхъ, крѣпокъ, прѣсень, хрѣнь =	4	»
— <i>ѣ</i> : звѣрь, свѣжъ, свѣтъ, цвѣтъ =	4	»
— <i>м</i> : смѣхъ ³ =	1	»
		27
		корней.

4) *ѣ* слѣдуетъ за начинающими корень тремя согласными *стр*: стрѣла и стрѣха. = 2 корня.

¹ Въ древнемъ языкѣ писалось *редька*.

² Кор. *гнѣт* долженъ быть отличаеъ отъ *гнѣт*. См. Справочный указатель.

³ Въ словѣ *змѣй* (др.-сл. *змій*) букву *ѣ* нельзя считать коренною, равно и въ словѣ «хмѣль», которое лучше писать *хмелю*.

5) Во второмъ слогѣ коренная *ь* является только въ слѣдующихъ словахъ:

послѣ <i>л</i> : желѣзо, калѣка, колѣно, по-	
лѣно, телѣга ¹	= 5 корней.
послѣ <i>р</i> : орѣхъ, свирѣпый	= 2 »
послѣ <i>с</i> : невѣста	= 1 корень.
послѣ <i>н</i> : Онѣга	= 1 »

11 корней.

6) Третій слогъ образуется съ помощію *ь* только въ двухъ словахъ: *человѣкъ* и *печеньга* ² . = 2 корня.

Всего 128 корней.

Изъ этого обзора видно, что нѣтъ такихъ корней, въ которыхъ буква *ь* стояла бы послѣ гортанныхъ, а также послѣ шипящихъ. Не упоминаемъ объ *ѣ*, какъ не встрѣчающемся въ словахъ славянскаго корня.

Два случая
измѣненія
буквы *ь* въ *е*.

64. Почти съ самаго начала церковно-славянскаго письменности у Русскихъ, по крайней мѣрѣ уже съ конца XI вѣка, въ рукописяхъ встрѣчается смѣшеніе буквъ *е* и *ь*. Мало по малу первая вытѣснила послѣднюю изъ двухъ категорій словъ:

а) послѣ *р* и *л*, слѣдующихъ за начальною согласной, въ словахъ, которыя въ русскомъ языкѣ имѣютъ соотвѣтственную полногласную форму, т. е. когда сочетанію *ль, рль* соотвѣтствуетъ въ русскомъ выговорѣ двусложное *ере, оло*, какъ напр. въ словахъ: «брѣгъ, брѣза, врѣдъ, врѣмя, прѣдъ, срѣда, влѣку, млѣко». Причина тому ясна: это произошло подъ вліяніемъ русскихъ формъ: *берегъ, береза, вередъ, время, передъ, середка*. Вслѣдствіе этого тому же измѣненію подверглись и такія слова сходной формы, въ которыхъ не обнаруживается полногласія, т. е. стали писать: *блескъ, дремать, преніе, претить, стрекать*, вм. «блѣскъ,

¹ Въ словѣ *лелѣть* второго слога нельзя считать кореннымъ.

² Окончанія этихъ словъ принимаемъ какъ принадлежащія къ корню, по трудности опредѣлить ихъ настоящее значеніе.

дрѣмать» и т. д. Въ нынѣшнемъ языкѣ, въ большинствѣ подобныхъ словъ, пишутъ согласно съ требованіями производства: *грѣхъ, хрѣнѣ, хлѣбъ, клѣть, плѣнѣ* (при полногл. формѣ *полонѣ*), *плѣсень, плѣшь, слѣдѣ, слѣтѣ*.

б) въ глаголахъ, у которыхъ въ др.-слав. языкѣ хотя коренная форма имѣетъ *е*, но которые по закону словообразованія удлиняютъ эту гласную въ *ь*, какъ напр. *нести* и *нѣтати*, *летѣти* и *лѣтати*, *лежати* и *лѣжати*, *метати* и *мѣтати*, *реку*, *реци*, *реченіе* и *рѣжати*, *рѣжѣ*, *рѣшь*. Всѣ эти слова, исключая послѣднее, постоянно пишутся теперь съ *е*.

Равнымъ образомъ и во многихъ другихъ случаяхъ Русскіе вмѣсто др.-сл. *ь* употребляютъ *е*; таковы напр. слова: *вѣкша*, *клѣй*, *колѣбать* и др., которыя въ ц.-сл. писались: «вѣкъша, клѣй, колѣбать» и т. д.

Наоборотъ, *ь* пишутъ теперь въ нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ его въ древности не было и гдѣ этой буквы по этимологіи не нужно: *рѣдька*, *рѣшето*, *рѣшетка* и др.

Но есть и такія слова, въ которыхъ одни пишутъ *е*, другіе *ь*. Помѣщаемый въ концѣ настоящей книжки Справочный указатель имѣетъ цѣлю рѣшать представляющіяся въ частныхъ случаяхъ сомнѣнія.

2. ъ въ образовательныхъ окончаніяхъ.

65. Буква *ь* пишется въ окончаніяхъ нарѣчій: *вездѣ, вѣтѣ, возлѣ, идѣ, доколѣ, доселѣ, дотолѣ, здѣсь, индѣ, кромѣ, нынѣ, отколѣ, отселѣ, подлѣ, разлѣ* и въ произведенныхъ отъ этихъ нарѣчій именахъ прилагательныхъ: *внѣшній, здѣшній, кромѣшній, нынѣшній*.

Въ нарѣчійхъ.

Кромѣ того *ь* пишется въ нарѣчійхъ, составленныхъ изъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ въ предложномъ падежѣ: *вдалекѣ, вдвойнѣ, вмѣстѣ* (что впрочемъ относится собственно къ слѣдующему отдѣлу: о буквѣ *ь* во флексіяхъ).

66. Въ окончаніяхъ существительныхъ именъ иногда бываетъ сомнѣніе, писать ли *ель* или *ьль*, *ей* или *ьй*?

Въ именахъ на *ьль* и *ьй*.

Изъ именъ перваго окончанія *н* пишется только въ словѣ *свирель*, да въ названіи мѣсяца: *апрель*. *Колыбель*, *купель*, *ибель*, *обитель*, *добродѣтель* по церковно-славянски писались съ буквою *н*, но у насъ ее замѣнило *е*. Такъ же пишутся названія птицъ: *коростель* и *свиристель*. Всегда писалось и пишется *постель* и *постеля*, но уже на совершенно другомъ основаніи (отъ гл. *стлать*). О словѣ *хмель* см. выше, стр. 57.

Изъ именъ на звукъ «ей» буква *н* является только въ словахъ: *злодѣй* (и другихъ того же корня *дн*) и *змѣй*, хотя Ломоносовъ правильно писалъ «змеи», образованное по русской фонетикѣ изъ ц.-сл. *змій*, какъ изъ *вработій*, *славій* — *воробей*, *соловей*. Такъ же пишется *иней*.

Нѣтъ основанія писать *н* въ именахъ: *брадобрей*, которое по образованію въ нынѣшнемъ языкѣ сходно съ *водолей* (хотя въ древности писали «водолѣй») и *грамотей* (съ греч. γράμματεὺς).

Здѣсь же мѣсто упомянуть о словѣ *копейка*, въ которомъ встрѣчается тотъ же дифтонгъ: и въ немъ безъ всякой причины пишутъ большею частью *н*.

Въ именахъ
собствен-
ныхъ.

Особенную непоследовательность представляютъ заимствованныя изъ другихъ языковъ (особенно изъ греческаго) имена собственные, а отчасти и нарицательныя на *ей* и *нѣй*. Съ одной стороны пишутъ: *Андрей*, *Тимовой*, съ другой: *Алексѣй*, *Еремѣй*, *Елисей*, *Матвѣй*, *Серѣй*, при чемъ выставляется правило, что *е* пишется тогда, когда эта буква находится уже и въ подлинномъ иностранномъ имени: Ἀνδρέας, Τιμόθεος, а *н*, когда въ подлинномъ имени *и* или *αι*: Ἀλέξιος, Ἰερεμίας, Ἐλισσαῖος, Ματθαῖος, Σέργιος. На этомъ же основаніи пишутъ *апрель* (отъ лат. aprilis).

Но изъ этого правила допускается множество исключеній, какъ показываетъ общеупотребительная орфографія слѣдующихъ именъ: *Аней* (Ἀγνάιος), *Амплей* (Ἀμπλιος), *Пелагея* (Πελάγια), *Асмодей* (Ἀσμοδαῖος), *Фарисей* (Φαρισαῖος), *Саддукей* (Σαδδουκαῖος), *елей* (ἔλαιον), *батарей* (baterie), *лотерей* (loterie).

Отъ *Индія* образованы имена: *индѣецъ*, *индѣйскій* (съ *н*)¹, а отъ *армія*, *библія*, *линія*—*армейскій*, *библейскій*, *линейный* (съ *е*).

Можно слѣдовательно принять за общее правило, что въ образовательныхъ окончаніяхъ и въ среднихъ производныхъ именъ пишется дифтонгъ *ей* и только въ немногихъ выше исчисленныхъ именахъ — *нѣ*.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ русскомъ языкѣ употребленіе буквы *н* въ корняхъ словъ и въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ есть дѣло преданія и обычая, въ которомъ выражается уваженіе къ историческому началу, но безъ строгаго вниманія къ правильному его примѣненію. Во многихъ случаяхъ *н* остается воспоминаніемъ первоначальнаго правописанія, въ другихъ языкъ по прихоти или недоразумѣнію удалился отъ старины. Какъ бы ни желательно было возстановить въ этомъ отношеніи правильное письмо, трудно теперь, да едва ли и нужно, измѣнять начертаніе словъ, которыя всѣми пишутся одинаково. Попытка такого измѣненія могла бы только увеличить разладъ въ орфографіи.

Общее замѣчаніе.

3. *н* во флексіяхъ.

67. Въ склоненіи именъ существительныхъ:

Въ предложномъ падежѣ единств. числа существительныхъ именъ муж. и сред. рода, въ дат. и предлож. падежахъ именъ жен. рода на *а*, *я*: на *дворѣ*, *въ сараѣ*, *въ селѣ*, *въ морѣ*; *рукѣ*, *башнѣ*.

Сомнѣніе встрѣчается относительно именъ на *ій*, *ія*, *іе* или *ѣе*.

а) О *геніи*, *Василіи*, *Григоріи*? или «о геніѣ, Василіѣ» и т. д.? *и* или *іи*?
Въ древнемъ языкѣ всегда употреблялось окончаніе на *и*, даже и при сокращеніи предшествующаго *і* въ *ѣ*; нынче же въ послѣднемъ случаѣ пишутъ *ѣ*: о *Василѣ*, о *Григорѣ*, т. е. употребляютъ обыкновенное окончаніе именъ муж. рода въ предлож. падежѣ. При сохраненіи полнаго *і* передъ падежнымъ окончаніемъ древняя форма остается неприкосновенною: о *геніи*, о *Василіи*.

¹ Формы: *индѣецъ*, *индѣйскій* относятся къ американской Индіи. Въ отношеніи къ Остѣ-Индіи предпочитаются формы: *индѣецъ*, *индѣйскій*.

б) То же относится и къ именамъ съ женскимъ окончаніемъ имен. пад. ед. ч. на *ія, ѡя*. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр. *о витіи, въ молніи, къ Софіи, при Наталіи*, а при сокращеніи *і* въ *ѣ*, говорятъ и пишутъ: *къ Софѣѣ, при Наталѣѣ*, т. е. такъ же, какъ въ нарицательныхъ, при удареніи на послѣднемъ слогѣ: *къ судѣѣ, въ скуфѣѣ, о семьѣ* и т. д.

Смѣшивая *е* съ *і*, нѣкоторые, по недоразумѣнію, пишутъ также: «по аллеи, въ идеи» вм. *по аллеѣ, въ идеѣ*. (Многоходомъ можно упомянуть и о встрѣчающемся, сходно съ этимъ, невѣрномъ правописаніи: «въ обѣдни» вм. *къ обѣднѣ*, «на недѣли» вм. *на недѣлѣ*).

ыи или ѣѣ?

в) Писать ли: о здоровѣѣ, въ счастѣѣ, на безлюдѣѣ, въ кушанѣѣ, въ имѣнѣѣ или о здоровѣи и т. д.?

И здѣсь, какъ въ именахъ муж. рода, нѣкогда являлось только окончаніе на *и*; во многихъ случаяхъ эта старая форма уцѣлѣла и въ нынѣшнемъ языкѣ, но рядомъ съ нею употребляется, при сокращеніи *і* въ *ерѣ*, обыкновенная форма предл. падежа именъ ср. рода на *о* или *е*, т. е. окончаніе *ѣ*. Мы говоримъ исключительно: о *копѣѣ*, при *ружѣѣ*, въ *платѣѣ*, о *житѣѣ-бытѣѣ*, но говоримъ двояко: въ *забытѣи* и въ *забытѣѣ*, на *новоселѣи*, въ *имѣнѣи*, о *здоровѣи* и — на *новоселѣѣ*, въ *имѣнѣѣ*, о *здоровѣѣ*.

ѣ въ мѣ-
стоим. и чи-
слитель-
ныхъ.

68. Въ склоненіи мѣстоименій и именъ числительныхъ:

Въ дат. и предлож. падежахъ мѣстоименій *я, ты, себя*: *мнѣ, тебѣ, себѣ*.

Въ творит. падежѣ мѣстоименій: *кто, что, тотъ, весь*: *кѣмъ, чѣмъ, тѣмъ, всѣмъ* и во всѣхъ падежахъ множ. ч. двухъ послѣднихъ: *тѣ, тѣхъ, тѣмъ, тѣми, всѣ, всѣхъ, всѣмъ, всѣми*.

Въ именит. падежѣ множ. ч. женскаго рода мѣстоименій: *онѣ*, и именъ числительныхъ: *двѣ, обѣ*.

Во всѣхъ падежахъ множ. ч. числит. ж. р.: *однѣ, однѣхъ, однѣмъ, однѣми; обѣ, обѣихъ, обѣимъ, обѣими*.

ѣ въ срав-
нит. степени.

69. Въ окончаніяхъ сравнит. степени прилагательныхъ: на *ѣе, пѣ, пѣйшій*: *бѣлѣе, бѣлѣѣй, бѣлѣѣйшій* и т. п. Также

мы, отвѣчающія полнымъ прилагательнымъ: *видный* и *больной*; жен. рода *видна*, *больна*; сред. *видно*, *больно*; множ. ч. *видны*, *больны*. Ясно, что въ муж. родѣ ед. ч. *виденъ*, *болень*, звукъ *e* замѣняетъ полугласный *ь* для удобства выговора, какъ въ *стрень*, *доволенъ* (вм. *вѣрьнь*, *довольнь*), а бѣглый звукъ *e* не можетъ быть передаваемъ буквою *ь*. Что слово *виденъ* — прилагат., а не причастіе, явствуетъ изъ того, что оно можетъ сочетаться только съ дат. падежемъ, на вопросъ: *кому?* причастіе же *виданный* требуетъ творительнаго на вопросъ: *кѣмъ?* Безъ представки это прич. неупотребительно въ краткой формѣ («видѣнь»), но въ полной: *виданный* оно встрѣчается у лучшихъ писателей, напр. у Жуковского: «Огонекъ, пробужденный всѣмъ *виданнымъ* въ этотъ день».

Окончанія:
— *ннѣ* и
— *еннѣ*.

72. *ь* сохраняется и въ существительныхъ, произведенныхъ отъ глаголовъ церковно-славянскаго языка: *вѣдѣти* — *вѣдѣннѣ*; *сѣдѣти* — *сѣдѣннѣ*; *мнѣти* — *мнѣннѣ*, *сомнѣти* (*сомнѣваться*).

Но старинное «прѣннѣ» отъ гл. *прѣтися* (*прюся*) у насъ передѣлано въ *преннѣ* не столько по привычкѣ измѣнять *ь* на *e* послѣ *p* (см. выше, стр. 58), сколько по производству этого существительнаго отъ глагола *переть* (ср. *соперникъ*) и въ отличіе отъ другого сущ. *прѣннѣ*, отъ гл. *прѣтъ*.

Вообще существительныя подобнаго образованія, произведенныя отъ глаголовъ, не имѣющихъ *ь* въ своей основѣ, оканчиваются на *еннѣ*, напр. *томленнѣ*, *одобреннѣ*, *благоволеннѣ*, *треннѣ*, *бореннѣ*. Они образуются большею частью при посредствѣ страд. причастій на *енъ*. На этомъ основаніи слѣдуетъ также писать: *затменнѣ* (отъ *затмитъ*, чрезъ посредство предполагаемаго, хотя и неупотребительнаго причастія «затмень»), *надменнѣ* (отъ *дмитъ*).

За симъ слѣдовало бы разсмотрѣть употребленіе согласныхъ *ф* и *ѳ*, означающихъ одинъ и тотъ же звукъ; но такъ какъ эти двѣ буквы нужны только для начертанія заимствованныхъ словъ, то рѣчь о нихъ будетъ ниже въ отдѣлѣ, посвященномъ общему вопросу: какъ писать слова чуждаго происхожденія?

III. Удвоеніе согласныхъ.

73. Въ смыслѣ образованія звуковъ, удвоенія одного и того же согласнаго въ словѣ не бываетъ, а есть лишь такой способъ произношенія согласныхъ, который на письмѣ означается двойною буквою. Цѣль этого начертанія — только показать, что при артикулованіи звука должно произойти его удлинненіе: при образованіи мгновенныхъ звуковъ дѣлается пауза между смычкою и растворомъ (напр. въ словахъ *трупа, итти*); длительные же (напр. въ словахъ *ванна, масса*) просто протягиваются. Это звуковое явленіе во всѣхъ европейскихъ языкахъ означается на письмѣ удвоеніемъ согласной.

Условное
значеніе гер-
мина.

Въ русскихъ словахъ (о заимствованныхъ изъ другихъ языковъ рѣчь будетъ въ особомъ отдѣлѣ) удвоеніе бываетъ либо *этимологическое*, т. е. основанное на происхожденіи или составѣ словъ, либо *фонетическое*, т. е. требуемое только произношеніемъ.

Два рода
удвоенія.

А. ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ УДВОЕНІЕ.

74. Оно бываетъ:

1) Въ корнѣ словъ, по закону превращенія одного звука въ другой, напр. *жжетъ, жженный, жженіе* (вм. «жгетъ» и т. д.).

Въ корняхъ
и при встрѣ-
чѣ съ при-
ставками.

2) Въ составныхъ или второобразныхъ словахъ, при встрѣчѣ основной ихъ части съ приставкою (т. е. какъ префиксомъ, такъ и суффиксомъ), напр. *в-вести, без-заботный, кон-ный, поддан-ный, рус-скій*.

Когда удвоеніе происходитъ вслѣдствіе уподобленія звуковъ при встрѣчѣ голосоваго съ безголоснымъ, то оно на письмѣ не означается; пишутъ: *отдать, подтянуть, сзади, возтатъ, сшибить, изжарить*, хотя произносятъ: «оддать, поттянуть» и т. д. (См. выше, стр. 17—19).

75. Есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ удвоеніе исчезло въ самомъ произношеніи, почему оно не изображается и на письмѣ. Въмѣсто: «раззѣвать, раззинутъ, оттворить, поддьячій» говорятъ и пишутъ: *раззѣать, раззинутъ, оттворить, поддьячій*.

Скрытое
удвоеніе.

Частныя замѣчанія.

76. Начертаніе «раззорять» неправильно, какъ показываетъ др.-слав. глаголѣ *орити*, — разрушать; равнымъ образомъ не слѣдуетъ писать съ двумя *с* сущ. *росомаха* (ср. польск. и чеш. *rosotak*, по образцу средне-латин. *rosotacus*).

Два церковно-славянскія фонетическія начертанія: *воздѣльнѣ* (отъ предл. *воз* и глаг. *желать*) и *иждивеніе* (отъ предл. *из* и глаг. *жить*), основанныя на переходѣ *ж* въ *жд*, издавна утвердились и въ русской ореографіи.

Формы: *возжи* и *дрожди* правильнѣе нежели «вожжи» и «дрожжи», такъ какъ первое изъ этихъ словъ въ родствѣ съ гл. *возить*, а во второмъ буква *д* оправдывается ц.-славянскимъ начертаніемъ *дрождиѣ*.

Въ словѣ *искусство* корень *кус* требуетъ сохраненія *с* передъ окончаніемъ *ство*, тѣмъ болѣе, что древняя форма была: *искусствко*. Хотя желательно было бы избѣжать въ этомъ словѣ затруднительнаго стеченія согласныхъ (дающаго себя чувствовать особенно въ родит. пад. мн. ч.), но чтобы не расходиться съ господствующимъ издавна обычаемъ, принимаемъ строго-этимологическое начертаніе съ удвоеннымъ *с*.

Между тѣмъ въ словахъ *возженіе*, *возженный* принято писать одно только *ж* вмѣсто двухъ (*жженіе*, *жженный* отъ корня *жж*), что было бы согласно съ производствомъ. На томъ же основаніи, вмѣсто: «разсорить», предпочтительно начертаніе: *разсорить* съ однимъ *с* и съ удареніемъ на *ó* для отлічія отъ глаг. *разсорить*.

Б. Фонетическое удвоеніе.

Удвоеніе звука *н*.

77. Въ русскомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ изъ индоевропейскихъ языковъ, замѣчается наклонность къ удвоенію, безъ всякаго этимологическаго основанія, звука *н* между двумя гласными. У насъ это удвоеніе весьма обыкновенно:

Причастія страдательныя.

1) Въ полной формѣ причастій страдательныхъ прошедшаго вр. на *н*: *сдѣланный*, *представленный*, *снесенный*, *обреченный*. Изъ этихъ общеупотребительныхъ начертаній видно, что подобное

удвоеніе соблюдается и на письмѣ. Но такія причастія этой формы, которыя употребляются въ значенія именъ прилагательныхъ или существительныхъ (съ утратою понятія времени и дѣйствующаго лица на вопросъ «кѣмъ?»), не удворяютъ *н*: *вареный, жареный, раненый, сушеный, пряденый, раненый, суженый, береженный, ученый, смышленный, тканый, браный, званый, жданный, вкопанный, названый; мороженое, приданое.*

Подобныя слова представляютъ конечно болѣе древнюю, первоначальную форму, не принявшую позднѣйшаго удвоенія; многія изъ нихъ принадлежатъ преимущественно народному языку и встрѣчаются въ пословицахъ и поговоркахъ, напр. «береженю Богъ бережетъ; незваный гость хуже татарина; не ждано, не задано». Это слова — болѣею частью, но не исключительно безпредложныя; по присоединеніи къ нимъ предлога, придающаго имъ значеніе причастія, они обыкновенно получаютъ и двойное *н*, напр. *наученный, израненный, сотканный*. Нѣкоторыя ходятъ въ двойной формѣ (иногда съ различнымъ удареніемъ), смотря по тому, имѣютъ ли они значеніе прилагательнаго, или причастія: *названый* (древ.) и *названный, положбный* и *положенный*.

Прилагательныя безъ удвоенія.

Слова *данный* и *желанный* неупотребительны безъ двойнаго *н*, послѣднее — несмотря на то, что это — прилагательное съ отгѣнкомъ народности. Первое только въ древнемъ сложеніи: *приданое* удерживаетъ свою первоначальную форму съ однимъ *н*. Въ существит. *подданный* удвоеніе *н* сохраняется. То же представляютъ прилагательныя: *бездыханный, неустанный, окаанный*.

По образцу прилагательныхъ и причастій пишутся и производенныя отъ нихъ второобразныя существительныя: а) съ двумя *н*: *воспитанникъ, избранникъ, священникъ, промышленность*; б) съ однимъ *н*: *ученикъ, труженникъ, вѣтренникъ, вареникъ, дощаникъ, масленица*. На такомъ же основаніи слѣдуетъ писать и *гостиница* (отъ гостиный): въ ц.-сл. письменности встрѣчается, правда, «гостиньница», но въ древнѣйшихъ памятникахъ (Остром. ев.) *гостиница*.

Прилагатель-
ныя *наенный*.

2) Въ прилагательныхъ подобныхъ слѣдующимъ: *собственный, свойственный, мысленный, болѣзненный, внутренний, искренный* и т. п. Между прилагательными этой формы есть первоначальныя причастія: *обыкновенный* (отъ обыкнуть), *откровенный* (отъ открыть), *вдохновенный* (отъ вдохнуть).

Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ прилагательныхъ двойное *н* получило какъ бы органическое значеніе, такъ что даже при переводѣ ихъ въ краткую форму (въ новомъ языкѣ полная форма является первообразною) это удвоеніе не исчезаетъ; говорятъ: *обыкновененъ, откровененъ*, а не «обыкновенъ, откровенъ»; такъ и въ жен. и ср. р. ед. ч. и во всѣхъ родахъ множ.: *совершенна, опредѣленна, умѣренна* (а не — совершенна, опредѣлена, умѣрена). Первый рядъ словъ, отличенный удвоеніемъ звука, представляетъ прилагательныя, тогда какъ слова, помѣщенные въ скобкахъ, суть причастія.

Прилагатель-
ныя веществ-
венныя на
яный.

3) Въ немногихъ вещественныхъ прилагательныхъ окончаніе *яный*, при удареніи на предпоследнемъ слогѣ, превращается, согласно съ произношеніемъ, въ *янный*: *деревянный, оловянный*.

Прежде писали также: «стеклянный, серебрянный, кожаннный»; нынче же пишутъ основательно: *стеклянный, серебрянный, кожанный*, какъ *конопляный, глиняный, нитяный, жестяной* и проч. Очевидно, что слѣдуетъ также писать *замшанный*, а не «замшеный»¹, какъ это слово занесено въ наши словари.

Окончаніе *яный*, когда на немъ нѣтъ ударенія, произносится такъ близко къ окончанію *енный* или *енный* (безъ ударенія на *е*), что часто можно усомниться, которое изъ обоихъ правильнѣе, тѣмъ болѣе, что они иногда смѣшиваются и въ значеніи, т. е. для образованія вещественнаго прилаг. въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляется суффиксъ *енный* предпочтительно предъ *яный*, напр. *соломенный, клюквенный*. Отъ нѣкоторыхъ именъ могутъ образоваться формы обоихъ окончаній, напр. *вѣтранный* и *вѣтряный, масляный* и *маслянный*. (См. Указатель).

¹ О произношеніи *а* за вѣсное *е* послѣ шипящихъ см. выше стр. 27, п. 33.

78. Фонетическому удвоенію подвергается также другой звукъ зубного органа *t* въ глаголѣ *итти*. Древняя форма, основанная на правильномъ производствѣ его отъ корня *и*, была «ити»; позднѣе же, именно въ московскихъ грамотахъ XV вѣка, рядомъ съ нею встрѣчается также начертаніе «итѣти». Нынче большею частью пишутъ «идти», но здѣсь буква *d*, необходимая для настоящаго врем. (*иду*), ошибочно перенесена въ неопред. наклоненіе, такъ какъ въ немъ зубной согласный звукъ, по общему закону русскаго словообразованія, передъ окончаніемъ *ти* непременно измѣнился бы въ *c*, какъ въ глаголахъ: *веду*, *вес-* (вм. *вед*)-*ти*, *цвѣту*, *цвѣс-* (вм. *цвѣт*)-*ти* и проч. Лучшимъ доказательствомъ, что въ неопр. накл. глагола *иду* звукъ *d* не принадлежитъ къ корню, служатъ предложныя формы его, требуемыя самымъ произношеніемъ: *взойти*, *войти*, *дойти*, *зайти*, *изойти*, *найти*, *обойти*, *перейти*, *подойти*, *пройти*, *разойтись* (безъ удвоенія согласной), ибо при присоединеніи предлога къ первому замкнутому слогу слова «ид-ти» начальный звукъ *и* не могъ бы обратиться въ *й* и не было бы надобности послѣ согласныхъ (при предлогахъ *из*, *под*, *раз*) вставлять гласную *о*. Такое измѣненіе могло произойти только при соединеніи предлога съ одною гласною *и* передъ окончаніемъ *ти*. Употребительныя же нынче формы: «взойдти, войдти» и т. д. до «разойдтись», по нашимъ звуковымъ законамъ совершенно немислимы (раздѣлять ли ихъ на слоги: «взойд-ти, войд-ти, разойд-тись» или: «взой-дти, войд-ти, разой-дтись») и потому должны быть отвергнуты.

При предлогахъ *вы* и *при* народный говоръ, по нерасположенію языка къ дифтонгамъ *ый* и *ій*¹, избѣгаетъ формъ: «выйти выйду, выйди, прійти, прійду, прійди» и вмѣсто ихъ предпочитаетъ упрощенныя: *выйти*, *выйду*, *выйди*, *притти*, *приду*, *приди*. Но на письмѣ начертанія: *выйти*, *выйду*, *прійти* также употребительны и по правильности своей могутъ быть допускаемы.

Удвоеніе звука *t* въ глаг. *итти*.

Тотъ же глаголъ съ представками.

¹ См. выше, стр. 5—6.

IV. Правописание заимствованныхъ словъ.

Общее замѣ-
чаніе.

79. Безусловная вражда къ заимствованнымъ словамъ не имѣетъ разумнаго основанія. Въ каждомъ языкѣ есть такія слова; тѣ, которыя укоренились вслѣдствіе давняго употребленія, могутъ считаться его законнымъ приобрѣтеніемъ. Подъ вліяніемъ народной фонетики заимствованія этого рода подвергались иногда такимъ измѣненіямъ, что первоначальный ихъ обликъ становился неузнаваемымъ. Таковы напр. унаслѣдованныя нами отъ Грековъ слова: *налой* (*ἀναλογεῖον*), *исполать* (*εἰς πολλὰ ἔτη*), *уксусъ* (*ὄξος*). Впослѣдствіи, по мѣрѣ успѣховъ образованности и знакомства съ иностранными языками, является напротивъ стараніе съ возможною точностью сохранять въ чужеземныхъ словахъ ихъ подлинную форму. Тогда случается, что передѣланное слово, издавна получившее въ языкѣ право гражданства, исправляется или уступаетъ мѣсто своему двойнику, позднѣе зашедшему въ менѣе измѣненной формѣ. Такъ многія греческія слова переходили къ намъ въ двойномъ видѣ: сперва съ *ѳ* изъ Византіи, потомъ съ *т* изъ западной Европы, сперва съ *ѳ*, потомъ съ *б*, сперва съ *и* (по рейхлин. произношенію *б. η*), потомъ съ *э* (по эразмовскому выговору): припомнимъ напр. *ѳеатръ* и *театръ*, *риторъ* и *реторъ*, *пѣица* и *поэтъ*, *Омиръ* и *Гомеръ*; въ словѣ *библіотека* мы находимъ всѣ три различія въ сравненіи съ *вивлиоѳика*. Такимъ же образомъ взятое съ нѣмецкаго имя *ярмонка*, видоизмѣненное такъ по славянской фонетикѣ, не терпящей двухъ *р* въ одномъ и томъ же словѣ, стало въ недавнее время уступать мѣсто формѣ *ярмарка*.

Два разряда
заимствован-
ныхъ словъ.

80. Заимствованныя слова, по времени ихъ появленія въ языкѣ, раздѣляются на два разряда: издавна употребительныя могутъ быть названы *ополнѣ усвоенными* или *обрусѣвшими* (*Lehnwörter*), а другія, новѣйшія, *чуждыми* (*Fremdwörter*). Но между этими двумя главными разрядами могутъ быть еще разныя степени давности заимствованія, иногда же и разныя степени обрусѣнія независимо отъ давности; поэтому не всегда можно явственно

провести границу между тѣмъ и другимъ разрядомъ, а оттуда сомнительная или двойственная форма нѣкоторыхъ словъ, вслѣдствіе чего являются и затрудненія въ начертаніяхъ. Такъ напр. обрусѣвшее слово *просвира* на письмѣ получаетъ болѣе правильную форму: *просфора*, хотя произведенное отъ перваго народное *просвирия* не подвергается измѣненію.

81. Германскіе, романскіе и тѣ славянскіе народы, которые употребляютъ латинское письмо, могутъ писать заимствованныя западно-европейскія слова безъ всякаго измѣненія ихъ подлинныхъ начертаній. Совершенно въ другомъ положеніи находимся мы. По различію русской звуковой системы съ фонетикой другихъ европейскихъ языковъ и по своеобразности нашей азбуки, начертаніе заимствованныхъ словъ и преимущественно собственныхъ именъ русскими буквами представляетъ большія трудности.

Трудность
начертаній.

Мы часто бываемъ лишены возможности написать имя иностраннаго происхожденія такъ, чтобы можно было угадать его подлинную форму, и для ясности принуждены присоединять ее въ скобкахъ¹. Поэтому мы должны пользоваться всѣми средствами нашей азбуки, чтобы въ возможной точности передавать начертаніе иноязычныхъ словъ. Остановимся на главныхъ изъ этихъ средствъ, и прежде всего на буквахъ э, ѣ и е.

э.

82. Буква э, которой нѣтъ въ церковно-славянской азбукѣ, введена въ нашу печать вскорѣ послѣ установленія граждан-

Необходимость буквы
э.

¹ Въ *Библиотеку для чтенія* 1830-хъ годовъ, Сенковскій подалъ примѣръ, которому и теперь еще иногда слѣдуютъ, писать иностранныя собственные имена латинскими буквами съ присоединеніемъ къ нимъ русскаго падежнаго окончанія, отдѣленнаго отъ имени апострофомъ. Этотъ способъ письма, вообще говоря, не можетъ быть признанъ удачнымъ, потому, во 1-хъ, что онъ предполагаетъ въ каждомъ читателѣ нѣкоторую, вовсе необязательную, степень знанія иностранныхъ языковъ, а во 2-хъ, что апострофъ ставится для означенія пропуска какой-нибудь гласной, чего въ настоящемъ случаѣ нѣтъ. Иногда для краткости, особенно въ ученыхъ сочиненіяхъ, можно конечно прибѣгать и къ начертаніямъ этого рода, но тогда апострофъ слѣдовало бы замѣнить соединительной черточкой.

скаго письма и конечно совершенно основательно, такъ какъ она изображаетъ особый дѣйствительно существующій въ языкѣ звукъ чистаго ϵ : буква *e* представляетъ йотованную или облеченную гласную, почему и названіе ея въ азбукѣ должно произноситься «йэ» и не «э», какъ обыкновенно ее называютъ.

Употребле-
ніе *э* въ на-
чалѣ словъ.

83. Въ собственно-русскихъ словахъ звукъ *э* встрѣчается только въ началѣ немногихъ междометій, мѣстоименій и нарѣчій: *экъ, эхъ, эво; этотъ, этакій, экій, этакъ, эстолько*. Но эта буква особенно полезна для начертанія нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ, напр.: *экзаменъ, элементъ, эхо, эпиграмма, эллипсисъ, поэзія, силуэтъ*. Ея употребленіе было бы еще гораздо обширнѣе, еслибъ не произошло издавна смѣшенія двухъ буквъ церковно-славянской азбуки (ϵ и κ), вслѣдствіе чего и теперь неточно пишется и произносится множество заимствованныхъ изъ греческаго языка словъ, напр.: *Ева, Египетъ, Евдокія, Евлампій, Европа, евангеліе, епархія, епископъ*, вообще большая часть собственныхъ именъ съ приставками $\epsilon\upsilon$ и $\epsilon\pi\acute{\iota}$.

Впрочемъ и наоборотъ буквою *э* иногда начинаются у насъ слова, которыя въ греческомъ имѣютъ предъ начальною гласною густое придыханіе: *Эллада, экзаметръ* ($\epsilon\lambda\lambda\acute{\alpha}\varsigma, \acute{\epsilon}\xi\acute{\alpha}\mu\epsilon\tau\rho\varsigma$). Иногда же въ подобныхъ случаяхъ мы пишемъ *e*: *еврей* ($\epsilon\beta\rho\alpha\acute{\iota}\tau\omicron\varsigma$), *ересь* ($\alpha\acute{\iota}\rho\epsilon\sigma\iota\varsigma$), *Елена* ($\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\nu\eta$).

Неправильно пишется *э* въ словѣ «проектъ»: такъ какъ и въ латинскомъ языкѣ, откуда оно взято, *e* слѣдуетъ за *j*, т. е. является йотованнымъ, то надо писать *проектъ*. То же замѣчаніе относится къ слову *реестръ*, которое въ этомъ видѣ ближе къ своему латинскому первообразу (*registrum*), чѣмъ будучи написано «реэстръ».

Употребле-
ніе *э* послѣ
согласныхъ.

84. Въ послѣднія десятилѣтія у насъ стали употреблять *э* и послѣ согласныхъ для передачи иностраннаго широкаго ϵ : фр. \acute{e} , $a\acute{i}s$, нѣм. \ddot{a} и т. п., напр. въ именахъ: *Бэръ, Тэнъ, Жерэъ, Богарнэ*. Для болѣе точной передачи звуковъ можно допустить эту орфографію, но исключительно въ однихъ собственныхъ именахъ; въ нарицательныхъ же, которыя въ каждомъ языкѣ видоизмѣняются

по требованіямъ его фонетики, мы не обязаны примѣняться къ тонкостямъ иностраннаго произношенія, и потому въ такихъ словахъ какъ *тема, мерз, проблема*, употребленіе *э* вмѣсто *е* неумѣстно.

Скорѣе слѣдовало бы ставить *э* когда надо обозначить, что звукъ *е* не долженъ быть обращаемъ въ *ѣ*, какъ напр. въ словахъ *доктринэръ, партнэръ*, которыя неправильно произносятся: «доктринѣръ, партнѣръ», именно потому, что не знающій ихъ подлинной формы (*doctrinaire, partner*), видя въ окончаніи ихъ *е* передъ твердымъ звукомъ, не затрудняется измѣнять эту гласную въ *ѣ* на общемъ основаніи, какъ напр. въ словахъ: *актеръ, губернэръ* (*acteur, gouverneur*). Иногда въ иноязычныхъ словахъ можно также употреблять *э* для избѣжанія двусмыслія, напр. въ словѣ *нэръ* (анг. peer), косвенные падежи котораго иначе были бы тождественны съ такими же падежами существительнаго *перо*.

85. Въ параллель буквѣ *ѣ* недавно стало входить въ употребленіе нейотованное *э* для звука, изображаемаго германскимъ *ö*, французскимъ *eu* въ началѣ словъ, напр. въ именахъ: *Öhmann, Ösel, Öhlenschläger, Eugène*, и надо согласиться, что этимъ способомъ удачно дополняется начертаніе буквы *э*, которая сама по себѣ вовсе не отвѣчаетъ помянутому звуку. Такимъ же образомъ слѣдуетъ замѣнять *ѣ* послѣ согласныхъ, напр. въ именахъ: *Гѣте, Шлѣцеръ, Тѣнферъ, Сентъ-Бѣвъ*. Это лучше нежели вводить въ русское письмо букву *ö*, непонятную для незнакомыхъ съ германскими языками. *Э* можетъ служить также къ передачѣ англійскаго неопредѣленнаго *и* въ замкнутыхъ слогахъ, напр. *Бѣрисъ, Дѣфферинъ*, (*Burns, Dufferin*).

Буква *э*.

Само собою разумѣется, что въ такихъ именахъ, какъ *Эдипъ* (*Oedipus*), *экономія* (*oeconomia*) и др., форма которыхъ исторически установилась, нѣтъ надобности измѣнять давнишнюю орфографію.

Начертаніе «Монтескѣ» можетъ быть допущено только подъ условіемъ, чтобы *э* послѣ *ь* считалось йотованною гласною.

2.

Двойное на-
значеніе.

86. Буква *z* служитъ у насъ для изображенія двухъ различныхъ звуковъ; такъ напр. въ именахъ: *Gambetta* и *Hugo, Göthe* и *Heine, Gent* и *Hamburg*, мы пишемъ одинаково: *Гамбетта* и *Гуго, Гёте* и *Гейне, Гентъ* и *Гамбургъ*. Уже болѣе полутора ста лѣтъ наши грамотеи жалуются на недостатокъ у насъ особой буквы для отличенія звука малороссійскаго спиранта *z* отъ греко-русской *гаммы*, но изъ всѣхъ предположеній для устраненія этого неудобства ни одно не перешло въ практику, а между тѣмъ ошибочныя начертанія, какъ было объяснено выше (см. стр. 9), привели и къ ошибочному произношенію многихъ словъ. Ломоносовъ не ожидалъ такого результата, когда, примиряясь съ недостаткомъ буквы, говорилъ: «Въ иностранныхъ реченіяхъ, которыя въ Россійскомъ языкѣ весьма употребительны, выговаривать пристойно какъ *h* гдѣ *h*, какъ *g* гдѣ *g* у иностранныхъ»¹. Въ именахъ, не пріобрѣтшихъ себѣ права гражданства историческою давностью, позволительно употреблять *x*, которое къ германскому *h* все-таки ближе чѣмъ наше *z*, напр. въ фамильныхъ именахъ: *Ховенъ* (*Howen*), *Хуссъ* (*Huss*) и т. п. Но, вообще говоря, употребленіе буквы *z* для обоихъ иностранныхъ звуковъ такъ утвердилось, что попытка ввести *ř* для означенія гортаннаго спиранта едва ли могла бы ожидать успѣха.

3.

Цѣль употре-
бленія оиты.

87. Совершенно противоположное явленіе видимъ мы въ *оитѣ*: *z* представляетъ два звука, а *o* изображаетъ звукъ, для котораго есть другая, болѣе употребительная буква (*o*). Однакожъ на *оиту* можно смотрѣть различно: въ отношеніи къ передачѣ звуковъ она конечно излишня, и для людей, не получившихъ литературнаго образованія, составляетъ почти неодолимое затрудненіе; но если принять во вниманіе неудобство нашей азбуки для

¹ См. Грамматику Ломоносова, изд. I, § 99; въ послѣдующихъ § 102.

передачи иноязычныхъ начертаній, то мы должны дорожить всякимъ имѣющимся у насъ средствомъ точнѣе означать подлинную форму заимствованнаго слова. Но, признавая за *оитой* это значеніе, надобно уже употреблять ее правильно; ничто не можетъ быть желѣе встрѣчающихся у насъ начертаній въ родѣ: «Оебъ, Ороей изъ Фракіи, корпоей, сера». Главное соображеніе въ пользу сохраненія *оиты* въ нашемъ письмѣ заключается въ томъ, что такъ какъ согласный *ф* (чистый, не въ видѣ безгласнаго *в* при уподобленіи звуковъ) не встрѣчается въ собственно-русскихъ словахъ, въ заимствованныхъ же онъ бываетъ двоякаго происхожденія (*ph* или *th*), то, сообразно съ общимъ началомъ нашей орфографіи, нужно всякій разъ означать на письмѣ, который изъ двухъ видовъ этого звука входитъ въ составъ иностраннаго слова. — Имена, въ которыхъ *оита* должна имѣть мѣсто, приведены въ приложенномъ къ настоящей книгѣ Указателѣ.

г или и?

88. Другая греческая буква *и* (*ижица*) могла бы быть полезна развѣ только въ словѣ *миро* для отличія его въ косвенныхъ падежахъ отъ двухъ одинаково съ нимъ произносимыхъ начертаній: *миръ* и *миръ*. Но имѣть особую букву для одного только слова было бы странно, тѣмъ болѣе, что конечно всякій и безъ помощи *ижицы* пойметъ значеніе начертаній: *миро* (съ его косв. падежами), *миропомазаніе*, *мироточивый*, какъ мы безъ всякихъ особенныхъ отличій понимаемъ значеніе этихъ словъ въ живой рѣчи, или какъ для насъ равнымъ образомъ понятно различіе напр. *судовъ* въ значеніи то кораблей, то судилищъ. Что же касается словъ: *синодъ*, *символъ*, *синклитъ*, то въ нихъ *ижица* не болѣе нужна, чѣмъ напр. въ словахъ: *система*, *мира*, *типографія* и мн. др., въ которыхъ она давно замѣнена буквою *и*. Слѣдовательно *ижица* должна считаться исключенною изъ русской азбуки.

у или в?

Передача ан-
глійскаго w.

89. Англійское w нѣкогда передавалось у насъ постоянно буквою в, но около 1840-хъ годовъ многіе стали употреблять для этого звука гласную у; напр. стали писать: *Уальтеръ, Уиндзоръ, Уильямъ*. Въ фонетическомъ отношеніи это не лишено основанія, но прежняя орфографія предпочтительна по слѣдующимъ причинамъ: 1) обращеніе у въ в въ дифтонгахъ свойственно русскому языку, какъ видно изъ старинныхъ формъ заимствованныхъ именъ: *Аврора, Августъ, Евангеліе, Европа, Январь* и изъ собственно-русскаго слова *завтра*; 2) начертаніе у не можетъ быть выдержано во всѣхъ случаяхъ, напр. передъ тою же гласною у; такъ слова *Woolwich* никто не напишетъ «Ууличъ» вм. *Вуличъ*; всѣ пишутъ также *вагонъ*, а не «уагонъ», *Дарвинъ*, а не «Дарувинъ»; 3) имена: *Виндзоръ, Вальтеръ Скоттъ, Вашингтонъ* и др. приобрѣли уже издавна право гражданства въ русскомъ языкѣ. На томъ же основаніи слѣдуетъ писать *Вельскій* (а не «Уэльскій»), вм. стариннаго «Валлійскій» (of Wales).

е или ъ?

Случай употребленія ъ въ окончаніяхъ заимствованныхъ именъ (напр. *Алексѣй, Апрельъ*) уже были показаны въ общихъ замѣчаніяхъ объ этой буквѣ. (См. выше, стр. 60).

Своего рода затрудненіе въ начертаніи заимствованныхъ словъ составляетъ соединеніе гласной і съ другими гласными (*іа, іо*) или передача дифтонговъ, образующихся при французскихъ такъ называемыхъ sons mouillés *l* и *gn* (какъ напр. въ словахъ *brillant, compagnon*).

іа или ія?

Передача со-
четанія іа.

90. Въ концѣ слова иноязычный звукъ а послѣ і всегда обращается у насъ въ я: *матерія, Азія, Италія*, но въ произведен-

ныхъ отъ такихъ словъ прилагательныхъ или второобразныхъ существительныхъ наше правописание не установилось: въ однихъ словахъ пишутъ *а*, въ другихъ *я*, и притомъ не всё одинаково. Напр. пишутъ то *матеріалъ*, то «матеріаль»; такому же разнообразію подвергаются слова: *азіатскій*, *италіанскій*, *венеціанскій*, *форте-піано* и др. Между тѣмъ всё пишутъ: *христіанинъ*, *епархіальный*, *спеціальный*, *провіантъ*, *патріархъ*. Для единообразія слѣдуетъ писать *я* только въ окончаніи *ія*, внутри же такихъ именъ всегда употреблять *а*: *матеріалъ*, *варіантъ*; *фоліантъ*, *персіанинъ*, *италіанскій*, *азіатскій* и проч.

Начертаніе слова *россійнинъ* не будетъ исключеніемъ, такъ какъ это — не заимствованное слово, а наше собственное, правильно оканчивающееся на *янинъ*, какъ *дворянинъ*, *кіевлянинъ* (а является только послѣ *жд* и шипящихъ: *гражданинъ*, *мѣщанинъ*).

Въ заимствованныхъ съ греческаго словахъ представка *ди* сохраняетъ эту форму: *діаметръ*, *діалектъ*, *діаволъ*, *діаконъ*; но послѣдніа два существительныя, какъ издавна обрусѣвшія, пишутся также: *дьяволъ*, *дьяконъ*, подобно словамъ: *дьякъ*, *дьячокъ* (откуда и *подьячій* вм. «подьячій»).

Тамъ, гдѣ звуку *а* въ иностранныхъ словахъ предшествуетъ *l mouillé*, какъ напр. въ именахъ: *brillant*, *billard*, нѣтъ основа-
Передача сочетанія *a* съ *l mouillé*.
 нія писать по-русски: «бриллиантъ, биллиардъ»; всего ближе къ составу подлинныхъ словъ правописание: *брильянтъ*, *бильярдъ*.

Milliard слѣдуетъ передавать начертаніемъ: *милліардъ*.

іо, ѱо, ѱо?

91. Существованіе буквы *я*, т. е. йотованнаго *а*, облегчаетъ
Передача сочетанія *о* съ *l mouillé* и *gn*.
 намъ передачу *l mouillé* или *gn* передъ *а* начертаніями: *мѣя*, *нѣя*.
 Для звука же *о*, слѣдующаго послѣ этихъ французскихъ согласныхъ, мы не имѣемъ иной буквы, кромѣ *ѳ*, которая очевидно не пригодна въ настоящемъ случаѣ. Поэтому, вмѣсто начертаній: «батальѳнъ, компаньѳнъ», или употребляемыхъ нѣкоторыми по примѣру Карамзина: «батальйонъ, почтальйонъ, компаньйонъ», принято писать: *батальонъ*, *почтальонъ*, *компаньонъ*. Хотя и эти

послѣднія начертанія не совсѣмъ вѣрны, ибо въ сущности они должны бы произноситься: «баталь-онъ» (т. е. баталёнъ) и т. д., но по своей простотѣ они предпочтительны, если принять за правило, что въ этомъ случаѣ *o*, подобно буквѣ *и*, подъ вліяніемъ предшествующаго *ery*, дѣлается облеченною гласною.

Million слѣдуетъ передавать начертаніемъ: *милліонъ*.

Франц. *l mouillé* въ концѣ слова обыкновенно передается чрезъ *ль*, — *gn* чрезъ *нь*, напр.: *эмаль*, *портфель*, *Шампань*, *Бретань*, *де-Линь*; но вставлять передъ *l mouillé* въ русскомъ письмѣ *й* (напр. «Распайль») нѣтъ основанія, потому что такое начертаніе не соотвѣтствуетъ произношенію подлиннаго слова.

Передача сочетанія *io* какъ дифтонга.

92. Въ именахъ: *Йоркъ*, *майоръ*, *Баюнна*, полугласная *й*, принадлежа къ дифтонгу, правильнѣе нежели гласная *і*, составляющая особый слогъ; впрочемъ многіе пишутъ также: «Йоркъ, маіоръ, Баіонна» и въ оправданіе свое могутъ сослаться на общеупотребительныя начертанія: *Иосифъ*, *Иорданъ*, *Иена*; еще Востоковъ допускалъ въ такихъ случаяхъ употребленіе *і* въ значеніи полугласной.

Начертанія: *курёзный*, *серёзный* вм. *куріозный*, *серіозный*, могутъ быть терпимы на томъ основаніи, что въ нихъ буква *ё* отвѣчаетъ французскому слогу *eux*, нѣм. *ö*.

йэ, ie, ye? iy или ю?

Передача сочетанія *ie*.

93. Въ сущности иностранное *ie* могло бы часто быть передаваемо просто йотованнымъ *e*, но въ подражаніе иностраннымъ начертаніямъ мы пишемъ: *іезуитъ*, *Иена*, *Иевеъ*, *Иемъ*, — *іерей*, *іеролифъ*, *Іерусалимъ*, *Іеронимъ*; при чемъ въ послѣднихъ четырехъ оставляемъ безъ означенія, въ началѣ ихъ, греческое придыханіе (латинск. *h*), которое впрочемъ уже и у самихъ грековъ не произносилось въ позднѣйшую эпоху ихъ письменности.

Когда въ иностранныхъ словахъ *і* или *у* (ипсилонъ) принадлежитъ къ другому слогу. чѣмъ слѣдующее за нимъ *e*, то мы пишемъ *йэ*, напр. *діэта*, *піэтистъ*, *шиэна*, *іэна*; когда же *ie*,

je (jot + e), *ye* въ западно-европейскомъ словѣ составляетъ дифтонгъ, то онъ передается у насъ чрезъ *ье* или *йэ*, напр. *курьеръ*, *пѣдесталъ*, *пѣса*, *Кордилеры*, *Пьерро* (что очевидно вѣрнѣе чѣмъ *пѣдесталъ*, *пѣса* или *пѣса*); *Лафайэтъ*, *Йэлтъ* (въ швед. *Hjelt* *h* передъ *j* не произносится).

Что касается сочетанія *йу*, то въ именахъ, перешедшихъ къ намъ путемъ церковной письменности, оно изображается двойко: *Иуда*, *Иудея*, и *іонъ*, *іюль*, тогда какъ мірскія личныя имена пишутся: *Юдинъ*, *Юній*, *Юлій*. Въ серединѣ слова звукъ *йу* передается безъ измѣненія: *тіунъ*, *Фріуль*, *радіусъ*.

Здѣсь кстаті упомянуть объ италіанскихъ географическихъ именахъ, оканчивающихся на *иа*. Слѣдуетъ писать: *Генуя*, *Капуя*, *Падуя*, сообразно съ косвенными падежами: *Гену-и*, *Гену-ѣ*, въ винит. *Гену-ю*, *Капу-ю*, *Гену-ей*, *Капу-ей*.

Въ правописаніи заимствованныхъ словъ особенную важность представляетъ вопросъ объ удвоеніи согласныхъ, къ которому теперь и переходимъ.

Удвоеніе согласныхъ въ заимствованныхъ словахъ.

94. Въ словахъ, заимствованныхъ въ болѣе или менѣе отдаленное время, даже еще и въ петровскую эпоху, такое удвоеніе болшею частію исчезло: *арестъ*, *атака*, *батарея*, *грамота*, *камергеръ*, *канцелярія*, *каре́та*, *команда*, *комендантъ*, *офицеръ*, *панихида* почти все́ми пишутся такъ вмѣсто: «аррестъ, атака, баттарея» и проч., какъ слѣдовало бы писать сходно съ формою подлинныхъ словъ. Однакожъ, и во многихъ изъ старинныхъ заимствованій сохраняется удвоеніе, напр. пишутъ: *колле́гія*, *аттестатъ*. Между тѣмъ, на основаніи первыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ, нѣкоторые въ наше время стали, во все́хъ заимствованныхъ словахъ, и старыхъ и новыхъ, гдѣ въ подлинникѣ есть двойная согласная, писать одну только букву: «колегія, комисія, профессоръ, Одеса, Прусія». Но этого правила нельзя одобрить, такъ какъ, во 1-хъ, оно противорѣчатъ

Случаи несо-
блюдаемаго
удвоенія.

признанному нами общему началу, что всякое заимствованное слово должно по возможности сохранять слѣды своего состава: во 2-хъ, оно часто несогласно съ произношеніемъ, въ которомъ ясно слышится такъ называемое удвоеніе согласной. Это бываетъ особенно когда удвоеніе появляется въ концѣ *ударяемаго* слога, напр. въ такихъ словахъ, какъ: *ванна, вилла, колонна, касса, масса, манна, миссія, пресса, программа, профессія, сессія, сумма, труппа*, а также и въ собственныхъ именахъ, какъ напр. *Ахиллѣ, Улиссѣ, Сивилла, Анна, Скоттѣ, Гриммѣ, Шиллерѣ, Патти*. Очевидно, что и во всѣхъ производныхъ отъ выше-приведенныхъ словъ удвоеніе должно быть сохраняемо: *кассирѣ, колоннада, комиссія, репрессалии*.

Пропускъ со-
гласной въ
представкѣ.

Большую частью пишутъ «ком-мис-сія», но первое изъ встрѣчающихся тутъ удвоеній въ выговорѣ не слышится; а такъ какъ во многихъ заимствованныхъ словахъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, представка теряетъ свою конечную согласную при встрѣчѣ съ тою же буквой (*командирѣ, комендантѣ, афиша, офицерѣ*), то по примѣру этихъ словъ позволительно писать также: *комиссія* (при имени *миссія*); писать «коммисія», какъ водится у насъ особенно въ канцелярскомъ быту, противно произношенію. Такое же сокращеніе допущено почти во всѣхъ европейскихъ языкахъ въ словѣ *комитетѣ*, по образцу французскаго *comité*, которое передѣлано изъ англійскаго *committee* (отъ *to commit*, поручать, довѣрять).

Пропускъ въ
собствен-
ныхъ име-
нахъ.

Въ составѣ собственныхъ именъ германскаго происхожденія принято писать слово *манн* съ однимъ *n*: *Гартманн, Циммерманн*. И въ другихъ окончаніяхъ иностранныхъ фамильныхъ именъ удвоенная буква часто сокращается, напр. *Рашеттѣ, Лафайеттѣ, Радзивиллѣ, Рейффѣ* (*Rachette, La Fayette, Radzivill, Reiff*).

Случаи двоя-
каго письма.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиною сохраненія двойной буквы можетъ быть то, что слово безъ нея получаетъ другое значеніе; таковы имена: *металлѣ, баллѣ* (цифровая отмѣтка), *классѣ, колоссѣ*, которыя слѣдуетъ такъ писать для отличія отъ:

металъ (глаго.), *балъ* (танцевальное пиршество), *класъ* (церковно-сл. = колось), *колосъ*. Подобно слову *металъ* должно писать и *кристалъ* (греч. *κρύσταλλος*). Но въ словахъ, гдѣ удвоеніе какъ для слуха, такъ и на письмѣ издавна исчезло, нѣтъ надобности возстановлять его, между прочимъ и въ концѣ словъ, напр. въ именахъ: *адресъ, интересъ, протоколъ, партеръ, камергеръ*. Само собою разумѣется, что когда удвоеніе находится въ именительномъ един. ч., то оно должно быть удерживаемо и во всѣхъ ко-свенныхъ пад. обоихъ чиселъ; слѣдовательно должно писать: *вилъ, суммъ, программъ, колоннъ, труппъ, группъ*. Французы, правда, пишутъ *groupe* (муж. р.), но у насъ это слово взято съ нѣмецк.: *Gruppe*; по-итал. также: *gruppo*.

95. Не отвергая двойныхъ согласныхъ въ словахъ, гдѣ онѣ умѣстны, надобно однакожъ избѣгать употребленія ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ языкѣ, откуда заимствовано слово. Въ нѣкоторыхъ латинскихъ и греческихъ именахъ у насъ нерѣдко являются на письмѣ лишнія буквы; слѣдуетъ писать безъ удвоенія буквъ: *привилегія, Илиада, Иларіонъ, драма, литература, проблема, катавасія, карикатура*, а не «привиллегія» и т. д. *Галлерей* пишется съ двумя *л* по образцу этого слова у италіанцевъ и нѣмецевъ, хотя французы пишутъ *galerie*. *Суббота* пишется такъ по примѣру греч. *σάββατον*, хотя по ц.-сл. *сѣбота*.

Излишнія
удвоенія.

Удвоеніе *гласной* допускается у насъ только въ иностранныхъ собственныхъ именахъ¹, для указанія орфографіи подлиннаго имени, напр. *Аа* (рѣка въ Курляндіи), *Оомъ, Цез*. Впрочемъ послѣднее начертаніе обуславливается тѣмъ, что въ нѣмецкомъ имени два слога, отдѣляемые буквою *h* (*Zehe*). Но протяжное *e*, означаемое въ нѣмецкой орфографіи удвоеніемъ этой гласной, нѣтъ надобности удваивать и въ русскомъ письмѣ. Названіе рѣки, на которой стоитъ Берлинъ, можно напр. писать просто *Шпрэ* (а не «Шпреэ»).

Удвоеніе
гласныхъ.

¹ Нельзя считать за *удвоеніе*, въ приданномъ нами этому термину смыслѣ, встрѣчу гласной префикса съ такимъ же начальнымъ звукомъ главнаго слова, напр. въ глаголахъ: *пообидать, прискаты*.

Употребленіе большихъ или такъ называемыхъ прописныхъ буквъ.

Общее замѣ-
чаніе.

96. Большія буквы составляютъ, собственно говоря, роскошь письма. Въ древности онѣ ставились только въ началѣ рукописи, позднѣе и въ началѣ отдѣловъ текста, если онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ статей. Болѣе употребляться стали онѣ въ средніе вѣка, и мало по малу мудрствующіе писцы довели это употребленіе до излишества. Въ наше время вездѣ замѣчается стремленіе ограничить насколько можно пестроту письма, происходящую отъ большихъ буквъ. Впрочемъ въ нихъ есть и нѣкоторая практическая польза: при бѣгломъ чтеніи или при пересмотрѣ прочитаннаго, онѣ даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ отысканіе нужнаго; кромѣ того онѣ помогаютъ узнавать такія собственныя имена, которыя, по своей малоизвѣстности, могли бы возбуждать недоумѣніе, если бъ ничѣмъ не отличались отъ другихъ словъ. Правиламъ объ употребленіи большихъ буквъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ много значенія, тѣмъ болѣе, что невозможно дать точныхъ указаній на всѣ встрѣчающіеся случаи.

Отдѣльныя
правила.

Съ большой буквы пишутся:

1. Первое слово строки, начинающей новый отдѣлъ текста, или первое слово послѣ точки.
2. Первое слово чужой рѣчи, приводимой послѣ двоеточія между кавычками.
3. Каждое слово, начинающее стихъ.

Этотъ обычай, въ сущности, не имѣетъ разумнаго основанія и въ послѣднее время уже начали, въ нѣкоторыхъ иностранныхъ изданіяхъ, отступать отъ него.

4. Имена трехъ Лицъ Божества и высшихъ существъ, составляющихъ предметъ религіознаго почитанія христіанъ: *Богъ, Господь, Творецъ, Всевышній, Спаситель, Богородица, Святой Духъ, Св. Троица* и т. п.; также слова: *Провидѣніе, Промыслъ, Небо, Церковь* въ духовномъ смыслѣ.

Не требуютъ большой буквы названія дѣлныхъ разрядовъ или видовъ существъ, признаваемыхъ Церковію: *амель, херувимъ, се-*

рафина; тѣмъ болѣе подходятъ подъ это правило языческія названія: *нимфа, дриада, наяда, муза, парка, гарпія, іора; альфа, норма, валкирія; русалка, вила* и т. п.

5. Титла царствующаго въ Россіи Дома: *Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Ихъ Императорскія Величества*.

Съ большой же буквы пишутся обыкновенно личныя и прилагательныя мѣстоименія, замѣняющія имена, означенныя въ пунктахъ 4-мъ и 5-мъ.

6. Собственныя личныя имена, а также составляющія съ ними одно прозваніе придаточныя титла или нарицательныя имена, равно прилагательныя и числительныя: *Іоаннъ Креститель, Юліанъ Отступникъ, Иванъ Калита, Иванъ Грозный, Петръ Великій, Екатерина Вторая* и пр.

Всякія другія титла и наименованія званій, должностей и чиновъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, пишутся съ малой буквы: *патріархъ, пророкъ, апостолъ, евангелистъ, митрополитъ, архіерей; консулъ, преторъ, сатрапъ; канцлеръ, министръ, генераль-губернаторъ; князь, графъ, баронъ; камергеръ, гофмаршалъ; академикъ, профессоръ; генералъ, полковникъ, тайный совѣтникъ*.

Въ письменныхъ сношеніяхъ словъ, употребляемыхъ для титулованія, какъ-то: *Ею Высокоблагородію, Ваше Превосходительство, Ваше Сіятельство*, также слова: *Милостивый Государь* и даже просто *Господинъ* пишутся съ большой буквы, равно какъ и мѣстоименія 2-го лица множ. ч.: *Вы, Ваши*.

7. Собственныя географическія имена, означающія государства, страны, области, селенія, горы, моря, озера, рѣки, каналы, также названія улицъ, зданій, мостовъ: *Россія, Бессарабія, Нижній Новгородъ, Муравеня, Пріютино, Морская, Мойка, гора Благодать, Тихое море, Байкалъ, Волга; Адмиралтейство* (какъ зданіе), *Синій мостъ*.

Когда названіе состоитъ изъ прилагательнаго и существительнаго, то различаются два случая: а) если существительное означаетъ видъ, къ которому принадлежитъ предметъ, то съ большой буквы пишется только прилагательное: *Бѣлое море, Тверская гу-*

бернія, Троицкій соборъ, Ладожское озеро, Черная рѣчка, Зимній дворецъ, Лѣтній садъ, Чернышевъ переулокъ, Красный мостъ;
 б) если существительное не означаетъ вида, подъ который подходитъ именуемый предметъ, то и оно пишется съ большой буквы: городъ *Царское Село, Великія Луки, село Черная Грязь.*

Когда прилагательное состоитъ изъ двухъ словъ, то оба пишутся съ большой буквы: *Александро-Невская лавра, Кириль-Кайсацкая степь, Кіево-Печерскій монастырь.*

Названія странъ свѣта: *сѣверъ, востокъ* и т. д. пишутся съ большой буквы только тогда, когда подъ ними разумѣются земли или народы, коихъ географическое положеніе означаетъ этими именами.

Имена племенъ, народовъ, населеній, имена исповѣданій или ученій и послѣдователей ихъ, также названія орденовъ, полковъ, учебныхъ заведеній и лицъ, именуемыхъ по полкамъ или заведеніямъ, къ которымъ они принадлежатъ, пишутся въ обонхъ числахъ съ малой буквы: *славянинъ, славяне, чехи, поляки, нѣмцы, москвичи, европейцы; христіане, христіанство, католики, православные, лютеране; исламъ, сунниты; буддизмъ; неоплатоники; классическая гимназія; кадетскій корпусъ; студентъ, лицейскій, правовѣдъ, кадетъ; измайловскій полкъ; преображенецъ, мусаръ, уланъ, владимирскій крестъ, аннинская лента, Александровскій кавалеръ.*

8. Названія высшихъ государственныхъ и ученыхъ учрежденій, также различныхъ обществъ. Если названіе состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, то большою буквою можетъ быть отмѣчаемо или только первое, или же и второе слово, смотря по тому, считать ли его въ этомъ случаѣ за собственное, или за нарицательное имя: *Правительствующій Сенатъ, Святѣйшій Синодъ, Государственный Советъ, Государственный Контроль, Академія Наукъ, Императорская Публичная бібліотека, Московскій университетъ, Русское Историческое общество, Техническое общество, Общество для пособія нуждающимся литераторамъ, Министерство Иностранныхъ дѣлъ.*

9. Нѣкоторыя названія праздниковъ, недѣль и дней, имѣющихъ особенное церковное значеніе: *Рождество Христово, Пасха, Благовѣщеніе, Великій постъ, Страстная, Свѣтлая недѣля, Великій четвертъ, Преполовленіе.*

Но имена мѣсяцевъ и дней недѣли, а также народныя названія праздниковъ и разныхъ эпохъ года, пишутся съ малой буквы: *святки, масленица, мясоѣдъ, седмица, каникулы.*

Съ малой же буквы пишутся названія историческихъ событій и эпохъ: *реформація, бироновщина, пугачевщина.*

10. Заглавія книгъ, періодическихъ изданій, статей, стихотвореній: *Дьянія Святыхъ Апостоловъ, Исторія Государства Россійскаго, Московскій Вѣстникъ, Новое Время.* Иногда съ большой буквы пишется только первое слово заглавія, напр.: *Капитанская дочка.*

Но названія книгъ, приводимыя не въ видѣ ихъ заглавій, а для означенія содержанія ихъ, не пишутся съ большой буквы: *камендаръ, святцы, священное писаніе, евангеліе, грамматика.*

11. Названія кораблей и другихъ судовъ: *Держава, Орелъ, Слава Россіи, Проворный.*

12. Прилагательныя притяжательныя, образованныя отъ личныхъ именъ посредствомъ окончаній *овъ* и *инъ*: *Петрово* время, *Гомерова* эпопея, *Екатерининъ* вѣкъ.

Прилагательныя относительныя на *скій* и *кій*, образованныя какъ отъ личныхъ именъ, такъ и отъ именъ народовъ и мѣстностей, тогда только пишутся съ большой буквы, когда входятъ въ составъ названій и могутъ почитаться собственными именами, напр. *Тульская губернія, Россійская академія, Русское Историческое общество.* Во всѣхъ другихъ случаяхъ такія прилагательныя пишутся съ малой буквы: *лomonосовскій слогъ, шведская нація, португальскій языкъ, тамбовскій губернаторъ, тульскій самоваръ, вяземскій пряникъ; нѣмецкій театръ, донецкій уоль.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О соединеніи двухъ словъ въ одно.

Общее замѣ-
чаніе.

97. Вопросъ: когда писать слитно два слова, которыя вмѣстѣ составляютъ одно понятіе и могутъ быть разсматриваемы какъ одна часть рѣчи, очень важенъ по своему значенію для лексикографіи, такъ какъ реченія, слитно пишущіяся, должны занимать въ словарѣ особыя мѣста въ азбучномъ порядкѣ.

Слитно писать два слова слѣдуетъ тогда, когда соединеніе ихъ безпрекословно утверждено общимъ сознаниемъ и обычаемъ. Въ противномъ случаѣ лучше писать ихъ раздѣльно, напр.: *въ заключеніе, за границу, за границей, съ размаху, со временемъ, въ волю, въ добавокъ, въ пору, въ разрѣзъ, въ одиночку, въ гору, съ плеча* и мн. др.

Отдѣльныя
правила.

Слитно съ предлогомъ пишутся:

1. Существительное.

а) Когда каждое изъ обонхъ словъ теряетъ свое отдѣльное, самостоятельное значеніе, такъ что они вмѣстѣ образуютъ нарѣчіе или предлогъ, напр.: *вверхъ, внизъ, сверху, снизу, вмѣстѣ, вопрекъ, впередъ, врознь, вслѣдъ, тайнъ, тиши, вдали, вслѣдствіе, впоследствии*¹; *кстати, издали; сначала, сверху, снизу, смилкомъ; наверхъ, наверху, навъки, наконецъ, наоборотъ, назадъ, напередъ, напрыгъ, насчетъ* (когда послѣднее значить: относительно).

Тѣ же слова пишутся врознь, когда къ имени присоединено опредѣленіе, или когда предлогъ употребленъ какъ дополненіе къ глаголу: *въ самый верхъ, съ какой стати, съ начала года, на*

¹ На нашей еще памяти писали не иначе, какъ *въ послѣдствіи времени*. Употреблять въ такомъ же смыслѣ одно слово *послѣдствіе* стали недавно, и такъ какъ это значеніе дается ему только въ соединеніи съ предлогомъ *въ*, то мы и считаемъ правильнымъ видѣть въ этомъ сочетаніи нераздѣльное нарѣчіе.

конецъ, на примѣръ (указать, сослаться). Сюда идетъ также приведенный Ломоносовымъ примѣръ: *жить въ мѣсть многолюдномъ*.

б) Когда имя само по себѣ безъ предлога неупотребительно: *вдоль, вдоволь, взаимы, взапуски, внутрь, внутри, внаймы, вплавъ, впрѣдъ, вновь, встарь, вкось, вкривъ, впрямь, вскользь, вопреки, взаперти, вблизи, впотмахъ, впопыхахъ, второпяхъ; набекрень, навыворотъ, навзничь, назади, наземь, оземь, наперекоръ, навѣрняка, напрямки, наружу; снаружи, наяву; изстари, искони, поодаль, позади, понутру; сзади, спереди, сплошь* и проч.

2. Прилагательное полное средняго рода: *впрочемъ, повидимому, попрежнему*.

3. Прилагательное краткое средняго рода: *вдалекъ, вполнѣ, вскорѣ, вкратцѣ* (ц.-сл.), *вчернь; вправо*¹, *влѣво, вообще; докрасна, досыта; навѣрно, налѣво, направо, набѣло, начерно; налегкѣ, навеселѣ, наготовѣ; заново, запросто; слѣва, справа, смолodu, снова, сполна, сгоряча, свысока, изрѣдка, издалека, изсиня; понемногу*.

4. Прилагательное полное женскаго рода: *вразсыпную, вкрутую, всплошную, зачастую, напропалую*.

5. Числительное: *вдвое, вдвоемъ, вчетверомъ; заодно; вдвойнѣ, впервые*.

Но въ словахъ *во-первыхъ, во-вторыхъ* и т. д. соединеніе предлога съ числительнымъ означается только черточкою, такъ какъ при слияніи ихъ въ одно слово пришлось бы занести въ словарь всѣ порядковыя числительныя до самыхъ высшихъ цифръ вторично въ этомъ видѣ.

6. Мѣстоименіе: *потому, посему, поэтому, почему; потомъ; притомъ; затѣмъ, зачѣмъ; оттого, отчего*.

Слитно пишутся эти слова, когда они служатъ союзами; но когда предлогъ сохраняетъ свое самостоятельное значеніе и дополняетъ глаголъ, то онъ долженъ ставиться отдѣльно, напр.: смотря *по тому*, присутствовать *при томъ*, слѣдовать *за тѣмъ*, зависѣть *отъ того*. Слова *при этомъ* не составляютъ союза и не

¹ Въ *правѣ* (сущ. имя) нѣтъ причины писать слитно.

должны писаться слитно: тутъ предлогъ *при* сохраняетъ свое отдѣльное значеніе, а въ этомъ случаѣ и слова *при томъ* пишутся врознь. По той же причинѣ и реченіе *при чемъ* должно оставаться въ видѣ двухъ отдѣльныхъ словъ.

7. Нарѣчіе.

Нарѣчіе, какъ часть рѣчи неизмѣняемая, не можетъ подлежать управленію предлога и потому пишется съ нимъ слитно: *докуда, дотуда, доколь, досель, дотоль, донинь, понинь, покуда; насколько, настолько, послѣ, послѣзавтра.*

Сюда же можно отнести нарѣчія: *свыше и втуне.*

Нарѣчія въ родѣ слѣдующихъ: *попеременно, поочередно, дословно, поголовно, повзводно* сюда не относятся: они образованы отъ соответствующихъ имъ прилагательныхъ: *попеременный* и проч., и не могутъ считаться составными въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы разсматриваемъ слова этой категоріи.

Но здѣсь слѣдуетъ упомянуть о другомъ разрядѣ нарѣчій, которыя образуются съ помощію предлога *по*, отдѣляемаго отъ нихъ черточкою: *по-дружески, по-молодецки, по-стариковски, по-дѣтски, по-свойски, по-каковски, по-русски, по-французски.* Нѣкоторые пишутъ эти слова и слитно, но безъ надобности и къ напрасному обремененію словаря.

Для образованія составныхъ реченій соединяются еще:

1. Числительныя то между собою, то съ существительными: *полтора* (т. е. полвтора), *молода, полчаса; двѣсти, триста, пятьсотъ*; почему и въ косвенныхъ падежахъ слѣдуетъ писать: *двухсотъ, тремстамъ.* Передъ существительными, начинающимися гласною, слѣдуетъ писать *полъ* съ черточкою, напр. *полъ-имѣнія, полъ-оборота*; кромѣ того: *полъ-листа*, такъ какъ изъ двухъ рядомъ стоящихъ одинакихъ согласныхъ первая уподобляется второй и при начертаніи «поллиста» первое *л* умягчалось бы подъ вліяніемъ второго, какъ напр. въ словахъ: *аллея, миллионъ* (произн.: «альлея, мильіонъ»).

Форма «двѣстѣ» (старинное двойственное число) была бы конечно правильнѣе общеупотребительнаго правописанія: *двѣсти*, но

повторявшіяся не разъ попытки возстановить ее можно считать окончательно неудавшимися, равно какъ и начертаніе: «этѣ, этѣхъ», согласное съ составомъ этого мѣстоименія, не принялось, несмотря на старанія многихъ.

2. Мѣстоименіе съ существительнымъ: *сейчасъ, сегодня, тотчасъ*.

3. Мѣстоименіе или нарѣчіе съ союзомъ, или два союза: *тоже* (нарѣч.), *однакоже, также*. Но когда выражается сравненіе, то слѣдуетъ писать: *такъ же* скоро; *такъ же*, какъ.

Въ другихъ случаяхъ частица *же, жь* пишется отдѣльно: *кого же, что жь, тотъ же, тѣмъ же, та же, тѣ же, то же* (мѣстоим.); отдѣльно же пишутся частицы: *ли, ль, бы, бь*, напр.: *то ли, если бы, если бь, ежели бы*, за исключеніемъ словъ: *ужели, чтобы* (союзъ). Но когда *что* служитъ мѣстоименіемъ, то оно отдѣляется отъ *бы*: *что бы* предпринять? *что бы* ни говорили. Соединеніе частицъ *либо, нибудь, таки* съ предыдущимъ словомъ означаетъ черточкою: *кто-либо, что-нибудь, все-таки*. Заключительный союзъ *итакъ* (фр. *donc, par conséquent*) для отличія отъ случая, когда *и* сохраняетъ значеніе отдѣльнаго союза, пишется слитно. Напр.: «вы согласны; *итакъ* дѣло кончено», или: «онъ говорилъ такъ умно *и такъ* краснорѣчиво», или: «такъ я понимаю жизнь, *и такъ* рѣшился жить».

4. Два нарѣчія, составляющія по смыслу одно, обыкновенно соединяются между собой черточкою: *мало-мальски, давнымъ-давно, просто-напросто*.

Такимъ же образомъ обозначается соединеніе двухъ предлоговъ, изъ которыхъ управленіе остается за первымъ: *изъ-за* границы, *изъ-подъ* стола.

Иногда составное нарѣчіе заключаетъ въ себѣ три слова, которыя и пишутся слитно: *сызнова, снаружи, наизусть, наискось, исподлобья, наврядъ, вполсыта, вполтуту, сполаторя, исподволь*. Впрочемъ, собственно говоря, тутъ соединеніе образуютъ только два члена, изъ которыхъ одинъ сложный; такимъ бываетъ большею частью второй членъ.

5. Два существит. иностраннаго происхожденія, означающія извѣстныя должности, званія и чины: *камергеръ, камергюнкеръ, гофмейстеръ, егермейстеръ, фельдмаршалъ, фельдгезеръ.*

Иногда же оба имени пишутся врознь и соединяются черточкою: *камеръ-лакей, штабъ-мѣкаръ, штабъ-офицеръ, гофъ-интендантъ, унтеръ-офицеръ, оберъ-гофмаршалъ, генералъ-майоръ, генералъ-губернаторъ, генералъ-штабъ-докторъ.* Во всѣхъ такихъ соединеніяхъ склоняется только послѣднее слово.

98. Отрицаніе *не* пишется большею частью безъ всякой послѣдовательности, то слитно, то раздѣльно. Для избѣжанія этой неопредѣленности нѣкоторые приняли за правило никогда не отдѣлять *не* отъ слѣдующаго за нимъ слова, забывая, что вслѣдствіе этого каждое такое слово пришлось бы вносить въ словарь два раза, въ положительной и въ отрицательной формѣ.

Съ прилагательными и парѣчіями частица *не* вообще пишется слитно, напр. *неловкій, недавній, невозможный, неверно, неволью.*

Но когда отрицанію соотвѣтствуетъ въ другомъ предложеніи противоположное утвержденіе, то частица *не* должна отдѣляться, напр. онъ былъ *не* боленъ, а разстроенъ духомъ; *не* богатъ, но честенъ; они слабы, а *не* добры. Поэтому и реченіе *не только*, которому соотвѣтствуетъ *но и*, должно писаться раздѣльно. Бываютъ и другіе случаи, въ которыхъ, смотря по смыслу, слѣдуетъ писать *не* то слитно, то врознь, напр.: «онъ *не много* работаетъ» не одно и то же, что: «онъ *немного* работаетъ».

Передъ глаголомъ частица *не* составляетъ, вообще говоря, отдѣльное отрицаніе: *не знать, не хожу, не видитъ.* Слѣдовательно, то же относится и къ причастію: человекъ, *не любящій* ссоръ, ничего *не видящій*, *не любимый* товарищами. Причастіе сохраняетъ свой характеръ всякій разъ, когда съ словомъ соединяется понятіе времени, или когда при глаголѣ есть дополненіе положительное или отрицательное. Но когда причастіе обращается въ прилагательное, и означаемое имъ качество безусловно отрицается, то *не* пишется слитно: человекъ *нелюбящій, нелюбимый, независимый, несвѣдущій, немоллимый.*

Съ глаголомъ отрицаніе можетъ составлять одно слово только тогда, когда онъ образованъ съ помощью этой частицы и безъ нея неупотребителенъ: *ненавидѣть, негодовать*. Слитно пишутъ также: *нельзя, не доставать*.

Реченіе *несмотря* пишется слитно.

Не входитъ въ составъ многихъ существительныхъ: *ненависть, негодованіе, невѣрность, непокорность, невѣжда, неряха, недругъ, нетель, несчастье, немилость*; случаи, въ которыхъ отрицаніе пишется отдѣльно отъ имени, не требуютъ особаго поясненія.

Что касается частицы *ни*, то она пишется слитно въ словахъ: *никто, ничто, никакой, ницѣ, никуда, никогда, нисколько*, какъ составляющихъ отдѣльныя понятія, въ нѣкоторыхъ языкахъ выражаемыя даже особыми словами, но остается не соединенною въ другихъ случаяхъ, напр. *ни одинъ, ни который, ни мало, ни откуда*.

О переносѣ частей слова изъ строки въ строку.

98. Основаніемъ для переноса въ новую строку частей слова, не умѣщающагося цѣликомъ въ концѣ предыдущей, служитъ ^{Общее замѣчаніе.} правильное раздѣленіе словъ на слоги. Въ этомъ отношеніи надо отличать слова *простыя*, т. е. не имѣющія представки, отъ *сложныхъ*, образованныхъ съ ея помощію.

I. Слова простыя.

Раздѣленіе согласныхъ буквъ.

1. Согласная, находящаяся между двумя гласными, начинается новый слогъ: *сѣ-ча, во-ро-та, су-ма-то-ха*.

2. Изъ двухъ одинакихъ согласныхъ, стоящихъ между гласными, вторая переносится въ другую строку: *сум-ма, кон-ный, рус-скій, жу-ж-жать, мас-са, Ал-лахъ*.

Но передъ суффиксомъ, начинающимся съ согласной, двѣ одинакія буквы, принадлежащія къ корню слова, не должны быть раздѣляемы: *класс-ный*:

3. Когда согласная отдѣлена *еремъ* отъ другой согласной, то эту послѣднюю начинается новый слогъ: *день-ни, конь-ки, тюръ-ма, дѣть-ми, толь-ко, Оль-га.*

4. Суффиксы, начинающіеся согласною и составляющіе слогъ, переносятся въ другую строку: *бож-ба, враж-да, дѣв-ка, дерз-кій, жи-зни, боль-зни, раз-ный, дур-ной, долж-но, кос-ный, вдох-нуть, дряб-лый, теп-лый, съд-ло, чис-ло, мет-ла, свѣт-ло, бед-ро, доб-рый, муд-рый, хит-рый, муж-ской, разн-ствовать, чув-ство, бѣд-ствіе, серд-це, корм-чій, выс-шій.*

Суффиксы *ство, скій*, не могутъ быть раздѣляемы, а должны быть переносимы цѣликомъ, т. е. нельзя, напр., такъ переносить: «гречес-кій», «естес-тво» или «естест-во» вм. *грече-скій, есте-ство.*

5. Раздѣленіе двухъ или нѣсколькихъ стоящихъ сряду согласныхъ, изъ которыхъ ни одна не принадлежитъ къ суффиксу, зависитъ отъ свойства этихъ буквъ. Если стеченіе начинается плавными, носовыми или шипящими, то эти буквы остаются въ концѣ строки, а слѣдующія за ними съ своею гласною переносятся: *гор-дость, дол-женъ, Дер-бентъ, тол-стый, дом-на, лом-ти, сун-дукъ, вин-ты, баш-макъ, физ-мы, дыш-ло.*

6. Если же стеченіе такихъ согласныхъ начинается не тѣми буквами, которыя означены въ предыдущемъ пунктѣ, а другими, особенно буквою *с*, то вся группа согласныхъ переносится: *чи-стый, ко-сти, мо-сты, Мо-сква, го-сподинъ, ра-стеніе.*

7. Сочетанія *бл, вл, мл, жд*, представляющія смягченіе губныхъ и зубного *д*, переносятся нераздѣльно: *кро-вля, кора-бли, зе-мля, стре-мясь, ку-пля, цѣ-пять, доса-ждать, стра-жду, въ-жды.*

8. Въ заимствованныхъ словахъ двѣ буквы, отвѣчающія одной въ иностранномъ словѣ, — *кс, кз, нс* (греч. ξ, ψ), *дж* (анг. и итал. *g, j*) — не раздѣляются, а относятся обѣ къ послѣдующему слогу, если за ними нѣтъ согласной; когда же слѣдуетъ еще согласная, то онѣ остаются въ концѣ строки, а эта буква отъ нихъ отдѣляется: *Але-кскій, синта-ксисъ, эпиле-нсія, палим-нестъ, экс-педиція, Окс-фордъ, Иис-вичъ, Ведж-вудъ.*

9. Согласная *e*, употребленная для передачи греческой *υ* или латинской *u* передъ другою согласной, относится къ предыдущему слогу: *ав-торъ*, *Ав-рора*, *ев-нухъ*, *Ев-ропа*, *Кав-казъ*, *рев-матизмъ*.

РАЗДѢЛЕНІЕ ГЛАСНЫХЪ БУКВЪ.

10. Буква *i*, стоящая передъ *u* или умягченною гласною *я*, *e*, *ю*, можетъ быть отдѣляема отъ нихъ въ предыдущій слогъ: *Гаври-илъ*, *вмі-яніе*, *вмі-еніе*, *вмі-ющій*; но, находясь передъ *a*, *o* въ словахъ иностраннаго происхожденія, гласная *i* не отдѣляется отъ нихъ, когда въ подлинномъ словѣ она составляетъ съ ними одинъ слогъ. Слѣдуетъ переносить: *христiа-нинъ*, *мил-ліонъ*, *венеціан-скій*; а не «христi-анинъ, миллі-онъ» и т. д.

11. Вообще не надо раздѣлять двухъ гласныхъ, составляющихъ въ иностранномъ словѣ дифтонгъ. Не слѣдуетъ писать: «Ло-ара, ту-алетъ, га-уптвахта» вм. *Лоа-ра*, *туа-летъ*, *гаупт-вахта* (Loire, toilette, Hauptwache).

12. Мягкая или умягченная гласная (*и*, *я*, *e*, *ю*), отдѣленная *еремъ* отъ согласной, составляетъ съ нею одинъ слогъ и не можетъ быть безъ нея переносима въ другую строку. Нельзя переносить: «соловь-евъ, семь-янинъ» и т. п. вм. *соло-вьевъ*, *се-мья-нинъ*, *кре-стья-нинъ*, *пла-тѣемъ*.

13. То же правило соблюдается и въ заимствованныхъ словахъ, гдѣ *ь* служитъ для передачи звуковъ *l mouillé* или *gn*: *бри-льянтъ*, *би-льядъ*, *бата-монъ*, *си-нъоръ*.

14. Когда слогъ состоитъ изъ одной гласной въ началѣ или въ концѣ слова, то обыкновенно ее не отдѣляютъ отъ остальныхъ слоговъ, а переносятъ все слово, или присоединяютъ къ этой буквѣ еще слогъ, напр.: *имя*, *ули-ца*, *осе-локъ*, *твое*, а не: «п-мя, у-лица, о-селокъ, тво-е».

II. Слова сложные.

Общее замѣчаніе.

99. Сложными или составными называются такія слова, которыя, сверхъ коренного слога или слоговъ, содержать еще и представку; представкою же можетъ служить имя, предлогъ или нарѣчіе.

Отдѣльныя правила.

1. При переносѣ изъ строки въ строку слоговъ сложнаго слова необходимо отдавать себѣ отчетъ въ составѣ его, чтобы буквы принадлежащія къ корню не были относимы къ префиксу, и избѣгать такихъ, напр., переносовъ: «во-стокъ, выз-вать, сов-сѣмъ, нас-тавникъ, нель-зя, нес-носный» и т. д. вмѣсто: *востокъ, вы-звать, со-всѣмъ, на-ставникъ, не-льзя, не-сносный*. Вотъ еще нѣсколько образцовъ правильнаго переноса: *на-дменный, по-здравить, по-мнить, по-движъ, по-длинный, по-дробно, про-шлый, подо-шва, при-знакъ, по-дьячій, разо-брать, рас-четъ, прельстить, вто-тмажъ, нѣ-кто*.

2. Сложное слово можетъ быть раздѣляемо на составныя части даже и съ нарушеніемъ основныхъ правилъ раздѣленія *просто*го слова на слоги, напр.: *раз-умѣть, без-образіе*. Ясно, впрочемъ, что къ предствкѣ можетъ быть причисляемъ и цѣлый слогъ главнаго слова, напр.: *разу-мѣть, безоб-разіе*. Но неправильно было бы такое раздѣленіе: «ра-зумъ, бе-зобразіе». Подобные переносы позволительны только тогда, когда составъ слова неясенъ, или когда слово искажено; напр. *по-душка* (вм. под-ушка), *поль-за* (вм. по-льза), *двад-цать* (вм. два-дцать) могутъ быть такъ переносимы, хотя помѣщенныя въ скобкахъ раздѣленія были бы правильнѣе.

3. Правило о раздѣленіи сложнаго слова на основаніи его состава распространяется, хотя въ слабѣйшей степени, и на заимствованныя слова. Нельзя напр. допускать довольно употребительнаго, особенно въ канцелярской практикѣ, но совершенно неправильнаго переноса: «контр-актъ, контр-агентъ» вмѣсто: *контрактъ, кон-трагентъ* (лат. *con-tractus*). Равнымъ образомъ

слѣдуетъ такъ раздѣлять слова: *аб-рисъ, адъ-ютантъ, дис-путъ, ин-спекторъ, об-латка, транс-парантъ, суб-сидія, суб-альтернъ, экс-педиція.*

4. Если послѣ предлога, оканчивающагося согласною, выпущена коренная согласная, то слѣдующая за нею гласная не можетъ начинать слога: нельзя переносить: «об-итать, об-ычай, раз-инуть» вм. *оби-тать, обы-чай; рази-нуть.* Неправильно было бы также писать: «ра-зинуть».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Употребленіе знаковъ препинанія.

100. Для указанія большей или меньшей пріостановки, или паузы въ чтеніи, служатъ слѣдующіе знаки препинанія: *точка, точка съ запятой, двоеточіе и запятая.*

Назначеніе ихъ.

Употребленіе этихъ знаковъ предполагаетъ знаніе главныхъ основаній синтаксиса, или ученія о предложеніяхъ.

Точка ставится послѣ предложенія или ряда предложеній, содержащихъ полную, законченную мысль. Въ употребительной нынѣ такъ называемой *отрывистой* рѣчи точками раздѣляются часто весьма короткія предложенія. Такъ у Пушкина въ *Капитанской дочкѣ*:

Точка.

Ямицкѣ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе... Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась метель.

Или у кн. Вяземскаго:

Царица удалилась въ свой теремъ. Все кругомъ него было тихо. Молва умолкла. (Соч. т. VII).

Замѣтимъ однакожь, что въ обоихъ отрывкахъ можно было бы между предложеніями вмѣсто точки поставить и точку съ запятой, какъ знакъ, служащій для раздѣленія предложеній,

Точка съ запятой.

которые по содержанию подходят подъ одну общую мысль. Поэтому, при раздѣленіи главныхъ предложеній, выборъ точки или точки съ запятой нерѣдко зависитъ отъ усмотрѣнія писателя. Вотъ примѣръ употребленія точки съ запятой Пушкинымъ же въ *Капитанской дочкѣ*:

Служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не юнйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отоваривайся.

Или въ *Исторіи Пугачевского бунта*:

Въ черной бородѣ его показывалась просьдѣ; живые, большіе глаза такъ и бѣгали. . . Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и т. д.

Точка съ запятой между главными предложеніями бываетъ нужна особенно тогда, когда при этихъ предложеніяхъ находятся придаточныя, отдѣленные отъ нихъ запятыми:

Осаждающіе слабымъ духомъ и тѣломъ, терпя ненастье, иногда голодъ; роптали; не смѣя винить короля, винили главного воеводу, Замоискаго; говорили, что онъ и т. д. (Карамз. И. Г. Р.).

Точка съ запятой ставится и тогда, когда такія предложенія отдѣлены одно отъ другого союзами: *но, а, же, однакожъ*, передъ которыми впрочемъ, при краткихъ (особенно слитныхъ) предложеніяхъ, достаточно бываетъ и одной запятой. Иногда съ этими союзами можетъ появляться и новое предложеніе послѣ точки.

Вотъ примѣры всѣхъ трехъ случаевъ:

1. *Нѣкоторые изъ послушныхъ (казаковъ) хотѣли его поимать и представить, какъ возмутителя, въ комендантскую канцелярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ. (Ист. Пур. б.).*

2. *Онъ былъ добрый малый, но вѣтренъ и безпутенъ до крайности. (Кап. дочка).*

Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. (Кап. д.).

3. *Брантъ послалъ въ Москву къ генераль-аншефу князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ (Ист. Пур. б.).*

Точкою съ запятой могутъ быть раздѣляемы не только главныя предложенія, но и придаточныя, относящіяся къ одному главному, если они не очень кратки:

Сигизмундовъ посланникъ объявилъ Иоанну, что во многихъ нѣмецкихъ городахъ ходятъ письма бранныя; что царь долженъ торжественно отказаться отъ сихъ клеветъ; что герцогъ Магнусъ съ помощію Россіянъ воевалъ королевскія мызы; что мы въ противность договору заняли Тарвасть; что Сигизмундъ и т. д. (И. Г. Р.).

101. Двоеточіе ставится:

Двоеточіе.

1. Передъ предложеніемъ, содержащимъ причину, слѣдствіе, доказательство или объясненіе предыдущаго:

Сержусь-то я на самого себя: самъ кругомъ виноватъ (Кап. д.).

Они сдержали слово: въ глубокую полночь зажгли костры свои (И. Г. Р.)

Исторія есть безпрестанное оправданіе Божія Промысла: неправда сама себя губитъ, и никогда, напротивъ, правда не имѣла послѣдствій губительныхъ (Жук.).

2. Передъ приводимыми пишущимъ чужими словами или мыслями, передъ цитатами, изреченіями, заглавіями и т. п.

«Помилуй», говоритъ: «какъ можно это снести?» (Крыл.).

Самъ думаетъ: «Молчи жъ, ужъ я тебя, воструху!» (Крыл.).

Вмѣсто ответа она показала свое кольцо съ надписью: «Ничто, кромѣ смерти» (И. Г. Р.).

Передъ началомъ и при концѣ приводимыхъ авторомъ чужихъ словъ, заглавій и т. п., обыкновенно ставятся *кавычки*, или *вносные знаки* « ». При цитатахъ нужны кавычки только тогда, когда выпска дѣлается слово въ слово.

3. Передъ словами, составляющими исчисленіе нѣсколькихъ предметовъ, лицъ или дѣйствій, иногда съ прибавленіемъ частицъ: *какъ-то, именно:*

Насъ было двое: братъ и я (Пушк.).

—
*Друзья! не все ль одно и то же:
 Забыться праздною душой
 Въ блестящей залѣ, въ модной ложбѣ
 Или въ кибиткѣ кочевой? (Евг. Он.).*

Многоточіе. **102.** Многоточіемъ, т. е. тремя и болѣе точками сряду (...), отмѣчается либо неконченная мысль, либо многозначительное размышленіе или сильное чувство:

*А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
 И свѣтъ въ очахъ затмился... (Жук.).*

—
Вошелъ... Ахъ, новость, да какая! (Пушк.).

—
*Утихнула бездна... И снова шумитъ...
 И пѣною снова полна...
 И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
 И бьетъ за волною волна... (Жук.).*

Запятая. **103.** Запятая ставится между краткими однородными предложеніями, т. е. между двумя главными или двумя придаточными, когда они непосредственно слѣдуютъ одно за другимъ, или раздѣлены союзами: *а, же, но, да* (въ значеніи *но*), *или*:

*Проходитъ годъ,
 Никто нейдетъ,
 Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлый (Крыл.).*

—
*... Что онъ не въдаетъ святъми,
 Что онъ не помнитъ благостыни,
 Что онъ не любитъ ничего,
 Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
 Что презираетъ онъ свободу,
 Что нѣтъ отчизны для него. (Пушк.).*

*Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать.* (Крыл.).

*Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ* (Крыл.).

Когда два сказуемая при одномъ и томъ же подлежащемъ соединены союзомъ *и*, то обыкновенно запятой не ставится:

Я съѣзъ въ кибитку съ Савельичемъ и отправился въ дорогу (Кан. д.).

*Оселъ увидѣлъ соловья
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!»* (Крыл.).

Но когда изъ двухъ сказуемыхъ, соединенныхъ союзомъ *и*, второе означаетъ либо позднѣйшее дѣйствіе, либо слѣдствіе того, что выражено первымъ, то и передъ союзомъ *и* ставится запятая:

Не знаю скуки съ зѣвотою, и благодарю Бога. (Вяз.).

104. Когда два предложенія, соединенныя союзомъ *и*, имѣютъ не одно и то же подлежащее, то они раздѣляются запятой:

Бурное объясненіе облегчило ея душу, и она спокойнѣе могла разсуждать. (Кн. Вяз.).

Грянуло повсемѣстное ура, и вдругъ все утихло. (Жук.).

Когда союзы: *и*, *да* (въ значеніи *и*) соединяютъ однородныя части предложенія (два подлежащія, два опредѣленія и т. п.), то передъ ними запятой не ставится, напр.

Однажды лебедь, ракъ да щука (Крыл.).

Но при повтореніи этихъ союзовъ запятая ставится:

И лаять, и визжать, и рваться. (Крыл.).

Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ лямку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ въ гвардіи. (Кан. д.).

Впрочемъ, когда и повторяется только разъ, то запятая обыкновенно опускается: *и тотъ и другой; и тамъ и сямъ; и жалко и смѣшно.*

И день и ночь до новой встрѣчи. (Пушк.).

И радость и печаль, все было пополамъ. (Крыл.).

Запятая между повторяемыми словами.

105. Запятая ставится и при повтореніи другихъ союзовъ или нарѣчій въ одномъ и томъ же простомъ или слитномъ предложеніи:

*Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ. (Пушк.).*

*Доло ли мнѣ гулять на сѣть,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телнѣ, то тышкомъ? (Пушк.).*

Иль явно, иль исподтишка. (Пушк.).

Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья! (Крыл.).

То же соблюдается, когда или чередуется съ союзомъ *ли*:

*Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она. (Пушк.).*

Вообще между повторяемыми въ предложеніи словами, къ какой бы части рѣчи ни принадлежали они, ставится запятая:

Придутъ, придутъ часы тѣ скучны. (Держ.).

Запятая передъ союзомъ или.

106. Когда союзъ *или* стоитъ между частями предложенія, то надобно различать, служитъ ли онъ для раздѣленія двухъ разныхъ понятій, или для поясненія одного слова другимъ. Только

во второмъ случаѣ нужна передъ союзомъ *или* запятая. При-
мѣры:

- 1) *Ему или мнѣ погибнуть надо.* (Пушк.).
- 2) *Скорбь, или печаль, есть состояніе души, томимой и проч.* (Жук.).

—
Когда союзъ *или* раздѣляетъ два предложенія, то передъ
нимъ ставится запятая:

*Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви.* (Пушк.).

—
*Когда случилось гдѣ-нибудь
Ей встрѣтитъ чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей.* (Пушк.).

107. Стоящія передъ предложеніемъ нарѣчія: *да, нѣтъ,* и Запятая при нарѣчіяхъ: *да, нѣтъ* и междометія: *ну, увы, ахъ,* если не произносятся съ особенною силой, отдѣляются отъ него запятою (и только въ противномъ случаѣ знакомъ восклицательнымъ): при междометіяхъ.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли. (Пушк.).

—
Ну, намъ вѣдь весело съ тобой. (Крыл.).

Но иногда частица *ну* бываетъ въ такой тѣсной связи со слѣдующими за нею словами, что не должна быть отдѣляема отъ нихъ запятою:

Ну то-то жъ, говоритъ имъ слонъ: смотрите. (Крыл.).

—
И ну топорищиться, пыхтѣть и надуваться. (Крыл.).

108. Слова, стоящія въ звательномъ падежѣ, какъ означаю- Запятая при звательномъ падежѣ. щія лицо или предметъ, къ которому говорящій обращается, также отдѣляются отъ предложенія запятыми (иногда же зна-
комъ восклицанія, о чемъ ниже):

Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ? (Крыл.).

Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки? (Крыл.).

При нарѣчи-
яхъ и дру-
гихъ подоб-
ныхъ рече-
ніяхъ.

Запятыми же обыкновенно отдѣляются нарѣчія и другія подобныя реченія, когда они не входятъ въ составъ предложенія, а служатъ къ обозначенію либо степени увѣренности говорящаго, либо отношенія его къ предмету рѣчи, либо основанія мысли его и т. п., именно слова: *конечно, вѣроятно, можетъ-быть, право, кажется, помнится, разумъется, знать, безъ сомнѣнія, словомъ, короче, признаться, къ счастью, къ сожалѣнію, впрочемъ, посмотришь, пожалуй, нѣтъ спору, напримѣръ, повидимому, напротивъ, наоборотъ, по моему мнѣнію, во-первыхъ, во-вторыхъ, в т. д., съ одной стороны, и др.*

Посмотришь, въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ. (Крыл.).

Это показалось ему, повидимому, страннымъ. (Пушк.).

Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. (Пушк.).

Можетъ-быть, Жуковскій и даже самъ Карамзинъ были бы не вполнѣ хорошими министрами. (Вяз.).

Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ. (Крыл.).

Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ. (Крыл.).

*На большой мнѣ, знать, дорогъ
Умереть Господь судилъ. (Пушк.).*

Жизнь наша есть, такъ сказать, ночь подъ звѣзднымъ небомъ. (Жук.).

109. Когда въ предложеніи слѣдуетъ одно за другимъ, безъ союзовъ, нѣсколько подлежащихъ, сказуемыхъ, опредѣленій или дополненій, то каждое отдѣляется отъ стоящаго рядомъ запятою:

Запятая въ
слитныхъ
предложе-
ніяхъ.

*Достали нотъ, баса, альты, двѣ скрипки
И сплы на лужокъ подъ липки.* (Крыл.).

*Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать.* (Пушк.).

*Онъ былъ лтъз сорока, росту средняго, худоцавъ и широко-
плечъ.* (Пушк.).

Но два сряду стоящія опредѣленія (прилагательныя имена) не раздѣляются запятою, когда значеніе одного входитъ въ понятіе другого, или, говоря иначе, когда одно прилагательное служитъ опредѣленіемъ не существительнаго только, но вмѣстѣ съ нимъ и другого прилагательнаго, напр. *толстое красное сукно; морозный зимній день; шумная городская жизнь.*

Прилага-
тельныя, не
раздѣляемыя
запятыми.

Изяславъ велъ за собою многочисленное стройное войско. (И. Г. Р.).

Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ. (Пушк.).

110. Опредѣлительное прилагательное или причастіе, стоящее передъ опредѣляемымъ словомъ не отдѣляется отъ него запятою даже и тогда, когда сопровождается дополненіемъ:

Опредѣли-
тельное не
отдѣляется
запятою отъ
опредѣляе-
маго.

Упоенные виномъ союзники лежали какъ мертвые. (И. Г. Р.).

*Запущенный подъ облака
Бумажный змѣй.* (Крыл.).

Прилагательное или причастіе, стоящее и послѣ существительнаго въ качествѣ его опредѣленія, также не отдѣляется отъ него запятою:

Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. (Пушк.).

Въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньми. (Карамз.).

Человѣкъ пьющій ни на что не годенъ. (Пушк.).

Прилагательное или причастіе въ значеніи обстоятельственнаго слова.

111. Но когда прилагательное или причастіе, съ дополненіемъ или и безъ онаго, употреблено не какъ опредѣленіе, а какъ обстоятельное слово или какъ сокращенное придаточное предложе-
ніе (см. ниже), то оно отъ своего существительнаго отдѣляется запятою, будетъ ли стоять передъ нимъ или послѣ него.

*Неужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ.* (Пушк.).

*Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ.* (Пушк.).

Мужественный, твердый, (т. е. будучи мужественъ и твердъ) *Александръ былъ неподвижнымъ столпомъ, на который оперлась уязвленная Россія.* (Ө. Глинка).

Иоаннъ имѣлъ легкость въ нравѣ, несогласную (которая была несогласна) *съ глубокими впечатлѣніями горести* (И. Г. Р.).

Я погружился въ размышленія, большею частію печальныя (Пушк.) — которыя были большею частью печальны.

Запятая передъ приложениемъ.

112. Приложеніе, т. е. опредѣленіе, выраженное существительнымъ, употребленнымъ въ одномъ падежѣ съ опредѣляемымъ, не отдѣляется отъ послѣдняго запятою, если стоитъ передъ нимъ. Приложеніе же, слѣдующее за опредѣляемымъ именемъ, отдѣляется отъ него запятыми:

Прачка Палашка, толстая и рябая дѣвка, и кривая коровница Акулька. (Пушк.).

Хозяинъ, родомъ яицкій казакъ, казался мужикъ лтъ 68, еще свѣжій и бодрый. (Пушк.).

Если стоящее передъ опредѣляемымъ приложеніе само имѣетъ при себѣ опредѣленіе или дополненіе, то иногда, для ясности смысла, оно также отдѣляется запятою.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ. (Пушк.).

Впрочемъ, въ этомъ примѣрѣ имена отца могутъ, наоборотъ, считаться приложеніемъ, и тогда они должны быть поставлены между запятыми.

Запятая ставится равнымъ образомъ и передъ приложеніемъ, поясняющимъ мѣстоименіе:

*Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ.* (Пушк.).

113. Запятою отдѣляется придаточное предложеніе отъ главнаго, стоятъ ли они рядомъ, или придаточное поставлено между частями главнаго:

A. Опредѣлительныя предложенія.

1. Полныя, образуемая мѣстоименіями: *который* (въ косв. падежахъ и *кой*), *какой*, *кто*, *что*.

Примѣры опредѣлительныхъ предложеній съ мѣстоименіемъ *который*:

а) *Я встрѣтилъ генерала Бурицова, который звалъ меня на лѣвый флангъ.* (Пушк.).

Марья Ивановна подала бумажку незнакомой своей покровительницы, которая стала читать ее про себя. (Пушк.).

б) *Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть.* (Пушк.).

Если смотреть на чинъ и почести, до коихъ дослужился

Отдѣленіе запятыми придаточныхъ предложеній отъ главныхъ.

Фонвизинъ, то нельзя назвать блестящимъ служебное поприще его. (Вяз.).

Есть разница между фразами, помѣщенными подъ литерою *а*, и тѣми, которыя приведены подъ *б*. Въ первомъ случаѣ опредѣлительное предложеніе составляетъ только добавочную подробность при главномъ; во второмъ оно необходимо для полноты мысли. Поэтому въ нѣкоторыхъ языкахъ предложенія послѣдняго рода не отдѣляются запятою отъ главныхъ.

Примѣры опредѣлительныхъ предложеній съ другими мѣстоименіями:

Каждый, кто только одаренъ чувствомъ любви къ нравственно-прекрасному. (Вяз.).

Все, чѣмъ для прихоти обильной

Торгуетъ Лондонъ шепетильный (Пушк.).

2. Сокращенныя придаточныя предложенія, образуемая причастіями дѣйствительнаго или страдательнаго залога, а также прилагательными, когда тѣ и другія стоятъ при опредѣляемомъ имъ существительномъ и притомъ съ принадлежащими къ нимъ дополненіями и обстоятельственными словами:

Я увидѣлъ генерала Муравьева, разставляющаго пушки. (Пушк.).

Все потянулось къ новой каменной церкви, построенной Кирилломъ Петровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями. (Пушк.).

Двери кабинета, недоступнаго для постороннихъ, были настежь растворены для семейства. (Вяз.).

Сюда относятся также примѣры, приведенные выше подъ пунктомъ 111.

Б. Дополнительныя и обстоятельственныя предложенія, какъ полныя, образуемая при помощи союзовъ: *что, когда, гдѣ, куда, откуда, какъ, ибо, потому что, если, хотя, чтобы, дабы* и т. п.,

такъ и сокращенныя, выраженныя посредствомъ дѣепричастій, отдѣляются запятыми отъ главныхъ.

а) Съ союзами:

Вотъ что Жанъ-Поль Рихтеръ написалъ въ то время, когда королева Луиза покинула землю. (Жук.).

Чтобы не быть темнымъ или смѣшнымъ, я долженъ сдѣлать отступленіе. (Жук.).

Если Англія хочетъ занять въ христіанскомъ мірѣ мѣсто языческаго Рима, то она должна ожидать и судьбы его. (Жук.).

*Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой... (Пушк.).*

Отъ натяжки выраженіе затемняетъ самую мысль, ибо не можетъ исполнѣть ей соответствовать. (Жук.).

Въ періодической рѣчи, для означенія соответствія между первою и второю частью, — соответствія, выражаемаго союзами *если — то, когда — тогда*, также передъ союзомъ *ибо* Карамзинъ употреблялъ обыкновенно двоеточіе; но у позднѣйшихъ писателей двоеточіе въ такихъ случаяхъ обыкновенно замѣняется запятой или, при длинныхъ предложеніяхъ, точкою съ запятой.

Когда, при употребленіи сложнаго союза *потому что*, съ особеннымъ удареніемъ произносится первая часть его, то запятая ставится передъ *что*:

Онъ не знаетъ, идѣ и какъ проснется, не знаетъ потому, что смотритъ на жизнь сквозь черное стекло скептицизма. (Жук.).

б) При дѣепричастіяхъ:

Я выхалъ изъ Симбирска, не простясь съ моимъ учителемъ. (Пушк.).

Неправда! возразила дама, вся вспыхнувъ. (Пушк.).

Встаю изъ-за стола, я чуть держался на ногахъ. (Пушк.).

Когда стоящее безъ дополненія дѣепричастіе имѣеть значеніе нарѣчія (напр. *молча, шутя, стоя, лежа*), то при немъ запятія не употребительны:

Что за вздоръ! отвѣчалъ батюшка нахмурясь. (Пушк.).

Вообще обстоятельственныя слова отдѣляются запятыми только тогда, когда ихъ нѣсколько, или когда они вставляются, для поясненія мысли, между частями предложенія.

Вмѣстѣ прожили они, рука въ руку, душа въ душу, честное поприще дѣятельной жизни. (Вяз.).

Эта книга, во всѣхъ отношеніяхъ, представляетъ цѣлое самое гармоническое. (Плетн.).

Всѣ жаждутъ власти, явно или тайно, и каждый украшаетъ свою жажду заимствованнымъ именемъ. (Жук.).

Отдѣленіе словъ, кои начинаются придаточными предложеніями.

114. Такъ какъ придаточныя предложенія всякаго рода отдѣляются отъ главнаго запятою, то и передъ всѣми словами, которыми можетъ начинаться придаточное предложеніе, вставленное въ середину рѣчи, употребляется запятая:

1. Передъ мѣстоименіями относительными: *кто, что, который*, когда они слѣдуютъ за указательными: *тотъ, то*, или за существит. именами.

2. Передъ союзами: *что, будто, какъ, если, хотя, нежели, чѣмъ*; также передъ предлогомъ *кромѣ* и послѣ управляемыхъ имъ словъ.

3. Между отвѣчающими другъ другу союзами: *тогда, когда; тамъ, идѣ; такъ, какъ; столько, сколько.*

Вся Германія занялась преимущественно, если не исключительно, одними литературными вопросами. (Тург.).

Черта.

115. Кромѣ численныхъ главныхъ знаковъ препинанія, одинаковое съ ними назначеніе имѣеть черта, или тире (—).

Она употребляется:

1. Между подлежащимъ и сказуемымъ при опущеніи связки въ настоящемъ времени (*есть, суть*), когда безъ черты

отношеніе между обѣими частями предложенія не было бы ясно:

*Между откупщиковъ,
Съ которыми теперь и графы и князя —
Друзья. (Крыл.).*

—
Велико дѣло — миллионъ! (Крыл.).

—
*А философъ —
Безъ оурицовъ. (Крыл.).*

2. Вообще когда при ускоренной рѣчи опускаются слова, употребительныя при спокойномъ выраженіи мыслей, или когда нарушается обыкновенный порядокъ изложенія, а также для означенія быстроты дѣйствія или передъ неожиданною мыслью, передъ разительнымъ заключеніемъ предложенія:

*Кому нѣтъ мѣста и причины, и проч.
Кого мы называемъ — Богъ! (Держ.).*

—
Лѣтъ, лѣтъ, и съ возомъ — бухъ въ канаву. (Крыл.).

—
Шамулъ — и царство покорилъ. (Держ.).

—
*Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — идѣ ты человекъ? (Держ.).*

—
Надежду и пловца — все море поглотило. (Крыл.).

—
И шуку бросили — въ рѣку. (Крыл.).

3. Для означенія рѣзкой противоположности:

Я царь — я рабъ — я червь — я Богъ.

4. Въ періодической рѣчи, передъ вторымъ членомъ періода, особенно когда пропускаются союзы: *то, такъ, тогда*:

*Въ журналахъ новость онъ найдетъ —
Все перероетъ, пересадитъ. (Крыл.).*

5. Иногда черта замѣняетъ запятую, и отдѣляетъ:

а) Не принадлежація къ предложенію (вводныя) слова:

*Какъ вдругъ, — о чудо, о позоръ! —
Заловорилъ оракулъ вздоръ.* (Крыл.).

—
*Я слышалъ — правда ль — будто встарь
Судей такихъ видами.* (Крыл.).

—
Тутъ — дѣлать нечего — друзья поцѣловались. (Крыл.).

б) Приложеніе, когда оно довольно длинно:

*И тебя не стало, нашъ Государь 12-го и 14-го годовъ —
эпохъ сожженія Москвы и пощады Парижа.* (Ф. Глинка).

в) Слова повторяемыя:

Встряхнулся и лежитъ, — лежитъ и видитъ онъ. (Крыл.).

6. Черта можетъ ставиться и вмѣстѣ съ другими знаками препинанія, какъ показываетъ уже и послѣдній изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ. Когда приводятся чужія рѣчи, то слова одного лица отдѣляются отъ словъ другого чертою при точкѣ, при восклицательномъ или вопросительномъ знакѣ:

Но вѣдать я желаю:

Вы сколько пользы принесли? —

Да наши предки Римъ спасли! —

Все такъ, да вы что сдѣлали такое? —

Мы? ничего! — Такъ чтожъ и добраго въ васъ есть? (Крыл.).

Черточка. **116.** Отъ черты должно отличать черточку - (или, какъ въ старину говорили, единичный знакъ). Она ставится:

1. Между двумя существительными, соединяемыми въ одно названіе:

Царь-птица, жаръ-птица, баба-яга, кума-лиса, адъюнктъ-профессоръ, генералъ-майоръ, чудо-богатырь.

2. Вообще между словами, составляющими вмѣстѣ одно понятіе, но которыя не принято писать слитно:

Что-то, какой-то, кто-нибудь, что-либо, то-есть, все-таки,

изъ-подъ, изъ-за, по-нашему, по-русски, по-молодецки, самъ-третей, можетъ-быть.

3. Иногда нарѣчіе соединяется черточкою съ слѣдующимъ за нимъ прилагательнымъ, напр.: *истинно-патріотическій, западно-европейскій, греко-латинскій, древне-классическій.*

Сводъ небезъ зелено-блудный (Пушк.).

117. Чтобы явственнѣе отдѣлять отъ предложенія вводныя слова, къ нему не относящіяся, или вообще слова, служащія къ поясненію предыдущихъ, употребляются скобки (): иногда между скобками ставится цѣлое предложеніе, напр.:

Скобки.

*Ну что, братъ, каково дѣлшки, Климъ, идутъ?
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ).*

—
*И съ обществами та жъ судьба (сказать межъ нами),
Что съ деревянными домами.*

Непосредственно передъ скобками большею частью не ставится знаковъ препинанія; если ими прерывается предложеніе, или отдѣляется главное отъ придаточнаго, то требующійся знакъ ставится послѣ второй скобки. См. предыдущій примѣръ.

118. Отъ всѣхъ другихъ знаковъ препинанія отличаются своимъ назначеніемъ знаки: восклицательный (!) и вопросительный (?), служащіе для указанія тона рѣчи.

Знакъ восклицанія.

Знакъ восклицательный ставится:

1) Послѣ слова, употребленнаго въ звательномъ падежѣ, когда зову придается особенная сила, преимущественно въ началѣ рѣчи:

Владыка дней моихъ! (Пушк.).

2) Послѣ предложенія, содержащаго восклицаніе, а также и послѣ междометія:

Взять! Топить! Да здравствуетъ Дмитрій! (Пушк.).

—
Ага! увидѣлъ ты! (Пушк.).
—

О! да исполнятъ безсмертные боги твои всѣ желанья! (Жук.).

Впрочемъ послѣ междометія, служащаго только для усиленія восклицанія, часто достаточно бываетъ запятой:

*О, если бѣ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!* (Пушк.).

Когда междометіе *о* поставлено передъ словомъ, которое само по себѣ употреблено въ видѣ восклицанія, то первое отъ послѣдняго вовсе не отдѣляется знакомъ:

О горе! (Жук.).

О страшное, невиданное горе! (Пушк.)

119. Знакъ вопросительный ставится послѣ главнаго предложенія, содержащаго прямой вопросъ:

*Сей монахъ молчаливый и мрачный — кто онъ?
Та монахиня — кто же она?* (Жук.).

Что видѣли мы въ послѣднее время? Съ кѣмъ изъ возмутителей не дружилась Англія? Въ какой землѣ Европы, гдѣ кипѣлъ мятежъ, не были англійскими деньгами разъярены и награждены уличныя, обрызганные кровію герои? (Жук.).

Вопросительный знакъ ставится также послѣ придаточнаго предложенія, относящагося къ прямому вопросу, выраженному главнымъ:

Не Англія ли бросила Швейцарію во власть грабителей рандкаловъ, дабы основать въ ней постыдную рабочую мятежа и разврата, которые не дадутъ свободно вздохнуть Европѣ? (Жук.).

Передъ косвеннымъ вопросомъ, выраженнымъ въ придаточномъ предложеніи, ставится по общему правилу занятая, вопросительнаго же знака въ концѣ вопроса не нужно.

Никто не можетъ сказать, когда началась вѣра въ Бога. (Жук.).

Можетъ ли русскій языкъ приобрести это свойство, не знаю. (Жук.).

Иногда, когда предложенеіе заключаетъ въ себѣ вопросъ и восклицаніе вмѣстѣ, ставятся одинъ за другимъ оба знака, или, если въ вопросительномъ предложеніи преобладаетъ восклицаніе, то ставится одинъ восклицательный знакъ:

Лишь объ одномъ я буду плакать:

Зачѣмъ они не дѣти! (Лерм.).

120. Для болѣе явственнаго означенія выговора употребляются Надстрочные знаки. два надстрочные знака: 1, знакъ ударенія ('), о которомъ уже было говорено въ п. 8-мъ, и 2, двоеточіе (") надъ буквами *e* и *э* (см. выше, стр. 14 и 73).

Знакъ ударенія употребляется либо для показанія различія въ произношеніи двухъ словъ, которыя пишутся одинаково, напр. въ словѣ *зѣмокъ* для отличія отъ *замѣкъ*, либо для означенія выговора малоизвѣстнаго слова, областного или иноязычнаго, или же наконецъ собственнаго имени.

Для тѣхъ же цѣлей служитъ начертаніе *ѣ*, напр. въ словѣ *нѣбо* для отличія отъ *небо*. Кромѣ того, къ двоеточію надъ *e* прибѣгаютъ иногда въ стихахъ, чтобы яснѣе показать созвучіе одного слова съ другимъ, иначе написаннымъ; напр. пишутъ *слѣзъ* для болѣе нагляднаго означенія рѣзкости къ слову *грозъ*.

Справочный указатель.

Помѣщенные возлѣ словъ цифры означаютъ страницы, гдѣ можно найти замѣчанія объ этихъ словахъ.

А.

- Аббатъ** (ит. abbate).
Або (шв. Åbo, собств. Обо). Карамзинъ употребляетъ форму: *Абовъ, абовскій*.
Абониментъ (фр. abonnement).
Аввакумъ.
Авдій (народ. *Авдей*).
Авдотья. См. *Овдотья*.
Авинионъ.
Агаонъ. — **Агаоля**.
Аггей 60.
Аграфена (лат. Agrippina).
Адресъ, адресовать (фр. adresse) 81.
Адрианъ (въ народѣ неправильно *Андрьянъ*).
Адъютантъ. — **Адъютантъ** 51.
Авѣстскій 77.
Аввонистъ.
Авклиматизація.
Акомпанировать. — **Акомпаниментъ**.
Аккордъ (ит. accordo).
Аккредитовать.
Аккуратно (лат. accuratus).
Актеръ.
Акуда (др.-норв. hākall).
(Ладья). См. *Оладья* (отъ ἑλασιον, масло, елей).
Алевтина (жен. имя).
Алексѣй 60.
Аллегорія (гр. ἀλληγορία).
Аллея (фр. allée); предл. п. по аллеѣ.
Аллилуя (еврейск. halal, восхвалять, и jâh, сокр. вм. Иегова, — хвалите Господа).
Алю (раст., греч. ἄλoυ; пер.-сл. алгоуй и алгоуинъ).
Алтарь (лат. altare отъ altus, высокий). Древн. *олтарь*.
Алфавитъ (лат. alphabetum, отъ ἄλφα и βῆτα, первыхъ двухъ буквъ греч. азбуки).
Алфей.
Амбаръ (тюрк. и перс. амбар, новогреч. ἀμπάρι. Болг. амбар; серб. и словен. гамбар).
Амплій (престонар. Амплей) 60.
Амуниція.
Амфилохій. — **Амфитеатръ**.
Амфионъ.
Анаеема.
Англійскій.
Андрей 60. — **Анисія**.
Анеимъ. — **Анеиса**.
Аннинскій (прилаг. отъ *Анна*) 33.
Апелляція (лат. appellatio).
Апеннины.
Аполлонъ.
Апофеогма.
Апоееозъ.
Аппенцель.
Аппетитъ (лат. appetitus).
Апрѣль (лат. aprilis) 60.
Арабъ, вм. **Аравитянинъ**, уроженецъ Аравіи. Оттуда: арабскій языкъ.
Арапъ — негръ.
Ардалионъ. — **Арееа**.
Арестъ, арестантъ, арестовать (ср.-лат. arrestum) 79.
Аристофанъ.
Арнеметрия.
Армейскій 61.
Артиллерія (отъ франц. artiller, корень art, — снаряжать, вооружать; ср.-лат. artillum, снарядъ, орудіе).
Архіерей 55.
Аррьергардъ (фр. arrière-garde).
Ассессоръ (лат. assessor). Ср. *сессія*.
Асинкрить.
Асмодей 60.
Ассамблея. Стар. (фр. assemblée, отъ ср.-лат. assimilare).
Ассигнація (лат. assignatio).
Ассоціація.
Астафій. См. *Остафій*.
Атака, атаковать (фр. attaque) 79.

Атласъ (отъ *Атланта*, титана, носящаго мірозданіе. Оттуда нѣм. *Atlasen*, собранія картъ).
Атласъ (араб. *atlas*, вытертый, гладкій). Шелковая матерія.
Атрибутъ.
Аттестатъ (лат. *attestatio*) 79.
Афиша (фр. *affiche* отъ гл. *afficher* прибивать, т. е. объявленіе) 80.
Афоризмъ.
Аеанасій. — Аенины.

В.

Вайонна.
Ваклага (тат.).
Валлада (ит., прованс. *ballada*).
Валласть (англ. *ballast*).
Валлотировать (фр. *ballotter*).
Валль (фр. *ballotte*, «petite balle, servant à donner des suffrages». Littré. Голл. *bal* = шаръ) 80.
Валь (фр. *bal*, отъ ит. *ballare*, плясать).
Баррикады.
Барышня. Род. мн. *барышень* вопреки п. 54, стр. 50.
Басня, род. п. *басенъ*. **Басенка** 50. 53.
Бассейнъ (фр. *bassin*).
Баталіонъ, **батальонъ** (фр. *bataillon*) 77.
Батарея (фр. *batterie*) 79.
Батка, **батьюшка** 24.
Вахрома (турец. *shakama*).
Вашмачникъ 46.
Вашня; род. мн. *башенъ* 50. **Вашенка** 53.
Везменъ (шв. *besman*, дат. *bismer*, польск. *bezmiar*, тюрк. *батманъ*) 43.
Безпокоить, **безпокоять** 29.
Безчисленный 43.
Везъ, предлогъ. Правописаніе его въ соединеніи съ другимъ словомъ 43.
Безызвѣстный. — **Безыменный** 51.
Безыскусственный 51.
Белена (чеш. *blin, blen*; пол. *bjelun* = *hyoscyamus niger*).
Вельгія.
Вельмесъ (турец. *belmèz* = ничего не знаетъ; «ни вельмеса не смыслить»).
Береженный 67.
Весьда 56. Обыкновенно относятъ это слово къ корню *сѣд* (сѣсть), но въ сущности оно съ нимъ не имѣетъ ничего общаго: серб. *бѣсѣда*, *бѣседа*, хорут. *beseda* зн. просто слово.
Бетховенъ (*Beethoven*) 74.
Бечевка, **бечевка** (не бичевка; значеніе не имѣетъ ничего общаго съ глаг. *бить* и сущ. *бичъ*).

Библейскій 61.
Билліонъ 78.
Вильярдъ 77.
Благовѣсть.
Благодарить, **благодарствовать**.
 Говорить: «благодарствуй» вм. «благодарствую», хотя и вошло въ обычай, но неправильно.
Блеять, **блеешь**, **блеютъ**.
Близорукій (отъ близзорокій — формы, которая мѣстами еще слышится въ народн. языкѣ. См. *Обл. Словарь*).
Влизъ, нар. 50.
Богадѣльня (производить отъ выраженія: *Бога дѣля* (др. вм. *дѣя*).
Бокаль (ит. *boccale*).
Водень (не «болѣнь»), **болына**, **болыны** 63.
Большой, **большого**; **большій**, **бблшаго**. — **Большинство** 35.
Болѣе, **болѣ** (въ древ. слав. *боле*) 63.
Болѣзнь 63.
Бормотать, **бормочуть**.
Восфоръ (*Vosphorus*).
Вотвишня (ботва и ботовъ — свекла; вообще стебель и листы корнеплодныхъ растеній; лат. *beta*).
Врадобрей 60, 63. См. **брить**.
Браный 67. **Браная** ткань, **бранина** (отъ гл. *брань*, работать узорную ткань) «узорочная, которая точется не просто черезъ нитку, а основа перебирается по узору» (*Толк. Сл. Даля*).
Браслетъ, **браслетка**.
Врезентъ (голл. *presenning*, морск. терминъ = просмоленная парусина для завѣшиванія).
Врезжиться. Литов. *brėkszta*, норв. *braga* (свѣтиться, пылать).
Бренчать (ц.-сл. *брацать*), **брѣнчать**.
Брильянтъ (*brillant*) 77.
Британнія. — **Бриты**.
Брить, **бреютъ**. Повелит. *брей* 28.
Бровь (скр. *b'ru*, множ. *b'ruv-as*, перс. *a-brou*, греч. *βρός*, нѣм. *Braue*).
Брошюра¹ (фр. *brochure*), но **брошировать** (отъ *brocher*).
Брыжи (пол. *brzyż*, съ итал. *fregio*).
Брызгать (ср. прыскать).
Брюзжать.
Будень. Отъ др.-слав. *бѣдѣти* (ср. серб. прилаг. *будан* или *бѣднй*, *будна*, *будно* = бодрствующій).
 Болѣе употребительно множ. ч. *буд-*

¹ Правило о несочетаемости шипящихъ и горланныхъ согласныхъ съ обличенными гласными *л*, *ю*, изложенное въ п. 24, не относится къ иноязычнымъ словамъ.

ни, будней; въ акад. словарѣ и у Дала есть однакожъ и будень. Также и въ малорос.
Буднишний правильнѣе нежели *будничный*. См. Будень.
Будочникъ 45.
Бумажка 46.
Бурка (вм. «бурко», бурая лошадь) 25.
Бухгалтеръ.
Бы, бѣ. Пишется слитно только въ союзѣ *чтобы*.
Бѣгать — **Бѣжать**, бѣжишь, бѣгутъ 29.
Бѣда. Серб. бијѣда (незаслуж. обвинение); поль. biada, чеш. bida. (Бѣлена). См. Велѣна.
Бѣлый. Серб. бијел, пол. biały, чеш. bílý.
Бѣсъ. Серб. бијес, пол. biés, bis; чеш. běs.
Бѣшеный.
Бюллетень. (ит. bullettina, отъ bulletta, записка, грамота).

Ъ.

Вагонъ (англ. waggon).
Валя (греч. βαλιον) верба. (Валисъ). См. Вельсъ.
Валторна. (Нѣм. Waldhorn: Wald — лѣсъ, и Horn — рогъ. Ср. пол. wal-tornia).
Ванна (нѣм. Wanne) 80.
Вареникъ.
Вареный 67.
Вариантъ (фр. variante) 77.
Вариация (фр. variation) 77.
Вареоломей.
Васенька (уменьшит. отъ *Василій*) 82.
Вассалъ (фр. vassal). (Вагрушка). См. Вотрушка.
Ваянѣ (скр. vā, копать, поражать).
Вбливи 87.
Вверху, вверху 86.
Ввечеру 86.
Ввѣкъ 86.
Вдалекѣ 87.
Вдали. Вдаль. — **Вдвоемъ**. — **Вдвойнѣ** 86. 87.
Вдоволь. — **Вдолю** 86.
Вдомекъ 86.
Вдребезги 86.
Вдругъ.
Вѣдро (гр. αἶδρα, исл. heidr).
Вѣдрѣ (гр. ὑδρεῖον). (Вежа). См. Вѣжа.
Вездѣ 48. 59.
Вексель (нѣм. Wechsel).
Векша (перс. véchak = красная лисица).
Веленевый (фр. vélin).
Великобританія.

Великобѣдный.
Вельсъ (Wales) вм. употреблявшася прежде **Валлисъ**. Названіе *Валлисъ* принадлежитъ одному изъ кантоновъ Швейцаріи. Еще менѣе правильно прилаг. *валлійскій*, которое слѣдуетъ замѣнить формою **Вельсоокій** 76.
Велѣть. — **Велѣно** 63.
Венеціанскій 77.
Вензель (польск. węzeł, ср. др.-слав. възати); прил. **Вензелевый**.
Верблюды (вм. вельбуды или собств. вельблуды, отъ гот. ulbandus = нѣм. elefant, др.-франц. oliphant).
Вереть. — **Вереница**. — **Веретено**.
Веревла 26.
Вертепъ.
Верхъ 54.
Вершокъ.
Весна. — **Весенній, веснній**.
Весь, вошь. Всѣ, вошѣ.
Весьма 53.
Ветла, мн. ч. вѣтлы.
Ветхій. — **Ветопъ**. — **Ветпять**. (Ветчина). См. Вадчина.
Вечоръ (т. е. вчера вечеромъ).
Вешнякъ.
Взадъ и впередъ.
Взаимы. — **Взамѣнъ**. — **Взаперти** 87.
Взапуски 87.
Взбалмочный (ср. *баломутить*).
Взирать 51.
Взойти 69.
Взыскать. Взысканіе 51.
Взять, возьмутъ (вм. возимутъ) 51.
Виденъ (не «видѣнъ»), видна, видно 63. 64.
Видѣть, видятъ. Видѣнный 63. 64.
Визжать, визжать.
Вилла 80.
Вильна.
Вильямъ (William).
Винтъ (польск. gwint).
Високосный (ново-гр. βίσεκτος отъ лат. bissextus).
Виссаріонъ.
Виссонъ.
Висѣть, вишу, висятъ. — **Висѣлица**.
Витать — зн. жить; отсюда *об(а)итанъ*. Въ современномъ языкѣ по недоразумѣнію неправильно употребляется въ смыслѣ «носиться» (plager).
Визанія.
Визонаный 67.
Вкось 87.
Вкратцѣ 87.
Вкривъ 87.
Владимиръ 55.
Влѣво, влѣвъ 87.
Вмигъ 86.

Вмѣсто. — **Вмѣстѣ** 86.

Внаймы 87.

Вначалѣ 86. Но съ опредѣлит. *въ началѣ*, напр. *въка, года*.

Внезапно. Первонач. форма *внезану*. *Зану* (ц.-сл. заапж) винит. пад. отъ *занъ*, *занъ* = ожиданіе, подозрѣніе. Оттуда гл. *Заапнати*, подозрѣвать, сомнѣваться, медлить. Слѣдов. *внезапно* собственно зн. неожиданно.

Внизу. **Внизъ** 86.

Вновь, вновь 50. 87.

Внутренній, внутренне 67.

Внутри, внутрь 87. «Внутри», съ удвоеннымъ предлогомъ *въ*, есть реченіе ошибочное.

Внѣ 59 (др.-сл. *вънѣ*, друг. форма *вънъ*, *въноу* = вонъ). Ср. Словарь Миклошича подъ словомъ *вънъ*.

Внѣшній 59.

Во-время. — **Вовсе.**

Во-вторыхъ 87.

Вовѣкъ, Вовѣки 86.

Водолей 60.

Водополь (ср. *полми*).

Водорасль. Здѣсь *а* принадлежитъ болѣе ц.-сл. формѣ (*отрасль*); ср. русск. *поросль*.

Водяной.

Воедино 87.

Вожделѣніе (вм. *вожелѣніе*) 66.

Возгорать (древ. *възгарати*) 24.

Возжа, множ. возжи, род. возжей (отъ корня *вез, воз*) 66.

Возженный 66.

Возрѣніе.

Воздѣ (= *въздѣлѣ*. Миклош. Ср. *подѣлѣ, подолѣлѣ, поздолѣлѣ*).

Возмездіе.

Возместить; возмещать. Въ акад. словарь это слово совсѣмъ пропущено, но тамъ есть ц.-сл. *возместіе* (въ томъ же значеніи какъ *возмездіе* — отъ ц.-сл. *възмьстити*), изъ чего слѣдуетъ, что надо писать: *возместить, возмещать* (какъ *вымещать*), а не *возмьстити, возмьщати*.

Вознамѣриться.

Возрастать. — **Возрастить.** — **Возращать.** — **Возрасть** 24.

Возрождать 24.

Восѣсть, воссядутъ.

Возчикъ 47.

Возымѣть 51.

Возьмутъ 51. 53. См. **Взять**.

Войти, войдутъ 69.

Вокругъ 86.

Вонъ. См. **внѣ**.

Вообще (*обще* здѣсь вин. падежъ

среди. рода, какъ въ нар. новсе, впервые) 87.

Во-первыхъ 87.

Вопить, вопять. (Греч. дор. *ἀπίω*, хорут. *voriti*, кричать, исл ор, восклицаніе). Звукоподр. — *В* призвукъ, какъ видно изъ предложнаго *возопить*, а не «возвопить».

Вопреки 42. 87.

Ворихка 24.

Воробей.

Восемнадцать. — **Восемьдесятъ** 50.

53. — **Восмерка.** — **Восмеричный**

54. — **Восмидесятый** (см. **Осмерка**).

Восемь (др.-сл. *осемь*, съ русск. призвукомъ *е*). — **Восьмой.** См. ниже.

Воскресеніе (дѣйствіе) 43.

Воскресенье (воскресный день) 43.

Воспитаніе.

Воспитанникъ 67.

Восприемникъ (отъ *воспріяти*).

Восьмой, осьмой (др.-сл. *осмый*) 53.

Вотрушка. Для объясненія этого слова Далъ указываетъ на первообразное *вотра* или *вотря*, зн. опилки, стружки, остатки соломы, мякина и т. п., съ чѣмъ онъ сближаетъ мелкую изъ твораго начинку вотрушекъ.

Вотчимъ (призвукъ *е*).

Вотще (др.-сл. *вътъште*).

Впервой, впервые 87.

Впереди. — **Впередъ** 86.

Впечатлѣніе 63.

Вплавъ 87.

Вплотную, вплоть 87.

Вполнѣ 87.

Вполуги 89.

Вполсыта 89.

Впоныхахъ 87.

Впоследствіи 86.

Впотьмахъ 87.

Вправо 87.

Вправѣ (въ правой сторонѣ) 87. Но когда *право* сущ. имя, то слѣдуетъ отдѣлять предлогъ *въ*.

Впредь 87.

Впросакъ.

Впрочемъ 87.

Впрямъ 87.

Впустѣ.

Врасыпную 87.

Врасплохъ.

Вредъ (др.-сл. *врѣдъ*).

Время (др.-сл. *врѣма*).

Вровень.

Врознь, врозь. И то и другое правильно: 1-е отъ прил. *розный*, 2-е отъ самаго корня *роз*. — «Въ народномъ языкѣ употребительнѣе *розъ, врозъ*,

- напр. въ пословицѣ: дѣло дѣлау розь, а иное хоть брось; — пошла врозь да вкось, хоть брось». (Буслаевъ, *И. Г.* I, § 72) 86. 87.
- Врядъ, врядъ ли, наврядъ.**
Все. — **Все-таки** 89. — **Всегда.**
Всего на все.
Вселенная (первон. въ смыслѣ всей населенной земли: ἡ οἰκουμένη, terra habitata).
Всенощная.
Всечасно 46.
Вскачь. — **Вскользь** 50. 87.
Вскорѣ.
Вслухъ. — **Вслѣдъ** 86.
Вслѣдствіе 86.
Всмятку 87.
Всплошную 87.
Вспять. — **Встарь.** **Встарину** 86. 87.
Встрѣтить, встрѣчу, встрѣтять.
Встрѣча 46.
Вступити, вступлю, вступать.
Всуе.
Всѣ, всѣмъ, всѣми.
Всюду.
Втайнѣ. — **Втиши** 86.
Второй, р. п. второго 22.
Второпахъ 87.
Втрое. — **Втроемъ.** — **Втройтѣ.**
Втуне (др.-сл. тоунъ) 88.
Втушникъ (тупикъ = глухой заулочъ).
Вуличъ (англ. Woolwich) 76.
Вчернѣ 87.
Вчетверо. — **Вчетверомъ** 87.
Вчужѣ.
Взявъ (отъ неупотреб. сущ. *лѣвъ*).
Взявѣ (отъ неупотр. сущ. *лѣвъ*, какъ наяву).
Выгорать 24.
Выжать, выжмутъ.
Выжить, выживутъ.
Выздоровливать.
Выздоровленіе. — **Выздоровѣть.**
Выигрышь.
Выйти (вытти), **выйдутъ; выдѣ** 69.
Выместитъ, вымещать.
Вымы(с)ль.
Вырабатывать.
Вырастать. **Вырасти.** **Прош. выросъ, выросла.** — **Вырастить.** **Выращать** 24.
Вырезубъ.
Вырождаться; вырождаться 24.
(Высокосный). См. **Високосный.**
Выспренный (отъ нар. *выспрь*; ср. др.-сл. *въсперіе*, *восперіе* = полетъ, также: *испръ въспрь* = вверхъ). Одного корня съ глаг. *паритъ*.
Вышній.
- Вышній.** См. примѣч. подъ словомъ *дальній*.
Вьюга (отъ гл. *вить*). **Вьюнъ** 52.
Вьюкъ (польск. *iuk*, отъ тур. *yuk*).
Вьюрокъ 53.
Вьюшка (отъ гл. *вить, вить*) 53.
Вѣдѣніе. Отъ црк.-сл. *видѣти* 56. 64.
Вѣдь. Отглагол. частица, подобная словамъ: *чуть, пусть, почти*.
Вѣдьма.
Вѣерьъ. Ср. чеш. *vějíř* (1, вѣяло; 2, вѣерь); ниж.-луж. *wejer* (вѣяло).
Вѣжа 56.
Вѣжда (отъ корня *вѣд* = вид.) 56.
Вѣко (польск. *więko*, чеш. *wiko*). Зн. вообще крышка: обл. крышка на дѣжѣ, ср. шв. *ögonlock* (глазная покрывка) 56.
Вѣкъ. (Серб. *viјek*, польск. *wiek*; чеш. *wěk*) 56.
(Вѣкша). См. **Векша**, хотя первое согласіе съ древнимъ правописаніемъ.
Вѣна (чеш. *Viden*).
Вѣнецъ. — **Вѣнокъ** 56. **Вѣничикъ** 54.
Вѣникъ. Литов. *wanotī*, хлестать вѣникомъ. Отсюда *wanta* или *anta*, вѣникъ.
Вѣно (ц.-сл. *вѣнити* = продавать).
Вѣщеносецъ 41.
Вѣра. — **Вѣрующее письмо** 31.
Вѣситъ, вѣщу, вѣсять. — **Вѣскій** 45.
Вѣсть, вѣстовщикъ.
Вѣтвь (отъ *вить?*). Др.-сл. *вѣи*.
Вѣтеръ, вѣтръ.
Вѣтреникъ 67.
Вѣтреность.
Вѣтрениый. Подверженный дѣйствию вѣтра, имѣющій къ нему отношеніе. На дворѣ вѣтрено. Вѣтреная рыба, вѣтреное мясо. Вѣтрениый человекъ. (Можетъ употребляться и въ краткой формѣ: Здѣсь вѣтрено; онъ очень вѣтрень) 67.
Вѣтряный. Состоящій изъ вѣтра, дѣйствующій посредствомъ вѣтра. Вѣтряная мельница, труба. Вѣтряный мѣхъ. Прил. *вѣтряный*, какъ вещественное, не можетъ употребляться въ краткой формѣ. Нельзя сказать: мѣхъ вѣтряный (такъ же какъ и серебряный, золотъ) 67.
Вѣха (польск. *wiecha*, чеш. *wicha*).
Вѣче (отъ корня *вѣт*).
Вѣчный.
Вѣшать, вѣшаютъ.
Вѣщать (кор. *вѣт*). — **Вѣщій.**
Вѣять, вѣютъ.
Вадчина. Присутствіе тутъ корня *вд* доказывается соответствующи-

ми словами въ другихъ слав. нарѣчійхъ, и особенно въ польск. гл. *węzić* зв. «коптить мясо, сушить, вѣшать въ дыму», и сущ. *wędzina*, копченое мясо; *węziarz*, копильщикъ *węziarnia*, копильня. Другой корень *więd*, еще болѣе соответствующій нашему *вяд*, далъ въ польск. слѣдующія реченія: *więdle mięso*, *więdziupa* (вяленое, копченое мясо).

Вязать, вяжешь, вяжутъ 29.

Вязига.

Вязчикъ 48.

Вязщій 48.

Г.

Гавриилъ. Народн. Гаврила 26.

Гаданый 67.

Галлерей (фр. *galerie*; ит. *galleria*, нѣм. *Gallerie*).

(Галоша). См. Калоша.

Галстукъ (нѣм. *Halstuch*). Галстучекъ. Буква *ч* въ уменьш. формѣ слова указываетъ на невѣрность начертанія «галстухъ».

Галунъ (фр. *galon*, ит. *gallone*, отъ роман. *gala, gale*, пышность, убранство).

Гамбургъ.

Гдѣ (др.-сл. кѣде, кѣдѣ) 42. 59.

Геенна (евр., адъ).

Гекзаметръ (правильнѣе, нежели «экзаметръ»).

Гельсингфорсъ (шв. *Helsing* и *fors* = водопадъ). Гельсингфорскій.

(Генварь). См. Январь.

Генераль-майоръ 90.

Геніальный 77.

Генуя 79.

Гигіена 78.

Гимназія (греч. *gymnasion* отъ *gymnos*, нагой).

Гіена (звѣрь, *ginea*) 78.

Глафира. — Глабъ.

Глухонѣмой.

Глянецъ (нѣм. *Glanz*).

Гнести (-сть), гнетутъ. — Гнетъ 57.

Гнѣвъ. — Гнѣвить. — Гнѣваться.

Гнѣдой. — Гнѣдко.

Гнѣздо. Мн. гнѣзда (произн. «гнѣзда») 14. 57.

Гнѣтить 57 (ср. швед. *gnista*, нсл. *gneista*, искра). Зажигать, разводить огонь.

Голитинія (стар.). — Гольштейнъ-Готторкъ.

Гомозиться (Корень виденъ изъ чеш. сущ. *hmuž*, насѣкомое. Ср. серб. *гмизати*, *гмизати*; чеш. *hemžiti*, ползати).

Гордій (народн. *Гордей*) 60.

Горничная 47.

Горшокъ. Уменьш. отъ *корнь*, какъ *гребешокъ*, *корешокъ* и проч. отъ *гребень*, *корень*.

Горькій; ср. ст. Горше.

Горѣ (нарѣч.): верхъ, вверху.

Госпиталь. Народ. «гошпиталь».

Гостиница 67.

Гофмейстеръ. Гофъ-интендантъ 90.

Гравировать. Гравюра.

Грамматика.

Грамота (издавна обрусѣвшее слово, почему и нѣтъ основанія писать «грамата» или «граммата» совершенно согласно съ греч. *γράμματις* = буквы) 24. 79.

Грамотей (гр. *γράμματεὺς*) 60.

Граненый 67.

Греза. — Грезиться, грезятся.

Гренокъ (отъ корня *гр* въ глаг. *грѣть*, *корѣть*).

Грести, гребутъ. Старинная и народная форма «гребсти» менѣе правильна, ибо *с* передъ *т* могло явиться только взаимѣнъ *б*.

Гречневый (произн. грешневый) 46.

Греча, гречиха.

Гродненскій 34.

Громадный (не «огромный»).

Группа. — Группировать 81.

Грызть, грызутъ.

Грѣхъ. Грѣшный.

Гувернантка.

Гужъ (ц.-сл. жже, веревка, цѣпь; начальное *г* въ русск. словѣ есть призвукъ).

Гульбывый.

Гусеница (ц.-сл. жѣница). Произн. *гусеница*.

Давеча	} Отъ малоупотреб. <i>давл.</i> Ср. хорут. <i>dave, davi</i> въ томъ же значеніи; ц.-сл. <i>давн</i> , нѣкогда, и <i>давыгъ</i> , древній.
Давешній	
Давній, давнишній.	

Давнымъ-давно 89.

Давидъ. Простовар. Давыдъ 52.

Дальній (не «дальный», какъ встарину писали). Одно изъ не очень многочисленныхъ прилаг. на *нѣй*, которыя всегда означаютъ отношеніе ко времени, мѣсту или мѣрѣ: *утренній*, *вечерній*, *ранній*, *поздній*; *зимній*, *весенній* (*осенній*), *лѣтній*, *осенній*; *нынѣшній*, *теперешній*, *прежній*, *прошлыйодній* и т. д. Сюда же относится *искренній* отъ ц.-сл. *искръ* (близъ). Но нарѣчіе *искренно*.

Дальновидный. Дальноворкій.

Даніилъ. Данила 26.

Двадцать. Двадцать-одинъ. Двадцать-первый.

Дворняжка (отъ дворняга) 46.
Двухсотый. — **Двухтысячный**.
Двухэтажный. (Вставка здѣсь нужна, потому что при отсутствіи этого знака буква *x* передъ *э* сбѣлалась бы мягкою).
Двѣнадцать. (*Дѣ* есть двойственное число, какъ и въ слѣдующемъ за симъ *дѣсти*).
Дѣвсти, **двухсотъ**, **двумстамъ** 35. 88.
Де, частица одного корня съ глаг. *дѣять*, *дѣлать*, хотя въ ней *e* замѣнено *ь*.
Дебелый (толстый, густой).
Деверь.
Девяносто.
Декабрьскій 53.
Демосеенъ.
Денница. — **Денщикъ** 54.
Денга. Считается восточнымъ словомъ, но въ хорут. нар. также *dengi* = *dparji*, *penesi*.
Деньжонки.
Деревенщина.
Деревянный 68. — **Деревяжка** (отъ деревяга) 46.
Держать, **держипш**, **держать** 29.
Дерзкій (не «дерзскій»): кратк. форма *дерзокъ*, *дерзка* 45.
Десантъ (фр. *descente*).
Десертъ (фр. *dessert*).
Дескать. Сокр. плеоназмъ вм. *де-ска-зать* (см. *де*).
Десная, **десница**. Ср. серб. *десни* — правый, *десно* — справедливо.
Дѣсть. Ср. серб. гл. *дѣсти*, *дѣдем* — класть въ стогъ (напр. сѣно), *полагать*, *дѣлать*.
Десять. **Десятеричный**.
Дешевый; ср. ст. *дешевле* 63.
Дилемма (гр. *δίλημμα* отъ *δί* = двойной, и *λέμβναιν* = брать).
Дилеттантъ.
Дира. Впрочемъ употребительно и согласное съ выговоромъ начертаніе *дыра* 51.
Диссидентъ. — **Диссонансъ**.
Дитя (въ твор. падежѣ одни пишутъ: *дитяю*, другіе: *дѣтятемъ*, третьи: *дѣтятею*; послѣднее всего болѣе согласно съ употребленіемъ).
Диеграмбъ.
Діаволь } Въ простор. *дьяволъ*, *дья-*
Діаконъ } *конъ* 77.
Діета.
Двѣпръ. — **Двѣстръ**.
Добродѣтель.
Довлѣтъ. Первонач. значеніе видно изъ сравненія съ словомъ *довольно*.
Дойти, **дойдутъ** 69.

Доколѣ 59.
Доконать (кор. *конъ*).
Докрысна 87.
Доктринеръ 73.
Докуда 88.
Домишко 24.
Доносчикъ 47.
Донныя 88.
Дорастать. — **Дораста** 24.
Дороеей.
Доселѣ 59. 88.
Доснеей.
Досконально (ср. *доконать*).
Дословно. — **Доспѣхъ**.
Достоянъ (не «достоенъ», вопреки общему правилу). Причастіе: *удостоенъ* 35.
Досуужій — умѣлый, искусный.
Досуужный — свободный отъ дѣлъ.
Досыта 87.
Дотолѣ; **дотуда** 59. 88.
Дочка 53.
Дошаникъ 67.
Дошатый. — **Дошечка** 53.
Драма (греч. *δρᾶμ* — дѣлать, дѣйствовать) 81.
Древле. — **Древній**. Црк.-сл. *древе*; чеш. *drive* (прежде).
Дребезжать, **дребезжать**.
Дремать, **дремлю**, **дремлють** 30.
Дрова. Собственно особая форма множ. ч. сущ. *дерево*. Ср. серб. *дрво*, множ. *дрва* (дрова) и *дрвета* (деревья).
Дрожди, род. *дрождей* 66.
Дрожки (отъ дрога) 46.
Дрягиль (нѣм. *Träger*).
Дубрава, **дуброва**.
Дужка (отъ *дука*) 46.
Душеприказчикъ 47.
Дыра. См. *Дира* 51.
Дышать, **дышишь**, **дышать**. Формы: *дышишь*, *дышутъ* принадлежатъ глаголу *дышать* 30.
Дьяволъ. См. *Діаволь*.
Дьяконъ. См. *Діаконъ*.
Дьякъ, род. *дьяка*. — **Дьячокъ** 52. 77.
Дѣва. — **Дѣвка**. — **Дѣвица**. — **Дѣвчонка**.
Дѣдъ.
Дѣлать. **Дѣять**. — **Дѣвать**. **Дѣть**, **дѣнуть**.
Дѣлить. — **Дѣлѣжь**.
Дѣти. — **Дѣтенышъ**. — **Дѣтина**.

Е.

Евангеліе (εὐαγγέλιον).
Ева (евр. зн. жизнь, гр. *Εὐα*).
Евдокимъ. Простонар. **Овдокимъ**.
Евдокія. Простонар. **Овдокія**.

Евлампій.
Еврей.
Европа. — **Европеецъ.** — **Европейскій.**
Евсигней. Народн. *Евсигней* 60.
Евстаѣій. Народн. *Остаѣій.*
Евстратій. Народн. *Евстратъ*
Евфимій (Εὐφύμιος). Народн. *Ефимъ.*
Евфросинія. Народн. *Офросинья.*
Евхаристія.
Евемія. **Евенмій** (Εὐεμόσιος).
Егеръ. Множ. **егеря.** — **Егерскій.**
Египеть 72.
Ежиться (произн. *Ежиться*).
Екатерина (греч. *Αἰκατερίνη*, гдѣ *Αἰ* сокр. изъ *ἅγιος* = святая). Зап. европейцы знаютъ только *Katharine*, отъ греч. *καθαρός* = чистый, непорочный).
Еле (ц.-сл. *лѣ* = полу-).
Елей (ἔλαιον).
Елена (Ἐλένη, Ἐλένη). Народн. *Олена.*
Елизавета (евр. *Elizabeth*).
Елисей 60.
Елпидифоръ.
Ель; елка (произн. *ёлка*).
Епанча.
Епархія. — **Епархiальный** 72. 77.
Епископъ.
Епитимья (гр. отъ *ἐπί* и *τιμῆ* = возмездіе).
Еремѣй 60.
Ересь (гр. *αἵρεσις*, отъ *αἵρεῖν* — брать, избирать) 72.
Если. (Первоначально *естли*).
Если бы, бѣ.
(Есвирь). См. **Эсвирь.**
Ефесь (нѣм. *Gefäss*, отъ *fassen* — хватать).
Ефимокъ (Ефимъ вм. *Іоакимъ*). Поль. *Joachimik* съ нѣм. *Joachimsthaler*, по имени городка въ долинѣ Рудныхъ горъ въ Богеміи, гдѣ чеканились первые талеры.
Ефремъ (евр. *Ефраимъ*).
Ефрейторъ.
Ея (произн. *ее*), род. пад.; отъ вин. же ее 23.

Ж.

Жалейка 27.
Жалованіе (дѣйствіе, выражаемое глаголомъ *жаловать*).
Жалованье (содержаніе, присвоенное должности или занятію).
Жалче, сравн. ст. прил. *жалкій*.
Жареный 67. — **Жаровня.**
Жданный 67.
Же, жѣ 49. 89.

Желанный 67.
Железа; мн. ч. **железы** (ц.-сл. *жлаза*; серб. *жезда, жлезда*).
Желобъ (одного корня съ гл. *долбить?*) — Ц.-сл. *жлаб*; серб. *жлеб, ждлеб*, польск. *żlob*.
Желтый. Лат. *flavus*; нѣм. *gelb*; англ. *yellow*.
Желудь. **Желудковый.**
Желчь (отъ *желтый*).
Желѣзо (серб. *жѣлезо*, чеш. *železo*, польск. *żelazo*, лит. *geležis*).
Жена. — **Женинь** и **Женинь.**
Женитьба 45.
Жену, женѣшь, женуть, ц.-сл. отъ *гнать*.
Женщина.
Жерновъ. Гот. *qvaingus* (мельница); лит. *gigna* (жерновъ ручной мельницы).
Жердь. — **Жердочка.**
Жесткій.
Жженіе (кор. *жж*), **жженный** 65.
Житейскій.
Житомиръ 55.
Жужжать, жужать.

З.

Забіяка (отъ *забить*).
Заблагодарсудить.
Заболѣвать 63.
Зависть, завису, зависишь, зависять.
Завтра (за-утра; за, предлогъ, въ значеніи во время, съ род. пад.) 40.
Завтракъ.
Завтрашній 40.
Завѣдывать, завѣдываютъ и завѣдуютъ. — **Завѣдывающій и Завѣдующій** 38.
Завѣтъ. Завѣщать.
Загорать 24.
За границей; за границу. Нельзя образовать существит. «заграница». — **Заграничный.**
Задолго.
Задхлый 45.
Заемъ, займа.
Заживо 87.
Зайти, найдуть 69.
Закадычный (отъ сущ. *кадыкъ* — гор-тань).
Закоренѣлый.
Закорудлый (также: *заскорудный*).
Закоснѣлый.
Закоулокъ (гдѣ *ко* считаютъ предлогомъ).
Закулисный.

Залпъ (фр. *salve*, выстрѣлъ изъ нѣсколькихъ орудій разомъ).
Заматерѣлый. Отъ прил. матерой. Ср. сущ. материкъ. Употребительна и ф. *заматорить*, *заматорный*, образовавшаяся по удобству произношенія.
Замораживать.
Замужемъ; замужь 86.
Замужняя. — **Замужество**.
Замша (нѣм. *sämish Leder*, отъ фр. *chamois*, олень).
Замшаный (-шевы) 67.
Занавѣсъ, м. р., и **Занавѣсъ**, ж. р.
Зане (вм. *за-е*; и призвукъ), т. е. за тѣмъ что, собств. за то что, ибо.
Заново 87.
Заносчивый 47.
Заодно 87.
Запечатлѣнь (произн. запечатлѣнь) 14. 63.
Заплаченъ (произн. заплочень) 23.
Заповѣдь.
Заподозрѣть; заподозрѣнь 63.
Запретить. **Запретъ**.
Запросто 87.
Запрячь (произн. «запречь»), прош. *запрягъ* (произн. «запрегъ») 23.
Запѣвала, р. п. — **лы** 26.
Зарабатывать 22.
Зараста. — **Зарастать**. — **Зарастить**.
Заращать. **Заросль** 24.
Зарождатсѣ 24.
Застить, **защу**, **застять**.
Застрѣленъ (прич. гл. *застрѣлить*) 28.
Застѣнчивый.
Затмевать. Соверш. видъ *затмить*. Ср. *дмить*, *надмевать*, *надменный*; *напмриваться* и (воз)напмриваться 64.
Затменіе 64.
Затѣвать. **Затѣять**, **затѣють** 37.
Затѣмъ, **за тѣмъ** 87.
Затѣя. **Затѣйникъ**.
Заутрена.
Зачастую 87.
Зачѣмъ, **за чѣмъ** 87.
Заяць (скр. *саца*, отъ *сацъ*, прыгати, итти). Произн. *заецъ*, уменьш. *зайка*, *заячка*. Род. *зайца*.
Заячій, **заячья**, — **чье**. (Збруя). См. **Сбруя**.
Званный 67.
Звено. Польск. *dzwono*. Ср. *позвонокъ* (часть хребта).
Звенѣть, **звеню**, **звенять** 63.
Звѣзда. (Серб. *звѣезда*; чеш. *hvězda*, поль. *gwiazda*). Мн. *звѣзды* 14. 57.
Звѣрекъ и **Звѣрокъ**. **Звѣрскій**.
Звѣрь. Серб. *звѣјер*; чеш. *zvěř*, поль. *zwierz*; лит. *žweris*. Ср. гр. *θήρ*, лат. *fera*, нѣм. *Thier*

Здать, **зиждутъ**. Формы: «зижднть, зижднтся, зижднлся», нынче нерѣдко встрѣчаемая въ печати, ошибочны. Серб. *зидати*; чеш. *zđiti*.
Здороваться, **здороваются**.
Здоровье. О здоровьи или —ъ 62.
Здравый (собств. *сдравый*; ц.-сл. *съдравъ*).
Здѣсь (ц.-сл. *сьде*) 43.
Зеленой (прилаг. отъ *зелень*): зеленая лавка.
Зеленчикъ. **Зеленый**. (Ср. *зелѣе*).
Землетрясеніе.
Земляной. **Земляника**.
Зеркальце 41.
Зижднтель. Отъ гл. *здать*, *зиждутъ*.
Зижду, **зиждешъ**, **зиждутъ**. **Зиждется** (а никакъ не «зижднтся»). См. **Здать**.
Зіянь; — **зинуть**. Первой, ц.-сл. формѣ соответствуетъ русск. *знать*. Вторая неупотребительна безъ предлога *раз*. См. *разинуть*.
Злодѣй 60.
Змѣй, **змій**; **змѣя** 57. 60.
Знаменіе.
Значить, **значишь**, **значать**. Прич. **Значащій** 31.
Зобать, **зоблешъ**, **зоблють**.
Зодчій (отъ *здать*). **Зодчество**.
Зрѣлый. **Зрѣть**, **зрѣють** (созрѣвать).
Зрѣніе. **Зрѣть**, **зрять** (видѣть).
Зыбать, **зыблю**, **зыблешъ**, **зыблють**. (Формы: «зыблнть, зыблнтся, зыблнлся», нынче нерѣдко встрѣчаемая въ печати, ошибочны).
Зѣвать. См. **Зіянь**. — **Зѣвъ** 57.
Зѣло (названіе буквы и нарѣчіе) 57.
Зѣница 57.

III.

Идиллія. Гр. *ἰδέλλιον* (= картинка). (Идти). См. **Итти**.
Иждивеніе (вм. *изживеніе*) 66.
Ижора.
Изба. (Собств. *истба*; ср. нѣм. *Stube*).
Известъ, **известка** (*ἀσβέστης*, отъ *σβεγγύναι* — гасить).
Извнѣ 88.
Извозчикъ 48.
Извѣстіе. — **Извѣстный**.
Издавна.
Идалека. **Издали** 86. 87.
Издревле.
Издѣваться. — **Издѣтства**.
Изжарить.
Изжену, **изженешъ**, **изженуть** (цер.-слав. отъ *изгнати*). Нѣкоторые отъ формы *изжени* неправильно обра-

аують неопр. накл. «изженить» вм. *изнать*, и 3-е лицо наст. «изженит-ся» вм. *изженется*.

Иажога 39.

Иазябнуть.

Иадишній; излишне.

Иаможденный (вм. *изможденный*)

Иананка. Вм. *изнанка* (или просто *ваника, ваничка*) отъ *нанкъ, наничъ* — т. е. лицомъ внизъ, то же, что *внчкомъ*. Оттуда *наничникъ* — вывороченная одежда.

Ианутри (никакъ не «извнутри»).

Иаюти, изюдуть 69.

Иараненный 67.

Иарекать. — Изречь. — Изреченіе.

Иарѣдка 87.

Иасиня 87.

Иаслѣдовать. — Изслѣдывать 38.

Иастари 87.

Изь-за. Изъ-подъ 89.

Иамскать. — Иамсканіе 51.

Иазявъ (перс. *ziā*), а не «иззявъ». Здѣсь *изъ* не есть предлогъ.

Иазящный.

Иаарионъ 81.

Иліада (*Iliaz*) 81.

Иллирія.

Иллюминація. — Иллюстрація.

Ильнична 47.

Именны. Нѣтъ причины писать по старинному *имянини*. Есть только 2—3 случая, когда древній *юсъ* въ серединѣ слова переходитъ въ *ли*, а не въ *си*, именно въ словахъ: *пемлиникъ, стремлиный, клану*.

Империаль 77. — **Импровизовать.**

Имѣнице 33.

Индивѣтъ (отъ *иней* со вставкою *д*).

Индифферентизмъ.

Индѣ. Нарѣч.

Индѣецъ; индѣйскій 61. Эти формы употребительны только когда рѣчь идетъ о туземцахъ Америки; о первобытныхъ жителяхъ Остъ-Индіи говорятъ: *Индусы, Инды, Индійцы*.

Иней 60.

Инженеръ (фр. *ingénieur*, отъ слова *génie*. Др.-русс. переводъ: *Размысл*).

Инокентій.

Интересъ 81.

Исполить.

Искать, ищуть 29.

Искони 87.

Искренній, искрененъ, искренно. См. подъ словомъ дальній.

Искусный 46.

Искусство. Искусственный 66.

Испестрить; испещрять (какъ *исострить, изошрять; умертвить,*

умерщлать; ср. *слатъ, шлю; смыслить, смышленъ*).

Исповѣдь. — **Исповѣдывать, исповѣдать** 37.

Исподволь и исподоволь 89.

Исподлобья 89.

Исподтишка 89.

Испокоонъ; ископоонъ вѣка.

Исполать (*εις πολλὰ ἔτη*) 70.

Испытать. Испытывать 37. 43.

Иствевать, истаявать 37.

Истина, сущ. — **Истинна**, краткое прил. жен. рода.

Истоцать (отъ *тоцій*).

Исчадіе. — **Исчезать** 43. 47.

Итакъ. И такъ 89.

Италянскій 77.

Итогъ.

Итти 69.

I.

Иакимъ.

Иезуитъ. — **Иена.** — **Иерархія.** — **Иерей** 78.

Иероглифъ 78.

Иеронимъ. — **Иерсеей.** — **Иерусалимъ** 78.

Иовъ. — **Ионаванъ.** — **Иорданъ.**

Иоакимъ. Народн. *Екимъ*.

Йоркъ, Йоркъ 78.

Иосифъ. Народн. *Осигъ* 78.

Иудей 79.

Июнь, июньскій. — **Июль, июльскій** 53.

К.

Ка (частица): **посмотри-ка** 27.

Кабатчикъ 48.

Кавыка, кавычка. (Кавыль). См. **Ковыль**.

Кадило 27.

Казакъ (тюрк. *kazâk*, *кайсакъ*) 24.

Казенный.

Казимиръ 55.

Казовый (не «хазовый») въ выраженіи: **казовый конецъ** (ср. нѣм. *Schau-ende*). **Хазъ** (перс.) зн. кусокъ матеріи и бесполезно для объясненія нашего слова.

Какъ-то.

Каламянка (нѣм. *Kalamank*. Сред.-лат. *salamancus*, шерстяная матерія). — **Каланча.**

Калачъ. Правильнѣе было бы употребительное *колачъ*, т. е. круглый хлѣбъ (отъ *коло*=кругъ) 24.

Каллиграфія (гр. *καλλός* = прекрасный).

Калоша (фр. *galoche*, сомнительнаго происхожденія, почему и нѣтъ на-

- добности писать «галоша» сходно съ франц.).
- Калѣка** (перс. kâlek = безобразный, гр. κολος = изувѣченный).
- Камелекъ**. — **Каменщикъ** 54.
- Камергеръ**. — **Камердинеръ** 79. 81.
- Камеръюнкера**. — **Камеръюнкеръ** 90. — **Камка**. **Камфора**.
- Кампанія** (фр. campagne = походъ).
- Канале**.
- Канделабръ**.
- (Кандитеръ). См. **Кондитеръ**.
- Каникулы** (лат. canicula, со звѣздіе пса). Название лѣтнихъ ваканцій, немѣстное, когда рѣчь идетъ о зимнихъ ваканціяхъ.
- Канифоль**.
- (Канунъ). См. **Наканунъ**.
- (Канура). См. **Конура**.
- Капнуть** (сокр. вм. капнуть, какъ то-нуть вм. тошнуть).
- (Канфорка). См. **Конфорка**.
- Канцелярія** (сред.-лат. cancellaria, отъ cancelli = баюстрада) 79.
- Канючить** (отъ *канюкъ* = «полевой коршунъ, докучающій клетомъ». — Даль).
- Канище** (отъ *кань* = изображеніе).
- Капатолина**.
- Капдунъ** (ср. хѣттеу, нѣм. karpen, шв. карра, англ. to chop, фр. couper). Карphahn = Караун.
- Капуцинъ**. — **Капуя** 79.
- (Каравай). См. **Коровай**.
- Каракуля** (тюрк. karakulla, дурная рука, дурной почеркъ).
- Карандашъ** (тюрк. кара = черный, ташъ = камень). Обл.: карандышъ = карликъ.
- Карась** (нѣм. Karausche).
- Кардамомъ**.
- Карета** (дат. karreet отъ итал. carreta) 79.
- Карикатура** (итал. caricatura, отъ caricare, charger) 81.
- Карнизъ** (нѣм. Kagnies отъ гр. κορνίς, фр. corniche).
- Карре**. Пушкинъ склоняетъ это слово, напр. «три фаса одного каррея».
- Картель**, ж. р. (нѣм. Kartätsche отъ ит. cartaccia, фр. cartouche).
- Картофель**, муж. р.
- Картузъ** (голл. kardoes).
- Карусель**, ж. р. (фр. carrousel, ит. carosello).
- (Карячиться). См. **Жорячиться**.
- Касатка** 24.
- Касаться**. — **Коснуться** 24.
- Касса** (нѣм. Kasse). — **Кассиръ** 80.
- Кастрюля** (ит. cassetola).
- Катавасія** (греч. κατάβασις = собств. сходъ, въ церковной службѣ соединеніе двухъ клиросовъ въ серединѣ храма).
- Катаръ**. **Катаральный** 80.
- Катерина**. См. **Екатерина**.
- Каторга** (нов.-греч. κατήρυον, иллир. в дам. katorga = галера).
- Кафтаны**.
- Кашель**. — **Кашлять**.
- (Кашей). См. **Кошчей**.
- Каеэдра**.
- Квартира**.
- Келаръ**. — **Келья**. (Собств. келлія).
- Керосинъ** (греч. κηρός = воскъ).
- Кесарь** (греч. форма латинскаго имени *Цесарь* или *Цезарь*, которое поэтому въ Римской исторіи предпочтительно).
- Кирилль**. Народа. **Кирила** 26.
- Кланяться** (во *поклоняться*) 24.
- Классифицировать**.
- Классъ**. — **Классный**; **классическій** 80. 91.
- Класъ** (колосъ) 81. — **Клеверь**.
- Клеветать**, **клеветещь**, **клеветцуть** 29.
- Клевреть** (кельт. colibertus. Пав. II, § 61).
- Клеенка** (отъ страд. прич. *клевный*).
- Клеить**, **клеишь**, **клеятъ** 29.
- Клей**.
- Клеймо** (исп. kleima = пятно).
- Клѣпки** (нѣм. Klösschen).
- Клиросъ** (гр. κλήρος).
- Клізнуть**.
- Клумба** (поль. klub, отъ англ. clump).
- Клѣтъ**, **клѣтка** 57.
- Клювъ** (= клеванье, о рыбѣ).
- Клясть**, **клянц**, **клянцуть** (правильнѣе было бы неупотребительное *клену*. См. *именины*).
- Кнуть** (сканд. knytta = бить).
- Князь**. **Княгиня**. — **Княжить**.
- (Ко) частица 27. См. **ка**.
- ко, окончаніе малоросс. фамильныхъ именъ 25.
- Коверъ** (скр. kub, kumb = покрывать, разстилать. Серб. губер = одѣяло, хорут. kober, чеш. koberec).
- Коверкать**.
- Коврига**, **коврижка** (серб. кврга).
- Ковчегъ** (нов.-гр. κολως, лат. caucus).
- Ковшъ**. — **Ковшикъ** (чеш. kofik, kofiček).
- Ковыль**.
- Ковырять**.
- Коготь**, мн. ч. **когти** 42.
- Кое-какъ**, **кое-что**, **кой-кто**.
- Кожанный** 68.
- (Козакъ). См. **Казакъ**.

- Козлы** (пол. *kozly*).
Козырь (пол. *kozega*).
Козьма (собств. Косьма, простонар. Кузьма).
Козьминична 47.
 (Колачъ). См. **Калачъ**.
Колебать, колеблешь, колеблютъ 29.
Коленкоръ. (Переименованное фр. слово *calicot* отъ *Kalkutta*).
Колесчатый.
Колеть (поль. *kolet*, шв. *kolt*, отъ итал. *colletto*).
Колеса, Колеина.
Коллизей.
Коллегія. — **Коллежскій** 79.
Колодезь (испорчено: колодець; — пр.-сл. *кладъзъ*. Ср. гот. *kaldiggs*; дат. *kild*, *родникъ*).
Колонна. — **Колоннада** 80.
Колосъ. — **Колоссальный** 80.
Колосъ (прк.-сл. *класъ*) 81.
Колоть, колешь, колють 29.
Колыбель 60.
 (Колѣка). См. **Калѣка**.
Колѣно. Множ. *колѣна* и *колѣни*; сверхъ того *колѣнья* = составы, части цѣлага.
Коляска (поль. *kolaska*, отъ общеслав. *коло*).
Команда (фр. *commande*) 79.
Командировать. — **Командовать**.
Комедія (гр. отъ *κομῆ*, *деревня*, и *αἰδῆσις* = *пѣть*).
Комендантъ 79.
Комиссаръ. — **Комиссіонеръ** 80.
Комиссія. — **Комитетъ** 80.
Комментарій. — **Комментаторъ**.
Коммерція.
Коммуникація.
Комодъ.
Компаніонъ, компаньонъ. -ка 77.
Компанія (фр. *compagnie* = общество).
Компасъ (сред.-лат. *compassus*).
Компрессъ. — **Компромиссъ**.
Конвертъ. (Передѣл. изъ *кувертъ*, фр. *couvert*).
Конвоировать.
Конгрессъ.
Кондитеръ (отъ лат. *condire* = *приправлять*).
Кондрагій (собств. *Кодратъ*, отъ греч. *Κοδράτος*).
Конечно; конечный.
Конкуренція. — **Конкурировать**.
Конопатить.
Конопляный.
Контора (фр. *comptoir*, отъ *compter* = *считать*).
- Контрабанда** (итал. *contrabbando*, т. е. *противно запрещенію*).
Контрабандистъ (а не «контрабандиръ», ибо и нѣмцы свое *Contrabändler* произносятъ какъ французы).
Контрактъ (кон-трактъ, а не контра-актъ) 94.
Контролеръ (фр. *contrôleur*).
Конура (изъ *комора*?).
Конфетчикъ.
Конфеты (итал. *confetti*). Нѣтъ надобности соотносаться съ латино-нѣм. *confect*: иначе какъ бы пришлось писать второбразныя слова; *конфетка* и *конфетчикъ*?
Конфорка, **собств. комфорка** (голл. *komfoog*, снарядъ для разведенія огня).
Кончень (прич. гл. *кончить*) 28. — **Кончикъ** 32.
Копейка. — **Копеечный** 60.
Копье, Копьецо 33.
Коралль. — **Коралловый**.
Коридоръ (отъ ит. *corregere*; въ роман. яз. часто испорченная форма: *solidor*).
Коринь. — **Корифей** (*χορῳφαῖος* отъ *χορῳφῆ*, *голова, вершина*) 75.
Коричневый (отъ *корица*).
Корнать (серб. *кρνѣти* = *разсѣкать*; чеш. *krněti*).
Корова.
Коровой (ц.-сл. *кравай*) 24.
Корокатица (*seria*) отъ *корокъ* (*кракъ*), *нога*, чрезъ возможное прилагательное *корокатый* — *многоногий*.
Коромысло (составъ необъясненъ).
Коростель 60.
Корочунъ.
Корпѣть (ср. лат. *torrore* = *косность*).
Корректоръ. — **Корреспондентъ**.
Корчить, корчать (сл. лат. *torquere*) 29.
Корячиться. См. **Корокатица**.
 (Косатка). См. **Касатка**.
Коснуться (хотя *касаться*) 24.
Косой.
Костель (поль. *kościol*).
Костеръ (нсл. *köstr*).
Косынка. — **Косьба**.
Косычатый.
Котомка.
Коурый, коурка.
Кофе, кофей.
Кочанъ. — **Кочень** (лат. *cos, cotis* = *камень*).
Кочерыга, кочерыжка (ср. гл. *коченить* и сущ. *кочера*, *сучковатое дерево*, откуда народн. *кочериться*, *упрямиться*).
Кощей (отъ *кость*?).

- Кравчій** (иначе крайчій, отъ *край*, *кромть*. Ср. чеш. křejčí = портной).
- Красоуля** (-вуля).
- Крахмаль** (нѣм. Kraftmehl).
- Крейсеровать** (франц. être en croisière), глаг. отъ сущ. *крейсеръ*.
- Крейсеръ**. (Голл. kruisser, отъ глаг. kruissen, нѣм. kreuzen, — крестообразно двигать). Военный корабль, который ходитъ то въ одномъ, то въ другомъ направленіи по морю съ цѣлю наблюдать за движеніями неприятельскаго флота. (Франц. croiseur).
- (Крапива). См. **Кропива**.
- Крепдель** (вм. кренгель, отъ kring, ring=кругъ, кольцо).
- Кресло** (поль. krzesło).
- Крестинко** 24. — **Крестный**.
- Крехтѣть**. Поговорка: «Все охъ да крехъ».
- Крешендо**, не «крешчендо» (ит. crescendo).
- Кринка** 51.
- Кристалль** (гр. κρυστάλλος) 81.
- Кровообращеніе**. — **Кровяной**.
- Кромъ** (собств. мѣстн. падежъ сущ. *кромъ*). Народ. *окромъ*.
- Кромѣшній** (= виѣшній)
- Кропива** (ср. полск. kopr = укропъ; рокгува = кропива).
- Крупинка** 33.
- Брыжовникъ** (ср. поль. krzew, чеш. křoví, кустарникъ).
- Крылось** (народн. вм. *клиросъ*).
- (Крынка). См. **Кринка**.
- Крѣпкій**. — **Крѣпость**.
- (Крахтѣть). См. **Крехтѣть**.
- Ксаней**.
- Ксенофонтъ**.
- Кстати** 86. Окончаніе не *ь*, а *и*, отъ сущ. *стать*: «А мнѣ-то что за статья?» (Крыловъ): — едва ли не единственный случай, когда предлогъ *къ* пишется слитно. (Начертанія: *квержу*, *книзу* не освящены обычаемъ).
- Кто, кѣмъ**. — **Кто-либо**. **Кто-нибудь** 89.
- Кувыркнуть** (и кувырнуть).
- Кудель**.
- Кудерь**, муж. р., род. п. кудря, мн. кудри, -ей.
- Кузнечикъ**, р. п. кузнечика 32. (Кузьма). См. **Козьма**.
- Кулебяка** (фин. kala = рыба).
- Кулиса**.
- Куличъ**, род. п. кулича (гр. κολλίσις).
- Кумиръ** (фин. kumartaa = кланяться, поклоняться).
- Купель** (въ др.-са. кѣпѣль; но нынче, по аналогіи съ другими словами того же окончанія, пишутъ *е*) 60.
- Курила**, сущ., р. п. — лы 26.
- Куріозный**, курьезный 78.
- Куролесить** (отъ греч. Κύριε ἐλέησον Господи помилуй).
- Курьеръ**.
- Кусочекъ**, — чка 32.
- Кутида**, сущ., р. п. — лы 26.
- Кутья** (греч. κηδεία = похороны).
- Кухня**, р. п. мн. *кухонь* 50.
- Кухонный**.
- Кучеръ** (нѣм. Kutscher) 10.
- Кюмень** (рѣка въ Финляндіи).
- Кѣмъ** (тв. пад. мѣстоим. *кто*).

Л.

- Лабазъ**.
- Лавировать** (голл. laveeren).
- Ладанъ** (гр. λιβάνον).
- Ладонь** (вм. долонь = длань).
- Лазить, лазю, лаять**. — **Лазейка**.
- Лазутчикъ**.
- Лапша**.
- Ласочка** (отъ ласка, ласица, mustela nivalis, изъ рода хорьковъ) 46.
- Ласточка, ластка** (hirundo) 46.
- Латинскій**. — **Латынь** 52.
- Латунь** (исп. látun, англ. latten, фр. laiton и т. д.).
- Лаханъ** (гр. λεχάνη). — **Лаять, лаютъ**.
- Левкой** (гр. λευκοῖον, отъ λευκός=бѣлый; ἶον = фіалка).
- Легавый** (chien couchant).
- Легкій** 42.
- Легонькій** 33.
- (Ледащій). См. **Лядащій**.
- Ледонецъ**. — **Ледяной**.
- Лезвее** (неизвѣстнаго происхожденія).
- Лекало**.
- (Лекаръ). См. **Льваръ**.
- Лелѣять, лелѣшь, лелѣють**.
- Лепетать, лепечешь, лепечуть**.
- Лепеха**. Правильнѣе было бы неупотребит. *лпнеха*.
- Лепта** (гр. λεπτόν, отъ приа. λεπτός, малый, слабый).
- Леса** («нить или шнуръ на удѣ»).
- Летѣть, летать**.
- (Лечить). См. **Лѣчить**.
- Лечь, лягутъ**. Повел. *ляжь, ляте* 50.
- Лещъ**.
- Лизавета**. **Лиза**. (См. **Елизавета**).
- Лизанька** 33.
- Лилейный**.
- Линейка**. — **Линейный** 61.
- Липнуть** (ср. гл. *лпнуть*).
- Листва, листвіе**. *В* въ окончаніи объясняется подъемомъ *ера* (= *ѣ*)

въ этотъ звукъ. Ср. Медвѣдь, медвяный.

Литейный (отъ *литье*).

Литера.

Литература. Литераторъ 81.

Литія (гр. *λειτουργία* = молитва).

Лицевой. — Лицемѣръ 41.

Лицо 41.

Линь 50.

Ложбина (отъ сущ. *ложь*, исл. *lag*).

Лопарь (Лапландецъ).

Лорнетъ. Лорнетка.

Лосось и Лосось.

Лотерея (фр. *loterie*, отъ герм. *Loos lot* = жребій).

(Лохань). См. Лахань.

Лошадь (тат. *лаша*).

Лощина (иначе *лоскъ*).

Лощить.

Лугъ.

Лукинична 47.

Лучшій 48.

Лыняной (народ. *алляной*).

Лыный. — Лышна.

Лыть, лызуть. Пов. *полъзай*.

Лѣкарство, лѣкаръ. Хотя уже Карамзинъ писалъ *лекаръ* и эта орфографія получила перевѣсъ, но ясное производство заставляетъ признавать правымъ меньшинство, въ главѣ котораго мы видимъ Ломоносова, указывавшаго на неудобство писать въ наст. вр. *лечу* вм. *льчу* (для отличія отъ *лечу, летить*). Кор. *лькъ*, поль. *lek*, земля, лѣкарство. Ср. Лѣчить.

Лѣнь. — Лѣнливый.

Лѣпить, лѣплю, лѣпять.

Лѣстница; лѣсенка 45. 46.

Лѣсъ.

Лѣто. — Лѣтній.

Лѣха. (Рядъ, полоса, борозда).

Лѣчить, лѣчать. См. Лѣкаръ.

Лѣшій (отъ *льсъ*).

Людювкъ.

Людскость.

(Лягавый). См. Легавый.

Лягать (отъ *ляга, ляжка*, нога).

Лягушка (отъ *лява*).

Лядящій (поль. *lada, ladaco*, какой ни есть, негодный. Ср. англ.-с. *lath*, др.-в.-нѣм. *leid*, шв. *led*, фр. *laid*).

Ляжка (отъ *ляга*) 46.

М.

Магометь.

Мадридъ.

Мадьяры.

(Маестникъ). См. Маятникъ.

Маестность (поль. *szajetność*, отъ корня *ма* въ гл. *имати, имѣть*).

Мазанка.

Маіоръ, или Майоръ 78.

Май, род. пад. мая.

Макать (отъ корня *мок*) 24.

Маленькій 32.

Малозначущій 31.

Малолѣтній. Нѣтъ причины предпочитать форму *малолѣтний*, когда во всѣхъ другихъ сложенияхъ говорятъ и пишутъ *лѣтній*.

Мало-мальски 89. (Мальбретъ). См. Мольтбергъ.

Мальчишка 24.

Маменька 32.

Мамонтъ.

Манна 80.

Маскарадъ.

Масленица: масленая, сырная недѣля.

Масленный 67.

Масляникъ.

Масляный. Изъ масла сдѣланный, содержащій въ себѣ масло 68.

Масса. — Массивный 80.

Масштабъ (нѣм. *Maasstab*).

Матвѣй (отъ *Матоей, Matthaecus*, и *Матоей, Matthias*) 60.

Матеріаль. — Матеріальный 77.

Матросъ.

Мачеха (правильнѣе чѣмъ *мачиха*: древн. *маштеха*).

Машенька (уменьшит. отъ *Мама*) 32. (Маштабъ). См. Масштабъ.

Маятникъ (отъ *майти* = махать).

Медальѣръ.

Медальонъ, медальонъ.

Медвѣдка (произ. медвѣдка).

Медвѣдь. — Медвѣжій (изъ *меда* = медъ, и *ид*). Ср. Листва.

Медвяный. (Здѣсь *а*, такъ же какъ и въ предыдущемъ, есть подъемъ *ера*=*ѣ*).

Медицина.

Медлить. — Медленный 68.

Межа. — Между, межъ 49.

Между прочимъ. Неправильно употребляется вм. *между тѣмъ* не только въ живой рѣчи, но и въ печати.

Междометіе. — Междоусобіе.

Междупарствіе.

Мозгъ (ср. мозгъ).

(Мездра). См. Мяздра.

Молить.

Мелкій. — Мелочь.

Мелю, мелешь, мелють (отъ гл. *молоть*).

Мелюзга.

Мель, мельть.

Мелькать. — Мелькомъ.

Мельникъ. — Мельничиха.

- Мельница.**
Меньше. — **Меньшій;** меньшей 54.
Меньшинство 35. 54.
Менше, менѣ 63.
Мережа, мрежа.
Месть.
Металль 80.
Метать, мечешь, мечуть и мещешь,
 мещуть; также метаю.
Метель (отъ *мести*) и **Мятель** (отъ
мясти).
Метла. — **Метрополія.**
Мееодій.
Мада (ср. *мститъ* и гр. *μαδός* = воз-
 междіе).
Мизинець (въ цсл. = младшій сынъ;
 стар. *мизинный*, меньшей).
Милліардъ 77. **Милліонъ** 78.
Милосердый.
Миніатюра.
Миняя четія. См. **Четія.**
Мирволить 55.
Миро (прежде *муро*). — **Миропома-**
заніе. **Мироточивый** 75.
Мировой 55.
Миръ. Этимологически, конечно, *миръ*
 и *міръ* одно и то же слово; устано-
 вленное между ними на письмѣ раз-
 личіе имѣетъ только практическое
 значеніе.
Миссія. — **Миссіонеръ** 80.
Миткаль (перс. *mitakāli*).
Митрополить. — **Митрофанъ.**
Михайль. Народн. *Михайла* 26.
Михей.
Мишень (перс. *nischān*).
Мнеъ. **Мнеология.**
Міръ. — **Мировой.** **Мірской.** **Міря-**
нинъ 55.
Мнѣніе (отъ ц.-сл. *мнѣти*).
Могорычъ.
Можеть-быть; можетъ-статься.
Можжевельникъ (вм. *меже-ельникъ*,
 т. е. растущій между ельникомъ).
Мозгъ. — **Мозжечокъ.** — **Мозоль.**
Моисей.
 (Мокать). См. **Макать.** — **Мокредь.**
Мокій (народн. *Мокей*).
Молебень, род. п. молебна.
Молить, молишь, молятъ.
Молнія (ср. швед. *moln* = облако).
Молодежь (жен. р. и поэтому ъ).
Молоть, мелю, мелють 30.
Молочный 46.
Мольбертъ (нѣм. *Mahlbrett*).
Монисто (лат. *monile*; исл. *men* = оже-
 релье; секр. *manі*, драгоц. камень).
 Народ. *намисто*.
Мороженое 67.
Морочить, морочишь, морочать 29

Морошка (ср. герм. *Morast*, фр. *marais*,
 норв. *mug* = болото).
Мочалка. — **Мочало.**
Мраморъ (вм. *марморъ*).
Мужнинъ.
Мужчина 48.
Музей (прежде *музеумъ*).
Мундштукъ.
Мусульманинъ.
Мученикъ.
Мучить, мучишь, мучать.
Мучной (произн. *мушной*).
 (Муштукъ). См. **Мундштукъ.**
 (Мущина). См. **Мужчина.**
Мысленный. **Мыслить, мыслю.**
Мѣдъ. — **Мѣдный; медяный.**
Мѣль. — **Мѣловой.**
Мѣнять. — **Мѣняда.**
Мѣра. — **Мѣрить, -рять; мѣрять,**
 мѣряютъ.
Мѣсить, мѣшу, мѣсишь, мѣсятъ.
Мѣстоименіе (первонач. мѣсто и мене,
 т. е. имени, съ греч. *αὐτονομία*). Самый
 неудачный грамматическій терминъ.
Мѣсяць. **Мѣсячный.** **Мѣсяцесловъ.**
Мѣта. — **Мѣтить, мѣчу, мѣтятъ.**
Мѣткій. *Мѣтокъ* не тотъ, кто ловко
метаеъ, а тотъ, кто хорошо *мытитъ*,
 попадаетъ въ *мыту*.
Мѣхъ. — **Мѣшокъ.** **Мѣшечекъ.**
Мѣшать. **Мѣшанный.**
Мѣшкать. — **Мѣшкотный.**
Мѣщанинъ (отъ мѣсто, польск. *miasto* =
 городъ).
Мягкій (вм. *мяккій*). — **Мягчить** 42.
Мяздра 43.
Мякина. — **Мякинь.**
Мяконькій 33.
Мясоѣдъ.
Мясти, мятуть. — **Мятежь.** (Оттуда
 и *мятель, сматеніе*).

Н.

Набалдашникъ.
Набедренникъ.
Набекрень 87.
Набѣло 87.
Навага.
Наважденіе (древ. *вадити*, обвинять,
 клеветать).
Наверху, наверхъ 86.
Навеселѣ 87.
Навзничъ (лицомъ вверхъ) 50. Про-
 тивоположно: *нищъ, ничкомъ* (лицомъ
 внизъ) 87.
Навзрьдъ.
 (Навожденіе). См. **Наважденіе.**
Наврядъ, наврядъ ли 89.

Навсегда 88.
 Навстрѣчу 86.
 Навыворотъ 87.
 Навѣки, навѣкъ 86.
 Навѣрняка 87.
 Навѣрно, навѣрное 87.
 Навязчивый.
 (Наган). См. Ногаи.
 Нагайка.
 Наглухо.— Наголо.
 Нагой, р. п. нагого 22.
 Нагорать 24.— Нагорѣть.
 Наготовѣ 87.
 Нагрузчикъ 48.
 Надатчикъ.
 Надежда.— Надежный.
 Надлежить, надлежащій.
 Надмевать.— Надменный 64.
 Надмѣру.
 Надо, надобно.
 Надолго.
 Надоѣдла, р. п.— лы 26.
 Надоѣдать; надоѣсть, надоѣдать.
 Надѣвать; надѣть, надѣнуть.
 Надѣяться, надѣшься, надѣются.
 29.
 Наединѣ.
 Наемникъ.
 Назад, назадъ 86, 87.
 Названный; названный 67.
 Наземь 87.
 Назло 86. Назойливый.
 Наизусть 50. 89.
 Накось 50. 89.— Найти 69.
 Наканунѣ (отъ гр. *κλινών* = корзина, приношеніе изъ плодовъ, которое присылалось на вечерни въ дни, предшествовавшіе праздникамъ).
 Наковальня.
 Наконецъ 86. Накось 87.
 Накрестъ 86.
 Накрѣпка 87.
 Налегкѣ 87.
 Налой (гр. *ἀναλογεῖον*).
 Налѣво 87.
 Намедни (собств. *ономедни*, т. е. оны-ми дни). Ср. серб. *омадне*.
 Намекать.— Намекъ.
 Намокать; намокнуть.
 Намѣреваться, намѣреваются.
 Намѣреніе.
 Наоборотъ.— Наобумъ 86.
 Наотмашъ 50.
 Наотрѣзъ.
 Нападки (род. пад. *нападковъ*).
 Напередъ.— Напереды 86.
 Наперекоръ 87.
 Наперерывъ.
 Наперсникъ.— Наперсный (отъ *перси*) 46.

Наперстникъ (отъ *персть*).
 Напечатлѣвать 63. Напечатлѣть.
 Написать, напишешь, напишутъ 31.
 Напоследокъ.— Напоследѣяхъ.
 Направо 87.
 Напримѣръ 86.
 Напропалую 87.
 Напротивъ.
 Напрямикъ, напрямки.
 Напѣвъ.
 Наравнѣ.
 Нарастать.— Нарашеніе.
 Нарасхватъ.
 Нареканіе.
 Наречь, наречешь, нарекутъ.
 Нареченный.
 Народиться.— Нарождать.
 Нарочно 46. Съ этимъ словомъ не должно быть смѣшиваемо *нарочито* = значительно, сильно.
 Наружу (отъ неупотребит. имени *ружа*) 87.
 Нарѣчіе (отъ сущ. *речь*, въ значеніи глаголь).
 На ряду.
 Насилу.
 Насквозъ.
 Насколько.— Настолько 88.
 Наскоро.
 Насмѣхаться.— Насмѣшка.
 Настежь 50.
 Настрога.
 Настраивать.
 Насупротивъ.
 Насчетъ 86.
 Настѣдка.
 Настѣкомое.
 Натортъ.— Натортлый.
 Натощакъ.
 Наугадъ 87.
 Наудачу 86.
 Наущеніе (отъ *наустить*).
 Начерно 87.
 Начетчикъ.
 Нашатырь (араб.).
 Нашептывать.
 Наѣзжать. Наѣхать, наѣдутъ.
 Наѣзжій.
 Наяву 87.
 Наеанаилъ.
 Найти 69.
 Невзначай.
 Неводъ (фин. *neuwot* = орудіе).
 Невѣдвіе.
 Невѣжда (народн. *невѣжа*).
 Невѣста (скр. *nivīc* = вводить, жеваться).
 Невѣстка (др.-слав. *свѣсть*, серб. *сваст*).
 Негдѣ (отриц.).

- Негодовать 91.
 Негодиантъ.
 Недомогать 91.
 Недоросль.
 Недоставать: недостаетъ (глаг. безличнѣй) 91.
 Недоумѣвать 63. Недоумѣніе.
 Недѣля (первонач. воскресенье).
 Незадолго.
 Незапно; незапу. См. Внезапно.
 Неисчислимый. — Неисчетный.
 Нейдетъ, иногда вм. не идетъ.
 Нейшлотъ (шв. Nyslott).
 Нейштадтъ (шв. Nystad).
 Некогда (т. е. не время).
 Некого, некому и проч.
 Не кто иной. — Некуда.
 Нелегкая.
 Нельзя 91.
 Нелѣпый.
 Неможется. — Немошь.
 Ненавидѣть, ненавидать 91.
 Необинуюсь (вм. не обвиняюсь).
 Неотвязчивый.
 Неоткуда. — Неподалеку.
 Не при чемъ.
 Нерѣде.
 Негопырь.
 Неугомонный.
 Неужели. Неужто.
 Неустанный.
 Нехотя.
 Нечего дѣлать.
 Не что иное 35.
 Нигдѣ 91.
 Низшій.
 Никакой 91.
 Никифоръ. — Никитична 47.
 Никогда. — Никто 91.
 Ни который 91.
 Никуда. — Нимало 91.
 Нимфа. — Нимфодора.
 Ни одинъ. Ни откуда 91.
 Ни. Въ выраженіяхъ: *кто бы ни, какой бы ни, идъ бы ни* многіе ошибочно ставятъ *не* вм. *ни*. Для повѣрки могли бы имъ служить реченія: *кто-нибудь, идъ-нибудь* и т. п.
 Ни за что. — Ничто.
 Нитяный 68.
 Нифонтъ.
 Нищій, нищенка; нищенство.
 Ногаи (народъ).
 Ногти 42.
 Ножиъ, р. п. ножица.
 Нодря. По мнѣнію Добровскаго (Слав. Гр., стр. 59), здѣсь *д* вставочное: *нодря* говорится вм. *нозри*. Ср. нѣм. *Nüstern* того же значенія 48.
 Номеръ, номеръ.
- Норманъ (множ. норманны). Прил. норманскій.
 Норовить 23.
 Нотебургъ (шв. Nöteborg).
 Ноябрьскій 53.
 Нынѣ. Нынче. — Нынѣшній 54.
 Нѣ (частица, употребл. только слитно съ мѣстоименіями и нарѣчіями для означенія неопредѣленности).
 Нѣга. — Нѣжный.
 Нѣдро (отъ ядро съ призвучкомъ *н*).
 Нѣкій, нѣкоего.
 Нѣкогда. — Нѣкоторый.
 Нѣманъ (рѣка).
 Нѣмецъ; нѣмецкій.
 Нѣмой.
 Нѣсколько. Употр. и въ дат. падежѣ съ предлогомъ *по*: *по нѣскольку* — (числит. мѣстоименіе). Ср. *помаленьку, понемногу*.
 Нѣтъ.
 Нѣчто. — Нѣщечко.
 Няньчиться (отъ нянька: *к* въ *ч*).
- О.
- Обгорать 24. — Обгорѣть, обгорѣлый.
 Обезпокоивать 22.
 Обезьяна 53.
 Оберъ-гофмаршалъ 90.
 Обжаловать, обжалуютъ 37.
 Обжалывать, обжалываютъ 37.
 Обжогъ.
 Обжора.
 Обидѣть, обижу, обидать.
 Обитать (глаг. средн.): *Обитать идъ*.
 Обитель.
 Облегчать 42.
 Облокотиться. Облокачиваться.
 Обмакнуть. См. макать.
 Обнародовать, обнародуютъ 37.
 Обнародывать, обнародываютъ 37.
 Обозрѣвать. — Обозрѣніе.
 Обойти, обойдутъ, обошелъ 69.
 Обрабатывать 22.
 Образовать, образуютъ.
 Образовывать, образываютъ 37.
 Образчикъ 32. 48.
 Обрастать. Обрасти.
 Обрусеніе (отъ *обрусить*).
 Обрусѣніе (отъ *обрусить*).
 Обрѣтать; — обрѣсти, обрѣтуть.
 Обсчитать. Обсечь, обсчитуть.
 Обтъ. Обтовый (отъ предл. *объ*; оттуда и прил. *общій*). — Общество.
 Обувь. — Обуть, обуютъ.
 Обухъ.
 Обучать; обучить, обучать.

- Обуять, обуяютъ.
 Обшлагъ (нѣм. Aufschlag).
 Объемлю, объемлешь, объемлютъ.
 Обвѣздъ. Обвѣздчикъ 48.
 Обыграть.
 Обыденный. (Знач. однодневный).
 Ошибочно употребляется въ смыслѣ:
 обходный, всеневный.
 Обыскъ.
 Обьярь, обьяринный (тур. abdâr =
 волнистый).
 Обвѣдъ.— Обвѣдня; дат. п. къ обвѣднѣ.
 Обвѣтъ; обвѣщаніе.
 (Овдокимъ). См. Евдокимъ.
 Овдогья (отъ Евдокія, по общему фо-
 нетич. закону р. языка, какъ напр.
 Овдокимъ, озеро, олень, осень вм.
 Евдокимъ, озеро, елень, осень).
 Овоцной.
 Оврагъ. (гот. angrabi, греч. βροχή).
 Огнедышущій 31.
 Одежда (народн. одежда).
 Одинакій.— Одинаковый.
 Одиннадцатъ.
 Одинокій.— Одиночка (въ оди-
 ночку).
 Однако; однакоже, однакожь 89.
 Одышка.
 Одѣвать; одѣтъ, одѣнуть. Смѣши-
 вается съ *надѣвать*: одѣваютъ кого,
 надѣваютъ что.
 Ожерелье (отъ жерло = горло).
 Ожогъ.
 Озабочивать 22.
 Оземь 87.
 Озорникъ.— Озорничать.
 Оказія.
 Окаленный.
 Околотокъ.— Околоточный.
 Оконченъ (прич. гл. *окончить*) 28.
 Окраина.
 Окрестный.— Окрестность 45.
 Окрестъ (ср. польск. kres=край, пре-
 дѣлъ).
 Октябрьскій 53.
 Оладья (стар. олей вм. елей).
 Олена. (Простонар. вм. Елена).
 Оленька (уменьшит. отъ Олама) 32.
 (Олтарь). См. Алтарь.
 Оловянный 68.
 Оляноватый.
 Омерзѣніе.
 Они, для муж. и сред. рода. Онѣ для
 женскаго.
 Онисимъ.
 Ономедни. См. Намедни.
 Онуфрій.
 Онуца (по Микл. отъ утъ: Lautlehre,
 125).
 Онѣга.
 Опашень.
 Опереться, обопрусь, обопрутся.
 Оплеуха.
 Опознаться (оріентироваться).
 Оппозиція.
 Опричь (отъ *прочъ* съ измѣнен. о
 на и).
 Опрометью.— Опрометчивый.
 Опрѣсноки.
 Опрѣшить.
 Орфей ('Ορφεύς) 75.
 Ореографія.
 Орѣхъ.
 Освободать (др. свобадати).
 Освѣдомиться.
 Освѣтить; освѣщать.
 Освятить; освящать.
 Осишь. (Народн. вм. *Иосифъ*).
 Осиротѣлый.
 Осіявать; осіять 37.
 Ослабить.— Ослаблять (гл. дѣйств.).
 Ослабѣвать, ослабѣть (гл. средн.).
 Осмерка }
 Осмеричный } Здесь в послѣ с падеже,
 Осмина } такъ какъ это согласная
 Осмь } отъ тонкаго за нею звука
 и безъ того умягчается 54.
 Осмѣивать; осмѣять, осмѣютъ 36.
 Оспаривать }
 Остаивать } 22.
 Остафій (народн. вм. *Евстафій*. См.
Овдотья).
 Остзейскій.
 Остовъ.
 Острее и Остріе.
 Остромиръ.
 Осьмой и Восьмой.
 Осьмуха и Восьмуха.
 Осьдлый.
 Отвезть, отвезуть.
 Отверстіе.— Отверстый 43.
 Отворять (вм. *оттворять*) 65.
 Отвсюду; отовсюду.
 Отвѣтить; отвѣчать.
 Отгорать.
 Отереть. Неправильное дѣепр. *оте-
 ревъ* употребит. вмѣсто правильнаго
отѣрши.
 Откодѣ. Откуда.
 Отмокать; отмокнуть,
 Отнекиваться.
 Отнюдь.
 Отойти, отойдутъ.
 Отрасль.
 Отрасти.— Отрастать.— Отрастить.
 — Отращать.
 Отречься.— Отреченіе.
 Отселѣ.— Отсюда.
 Оттаивать; оттаять, оттаютъ 36.
 Оттого, отъ того 87.
 Оттолѣ.

Оттоманская Порта.
 Оттуда.
 Отучить.
 Отцовскій.
 Отчаиваться; отчаяться, отчаются
 36. 37. Отчаянный.
 Отчасти.
 Отчего, отъ чего 87.
 Отчество.
 Отчетливый.
 Отыграть. Отыскать, отыщуть.
 Офицеръ. — Официальный 79.
 Офросинья. См. Евфросинья.
 Охмельть.
 Охрипнуть.
 Охтянка (крестьянка изъ Охты).
 Оцѣненіе. — Оцѣненіи. — Оцѣ-
 пеніи 63.
 Очень.
 Очнуться (вм. *очунуться* или, собств.,
очунуться, какъ *глонуть* изъ *глот-*
нуть).
 Очутиться, очутятся. Корень *чу*,
 какъ и въ словѣ *чувство*. Ср. Ощу-
 тить.
 Ошеломить.
 Ощутить, — щать. Др.-слав. *щ* вм. рус-
 скаго *ч*: ср. *ощутиться*.

II.

Павиліонъ, павильонъ 77.
 Падуя 79.
 Падчерица (па-дчер...).
 Палата. — Палаць.
 Палашъ (нѣм. Pallasch).
 Палисадникъ (фр. palissade, отъ лат.
palus, свая).
 Палтусъ (лат. platessa).
 Памфилъ.
 Панегирикъ.
 Панель (др.-фр. panel, нынѣ panneau).
 Панибратъ (польск. pan brat).
 Паникадило.
 Панихида (греч. πανυχίς = всенощ-
 ная) 79.
 Пансіонъ (воспитательное заведеніе).
 Панталыкъ (происхождение неизвѣст-
 но): сбиться съ панталыку.
 Пантелеймонъ.
 Паленька 32.
 Папилютка, папильотка 77.
 Папоротникъ.
 Параллель.
 Парасковья (собств. Параскева).
 Паремія (гр. παροιμία, отъ παρῶ=при
 и οἶμα = ходъ).
 Паромъ (гр. παρομα, др.-слав. прамъ,
 чеш. prah).

Пароходъ 23.
 Партеръ 81.
 Партийный. Недавно появившееся въ
 печати слово, но образованное не со-
 гласно съ русской фонетикой. Изъ
 словъ: *линейный*, *армейскій*, *библей-*
скій и пр. (отъ линія, армія, біблія)
 видно, что слѣдовало бы по крайней
 мѣрѣ дать новому слову форму: *пар-*
тейный. О двугласномъ *ій* 6.
 Партнеръ 73.
 Парусъ (греч. φῶρος, полотнище ка-
 кой-либо матеріи).
 Пареній (народъ. *Парень*).
 Пассажиръ (фр. passenger),
 Пастбище.
 Пасть, падутъ. Прич. стр. *павиій*
 употребительнѣе чѣмъ *падшій*, имѣ-
 ющее особый отгѣнокъ значенія.
 Пастыръ.
 Пасѣка. — Пасѣчникъ.
 Патапій (народъ. *Потанъ*).
 Патока.
 Патриархъ 55.
 Пахать, папешъ, папуть 30.
 Пафнугій.
 Пахота, пахотный.
 Пашенька (уменьш. отъ *Паши*) 32.
 Пашпортъ.
 Паюсный (отъ фин. painaa — давить,
 жать; или pajotaa — колотить).
 Паять, паяютъ.
 Паяць (нѣм. Rajazzo съ ит. pagliaccio).
 Пеклеванный (по Далю, отъ гл. *пе-*
клевать, молотъ чисто, мелко и про-
 сѣвать).
 Пелагея 60.
 Пелена.
 Пелеринка.
 Пемза (нѣм. Bimstein).
 Пензенскій 34.
 Пенсіонъ. — Пенсія.
 Пенязъ.
 Пенять (пеня, роена).
 Первоклассный.
 Первый 54.
 Пергаментъ, или, вѣрнѣе, *пергаменъ*
 (греч. περιμηνή, лат. pergamenta, т. е.
 charta, отъ города Пергама).
 Перебѣжчикъ 48.
 Переводчикъ. Перевозчикъ 48.
 Передѣвать (въ просторѣчій вм. *пе-*
редѣвать).
 Пережевывать.
 Перейти, перейду 69.
 Перелистывать, перелистать.
 Переметчикъ.
 Перенять, переймутъ.
 Переодѣть, переодѣнуть.
 Перенелъ.

- Переписчикъ 48.
 Перерастать. — Перерасти 24.
 Перерождать 24.
 Пересказчикъ 48.
 Переть, пруть 64.
 Перечень, род. пад. перечня.
 Перечить, перечишь, перечать.
 Перила (мн. ч., род. п. периль).
 Перламутръ, сокр. перламуть (нѣм. *Perlenmutter* = жемчужная матка).
 Персть 54.
 Перчатка. — Перчаточникъ.
 Пескаръ (мелкая рыбка, нѣм. *Grundling*).
 Песокъ (древ. пѣсокъ).
 Песчаный 47.
 Песчанникъ. — Песчинка.
 Пестрядь.
 Петербургскій. — Петербуржецъ.
 Печенѣги. — Печенѣжскій.
 Печерскій. — Печора. — Пещера.
 Писать, пишешь, пишутъ 29.
 Писчий. Писчая бумага 47.
 Письмо. — Письменный 53.
 Пиеагоръ.
 Пизистъ 78.
 Пиввица (ср. забяка).
 Платить, платишь, платять (произи. плѣтять) 23. Плательщикъ.
 Платье (предлож. пад. о *платье*; род. м. *платьевъ*). Платице 33.
 Платяной.
 Плашмя (ср. *пластать*).
 Плащаница 27.
 Плева (др. плѣва).
 Плетевъ. — Плеть. — Плетка.
 Плечо. — Съ плеча.
 Плотъ. — Плотва.
 Плотить, плотять 23. — Плотина.
 Плотской.
 Плохонькій 33.
 Плутишка 24.
 Пльнъ (полонъ).
 Пльсень. — Пльснѣть; пльсневѣть.
 Пльшь.
 Поборать. — Побороть, поборють.
 Побѣдять, побѣжду, побѣдять.
 Повзводно.
 Повелѣвать. — Повелѣнїе 63.
 Повидимому 87.
 Повѣсть. — Повѣстка.
 Поганый (ср. чеш. *hapa* = хула).
 Поглотить, поглотять; поглощать 24.
 Погончикъ (польск. *rogon* изъ *ogon*, хвостъ).
 Погонщикъ.
 Погорать. — Погорѣть.
 Погрести (неправ. погребсти). См. Грести.
 Подвигъ (по-двигъ). — Подвижной (по-движной).
 Подвозчикъ 48.
 Подвѣчный.
 Подгнѣта. См. Гнѣтитъ.
 Подданный.
 Поддевка (ср. одежда).
 Поддьяконъ.
 Поденщикъ.
 Подешевѣть.
 Поджогъ.
 Подземелье.
 Подколачивать.
 Подлинный. — Подлѣ (по-длѣ) 59.
 Ср. древнїя формы: *подлѣгъ, подолѣ, подльи* даже *подоль* (Вост. и Миклош.). Отсюда *по-длинный*.
 Подмастерье.
 Подозрѣвать. — Подозрѣнїе 63.
 Подойти, подойдуть 69.
 Подписчикъ 48.
 (Подчивать). См. Потчевать.
 Подчасъ. — Подъемъ. — Подъ рядъ.
 Подымать. — Поднять, поднимуть, подымуть 51.
 Подьячїй 53. 65. 77.
 Пожалуйста (*ста* — суффиксъ, остающїйся еще сомнительнымъ).
 Позади 87.
 Позволить (вм. произволить).
 Позвонокъ.
 Позднїй. — Поздно. — Позже 45.
 Поздороваться. — Поздоровится (употребл. только отрицательно).
 Позлащать. — Позолотить, позолотять.
 Позументъ. — Позументчикъ.
 Понстинѣ.
 (Покаль). См. Бокаль.
 Покамѣсть 50.
 Поклониться, поклонятся; — поклоняться 24.
 Поклясться, поклянутся. См. клясть.
 Покоить, покоишь, покоять. Прич. Покоящїй 31.
 Поколѣнїе. — Поколѣнно.
 Покорять.
 Покуда 88.
 Полагать. Положить, положить 24. 29.
 Полати.
 Полгода. — Полдень. См. Поль.
 Ползти, ползуть.
 Полицеймейстеръ (правильнѣе нежели «попциѣймейстеръ» или «полицейстеръ».)
 Положенный. — Положовый 67.
 Полозь; мн. ч. полозя.
 Поломя (правильнѣе чѣмъ «полымя»).

- Полоумный.** Первая часть этого слова заимствована от прилаг. *полый* — пустой, открытый. Отсюда же прилаг. *полоурудый*. От прилаг. *полый* происходят сущ.: *полость* (грудная полость, т. е. пустота), *полынья*, также *половодье* (открытая, сплошная вода).
- Полоцкъ** 47.
Полливо.
Полеть.
Полтора (полтора).
Полтораста.
Полтретья.
Полушка.
Поль (въ значеніи половины). **Польлиста**; **поль-имѣнія**; **поль-оборота**. Но *полюда*, *полупути*, *полчаса* и вѣкот. др. имена принято писать слитно 88.
Польно, мн. **полѣнья**.
Помада (фр. pomade).
Помнить (по-мнить).
По-моѣму. (Но *по моему мнѣнію*).
Помощникъ.
Помѣстье. — **Помѣщикъ** 48.
Помѣха.
Поневоль.
Понедѣльникъ (отъ недѣля = воскресенье).
Понамарь. См. въ словарѣ Дюканжа *παρδωνάριος*, подкрѣпленное многими примѣрами.
Понемногу 87.
Понутру 87.
Повныѣ 88.
Поодадь 87.
Поодиночкѣ.
Поочередно.
Попарно.
Поперекъ (отъ корня *прек*, и потому прежняя орѳографія *попереть* должна быть оставлена) 42.
Поперемѣнно 88.
Поперечникъ.
Поплавокъ.
Пополамъ.
Попржнему 87.
Попусту. — **Попустому.**
Порождать.
Порогъ.
Порожній. По Павскому вм. *порозній*, или *пороздый*, т. е. *праздній*.
Порознь.
Порокъ. — **Порочный.**
Пораста; **порастать.** — **Поросль.**
Портфель, род. портфели (жен. р.).
По-русски.
Поручикъ 48.
Порфирій.
- Посаженый.**
По-свойски.
Посвятить; **посвящать.**
Посвѣтить.
Посему.
Посидѣлка 63.
Поскольку.
Послѣ (по-слѣ отъ *слѣдъ*).
Послѣдній. — **Послѣдствіе.**
Послѣзавтра 88.
Постенно.
Поспѣшный.
Посреди. — **Посредствомъ.**
Постель, — **ля** 60. **Постила** (отъ *ст. лат.*).
Постлать, постелють («постелить» форма совершенно ошибочная).
Постничать. — **Постный** 45.
Пострѣль.
Посѣвать.
Посѣтить; **посѣщать.**
Потапъ. См. **Патаній.**
Потатчикъ 48.
Потолокъ (ср. хорут. tlak = полъ).
Потому, потомъ 87.
Потому что; потому, что 87. 107.
Потчевать, потчую 45.
Потѣха.
Похлебка (отъ *хлебать*).
Похлѣбство (угожденіе за хлѣбъ-соль).
Похмелье. См. **Хмель.**
Похороны, род. п. **похоронъ.**
Похѣрить (отъ формы буквы *χ*, *хръ*, гр. *χίρ* = радуйся, или *χίρ* = рука).
Поцѣлуй. См. **цѣловать.**
Почасту. — **Почему.**
Почеть.
Почталіонъ, почтальонъ 77.
Почти (собственно повелит. наклон. гл. *почтитъ*; ср. народн. *почитай*).
Почтамтъ. — **Почтдиректоръ.**
Пошевни, род. п. **пошевень.**
Пощечина.
Поэтому 87.
Правовѣдѣніе.
Праздникъ. — **Праздничный** 45.
Прасковья. См. **Парасковья.**
Прасоль.
Прачечная 47.
Пращуръ.
Превозмогать.
Предвидѣніе.
Предвѣдѣніе.
Предвѣстіе. — **Предвѣщать.**
Предметъ (польск. przedmiot).
Предмѣстье (польск. miasto = городъ).
Предпринять, предпримуть.
Предпріимчивый. **Предпріятіе.**

Предрекать. — Предречь.
 Председатель.
 Предубѣжденіе.
 Предувѣдомленіе.
 Предыдущій 51.
 Предызвѣщеніе 51.
 Предъявлять.
 Преемникъ. — Преемство (ср. *перемлѣть*).
 Прежде чѣмъ. Употребленіе этого союза съ неопр. наклоненіемъ, не записаннымъ отъ другого слова, есть галлицизмъ; нельзя напр. сказать: «Прежде чѣмъ *сжечь*, покажи». Пушкинъ однажды пишетъ: «Прежде чѣмъ *созжеши* это письмо, покажи его Карамзину».
 Прежній.
 Презрѣть; презрѣнь.
 Прекословить 42.
 Преніе (отъ гл. *переть*) 58. 63.
 Преодолѣвать. Преодолѣть.
 Преподнести (какъ преподать, *препроводить*).
 Преполовленіе (отъ поль = $\frac{1}{2}$). Середа 4-й недѣли послѣ пасхи.
 Пререканіе.
 Пресса. — Прессъ 80.
 Преставиться (= умереть).
 Претензія.
 Претерпѣвать. Претерпѣть.
 Претерпѣнный 63.
 Претить.
 Преуспѣваніе.
 Прибаутка (отъ *баять*).
 Приблизить, приближу, приблизять.
 Привидѣніе.
 Привилегія 81.
 Привислинскій 34.
 Приволакивать 22.
 Привораживать.
 Приворачивать.
 Привѣтъ. — Привѣтствіе.
 Привязчивый 47.
 Пригвоздить; пригвозждать.
 Пригорать 24. — Пригорѣть.
 Пригоршня.
 Приданое 67.
 Придѣлъ (не смѣш. съ *предѣл*).
 Призрѣть; призрѣнь 63.
 Приказать, прикажешь, прикажутъ 31.
 Приказчикъ 48.
 Приколачивать; приколотить.
 Прикосновеніе.
 Прилагать; приложить 24.
 Прилежній. — Прилежаніе.
 Примораживать.
 Примѣта.

Примѣсь.
 Приноравливать (отъ *норовъ*) 23.
 Припасть, припадаютъ.
 Припряжь.
 Прирасти. — Прирастать. — Прирастить. — Приращать 24.
 Присутствовать. — Присутствіе.
 Присѣсть. — Присѣсть.
 Притомъ; — при томъ 88.
 Притча (отъ гл. *приткнуть* — приладить, примѣнять).
 Прицѣль.
 Прическа.
 При чемъ — не должно писаться слитно, потому что здѣсь предлогъ *при* сохраняетъ свое самостоятельное значеніе, точно такъ же какъ въ выраженіяхъ: *при томъ*, *при этомъ* 87.
 При этомъ (не должно писаться слитно) 87.
 Приемъ. — Приемышъ 55.
 Прийти, притти, придуть 69.
 Приобрѣтать; приобрѣсть, приобрѣтуть. Приобрѣтшій (хотя неправильно, но почти вытѣсняло форму: «приобрѣтшій»)
 Приѣзжій.
 Приѣхать, приѣдешь, приѣдутъ 31.
 Проблема (гр. *πρόβλημα*, отъ *πρόβλημι* = предлагать) 73. 81.
 Провіантъ 77.
 Прогнѣваться. — Прогнѣвить.
 Прогорать 24.
 Программа 80.
 Прогрессъ 80.
 Проектъ (ново-лат. *projectum*; итакъ не «прозкъ») 72.
 Прожора.
 Произрастать. — Произрасти; произрастить 24.
 Происходить. — Происшествіе.
 Пройти, пройдутъ 69.
 Прокопій (народ. Прокофій). (Пролубь). См. Прорубь.
 Промежутокъ.
 Промокать.
 Промысль. — Промыслить. Промышлять.
 Промысль (Провидѣніе).
 Промышленникъ. — Промышленность 67.
 Проповѣдать. — Проповѣдывать 37. 38.
 Проповѣдь, ж. р. (род. мн. *проповѣдей*).
 Прорастать. — Прорасти.
 Прорубь.
 Прорѣха. (Здѣсь виденъ корень гл. *рѣшати*).
 Просвира (собств. *просфора*).

- Просвѣтить; просвѣщать.
 Просіявать.
 Проскочить.
 Проскомидія (гр. изъ *πρός* = впередъ, и *κομίσειν* = приносить).
 Простереть, проструть.
 Просто-напросто 89.
 Просторѣіе.
 Простой, р. п. простого 22.
 Простора 71 (простон. *проскура*).
 Просьба 53.
 Просѣдъ, ж. р.
 Противень, противня (м. р.).
 Противорѣчіе.
 Протоіерей.
 Протоколъ 81.
 Профессія; профессоръ, профессора 80.
 Прохлажаться, прохладяться.
 Прохлаживать.
 Процессъ.
 Прочій. — Прочь 50.
 Прощелыга.
 Пруссакъ (о народѣ).
 Прусакъ (о наскомомѣ).
 Пръсенскій 34.
 Пръсный (некислый: др.-сл. *прѣсьнъ*, словни. *prēsen*, сырой; серб. *пријесан*, свѣжій; польск. *przysny*, др.-верх.-нѣм. *frisc*, свѣжій).
 Прѣть, прѣлый.
 Пряденый 67.
 Пряничный 47.
 Псалтырь, р. п. псалтыря (м. р.) 52.
 Пустомеля.
 Пустопорожній.
 Пшено. — Пшонный.
 Пьедесталь 52.
 Пьеса 52. 79. Всего ошибочнѣе начертаніе «пъса» (= песа).
 Пьяный 52.
 Пѣвецъ. Пѣвчій. Пѣніе 63.
 Пѣгій. — Пѣна.
 Пѣсельникъ (поющій въ хорѣ). — Пѣсенникъ (сборникъ пѣсенъ).
 Пѣсня (пѣсно, пѣсенъ), пѣсны (вин. п. пѣснь, род. м. пѣсней) 53.
 Пѣготовать. — Пѣстунъ.
 Пѣть, поють. — Пѣтухъ.
 Пѣхота. — Пѣшій.
 Пятиугольный 55.
 Пятнадцать. — Пятьдесятъ 50. 53.
 Пятьсотъ, пятисотъ, пятистамъ.
- Р.**
- Равнина. — Равный. — Равнять.
 (Ражать). См. Рождать.
 Развѣ 59.
 Развѣистый.
- Развѣсить. Развѣшенъ 28.
 Разгораться 24.
 Раздать (хотя роздалъ) 27.
 Раздобарывать (евр. *dabar*, рѣчь).
 Разженный 66.
 Разиня. — Разинуть (вм. разинуть) 65.
 Размозжить.
 Размокать; размокнуть.
 Размѣнять; прич. размѣнянь.
 Разносчикъ 48.
 Разнять, разному (хотя прош. разняль) 27.
 Разойтись, разойдутся, разошелся 69.
 Разорять (др.-слав. *орити* — разрушать).
 Разрабатывать.
 Разровнять.
 Разрѣдить, разрѣжать.
 Разсада.
 Рассказъ 27. 44. — Рассказчикъ 47.
 Разсѣпъ (исл. *skerja*, раздѣлять; то же корня *щепать*, *щепка*).
 Разсмотрѣнный 63.
 Разсолъ.
 Разсорить. Разсорить 66.
 Разспрашивать 44.
 Разспросы 44.
 Разстаться, разстанутся.
 Разстегай.
 Разстегивать; разстегнуть.
 Разстрига.
 Разстрѣлянь (прич. гл. *разстрѣлянь*) 28.
 Разсчитывать 44.
 Разсѣвать. — Разсѣивать 37.
 Разсѣлина.
 Разыскать; разыскивать 27.
 Разысканіе (хотя розыскъ) 27.
 Раззвать (вм. раззывать) 65.
 Ранній; ср. ст. раньше 54.
 Раненый 67.
 Ранымъ-рано.
 Раскаиваться; раскаяться 36.
 (Раскѣпъ). См. Раскѣпъ.
 Расколачивать.
 Расписка (хотя роспись) 27.
 Расписаться. — Расписываться 27.
 (Распрашивать). См. Распрашивать 44.
 Растеніе 24.
 Растя, растутъ; росъ, росла, росло. 24.
 Растлить; растлевать. — Растленіе (дѣйствиіе) 64.
 Растлѣть. Растлѣніе (состояніе) 64.
 Расхорохориться.
 Расцѣловать. См. Цѣловать.
 Расчестъ; расчутуть. — Расчетъ 43.
 Расшевеличь, расшевеличь 43.

Рашкуль (нѣм. Reisskohle).
 Ращеніе (отъ гл. *растить*).
 Ребенокъ 40.
 (Редактировать). Правильнѣе *редажировать*.
 Реестръ (срд. лат. *registrum, regestrum* или *regestorium* отъ *regestum*—занесенное, записанное; гл. *regerere*—вносить) 72.
 Рекомендація.—Рекомендовать.
 Реку, рекъ, рещи. См. *рѣчь*.
 Рельсы (англ. *rail*, мн. ч. *rails*), желѣзные брусья, полосы).
 Ремесло; ремесленникъ.
 Репортеръ (не «репортёръ»). (Ресница). См. *Рѣсница*.
 Рессора.
 Ретивый (отъ сущ. *реть*).
 Риторика (иначе риторика: ср. *Хрестоматія*).
 Реченіе.
 Ржаной. Народн. *оржаной*.
 Ритмъ (гр. *ῥυθμός*).—Риторъ.
 Риема (гр. *ῥυθμός*).
 (Ребенокъ). См. *Ребенокъ*.
 Ровесникъ (црк.-слав. *равьсьникъ*) 46.
 Ровный.—Ровнять.
 Рогожа.
 Родіонъ (собств. *Иродіонъ*).
 Рожать (др. *раждати*) 24.
 Рождество.—Рождественскій.
 Роженъ, род. п. *рожна*.
 Рожокъ.
 Роз. Это фонетическое начертаніе предлога *раз* (при удареніи надъ нимъ) встрѣчается только въ немногихъ случаяхъ и не должно быть распространяемо на другія слова того же происхожденія безъ акцента на предлогъ. Ср. *розыскъ* и *разыскивать*, *разысканіе* 27.
 Розвальни. Но *развалины*.
 Розга.
 Розговѣнье. Но *разговѣваться* 27.
 Рознь.
 Розказни 44. Но *разсказъ*.
 Розсыпь. Но *разсыпать* 27.
 Розыгрышъ 51. Но *разыграть* 27. (Розысканіе). См. *Разысканіе*.
 Розыскъ 27.
 Роптать, ропщутъ 29.
 Роскошь. (Для второй части слова ср. польск. *koshać* = любить).
 (Росада). См. *Раасада*.
 (Росоль). См. *Раасоль*.
 (Росписка). См. *Расписка*.
 Роспись.
 Россомаха 66.
 Россіянинъ 77.
 Ростокъ.

Ростъ.—Ротозѣй.
 (Рощеніе). См. *Ращеніе*.
 Ртачиться (отъ сущ. *реть*). Народн. *ортачиться*).
 Русскій 65.
 Руфинъ. Руфъ (лат. *Rufinus, Rufus*).
 Рухлядь.
 Рученька 32.
 Руѣъ (евр. *Ruth*).
 Рыть, роешъ, роютъ 30.
 Рѣдкій.—Рѣдина.
 Рѣдка (собств. *редька*) 57.
 Рѣдѣть.
 Рѣзать. Рѣзкій; ср. ст. *рѣзче*.
 Рѣзвый.
 Рѣзкій; рѣзче.—Рѣзчикъ 47.
 Рѣка.—Рѣчной.
 Рѣпа.
 Рѣсница (польск. *gzaza, gzeza*, чеш. *řasa*. Ср. серб. *reca* и русск. *ряса*—украшеніе, бахрама).
 Рѣчь. Въ двойномъ правописаніи словъ: *реку, наречъ, наречень, наречаніе*, и *рѣчь* мы видимъ единственный слѣдъ различія, которое въ древнемъ языкѣ встрѣчалось нерѣдко: многіе глаголы, при переходѣ въ многократный видъ, измѣняли е на ѣ, напр. *летѣти* и *лѣтати* 59.
 Рѣшати, рѣшати 57.
 Рѣшетка. Рѣшето 57.
 Рѣять, рѣютъ.
 Ряхнуться.

С.

Савва.
 Саврасый.
 Саддукей 60.
 Сажалка.
 Сажень; род. мн. *саженъ*.
 Саламата.
 Самоѣ. Винит. пад. жен. р. мѣстоименія *сама*: правильность окончанія *оѣ* доказывается формою *еѣ* въ вин. падежѣ мѣстоим. *она*. Напротивъ, форма «саму», встрѣчаемая въ печати, чужда живому языку.
 Сампсонъ.
 Самъ-другъ, самъ-третей (т. е. третій), самъ-четвѣртъ, самъ-пять, самъ-шость, самъ-сѣдмой (-сѣмъ), самъ-восьмой, самъ-девять, самъ-десять (не «десять») 50.
 Сарафанъ.
 Сарра.
 Сбруя (поль. *zbroj*).
 Свадьба.—Свадебка.—Свадебный 45.
 Сведеніе (отъ гл. *свести*).
 Сверстникъ 54.

- Сверху, сверхъ 86.
 Сверхъестественный.
 Сверчокъ.
 Свиристель 60.
 Свирѣль 60.
 Свирѣпый.
 Свояченица 35.
 Свысока 87. Свыше 88.
 Свѣдущій (отъ вѣмъ, вѣсть) 31.
 Свѣдѣніе (отъ ѡс. глагола *свѣдѣти*, какъ *мнѣніе* отъ *мнѣти*) 64.
 Свѣжій.—Свѣжить.
 Свѣтскій 47.
 Свѣча.
 Сгоряча.
 Сдобный.—Сдобрить (сдабривать).
 Сдуру 87.
 Сдѣлать. Сдѣланный.
 Сегодня.—Сегодняшній (отъ нарѣчія *сегодня*, какъ *вчерашній* отъ *вчера*, *завтрашній* отъ *завтра*).
 Седмица 54.
 Седьмой (самъ-седьмой; см. Самъ).
 Сейчасъ.
 Селить, селять.—Село.
 Сельдь, ж. р. Род. мн. сельдей.
 Семнадцать.—Семьдесятъ.
 Семья. Семейный. Семейство.
 Сентиментальный.
 Сентябрьскій.
 Серафимъ.
 Сергій (народн. *Сергій*) 54. 60.
 Сердце.—Сердцевѣдецъ 63.
 Серебряный 68.
 Серіозный.—серьезный 78.
 Сермяга (у поляковъ *sermaga*).
 Сертукъ (проще чѣмъ *сюртукъ*).
 Серьга; мн. ч. серьги, серегъ, серьгамъ (др.-сл. *оусеразъ*, *оусерагъ*, съ гот. *aubsahriggs*).
 Сессія 80.
 Сестринъ.
 Сжечь, сожгутъ.—Сожженъ 65.
 Сзади 87.
 Сиверко.
 Сивка 25.
 Сидѣлецъ 63.
 Сидоръ (сокращ. изъ Исидоръ).
 Символь 75.
 Симметрия. Синклитъ. Система.—Синодъ 75.
 Синтаксическій (а не «ситаксическій».)
 Сирота. Мн. ч. сирѣты.
 Сирѣчь.
 Сказать, скажешь, скажутъ 29.
 Складчина 48.
 Слянка 46.
 Сковорода.
 Скользкій.—Скромный.
- Скрипка,—скрипѣть 51.
 Случно.
 Сладкій. Ср. ст. *слаче* (вм. *сладче*).
 Сланецъ (вм. *стланецъ*) 46.
 Слатъ, шлю, шлють.
 Слега.—Слегка 87.
 Слесарь (нѣм. *Schlosser*, польск. *slowarz*).
 Слишкомъ 86.
 Словесный.—Словесность.
 Слой (сомнит. происхожденія).
 Слышать, слышишь, слышать, слышанъ (прич.) 28.
 Слышенъ, слышна, слышно (прил.) 28.
 Слѣва 87.
 Слѣдъ. Слѣдовать 37. Слѣдствіе 54.
 Слѣзть, слѣзешь, слѣзуть.
 Слѣпой.
 Слѣпить, слѣпишь, слѣпнать (отъ *лпнѣти*, съ предл. *съ*). Оттуда Слѣпоеъ.
 Слѣпить, слѣпишь, слѣпнать (отъ *слпной*). Слѣпнуть.
 Слюна.
 Смежный (отъ *межа*).
 Сметать (ср. *намекъ*).
 Сметана (отъ *сметати*, Микл.).
 Сметать (отъ *мести*).
 Смолоду 87.
 Смородина (отъ *смородъ* = *смрадъ*, по сильному запаху ягоды).
 Смотрѣть, смотря (народ. *смотреть*).
 Смычокъ.
 Смышленный 67.
 Смѣлый 63.
 Смѣна.—Смѣнять.
 Смѣсь.—Смѣшивать.
 Смѣта (одного корня съ словами: *примѣта*, *замѣтка*, *отмѣтка*).
 Смѣтливый (одного происхожденія съ *примѣтливъ*).
 Смѣхъ.—Смѣшенъ (т. е. «смѣшонъ»), крат. прилаг. 28.
 Смѣшанъ (прич. гл. *смѣшати*) 28.
 Смятеніе (отъ *мясти*, *мятуть*). (Смятка). См. *Вомятку*.
 Снабдѣвать (старин.). Первонач. форма *сънабдѣти*, *сънабдѣвати* (отъ корня *бѣдъ*) зн. *пріобрѣтати*, наблюдать, хранить. Нынѣ *снабдитъ*, *снабжать* гл. переход. съ другимъ значеніемъ.
 Снаружи 87. 89. Сначала 86.
 Снигирь.
 Снизу 86.
 Снитокъ (черезъ перестановку звуковъ, отъ нѣм. *Stint*, польск. *stynka*). Подтвержденіемъ служитъ старинная форма: *снитейный*.

- Снова 87.
 Сноровка.
 Снѣгъ. Снѣжный.
 Снѣдать.—Снѣдъ (гдѣ и призывкъ).
 (Святюкъ). См. Снитюкъ.
 Соболѣзованіе 63.
 Собрать; мн. ч. собратья.
 Сообща, сообща.
 Совершенный. Совершенный 40.
 Совѣмь.—Со всѣмъ тѣмъ.
 Совѣсть.—Совѣстливый; совѣст-
 ный.
 Совѣтовать, совѣтують 38.
 Сожалѣніе.
 Создать, создавать; создамъ, соз-
 дадутъ.
 Создать (созидать). Созижду, со-
 зиждутъ. Формы: «созиждить, со-
 зижденный» ошибочны.
 Созонть (въ народѣ Созонъ).
 Соименный.—Соименникъ.
 Солдатчина 48.
 Соломенный 68.
 Соломинка (отъ соломина, какъ го-
 рошинка, крупинка, песчинка) 33.
 Соломонъ.
 Сомнѣваться.—Сомнѣніе 64.
 Соперникъ (отъ гл. *переть*; ср. народ.
спорникъ).
 Сонка, ц.-сл. съпъ — насыпъ, возвы-
 шеніе.
 Сорокоустъ (изъ *тессарихтосъ*, со-
 роковой,— по народной фонетикѣ).
 Состариться. Состарѣться.
 Соstrить.
 Сосѣдъ; мн. ч. сосѣди,— ей.
 Сотканный.
 Софроній.
 Сочельникъ (первонач. сочевникъ,
 отъ сочево).
 Спасскій.
 Спелѣнать, въ народн. яз. страдат.
 прич. отъ *спеленать*, вм. неупотре-
 бит. *спеленанъ* (такимъ же образомъ
 народъ говорить: *брато* вм. *брано*).
 Сперва 87.— Спереди 87.
 Спесивый.—Спесь (а не «спѣсь, спѣ-
 свый»)
 Сплетни; род. п. сплетень 50.
 Сплошь 50. 87.
 Спозинки (простонар. вм. *госпожин-
 ки*, постъ передъ успеніемъ Богоро-
 дицы).
 Сполагоря 89.
 Сполна 87.
 Споспѣшествовать.
 Споткнуться.
 Справа 87.
 Спроста 87.
 Спяна 87.
 (Спѣсь). См. Спесь.
 Спѣхъ.— Спѣшить.
 Спѣшить; — ся (отъ *пѣшій*).
 Срамъ.
 Сраженіе.
 Срастить; сращать.
 Срѣтенъе. Ср. *Встрѣтитъ*.
 Сряду.
 Ссора.— Ссуда.
 Стало-быть.
 Стамезка (нѣм. *Stemmeisen*).
 Статсъ-секретарь.
 Статуя.
 Стекло (по мнѣнію Я. Гримма, отъ
 гот. *stikls*, стаканъ).
 Стекланный 68.
 Степанъ (народн. вм. Стефанъ).
 (Сткланка). См. Скланка.
 Стлать, стелешь, стелютъ (не «сте-
 лять») 30.
 Стоить, стоншь, стóять. Прич.
 стóящій 31.
 Столбъ (русск.).— Столпъ (древне-сл.
 стлпъ).
 Столикъ, — лика 32.
 Стрекать.
 Стремглавъ.
 Стремя.— Стремянный (стар.).
 Строгий (ц.-сл. срагъ) 46.
 Строить, строишь, строятъ 29. 31.
 Стрѣла.
 Стрѣха (кровля).
 Студентскій и Студенческій.
 Суббота (Остром. *сѣбота*, первонач.
 форма, гдѣ носовымъ звукомъ уже
 замѣнено одно β греч. *σάββατον*) 81.
 Судорога.
 Сужденіе.
 Суженый 67.
 Сузять.— Суженіе 52.
 Сумасбродъ 43.
 Сумасшедшій 52.
 Суматоха.
 Сумерки, род. сумерокъ.
 Сумма 80.
 Сумѣть 52.
 Супостать (др.-сл. *сѣпостать*).
 Супружній.
 Сургучъ (неизвѣстн. происхожденія).
 Суфлёръ (фр. *souffleur*).
 Суффиксъ (отъ лат. *suffigere*, при-
 крѣплять снизу или сзади).
 Сухой, р. п. *сухого* 22.
 Сушенный 67.
 Сфера 75.
 Счастіе 47.
 Счестъ, сочтуть.— Счетъ 47.
 Считать.
 Сшибить, прич. *сшибень* (а не «сшиб-
 лень»). См. Шибить.

Сшить, сошьютъ.
 Съежиться. — Съезжаяя.
 Сыворотка (перестановкой вм. сыровотка; ср. чеш. *syrovátka*, польское *serwatka*).
 Сыграть.
 Сыздѣтства. Сызнова 89.
 Сыпать, сыплешь, сыплють (не «сыпять»);
 Сыроѣжка (отъ *сырома*).
 Сыскной 51.
 Сычь (вм. *совичъ*, совиной породы).
 Сыщикъ 48.
 Сѣверъ.
 Сѣвъ (отъ *сѣять*).
 Сѣдой. Сѣдина.
 Сѣдалище. — Сѣдло.
 Сѣкира.
 Сѣмя. (Въ род. падежѣ мн. ч. *ст-мянь*).
 Сѣно.
 Сѣнь (ц.-сл. = *тнь, стнь*).
 Сѣра (чеш. *šíra*, польск. *siarka*). (Сѣрмага). См. Сермага.
 Сѣрый.
 Сѣсть, сядуть.
 Сѣть (скр. *si*, вязать).
 Сѣтовать, сѣтують.
 Сѣчь, сѣкутъ. — Сѣчка.
 Сѣять, сѣешь, сѣють 29.
 Сюда.

Т.

Табакерка (ит. *tabacchièra*, фр. *tabatière*, но прежде также *tabaquière*).
 Табачный 46.
 Табуретъ (другая форма *табуретка*).
 Тавлеи (ново-гр. *ταβλί*), шашечница.
 Также, таеъ же 89.
 Таланъ (народ.). Счастіе, удача.
 Талантъ (гр. *τάλαντον* = вѣсы, вѣсь).
 Талья (фр. *taille*).
 Танецъ. — Танцовать, танцуютъ 41.
 Тарасій (народн. Тарась).
 Татаринъ. Мн. ч. *Татары*.
 Тачать, тачаютъ. (Даль: «шить строчкою на оба лица».)
 Тащить, тащишь 29.
 Таять, таешь, таютъ.
 Творогъ 24. (Ср. нѣм. *Qvark, qvarg* и средне-нѣм. *tvark*).
 Тезка. — Тезоименитство отъ ц.-сл. *тъзъ* (ср. *тъжде*), соименный.
 Телеграмма (греч. *τῆλε*, далеко, и *γραμμὰ*, письмо).
 Телѣга.
 Тесьма (гр. *ἑσμία, ἑσμίον*).
 Тетива.
 Темлякъ (польск. *temblak*).

Тема; р. п. темені.
 Тенета (серб. *тонота*, сѣть охотничья).
 Тенерь (вм. *топерво*).
 Тереть, трешь, трутъ.
 Теремъ.
 Терпѣливый. — Терпѣніе 63.
 Терраса 60.
 Тимошей.
 Титло. — Титуль.
 Тихонькій 33.
 Тканый. Ткацкій (отъ сущ. *ткачь*).
 Тлѣніе. — Тлѣнь. Тлѣнный 63.
 Тѣма (мракъ и миріада).
 Тмить (здѣсь в послѣ *т* передъ мягкой согласной измѣненъ) 54.
 Тогда, тогдашній.
 Тоже, то же 89.
 Тождество и Тожество.
 Толстенный } 32. 53.
 Тоненькій }
 Тонкій; ср. ст. Тонше. Тончайшій 54.
 Топтать, топчешь, топчуть 29.
 Тормазь (гр. *τόρμος* = ступица у колеса, гвоздь).
 Тороватый 24.
 Тотчасъ.
 Тотъ, тѣмъ; тѣ, тѣхъ и т. д.
 Тошно. — Тошій.
 Трактиръ (нѣм. *Tractierer* отъ фр. *traiteur*).
 Трапеза (греч. [*τραπεζα*, т е. четвероногъ]).
 Трауръ (нѣм. *Trauer*).
 Трепать, треплешь, треплютъ.
 Треугольный.
 Тридцать. — Тринадцать.
 Триста, грехсотъ, тремстамъ 88.
 Трифонъ.
 Трофей (фр. *trophée*, отъ лат. *trophaeum*, съ греч.).
 Трофимъ.
 Труженикъ 67.
 Труппа 80.
 Трясти, прош. *трясъ* (произн. *трѣсъ*).
 Туня (ц.-сл.; русск. *туню*).
 Тщательный. — Тщиться.
 Тщедушный (вм. *тощедушный*).
 Тщеславіе.
 Тысяча.
 Тѣма (въ обонхъ знач.: мракъ и миріада). Тмить 54.
 Тѣло. — Тѣлесный.
 Тѣмъ, тѣ, тѣми. См. Тотъ.
 Тѣнь.
 Тѣснить.
 Тѣсто.
 Тѣшать, тѣшишь, тѣшатъ.
 Тюльери (а не «тюльери»: франц. *tulleterie* отъ *taille*, черепица).

Тюрьма. — Тюремный.
Тяжелый. Ср. ст. тяжелѣ и тяжелѣ
63.
(Тма). См. Тьма.

У.

Убогій. — Убожество.
Увѣнчать. Увѣнчанъ.
Увѣчь.
Угнетать.
Уголь, род. п. *уола*, мн. *уола*.
Уголь, род. п. *уола*. Множ. ч. двойное:
уола и *уоола*, какъ камни и каменья.
Вторая форма имѣетъ болѣе собира-
тельное значеніе; въ этомъ смыслѣ
употребляется и ед. число *уоола*.
Угольный, прил. отъ *уоола*.
Угольный, прил. отъ *уоола*.
Угорать; угорѣть.
Удалой, или Удалый.
Удаться (а никакъ не «удастся»,
какъ многие пишутъ).
Удлиненіе.
Удлинять (отъ корня, а не отъ при-
лаг. съ удвоеннымъ и; ср. *укоро-*
шить, *расширить*, *возвысить* и т. п.).
Уже, ужъ 49. — Ужели.
Узды.
Уйти, уйдуть 69.
Указчикъ.
Украина.
Укротить. — Укрощать.
Укусъ (гр. *δξος*).
Улей, род. п. улья.
Уменьшать 54.
Умереть, умеруть. Прошед. *умеръ*,
умерла.
Умертвить, умерщвлять.
Умолчать, умолчать. Прич. стр.
умолчанъ 28.
Умысль, род. п. умысла.
Уніать.
Унтеръ-офицеръ 90.
Упасть, упадуть. Прич. прош. *упав-*
шій. См. Пасть.
Уплаченъ (произн. «уплоченъ») 23.
Уповать, уповають (отъ пѣвати, по-
лагаться; ср. чеш. и польск. прил.
pewny, твердый, надежный).
Урасти. — Урастать.
Уровень, род. п. уровня.
Уроженецъ; уроженка.
Услышанъ, прич. глаг. *услышать* 28.
Усомниться 64.
Успеніе (отъ усьпнути).
Успокоивать 22.
Устарѣлый.

Устрица (гр. *ὄστρεον*, древ.-нѣм. *âster*,
голл. *oester*).
Устраивать.
(Устцы). См. Уздцы.
Усыться, усядешься, усядутся.
Утренній. — Утрешній.
Участвовать. — Участие.
Ученый 67.
Ушибить, ушибу; прич. стр. *уши-*
бенъ (не «ушибленъ», какъ нынче ча-
сто пишутъ). См. Шибить.
Уважать. — Увѣхать, увѣдешь, увѣдутъ.

Ф.

Фалбора.
Фальшь (ж. р.) род. п. *фальши*.
Фарисей 60.
Февъ 75.
Февраль.
Февронья.
Фейерверкъ (нѣм. *Feuerwerk*).
Фельдфебель.
Фельдцеймейстеръ.
Фельдшеръ. — Фельдшерица.
Фельдъегеръ 51. 90.
Ферейскіе острова (дат. *Færøer*).
(Фершель). См. Фельдшеръ.
Фижмы.
Фидареть.
Филей (фр. *filet*).
Филимонъ.
Филинъ (голл. *uil*, нѣм. *Eule* = сова)
Филиппъ.
Филоея.
Филлоксера (*φυλλοξήρα*).
Финнъ. — Финскій. Ср. **Норманнъ**.
Фитиль (нов.-гр. *φωτίλι*).
Фиалка (нѣм. *Viole*).
Флегонтъ.
Флейтчикъ.
Флигель (нѣм. *Flügel*).
Флоръ (въ народѣ Фроль).
Фока.
Фоліантъ.
Фонарь (ново-гр. *φανάρι*).
Фонтанка.
Форейторъ. — Формуловать.
Фортепиано 77.
Фотій.
Французъ; французенка. — Фран-
цузскій.
Фрейлина (нѣм. *Fräulein*).

Х.

(Хазовый). См. Казовый.
Хавжество.
Харлампій (собств. Харалампій).

Хіонія.
Хлебать.
Хлестать, хлещешь, хлещутъ.
Хлопотать, хлопчешь, хлопочуть 29.
Хлѣбъ, хлѣбъ-соль (ж. р.).
Хмель 57. 60.
Ходатай. — Ходатайствовать.
Хомутъ.
Хорекъ (вм. дхорекъ, отъ дхорь; корень тотъ же, что въ словѣ *духа*).
Хорошенькій 32.
Хотѣть, хочешь, хотять 29.
Хребеть, род. п. хребта.
Хрестоматія, иначе хрестоматія.
Первая форма, какъ согласная съ общепринятымъ въ нынѣшнее время произношеніемъ греческихъ словъ, предпочтительна.
Хрисанъ. — Христофоръ.
Христіанинъ; христіанскій.
Хрѣнь.
Худенькій 32.

Ц.

Царьградъ. Царьградскій.
Цвѣтъ. — Цвѣсти, цвѣтуть.
Цвѣточекъ, — чка 32.
Цедула (лат. schedula, фр. *cédule*).
Цензуровать.
Цензоръ. — Цензура.
Церковь 54.
Цехъ.
Цикорій 42.
Цилиндръ 42.
Цитадель 42.
Цитовать.
(Цифра). См. Цыфра.
Цыбикъ.
Цыганъ Мн. ч. *Цыгане* и *Цыганы* 42.
Цынга 42.
Цыновка.
Цырюльникъ 42.
Цыфра. Цыфирь 42.
Цѣвница (цѣвъ; чеш. *cew* = тростникъ).
Цѣдить, цѣдятъ.
Цѣлебный.
Цѣлить, цѣляютъ (отъ *цѣлѣ*).
Цѣловать (не «цаловать», какъ нѣкоторые пишутъ). Одного корня съ прилаг. *цѣлмй*. Собств. привѣтствовать.
Цѣлый (санскр. *kaljas* = здоровый, гр. *καλός* = прекрасный; гот. *hail* = цѣлый, швед. *hel*).
Цѣль (герм. *til*, *Ziel*).
Цѣна (чеш. польск. *sepa*; ср. гр. *τιμή*).
Цѣпенѣть 63.
Цѣплять.
Цѣпь (гр. *σκήτων*, шв. *kärr* = пазла).

Цѣпь (п.-сл. цепь; въ другихъ славянскихъ языкахъ нѣтъ соотвѣтствующаго по корню).

Ч.

Чапракъ (турец.) 27.
Чародѣй.
(Чахоль). См. Чехоль.
Чажотка.
Чаять, чаешь, чають.
(Чеботы) См. Чоботы.
Чеканъ.
Человѣкъ.
Челядь (корень тотъ же, что въ словѣ *человѣкъ*; окончаніе — собирательн. суффиксъ; ср. *стадо*).
Червь.
Чердакъ (турецк.).
Черезчуръ (*чуръ*, граница).
Черемуха и Черемха.
Черенокъ.
Чермный.
Чернильница (отъ прил. *чернильный*).
Чесменскій 34.
Четвергъ 42.
Четвереньки (уменьш. отъ *четверня*): на четверенькахъ.
Четверка (отъ *четверо*).
Четвертка (отъ *четверть*).
Четвертокъ. См. Четвергъ.
Четій. Четы Миней, четырехъ миней (ново-гр. *μηνῶν*, отъ *μήν*, мѣсяць).
Для чтенія назначенный.
Четкій.
Четырнадцать.
Чехарда (ср. гр. *σχητέρη*).
Чехоль (польск. *szeszel*, чеш. *šeshel*, нѣм. *Ziesche*).
Чибиць.
Чичиры.
Чирей, род. п. чирья.
Чихать.
Чоботы (персид.) 39.
Чопорный (польск. *czuporny*) 39.
Чортъ 40.
Чрезъ. — Чрезполосный.
Что (чѣмъ).
Чтобъ, чтобы, что бы 89.
Что-либо, — что-нибудь.
Чужой.
Чучела и Чучело 27.
Чушка. — Чушь.
Чѣмъ.

Ш.

Шаблонъ (нѣм. *Schablone* отъ франц. *échantillon*) — образецъ, образчикъ, форма.

Шалашь (у некоторых Славянъ *салаши*: Добров. *Слав. Грам.*, стр. 197; др.-сканд. *skåle* = хижина).

Шальливый.

Шальнеръ (вм. шарнеръ; франц. *charnière*, отъ лат. *cardo*).

Шалфей (нѣм. *Salbei*, отъ лат. *salvia*).

Шампинионъ, шампиньонъ.

Шандаль (фр. *chandelier*).

Шастъ. — Шастать.

Шатеръ 27.

Шацкъ 47.

Швея. См. **шовъ.**

(Шоколадъ). См. **Шоколадъ.**

Шелуха.

(Шерохъ). См. **Шорохъ.**

Шероховатый.

Шершаво.

Шеры. См. **Шкеры.**

Шестиаршинный 55.

Шестнадцать. — Шестъдесять.

Шесть. — шостъ (самъ-).

Шесть.

Шибить. Причаст. стр. *шибень*, а не «шиблень», ибо наст. время *шибу*, а не «шиблю».

Широкій; ср. ст. **шире** 63.

Шкапъ. — Шкафъ (верхне-нѣм. *Schaff*, но нижне-нѣм. *Schapp*, голл. *schar*, швед. *skår*).

Шкворень (польск. *sworzeń*).

Шкеры (правильнѣе чѣмъ *шхеры*, нѣм. *skär*).

Шмель (нѣм. *Hummel*, поль. *trzmieł*).

Шнурокъ.

Шовъ.

Шоколадъ (исп. *chocolate*, нѣм. *Schokolade*).

Шомполь (польск. *stempel*).

Шорохъ 39.

Шоссе (фр. *chaussée*).

Шпалеры (нѣм. *Spalier*, отъ франц. *espalier*).

Шпалы (анг. *spall*, плечо). Балки подъ рельсами.

Шпринцевать (нѣм. *spritzen*).

Штабъ-лѣкаръ 90.

Штабъ-офицеръ 90.

Штиблеты (нѣм. *Stiefel*).

Штопоръ (голл. *stop* = пробка).

ШЦ.

Шавель.

Шадить.

Щебетать, щебечуть.

Щеголь (польск. *szczęgieł*, отъ нѣм. *Stieglitz*).

Щеголь (польск. *szczęgol* = особенный).

(Щедушный). См. **Тщедушный.**

Щеколда.

Щелкать. — Щёлкать.

Щелокъ.

Щепать (ср. *разсечь*).

Щетина. — Щетка (ср. лат. *seta*).

Щиколотокъ.

Щурупъ (польск. *szrub*, отъ нѣм. *Schraube*).

Ъ.

Ъда. — Ъмъ, ѡдять; ѡсть 56.

ѡдять; ѡжу, ѡдять 56.

ѡхать, ѡдутъ 56.

ѡшь (повел. накл., фонетич. начертаніе вм. этимологическаго *мжь*, ибо умягченное *д* переходитъ въ *ж*) 50.

Э.

Экзамень. — Экзаменовать.

(Экзаметръ). См. **Гекзаметръ.**

Экзаминаторъ 35.

Экземпляръ (лат. *exemplar*).

Экій.

Эллипсисъ.

Эпиграмма.

Эскизъ.

Эсеиръ.

Этакій. — Этакъ.

Этотъ. — Эти. — Этихъ 35.

Ю.

Юбка (старо-нѣм. *Jure*, отъ сред.-лат. *jura*, фр. *jupe*).

Я.

Яблоня и яблонь.

Яйцо, мн. яйца.

Якшаться (тюрк. *якши* = хорошо, ладно).

Январь. — Январскій 53.

Ярмарка (народн. *ярмонка*).

Ясакъ. — Ясачникъ 48.

Ясень, ж. р.

Ясновидецъ 63.

Яства (не «яство»).

Ячея; ячейка.

Ячевый и ячный.

Ѳ.

Ѳаддей.

Ѳаладей.

Ѳекла.

Өемида.	Өерапонть.
Өемистокль.	Өесписть.
Өеогность.	Өессалия.
Өеодоръ (народн. Өедоръ).	Өе ссалоники.
Өеодосій.	Өетида.
Өеодоть (народн. Өедоть).	Өивы.
Өеодуль.	Өиміамъ.
Өеокритъ.	Өирсѣ.
Өеоктисть (народн. Өеклисть).	Өома.
Өеона (муж. р.).	Өоминична 47.
Өеопемпть.	Өразибулъ.
Өеофанъ. Отсюда бранное: Өофанъ.	Өражія 75.
Өеофиль.	Өукидидъ.
Өеофрасть.	

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>		<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
2	сн. 3	цифрамъ	цифрамъ
14	св. 11	изо-бражається	изоб-ражается
17	сн. 4	суффиксомъ	суффиксомъ
21	сн. 6	они	онѣ
—	сн. 10	возможно	возможны
24	сн. 9.	суффиксѣ	суффиксѣ
26	св. 4	<i>Германа</i>	<i>Герману</i>
50	св. 3	накл. всегда	накл. послѣ согласной всегда
—	св. 7	настезѣ	наискось
54	св. 13	<i>сверстникъ</i>	<i>напѣздникъ</i>

Сверхъ того, на стр. 58, въ спискѣ словъ подъ цифрою 5) слѣдуетъ прибавить слово *беспда* (см. Указатель).

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ТОМЪ XXXVI, № 2

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ЗА 1884 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
Я. К. Гротомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лн., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1885 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1884 годъ,

составленный предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1884 года.

Въ октябрѣ 1883 года Отдѣленіе русскаго языка и словесности особымъ публичнымъ собраніемъ помянуло столѣтнюю годовщину возникновенія своей родоначальницы, Россійской Академіи, и затѣмъ оно вступило въ 43-й годъ своего существованія въ составѣ Академіи Наукъ. Согласно съ мыслию, руководившею законодателемъ при сліянніи обоихъ учрежденій, Отдѣленіе наше, съ самаго основанія своего, старалось дѣйствовать въ строго-научномъ направленіи, котораго недоставало большей части трудовъ его предшественницы. Независимо отъ отдѣльно печатаемыхъ книгъ по той или другой отрасли русской филологіи, литературы и исторіи, члены Отдѣленія помѣщаютъ свои изслѣдованія въ періодическихъ изданіяхъ Академіи.

До 1862 года Отдѣленіе издавало *Извѣстія* и *Ученыя Записки*; когда же, въ президенство графа Блудова, для всѣхъ трехъ Отдѣленій Академіи основанъ былъ одинъ общій органъ на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Записки Академіи Наукъ*, то Отдѣленіе прекратило свои особыя два изданія. Вскорѣ однакожь затрудненіе отыскивать среди массы крайне разнородныхъ

изслѣдованій, печатаемыхъ въ *Запискахъ*, статьи по части русской филологіи и литературы, побудило Отдѣленіе издавать, рядомъ съ *Записками*, особый *Сборникъ*, куда входили бы какъ тѣ же труды членовъ Отдѣленія, которые появляются въ *Запискахъ*, такъ и другія статьи, по обширности своей или по инымъ причинамъ неудобныя для помѣщенія въ *Запискахъ*. Въ 17 лѣтъ, протекшихъ со времени основанія нашего *Сборника* въ 1867 году, вышло его 35 томовъ, изъ которыхъ три послѣдніе изданы въ нынѣшнемъ году.

Чтобы въ общихъ чертахъ охарактеризовать дѣятельность нашего Отдѣленія, исчислимъ категоріи, на которыя труды его могутъ быть раздѣлены: 1, исторія языка и письменности, начиная съ самыхъ раннихъ временъ, именно съ церковно-славянскихъ памятниковъ; 2, изученіе средняго періода русской литературы сравнительно съ западно-европейскою; 3, исторія русскаго образованія со спеціальнымъ изученіемъ прошлаго Академіи Наукъ и Россійской Академіи; 4, теоритическая разработка современнаго русскаго языка какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексическомъ отношеніи, и 5, изданіе сочиненій прежнихъ русскихъ писателей.

По каждой изъ этихъ категорій представимъ краткій обзоръ трудовъ въ истекающемъ году.

I.

По отдѣлу исторіи языка въ связи съ разработкой источниковъ русской исторіи академикъ А. Θ. Бычковъ напечаталъ X-й томъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей, содержащій въ себѣ продолженіе такъ называемой Никоновской лѣтописи. Томъ этотъ, текстъ котораго сличенъ по восьми спискамъ, обнимаетъ время отъ вступленія на престолъ, въ 1177 г., великаго князя Всеволода III Георгіевича до удаленія изъ Владимира въ Суздаль, въ 1362 г., великаго князя Дмитрія Константиновича, вынужденнаго уступить престолъ Дмитрію Іоанновичу Довскому.

Кромѣ того ак. Бычковъ, въ нынѣшнемъ году готовилъ къ изданію вторую часть описанія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей Императорской Публичной библіотеки. Въ эту часть войдетъ описаніе рукописей, которыя поступили въ Публичную библіотеку изъ Эрмитажной и которыя до сихъ поръ мало извѣстны занимающимся отечественной исторіей.

Академикъ И. В. Ягичъ, составившій въ 1883 году отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи архимандриту Амфилохію, напечаталъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ приложение къ этому отчету, четыре критико-палеографическія статьи, посвященныя вопросамъ, представившимся по поводу присужденной преміи. Первая статья касается греческой палеографіи въ видѣ разбора новѣйшаго, въ Россіи изданнаго пособія по этой отрасли филологіи. Вторая опредѣляетъ древнѣйшую редакцію славянскаго перевода псалтыри, доказывающую единство литературной школы, изъ которой вышли первоначальные переводы главнѣйшихъ частей библіи. Третья имѣетъ предметомъ особенности языка и перевода такъ называемаго Галицкаго евангелія. Четвертая указываетъ на тѣсную связь глаголическаго письма съ греческою мелкою скорописью.

Затѣмъ академикъ Ягичъ въ истекающемъ году продолжалъ свои занятія надъ памятниками древне-русской письменности. Желая воспользоваться всѣми доступными греческими и славянскими источниками, имѣющими значеніе для критики издаваемаго текста, академикъ долженъ былъ нѣсколько расширить размѣры предпринятаго изданія; вслѣдствіе чего I-й томъ еще не могъ выйти, хотя большая часть его уже отпечатана. Такъ напримѣръ памятникъ 1096 года уже оконченъ печатаніемъ со всѣми примѣчаніями и приложеніями; памятника же 1097 года печатается теперь послѣдняя треть. Къ приготавливаемому тому составляется специальный словарь.

По мысли академика Ягича, Отдѣленіе въ этомъ же году предприняло или, вѣрнѣе, возобновило (по примѣру издававшихся прежде «Матеріаловъ для словаря и грамматики») изданіе, исклю-

чительно посвященное изслѣдованіямъ по русскому языку, древнему и новому, въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Первый томъ этого изданія уже печатается подъ редакціею И. В.; въ самомъ началѣ его помѣщено подробное изслѣдованіе языка Остромирова евангелія.

Продолжая издавать въ Берлинѣ свой «Архивъ для славянской филологіи», г. Ягичъ напечаталъ въ немъ между прочимъ отрывки изъ переписки двухъ передовыхъ славистовъ, дѣйствовавшихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, — Добровскаго и Копитара. По однимъ этимъ отрывкамъ любители славянской науки могли убѣдиться въ важности всей переписки и потому конечно сочувственно встрѣтятъ полное ея собраніе, печатаемое академикомъ Ягичемъ, по порученію Отдѣленія, въ академическомъ изданіи. Для характеристики движенія славистики въ первую четверть нашего вѣка у западныхъ Славянъ эта переписка доставитъ драгоценный матеріалъ.

Къ одному разряду съ этими занятіями наличныхъ членовъ Отдѣленія долженъ быть причисленъ объемистый трудъ нашего московскаго сотоварища *Θ. И. Буслаева*, изданный Обществомъ любителей древней письменности, подъ заглавіемъ «Русскій лицевой Апокалипсисъ, сводъ изображеній изъ лицевыхъ апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка по XIX-й». Извѣстно, что академикъ Буслаевъ издавна съ особенною любовью занимается изученіемъ древнихъ церковно-славянскихъ рукописей и преимущественно находящихся въ нихъ живописныхъ изображеній. Самый богатый матеріалъ для этого представляютъ сохранившіяся въ большомъ количествѣ рукописи Апокалипсиса, писанныя въ Россіи, начиная съ XVI столѣтія. Неудивительно, что эти рукописи обратили на себя особенное вниманіе нашего академика, и плодомъ его многолѣтнихъ надъ ними изслѣдованій было названное великолѣпное изданіе, напечатанное на иждивеніи всегда готоваго содѣйствовать подобнымъ предпріятіямъ графа С. Д. Шереметева; оно состоитъ изъ русскаго текста, занимающаго 835 стр., и атласа, содержащаго болѣе 300 изящно воспроиз-

веденныхъ рисунковъ. Это одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ нашего времени по части исторіи древней русской письменности въ связи съ исторіей искусства иконографіи.

II.

По сравнительному изученію средняго періода русской литературы академикъ А. Н. Веселовскій продолжалъ свои изслѣдованія о южно-русскихъ былинахъ и напечаталъ второй выпускъ этого труда. Главное содержаніе его составляютъ заѣзжіе богатыри: Иванъ Гостиный сынъ, богатыри Суздальцы, Чурила и Дюкъ Степановичъ. По нѣкоторымъ изъ нихъ, напримѣръ по былинѣ о Дюкѣ, матеріалъ для сравненія съ западно-европейскими произведеніями этого рода представлялся въ изобиліи, но авторъ дорожилъ не столько указаніями на сходства, сколько разысканіемъ, какими путями приурочилась та или другая пришедшая тема къ русской почвѣ, въ какомъ видѣ присоединилась она къ Кіевскому пѣсенному циклу и какія измѣненія могла или должна была испытать, развиваясь уже подъ воздѣйствіемъ смежныхъ былинъ въ цѣломъ составѣ эпоса и подъ вліяніемъ его общей идеи. Въ послѣдующихъ отдѣлахъ своего труда академикъ переходитъ отъ пришлыхъ сюжетовъ къ народно-поэтическимъ элементамъ нашего эпоса. Разбирая былинну «о гибели богатырей на Руси», онъ указываетъ на историческія событія, ее вызвавшія, и на выступающій въ ней образъ древняго Алеши Поповича, еще не оплощенный позднѣйшимъ одностороннимъ развитіемъ его типа. Греческія и юго-славянскія пѣсни о паденіи Византіи и Болгарскаго царства представили любопытныя параллели къ этой былинѣ «о гибели» и подали поводъ къ изслѣдованію о царѣ Константинѣ, переводящему эти параллели на болѣе общую почву. Къ былинѣ «о гибели» примыкаетъ, по сходству пѣсенныхъ схемъ, группа пѣсенъ «о боѣ Ильи съ сыномъ». Далѣе авторъ, возвращаясь къ вопросу о древнемъ типѣ Алеши Поповича, старается прослѣдить развитіе одной, вѣроятно до-татарской былинны въ

ся различныхъ пріуроченіяхъ и искаженіяхъ. Наконецъ онъ знакомить насъ съ новой стороной личности Алеши, съ Алешей перемѣшникомъ, заслонившимъ стараго «зарывчатаго» удальца, и предлагаетъ опытъ возстановленія одной утраченной пѣсни о немъ по сказкамъ и указаніямъ другихъ былинъ.

Изъ статей А. Н. Веселовскаго, печатавшихся въ теченіе года въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ, разсматривающія источники сербской поэмы объ Александрѣ, которыхъ до сихъ поръ почти никто еще не касался. Эти статьи обнимаютъ лишь часть текста; въ цѣломъ видѣ онъ явится въ новомъ рядѣ изслѣдованій, которыя авторъ уже началъ печатать въ академическомъ изданіи.

III.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, продолжая свой обширный трудъ по исторіи Россійской Академіи, окончилъ недавно печатаніе 7-го выпуска ея. Въ шести предыдущихъ выпускахъ помѣщены біографіи тѣхъ изъ членовъ Академіи, которые принимали болѣе дѣятельное участіе въ ея работахъ и предпріятіяхъ. Въ нынѣшнемъ же выпускѣ говорится о писателяхъ ученыхъ и вообще о лицахъ, удѣлявшихъ Россійской Академіи лишь небольшую часть своихъ досуговъ. Поэтому тутъ являются уже не біографіи, а подъ каждымъ именемъ собраны только свѣдѣнія о прикосновеніи этихъ лицъ къ академической жизни и дѣятельности, свѣдѣнія, которыя приходилось по большей части отыскивать въ массѣ разнородныхъ архивныхъ рукописей. Несмотря на такой повидимому отрывочный характеръ своего содержанія, новый выпускъ нисколько не уступаетъ въ занимательности предыдущимъ, и заключающіяся въ немъ данныя представляютъ большой интересъ какъ сами по себѣ, такъ и по связи съ другими чертами, рисующими взгляды, убѣжденія и нравы эпохи. Особенно любопытны сообщаемыя здѣсь письма академикомъ и лицъ, на-

ходившихся съ ними въ перепискѣ. Изъ этого источника мы узнаемъ на примѣръ, что Фонвизинъ былъ истиннымъ авторомъ плана перваго академическаго словаря или начертанія, послужившаго основою для дальнѣйшихъ работъ. Съ именемъ Хераскова, какъ директора Московскаго университета, связано введеніе русскаго языка въ лекціи тамошнихъ профессоровъ, которыя вначалѣ читались по-латыни и по-нѣмецки. Екатерина II ясно понимала необходимость, чтобы въ Россіи языкомъ науки былъ русскій, а не какой-либо другой языкъ. Уже въ первые годы своего царствованія Императрица, при одномъ докладѣ куратора Московскаго университета, выразила желаніе, чтобы русскимъ студентамъ лекціи читались по-русски. Въ письмѣ къ кабинетскому секретарю, Кузьмину, Херасковъ напоминаетъ ему объ этомъ словесномъ повелѣніи и проситъ доложить Ея Величеству, «чтобы утвердить письменно высочайшее намѣреніе, которое уже навсегда твердымъ узаконеніемъ останется».

Въ числѣ членовъ Россійской Академіи находились и нѣкоторые изъ образованнѣйшихъ государственныхъ людей вѣка Екатерины II, и они были членами не только по имени, но и внесли свои вклады (употребляя тогдашнее выраженіе) «въ общій академія трудъ».

Ив. Ив. Шуваловъ собиралъ, выписывая изъ книгъ, слова для академическаго словаря; разсматривалъ отпечатанные листы, дѣлая къ нимъ свои дополненія и замѣчанія; предложилъ основать повременное изданіе, въ которомъ бы указывались ошибки языка въ сочиненіяхъ и переводахъ и подавались совѣты къ ихъ исправленію. Желаящимъ принять на себя подобный трудъ Шуваловъ предлагалъ, съ своей только стороны, по триста рублей въ годъ.

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, представленный Гнѣдичемъ, въ его идилліи: *Рыбаки*, въ образѣ вельможи, чтущаго «дарованія Бога», будучи избранъ въ члены Россійской Академіи, посѣщалъ академическія собранія и принималъ участіе въ академическихъ трудахъ: выписывалъ изъ книгъ слова для

академическаго словаря, сообщилъ свои замѣчанія на глаголы *алчу* и *алжаю* и т. д.

Особенно подробно разсмотрѣна дѣятельность Шишкова, который могъ бы сказать: «Россійская Академія, это я». Въ теченіе почти сорока лѣтъ Шишковъ былъ душою академической жизни и дѣятельности. Трудями его наполнялись академическія изданія; въ его рукахъ находился и выборъ членовъ и выборъ предметовъ для разработки ихъ совокупными силами.

При обзорѣ историческаго сочиненія М. И. Сухомлинова нельзя не отмѣтить, что онъ, выставляя пользу, какую оказывала академія, не скрываетъ и тѣней, являющихся въ ея дѣятельности. Такъ, при единогласномъ избраніи въ 1806 году въ академики преосвященнаго Евгенія Болховитина, авторъ рассказываетъ:

«Избраніе это не доставило Евгенію ни малѣйшаго удовольствія; онъ принялъ его скрѣпя сердце, и только изъ приличія поблагодарилъ, кого слѣдуетъ, за оказанное ему вниманіе. Да иначе и быть не могло: Россійская Академія не представляла того, что имѣло большое значеніе въ глазахъ Евгенія. Въ ней не было тогда ни духа науки, ни крупныхъ талантовъ, ни вѣрнаго взгляда на цѣль и направленіе академической дѣятельности. Въмѣсто дружной семьи просвѣщенныхъ тружениковъ, въ академіи работалъ, собственно говоря, только одинъ человѣкъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы труды его не пропали даромъ. Но водворяемое имъ направленіе не обѣщало большого добра и не могло возбуждать особеннаго сочувствія. Проницательный и чуткій Евгеній ясно понималъ, къ чему поведетъ такой порядокъ вещей, такое отчужденіе отъ всего того, что заключало въ себѣ залогъ движенія и жизни въ литературѣ, а слѣдовательно и въ литературномъ языкѣ.

«Несмотря однакоже на все это, Евгеній не уклонялся отъ участія въ предпріятіяхъ нелюбимой имъ академіи, и самымъ тщательнымъ образомъ исполнялъ то, что обѣщалъ въ отвѣтъ своемъ на извѣщеніе о выборѣ въ академики. Принося обычную благодарность за избраніе, Евгеній изъясняетъ полную готов-

ность исполнять всѣ порученія академіи, а также и представлять на ея благоусмотрѣніе все то, что можетъ содѣйствовать ея трудамъ и занятіямъ».

Весьма любопытна также статья о Востоковѣ, окончательное и единогласное избраніе котораго состоялось 12 іюня 1820 года. «Истинная цѣль избранія Востокова», говоритъ М. И. Сухомлиновъ, «раскрывается въ письмѣ къ нему Шишкова. Закоренѣлый въ своихъ филологическихъ убѣжденіяхъ и предрасудкахъ, Шишковъ, вводя въ академію ученаго, всецѣло посвятившаго себя наукѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чловѣка чрезвычайно податливаго, уступчиваго и самую природою осужденнаго на безмолвіе ¹⁾, надѣялся приобрѣсти въ немъ усерднаго, работающаго сотрудника, вслѣдствіе чего и предлагалъ ему вникнуть въ правила корнесловія, которыми руководствуется Академія, и пользоваться ими въ своихъ изслѣдованіяхъ. Такого рода надежды и требованія весьма понятны со стороны Шишкова; труднѣе объяснить отношеніе къ нимъ самого Востокова. Знаменитый филологъ, одинъ изъ первостепенныхъ ученыхъ Европы, преклоняется передъ своенравнымъ дилеттантомъ, и съ большимъ вниманіемъ и даже, по его собственнымъ словамъ, *съ пользою для себя* читаетъ филологическія фантазіи, невыдерживающія научной критики. И не только самъ читаетъ ихъ, стараясь уразумѣть ихъ воображаемую глубину, но и другимъ совѣтуетъ искать въ нихъ путеводной нити, весьма полезной для неопытныхъ новичковъ въ филологіи. Письмо Шишкова и отвѣтъ Востокова имѣютъ большое значеніе и для біографіи этихъ лицъ и для характеристики современной имъ академической жизни и дѣятельности».

Подъ редакціей акад. Сухомлинова приготавлиются къ изданію «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ». Изданіе это, какъ было уже объяснено въ прошлогоднемъ отчетѣ, предпринято по мысли г. президента, графа Д. А. Толстого. Въ печатающійся нынѣ томъ входятъ документы, относящіеся ко времени учре-

¹⁾ Востоковъ сильно занкался.

жденія Академіи Наукъ и къ первымъ годамъ ея существованія. Рядъ первыхъ источниковъ, съ собственноручными замѣтками Петра Великаго, знакомить насъ со взглядомъ его на цѣль учрежденной имъ въ Россіи академіи, съ выборомъ силъ для научной дѣятельности и съ первыми попытками слѣдовать по пути, указанному гениальнымъ основателемъ академіи. Въ высшей степени любопытно «исчисленіе дѣлъ, что профессора, елико ко умноженію и совершенству наукъ и елико къ наставленію юношества, доселѣ произвели». Подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ Германа, Делиля, Леонарда Эйлера, Коля, Гроса и другихъ представляютъ много важныхъ чертъ для исторіи просвѣщенія. Любопытны также списки учениковъ академической гимназіи, въ числѣ которыхъ находимъ Василія Адодурова, князя Антиоха Кантемира и др. Въ массѣ документовъ черты научной дѣятельности соединяются съ чертами тогдашняго быта, и т. п. «Академія повинна», говорится въ одной рукописи, «всѣ декуверты въ наукахъ разсматривать и откровенно сообщать, вѣрны ли оныя изобрѣтенія, великой ли пользы суть, или малой. . . . Также и чужестраннымъ великая забава будетъ, понеже ежегодно три публичныя ассамблеи уставлены, и отъ одного члена Академіи разговоръ изъ своей науки чиненъ будетъ и въ оной похвалы протектора защитителя введены будутъ».

Для академическихъ изданій присылали свои вклады также и иностранные ученые: «Христіанъ Вольфій прислалъ Начало силъ; Михелотти, медицины докторъ и профессоръ въ Венеціи, прислалъ «исторію болѣзни дочери жидовскія прекуріозную» и т. д.

Издаваемые документы представляютъ большой интересъ и для исторіи языка: поэтому важнѣйшіе изъ нихъ печатаются не только въ нѣмецкомъ подлинникѣ, но и въ современномъ подлиннику русскомъ переводѣ.

Въ повременныхъ изданіяхъ помѣщены, между прочимъ, статьи академика Сухомлинова: 1, Императоръ Николай Павловичъ, критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина, и 2, Полемическія статьи Пушкина. На основанія неизвѣстныхъ доселѣ руко-

писныхъ матеріаловъ представлены здѣсь данныя для литературной исторіи произведеній Пушкина. Авторъ пользовался писаною самимъ поэтомъ тетрадью: «Бориса Годунова»,—тою самою, которая была въ рукахъ Императора Николая, а равно и подлинными рукописями другихъ произведеній Пушкина, которыя онъ представлялъ Государю.

Къ этому же виду дѣятельности Отдѣленія долженъ быть отнесенъ оконченный въ текущемъ году трудъ составителя настоящаго отчета: «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ»,—систематическій обзоръ содержанія двадцатилѣтнихъ письменныхъ сношеній между императрицей и французскимъ литераторомъ, умѣвшимъ, во время своего краткаго пребыванія въ Петербургѣ, снискать и навсегда сохранить полнѣйшее ея сочувствіе и довѣріе. Собраніе подлинныхъ его писемъ къ государынѣ, дополненное въ послѣдніе годы множествомъ новыхъ писемъ, прежде считавшихся потерянными, печаталось тѣмъ же академикомъ, по порученію Историческаго Общества, въ особомъ изданіи, которое и появится въ наступающемъ году.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о составленномъ имъ и читанномъ въ общемъ собраніи названнаго общества очеркѣ исторіи одного эпизода шведской войны при Екатеринѣ II, извѣстнаго подъ именемъ Аньяльской конфедераціи. Находящійся въ связи съ этимъ трудъ его о шведскомъ эмигрантѣ Спренгпортенѣ будетъ напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія ¹⁾.

IV.

По разработкѣ современнаго русскаго языка напечатано имъ же 3-е изданіе его «Филологическихъ Разысканій» въ двухъ томахъ, дополненное нѣсколькими новыми статьями и представляющее нѣкоторыя измѣненія прежняго текста. Одновременно авторъ,

¹⁾ Онъ уже появился въ 1-й книгѣ этого изданія на 1885 годъ.

по порученію Отдѣленія, составилъ руководство къ *русскому правописанію*. Въ основаніе положено было его же изслѣдованіе о «спорныхъ вопросахъ нашей орфографіи, но каждый вопросъ подвергался тщательному пересмотру въ собраніи наличныхъ членовъ Отдѣленія и рѣшаемъ былъ съ общаго согласія. Этимъ Отдѣленіе хотѣло удовлетворить сознаваемую всѣми потребность и желаніе, которое не разъ было высказываемо въ обществѣ. По примѣру этого опыта, и другія стороны теоріи языка могутъ быть впоследствии такимъ же образомъ обработаны совокупнымъ академическимъ трудомъ.

Къ разряду филологическихъ работъ по части лексикографіи относится только что отпечатанный (по распоряженію Отдѣленія) *Словарь Архангельскаго нарѣчія*, составленный покойнымъ Подвысоцкимъ. Первоначально этотъ словарь представленъ былъ Академіи Наукъ въ 1881 году и тогда же увѣнчанъ Ломоносовскою преміей; при чемъ Отдѣленіе выразило готовность напечатать его, если онъ будетъ исправленъ и пополненъ по сообщеннымъ автору замѣчаніямъ. Это требованіе было добросовѣстно исполнено; но прежде нежели составитель успѣлъ возвратитъ въ Академію переработанный имъ словарь, внезапная болѣзнь прекратила его жизнь въ началѣ 1883 г. Получивъ отъ вдовы Подвысоцкаго этотъ почтенный трудъ, Отдѣленіе успѣло издать его и надѣется, что этимъ новымъ дополненіемъ къ академическому. «Опыту Областнаго Словаря» вносится существенный вкладъ въ русскую діалектологию ¹⁾.

¹⁾ Александръ Осиповичъ Подвысоцкій, родомъ изъ Черниговской губерніи, умеръ въ Архангельскѣ 23 февраля 1884 года, 53-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ учился въ Харьковскомъ университетѣ и по окончаніи курса дѣйствительнымъ студентомъ поступилъ въ Украинскій егерскій полкъ; но въ 1844 г. оставилъ военную службу и былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка по Варшавскому учебному округу. Потомъ онъ занималъ разныя должности въ Царствѣ Польскомъ и въ Западныхъ губерніяхъ. Въ турецкую войну 1854 года служилъ онъ столоначальникомъ при дежурствѣ войскъ и былъ при осадѣ Силистріи; затѣмъ состоялъ чиновникомъ для особыхъ порученій при намѣстникѣ кн. Горчаковѣ, въ Варшавѣ; далѣе былъ членомъ могилевской слѣдственной комиссіи и исправникомъ въ Россіенскомъ у. Ковенской губерніи. Въ

V.

По части изданія сочиненій прежнихъ писателей въ истекающемъ году сдѣлано слѣдующее:

Къ столѣтней годовщинѣ дня рожденія Н. И. Гнѣдича, 2-му февраля, напечатано небольшое, но цѣнное собраніе рукописей этого писателя, полученное Отдѣленіемъ отъ почтеннаго любителя литературы П. Н. Тиханова. Въ числѣ ихъ особенно любопытна записная книжка Гнѣдича.

Наслѣдники покойнаго С. П. Шевырева предоставили въ распоряженіе Академіи рукопись *лекцій его о русской литературѣ*, читанныхъ имъ въ Парижѣ для кружка соотечественниковъ въ 1862 году. Отдѣленіе, признавъ полезнымъ опубликованіе этихъ бесѣдъ, отличающихся оживленнымъ и общедоступнымъ изложеніемъ, опредѣлило напечатать ихъ подъ наблюденіемъ одного изъ членовъ своихъ. Оба названные труда вошли въ составъ *Сборника* и сверхъ того выпущены отдѣльными книгами.

Въ теченіе нынѣшняго года продолжалось возложенное на меня изданіе сочиненій и переписки академика П. А. Плетнева. По отпечатаніи 3-го тома, содержащаго между прочимъ переписку его съ Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ, положено теперь же выпустить въ свѣтъ три первые тома, за которыми послѣдуетъ еще одинъ, куда войдетъ остальная переписка автора, біографическія о немъ свѣдѣнія и другія дополненія. По поводу этого изданія прошу позволенія нѣсколько распространиться о Плетневѣ и трудахъ его.

1866 г. назначенъ совѣтникомъ Харьковскаго губернскаго правленія; съ 1868 по 1871 исправлялъ въ разное время должность вице-губернатора, былъ директоромъ харьковскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета и членомъ комитета статистическаго. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ архангельскимъ вице-губернаторомъ и послѣ того не разъ исправлялъ должность губернатора; наконецъ съ 1879 года занималъ должность управляющаго Архангельскою конторою Государственнаго банка. Вдова его Софья Абрамовна—рожденная Неудачина. Сынъ его въ настоящее время студентомъ Санктпетербургскаго университета.

Нынѣ живущимъ поколѣніямъ имя Плетнева мало извѣстно: онъ умеръ около 20-ти лѣтъ тому назадъ, а сочиненія его разсѣяны въ журналахъ и сборникахъ, рѣдко попадающихся въ руки современныхъ читателей. Характеристика Плетнева, набросанная Тургеневымъ, не отличается вѣрностью и не говоритъ въ пользу проницательности автора. Въ этомъ убѣдится всякій, кто внимательно прочтетъ издаваемые нынѣ сочиненія и письма Плетнева. Въ нихъ онъ является человѣкомъ, рано уже усвоившимъ весьма здравыя понятія о литературѣ и искусствѣ, весьма зрѣлыя убѣжденія и твердыя правила; и тѣмъ и другимъ онъ остался вѣренъ до конца.

Происходя изъ духовнаго званія — онъ родился въ 1792 г. въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губ. — Плетневъ только восемнадцати лѣтъ отъ роду, именно въ 1811 году, изъ мѣстной семинаріи привезенъ былъ въ Петербургъ для поступленія въ Педагогическій институтъ, гдѣ и кончилъ курсъ около того же времени, какъ Пушкинъ выпущенъ былъ изъ Царскосельскаго лицея. Случайныя обстоятельства скоро сблизили его съ лицейскими поэтами и съ Жуковскимъ. Это знакомство имѣло рѣшающее значеніе для всей его будущности. Въ литературномъ кругу, признававшемъ Карамзина своимъ учителемъ и вождемъ, созрѣли тѣ нравственные и эстетическіе взгляды, которыми Плетневъ съ тѣхъ поръ неизмѣнно руководился. Сдѣлавшись по призванію писателемъ, онъ вслѣдствіе воспитанія долженъ былъ поступить на поприще педагога. Дѣятельность въ этомъ званіи надолго связываетъ его съ женскими институтами, Екатерининскимъ и Патриотическимъ, въ которыхъ онъ своимъ разумнымъ преподаваніемъ и симпатическимъ характеромъ пріобрѣтаетъ восторженное уваженіе и привязанность нѣсколькихъ поколѣній своихъ ученицъ. Жуковскій, исполняя важныя обязанности по воспитанію Наслѣдника престола, на время своихъ отлучекъ изъ Петербурга поручаетъ Плетневу преподаваніе русской литературы государевымъ дѣтямъ. Затѣмъ Плетневъ, уже составивъ себѣ имя какъ критикъ и поэтъ, получаетъ кафедру въ Петербург-

скомъ университетѣ, а въ 1839 году избирается въ ректоры его и занимаетъ эту должность болѣе двадцати лѣтъ сряду. При учрежденіи въ Академіи Наукъ новаго Отдѣленія, онъ назначается членомъ его, а съ 1859 года предсѣдательствующимъ, и въ этомъ званіи умираетъ въ Парижѣ въ 1865 году 29 декабря, въ тотъ самый день, въ который онъ столько разъ являлся на этой кафедрѣ лѣтописцемъ нашего Отдѣленія. Пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ и будучи привязанъ къ Петербургу своею службой, нерѣдко превращавшей его изъ ректора въ правящаго должность попечителя, Плетневъ до послѣдняго десятилѣтія своей жизни оставался безвыѣздно въ Россіи, не бывалъ даже въ Москвѣ; но женившись во второй разъ въ 1849 г. онъ, начиная съ 56-го, часто живалъ за границей, гдѣ въ послѣдніе годы безуспѣшно искалъ исцѣленія отъ постигшей его тяжелой болѣзни.

Авторскую свою дѣятельность Плетневъ началъ въ качествѣ члена Вольнаго Общества любителей россійской словесности, возникшаго въ Петербургѣ въ 1816 г., и вскорѣ на него были возложены обязанности редактора журнала *Соревнователь*, который оно издавало. По особенностямъ своего ума и характера, по роду своихъ занятій онъ и впоследствии не разъ принималъ на себя заботы по изданію чужихъ трудовъ, особенно Пушкина. Но въ 40-лѣтнемъ періодѣ его литературной жизни всего важнѣе, въ этомъ отношеніи, тѣ девять лѣтъ (1838—1846), въ теченіе которыхъ онъ издавалъ, по смерти Пушкина, основанный потомъ *Современникъ*. Въ сущности Плетневъ не соединялъ въ себѣ всѣхъ необходимыхъ для журналиста условій; между прочимъ онъ тщательно избѣгалъ полемики, но конечно не отъ робости, которую приписываетъ ему Тургеневъ, а отъ нежеланія вести борьбу съ противниками, не всегда сражающимися честнымъ оружіемъ. Въ этомъ онъ держался правила, которое неуклонно соблюдалъ Карамзинъ и которое отъ него наслѣдовало большинство его приверженцевъ. Впрочемъ, въ послѣдній годъ изданія своего *Современника* Плетневъ нарушилъ это систематическое молчаніе и доказалъ, что можно, вполне сохраняя

свое достоинство, карать ложь и недобросовѣстность. Какъ бы ни было, *Современникъ*, подъ редакціею Плетнева, какъ и при Пушкинѣ, оставался очень почтеннымъ литературнымъ сборникомъ, но мало отвѣчалъ идеѣ журнала, отличительною чертою котораго должно быть живое отношеніе къ интересамъ настоящаго.

Въ началѣ своего поприща Плетневъ являлся въ печати почти исключительно съ стихотвореніями, въ которыхъ преобладала элегическая струна. Иногда, подъ бременемъ своихъ обязательныхъ занятій, онъ невольно сѣтуетъ на свой жребій; по временамъ онъ высказываетъ сомнѣніе въ правильности избраннаго имъ пути, въ своемъ призваніи къ поэзіи. Такъ въ концѣ посланія къ Гнѣдичу, въ 1822 году, онъ говоритъ:

Быть можетъ, я вступилъ средь дѣтскихъ лѣтъ
 На поприще поэзіи ошибкой:
 Какъ другъ, скажи мнѣ съ тихою улыбкой:
 «Сними съ себя вѣнокъ, ты не поэтъ!» (III, 256).

Извѣстно его посланіе къ Пушкину, написанное въ отвѣтъ на слишкомъ строгій приговоръ его стихамъ, произнесенный поэтомъ въ письмѣ къ брату. Это одно изъ самыхъ удачныхъ стихотвореній Плетнева. Вотъ какъ онъ начинается:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ:
 На немъ печать твоей открытой силы,
 И можетъ быть, взыскательный урокъ
 Ослабія мои возбудитъ крылы.
 Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
 Утѣшнѣ хвалы простонародной:
 Я узнаю судью моихъ стиховъ,
 А не льстеца съ улыбкою холодной. . . (276).

Въ концѣ онъ горюетъ, что судьба, или, говоря проще, служба, удаляетъ его отъ болѣе свободныхъ друзей-поэтовъ:

Но я вотще стремлюся къ нимъ душой,
 Напрасно жду сердечнаго участя:

Вдали отъ нихъ поставленъ я судьбой
И волею враждебнаго мнѣ счастья. . . (278).

Послѣ этой глубоко-меланхолической и безукоризненной по отдѣлкѣ пьесы, Пушкинъ сталъ относиться справедливѣе, къ таланту скромнаго друга, особенно когда прочиталъ его стихи «Къ Музѣ». Въ минуту душевной бодрости Плетневъ говоритъ:

Муза! ты мой путь презрѣнный
Съ гордостью не обошла
И судьбѣ моей забвенной
Руку вѣрную дала.
Будь до-гроба мой вожатый!
Оживи моя мечты,
И на горькія утраты
Брось послѣдніе цвѣты. (298).

Пушкинъ запомнилъ эти стихи, и при первой встрѣчѣ съ авторомъ прочелъ ихъ ему наизусть.

Несмотря однакожъ на возраставшій успѣхъ своихъ стихотвореній, которыми дорожили издатели тогдашнихъ альманаховъ и которыя онъ всего охотнѣе помѣщалъ въ *Сѣверныхъ Цептахъ* барона Дельвига, Плетневъ скоро покинулъ поприще поэта и послѣ 1827 года почти ничего изъ своихъ стиховъ уже не печаталъ. Въ бумагахъ его осталась переписанная имъ самимъ большая тетрадь его стихотвореній. Въ наше изданіе вошли тѣ изъ нихъ, которыя казались намъ наиболѣе заслуживающими вниманія.

Вслѣдъ за стихами Плетнева стали появляться въ журналахъ 1820-хъ годовъ и критическія статьи его. Съ первыхъ же шаговъ на этомъ пути онъ занялъ почетное мѣсто въ литературѣ. Послѣ Мерзлякова Плетневъ надолго становится самымъ замѣчательнымъ у насъ критикомъ, но идетъ вовсе не по слѣдамъ московскаго эстетика, любившаго наполнять свои разборы пате-

тическими возгласами, а говоритъ спокойнымъ тономъ и простымъ языкомъ судьи, вполне сознающаго законы, на которыхъ онъ основываетъ свои требованія и приговоры. Тогда начиналась самая свѣтлая эпоха нашей литературы. Карамзинъ, выпустивъ первые восемь томовъ Истории, стоялъ въ апогеѣ своей славы; Жуковскій восхищалъ всѣхъ своими воссозданіями изъ Шиллера и Байрона; Батюшковъ допѣвалъ свои гармоническія пѣсни; Пушкинъ, издавъ Руслана и Людмилу, готовилъ къ печати Кавказскаго Плѣнника; каждое новое произведеніе его составляло событіе; въ сторонѣ отъ нихъ, но съ меньшимъ почетомъ стоялъ Крыловъ; вокругъ этихъ первостепенныхъ талантовъ группировались другіе, хотя и менѣе блестящіе, но также замѣчательные: кн. Вяземскій, бар. Дельвигъ, Баратынскій, Гнѣдичъ, Глинка, Языковъ, Козловъ. Припоминая, что къ этой плеядѣ принадлежалъ и Плетневъ, мы поймемъ, что онъ для задачъ критика обладалъ важнымъ преимуществомъ, — тонкою воспріимчивостью къ прелестямъ поэзіи, способностью и вкусомъ для оцѣнки истинно прекраснаго въ искусствѣ. Съ другой стороны, его близость къ корифеямъ тогдашней литературы, а чрезъ нихъ и ко всему внутреннему движенію ея, ставила его въ особенно выгодное для критика положеніе. По собственному его поэтическому настроенію естественно, что первые критическіе опыты своя онъ посвящалъ разбору произведеній поэзіи, и именно произведеній то одного, то другаго изъ названныхъ первоклассныхъ писателей. Я замѣтилъ, что уже съ самаго начала своего авторства Плетневъ выражаетъ тѣ здравыя эстетическія понятія, которыя онъ и послѣ постоянно развивалъ въ своихъ статьяхъ. Въ чемъ же они состояли? Во всякомъ произведеніи изящной литературы, вообще во всякомъ искусствѣ, онъ первымъ требованіемъ ставить истину, вѣрность жизни и природѣ, наконецъ простоту. Онъ цѣнитъ каждое произведеніе по тому, насколько въ немъ отражается и чувствуется дѣйствительная жизнь. Все, съ усиленіемъ придуманное, неестественное, вычурное строго имъ осуждается, и первымъ признакомъ этихъ недостатковъ служить

для него многосложность и запутанность вымысла, отражающаяся въ обиліи хитро-сплетенныхъ происшествій и подробностей. Онъ былъ врагъ всякихъ теорій. Онъ требовалъ только, чтобы каждое художественное произведеніе носило на себѣ отпечатокъ «жизни народа и мѣстности», чтобы художникъ «сосредоточивалъ свое вниманіе на исключительныхъ особенностяхъ всякаго предмета и не довольствовался чертами общими, похожими на истины отвлеченныя». Уже въ началѣ 20-хъ годовъ, разбирая идиллію Гвѣдича «Рыбаки», онъ выразилъ мысль, что «народная поэзія предпочтительнѣе неопредѣленной и всеобщей поэзіи». Позднѣе, въ 1833 г. этотъ предметъ подробно развитъ имъ въ рѣчи, произнесенной въ университетѣ «о народности въ литературѣ». Замѣчательно какъ онъ понималъ и цѣнилъ поэзію Пушкина съ самаго появленія первыхъ созданій его. Въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» онъ тогда же съ большою мѣткостью указалъ и красоты этой поэмы, и недостатки ея. Въ ней, по его замѣчанію, «два только характера: черкешенки и русскаго плѣнника. Намъ пріятнѣе говорить о характерѣ первой, потому что онъ обдуманнѣе и совершеннѣе, нежели характеръ второго. Все, что можетъ только представить воображеніе поэта: нѣжная сострадательность, трогательная простодушіе и первая невинная любовь, — все изображено въ характерѣ черкешенки. Она, повидимому, такъ открыто и живо явилась поэту, что ему стоило только, глядя на нее, рисовать ея портретъ. . . . Но неполнымъ остается разсказъ о плѣнникѣ. Его участь нѣсколько загадочна» (I, 73) и т. д. Такъ же вѣрно было впечатлѣніе, произведенное на Плетнева «Евгеніемъ Онѣгинымъ» еще въ рукописи. Получивъ ее для изданія, онъ писалъ Пушкину: «Онѣгинъ твой будетъ карманнымъ зеркаломъ петербургской молодежи. Какая прелесть! Латынь мила до умору. Ножки восхитительны. Ночь на Невѣ съ ума нейдетъ у меня. . . . Но Разговоръ съ книгопродавцемъ верхъ ума, вкуса и вдохновенія. Я уже не говорю о стихахъ: меня убиваетъ твоя логика. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не удержитъ въ пудовой диссертациі столько порядка, не помѣститъ

столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложенія. Между тѣмъ какая свобода въ ходѣ! Увидимъ, раскусятъ ли это наши классики!» (III, 313).

Чѣмъ далѣе шель Плетневъ, тѣмъ шире и разнообразіе становился кругъ предметовъ, которые онъ обнималъ яснымъ умомъ своимъ. По поводу появленія переводовъ изъ Шекспира въ 1837 году, онъ высказалъ объ этомъ писателѣ нѣсколько мыслей въ статьѣ, которая была напечатана въ одной изъ распространенныхъ въ то время газетъ и обратила на себя общее вниманіе. Шекспиromъ онъ издавна восхищался и говаривалъ, что изученію и переводу его твореній можно бы посвятить цѣлую жизнь. Кромѣ произведеній изящной словесности, въ область критики Плетнева входила также исторія литературы и исторія политическая, относительно которой онъ часто высказывалъ тотъ неоспоримо вѣрный взглядъ, что изложенію общихъ событій должна предшествовать разработка матеріаловъ частной и мѣстной исторіи. Одною изъ любимыхъ идей его при изданіи журнала было помѣщеніе въ немъ отдѣла «современныхъ записокъ», которыя и дѣйствительно иногда появлялись въ немъ: такъ подъ этою рубрикой были напечатаны статьи о путешествіи по Россіи цесаревича великаго князя Александра Николаевича и Жуковскаго въ свитѣ его, о юбилеѣ Крылова, о читанныхъ въ Петербургѣ курсахъ литературы и др.

Смерть Пушкина, который въ послѣдніе годы жизни еще болѣе прежняго сблизился съ нимъ, глубоко поразила Плетнева. Съ тѣхъ поръ имя поэта стало часто появляться на страницахъ Современника, особенно въ воспоминаніяхъ самого издателя. Много свѣжихъ взглядовъ, много новыхъ чертъ для біографіи и характеристики великаго писателя сообщено его другомъ въ статьяхъ, которыя еще и теперь не потеряли цѣны своей. Сильное впечатлѣніе, произведенное на него этой утратой, долго отражается въ перепискѣ его: такъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ къ Жуковскому онъ удивляется, что послѣ кончины гениальнаго человѣка все въ мірѣ продолжаетъ идти по

прежнему, какъ будто въ природѣ не произошло ничего особеннаго.

За нѣсколько лѣтъ ранѣе умеръ Дельвигъ, и ему Плетневъ посвятилъ некрологъ, заслужившій одобреніе Пушкина. Послѣ смерти Баратынскаго, Крылова, Жуковскаго, а также гр. Канкринна и гр. Уварова Плетневъ почтилъ память cadaго изъ нихъ превосходными статьями. Біографія Крылова, напечатанная передъ собраніемъ сочиненій баснописца, наиболѣе извѣстна и давно оцѣнена по достоинству. Но по теплотѣ сочувствія и по глубинѣ изученія еще выше стоятъ статьи Плетнева о Жуковскомъ. Съ Жуковскимъ соединяли его еще тѣснѣйшія узы, чѣмъ съ Пушкинымъ. По самой натурѣ своей, крайне воспріимчивой, мягкой и нѣжной, Плетневъ долженъ былъ чувствовать наиболѣе сильное влеченіе къ личности и произведеніямъ идеальнѣйшаго человѣка и поэта. Къ тому же онъ былъ и въ судьбѣ своей много обязанъ Жуковскому. Неудивительно, что Плетневъ смолоду не только горячо любилъ его, какъ старшаго друга и покровителя, но и питалъ къ нему какое-то благоговѣніе.

Кромѣ разборовъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеній Жуковскаго, Плетневъ написалъ о немъ двѣ большія статьи. Первая была начата въ послѣдніе мѣсяцы жизни Василя Андреевича по поводу новаго изданія его сочиненій, а окончена уже по полученіи извѣстія о его смерти. Содержаніе этой статьи составляетъ характеристика поэзіи Жуковскаго. Плетневъ входитъ тутъ въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ относительно поэзіи и поэта вообще. Между прочимъ онъ энергически возстаетъ здѣсь, какъ и при другихъ случаяхъ, противъ высказывавшагося въ тогдашней журналистикѣ мнѣнія, «будто поэзія отжила свой вѣкъ для европейскихъ народовъ, будто она, для сохраненія достоинства своего между нашими современными вопросами, должна ограничиться развитіемъ какого-нибудь общественнаго направленія». «Это мнѣніе, заключаетъ Плетневъ, принадлежитъ къ положеніямъ того односторонняго и ложнаго ученія, которое, подобно всякой неожиданной новости, нерѣдко соблазняетъ слабые

и легкомысленные умы». «Для человѣчества поэзія не утратила и никогда не можетъ утратить истиннаго своего значенія, какъ все прекрасное и высокое, отъ природы врожденное намъ и душѣ нашей». (III, 2).

Говоря о возвышенномъ содержаніи поэзіи Жуковскаго, въ связи съ возвышенностью души его, Плетневъ припоминаетъ замѣчаніе Пушкина, что «слова поэта суть уже дѣла его» и выводитъ отсюда прекрасное заключеніе объ обязанностяхъ писателя: «И отъ писателя», говоритъ онъ, «какъ отъ всякаго гражданина, общество ожидаетъ дѣятельности полезной, видимаго вклада въ сокровищницу добра и свѣта». Въ другой статьѣ авторъ этихъ строкъ еще полнѣе выражаетъ свои требованія отъ писателя: «Созданія таланта должны быть освящены нравственнымъ его достоинствомъ, характеромъ, выразившимся въ благородной дѣятельности, въ жизни неукоризненной и самостоятельной. Нѣтъ ни убѣжденія, ни красоты, ни истины въ словахъ человѣка, презираемаго нами, какъ бы онъ ни выражался сладкорѣчиво». (II, 179).

Исходя изъ такого взгляда, Плетневъ находитъ, что при разборѣ писателя недостаточно смотрѣть на него со стороны эстетической: «выводы важнѣйшіе, высшіе начинаются только съ вопроса: что значили слова его, какъ дѣла?» И затѣмъ, примѣняя этотъ вопросъ къ Жуковскому, онъ разбираетъ всѣ главные произведенія его, начиная съ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ». — Другая статья Плетнева о Жуковскомъ имѣетъ преимущественно біографическій характеръ и драгоценна по множеству новыхъ для того времени свѣдѣній о жизни и личности поэта.

Мелкіе разборы или, вѣрнѣе, критическія замѣтки, помѣщавшіяся въ Современникѣ и въ которыхъ издатель немногими словами оцѣнялъ выходившія въ свѣтъ книги, останутся навсегда дѣлами для историка тогдашней литературы. Естественно, что не всѣ они равнаго достоинства, но многіе изъ нихъ, по своей мѣткости, а иногда и по сквозящему въ нихъ юмору, могутъ быть названы настоящими перлами этого рода лаконической критики.

Для насъ любопытны между прочимъ отзывы, которыми Плетневъ въ 40-хъ годахъ встрѣчалъ первые опыты талантовъ, коихъ имена позднѣе пріобрѣли въ литературѣ общепризнанное значеніе, напр. Достоевскаго, Тургенева, Майкова, Полонскаго, Плещеева. Всѣхъ ихъ онъ привѣтствовалъ сочувственно и характеризовалъ вѣрными чертами, предугадывая будущее ихъ развитіе.

О занимательности переписки, помѣщенной въ концѣ 3-го тома собранія сочиненій Плетнева, достаточно говорятъ имена тѣхъ писателей, съ которыми онъ велъ ее.

Извлеченія изъ нея отдѣльныхъ мѣстъ повело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что она представляетъ весьма разнообразный интересъ не только какъ біографическій и бібліографическій матеріалъ, но и какъ источникъ, откуда можно почерпнуть много любопытныхъ чертъ для общественной исторіи времени. Не говоря уже о томъ, въ какомъ прекрасномъ свѣтѣ является тутъ личность самого Плетнева, позволю себѣ только привести изъ одного письма его нѣсколько строкъ, имѣющихъ отношеніе къ изданію его сочиненій и показывающихъ какъ скромно самъ онъ смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность. «Въ отчетахъ моихъ по академіи и университету», пишетъ онъ Жуковскому въ 1852 г., «я нахожу возможность и удобный случай помѣщать небольшія біографіи тѣхъ замѣчательныхъ лицъ, которыя состояли въ качествѣ членовъ этихъ ученыхъ обществъ. Конечно, какъ члены бываютъ разнаго рода, такъ и біографіи мои. Но мнѣ все-таки весело помянуть отъ души добрымъ словомъ человѣка, который чѣмъ-нибудь въ жизни своей согрѣлъ мое сердце . . . Ежели, по смерти моей, въ чьей-нибудь душѣ сохранится обо мнѣ теплое воспоминаніе, ему легко будетъ выбрать эти сорокъ или пятьдесятъ біографій и, приложивши къ нимъ позамѣчательнѣе разборы мои разныхъ лучшихъ сочиненій русскихъ, издать ихъ въ одной книгѣ. Хоть я и знаю, что это не выйдетъ что-нибудь вѣковѣчное, однакоже читатель встрѣтитъ тутъ не одну мысль, не одно слово, согрѣтое чувствомъ и проникнутое

живымъ убѣжденіемъ». (III, 728). Такъ мало требовалъ онъ самъ отъ издателя своихъ трудовъ. Академія, цѣня по достоинству эти труды, поняла шире задачу такого изданія. Біографіи, о которыхъ упоминается въ приведенныхъ словахъ, найдутъ мѣсто въ 4-мъ томѣ.

Въ предыдущемъ исчислены труды каждаго изъ членовъ Отдѣленія порознь. Общая дѣятельность ихъ выражается между прочимъ въ присужденіи нѣкоторыхъ изъ имѣющихся при Академіи премій. Недавно полною Пушкинскою преміей увѣнчанъ переводчикъ Горація, А. А. Шеншинъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Фета, при чемъ главнымъ основаніемъ приговора послужила рецензія профессора Римской литературы И. В. Помяловскаго. Отдѣленіе уже имѣло случай публично выразить ученому критику, а также и другимъ лицамъ, обязательно принимавшимъ участіе въ разсмотрѣніи представленныхъ на конкурсъ трудовъ, живѣйшую признательность Академіи за просвѣщенное содѣйствіе ихъ въ этомъ дѣлѣ. Въ будущемъ году предстоятъ по Отдѣленію конкурсы на пять премій, а именно на преміи: Жуковскаго, Ломоносова, Пушкина, графа Д. А. Толстого и графа Уварова; условія соисканія этихъ премій уже были въ свое время оглашены и будутъ снова опубликованы во всеобщее свѣдѣніе.

Учрежденіе въ послѣдніе годы при Академіи Наукъ нѣсколькихъ новыхъ премій конечно увеличиваетъ въ значительной мѣрѣ обязанности и отвѣтственность академиковъ передъ обществомъ; но мы охотно несемъ сопряженные съ ними труды въ той отрадной надеждѣ, что труды эти не пропадутъ для успѣховъ отечественнаго образованія, въ той ободряющей мысли, что они сближаютъ насъ съ живыми силами литературы и общества, къ обоюдной пользѣ науки и жизни.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXXVI, № 3.

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

—
III — XI.
—

Академика А. Н. Веселовскаго.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1884 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

III.

Былины о Саулѣ Леванидовичѣ и греческая пѣсня объ Армури ¹⁾.

Проф. Дестунисъ описалъ и отчасти обнаружилъ содержаніе сборника, помѣченнаго въ каталогѣ греческихъ рукописей Имп. Публ. Библиотеки №-мъ ССII-мъ. Содержаніе это слѣдующее:

1. (Заглавія нѣтъ, но оно можетъ быть восстановлено по изданію Вагнера) Διηγησις παιδιοφραστος των τετραποδων ζωων.
2. Διηγησις του παρικολογου.
3. Προς τον ανεψιον αυτου ο κυρ σπανι παραγγελι του με ποδον εις τα ξενα.
4. Του Αρμουρι.
5. Περι της αναλωσεως και της αιχμαλοσιας ην γεγωνεν ηπω των Περσον εις αττικιν αδυνα.
6. ἃ β̄ σινακτικι περι πεδευσεως ανθρωπου.
7. Ο πουλολογος.
8. Заглавія нѣтъ; первый стихъ: Εδα συναζου λογισμε και λεπτηνη μου γνωσι.

¹⁾ Содержаніе этой и двухъ слѣдующихъ главъ (IV, V) воспроизводитъ отчасти мою статью, помѣщенную въ Archiv f. Slav. Philologie, т. III, стр. 549 слѣд.: Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos.

9. Заглавія недостають; первый стихъ: *ω παραδοξος τιμωρα,
ω σκωτισμα ανθρωπων.*

Изъ 9 номеровъ сборника №№ 1, 2 и 7 были изданы по другой рукописи Вагнеромъ въ его *Carmina graeca medii aevi* (Lipsiae, 1874); №№ 4 и 5 напечатаны впервые проф. Дестунисомъ по петербургскому тексту¹⁾, время написанія котораго можетъ быть опредѣлено приблизительно. Въ «Шуточномъ разсказѣ о четвероногихъ животныхъ (*Διήγησις παιδιόφραστος τῶν τετραπόδων ζώων*) говорится, что споръ между ними произошелъ въ 1365-мъ году; стихотвореніе, помѣщенное въ № 5 нашего сборника: «О завоеваніи и покореніи Аттической Аѳины Персами» (*περὶ τῆς ἀναλώσεως καὶ τῆς αἰγυμαλοσίας ἣ γέγονεν ὑπὸ τῶν Περσῶν εἰς Ἀττικὴν Ἀθήνα*) относится, по мнѣнію издателя²⁾, къ извѣстному покоренію Аѳинъ Турками въ 1456 году. Если такъ, то мы получили *terminus a quo* нашей рукописи, которая могла быть списана лишь позже этого событія. По общему характеру письма можно-бы отнестъ еѣ къ значительно позднѣйшему времени, замѣчаетъ проф. Дестунисъ³⁾, отказываясь отъ болѣе точнаго опредѣленія за недостаткомъ необходимыхъ данныхъ.

Перломъ сборника является историческая пѣсня-былина объ Армури, значительно обогащающая наши свѣдѣнія о народномъ, средне-греческомъ эпосѣ, достойно становящаяся рядомъ съ извѣстной пѣсней: о сынѣ Андроника⁴⁾ — и тѣми древнѣйшими

¹⁾ Объ Армурѣ, греческая былина византийской эпохи. Издавъ, перевелъ и объяснилъ Гавриилъ Дестунисъ. *Τὸ Ἄρμουρη, ἄσμα δημοτικὸν τῆς Βυζαντινῆς ἐποχῆς, ἐκδοθέν, ῥωσιστὶ μεταφρασθὲν καὶ διαρμηνευθὲν παρὰ Γαβριὴλ Δεστούνη.* Ἐν Πετροῦπόλει, 1877. — О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греческое стихотвореніе эпохи турецкаго погрома. Издавъ, перевелъ и объяснилъ Г. Дестунисъ. СПб. 1881.

²⁾ Армури, стр. I—II.

³⁾ Ibid. стр. III.

⁴⁾ Сл. Max Büdinger, *Mittelgriechisches Volksepos*, Leipz. 1866; Legrand, *Recueil de chansons populaires grecques* (Paris 1874). Сл. теперь Дестуниса, Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средне-вѣковаго періода (1883 г.), стр. 68 слѣд.

пѣснями-былинами, которыя легли въ основу поэмы о Дигенисѣ. — Пѣсня объ Армури дошла до насъ въ неполномъ видѣ; сохранилось всего 200 стиховъ, но недостаетъ, очевидно, немного; по моему мнѣнію усѣченъ конецъ; попытка восстановленія предложена будетъ дальше. Что касается до запѣва, то начало *ex mediis rebus* совершенно въ стилѣ народной эпики и не даетъ новода предположить здѣсь какой-бы то ни было пропускъ. — Герой носить имя Армури, такъ названъ и его отецъ; издатель не пытается объяснить намъ это имя или прозвище ¹⁾ и позволяетъ себѣ лишь въ общихъ чертахъ опредѣлить историческія отношенія самой пѣсни. Они указываютъ на продолжительный періодъ борьбы Византійцевъ съ Сарацинами въ Сиріи, что относитъ насъ ко времени отъ VII по XI-ое столѣтіе; событія, воспѣтыя въ былинѣ, могли совершиться въ промежутокъ между этими двумя датами, вѣроятно подальше отъ первой и не позже половины XI вѣка ²⁾. Это хронологическое опредѣленіе подтверждается, въ извѣстной мѣрѣ, и словаремъ пѣсни: въ ея 200-хъ стихахъ находится нѣсколько арабскихъ словъ, но ни одного турецкаго, а слова романскаго пошиба указываютъ на древнюю либо средне-вѣковую латынь, не на специально-романское, напр. итальянское происхожденіе.

Проф. Дестунисъ присоединилъ къ изданному имъ тексту прекрасный русскій переводъ, а въ примѣчаніяхъ и предисловіи къ нему предложилъ рядъ интересныхъ наблюдений, частью касающихся отдѣльныхъ словъ, частью привлекающихъ къ сравненію матеріалъ современной народной греческой пѣсни, въ появленіе такого-же, народнаго характера нашей былины. Этими замѣтками мы воспользуемся впоследствии; пока предложимъ краткій, по возможности, пересказъ самого текста, минуя повторенія и длинноты лишь тамъ, гдѣ умолчаніе не вредитъ характеристикѣ стиля.

¹⁾ Сл., однако, его Разысканія, I, с., стр. 114.

²⁾ Армури, стр. VI—VII.

I.

«Нынче особенное небо, нынче особенный день, нынче барченки (τὰ ἀρχοντόπουλα) выйдутъ верхомъ; только лишь государя Армура сынъ не выѣзжаетъ верхомъ. И тогда-то мальчикъ идетъ къ своей мамѣ: «Пускай ты, мама, на моихъ братьевъ порадуешься!... пускай ты съ моимъ батюшкой свидишься: отпусти меня, мама, верхомъ поѣхать!» И тогда мать говоритъ Армуру: «ты мальчикъ малолѣтка, не слѣдь тебѣ верхомъ! а ужь коли охота беретъ, сыночекъ милый, верхомъ поѣхать... тамъ, на верху виситъ копые отца твоего, что государемъ батюшкой твоимъ изъ Вавилоніи взято, сверху и до-низу все золотое, жемчугомъ обсыпано; согнешь его разъ, согнешь два раза, а какъ три раза согнешь, тогда и поѣдешь». Тогда малъ Армуровичъ плача на лѣстницу поднимается, а смѣясь съ лѣстницы спускается¹⁾: прежде чѣмъ захватилъ копые — оно ужь давало себя хватать, прежде чѣмъ его встряхнулъ — ужь встряхивалось; къ рукѣ своей привязалъ его, трянулося, согнулося... И пошелъ опять мальчикъ къ матери: «А хочешь-ли, мама, хочешь-ли, передъ тобою его изломлю?» — Какъ увидѣла это мать, велитъ архонтамъ осѣдлатъ воронаго отцовскаго, «что двѣнадцать ужь годовъ, воды не пиваль, что двѣнадцать ужь годовъ подъ верхомъ не бываль, что разъѣдаетъ подкову гвоздчатую, что стоитъ какъ вкопанный»²⁾. — Сѣлъ на него Армури, и «пока сказалъ «прощайте», на тридцать миль умчался, пока отозвался ему, умчался на шестьдесятъ на пять». На берегу Евфрата (Ἀφράτης) онъ разъѣзжаетъ вверхъ и внизъ, ища переѣзда, какой-то Саракинъ глумится надъ нимъ съ противоположной стороны: «у Са-

¹⁾ «Κλαίοντασ ἀνιβαίνει τὴν σκάλαν, γελῶντασ καταβαίνει; пр. Дестунисъ сравниваетъ Νεοελληνικά Ἀνάλεκτα I, 2, № 23, v. 13: παιζογελῶντ' ἀνιβαίνε, κλαίοντα καταβαίνει.

²⁾ Сл. Дестунисъ, Разысканія, I. с. стр. 102, гдѣ есть поправки къ первому переводу поэмы.

ракиновъ такіе кони, что вѣтеръ нагоняють, что голуби (τὴν φάσαν) и куропатку на лету хватають, а зайца въ гору бѣгучи догоняють; поиграють ими, поласкають ихъ (Дестунисъ до-полняетъ: καὶ ἀφήνουν νὰ πετῶσιν или καὶ ἐλεύθερα τὰ ἀφήνουν: отпустить ихъ), а тамъ, когда вздумается, опять побѣгутъ и словягъ! И все-же Евфрата-рѣки переѣхать не могутъ! А ты на своей клячкѣ хочешь его переѣхать!» — Разозлился на эти слова молодець, пришпориваетъ коня, хочетъ переѣхать рѣку; а она-то разлилась, заходила тяжелыми волнами:

43 ἦτον ὁ Ἀφράτης δυνατός, ἦτον καὶ βουρνωμένος,
εἶχεν καὶ κύματα βαρέα, ἦτον καὶ ἀποχυμένος.

Снова понукаетъ Армури своего воронка, взмолился звонкимъ голосомъ:

47 εὐχριστῶ σε, Θεέ καλέ, καὶ μυρισευχριστῶ σε
εἰς με ἐδόκεις τὴν ἀνδρείαν, καὶ . . . (?) μὲ τὴν παίρνει τώρα¹⁾.

Ангельскій голосъ вѣщаетъ ему съ высоты: «Воткни свое копые въ корень финиковаго дерева, вложи одежду свою въ тотъ илъ, что впереди (? εἰς τὸ μπροστοβούρκιν), бодни воронаго своего, чтобы переѣхать на ту сторону». — Наставленіе нѣсколько загадочное — либо переводъ слишкомъ подстрочный. Ангель говоритъ: пришпорь коня, переѣзжай, какъ есть въ одеждѣ, черезъ рѣку, что передъ тобою (μπροστοβούρκιν? Βούρκα, βούρκιν: pantano, malta, acquazzo; сл. v. 43 объ Евфратѣ: βουρνωμένος), метни копьемъ въ финиковое дерево (по ту сторону рѣки). — Армури перебирается за Евфратъ и, не давъ «одеждѣ своей высохнуть», наѣхалъ на Саракина, ударомъ кулака вышибъ ему челюсть и спрашиваетъ: гдѣ войска? — Не пристало храбрецамъ — прежде ударить, а потомъ распросить, говоритъ Саракинъ: «клянуся государемъ солнцемъ милымъ, клянуся его милой матерью (v. 61 μὰ τὸν κύρ ἥλιον τὸν γλυκύν, μὰ τὴν γλυ-

¹⁾ Дестунисъ обозначилъ точками опущенное имъ непонятное слово: ἀάβάκς(?). Но второе полустишье не указываетъ на пропускъ.

κείαν του μάνα; сл. v. 76, 87, 95), вчера насъ было набрано до сотни тысячъ, всё молодцы, отборные, съ зелеными щитами: это такой удалый народъ, что имъ и тысячи не страшно, ни тысячи, ни десятка тысячъ, ни сколько-бы имъ ни встрѣтилось». — Взвѣхавъ на вершину горы, Армури видитъ несчетное войско и раздумался: «коли нападу на нихъ невооруженныхъ, всегда будутъ хвастаться, что я засталъ ихъ невооруженными и не далъ имъ помѣриться». И онъ кричитъ, что есть силы: Вооружайтесь Саракины, собаки вы поганья (v. 72 σκυλιά μαγαρισμένα; сл. v. 92); Армуричъ (Ἀρμουρόπουλος), сынъ Армура, храбрый богатырь, переѣхалъ рѣку! — Завязывается битва:

80 καὶ τότε πάλιν τὸ παιδὶν καὶ αὐτὸ καλὸ τ'ἀρίστι
 ὄραϊον σπαθίτζιν ἔσυρε ἀπὸ ἀργυρὸν φηκάριν
 εἰς τὸν οὐρανὸν τὸ ἀπέταξεν, εἰς τὸ χέριν του τὸ δέχθη
 κροῦ πτεριστηρέαν τὸν μαύρον του, ἐκεῖ κοντὰ ζυγώνει
 «ἀπὸ τὸ γένος τοῦ διαβό ἄν σᾶς ἀλησημονῆσω».
 Καὶ συγκροτάει πόλεμον καλὰ, ἀνδρειωμένα
 τὰς ἄκρας, ἄκρας ἔκοπε, ἡ μέση ἔδαπανᾶτον
 μὰ τὸν κύρ ἥλιον τὸν γλυκύν, μὰ τὴν γλυκείαν του μάνα,
 ὅλην τὴν ἡμέραν τοὺς ἔκοπτε τὴν ἄνω ποταμίαν,
 καὶ ὅλην τὴν νύκτα τοὺς ἔκοπτε τὴν κάτω ποταμίαν.
 ἔθεσεν καὶ ἀπόθεσέν τους, κανένα δὲν ἀφῆκε.

Армури спѣшивается, чтобы освѣжиться, а въ это время одинъ «собака Саракинъ» уводитъ его воронаго и уноситъ палицу. Сорокъ миль гонится за нимъ пѣшій молодець, нагнавъ его у воротъ Сиріи, отсѣкъ ему руку и приговариваетъ:

99 ἄμα καὶ ἐσύ. Σαρχηνέ, νὰ πῆς καὶ σὺ μαντάτο.

До сихъ поръ мы знали объ отцѣ Армури лишь то, что онъ отсутствуетъ, что его дома желаютъ видѣть: «пускай ты съ моимъ батюшкой свидишься», говорить Армури матери въ началѣ пѣсни. Теперь мы узнаемъ, что старикъ Армури въ плѣну у Саракинъ и сидитъ снаружи у двери своей тюрьмы, когда является на сцену раненый молодець Саракинъ. Отець тотчасъ-же узналъ своего воронка, палицу своего сына — а всадника-то не видятъ.

103 βαρέα βαρέα ἀναστέναζεν καὶ ἐσεισθη ὁ πύργος ὅλος,
καὶ τότε πάλιν ὁ ἀμηνῶς τοὺς ἄρχοντας ἐλάλει
«ἄμετ' ἰδέτε οἱ ἄρχοντες, τί ἔχει καὶ ἀναστέναζει;
ἂν ἔν τὸ γιῶμα τοῦ κακόν, νὰ φάγη ἐκ τὸ δικό μου,
εἴτ' ἔνε τὸ οἰνάριον τοῦ κακόν, νὰ πῖη ἐκ τὸ ἐδικόν μου,
εἴτε βρωμᾶ ἢ φυλακὴ, νὰ τὴν μοσχοκαπνίσουν.
εἴτε εἶναι βαρέα τὰ σίδηρα, νὰ τὰ λαφροκοπήσουν».

Не отъ вина и не отъ пищи и не отъ тяжелыхъ цѣпей мое горе отвѣчаетъ узникъ (v. 110 слѣд.), эпически повторяя, но въ смыслѣ отрицанія, слова и содержаніе эмировой рѣчи: горе мое въ томъ, что я узналъ своего коня и палицу сына, а его самого не вижу. — «Погоди, Армуръ мой, погоди немножко, говорить ему эмиръ: пусть крѣпко ударятъ въ органы, пусть громко въ трубы затрубятъ, пусть соберется Вавилонія и вся Каппадокія, и тогда, гдѣ-бы ни находился твой сыночекъ, . . . пусть со связанными назади руками приведутъ его къ тебѣ. Подожди еще немножко». Ударили въ органы, затрубили въ трубы, — и никто не явился, кромѣ однорукаго Саракина ¹⁾, который, на вопросъ эмира, принимается рассказывать о пораженіи саракинскаго войска молодымъ Армури. Согласно стилю народной эпической пѣсни рассказъ этотъ воспроизводитъ, большей частью дословно, и въ третьемъ лицѣ, то, что мы знаемъ уже объ этомъ дѣлѣ отъ лица самого пѣвца: ст. 134—137 = ст. 62—65, ст. 139—152 = ст. 71—84, ст. 153—158 = ст. 86—91, ст. 160—166 = ст. 93—99. Подобныя повторенія встрѣчаются и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника.

«Небось хорошо это, Армуръ ты мой, что творить твой сыночекъ?!», говорить эмиръ старому узнику. «Тогда-то мой Армуръ прекрасную грамотку пишетъ и съ птичкою посылаетъ ее, съ прекрасною ласточкою: «Скажи ты ему, сыну суки, чаду беззаконія (v. 171: εἰπέ τῆς σκύλας τὸν υἱόν, τῆς ἀνομίας τὸ τέκνον): гдѣ только встрѣтитъ Саракина, чтобъ его миловалъ,

¹⁾ κουτσοχέρης v. 125, 126. Сл. Μονοχέρης, прозвище, которымъ Павликіяне переводили арабскую кличку эмира Ambron'a: Alakta = однорукій.

какъ-бы не попался ему въ руки, и ему помилованія не будетъ». А юноша тогда прекрасную грамотку пишетъ, съ птичкою посылаетъ её, съ прекрасною ласточкой: «Скажите государю моему, милому моему батюшкѣ, что пока я вижу наши хоромы на двойныхъ запорахъ, пока вижу маму мою, одѣтую въ черномъ, пока вижу братьевъ моихъ, одѣтыхъ въ черномъ, до тѣхъ поръ я гдѣ ни найду Саракина, кровь его я выпью; а коли-то раззадорятъ меня — такъ я и на Сирію налягу: закоулки (v. 182: τὰ στεμνο-ρύμια) Сиріи головами наполню, сухіе гребни (v. 183: τὰ ξηρο-ράχια) Сиріи я кровью наполню». Какъ услышалъ это эмиръ, убоился, велитъ вывести стараго Армура: пусть вымоется въ банѣ, переѣнится, отобѣдаетъ за его столомъ. По обѣдѣ онъ говоритъ ему: «Ну-же, Армуръ ты мой, ну-же иди на свою родину и наставь ты своего сына: зятемъ его возьму, не къ племянницѣ и не къ двоюродной, а къ моей дочери, свѣту моему, очамъ моимъ. Наставь ты сына своего..., гдѣ только встрѣтитъ Саракина, пусть его мидуетъ; а коли прибыль перенадетъ, пусть вмѣстѣ дѣлать, . . . и пусть живутъ въ любви».

Этимъ кончается петербургскій текстъ былины; кончалась-ли такимъ образомъ и самая былина — вотъ вопросъ.

II.

Въ народномъ характерѣ разобранной нами пѣсни не можетъ быть сомнѣнія: за него говорить и языкъ и весь стиль и поэтическіе обороты — знакомыя общія мѣста современныхъ греческихъ пѣсенъ. На интересныя параллели указалъ проф. Дестунисъ (стр. XVI слѣд.); я воспользуюсь нѣкоторыми изъ его указаній, чтобы присоединить къ нимъ новыя.

Старый Армури, увидѣвъ своего коня и палицу сына, тяжело вздохнулъ, такъ что башня дрогнула, а эмиръ велитъ спросить его, чѣмъ онъ недоволенъ: виномъ-ли или пищей и т. д. (ст. 103—107). Сл. Νεοελληνικά Ἀνάλεκτα I, 2, № 19, 6—10:

ὁ Γιάννης ἀναστέναξε κ' ἡ φυλακὴ ἐταράχθη.
 Βασιλοπούλα τᾶκουσε μέσα 'ς τὴν κάμαρά τση
 καὶ στέλνει καὶ τὸν ἔκραξε γιὰ νὰ τόνε βωτήση.
 — Γιάννη, ἂν πεινάς δὲ γεύεσαι, Γιάννη, ἂν διψᾷς δὲν πίνεις;
 Γιάννη τ' ἔχεις καὶ θλίβεσαι καὶ βαρυαναστενάξεις; ¹⁾.

Шесть разъ встрѣчается въ текстѣ типическая клятва героя — солнцемъ и его матерью: *μὰ τὸν κύρ ἥλιον τὸν γλυκὺν, μὰ τὴν γλυκειάν τοῦ μάνα*. Проф. Дестунисъ (р. XII) припоминаетъ по этому поводу извѣстное въ новогреческой народной поэзій олицетвореніе: *κύρ Χάρος, ὁ κύρ Βοριάς*; новогреческія сказки знаютъ такое же олицетвореніе солнца и его матери; являющейся и въ болгарскихъ, сербскихъ, русскихъ, малорусскихъ, чешскихъ, словенскихъ, польскихъ и румынскихъ сказкахъ ²⁾. — Народное представленіе солнечевой матери восходитъ такимъ образомъ въ глубь среднихъ вѣковъ, какъ съ другой стороны солнце-исполнѣ новогреческихъ повѣрій уже зародилось въ *γίγας ἥλιος* Θεοδора Προδρομα (*Ῥοδάνθ. καὶ Δοσίκλ. βιβλ. ζ, v. I*) ³⁾.

Птица-вѣстникъ (въ Армури: ласточка) принадлежитъ къ любимымъ образамъ народной поэзій; онъ знакомъ и романо-

¹⁾ Сходно съ этимъ ib. I, 2, № 20, 5 слѣд.; сл. Рязнов, *Carmina popularia* № 449, 11—18; Дестунисъ, Армури, стр. XVIII, прим. 26. Сл. въ былинахъ объ Иванѣ-Гостинюмъ сынѣ вопросъ Владиміра: почему онъ не вѣсть, не пѣть, не хвастаетъ:

Мѣсто-ли было тебя не по любви,
 Хлѣбъ-да-соль не по души,
 Царой тебя пообошли,
 Пьяница не надсмѣялась-ли?

Гильф. № 135; сл. Рыбн. III, № 34, vv. 24—26.

²⁾ См. Лѣтописи русск. литературы 1859—1860, V: Женитьба солнца на красавицѣ Грозданкѣ; Аванасевъ, Поэтич. воззрѣнія, I, р. 177, 180; П, стр. 40—1, 126, 129; III, стр. 390; Πολίτης, Ὁ Ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους и отчетъ въ monkъ Разысканіяхъ, VIII, стр. 295.

³⁾ Сл. еще Никиту Евгеніана, *Δοσίλλ. καὶ Χαρίκλ.*, V, v. 2 (τοῦ γίγαντος καὶ φεραυτοῦς ἥλιου). Выраженіе, близкое къ образамъ новогреческой пѣсни, о красавицѣ, какъ дочери, отродѣ солнца, также встрѣчается у Никиты, I. с. В, v. 76, 85.

германскому миннезангу. Уландъ и Ваккернагель ¹⁾ собрали нѣсколько указаній на распространенность этого народно-поэтического представленія. Голубь, какъ вѣстникъ любви, встречается уже въ Антологіи, № 14; въ болгарской пѣснѣ плѣнный Богданъ пишетъ своей женѣ Ангелинѣ письмо — на крылѣ голубя; тотъ-же образъ извѣстенъ и народной греческой поэзіи ²⁾.

Эпическимъ стилемъ отзывается и похвальба витязей, особливо передъ битвой. Ты хочешь за Евфратъ переѣхать, кричить Саракинъ Армури, а того не смогутъ и наши кони, что вѣтеръ нагоняють, голубя и куропатку на лету, зайца на бѣгу хватають!

Такъ хвалится и Дигенисъ (не о конѣ):

1481 Τρεῖς φοραὶς εἰς τὰν ἡφόρο τὸν λαγὸν ἐπιασά τον
καὶ ἄλλαις πάλιν τρεῖς φοραὶς ὀπίσω ἴγυρισά τον
καὶ πέρδιχα πετάμενη ἐπλωνα, καὶ πικνά την,
τὸ χέρι μου, καὶ ὕστερα ἐγὼ ἐμέρωνά την ³⁾;

а въ критской пѣснѣ ⁴⁾ о молодцѣ говорится:

Ἐ τὸ γλάκιο πικνὸ ὁ νιὸς λαγὸ, ἔς τὸν πῆδο πικνὸ ἀγρίμι,
τὴν πέρδιχα τὴν πλουμιστὴ ὀπίσω τὴν ἀφίνει.

Укажу въ этой связи на стремительную поѣздку Армури:

29 ὥστε νὰ εἰπῆ ὅτι ἔχετε ὑγείαν, ἐδιέβη τριάντα μίλια,
ὥστε νὰ τὸν ἐπιλογηθοῦν, ἐδιέβη ἐξῆντα πέντε.

Сл. тѣ-же почти выраженія въ кипрскихъ пѣсняхъ у Сакелларія: Петръ, увозя жену Константина, пришпорилъ своего коня Склерокарта, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать: «Будьте здоровы!», онъ уже умчался на тысячу миль, прежде чѣмъ закричалъ: «Прощайте»!, проскакалъ другую тысячу (№ 2; тоже въ № 3:

¹⁾ Uhlands Schriften, III, стр. 110 слѣд.; Wackernagel, "Epos pteróvntx. Basel, 1864.

²⁾ Безсоновъ, Болг. пѣсни, I, стр. 19—31: Богданъ; сл. Миладиновци Блг. нар. пѣсни, № 89; *ibid.* № 63; Müller (Fauriel), Neugriechische Volkslieder, II, стр. 46, № XXI; Passow, № CXCVIII, и *passim.*

³⁾ Lambros, Collection de romans grecs, p. 172.

⁴⁾ Jeannakaki, "Ασματx Κρητικá, № 142.

пѣсня о Теофилактѣ¹⁾). Иначе выражена чудесная скорость бѣга въ пѣснѣ изъ Архипелага: воронко бѣжить, что вѣтеръ, за нимъ гонятся, но онъ исчезъ изъ виду; у кого изъ преслѣдовавшихъ конь былъ быстрый, тотъ еще видѣлъ пыль отъ мчавшагося; у кого былъ поплоче, не видѣлъ и пыли:

58 Μηδὲ τὸν μαῦρον εἶδανε, μηδὲ τὸν κονιαρτό του
 Ὅπουχε μαῦρο γλήγορο; εἶδε τὸν κονιαρτό του,
 Ὅπουχε μαῦρο πάρακα, μηδὲ τὸν κονιαρτό του.

(Passow, № ССССXXXIX, р. 319—20). Сл. соотвѣтствующія выраженія въ нашихъ былинахъ:

Только видѣли стараго сѣдучисъ,
 А не видѣли стараго поѣдучисъ,
 Только куревко въ полѣ воскурилось,
 Туманъ въ полѣ затуманился

(Рыбн. I, № 13, vv. 91—94; сл. ib. № 47, v. 76—8);

И видили добра молодца сядуци,
 И не видили добра молодца поѣдуци

(Гильфердингъ № 107; сл. № 217, стр. 1026);

Еще видѣли, — Илья на коня-то сѣлъ,
 А не видѣли, — куда поѣздку далъ

(Кир. I, стр. 78; сл. ib. стр. 57; IV, стр. 14);

Только видѣли молодца на конѣ сядучисъ,
 А не видѣли со двора его поѣдучисъ.

(Рыбн. I, № 27, v. 258—9). Сл. ib. I, № 30, v. 70—2; II, № 28, v. 78—9, 139—140; № 65, vv. 38—39; Гильф. № 206, стр. 968.

Армури хвастается своей силой: «а хочешь-ли, мама, хочешь-ли, передъ тобой его изломлю», говорить онъ матери, указывая на тугое отцовское копье. Сознаніемъ несокрушимой

¹⁾ Συζητήριον, Τὰ Κυπριακά, τ. III.

мощи, выражающимся въ грубыхъ формахъ похвалы, но переходящимъ въ сознаніе «чести и хвалы молодецкой», отзывается его рѣшеніе — не нападать неожиданно на враговъ, не приготовившихся встрѣтить его, чтобы не дать имъ повода говорить, будто онъ не хотѣлъ помѣряться съ ними равными силами: «Саракины вооружайтесь, собаки вы поганья, живо надѣньте брони, . . . повѣрьте вы тому, что Армуръ переѣхалъ, Армурычъ, сынъ Армура, храбрый богатырь». Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ отнести къ тому эпизоду русскаго Девгенія, гдѣ греческіе витязи посылаютъ къ эмиру плѣнныхъ Саракиновъ, чтобы предупредить его: «да не рекъ бы онъ такъ, Амиръ царь, что мы придоша къ нему татемъ»¹⁾. Такъ и наши былинные богатыри не нападаютъ на спящаго врага:

Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
А бить-то мнѣ-ка соннаго что мѣртваго

(Гильф. № 49: Добрыня и Алеша), а въ старо-славянской повѣсти о Троянскихъ Дѣяніяхъ²⁾ такъ именно говоритъ старецъ Пріамъ Ахиллу, когда тотъ, проснувшись, вдругъ увидѣлъ его въ своемъ шатрѣ: «Не бои са, господине, ѡтъ млада того нѣсмъ створилъ, да снаца витеза погоубла». — Непосредственно реально выражается то-же кичливое чувство мощи въ пѣснѣ о сынѣ Андроника, когда онъ велитъ связать себя по рукамъ и по ногамъ, зашить глаза тройною ниткою, прицѣпить подъ мышки свинцу и заковать ноги въ двойныя желѣзныя кляпцы — за тѣмъ лишь, чтобы показать свою силу³⁾, — какъ наши старшіе богатыри похваляются, что повернули бы землю, если бы были у нихъ кольца, одно въ землѣ, другое въ небѣ.

Молодецкую похвалу вижу я и въ швыряніи сабли къ небу и подхватываніи ея на лету, передъ началомъ битвы (Армури, в. 81—2). Параллельныя мѣста изъ новогреческихъ пѣсенъ,

¹⁾ Пам. старинн. русск. лит., II, стр. 380.

²⁾ Miklosich, Trojanska priča, Starine, III, 180.

³⁾ Дестунисъ, Разысканія, стр. 70.

приведенныя проф. Дестунисомъ въ объясненіе соотвѣтствующаго положенія въ былинѣ объ Армури, не уясняютъ дѣла ¹⁾. Мы имѣемъ дѣло съ типическимъ образомъ, характеризующимъ представленіе битвы — богатырской потѣхой, въ которой весело и кичливо проявляется молодецкая удаля. Въ русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ (и румынскихъ) пѣсняхъ витязь, выѣзжая на бой, точно расправляетъ свои мѣшцы, швыряя высоко, подѣ облака, свою палицу, копье либо саблю, и подхватывая на лету тяжелое оружіе, которымъ вращаетъ легко, точно лебединымъ перомъ ²⁾.

Это — естественная прелюдія къ битвѣ — и битва началась: Армури «заводитъ бой крѣпко, мужественно, все по краямъ рубилъ, а середина изводилась. Въ кипрской пѣснѣ у Сакелларія № 2 Константинъ бьется съ непріятельскимъ войскомъ: бросится на задній полкъ, передній идетъ въ разсыпную, бросится на передній, задній не можетъ устоять (сл. ib. № 3: Теофилактъ по краямъ бралъ, середина изводилась). — Точнаго соотвѣтствія къ этой эпической формулѣ я не знаю. Въ былинѣ у Кир. III, № 2, стр. 119 поется:

Тутъ Константинушка Сауловитъ
Зачалъ Татаровъ съ краю битъ;

Тамъ-же, № 2, стр. 48, vv. 161—2:

Бей-ко ты, Михайло, силу съ *крайчику*,
Не заѣжай-ко се, Михайло, въ силу въ *матику*.

Сл. Кир. IV, № 6, стр. 44:

Доставалася Самсону *рука правая*,
Никитѣ съ Алешей *рука лѣвая*,
Илейгѣ доставалась *середка силы, матица*

(сл. Армури v. 86: τὰς ἄκρας, ἄκρας ἔχοπε, ἢ μέση ἑδαπανᾶτον).

¹⁾ Сл. стр. XVIII—XIX: Passow, № CCCXVIII, v. 35; *Neοελληνικὰ Ἀνάλεκτα* I, 2, № 27 и 17: золотую сабельку, золотой ножъ выхватилъ онъ изъ серебряныхъ ноженъ, къ небу подбросилъ, а онъ очутился въ сердцѣ, вонзился въ шею.

²⁾ Сл. О. Миллеръ, *Илья Муромецъ*, р. 16, 23, 185, 248, 362, 569 (примѣры изъ былинъ можно-бы безъ труда умножить); *Буславъ*, Русск. богат. эпосъ, Русск. Вѣстн. 1862, т. 41, стр. 92; *Безсоновъ*, Болг. пѣсни I, стр. 16, прим. 5; мои Разысканія VI, стр. 259.

Такъ и въ нашемъ Девгеніи говорится о трехъ братьяхъ-вѣтяхъ: «болшой братъ поѣде съ правыя руки, середній въ болшой полкъ, а меншой съ лѣвую руку¹⁾. — Войско Сарацинъ, излюбленное прозвище которыхъ: *σκυλιά μαχαρισμένα*, напоминаетъ «собаку-Калина царя» нашихъ былинь, вооружено зелеными щитами, *πρασινωσκούταράτοι*; издатель спрашиваетъ себя, не стоять-ли этотъ эпитетъ въ связи съ особымъ значеніемъ, какое дается зеленому цвѣту у магометанъ. Припомнимъ съ одной стороны Дигениса поэмы (по изданію Сааы и Леграна), у котораго въ рукахъ зеленое арабское копье (не съ зеленымъ-ли значкомъ?), съ другой — зеленые шлемы старофранцузскаго эпоса.

Богатырская сила витязя проявляется съ юныхъ лѣтъ: мальчикъ Армури сгибаетъ отцовское копье, тряхнуль имъ, хочеть его сломить; никогда не ѣздилъ верхомъ, а только руками приударилъ, и сталъ всадникомъ. Такъ и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника: когда ему было два года, онъ схватился за мечъ, брался за копье; въ три года онъ уже ходитъ, ничего не боится, и слава о немъ гремитъ. — Трапезунтская пѣсня о Порфиріи выражаетъ его зачинающуюся мощь — гигантскимъ аппетитомъ: ему день отъ роду, а онъ уже съѣдаетъ сухарь, на второй день — цѣлый коровай; на пятый — всѣ хлѣбы, что были въ печи:

*Μονοήμερος ἔτονε κ' ἔφαγεν παξιμάτιν,
διήμερος ἐγέντουνε, ἔφαγ' ἕναν φουρνάριον,
πεντεήμερος ἐγέντουνε, ἔφαγεν τὴν φουρνέαν.*

Другая пѣсня изъ той-же мѣстности поеть о «сынѣ монахини», Порфиріи, что еще въ колыбели онъ съѣдалъ по барану и овцѣ. Сыномъ монахини дѣлаеть Порфиріи и пѣсня изъ Сиры: въ пятницу она родила его, въ субботу окрестила, а въ воскресенье онъ просить дать ему бобовъ пощелкать; на пятый день онъ

¹⁾ Пам. старинн. русск. лит., II, стр. 380. — Въ Джангаріадѣ Altan-Züdschi сражается по срединѣ, Bogda-Dschangar на правомъ, Chongor на лѣвомъ крылѣ. Сл. Bergmann, Nomadische Streifereien unter den Kalmücken. Riga 1805, IV, 212—213.

берется за саблю, на шестой за копье, а на седьмой похваляется, что не боится никакого храбреца:

Ἦ καλογορηὰ ἐγέννησε τὸ γυιὸ τῆς τὸ Πορφύρεον,
 παρασκευὴ τὸν γέννησε, σάββατο τὸν βαφτίζει,
 κυριακὴ ἐζήτησε κουκκιά νὰ κοκκλίση,
 ἔ τῆς πέντε πιάνει τὸ σπαθί, ἔ τῆς ἕξι τὸ κοντάρι,
 καὶ ἔ τῆς ἑπτὰ καυχῆστηκεν πῶς ἄνδρας δὲν φοβᾶται н т. д. ¹⁾.

Въ нашихъ былинахъ и сказкахъ юный богатырь проявляетъ себя въ недѣтскихъ «шуточкахъ», приводящихъ въ ужасъ всѣхъ окружающихъ:

Сталь Василька на улочку похаживать,
 Не легкія шуточки пошучивать:
 За руку возметъ, рука прочь,
 За ногу возметъ, нога прочь,
 А котораго ударитъ по горбу,
 Тотъ пойдетъ, самъ сугулится ²⁾.

Такъ и въ сказкѣ о Русланѣ, персидскомъ Рустанѣ, пересказанной по какому-то восточному оригиналу ³⁾.

Мальчику-богатырю соответствуетъ и богатырскій жеребенокъ, точно предназначенный для него, подчиняющійся лишь его волѣ. Новогреческихъ пѣснямъ это представленіе извѣстно, но оно смѣшивается иногда съ другимъ, такъ-же народнымъ: о ста-

¹⁾ Сл. E. Legrand, Chansons populaires grecques, publiées avec une traduction française etc. Spécimen d'un recueil en préparation (Paris, 1876), p. 12—15. См. еще тѣ-же подробности въ былинахъ о Порфиріи - Лиссарѣ у Дестуниса, Разысканія № 16—19, стр. 79—84, и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника ib. стр. 68 слѣд.

²⁾ Рыбн. I, № 55; Гильфердингъ, № 30, стр. 152—153; сл. стр. 215, 722 и т. д. То-же въ былинахъ о Саулѣ Леванидовичѣ, о которыхъ см. далѣе. Сл. Radloff, Proben der Volksliter. der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, II, 254—5.

³⁾ Въ Шахъ-намѣ о Рустанѣ разсказывается слѣдующее: его кормить грудью десять кормилицъ; поздне онъ съѣдаетъ столько мяса и хлѣба, сколько пять взрослыхъ мушницъ. Дѣдъ дивится его росту, широкой груди, крѣпкимъ, верблюдо-подобнымъ ногамъ, львиному сердцу, силѣ льва и пантеры. Но о «шуточкахъ» нашего Руслана нѣтъ и рѣчи.

ромъ, заброшенномъ, отцовскомъ или дѣдовскомъ конѣ, ожидающемъ появленія юнаго витязя, чтобы помолодѣть и снова окрылиться. Конь молодого Армури принадлежитъ, вѣроятно, ко второй категоріи: онъ двѣнадцать лѣтъ какъ не бывалъ подъ сѣдломъ — потому, можетъ быть, что столько именно лѣтъ отсутствуетъ его хозяинъ, отецъ молодого Армури. — Необходимо предположить, что пѣвецъ слѣдующей трапезунтской пѣсни смѣшалъ оба ходячія представленія, потому что въ началѣ говорится о старомъ конѣ, а далѣе къ нему обращаются какъ къ — жеребенку. Если это не смѣшеніе, то въ названіи «жеребенка» можно искать провѣи.

Апелаты похитили жену Акрита, когда его самого не было дома. Птица приноситъ ему вѣсть о похищеніи; онъ спѣшитъ домой, видитъ всѣ двери растворенными, окна безъ ключей, идетъ въ конюшню и обращается съ просьбой къ конямъ: Скажите, Бога ради, который изъ васъ бѣжитъ проворно? — Ни одинъ не отвѣчаетъ, не издаетъ звука; проговорился лишь *древній конь*: Дай мнѣ отборнаго корму, и я умчу тебя. — Акритъ садится на него, поѣхалъ. На Девскомъ мосту Эллины хотятъ задержать его, а онъ говоритъ: Пропустите меня черезъ мостъ, у меня конь — молодой *жеребенокъ* и не можетъ обойтись безъ корму; моя милая — дѣвица молодая и не можетъ обойтись безъ меня. — Доѣхавъ до воротъ города, куда увлекли его жену, онъ держитъ привратникомъ ту-же рѣчь: Откройте мнѣ, привратники, чтобы мнѣ войти! Мой конь — молодой жеребенокъ и т. д.¹⁾ — Въ приведенной выше кипрской пѣснѣ (Сакелларій, № 2) Петръ увозитъ жену Константина, который также обращается къ своимъ конямъ съ вопросомъ: который изъ нихъ возметъ догнать свою похищенную госпожу. При этихъ словахъ боевые кони падаютъ замертво, молодые жеребята мочатся кровью, проговорилъ лишь одинъ конь: Я силенъ и смѣлъ, и догоню мою госпожу, что тай-

¹⁾ Sathas et Legrand, Les exploits de Digenis Akritas, Introd. p. LVII—VIII. Сл. Дестунисъ, Разысканія № 3, стр. 15 слѣд.

комъ кормила меня ячменемъ изъ своего передника, поила изъ серебрянаго ковша. Наложил на меня двѣнадцать сѣделъ, десять попонъ и 18 подругъ, и я помчусь быстро; только не шпорь меня. Сл. такой-же наказъ коня—не шпорить его—у Legrand, Recueil de chansons pop. grecques № 145, vv. 17—19; для сюжета — Passow'a Carm. pop. №№ 439, 440: та-же просьба, обращенная къ конямъ:

«Ποιός εἶν' καλός ἀπό τ' ἐσᾶς τοῦς ἐβδομηνταπέντε,
 Ν' ἀστράψῃ στήν ἀνατολή καί νά βρεθῇ στή δύσι;»
 Οἱ μαῦροι ὅσοι τ' ἄκουσαν, ὄλ' αἶμα κατουρῆσαν
 Κ' ἡ μαύρες ὅσες τ' ἄκουσαν, ὄλες πουλάρια ρίξαν,
 Κ' ἕνας παλιός γερούτσικος καί σαραντοπληγιάρης
 Ἐγώμαι γέρωσ κι' ἄρρωστος, ταξείδια δὲν μοῦ πρέπει.
 Μά γιά χατῆρι τῆς κυρᾶς νά μακροταξειδέψω,
 Ὅπου μ' ἀκριβοτάγιζε στό γύρο τῆς ποδιᾶς της,
 Κι' ὅπου μ' ἀκριβοπότιζε στά χουφτα τοῦ χεριοῦ της.

(Passow № 439) ¹⁾.

Эпическая подробность о конѣ, сѣдающемъ «подкову гвоздчатую», встрѣчается и въ кипрскихъ пѣсняхъ у Сакеларія, №№ 3 и 16: о конѣ, раздробляющемъ камень и желѣзо, пожирающемъ удила; въ одной пѣснѣ съ Олимпа то-же говорится о трехъ коняхъ:

Τοῦ Κῶστα τρώει τὰ σίδερα, τ' Ἀλέξη τὰ λιθάρια,
 καί τοῦ μικροῦ Βλαχόπουλου τὰ δένδρα ξεριζώνει ²⁾.

Русскія и румынскія сказки знаютъ чудесныхъ коней, которыхъ кормятъ — горячими угольями.

Въ нашихъ былинахъ и сказкахъ богатырскіе кони рисуются въ тѣхъ-же самыхъ чертахъ, восполняющихъ греческія пѣсен-

¹⁾ Сл. Müller (Fauriel), l. c., II, № XI. Въ пѣснѣ у Jeannarakі № 263 сынъ вдовы обращается къ своему коню съ обѣщаніемъ другого рода: раззолотить его, золотыя подковы сдѣлать, стремяна и уздечку изъ перстней русой дѣвицы.

²⁾ Τραγούδια τοῦ Ολύμπου, συλλεγόμενα ὑπὸ Αἰθ. Κ. Οἰκονομίδου, стр. 54, № 72.

вья преданія, либо восполняемыхъ ими. Ихъ быстрота изумительна: Мать Дигениса посылаетъ ему трехъ коней,

619 'που πετοῦν 'στὰ γεράκια
γὰ νὰ περνοῦσιν ποταμούς καὶ τὰ πλάτεια κυλάκια ¹⁾.

Съ болѣе чудесными чертами являются они въ русской повѣсти о Девгеніи ²⁾: одинъ конь — вѣтеръ, другой — громъ, третій — молнія. Сарацинамъ поручено увезти эмира вмѣстѣ съ его милой: какъ только выведутъ они ихъ изъ греческаго царства, да сядутъ на коня-вѣтеръ, такъ и станутъ невидимы. — Конь витязя зовется «γοργυρόνατε καὶ ἀνεμοκυκλόποδη» (Jeannarakі № 263), онъ такъ легокъ, что не поднимаетъ пыли (κροναχτούς ἐν βράλλει, Сакелярій, I. с. III № 3); конь Константина (Passow, Sam. рор. № DXV) мчится, — спереди, словно молнія, сзади будто громъ ³⁾; не та-же-ли идея быстроты вызвала первоначально и образъ коня, напр. въ былинахъ о Сокольниковѣ:

Подъ нимъ конь, какъ лютый звѣрь,
Изъ поздрей-то искры сыплются,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ стоитъ?

(Рыбн. I, № 13, в. 14—16 и друг.).—Конь русскихъ сказокъ ⁴⁾ и былинь поднимается выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго,

И ископытъ мечѣ кониную
И по-повыше лѣсу онъ жароваго,
И по-пониже онъ облака ходячаго.

(Гильф. № 252: Михайло Дородовичъ); сл. Кир. III, стр. 111, № 2, в. 44 слѣд. (Суровець—Суздалецъ):

¹⁾ Lambros, I. с. р. 138.

²⁾ Пам. старинн. русск. литер. II, стр. 388. Сл. мои Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ, Вѣстн. Европы, 1875 г., Апрель, стр. 758; Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, Russ. Revue 1875, IV Jahrg., 6-es Heft, p. 549.

³⁾ Сл. въ поэмѣ о Дигенисѣ, изд. Ламвромъ (стр. 121: В, 201—204):

Τὸ ἄλογο τοῦ Κωνσταντῆ ἔτρεχεν 'ς τὸν ἀέρα·
εἰς τὸ κεφάλι εἶχε νε χρουσό ἀστέρα,
καὶ ὀπίσω 'ς τὴν ῥάχι του ἄτον ζωγραφισμένο,
ἀπὸ χρυσάφι καθαρό καὶ λίθους κοσμημένο.

⁴⁾ Сл. Кир. III, Прилож. стр. XXVIII—IX.

Подымается его добрый конь
 Выше дерева стоячаго,
 Ниже облака ходячаго,
 Горы и доли между ногъ пускаетъ,
 Быстрыя рѣки перепрыгиваетъ,
 Широкія раздолья хвостомъ устиляетъ,
 По землѣ бѣжитъ — земля дрожить,
 Въ лѣсу раздается — на нивахъ чуть

(сл. Кир. IV, Прилож., стр. XXIX, v. 61—3: о Суровцѣ-Суздальцѣ);

Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
 А другаго ускока не могли найти

(Кир. I, № 6, стр. 42, vv. 24—5); либо скачетъ черезъ стѣну
 бѣлокаменну (Кир. I, стр. 60, № 1),

Рѣки, озера перескакивалъ,
 А темные лѣса промежь ногъ пушалъ

(Рыбн. I, № 9, vv. 27—8; сл. ib. № 10, vv. 43—5; Кир. IV,
 № 6, стр. 40, vv. 58—9: о татаринѣ; Гильф. № 287: объ
 Ильѣ); конь Михайлы Казарянина скачетъ съ берега на берегъ,

Котора рѣка шириною пятнадцать верстъ

(Кир. IV, стр. 92, v. 38); конь Дюка перенесся за Днѣпръ

За цѣлый за помахъ за лошадинній,
 И за цѣлую за версту онъ за мѣрную

(Рыбн. I, № 48 vv. 357—8. См. вообще пѣсни о Дюкѣ); Бу-
 ружко-косматушко Ивана Гостиного сына

побѣгалъ по пятидесять вѣрстъ,
 Скокомъ поскакалъ по семидесять вѣрстъ,
 Заснипѣлъ онъ по змѣиному,
 Заревѣлъ онъ по звѣриному:
 Съ горы желты пѣскы сподымалися,
 Бѣлая вода всколыхалася,
 Съ теремовъ шатры посвагалися.

(Кир. III, № 1, стр. 3, v. 60—66)

Триста жеребцовъ испугалися,
 Съ княженецкаго двора разбѣжался:
 Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
 Кологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ,
 Полоненъ воронкò въ золоту орду бѣжитъ,
 Онъ хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ

(ib. № 3, стр. 8; vv. 130 — 135; сл. Гильф. № 133, стр. 696)—
 какъ въ кипрской пѣснѣ кони, кромѣ одного, богатырскаго, пу-
 гаются и падаютъ замертво въ виду предстоящаго бѣга ¹⁾).

Та-же Кипрская пѣсня у Сакелларія (II, № 2) представляетъ
 еще и другую интересную параллель къ нашимъ былинамъ: какъ
 тамъ конь заказываетъ положить на себя 12 сѣделъ, 10 попонъ
 и 18 подпругъ, такъ поется напр. и о Дюкѣ Степановичѣ:

Сталъ сѣдлатъ-уздатъ добра коня,
 Накладывать потнички на потнички,
 Накладывать войлочки на войлочки,
 На верѣхъ накладывалъ сѣдельшко Черкасское,
 И загибалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Натягивалъ онъ тринадцату,
 Не для ради красы-басы,
 А для ради укрѣпы богатырскія

(Рыбн. I, № 47, vv. 37 — 44); либо для того,

¹⁾ Въ еще болѣе гиперболическихъ чертахъ представляется быстрота коней въ тюркскихъ и татарскихъ пѣсняхъ. См. въ собраніи Radloff'a, I. c. II, пѣсни объ Altyn-Mergän (стр. 278 слѣд.) и Sugdjul Mergän (стр. 307 слѣд.); въ Schifner, Heldensagen der Minussinischen Tataren — пѣсни о Kan Mirgän и Küreldi Mirgän (стр. 235 слѣд.), объ Alten Toktai и Alten Areg (стр. 313 слѣд.). См. еще Schmidt, Die Thaten Bogda Gesser Chan's, стр. 180—181 и Zeitschr. für deutsche Mythologie, II, p. 262 слѣд. — Въ мордовской сказкѣ о «красавцѣ Дамаѣ» такъ описаны кони царя Грома: «Изъ глазъ его коней огни блещутъ, изъ ноздрей дымъ валить, уши прядутъ веретенами, ноги играютъ пестами, хвостъ вѣетъ начевками; когда они бѣгутъ, земля дрожьмя дрожить, небо звеня звенять; изъ подъ ногъ ихъ огни, высѣкаясь, молніей блещутъ. Когда они скачутъ, медвѣди и волки, испугавшись, по лѣсу прячутся, змѣи на своемъ пути, ошалѣвши, въ оцѣпененіе приходятъ, ястреба въ поднебесьи за облака прячутся». См. Образцы мордовской народной словесности, вып. II, Сказки и загадки, стр. 129; сл. стр. 167 (конь «легче земли»).

Чтобы добрый конь съ-подъ седла не выскочилъ,
Добра молодца съ коня не вырвалиъ

(ib. № 49, vv. 69—70; сл. ibid. № 24, v. 12—19: Добрыня; Кир. I, стр. 59, № 1, v. 59—63: объ Ильѣ Муромцѣ; Гильф. № 8, стр. 75: Чурила; № 189, стр. 919: то-же; и passim).

Русскія сказки рассказываютъ о неприглядномъ, «шелудивомъ» жеребенкѣ, котораго юный витязь кормить сорочинскимъ пшеномъ, бѣлояровой пшеницей, поить сытой медвяной, валяетъ въ травѣ по утренней росѣ, — послѣ чего тотъ становится ровней богатырю, настоящимъ богатырскимъ конемъ. Такимъ чудеснымъ жеребенкомъ представляется мнѣ бурушка Ивана Гостинаго сына, которымъ онъ хвалится на пиру у Владиміра; въ описаніи его есть, несомнѣнно, такая-же доля шаржа, какъ и въ малорусской колядкѣ: о молодцѣ, хвастающемся своимъ конемъ передъ королемъ:

Есть у меня да еще бурушка,
Есть у меня да каурушка,
Трѣхъ годковъ жеребѹшечка:
Маленькій, космáтенькій,
Глазочки какъ яблочкы,
Копытчки по рѣшетчку,
Гривушка семи саженьковъ,
Хвостикъ его семидесятъ

(Кир. III, № 1, стр. 2, vv. 24—31; сл. Разысканія VI, стр. 281—2). На этомъ-то бурушкѣ Иванъ готовится бѣжать въ запуски съ жеребцами князя Владиміра; и вотъ онъ идетъ въ конюшню, кланяется своему коню «во правое копытечко», просить его сослужить ему службу. Тотъ отвѣчаетъ:

Ахъ ты Вáнюшко, Гостиный сынъ!
Сослужу я тебѣ слѹжебку,
Не царскую, не государскую,
А свою собственную:
Накорми-жь ты меня пшеной яровою,
Ты напои меня бѣлой ключевой водою,
Выведи меня во чистое поле,

Пусті́ меня на травы зелёныя,
Накормі́ меня травой шёлковою,
Самъ поката́йся и меня покатай.

(Кир. ib. стр. 2—3, vv. 45—54; сл. ibid. № 3, стр. 6, vv. 91—3).
И онъ становится «добрымъ конемъ», какъ бурый, косматенькій,
«немудрый» жеребчикъ Илья Муромца (Рыбн. I, № 8, v. 89 слѣд.).
Такъ шелудивый Шарацъ Марка Краевича крѣпнетъ, будучи
напоенъ виномъ, скачетъ на три копыща вверхъ, на четыре въ
длину и т. д. ¹⁾).

Рядомъ съ представленіемъ чудснаго жеребенка, подъ статью
юному богатырю, извѣстно въ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ
еще и другое: старый дѣдовскій, отцовскій конь, когда-то слу-
жившій древнимъ богатырямъ, стоитъ заброшенный и забытый,
потому-ли, что его считаютъ негоднымъ, или богатырей болѣе
нѣтъ; но стоитъ явиться юному витязю, и старый конь тотчасъ же
распознаетъ его, соберется съ силами, выдержитъ стоя, какъ
вкопанный, ударъ богатырской руки по хребту, отъ чего при-
сѣдаютъ другіе кони ²⁾, и вновь готовъ на боевые подвиги.

Владимиръ велитъ Добрынь и Ильѣ «ѣхать въ путь бога-
тырскую»,

Выправлятъ дани выходы за двѣнадцать лѣтъ,
Во тмъ Индѣи во богатни.

Добрыня жалуется матери, что у него нѣтъ «добра коня».

Отвѣчае добра да ему матушка:
«Ты Добрынюшка сынъ Микитиничъ!

¹⁾ О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 182—188, 260—61, 598 собралъ
нѣсколько указаній для характеристики богатырскаго жеребенка въ народной
поэзіи. О Шарцѣ см. Jagić въ Arch. f. slav. Philol. V, стр. 446. Разсказъ
о томъ, какъ Марко Краевичъ добылъ своего коня, помѣщенъ въ Ма-
тицѣ III, 858—9; пѣсня о томъ-же въ Даницѣ 1861 г., стр. 69.

²⁾ См. сказку объ Ильѣ Муромцѣ у Кирѣвскаго I. с. I, стр. II Приложе-
нія. Такимъ-же точно образомъ пытаются крѣпость своихъ коней Рустамъ
и Зограбъ въ Шахнамѣ, Русланъ въ русской сказкѣ, Ag-Ai въ одной пѣснѣ
минусинскихъ татаръ (Schiefner, l. с. стр. 88—4), Вольфдитрихъ (Holtzmann,
Der grosse Wolfdietrich, строфа 1464) и друг.

Поди на конюшню стоялю,
 А на другу поди ты на ковную,
 Выбрай добра коня учёнаго.
 Буде тутъ тебѣ не прилюбится,
 Опускайся въ погрѣбы глубокіи,
 Стѣнтъ добрый конь богатырскіи
 На двѣнадцати цѣпочкахъ серебряныхъ,
 На двѣнадцати тонкихъ поводахъ,
 На тыхъ-ли на поводахъ шелковыхъ,
 А не нашего шолку — Шемахинскаго».

Не слюбилъ Добрынѣ кони на конюшнѣ, опускался онъ
 въ погреба глубокіе,

Увидѣлъ коня онъ добраго,
 Онъ валился коню во праву ногу:
 «Ужъ ты добрый конь богатырскій!
 Служилъ конь и батюшку,
 Служилъ добрый конь дѣдушку,
 Послужи-тко Добрыни Микитичу
 Во тѣи путі богатырскіи

(Гильф. № 206, стр. 966—7. Сл. Рыбн. I, № 24, в. 134:
 Обсидлалъ онъ — Добрыня — дѣдушкова добра коня). — Въ бы-
 линѣ о Михайлѣ Даниловичѣ точно также говоритъ старикъ Да-
 нило молодому сыну, отправлявшемуся въ поле «пересчитывать-то
 видъ силы невѣрные»:

А поѣдешь ты, Михайло, во чисто полѣ,
 Выѣдешь ты на шеломя на окатиство,
 А по Русскому — на гору да на высокую,
 Да кричи-тко ты, Михайло, во всю голову,
 Ише требуй-ко ты бурушка косматого:
 «Ай, которой же служилъ ты мойму батюшкы,
 Послужи-тко ты топерь сыну Михайлушкы!»
 Прибѣжитъ тутъ конь да видъ косматые,
 Стоитъ онъ на горы да на высокія».

(Кир. III, № 2, стр. 46—47, vv. 126—134; сл. моя Южно-
 русскія былины I, стр. 16).

Пусти́ меня на травы зелёныя,
Накорми́ меня травой шёлковою,
Самъ поката́йся и меня покатай.

(Кир. ib. стр. 2—3, vv. 45—54; сл. *ibid.* № 3, стр. 6, vv. 91—3).
И онъ становится «добрымъ конемъ», какъ бурый, косматенькій,
«немудрый» жеребчикъ Ильи Муромца (Рыбн. I, № 8, v. 89 слѣд.).
Такъ шелудивый Шарацъ Марка Кралевича крѣпнетъ, будучи
напоевъ виномъ, скачетъ на три копыща вверхъ, на четыре въ
длину и т. д. ¹⁾).

Рядомъ съ представленіемъ чудснаго жеребенка, подъ статью
юному богатырю, извѣстно въ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ
еще и другое: старый дѣдовскій, отцовскій конь, когда-то слу-
жившій древнимъ богатырямъ, стоитъ заброшенный и забытый,
потому-ли, что его считаютъ негоднымъ, или богатырей болѣе
нѣтъ; но стоитъ явиться юному витязю, и старый конь тотчасъ же
распознаетъ его, соберется съ силами, выдержитъ стоя, какъ
вкопанный, ударъ богатырской руки по хребту, отъ чего при-
сѣдаютъ другіе кони ²⁾, и вновь готовъ на боевые подвиги.

Владимиръ велитъ Добрынѣ и Ильѣ «ѣхать въ путь бога-
тырскую»,

Выправлятн дани выходы за двѣнадцать лѣтъ,
Во тми Индѣи во богатнн.

Добрыня жалуется матери, что у него нѣтъ «добра коня».

Отвѣчае добра да ему матушка:
«Ты Добрынюшка сынъ Микитинчъ!

¹⁾ О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 182—188, 260—61, 598 собралъ
нѣсколько указаній для характеристики богатырскаго жеребенка въ народной
поэзіи. О Шарцѣ см. Jagić въ Arch. f. slav. Philol. V, стр. 446. Разсказъ
о томъ, какъ Марко Кралевичъ добылъ своего коня, помѣщенъ въ Ма-
тицѣ III, 858—9; пѣсня о томъ-же въ Даницѣ 1861 г., стр. 59.

²⁾ См. сказку объ Ильѣ Муромцѣ у Кирѣевскаго I. с. I, стр. II Приложе-
нія. Такимъ-же точно образомъ пытаются крѣпость своихъ коней Рустамъ
и Зохрабъ въ Шахнамѣ, Русланъ въ русской сказкѣ, Ag-Ai въ одной пѣснѣ
минусинскихъ татаръ (Schiefner, I. с. стр. 88—4), Вольфедитрихъ (Holtzmann,
Der grovve Wolfdietrich, строфа 1464) и друг.

Поди на конюшню стоялюю,
 А на другу поди ты на ковную,
 Выбирай добра коня учёнаго.
 Буде тутъ тебѣ не прилюбится,
 Опускайся въ погрѣбы глубокіи,
 Стоитъ добрый конь богатырскіи
 На двѣнадцати цѣпочкахъ серебряныхъ,
 На двѣнадцати тонкихъ поводахъ,
 На тыхъ-ли на поводахъ шелковыхъ,
 А не нашего шолку — Шемахинскаго».

Не слюбились Добрыни кони на конюшнѣ, опускался онъ въ погреба глубокіе,

Увидѣлъ коня онъ добраго,
 Онъ валился коню во праву ногу:
 «Ужъ ты добрый конь богатырскіи!
 Служилъ конь и батюшку,
 Служилъ добрый конь дѣдушку,
 Послужи-тко Добрыни Мивитичу
 Во тьи путіи богатырскіи

(Гильф. № 206, стр. 966—7. Сл. Рыбн. I, № 24, в. 134: Обсидлалъ онъ — Добрыня — дѣдушкова добра коня). — Въ былинѣ о Михайлѣ Даниловичѣ точно также говоритъ старикъ Данило молодому сыну, отправлявшемуся въ поле «пересчитывать-то видъ силы невѣрные»:

А поѣдешъ ты, Михайло, во чисто поле,
 Выѣдешъ ты на шеломіи на окатисто,
 А по Русскому — на гору да на высокую,
 Да кричи-тко ты, Михайло, во всю голову,
 Ише требуй-ко ты бурушка косматого:
 «Ай, которой же служилъ ты мойму батюшкѣ,
 Послужи-тко ты топерь сыну Михайлушкѣ!»
 Прибѣжитъ тутъ конь да видъ косматые,
 Стоитъ онъ на горы да на высокія».

(Кир. III, № 2, стр. 46—47, вв. 126—134; сл. мои Южно-русскія былины I, стр. 16).

И богатырскій конь служить своему хозяину дѣломъ и совѣтомъ: оповѣщаетъ Добрыню о томъ, что его жена готовится выйти замужъ (Кир. II, № 4, стр. 6, в. 65 слѣд.), предупреждаетъ Михайлу и Илью, что имъ не перескочить третьяго погребя (ib. III, № 2, стр. 48, в. 160 слѣд.; IV, № 6, стр. 44—5, в. 210 слѣд.), какъ кони Момчилы и Марка обѣщаютъ вынести ихъ изъ вражьей орды (Миладиновы № 105, Чолаковъ № 31, стр. 286 слѣд.); богатырь проситъ коня помочь ему въ бѣдѣ: Добрыня и Иванъ Гостиный сынъ падаютъ ему въ правую ногу, въ копыточко, Илья (Рыбн. I, № 12, в. 116 слѣд.) молитъ своего бурушку косматенькаго послужить ему, чтобы поганый не побилъ его въ чистомъ полѣ, не срубилъ-бы буйной головушки и т. п. Сроднившись съ богатыремъ, конь раздѣляетъ его горе и радость, пріязнь и вражду: Шарацъ королевича Марка самъ участвуетъ въ его битвѣ, кусая вражяго коня ¹⁾; Дюкъ Степановичъ наѣхалъ въ полѣ на шатеръ, у полости съ пшеницей бѣлоровой поставлена лошадь богатырская; Дюкъ не рѣшается войти въ шатеръ, какъ-бы не убилъ его спящій въ немъ богатырь, и онъ ставитъ своего коня къ чужому, у одной полости:

Если кони смирно станутъ ѣсть пшеницу бѣлорову,
 Пойду въ шатеръ — не тронетъ богатырь,
 А если кони драться станутъ,
 Поѣду на увздъ — могу-ль уѣхати?

Кони стоятъ смирно, спящимъ богатыремъ оказывается Илья (Рыбн. I, № 47, в. 132 слѣд.; II, № 30, в. 125 слѣд.). Братство (названное) русскихъ богатырей перенесено и на ихъ коней: конь Дюка говоритъ хозяину, чтобъ онъ не боялся за него, пусть бьется «въ великъ закладъ»,

Не уступлю я братьямъ большімъ,
 А не столько что братцу меньшему:
 Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
 А середній братъ у Добрыни Микитинца,

¹⁾ Jagić l. c., стр. 446.

А я третій братъ у Дюка Степановича,
А четвертый ужъ братъ у Чурилы Опленкова

(Рыбн. I, № 48, vv. 334—339); сл. Рыбн. III, № 34, vv. 71—3:
конь Ивана Гостиного сына провѣщился своему хозяину:

Я твою буйву голову повыкупаю,
Князя Владиміра къ стыду приведу,
А большаго брата посоромлю

(т. е. Владимірова коня. Сл. Гильф. № 135, р. 699). — Въ пѣснѣ съ Олимпа ¹⁾ кони Константина, Алексѣя и Влахопула привязаны рядомъ въ то время, какъ ихъ хозяева шпруютъ вмѣстѣ.

Эпическій образъ коня въ поэмѣ объ Армури далъ намъ поводъ къ сближеніямъ, заведшимъ насъ далеко въ область русскаго былиннаго стила. Я сдѣлалъ это не безъ умысла, если, можетъ быть, и не достигъ его цѣли: разъяснить *ближайшее* сходство народно-поэтическихъ образовъ греческихъ и русскихъ былинъ, въ чертѣ того общаго сходства, которое достаточно объясняется единствомъ эпическаго развитія. Болѣе прочные выводы въ указанномъ направленіи находятся въ полной зависимости отъ повторенія и разширенія сравненій, напр. на германо-романскую область. Ограничусь пока общей характеристикой роли, какую играетъ конь въ средневѣковомъ французскомъ эпосѣ, напр. въ *chansons de geste* объ Ogier, въ Aliscans, Garin, Guillaume d'Orange, Fierabras, Renaut de Montauban и др. Характеристика эта была сдѣлана Тоблеромъ ²⁾:

«Если вообще можно сказать, что средніе вѣка относились къ животному міру любовнѣе, чѣмъ мы, усматривая въ немъ нѣчто отличное отъ человѣческаго не столько по существу, сколько по степени (доказательство тому въ баснѣ и легендѣ, въ естественно-историческихъ представленіяхъ среднихъ вѣковъ,

¹⁾ Τραγούδια τοῦ Ὀλύμπου, № 54, стр. 172.

²⁾ Tobler, Ueber das Volksthümliche Epos der Franzosen, Zeitschr. f. Völkerpsychologie u. Sprachwissenschaft, IV, стр. 203—204.

въ ихъ правѣ и художественной символикѣ), то едва-ли какое нибудь другое животное пользовалось такимъ почетомъ, какъ конь, взысканный природой, особливо дорогой каждому рыцарю за услуги, имъ оказываемыя. Конь — лучшее достояніе, вѣрный товарищ витязя; онъ дѣятельно помогаетъ ему въ битвѣ, мчитъ его, куда онъ ни потребуетъ, безбоязненно бросаясь въ опасность, схватываясь съ его врагами и ихъ конями; слушается словъ хозяина, и когда иной разъ рыцарю случится, послѣ долгаго бѣга или битвы, подбодрить его ласковою рѣчью, обѣщаніемъ овса въ изобиліи и соломы на подстилку, онъ снова собирается съ силами и совершаетъ невѣроятныя вещи. Бодрствуя, онъ нерѣдко спасаетъ безпечно уснувшего господина; его кровь питаетъ голодающаго. И хозяинъ знаетъ, чѣмъ онъ одолженъ коню, онъ обращается къ нему всегда дружественно и признательно и не рѣшается даже въ бою умертвить лошадь противника».

Интересно встрѣтить въ романскомъ эпосѣ, прошедшемъ черезъ руки литературныхъ пересказчиковъ, отраженіе того двоякаго представленія о богатырскомъ конѣ — конѣ-жеребенкѣ и дѣдовскомъ, старомъ, которое мы нашли въ русскихъ былинахъ и новогреческихъ пѣсняхъ. Конь Роланда зовется *veillantif* (*Chanson de Roland*, v. 1153), можетъ быть, *viel-antif* (*antif* = *antiquus*) = старо-древній; съ другой стороны *Babieca* поэмы о Сиде толкуется какъ: глупый, неразумный, и уже проф. Буслаевъ сближалъ это представленіе — съ шелудивымъ, «немудрымъ» жеребчикомъ нашихъ былинъ и сказокъ¹⁾.

III.

Стилистическій разборъ былины объ Армури влечетъ за собою другой: разборъ ея содержанія и плана. Мыслимо-ли и въ обычаяхъ-ли народной поэзіи такая развязка пѣсни, какую пред-

¹⁾ Сл. *Damas-Hinard*, *Poème du Cid*, *Vocabulaire*, а. v. *Babieca*; *Diez*, *Etymol. Wb.* а. v. *bava*; Буслаевъ, въ Приложеніи къ *Зап. Ак. Наукъ*, т. V, стр. 36.

ставляетъ петербургскій текстъ? Я выше высказалъ на этотъ счетъ сомнѣніе: развязка, очевидно, усѣчена. Представимъ себѣ еще разъ весь ходъ былины. Отецъ Армури въ плѣну у Саракинъ; его сынъ, богатырь съ юныхъ лѣтъ, котораго отецъ оставилъ дома еще мальчикомъ (либо онъ родился въ отсутствіи отца), идетъ его отыскивать и съ перваго разу побиваетъ вражье войско. Еще не зная о томъ ничего, эмиръ говоритъ старику Армури, сѣтующему о сынѣ, что онъ велитъ привести его съ связанными назадъ руками. Послѣ этого понятенъ страхъ старика, какъ бы сынъ не попался въ плѣнъ, и его грамотка къ юному витязю: пусть милуетъ Саракинъ, иначе и ему помилованія не будетъ. Но сынъ не думаетъ слушаться, и вотъ эмиръ рѣшается освободить плѣнника и послать его на родину, чтобы склонить сына къ миру обѣщаніемъ почетнаго брака.

Если-бы сюжетомъ былины было: освобожденіе изъ плѣна стараго Армури, мы нашли-бы такую развязку естественной. Но герой пѣсни, очевидно, не старикъ, а сынъ, и неестественнымъ представляется, что пѣсня такъ неразсчетливо удалила со сцены главное дѣйствующее лицо, не давъ ему «досказаться». Мы ожидаемъ его встрѣчи съ отцемъ — мирной или бранной? Последняя принадлежитъ къ положеніямъ, излюбленнымъ въ народномъ эпосѣ, между прочимъ, въ русскомъ. На широкое распространеніе этого мотива указывали Édélestand Du Méril, Anthes, R. Köhler, O. Миллеръ и друг.; къ собраннымъ ими параллелямъ легко было-бы присоединить и новыя ¹⁾. Изъ русскихъ извѣстны бы-

¹⁾ Éd. Du Méril, *Hist. de la poésie scandinave*, стр. 417—440; Carl Anthes, *Das Deutsche Hildebrandslied und die iranische Schräbsage*, Weimar. Jahrbuch, IV B., I-es Heft (1856), ib. IV B., II-es Heft: замѣтки R. Köhler'a; O. Миллеръ въ *Herrig's Archiv für das Studium d. neueren Sprachen*, XXXIII, 257; его-же: *Илья Муромецъ*, 1-я глава; R. Köhler въ *Revue critique* 1868 г., II, стр. 413—414 (сл. тамъ-же, стр. 414: примѣчаніе G. Paris'a) и въ *Richars li biaux*, ed. Förster'a, p. XXIII. — Сл. Külbing, *Beiträge*, стр. 197; Floovant, ed. Michelant et Guessard, *Sommaire*, стр. XXXIV; Liebrecht, *Zur Volkskunde*, стр. 406—7; *Romania*, № XXIX, стр. 60 (G. Paris); Jagić, I. c., стр. 444: бой Марка Краевича съ племянникомъ.

лины о боѣ Ильи съ Сокольниковъ; эпизодъ пѣсни о Данилѣ Игнатьевичѣ, готовящемся сразиться съ сыномъ, котораго призналъ за татарина (Кир. III, № 2, стр. 49—50, в. 210 слѣд.); наконецъ такой-же эпизодъ въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ, представляющей во всемъ своемъ развитіи такія черты сходства съ поэмой объ Армури, что подробное изложеніе ея кажется намъ необходимымъ.

До насъ дошли двѣ былины о Саулѣ или Саурѣ Леванидовичѣ (Ванидовичѣ) съ сыномъ, у Кир. III, стр. 113—116=№ I и стр. 116—124=№ II. Далѣе мы дѣлаемъ ссылки на №№ I—II.

Изъ сильнаго было царства Астраханскаго,
Жилъ-былъ тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичъ.
Накопилъ онъ силушки себѣ многое множество,
Накопя онъ силушки въ походѣ пошелъ,
Въ походѣ пошелъ подъ три царства:
Подъ первое царство Латвнское,
Подъ другое царство Литвнское,
Подъ третіе царство Сорочинское

(№ I; въ № II Саулъ Леванидовичъ ѣдетъ «за море синее,
Въ дальну орду, въ Половецку землю»)

Провожала его молодая жена,
Провожала она его за два рубежа,
Отъ третьяго назадъ воротилася.
Входила она на вышку на висоую,
Становилась на бѣль-горючъ камень,
Глядѣла-смотрѣла въ чисто поле:
«Далеко-ли идетъ мой князь
Сауръ сынъ Ванидовичъ?»
Изъ того-ли изъ подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася, —
Во чревѣ дитя встрепенулося.
Она пишетъ ярлыкн скорописные,

Посылаетъ за самимъ княземъ,
 Чтобъ князь Сауръ сынъ Ванидовичъ
 Воротился домой:
 «Молодая княгиня беременна».
 Догоняетъ его скорый посолъ,
 Кладетъ пакеты на бѣлы руки.
 Пакеты тѣ онъ прочитываетъ:
 «Да не въ первый-то разъ она меня обманываетъ,
 Да не въ другой разъ она меня назадъ ворочаетъ:
 Теперь не ворочусь я домой!
 Коли дочь родить — пой-корми пятнадцать лѣтъ,
 А на шестнадцатомъ за-мужъ отдай;
 А сына родить — такъ легѣй его до восьми годовъ,
 А на девятомъ году присылай его ко мнѣ на помощь» (№ I).

Въ № II нѣтъ эпизода о змѣѣ: княгиня сама говоритъ отъѣз-
 жающему мужу, что она «черевоста», и слышитъ отъ него тѣ-же
 наказы относительно будущихъ — сына или дочери. За то
 дѣтство и недѣтскія «шуточки» и первый выѣздъ юнаго богатыря
 рассказаны здѣсь подробнѣе, онъ и мать его, анонимные въ № I,
 названы: Константинушкой Сауловичемъ и Еленой Азвяковной
 или Александровной. — Ребенокъ родится вскорѣ по отъѣздѣ
 мужа:

А и царское дитя не по годамъ ростеть,
 А и царско дитя не по мѣсяцамъ;
 А которой ребенокъ двадцати годовъ,
 Онъ, Константинушка, семи годковъ.
 Присадила его матушка грамотѣ учиться:
 Скоро ему грамота далася и писать научился.
 Будетъ онъ Константинушка десяти годовъ,
 Сталь-то по улицамъ похаживати,
 Сталь съ ребятами шутку шутить,
 Съ усатыми, съ бородатymi,
 А которые ребята двадцати годовъ,
 И которые во полу-тридцати, —
 А всѣ вѣдь дѣти княженецкіе,
 А всѣ-то вѣдь дѣти боярскіе,
 И всѣ-то вѣдь дѣти дворянскіе,

Еще-ли дѣти купецкіе. —
 Онъ шутку шутить не по ребячью,
 А творки творилъ не по маленькимъ:
 Котораго возметъ за руку,
 Изъ плеча тому руку выломить,
 И котораго задѣнетъ за ногу,
 По ногу оторветъ прочь;
 И котораго хватить поперегъ хребта,
 Тотъ кричитъ-реветъ, окорачь ползеть,
 Безъ головы домой придетъ.
 Князи-бояра дивуются,
 И всѣ купцы богатые:
 «А что это у насъ за уродъ ростеть,
 Что это у насъ за выблядочекъ?»
 Доносили они жалобу великую
 Какъ-бы той царичѣ Азьяковнѣ,
 Молодой Еленѣ Александровнѣ.
 Втапору скоро завела его матушка во теремы свои,
 Того-ли млада Константинушку Сауловича,
 Стала его журить-бранить,
 А журить-бранить, на умъ учить, смиренно жить.
 А младъ Константинъ сынъ Сауловичъ
 Только у матушки выспросилъ:
 «Гой еси, матушка,
 Молода Елена Александровна!
 Есть-ли у меня на роду батюшка?» (Ж II)

Мать рассказываетъ ему объ отцѣ и объ его наказѣ.

Много царевичъ не спрашиваетъ,
 Выходилъ на крылечко на красное:
 «Конюхи, прислѣшники!
 Осѣдлайте скоро мнѣ добра коня
 Подъ то сѣделечко Черкесское,
 А въ задней слугѣ и въ передней слугѣ
 По тирону по каменю,
 По дорогу по самоцѣтному,
 А не для ради меня молодца,
 Басы для-ради, богатырскія крѣпости,
 Для-ради пути для дороженьки,

Дя-ради темной ночи осенней,
 Чтобы видѣть при пути-дороженьки
 Темна ночь до бѣла свѣта.
 А и только вѣдь матушка видѣла:
 Ставаль во стремя вальщатое,
 Садился въ сѣделечко Черкесское;
 Только онъ въ ворота выѣхаль,
 Въ чистомъ полѣ дымъ столбомъ;
 А и только съ собою ружье везеть,
 А везеть онъ палицу тяжкую,
 А и мѣду литу въ триста пудъ (№ II).

Розстань на дорогѣ, встрѣченная юнымъ богатыремъ,—типическая подробность былиннаго эпоса, и здѣсь не у мѣста: Константинъ выбираетъ среднюю дорогу, которая сулитъ богатырю «смерть напрасную» — а онъ выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы съ татарами, которые въ № II замѣнили Сарацинъ № I. Подѣхавъ къ рѣкѣ Смородинѣ въ то время, какъ черезъ нея перевозился съ своимъ войскомъ «Кунгуръ царь Самородовичъ» (сл. Смородина — Самородовичъ и у Гильфердинга № 304: Калинъ Смарадоновичъ), онъ принимается «Татаровъ съ краю бить», бьется два дня, счастливо избѣгаетъ вражью западню (v. 178: усмотрѣлъ ихъ Татарскіе вымыслы), изъ Татаръ кого перебилъ, кого домой отпустилъ, а самого Кунгура въ крохи разбилъ.

Такъ въ № II. Иначе описываются бранные подвиги молодого богатыря въ № I: какъ подошелъ онъ къ царству Сорочинскому;

Увидали старики Сорочинскіе,
 Они дѣлали сходки все великія:
 «Подступила намъ, братцы, сила несмѣтная,
 Просютъ поединщика».

Возговорили старики Сорочинскіе:
 «Есть у насъ, братцы, полоненочекъ, затюремщикекъ,
 Пошлемъ мы его напротивъ силы поединщикомъ».

Приходили же старики Сорочинскіе къ земляной тюрмѣ:
 «Ты гой еси, полоненьщикекъ,
 Ты гой еси, затюремщикекъ!
 Сослужи ты намъ службу великую,

Напротивъ силы поединщикамъ».

Возговорилъ есь князь Сауръ сынъ Ванювичъ:

«Ой вы гой еси, старики Сорочинскіе,

Давайте мнѣ коня добраго

И збру» богатырскую».

Сѣлъ на добра коня

И полетѣлъ напротивъ силы во чисто поле.

Сѣхались, поздоровались

И поцѣловались, врозь разѣѣзжались,

И билась дѣнь до вечера,

И никто никого не одолеваетъ.

И взорѣлъ князь Сауръ

Сынъ Ванювичъ на небо:

«Помоги ты мнѣ, Господи,

Молодаго вонна изъ сѣдла выладить!»

И выладилъ изъ сѣдла

И налъ ему на бѣлу грудь

И сталъ его спрашивать:

«Охъ ты гой еси, молодой воинъ!

Какого ты роду-племени?»

— Не моя въ полѣ Божья помощь!

Не сталъ-бы я много спрашивать,

Срубилъ бы съ тебя буйну голову

По самыя могучія плечи!

Былъ у меня батюшка,

Князь Сауръ сынъ Ванювичъ.

Пошелъ воевать подъ три царства,

Тамъ и пропалъ. —

Тутъ князь Сауръ сынъ Ванювичъ заплакалъ,

И поднялъ за бѣлы руки, и возговорилъ:

«Ой ты гой еси, добрый молодець,

Вѣдь я твой родной батюшка!»

Тутъ онъ написалъ письмо

И послалъ гонца къ своей матушкѣ:

— Гой ты еси, моя родная матушка,

Выручилъ я роднаго батюшку». (№ I).

№ II представляетъ, начиная съ эпизода о битвѣ съ татарами-Сарацинами, несомнѣнное искаженіе № I, который, съ своей стороны, могъ утратить кое-какія древнія черты, возстановимыя

изъ втораго варьянта. Такъ битва Константина съ войскомъ царя Кунгура сохранилась лишь во второмъ, поединокъ съ отцемъ — только въ первомъ, а во второмъ лишь въ крайне искаженномъ видѣ, за которымъ, впрочемъ, легко возстановить черты подлинника. Послѣдовательность здѣсь такая: Константинъ перебилъ Татаръ вмѣстѣ съ ихъ царемъ Кунгуромъ; затѣмъ онъ подъѣзжаетъ къ городу Угличу, вызывая поединщика; Угличкіе мужики заманиваютъ его хитростью и сажаютъ въ погреба глубокіе; между тѣмъ Саулъ Леванидовичъ, который въ этой версіи и не является плѣнникомъ, вернулся домой (во второй половинѣ быльины его царство зовется: Алыберскимъ), узнаетъ, что въ его отсутствіи жена родила сына, который отправился въ поиски за нимъ; онъ тотчасъ-же ѣдетъ къ Угличу, просить

Чтобы выдали такого удала добра молодца,
Который сидитъ въ погребахъ глубокихъ.

«Мужики Углича» вначалѣ отпѣкиваются, а затѣмъ старики сошлись,

Выводили тутъ удала добра молодца
Изъ того ли погреба глубокаго,
И сымали желѣза съ рѣзвыхъ погъ,
Развязали гербуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А мѣду литу въ триста пудъ,
И его платье царское, цвѣтное.

Сынъ и отецъ признають другъ друга; боя нѣтъ вовсе.

Въ редакціи этого эпизода, какъ онъ представляется въ № II, отецъ и сынъ отчасти помѣнялись мѣстомъ, Углича вошли въ роль Татаръ-Сарацинъ. Послѣдовательность могла быть, первоначально, такая: царь Саулъ попадаетъ въ плѣнъ, куда его завлекають хитростью (какъ въ № II Углича его сына Константина); является Константинъ, вызываетъ поединщика; противъ него

выпускаютъ его отца-плѣнника. Былина могла кончатся—боемъ и признаніемъ.

Основаніемъ этого гипотетическаго возстановленія служить, съ одной стороны, нашъ № I, съ другой — поэма объ Армури, на всемъ своемъ протяженіи, за исключеніемъ конца, который по моему мнѣнію, восполняется въ свою очередь при помощи нашихъ былинъ. Для тѣхъ и другихъ планъ можетъ быть принять общій:

1. Отецъ въ отлучкѣ, въ плѣну.

2. Сынъ, родившійся въ его отсутствіи, съизмала проявляетъ богатырскую силу, ѣдетъ отыскивать отца, побиваетъ вражье войско.

3. Противъ него высылаютъ плѣнника-отца. Поединокъ и спознаніе.

Отецъ носить въ былинахъ имя Саула = Саура, жена въ № II: Елены Азвяковны или Александровны; сынъ, также, имя Константина. Все это указываетъ на византійское пѣсенное или историческое преданіе, отразившееся въ нашемъ эпосѣ рядомъ эпимовъ: Константинъ Боголюбовичъ и его жена Елена Александровна царятъ въ Константинополѣ по былинамъ объ Ильѣ¹⁾; Константинъ и Саулъ (= Самуиль) извѣстны изъ духовныхъ стиховъ о Теодорѣ Тиронѣ и восходятъ, несомнѣнно, къ новогреческому оригиналу²⁾; отечество Леванидовичъ взято, вѣроятно, отъ Левона, Леона = Льва, Левуя, Алевуя, Кир-Лея повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ и константинопольской топографіи епископа Антонія³⁾. Съ этими именами, очевидно, не гармонируютъ Татары № II, и слѣдуетъ отдать предпочтеніе № I, гдѣ

¹⁾ Сл. Кир. IV, стр. 22 слѣд.; Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ въ Пам. стар. Русск. литер. II (по ркп. XVIII в.); тоже въ изданіи Е. Барсова (по ркп. XVII в.); Гильфердингъ № 48, 196, 232.

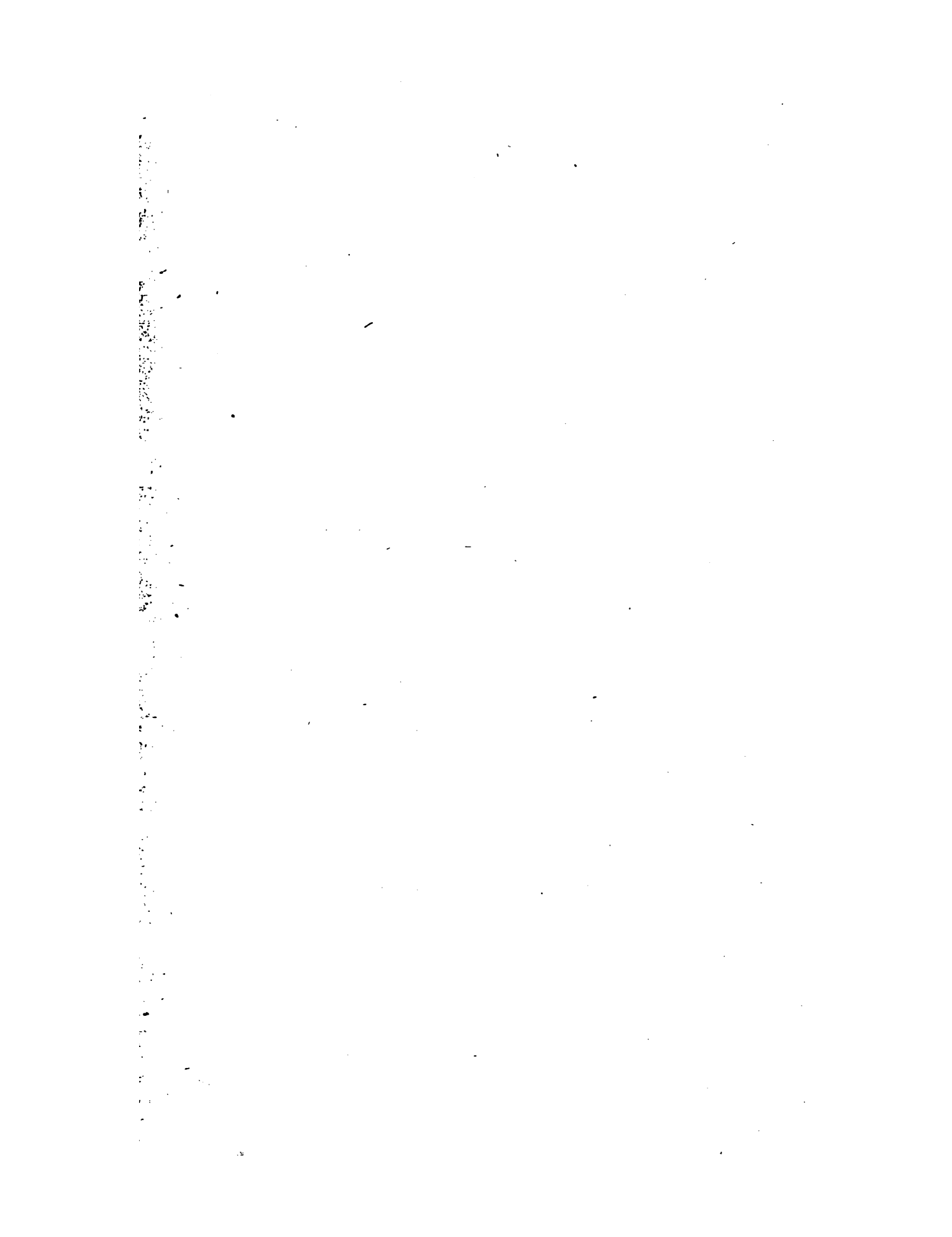
²⁾ Сл. мои Разысканія I, стр. 12—13; II, стр. 159.

³⁾ См. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (Славянскій сборникъ т. II), стр. 132—133; 157 слѣд.; Заимѣтки по литературѣ и народной словесности, I, стр. 10—12.

враги названы Сарацинами, какъ съ Сарацинами-же бьется и Армури.

Я не далекъ отъ предположенія, что за быльней о Саулѣ Леванидовичѣ скрывается оригиналъ какой нибудь греческой народно-эпической пѣсни, близкой по типу къ пѣснѣ объ Армури и также воспѣвавшей битвы юнаго храбреца съ малоазіатскими исконными врагами Византіи. Благодаря своей обособленности отъ кievскаго и владимировскаго центровъ, къ которымъ притянуло почти все древнее содержаніе нашего эпоса, эта быльня сохранила въ относительной свѣжести слѣды своего происхожденія — въ именахъ дѣйствующихъ лицъ и Сарацинъ, которыхъ № II уже переименовалъ Татарами. Это — такой-же признакъ начинавшагося приуроченія, какъ и имя татарскаго царя Кунгура, вѣроятно, такое-же эпонимическое, какъ Курганъ, Кумбаль быльня о Суздальцѣ.

Предположеніе, что византійскія былины могли проникнуть на югъ Россіи и занять мѣсто въ ея эпическомъ циклѣ, не имѣетъ, само по себѣ, ничего невѣроятнаго. Слѣдуетъ припомнить греческую колонизацію нашего Крыма, роль Сурожа въ судьбахъ древней Россіи, международное пѣсенное общеніе, сплачивавшее средневѣковую Европу тѣснѣе и многообразнѣе, чѣмъ мы обыкновенно полагаемъ. Греческія пѣсни о сыновьяхъ Романа Лекапина (945 г.) пѣлись, по свидѣтельству Лиутпранда, не только въ Европѣ, но въ Африкѣ и Азій; въ этомъ такая-же доля риторическаго преувеличенія, какъ и у автора Слова о Полку Игоревѣ, заставляющаго Нѣмцевъ и Венеціанъ, Грековъ и Моравянъ вторить пѣснямъ о славныхъ подвигахъ кievскихъ князей. Но за шаржемъ скрывается и доля дѣйствительности: отрывки византійскихъ новеллъ заходили уже въ X вѣкѣ къ нѣмецкимъ шпильманамъ; византійскіе отголоски легко встрѣтить въ поэмахъ о Ротерѣ, о Hug- и Wolfdietrich'ахъ. Русскіе перепѣвы византійскихъ пѣсень принадлежатъ тому-же теченію, и ихъ необходимо принять въ расчетъ, изслѣдуя судьбы византійскаго вліянія на литературу запада.

IV.

Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и старофранцузскій романъ объ Ираклѣи.

I.

Пѣсни о бѣгѣ въ запуски богатырскихъ коней популярны въ румынской, русской и новогреческой народной поэзіи, какъ были когда-то въ старофранцузскихъ поэмахъ. Изъ области послѣднихъ упомяну лишь о знаменитой скачкѣ въ Renaut de Montauban; о соответствующихъ эпизодахъ въ Ercles и Voyage de Charlemagne будетъ рѣчь далѣе. Въ новогреческой пѣснѣ (Passow, Carmina popularia, № DXV) Константинъ бьется съ паремъ объ закладъ о свою голову, что его конь перебѣжитъ царскихъ коней, и остается побѣдителемъ въ состязаніи:

Ὁ Κωνσταντῆς κι' ὁ βασιλιὰς ἀντάμα τῶν καὶ πίνουν,
Κι' ἀθηβολὴν εὐρήκανε ποιὸς ἔχει κάλλιο μαῦρο.
Ὁ βασιλιὰς βάνει φλωριά, τί ἔχει πολὺ λογάρι,
Κ' ὁ Κωσταντῆς εἶναι φτωχὸς καὶ βάνει το κεφάλι.
Ὡς τ' ἄκουσε κ' ἡ λυγερὴ τοῦ Κωσταντῆ ἡ γυναῖκα,
Στὸ σταῦλον ἐκατέβηκε, βρῶμι στὸ σφραῖστο βάνει·
«Ἄν ἀπεράσῃς μαῦρέ μου τοῦ βασιλιῶς τὸ μαῦρο,
Θὰ νὰ σοῦ σκῶσω τὴν ταγὴν σαρανταπέντε φοῦκτες·
Τούτ' αἰς ταῖς ζάβαις ποῦ φορῶ, πέταλα θὰ σταῖς κάμω
Καὶ τὰ σχολαρχιάκια μου καρφιά τῶν πεταλιῶν σου».

Σαράντα μίλια τρέξανε καὶ τὰ σαράντ' ἀντάμα
 Καὶ στὰ σαράντα τέσσερα πρὸς τὰ σαράντα πέντε,
 Στέκει καὶ διαλογίζεται τὰ λόγια τῆς κυρᾶς του.
 Σὰν ἀστραπὴ τοῦρτ' ἀπ' ὀμπρὸς καὶ σὰ βροντ' ἀπὸ πίσω.
 Τὸν ἄφηκ' ἀπὸ πίσω του δέκα μιλιῶνε τόπο·
 «Στέκα κ' ἐγὼμαι βασιλιάς, μὴ μὲ παραντροπιάζης,
 Τὸ στοίχημα ποῦ βάλλαμε, διπλὸ νὰ σοῦ τὸ δώσω».

Таково, въ сущности, содержаніе нѣкоторыхъ малорусскихъ колядокъ и нашихъ былинь объ Иванѣ Гостинѣ сынѣ: тамъ и здѣсь таже похвальба молодца передъ королемъ, княземъ, и тѣ-же результаты бѣга. Въ русскомъ эпосѣ извѣстны пѣсни еще и о другомъ ристаніи — Дюка Степановича въ запуски съ Чурилой. Сюжетъ, очевидно, принадлежалъ къ числу излюбленныхъ; этимъ обстоятельствомъ я склоненъ объяснить, почему изъ цикла пѣсенъ объ Иванѣ Гостинѣ сынѣ сохранились главнымъ образомъ лишь тѣ, которыя воспѣваютъ именно его состязаніе на коняхъ. Что такой циклъ дѣйствительно существовалъ и еще возстановимъ по отрывкамъ и намекамъ — эго я намѣренъ доказать или по крайней мѣрѣ сдѣлать вѣроятнымъ въ настоящей главѣ. Начну съ пѣсни о «бѣгѣ».

Вызовъ къ нему исходитъ отъ князя: во полу-пирѣ

Владиміръ князь разпотѣшился,
 По свѣтлой гридиѣ похаживаетъ,
 Таковы слова поговариваетъ:
 «Гой есп, князи и бояра,
 И всѣ Русскіе могучіе богатыри!
 Есть-ли во Кіевѣ таковъ человекъ,
 Кто-бъ похвалился на триста жеребцовъ,
 На триста жеребцовъ и на три жеребцы похваленне, —
 Спвѣ жеребець, да кологривъ жеребець,
 И который полоненъ воронкѣ въ Большой ордѣ,
 Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Какъ у молода Тугарина Змѣевича:
 Изъ Кіева бѣжать до Чернигова
 Два девяносто-то мѣрныхъ верстъ,
 Промежъ обѣдней и заутренею?»

Какъ бы меньшей за большаго хоронится,
 Отъ меньшаго ему тутъ князю отвѣту нѣту.
 Изъ того стола княженецкаго,
 Изъ той скамьи богатырскаго,
 Выступаетъ Иванъ Гостиной сынъ,
 И скочилъ на свое мѣсто богатырское,
 Да кричить онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
 «Гой еси ты, сударь, ласковой Владимиръ князь,
 Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
 А и быть передъ княземъ невольникомъ».

Онъ принимаетъ его вызовъ: скакать отъ Кіева до Чернигова

Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
 Промежу обѣдн и заутрени,
 Ускоки давать конинне,
 Что выметывать раздолья широкія.
 «А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
 О своей буйной головѣ». —
 За князя Владимира держать поруки крѣпкія
 Всѣ тутъ князи и бояра, тутъ, де, гости корабельщныи,
 Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;
 А никто, де, тутъ за Ивана поруки не держитъ,
 Пригодился тутъ владыка Черниговскои,
 А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
 Тѣ они поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей —
 Подписалися.

(Кир. III № 3, стр. 4—5, vv. 10 слѣд.; сл. Гильф. № 133;
 въ № 307, замѣнившемъ Ивана Гостиного сына — Иваномъ
 Годиновичемъ, Владимиръ хвалится тремя добрыми конями).
 Иначе у Рыбн. III № 34 (и у Гильф. № 135): здѣсь поводомъ
 бѣга не вызовъ князя, а похвальба богатыря на пиру, гдѣ всѣ

Наѣдалися,
 Всѣ на почестномъ напивалися,
 Всѣ на пиру порасхвасталися.
 Ктоль хвастаетъ отцемъ-матерью,
 Ктоль хвастаетъ молодой женой,

Ктоль хвастаетъ золотой казной?
 Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
 А безумный хвастаетъ молодой женой,
 Богатый хвастаетъ золотой казной.
 Душка Иванъ Гостинный сынъ
 Не ѣсть, не пьетъ, не кушаетъ,
 И бѣлой лебеди не рушаетъ,
 И ни чѣмъ онъ, молодець, не хвастаетъ.
 Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
 «Душка Иванъ Гостинный сынъ!
 Что ты не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
 Бѣлыя лебеди не рушаешь,
 И ни чѣмъ ты, молодець, не хвастаешь?
 Хлѣбъ-ли соль тебѣ не по душѣ,
 Чарою-ль тебя пообошли,
 Али пьяница надъ тобою надсмѣялася?»
 Тутъ душка Иванъ Гостинный сынъ
 Говоритъ ему не съ упадкою:
 Хлѣбъ-соль мнѣ была по душѣ,
 Чарою меня не обошли,
 И пьяница надо мной не надсмѣялася.
 А не чѣмъ мнѣ, молодцу, похвастати,
 А столько я похвастаю:
 Есть-ли у васъ единъ молодець
 Ѣхать-то на добрыхъ коняхъ
 Ко тому ко городу Чернигову,
 А перебѣгу ровно триста верстъ
 И тридцать три версты мѣрныхъ:
 И съѣздить намъ промежъ обѣдней и заутреней,
 Съѣздить намъ и ко обѣдни поспѣть?

Онъ бьется о закладъ съ княземъ:

Ты заложу казны своей сорокъ тысячей,
 А я заложу свою буйну голову,

а Владиміръ говорить:

Во хмѣлѣ дѣтина порасхвастался,
 Не на комъ тебѣ будетъ повѣхати.

Дѣйствительно: у Ивана конь какъ будто не видный: косматый бурушко (Гильф. № 133), «трехъ годковъ жеребушечка» (Кир. III

№ I, стр. 2, в. 26), «бурочко, косматочко, троелѣточко» (ib. № 3, стр. 6, в. 67). Я указалъ въ предъидущей главѣ, что это — сказочный, неприглядный и шелудивый жеребенокъ, становящійся въ рукахъ юнаго богатыря чудеснымъ конемъ. Иванъ обращается къ нему съ просьбой, припадаетъ къ правому копыту (Кир. III № I, стр. 2, в. 42), въ ножку правую, во лѣвую во ноженку (Гильф. № 135, 133; Рыбн. III № 34, в. 59), говорить, что пробилъ свою буйную голову (Гильф. № 135), что «въ пьяномъ разумѣ поросхвастался» (Гильф. № 133). И конь обѣщаетъ постоять за хозяина: велитъ кормить себя пшеницей яровою, либо пшеномъ сорочинскимъ, поить водой ключевою, либо сытой медвяной, пустить на травы зеленыя три дня по зарѣ (Кир. III № 1, стр. 3, в. 49 слѣд.; № 3, стр. 6, вв. 91 слѣд.). — До бѣга, въ сущности, дѣло не доходить: одно появленіе бурушки, его чудовищное ржаніе наводитъ на всѣхъ трепеть. Въ редакціи Кирши Данилова (Кир. III № 3, стр. 7—8, вв. 122 слѣд.; сл. Гильф. № 135, стр. 699) это рассказывается въ особенно яркихъ краскахъ:

Онъ будетъ, де, Иванъ, среди двора княженецкаго,
 Сталъ его бурко передомъ ходить
 И копытами онъ за шубу посапывать,
 И по черному соболю выхватывать,
 Онъ на всѣ стороны подбрасывать:
 Князи и бояра дивуются,
 Купецкіе люди засмотрѣлися;
 Зрявааетъ бурко по туриному,
 Онъ шипъ пустилъ по змѣиному, —
 Триста жеребцовъ испугалися,
 Съ княженецкаго двора разбѣжался.

Испугались князья и бояре, Владиміръ

Кричитъ самъ въ окошечко косящатое:
 «Гой еси ты, Иванъ Гостинной сынъ!
 Уведи ты уродья со двора долой:
 Просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодраныя»

(сл. Гильф. № 133, стр. 696).

Втапоры владыка Черниговскій
 У великаго князя на почетномъ пиру
 Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
 Велѣлъ похватить корабли
 Съ тѣми товары заморскими;
 — «А князи, де, и бояра шкודה отъ насъ не уйдуть».

Иначе у Рыбн. III № 34, в. 141 слѣд.: заплативъ Ивану «великъ закладъ», Владимиръ просить его подарить ему «добра коня». Тотъ отвѣчаетъ:

Ты Владиміръ князь, стольно-Кіевскій!
 Мой конь купленъ въ Большой Орды,
 Въ Большой Орды изъ-подъ матери.
 За коня было плочено пятьсотъ рублевъ,
 А съ проводинами сталъ цѣлу тысящу.
 Развѣ Владиміра конемъ подарить?

И онъ дарить ему коня; но вскорѣ конюхи князя докладываютъ ему, что конь

Пшени не ѣсть и меда не пьеть,
 Скрычалъ онъ по звѣриному,
 И засвисталъ онъ по змѣиному
 И прибилъ онъ всѣхъ жеребчиковъ. —
 Владиміръ князь стольно-Кіевскій
 Сказалъ душкѣ Ивану Гостиному:
 «Что не надобенъ мнѣ твой добрый конь,
 Мнѣ не надобенъ; поѣзжай домой!»

Эта развязка, несомнѣнно, собрана изъ мотивовъ, раньше встрѣчавшихся въ пѣснѣ: звѣриный покрикъ бурушки перенесенъ къ концу изъ того эпизода былины, гдѣ онъ впервые является на дворѣ князя; что онъ купленъ жеребенкомъ въ Большой Ордѣ — не новая черта, а также заимствованная: одинъ изъ коней, состязующихся съ бурушкой, «полонень... во Большой Ордѣ» (Кир. III № 3, стр. 4, в. 19); у Гильф. № 307 бурушко

Ивана, купленный «селяточкомъ» за моремъ, затопталъ и залягалъ на смерть златогриваго и сивогриваго коней, а

Половѣной воронкѣ Илья Муромча,
Полоненый воронко едва высочилъ.

Черта древняя, засвидѣтельствованная особой былинной¹⁾. Хотѣлось, очевидно, знать, откуда взялся у Ивана его чудесный конь; отвѣтъ явился сборный, потому что подлинный былъ забыть — съ утратой полнаго пѣсеннаго цикла объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ.

Кое-что могли запомнить русскія сказки. Они рассказываютъ намъ о царевичѣ Иванѣ, объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ, какъ тотъ и другой раздобыли своихъ коней: они стояли въ подземельяхъ, погребахъ, гдѣ ихъ заперъ за двѣнадцатью дверями, за двѣнадцатью замками, какой-то древній богатырь; и они приветствуютъ громкимъ ржаніемъ пришествіе юнаго витязя, передъ которымъ склоняютъ колѣна²⁾. Интереснѣе для нашего вопроса третья сказка объ Иванѣ (Аванасьевъ, Нар. русск. Сказки II № 107): жилъ-былъ старикъ со старухой, старые-престарые, а дѣтей у нихъ не было, хотя они постоянно молили Бога о ниспосланіи имъ наслѣдника. И вотъ старикъ даетъ обѣтъ: коли родится у него сынъ, взять ему въ кумовья перваго встрѣчнаго. Старуха забеременѣла и родила сына; мужъ пошелъ искать кума, и такъ какъ первый, кто ему попался на встрѣчу, былъ царь, то его и позвали на крестины. Царскаго крестника назвали Иваномъ; десяти лѣтъ онъ уже былъ высокъ ростомъ

¹⁾ См. далѣе гл. X. Въ былинѣ о Михайлѣ Казариновѣ (Кирша № XXI) богатырь освобождаетъ свою сестру-полонянку отъ трехъ татаръ, сажаетъ ея на своего коня, самъ ѣдетъ верхомъ на татарскомъ, а двухъ коней ведетъ въ поводу. Владимиръ говорить ему:

У меня есть триста жеребцовъ,
И три любимы жеребца,
А нѣтъ такого одинаго жеребца!
Исполать тебѣ доброму молодцу.

²⁾ Кир. III, Приложенія, стр. XXVI—VII.

и силенъ, а крестный посылаетъ за нимъ, хочетъ его повидать. Путь былъ далекий, надо было раздобыть лошадь; вотъ отецъ и даетъ Ивану сто рублей, велитъ ему пойти въ городъ на конную и выбрать себѣ коня. По дорогѣ повстрѣчался съ Иваномъ старикъ и даетъ ему совѣтъ, отъ соблюденія котораго зависитъ его счастье: какъ придешь на конную, увидишь мужика съ тощей, паршивой ключей, её и бери; сколько бы за нее не запросилъ хозяинъ, давай, не торгуйся; лошадь поведи домой, паси её по утренней и вечерней росѣ въ теченіи двѣнадцати дней — тогда ты её узнаешь. — Иванъ такъ и дѣлаетъ, привелъ лошадь домой; отецъ недоволенъ, жалуется что деньги потрачены даромъ; но прошествіи двѣнадцати дней, когда Иванъ исполнилъ все повелѣнное старцемъ, его лошадь преобразилось, стала сильной и красивой — и юный витязь отправляется на ней ко двору. — Дальнѣйшее развитіе сказки лежитъ, собственно говоря, внѣ вопроса насъ занимающаго: царь отличаетъ передъ другими своего крестника, вызывая тѣмъ зависть въ придворныхъ, которые клепятъ на Ивана, будто онъ похвастался, что увезетъ и возметъ себѣ въ жены царевну Анастасію прекрасную, что живетъ въ тридесятomъ царствѣ, въ тридесятomъ государствѣ, въ мраморномъ дворцѣ. Царь повѣрилъ этому навѣсту и велитъ Ивану, подъ страхомъ смерти, исполнить подвигъ, о которомъ онъ никогда не помышлялъ и который удастся ему при помощи его чудеснаго коня (сл. начало сказки № 165 у Аѳанасьева III).

Я полагаю, что въ связи съ сообщенной сказкой стоитъ другая: объ Иванѣ — крестьянскомъ сынѣ, рожденномъ послѣ трехлѣтняго безплодія родителей, богатырскомъ сиднѣ, ощутившемъ въ себѣ силу послѣ того, какъ выпилъ ендову пива, поданную ему нищимъ (Кир. III, Приложенія, стр. XXIII—XXIV). Оба сюжета являются соединенными въ одной былинѣ (побывальщинѣ) объ Ильѣ Муромцѣ (Рыбн. I № 8; сл. II № 2) и соответствующемъ чувашскомъ разсказѣ (Магнитскій, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, стр. 251 слѣд.): Илья — сидень; выпивъ «чарочку питьяца медвянаго» изъ рукъ каликъ

перехожихъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что «богатырско его тѣло разгорѣлося». Калики говорятъ ему, между прочимъ:

55 «Доставай, Илья, коня собѣ богатырскаго,
Выходи въ раздольице чисто поле,
Покупай перваго жеребчика,
Станови его въ срубѣ на три мѣсяца,
Корми его шеномъ бѣлоаровымъ,
А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
И въ три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его въ тыну во высокому:
Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
И въ ту сторону, и въ другую сторону,
Поѣзжай на немъ куда хочешь,
Будетъ носить тебя».

.....

89 Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле,
Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика косматенькаго.
Покупалъ Илья того жеребчика,
Что запросилъ мужикъ, то и далъ ¹⁾.

Существовалъ-ли въ былинной поэзіи подобный рассказъ о приобрѣтеніи коня Иваномъ Гостинымъ сыномъ — этого мы пока не знаемъ; за то сохранились два пѣсенныхъ отрывка и небольшой эпизодъ въ былинѣ о другомъ богатырѣ, свидѣтельствующіе, что объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ пѣлось нѣкогда что-то болѣе полное и цѣльное.

Пѣсня у Кир. III № I, стр. 1—3 въ бѣльшей своей части посвящена извѣстному намъ бѣгу въ запуски; но пѣвецъ переходитъ къ нему не прямо: онъ начинаетъ издалика, запѣвомъ, извѣстнымъ изъ другихъ былинъ ²⁾:

¹⁾ У Гильф. № 120 конь Ильи Муромца принадлежитъ не къ типу «немудраго жеребенка», а къ типу заброшеннаго дѣдовскаго коня.

²⁾ Сл. Запѣвы у Гильф. №№ 215, 222, 228, 254, 306 и друг.; Буслаевъ, Русскій богатырскій эпосъ, Русск. Вѣсти. 1862, т. 41, стр. 558—60.

Нашему хозяину честь-бы была,
 Намъ-бы, ребятамъ, ведро пива было:
 Самъ-бы испилъ, да и намъ бы поднесъ.
 Мы, малы ребята, станемъ сказывать,
 А вы, старички, вы послушайте,
 Что про матушку про широкую про Волгу рѣку.
 Широка рѣка подъ Казань подошла,
 А пошире податъ подъ Астрахань.

Слѣдующіе два стиха могли быть началомъ пѣсни, къ которой, первоначально, относился приведенный запѣвъ:

Великъ перевозъ подъ Новымъ-Городомъ,
 Бѣгъ выбѣгалъ тутъ насадничекъ.

Пѣвецъ запоминать продолженіе пѣсни и его память случайно перенеслась къ былинѣ о ристаніи Ивана Гостиного сына. Переходитъ онъ къ ней чисто внѣшнимъ образомъ: тамъ пѣлось о похвальбѣ Ивана на пиру у князя Владиміра; у него обстановка другая: насадничекъ — и вотъ онъ продолжаетъ:

Въ этомъ во насадничѣ сынъ со матерью;
 Пью они ѣдѣ, прохаживаются,
 Промежду собою похваляются:
 Одинъ похвалился житьемъ-бытьемъ,
 А другой похвалился молодою женою,
 А третій похвалился саблей вострою.
 Взговорилъ Ванюшка Гостиный сынъ:
 Ахъ вы братцы, вы бояры!
 Одинъ похвалился житьемъ-бытьемъ,

 Я похваюсь своимъ каурушкой.

 Вотъ они и закладываются,
 Не объ стѣ рублей, не объ тысячи,
 А просто объ своей буйной головы:
 Какъ бы съ Кіева до Владиміра,
 Выѣхавши отъ заутреня,
 Къ ранней обѣдѣ поспѣть.

Владимиръ - городъ, вмѣсто Чернигова, очевидно, по памяти о князѣ Владимірѣ.

Въ этой сборной и, очевидно, испорченной пѣснѣ одна подроб-
ность отзывается чѣмъ-то древнимъ, — памятью о какой-то ма-
тери Ивана Гостиного сына. Дѣйствительно: о ней и о ея сынѣ
сохранилась, въ двухъ записяхъ, одна интересная былина, кото-
рую я и приведу цѣликомъ:

Какъ отъ батюшки было умнаго,
Какъ отъ матушки да отъ разумнаго,
Зарождается чадушко безумное,
Что-ль по имени Иванушко Гостиной сынъ.
Какъ не стало у Иванушка да родна батюшка,
И остается у Иванушка да родна матушка,
И честна вдова Офимья Александровна.
И унимаеъ родна матушка да своего чада,
И своего-ли чада милаго,
И того-ли дитятка любимаго,
И какъ по имени Иванушка Гостиного.
«И гой же ты свѣтъ мое чадо непаглядно!
И не ходи тко, чадо, да на царевъ кабакъ,
И ты не пей-ко-сь, не кушай зелена вина,
И не имѣй союзъ со голями кабацкими,
И не связывайся, чадо, со жонками со курвамъ,
И со тѣма-ли со дѣвками со блядками».
И не послушалъ Иванушко да своей матерн,
И онъ сталъ тутъ пить, кушати да зелено вино,
И сталъ онъ знаться тутъ со голями кабацкими,
И съ тѣма-ли со жонками со блядками,
И съ тѣма-ли со дѣвками со курвамъ.
И какъ прослышала да ёво матушка,
И честна вдова Офимья Александровна,
И приходила тутъ ево да родна матушка,
Приходила она да на царевъ кабакъ,
Испроговорить она да таково слово:
«А гой-же вы народъ люди православныи!
И не видали-ль вы моего да чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
И что-ль по имени Иванушка Гостиного?»
Испроговорятъ народъ да православныя:
«А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!

И не видали мы твоего да чада милаго,
 И что-ль по имени Иванушка Гостинаго.
 Испроговорить тутъ Офимья Александровна,
 И что-ли ко тѣмъ голямъ ко кабацкіимъ:
 «А гой же вы голи вы кабацкія!
 Вы скажите-тко да гдѣ моё есть чадо милоё,
 И чадо милоё, дитя любимое,
 И что-ль по имени Иванушко Гостиный сынъ?
 И за то дарю васъ златомъ серебромъ».
 И привели тутъ голи кабацкія
 А ѿ оборванаго да добра молодца,
 А ѿ что-ль по имени Иванушка Гостинаго.
 И какъ беретъ Пвана родна матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна,
 И какъ беретъ ево да за желты кудри,
 За желты кудри да за бѣлы руки,
 И за бѣлы руки да за златы перстни,
 И повела его на пристань корабельную,
 И ко тѣмъ-ли купцамъ да ко заморскіимъ,
 И ко заморьянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ.
 Испроговорить честна вдова Офимья Александровна,
 Испроговорить она да таково слово:
 «А гой же вы купци заморьяна,
 И вы заморьяна купци да ѿ вавилоняна!
 И вы купите-тко да моего чада,
 И моего-ли купите чада милаго,
 И чада милаго купите дитя любимого,
 И что-ль по имени Иванушка Гостинаго,
 И дайте-тко за него миѣ-ка-ва петьсотъ рублей»
 Испроговорятъ купци да таково слово:
 «А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!
 И не вора-ли продаешь да не разбойника?
 А ѿ отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна
 И ко тѣмъ купцамъ да ко заморьянамъ,
 Ко заморьянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
 «И я не вора продаю, да не разбойника,
 А своего-ли продаю да чада милаго,
 И что-ль по имени Иванушка Гостинаго.»
 А ѿ отвѣтъ держитъ да добрый молодець,
 И что-ль Иванушко Гостинной сынъ,

И ко тѣмъ купцамъ да ко заморьянамъ,
 Ко заморьянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
 «И не жалѣйте-тко вы да цѣлой тысящи,
 И что было-бы моѣй матушкѣ
 И до гробной доски ей да не скитатися.»
 И тутъ пролилъ горячія слезы добрый молодець,
 И въ слезахъ-то добрый молодець слово повымолвилъ:
 «И ты прощай-ко-сь, прощай да родна матушка,
 И какъ честна вдова Офимья Александровна,
 И по писаному была да родна матушка,
 А ѣ по житью бытью да змѣя лютая.»
 И тутъ простилася да родна матушка,
 А какъ простилася она да съ любимымъ сыномъ,
 Съ любимымъ сыномъ да со Иванушкомъ

(Гильф. № 172 = Рыбн. IV, № 13).

Изложеніе сообщенной нами былины представляетъ несообразности, указывающія, по моему мнѣнію, на забвеніе цѣльнаго пѣсеннаго преданія и на попытку округлить и осмыслить на-ново удержавшіеся въ памяти отрывки. Такой процессъ реставраціи, естественный въ позднѣйшей жизни всякаго народнаго эпоса, легче представить себѣ совершившимся не на исконной почвѣ «южно-русскихъ» былинь, а въ той сѣверной средѣ, куда проникли ихъ глухіе, невнятные отголоски.

Прежде всего пьянство Ивана, можетъ быть, такой-же поздній мотивъ, какъ и типъ пьяницы, упрочившійся за однимъ изъ младшихъ богатырей — Василюемъ¹⁾. Что мать продаетъ сына-гуляку и въ то-же время величаетъ его чадомъ милымъ, любимымъ — можно бы объяснить особенною уступчивостью былиннаго эпитета; но эта уступчивость въ сопоставленіи противорѣчій идетъ, очевидно, черезъ край: по роду ты моя матушка, по житью-бытью змѣя лютая, говоритъ Иванъ проданный въ рабство — а былина поетъ о прощаньи матери съ «любимымъ» сыномъ и заставляетъ его просить купцовъ — дать за него

¹⁾ Сл. мои южно-русскія былины I, стр. 50.

Сборникъ II Отд. II, А, Н.

цѣну вдвое большую противъ просимой, чтобы его матери можно было прожить безбѣдно до гробовой доски! Необходимо предположить въ просьбѣ Ивана сознание своей собственной цѣнности; вѣдь это одно и могло побудить купцовъ дать за него тысячу рублей вмѣсто пятисотъ; забота о матери, эпитеты милый, любимый объяснялись бы сами собою, если бы продажа была понята первоначально не какъ актъ материнскаго самоуправства. Всё это могло быть забыто и спутано — и явиться передъ нами позднѣе въ новой призрачной цѣльности, — со внесениемъ мотива сына-гуляки, проданнаго въ кабалу.

Пока мы выяснили себѣ только слѣдующее: Иванъ Гостинный сынъ — сынъ вдовы, проданный матерью въ рабство; позднѣе мы встрѣчаемъ его при дворѣ Владимира, онъ обладаетъ чудеснымъ жеребенкомъ, бьется объ закладъ о свою голову, что перескачетъ на немъ княжескихъ коней, и остается побѣдителемъ бѣга. Я сообщу кстати содержаніе сказки-былины о другомъ Иванѣ-удовкинѣ сынѣ ¹⁾, съ цѣлью воспользоваться нѣкоторыми ея чертами, какъ комментариемъ къ нашимъ пѣснямъ. Иванъ, вдовій сынъ, сватается за дочь царя Волшана Волшановича; какъ въ нашихъ былинахъ о Гостинномъ сынѣ, такъ и здѣсь, герой бьется о свою голову: онъ станетъ «обряжаться», т. е. принимать различные образы; коли царь не узнаетъ его въ этихъ превращеніяхъ, пусть выдастъ за него дочь, не то отсѣчетъ ему «буйну головушку». Два раза онъ обращается горностаемъ, проникаетъ къ царевнѣ,

Въ палаты обернулся добрымъ молодецъ,
Цѣловаль-миловаль онъ Марью Волшанову,
Цѣдуетъ онъ, самъ прощается:
«Прощай, свѣтъ, моя любезная,
Смогу ли я обрядиться?»
Обернулся Ванька горностаемъ,

¹⁾ Рыбн. I № 76: О Ванькѣ удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ Волшанскомъ. Тотъ-же мотивъ въ греческой сказкѣ у Hahn'a, Griech. Märchen № 61 (сл. прим.). См. еще Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 152—3.

Опять онъ сманулъ въ подворотенку,
 Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
 Пронелъ-проскакалъ тридевятъ вязовъ,
 Тридевятъ вязовъ, тридевятъ цвѣтовъ,
 Тридевятъ цвѣтовъ, тридевятъ дубовъ,
 Зашелъ за тый-ли за единый дубъ,
 И сидитъ тамъ добрый молодець.

Оба раза царь узнаеть о метаморфозахъ Ивана, справившись утромъ въ своей «книгѣ волшанской», «книгахъ волшенскихъ». На третій разъ Ивану помогаетъ Могуль-птица, въ благодарность за то, что онъ прикрылъ своимъ цвѣтнымъ кафтаномъ ея дѣтенъшей, прозябшихъ и перемокшихъ въ гнѣздѣ. Она даетъ ему три перышка изъ своего праваго крыла и огниво, съ помощью которыхъ онъ лишаетъ волшанскую книгу ея вѣщей силы: она уже не открываетъ царю, куда дѣлся Иванъ, и Волшанъ сжигаетъ её, а дочь выдаетъ за вдовьяго сына.

Остановимся лишь на нѣкоторыхъ подробностяхъ этой сказки-былины. Ванька удовкинъ сынъ, обладающій чудеснымъ даромъ оборотничества, является при дворѣ царя Волшана, какъ Иванъ Гостинный сынъ, также сынъ вдовы, при дворѣ Владимира съ своимъ чудеснымъ бурушкой. Имя Волшанъ, несомнѣнно, въ связи съ црквнсл. влѣхвъ; его волшанскія книги—волшебныя. Наричательное «Волшанъ» сложилось подъ впечатлѣніемъ идей волшебства, проведенныхъ въ разсказѣ; трудно представить себѣ, чтобы оно съ самаго начала стояло, какъ имя собственное, естественнѣе предположить, что оно прислонилося къ какому-нибудь болѣе древнему, созвучному. Древнерусская поэзія знаетъ вѣщую, грандіозную книгу царя Вологомана, Вологомона, Вотоломона, Волота и т. д., восходящаго, по очень вѣроятному мнѣнію проф. Ягича, къ имени Птоломея¹⁾. Въ одномъ русскомъ сказаніи о Соломонѣ — Вологомономъ названъ византійскій императоръ; съ другой стороны варианты этого имени переводятъ насъ

¹⁾ См. V. Jagić, Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik, въ Archiv f. Slav. Philol. I, стр. 87—88.

отъ Волотомана къ Волотомиру, Володимиру — и Владимиру. Гостинный сынъ Иванъ, объявляющійся при дворѣ Владимира, могъ впервые проявиться въ окруженіи какого-нибудь Константинопольскаго Волотомона—Волшана; первый стать на мѣсто втораго, Кіевъ на мѣсто Константинополя, греческая сказка-былина претвориться въ былинку южно-русскаго цикла. Пока — это лишь одно теоретическое построение, отчасти лишь поддержанное предположенной нами генеалогіей пѣсенъ о Саулѣ Леваидовичѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ доказательствамъ этой гипотезы обратимъ вниманіе еще на одну, можетъ быть, не случайную подробность, касающуюся роли Ивана Гостиного сына въ нашихъ былинахъ. У Кир. III, стр. 70—71, № 4 (= Кирша Даниловъ) Владимиръ, думая жениться, говоритъ на пиру таково слово:

Гой еси вы, князи и бояра, и могучіе богатыри!
 Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
 Только я Владимиръ князь холостъ хожу,
 А я холостъ я хожу, не женатъ гуляю:
 А кто мнѣ-ка знаетъ сопротивницу,
 Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу?
 Какъ бы та была дѣвица станомъ статна,
 Станомъ бы статна и умомъ свершна,
 Ея бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
 И ягодицы какъ бы маковъ цвѣтъ,
 А и черныя брови какъ соболи,
 А и ясныя очи, какъ бы у сокола?

Никто изъ богатырей не находитъ отвѣта; нашелся лишь Иванъ Гостинный сынъ: въ Золотой Ордѣ, у грознаго короля Етмануйла Етмануйловича, видѣлъ онъ двухъ его дочерей: Настасью и Афросинью (очевидно: вм. Апраксию) королевичень;

Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
 За тридцать замкамъ булатными,
 А и буйныя вѣтры не вихнуть на ее,

А красное солнце не печетъ лице.

.....
 Посылай ты, сударь, Дуная свататься.

Афросинья-Апраксія выходитъ за Владимира. Ея типъ въ былинахъ крайне опредѣленный: она увлекается каликой Михайлой, милуется съ Чурилой и Тугаринымъ; она — невѣрная жена по былинному признанію. Въ виду послѣдующихъ параллелей намъ была-бы крайне важна черта, сохранившаяся въ редакціи Кирши Данилова, что именно Иванъ Гостиный сынъ указываетъ Владимиру его сверстницу. Но прозвище «Гостиный сынъ» здѣсь едва-ли не случайное; существеннѣе имя Ивана, появленіе котораго въ роли знатока невѣсть мы объяснимъ позднѣе изъ пѣсенъ о Дунаѣ-Иванѣ ключникѣ. Замѣтимъ, что на невѣсту Владимиру указываетъ обыкновенно Дунай (у Кирши являющійся лишь сватомъ), у Гильф. № 81 (= Рыбн. I № 31) Перминъ или Пермиль, вѣроятно тождественный съ лицомъ того-же имени, выступающимъ въ пѣсняхъ о Чурилѣ (и Дюкѣ); у Рыбн. III № 21: Илья; въ испорченной былинѣ у Гильф. № 125: Добрыня, по несомнѣнному смѣшенію съ Дунаемъ (сватами являются, нерѣдко, оба богатыря).

Въ заключеніи предложеннаго обзора мы позволимъ себѣ свести къ немногимъ чертамъ, что поютъ и сказываютъ объ Иванѣ-Гостиномъ сынѣ сохранившіяся о немъ былины и привлеченныя нами къ сравненію народныя сказки. Вѣроятность и послѣдовательность нашей схемы выяснится лишь въ связи съ слѣдующими далѣе сопоставленіями; пока еѣ придется принять на вѣру.

1. Иванъ (Гостиный сынъ) родится отъ старыхъ, дотолѣ бездѣтныхъ родителей, вслѣдствіи ихъ молитвы и обѣта. Какой-то старикъ научаетъ его, какъ ему достать чудеснаго жеребенка; быть можетъ, Ивану приписаны были и какія-нибудь другія чудесныя познанія (Сказка о доставаніи коня; былина о Ванькѣ удовкинѣ сынѣ).

2. Отецъ его умираетъ; его вдова продаетъ сына (былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ).

3. Иванъ является при дворѣ какого-то царя; онъ обладаетъ вѣщими знаніями (былина объ Иванѣ удовкинѣ сынѣ), испытываетъ, въ запуски съ царскими конями, быстроту своего жеребенка (былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ).

4. (?) Онъ указываетъ царю на его сверстницу — невѣсту, оказывающуюся впоследствии невѣрной женой.

II.

Это, пока апіорное, построение можетъ быть возведено при помощи слѣдующихъ данныхъ къ высокой степени вѣроятности.

Въ XII вѣкѣ Gautier изъ Арраса написалъ, слѣдуя какому нибудь нынѣ утраченному византійскому источнику, большую поэму объ Erasles = Ираклія, вскорѣ послѣ того пересказанную и по Нѣмецки ¹⁾. Сообщивъ намъ въ 5060-хъ первыхъ стихахъ легендарную исторію чудеснаго мальчика Ираклія, авторъ отождествляетъ его подъ конецъ (vv. 5060—6516) съ извѣстнымъ византійскимъ императоромъ того-же имени, заставляя его побѣдить Хосроя и снова отвоевать древо святаго креста. Это отождествленіе принадлежитъ, быть можетъ, фантазіи самого Gautier, но нѣчто не мѣшаетъ предположить, что и въ самой Византіи могъ ходить какой-нибудь баснословный рассказъ объ юности славнаго царя, подобный сообщенному въ поэмѣ. Его греческій оригиналъ утраченъ, либо еще не найденъ, но сохранился его варьянтъ, въ которомъ мѣсто чудеснаго мальчика или юноши заступаетъ чудесный старецъ. Эта редакція была недавно напе-

¹⁾ Сл. Eraslius, Deutsches und französisches Gedicht des XII Jahrhunderts, hrsg. v. Massmann. 1842. — Сл. Eraslius, deutsches Gedicht des XIII-en Jahrhunderts, hrsg. von Harald Graef. Strassburg, 1883.

чатана, по разнымъ текстамъ, Леграномъ¹⁾ и Вагнеромъ²⁾, причемъ Gidel'ю принадлежитъ указаніе на ея отношенія къ сюжету Ираклія.

Передамъ вкратцѣ содержаніе той и другой легенды.

I. Повѣсть о мудромъ старцѣ.

Въ Византіи жилъ когда-то мудрый старецъ, богатый и семейный. Случалось такъ, что вслѣдствіи-ли неурожайнаго года или арабскихъ набѣговъ, онъ обѣднѣлъ. И вотъ онъ велитъ своимъ дѣтямъ связать себя и продать, точно преступника или раба. Услышавъ о томъ царь или топархъ и послалъ своихъ людей освѣδοmittersя о дѣлѣ. Они находятъ цѣну, какую запросили за старика, слишкомъ высокою, но тотъ убѣждаетъ ихъ не торговаться, ибо онъ стоить большаго: онъ знаетъ природу мушницъ и женщинъ, знатокъ въ лошадахъ и драгоценныхъ камняхъ. — Царь очень доволенъ, что такой мудрецъ попался ему въ руку, тѣмъ не менѣе велитъ запереть его и заставляетъ нѣкоторое время голодать: въ день ему даютъ лишь по сухарю и однажды напиться. Между тѣмъ прибылъ изъ дальнихъ странъ купецъ и предлагаетъ царю купить у него за большую цѣну драгоценный камень. Привели изъ тюрьмы старика; онъ говоритъ, что камень многого не стоитъ, такъ какъ въ немъ гнѣздится червь — что подтвердилось на дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе старика опять заключили въ тюрьму, только удвоили ему дневной паекъ. Въ другой

¹⁾ Collection de documents pour servir à l'étude de la langue Néohellénique, 1-re série, № 19: Παρὶ τοῦ γέροντος τοῦ φρονίμου Μουτζοκουρεμένου. Сл. Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France, 6-e année, 1872: Mémoires et notices, p. 53 слѣд.: Gidel, Histoire de Ptocholéon. — Другой пересказъ изданъ былъ Леграномъ въ № 1 новой серіи той-же Collection: Recueil de chansons populaires grecques, Paris, 1874, № 126, p. 258—284: Ὁ σοφὸς πρεσβύτης.

²⁾ Wagner, Carmina Graeca medii aevi, Lips. 1874, p. 277—303: Βίος καὶ πολιτεία τινὸς δοκιμωτάτου καὶ σοφωτάτου γέροντος. Сл. Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 203, къ № 126 Легранова сборника.

разъ его снова вызвали, чтобъ узнать его мнѣніе о продажной лошади; онъ говоритъ, что эта лошадь, будучи жеребенкомъ, вскормлена была коровьимъ молокомъ, что опять-же оказалось вѣрнымъ. Старика снова заперли, а паёкъ увеличили. — Когда царь захотѣлъ жениться на дѣвушкѣ-красавицѣ, онъ обратился къ мудрецу за совѣтомъ и узнаетъ отъ него, что мать той дѣвушки была блудницей и сама она, выйдя за мужъ, станетъ торговать своимъ тѣломъ. Старику еще разъ увеличили его дневную порцію и на день начинаютъ выдавать по три сухаря. Подъ конецъ царю приходитъ на умъ спросить своего узника о самомъ себѣ и своемъ происхожденіи. Тотъ требуетъ отъ царя предварительной клятвы, что онъ не сдѣлаетъ ему никакого зла, еслибы и услышалъ про себя что-либо дурное — и открываетъ ему, что онъ, на самомъ дѣлѣ, сынъ крестьянина, либо лекаря: онъ узналъ это изъ его обращенія съ нимъ, по тому, какъ онъ награждалъ его — увеличивая порцію хлѣба. Такъ поступать — не въ природѣ царя; прирожденная склонность оказалась въ немъ сильнѣе привычки. Опрошенная царемъ мать его сознается въ своемъ проступкѣ, а старикъ, щедро награжденный, отпущенъ на свободу. Въ одномъ изъ трехъ стихотворныхъ рассказовъ, говорящихъ о немъ, онъ названъ Львомъ, или ближе: бѣднымъ Львомъ, Πτωχολέων.

Этотъ рассказъ, быть можетъ, восточнаго происхожденія, что не трудно усмотрѣть изъ параллелей, собранныхъ D'Ancona'ой къ № 3 Cento Novelle antiche¹⁾. Что касается до соответствующю-

¹⁾ Romania III: Le fonti del Novellino, стр. 164—165. Къ приведенной тамъ литературѣ слѣдуетъ еще присоединить повѣсть о бѣднякѣ изъ собранія рассказовъ, приписываемаго Рабби Ниссиму: пророкъ Илья предлагаетъ бѣдняку, чтобъ онъ продалъ его, какъ раба, а вырученныя деньги употребилъ бы на свое пропитаніе. Какъ тотъ ни отнѣкивался, Илья настоялъ на своемъ: Исполни мое приказаніе и продай меня. Царскій служитель покупаетъ Илью за 80000 динаровъ, и пророкъ тотчасъ-же обращаетъ на себя вниманіе царя, какъ искусный архитекторъ. Ему поручаютъ построить большой дворецъ въ шестимѣсячный срокъ, онъ созидаетъ его за ночь и самъ исчезаетъ до восхода солнца. Сл. Perles, Rabbinische Agada's in 1001 Nacht, ein Beitrag zur

щей новеллы послѣдняго сборника, то я считаю вѣроятнымъ, что ея болѣе или менѣе близкимъ источникомъ была какая-нибудь византийская повѣсть, сходная съ предъидущею. Вотъ содержаніе новеллы.

Nelle parti di *Grecia* ebbe uno Signore che portava corona di Re et avea grande reame et avea nome Filippo *et tenea in sua pregione uno savio greco per alcuno malfatto*; lo quale greco era di tanta sapienzia, che llo intelletto suo passava oltra le stelle. Et avvenne che a questo Re fue presentato delle parti di Spagna uno nobile distriere et di grande podere et di bella guisa. Mandò lo Re per malischalchi per sapere la bontà del distriere: *fuli detto che innella sua pregione era lo sovrano maestro di ciò, intendente di tutte le cose*. Fece menare lo distriere al campo et fece traere lo greco di pregione et disse: Maestro, avisa questo distriere, *che m'è fatto conto che tu se' molto saputo*. Lo greco avisa lo cavallo et disse: Messere, elli he di bella guisa, ma tanto judico, che lo cavallo he notricato a latte d'asina (что оказывается вѣрнымъ)... Questo tenne lo Re a grande maraviglia: ordinò et stabilio che gli fosse dato mezo pane per die alle spese della corte. — Un altro giorno avvenne che lo Re raunò sue pietre pretiose. Rimandò per lo detto suo greco et disegli: Maestro, tu se' di grande savere, credo che di tutte le cose t'intendi: *se tt'intendi delle virtù delle pietre, quale ti sembra di più riccha valuta?* Lo greco avisò et disse: Voi quale avete per più cara? Lo Re prese una pietra tra l'altre molto bella et disegli: Maestro, questa mi sembra più bella et di maggior valuta. Lo greco la prese et miselasi nella palma et strinse lo pugno et misesela all'orecchie, et poi parlò et disse: Messere, qui àe uno vermine. Lo Re mandò per li maestri et fecela spezare, et trovossi inella detta pietra uno vermine. Et allotta lo Re lodoe lo greco d'oltra mirabile senno. Et ordinoe che uno pane intero li fosse dato per die alle

Geschichte der Wanderung orientalischer Märchen, въ Frankels Monatsschrift f. Gesch. und Wiss. d. Judenthums 1873, Februar, p. 68—69. Ca. Libro de los Exemplos № CCXLVII.

spese di sua corte. *Poi dipo' non molti giorni lo Re ripensò di no essere legittimo.* — Онъ спрашиваетъ о томъ мудреца и тотъ, послѣ нѣкотораго колебанія, говоритъ ему, что онъ сынъ — пекаря (pisternaio), — что подтверждается показаніемъ матери царя, допытывающаго, какимъ образомъ мудрецъ дошелъ до этого открытія. Онъ отвѣчаетъ: *Messere, quando io vi dissi dello cavallo cosa così maravigliosa, voi mi stabiliste uno dono di mezo pane per die. Et della pietra quando vi dissi dello verme, voi mi stabiliste un pane intero; pensate, che allora m'aviddi di cui voi eravate figliuolo.* Мудреца отпускаютъ съ почестями и большими подарками ¹⁾.

Передъ нами на сценѣ греческій мудрецъ, царь, властвующій гдѣ-то въ Греціи, съ греческимъ именемъ Филиппа: не намекъ-ли на царя — охотника до лошадей, пользующагося для этой цѣли познаніями своего узника? Въ общемъ впечатлѣніе итальянскаго рассказа такое, какъ будто компиляторъ *Centi novelle* имѣлъ передъ собою знакомую намъ византійскую повѣсть, но пересказалъ её въ своей обычной компендіозной манерѣ, выставляя лишь крупныя черты и тѣмъ затушевывая мотивированіе цѣлаго. Такъ мы напр. совсѣмъ не узнаёмъ, какимъ образомъ мудрецъ попалъ въ плѣнъ къ царю, да и вопросы послѣдняго являются совершенно случайными, ибо не видно, чтобы ему заранѣе была извѣстна вѣщая мудрость его плѣнника.

II. Повѣсть о мудромъ юношѣ.

Какъ византійская повѣсть о мудромъ старцѣ отразилась въ староитальянскомъ памятникѣ, такъ византійское-же сказаніе лежитъ въ основѣ старофранцузской поэмы объ Иракліи. Пересказывая её, мы распредѣлимъ содержаніе по параграфамъ, послѣдовательно отвѣчающимъ нумерамъ схемы, установленной нами для древнихъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостинюмъ сынѣ.

¹⁾ *Le novelle antiche*, ed. Biagi, № III = *Gualteruzzi* № III, *Borghini* № II.

1. Въ Римѣ жилъ благочестивый человекъ, сенаторъ, по имени Miriados (Meriados) т. е., вѣроятно: богачъ, миллионеръ; онъ и его супруга Casine'a вели примѣрную жизнь, раздавали богатую милостыню Бога ради, но въ теченіи семи лѣтъ у нихъ не было дѣтей. И вотъ они молятъ Господа, и молитва ихъ услышана: однажды ангелъ явился женѣ въ сновидѣніи, и сказалъ ей: пусть встанетъ, постелетъ богатый коверъ, поверхъ его шелковый платъ, и попроситъ своего мужа совокупиться съ нею. Въ эту ночь она зачнетъ, и весь Римъ возрадуется плоду ея чрева. На другое утро ей слѣдуетъ заказать обѣдню, а коверъ и платъ пожертвовать на церковь и на бѣдныхъ. — Совершилось всё такъ, какъ возвѣстилъ ангелъ: въ урочное время жена родила мальчика, котораго назвали Богданомъ (Dieudonné), а въ крещеніи нарекли Иракліемъ (Erasles). Въ день крестинъ Господнее посланіе снесено было ангеломъ къ кроваткѣ ребенка; никто кромѣ него не долженъ его распечатать и прочесть. А въ немъ было написано, что Господь сподобилъ его дара: распознавать женщинъ, достоинство лошадей и камней.

2. Когда Мириадось умеръ, Ираклію еще не минуло 10 лѣтъ. Мать раздала все свое достояніе въ успокоеніе души покойнаго мужа, съ согласія сына. Они основали больницы, ставили монастыри и церкви, одѣляли нищихъ и сиротъ, такъ что, прежде чѣмъ истекъ мѣсяцъ, они сами стали бѣднѣ послѣдняго римскаго бѣдняка. — Въ то время былъ такой обычай, что каждый могъ продать своего ребенка. На это рѣшилась и Казина, и сынъ согласился охотно, лишь бы она продала его за большую цѣну:

416 tenes me sier,
Ne laies rien de mil besans.

Набросивъ на его шею свой поясъ, мать повела его въ такомъ видѣ на главный базаръ города. Многіе смѣялись надъ нею, находили, что цѣну за мальчика она проситъ слишкомъ высокую, но Ираклій убѣждаетъ мать не уступать:

471 Mere (fait-il), n'en doutes rien,
Car vous me venderes molt bien.

G'iere encor lui molt cier tenus,
Cil, ki m'avra, n'est pas venus.

Такія-же рѣчи держитъ онъ и царскому сенешалю, обратившему на него вниманіе и также подсмѣивавшемуся надъ высокою цѣной. Если цѣна не по немъ, то пусть отступится отъ него, говоритъ ему мальчикъ; только пусть знаетъ, что лучшаго приобрѣтенія онъ никогда не сдѣлаетъ. И онъ сообщаетъ ему, какими тремя чудесными знаніями онъ обладаетъ. Сенешаль хочетъ купить его; разставаясь мать и сынъ плачутъ, цѣлуютъ другъ друга, а мать сѣтуетъ:

581 Fieus, bien ait telle engendreüre!
Onkes plus douce porteüre
Ne fist mais femme, ke g'ai faite,
Et ceste iert mes tous jours retraite;
Ainc mes ne fu si dure mere
Con jou por lui, a Dieus biaus pere!
Ne n'iert mes el siecle vivant
La mere vendist son enfant,
Onkes mes nulle n'en fu teus,
Ramenbre t'ent, biau sire dieus!
Biau sire dieus, ramenbre t'ent!
Garde mon fil, maintien m'enfent,
Aies ent pité et de moi,
Car cest marcié fac jou por toi.

Между тѣмъ сынъ утѣшаетъ мать тѣмъ, что она продала его не по злomu намѣренію, а Бога ради. Она, дѣйствительно, раздѣляетъ между бѣдными полученную ею цѣну, а сама идетъ въ монастырь.

Сенешаль ведетъ мальчика ко двору, гдѣ принужденъ выслушивать надсмѣшки надъ его слишкомъ дорогой покупкой; самъ императоръ, которому Ираклій заявилъ о присущихъ ему трехъ чудесныхъ дарованіяхъ, выражаетъ сомнѣніе, не шарлатанъ-ли онъ, и хочетъ испытать его. Съ этой цѣлью онъ велитъ снести на базаръ всѣ драгоцѣнные камни, какіе только находились въ Римѣ или его окрестностяхъ, а Ираклію приказываетъ выбрать

изъ нихъ самый дорогой, сколько бы онъ ни стоялъ. Ираклій разсматриваетъ ихъ цѣлыя груды, но проходитъ мимо, ничего не выбравъ. Видитъ, въ концѣ базара какой-то человѣкъ торгуетъ пряностями, рядомъ съ которыми онъ выложилъ и какой-то неприглядный камень, случайно найденный имъ по дорогѣ. Ираклій доволенъ: онъ, наконецъ, нашелъ, что ему нужно; спрашиваетъ продавца о цѣнѣ того камня, и когда тотъ запросилъ всего шесть динаровъ (deniers), велитъ ему выплатить сорокъ марокъ, а камень отнести императору. Императоръ гнѣвается за столь дорогую покупку, но Ираклій увѣряетъ его:

909 Que ceste pierre vaut tout l'or
 Ke vous aves en vo tresor,
 K'aighe ne fu n'arme ne orient
 Ne ne puet cremir ki le tient.
 Se li caitis, li deceüs
 N'eüst ke sis deniers eüs
 Sa viertu pierdist.

Онъ предлагаетъ самъ на себѣ испытать чудодѣйственныя свойства камня и выходитъ счастливо изъ всѣхъ испытаній. Самъ императоръ изъявляетъ желаніе подвергнуть себя испытанію огнемъ, и на этотъ разъ результатъ тотъ-же. Разумѣется какой-нибудь баснословный камень въ родѣ Ктезіева пантарва (Ctesias, fragm. 80; Philostrate, Vita Apollonii III, 46), играющаго роль въ VIII-й книгѣ Эіопикъ Геліодора, § 11:

Παντάρβην φορέουσα πῦρὸς μὴ τάρβει ἐρωήν.
 ῥηιδίως μοίραις καὶ τ' ἀδόκητα πέλει,

упоминаемаго и Никитой Эвгеніаномъ (τῶν κατὰ Δρόσιλλαν καὶ Χαρικλέα βιβλ. ζ, vv. 398—9):

ἀλλ' Ἰνδικὴν λίθον σε παντάρβην ἔχω,
 καὶ φεύξεταί με καὶ τὸ πῦρ φέροντά σε.

3. Въ другой разъ императоръ желаетъ убѣдиться, на сколько Ираклій знатокъ въ лошадяхъ. Снова изданъ приказъ: собрать

на базарѣ всѣхъ коней, какіе ни есть въ странѣ, и пусть Ираклій выберетъ изъ нихъ лучшаго. А тотъ обратилъ вниманіе на жалкаго жеребенка, у котораго всего четыре зуба; его хозяинъ-бѣднякъ готовъ отдать его за двѣ марки, хотя, говоритъ онъ, старикъ, отъ котораго онъ получилъ жеребенка, завѣрилъ его, что отъ него онъ разбогатѣетъ.

1457 Ne sai, ki il fu, nel counois,
Mais il fu tous plus blanc ke nois,
Por amour dieu le me donna,
Onkes plus mot ne me souna.

Ираклій велитъ заплатить за жеребенка 40 марокъ и увѣряетъ разсерженнаго императора, что его конь перебѣжитъ трехъ самыхъ быстрыхъ:

1540: Soient or li troi mellour prest,
Et s'il nes vains, jè vous otroi
Ke vous n'aies merci de moi
De ma tieste prendre et trencier.
Ici metes tout le plus cier,
Al cief de tort la-gus a val
Faites metre l'autre ceval;
Le tierc metes al cours apres
A la bonne, droit al cief pries.
U elle soit, juske al premier,
Ja ne m'i veres delaiier,
Si mouverous de ceste place;
Se jou nel tieng tout à estace
Ains ke gou viegne à l'autre enmi,
Si me faites trencier parmi;
Se il à l'autre autel ne fait,
Si me soient li doi oeil trait.

И здѣсь, стало быть, какъ въ греческой пѣснѣ о Константинѣ и нашей былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, молодець бьется объ закладъ о свою голову; съ *тремя* конями поэмы слѣдуетъ сличить ихъ число въ былинѣ: обыкновенно ихъ триста три, но это, очевидно, эпическая амплификація, и главное вниманіе обра-

шено на *тремя* «жеребцовъ похваленныхъ», которые ближе и опредѣляются. Съ *тремя* лучшими конями византійскаго императора хочетъ помѣряться и архиепископъ Турпинъ въ *Chançon du Voyage de Charlemagne à Jerusalem et à Constantinople*, хотя его скачка въ запуски болѣе напоминаетъ гимнастическія упражненія цирка:

Treis de meillors destriers qui en sa citet sont
 Prenget li reis demain, si'n facet faire un cors
 La defors en cel plain. Quant mielz s'eslaiseront,
 Jo i vendrai sor destre corant par tel vigor
 Que me serrai al tierz et si larrai les dous;
 Et tendrai quatre pomes molt grosses en mon poin,
 Sis irrai estruant et getant contremont,
 E larrai les destriers àler a lor bandon:
 Se pome m'en eschapel ne altre en chiet del poin,
 Charlemaignes mis sire me criet les oilz del front ¹⁾.

Ираклій, впрочемъ, не считаетъ возможнымъ тотчасъ-же испытать своего жеребенка: для того онъ еще слишкомъ малъ, надо выдержать его въ продолженіи года; если заставить его бѣжать теперь, онъ сдѣлается куда не годнымъ впослѣдствіи. Но императоръ настаиваетъ на томъ, чтобы бѣгъ устроился тотчасъ-же — и Ираклій принужденъ осѣдлатъ своего «косматенькаго» (*velus*, v. 1643), еще не испытаннаго удила (v. 1518). Испытаніе оказалось блестящимъ, но у жеребенка отъ усилія не по лѣтамъ вытекъ мозгъ изъ костей промежъ мяса и шкуры (v. 1852—53: *Vous veres entre quir et car — Qui la moole i est trestoute*), и онъ теперь ни на что не годенъ. — Ираклій всецѣло завладѣлъ довѣріемъ императора, который проситъ его проявить еще и третій свой даръ — выборомъ достойной императора невѣсты-сверстницы.

4. По императорскому указу съѣзжаются въ Римъ со всей страны родовитыя дѣвушки. Ираклію предстоитъ сдѣлать изъ

¹⁾ Ed. Kozchwitz, 2-e Aufl., vv. 495—504.

нихъ выборъ, но ни одна изъ нихъ не правится ему, ему ясны ихъ слабости, онъ угадываетъ ихъ сокровенныя помышленія. Онъ уже возвращался домой, недовольный, когда ему повстрѣчалась красивая, бѣдно-одѣтая дѣвушка, дочь сенатора, по имени Аэинаида; она давно потеряла отца и мать и жила у своей теткы. Её то и рекомендуетъ Ираклій императору, какъ вполне достойную его жену.

2708 Ja n'iert mes femme de son pris
S'ensi se tient, con a empris.

Императоръ обрадованъ, свадьба сыграна и молодая чета живетъ счастливо. Такъ прошло семь лѣтъ. Случилось, что императоръ долженъ былъ выступить противъ непріятелей, осадившихъ его городъ; онъ беретъ съ собой и Ираклія, но предварительно спрашиваетъ его, какъ ему поступить, чтобы уберечь жену. Тотъ говоритъ, что лучший оберегъ состоитъ — въ отсутствіи его; но императоръ не согласенъ съ этимъ и велитъ держать жену въ башнѣ подъ строгой охраной. — На одномъ большомъ празднествѣ, на которомъ, по обычаю, присутствовала и императрица, она увидѣла прекраснаго Париды и влюбилась въ него: онъ былъ красивѣйшій изъ юношей, игравшихъ передъ императрицей на арфѣ и щеголявшихъ своей ловкостью:

3447 Devant la dame a fait le jour
Maint estampie et maint trestour.

Одѣтъ онъ богато:

3462 D'uns dras de soie bien viustus
Se fut molt bien laciés as las,
Biel a le cors et gens les bras,
Les ious ot vairs, le vis traitis,
Cank'a sour lui, est bien faitis,
Cevieus a blons reciercelés,
Bien fais est molt et bien mollés.

Онъ также влюбился въ императрицу и оба втайнѣ страдаютъ. Старуха Морфея устраиваетъ свиданіе влюбленнымъ, но Ираклій

узнаеть о томъ, благодаря своего дару прозрѣнія, и сообщаетъ императору. Когда онъ вернулся домой, любовники геройски признаются ему въ своей взаимной страсти — и прощены, по совѣту Ираклія, разъясняющаго мужу, что въ невѣрности жены виновать не кто иной, какъ онъ самъ.

Я не считъ нужнымъ входить въ подробности, передавая послѣдній эпизодъ поэмы, потому что для сравненія съ пѣснями о нашемъ Иванѣ Гостиномъ сынѣ онъ предлагаетъ наименѣе матерьяла. Только въ *одномъ* пересказѣ былины Иванъ указываетъ Владимиру на Апраксию, какъ Ираклій императору на Аониаиду; Аониаида влюбляется въ Парида, какъ Апраксія напр. въ Чурилу, котораго легко было-бы сравнить съ любовникомъ французской поэмы. Далѣе сходства нѣтъ: романъ Чурилы разыгрывается на сторонѣ, съ Катериной, женой Бермяты, и было бы натяжкой съ нашей стороны предположить, что первоначально онъ могъ быть приуроченъ именно къ Апраксіи. Иное дѣло — три первыхъ отдѣла повѣсти объ Иракліи: сличенные съ соответствующими отдѣлами схемы, установленной нами для пѣсень объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, они представляютъ существенно то-же содержаніе, тамъ и здѣсь сгруппированное вокругъ одного лица. Разница въ томъ, что поэма сохранила отдѣльные эпизоды въ связи, въ единствѣ цѣлаго, тогда какъ въ русскомъ пѣсенномъ преданіи являются лишь отрывки и намеки, кое-гдѣ связанные общимъ именемъ героя, но такъ слабо, что лишь сравненіе съ византійско-французскимъ разсказомъ объ Иракліи дало намъ возможность признать въ былинѣ о скачкѣ Ивана и въ пѣснѣ о его продажѣ матерью — эпизоды одного и того-же дѣйствія. — Съ другой стороны лишь косматенькій жеребенокъ Ираклія выяснилъ намъ настоящее значеніе «бурушки-косматушки» въ пѣсняхъ о нашемъ Иванѣ: здѣсь онъ искони являлся чудеснымъ жеребенкомъ, тогда какъ при другихъ богатыряхъ (напр. Дюкѣ и др.) «бурушко» могъ обобщиться до значенія простой, безцѣльной клички.

На Византійскій источникъ Готье мнѣ не разъ приходилось

указывать; подтвержденіемъ этого предположенія служить обликъ такихъ собственныхъ именъ, какъ Athenaïs, Parides, Morphœa; быть можетъ, и Римъ, какъ мѣсто дѣйствія, принадлежитъ лишь французскому перескащику, послѣдовательно увлеченному и къ упоминанію Тибра: оригиналъ могъ говорить о новомъ Римѣ, т. е. о Константинополѣ; таково мѣсто дѣйствія византійской повѣсти о «мудромъ старцѣ». — Разумѣется, греческій пошибъ собственныхъ именъ, самъ по себѣ, легко истолковать и другимъ образомъ, напр. школьно-классическими воспоминаніями трувера. Болѣе вѣса слѣдуетъ дать изображенію общественныхъ и нравственныхъ отношеній: они отзываются не стилемъ феодальной жизни, а памятью греческихъ эротическихъ романовъ и ихъ европейскихъ отраженій, въ родѣ Floire et Blanceflor. Таковы описанія: всемогущества любви — Эрота, праздника въ Римѣ (новомъ Римѣ?), гдѣ обычныя рыцарскія игры замѣнены игрой на арфѣ, пѣніемъ, пляской, бѣгомъ въ запуски, а юноши выставляютъ на показъ свою ловкость и хваткость, напоминая намъ отчасти такія-же положенія въ пѣснѣ о Чурилѣ, только съ меньшимъ противу нихъ шаржемъ и съ болѣе глубокимъ мотивированіемъ. — Принадлежалъ-ли византійскому подлиннику тотъ христіанско-мистическій колоритъ, съ которымъ рассказаны въ поэмѣ рожденіе и юность Ираклія до его появленія при дворѣ — этотъ вопросъ я не пытаюсь разрѣшить, хотя и считаю положительный отвѣтъ довольно вѣроятнымъ.

Я не утверждаю, чтобы источникомъ нашихъ пѣсней объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ былъ именно подлинникъ Ираклія, и удовлетворяюсь гипотезой, что этотъ источникъ былъ близокъ къ тому подлиннику. Изъ этого прототипа нашихъ былинь перешли въ нихъ и купцы «вавилоняне», которыхъ сказитель едва-ли нашелъ въ эпическомъ запасѣ своей памяти. Каково было первоначальное имя царя — мы не знаемъ; имя Laïs¹⁾ у Gautier, всегда въ римѣ

¹⁾ Имя Laïs встрѣтилось мнѣ еще разъ, рядомъ съ Константиномъ, въ числѣ именъ сыновей Geirarð'a, въ Mágus-saga'ѣ. Сл. Wulff, Notices sur les Sagas de Mágus et de Geirarð etc. Lund, 1874, p. 43.

съ Atanaïs (vv. 2767, 2885, 5057), быть можетъ, типическое; имя Льва, Leo, трудно было исказить такимъ образомъ. Очень можетъ быть, что царь являлся анонимный¹⁾, — а у русскихъ пѣвцевъ и рассказчиковъ былъ готовый эпонимъ для византійскаго императора: Волотоманъ, искаженіе изъ Птолемея. Это имя и могли дать безыменному царю греческаго рассказа или пѣсни, когда она переселилась на русскую почву. Дальнѣйшая ея исторія, исторія послѣдовательныхъ искаженій и отождествленій чужого съ своимъ, представляется мнѣ ясной — если признать прочной мою точку отправленія: Волотоманъ обратился, съ одной стороны, въ Волшана нашей сказки-былины объ Иванѣ Удовкинѣ сынѣ; съ другой, Волотоманъ перешелъ незамѣтно, черезъ извѣстныя намъ посредствующія формы: Волотомиръ, Володимиръ — къ Владимиру, и могъ быть отождествленъ съ Владимиромъ нашего эпоса. Такимъ путемъ византійская сказка пробилась въ кругъ южно-русскихъ былинъ, принята была въ ихъ составъ, но подъ условіемъ новыхъ измѣненій и приуроченій. Ей пришлось найтись въ новой, болѣе простой бытовой обстановкѣ и поступиться многимъ, что не шло къ новой средѣ либо, полупонятое, необходимо облекалось въ болѣе грубыя формы. Таково неловкое

¹⁾ У Готье Ираклій является въ Римѣ при царѣ Laïs'ѣ и въ концѣ поэмы отождествляется съ императоромъ Иракліемъ, противникомъ Хосроя. Переходъ совершается такимъ образомъ: Хосрой будто бы велѣлъ предательски убить византійскаго царя Фоку (Foucars); византійцы избираютъ ему двухъ наслѣдниковъ, Ираклій прибылъ изъ Рима первымъ и принялъ бразды правленія. — Нѣмецкая поэма объ Egaclius, слѣдовавшая Gautier, переноситъ самого Фоку въ Римъ: для него Ираклій и избираетъ жену; по убіеніи Фоки избранъ императоромъ Ираклій, отправляющійся въ Константинополь, гдѣ, со времени Константина Великаго, подобало пребывать императорамъ. Очень вѣроятно, что нѣмецкій пересказчикъ удержалъ мѣсто дѣйствія въ Римѣ, согласно съ Gautier, но что отождествленіе легендарнаго Ираклія съ историческимъ наслѣдникомъ Фоки навело его на мысль перенести Фоку и въ первую часть романа, т. е. въ Римъ. На сколько эти измѣненія могли быть внушены какимъ нибудь другимъ изводомъ сказанія, помимо поэмы Готье, сказать трудно. Слѣдуетъ предположить (напр. для упоминанія вѣщаго Ираклія у Вольфрама v. Eschenbach), что такіе изводы были извѣстны. Сл. въ Журн. Мин. Нар. Пров. 1884 г., Январь, мон: Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника (по поводу изданій г. Сырку), стр. 85—87.

«щипленіе» и лубочное щегольство Чурилы — по сравненію съ византійскими юношами, красующимися передъ Аэинаидой; тѣмъ-же деревенскимъ шаржемъ, дающимъ чувствовать за собой болѣе утонченный подлинникъ, отзывается въ пѣсняхъ о Чурилѣ вычурное описаніе его дворца, его любовныя приключенія, впечатлѣніе, произведенное имъ на женщинъ: это — на столько-же грубость житейскаго взгляда, на сколько грубое усвоеніе чужого. Мать Ивана продаетъ его не ради богоугоднаго дѣла, а потому, что онъ сталъ пьяницей; выше мы замѣтили, на сколько исказился, по сравненію съ предполагаемымъ оригиналомъ, этотъ эпизодъ, полузатерянный въ русскомъ эпосѣ, съ любовью сохранившемъ изъ всего цикла пѣсень объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ — лишь былинку о его бѣгѣ въ запуски. — Всюду замѣтна утрата внутреннего мотивированія, объяснимая еще однимъ измѣненіемъ, которому, по необходимости, должна была подвергнуться византійская сага, примкнувъ къ владимировскому эпосу: она должна была поступиться своимъ единствомъ, должна была разбрестись по мелочамъ, чтобы послужить другому единству, болѣе широкому. Это единство, символическое воплотившееся въ лицѣ князя Владимира — и есть русскій богатырскій эпосъ. Не одна-лишь византійская легенда о чудесномъ юношѣ, многія другія пришлыя сказанія вошли въ его составъ; но его народность лежитъ именно въ характерѣ этого состава, въ организмѣ дѣла, не въ случайныхъ матерьялахъ, пошедшихъ на его созданіе.

V.

Богатыри - Сурожцы.

Суровець Суздалецъ и Чурила Пленковичъ.

I.

Намъ уже два раза приходилось имѣть дѣло съ русскими былинами, въ которыхъ мы открывали отголоски византійскаго либо ново-греческаго эпоса. Какъ зашли онѣ на Русь? Пути могли быть разные, точно не услѣдимые. Пѣсня нерѣдко заносится случайно, и эту возможность необходимо имѣть въ виду въ тѣхъ случаяхъ, когда пути болѣе прочнаго и постояннаго вліянія не указаны какими-нибудь историческими или географическими условіями, напр. сосѣдствомъ. Такія условія представляла именно южная Россія: я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду греческія колоніи крымскаго полуострова и обусловленные ими культурныя, религіозныя, а за тѣмъ, быть можетъ, и народно-поэтическія связи.

Отзвукомъ послѣднихъ представляется намъ роль Сурожа въ нашемъ былинномъ эпосѣ.

Сурожъ — древняя Сугдая, Сугдея, именемъ которой во время Тцетца обозначался весь Крымъ, нынѣ Судакъ (Суракъ, Сурдакъ), Солдадія, Солдая, Содая средневѣковыхъ Европейцевъ, Шол-

тадія Эдриса — основана была, по греческому Синаксарю XII—XIV вѣковъ, около 212 года. Когда Хазары завладѣли большею частью Таврическаго полуострова, они подчинили себѣ и Сурожъ; съ конца VII-го вѣка мы встрѣчаемъ въ немъ архиепископа, зависимаго отъ византійской митрополіи; однимъ изъ наслѣдниковъ его былъ Св. Стефанъ Сурожскій, между чудесами котораго находится загадочная легенда — о пришествіи русскаго князя «бранлива» (Бравлинъ, Бравалинъ, Бравленинъ), полонившаго всю страну отъ Корсуни до Керчи. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ Сурожъ, подобно по-Сулюю, Корсуню и Тьмутороканскому блъвану, отнесенъ уже къ землямъ незнаемымъ — для Руси: онѣ подчинены были въ то время Половцамъ, противъ хана которыхъ Шарукана былъ направленъ походъ 1111 года. Брунъ предполагаетъ, что его владѣнія находились въ Крыму и что подъ Сугровомъ, сожженномъ Русскими, слѣдуетъ разумѣть — Сурожъ. Это объяснило бы почему готскія дѣвы воспѣваютъ мечь Шароканю — на берегу синяго моря, а вѣсть о походѣ 1111 года могла разнестись отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи — до самаго Рима.

Въ 1223 и 1239-хъ годахъ Сурожъ дважды подпадалъ подъ власть Татаръ, а съ 1253-го сдѣлался ихъ данникомъ. Его древнее коммерческое значеніе съ этимъ не прекратилось: онъ остался, по прежнему, однимъ изъ важнѣйшихъ складочныхъ мѣстъ для заморской торговли, византійскіе и итальянскіе купцы продолжаютъ посѣщать его, а Венеціанцы и Генуэзцы спорятъ изъ за обладанія имъ. Арабское названіе Чернаго моря — Сурожскимъ свидѣтельствуетъ о важности для древней Руси торговыхъ сношеній съ Сурожемъ: до поздняго времени было у насъ въ ходу обозначеніе: «гость сурожанинъ» въ значеніи купца, преимущественно шелковыми товарами, какъ и теперь еще мы говоримъ о «суровскихъ товарахъ», «суровскомъ ряду». «Суровець» нашихъ былинъ не что иное, какъ дублетъ съ Сурожанину; Суровець-Суздалецъ, очевидно, тавтологія, вторая часть которой была искажена или подновлена по созвучію съ Суздалемъ, болѣе

извѣстномъ въ сѣверномъ періодѣ нашего эпоса, чѣмъ Сурожь: Суздалецъ вмѣсто Судадецъ, Сугдадецъ; въ одной пѣснѣ онъ — «богатаго гостя *заморенинъ* сынъ» (Сл. Рыбн. IV, № 13: купцы *заморяне, вавилоняне*), что едва-ли идетъ къ Суздалю, но, быть можетъ, не относится непосредственно и къ Сурожу: названіе «гостей-сурожанъ» имѣло и болѣе общее значеніе, его переносили, между прочимъ, на Генуэзцевъ, упрочившихся въ Крыму съ половины XIII-го вѣка, именно въ Кафѣ¹⁾.

Чтобы проникнуть въ богатырскій эпосъ «гость-суроженинъ» долженъ былъ и самъ стать богатыремъ; это лежало, впрочемъ, за требованіями народной идеализаціи, въ дѣйствительныхъ условіяхъ средневѣковой торговли: надо было умѣть отбиваться отъ кочевниковъ, какъ на Западѣ отъ хищниковъ-рыцарей, чтобы провезти черезъ стени и доли къ немногимъ культурнымъ, укрѣпленнымъ центрамъ, заморскій товаръ, а вмѣстѣ съ нимъ и заморскія пѣсни и чудные рассказы о видѣнномъ — въ тридцатомъ государствѣ. — Такимъ богатыремъ является охотничекъ «Суровець-Суздалецъ» въ сохранившихся о немъ пѣсняхъ: Кир. III, стр. 107—110 = № 1; *ibid.* стр. 110—112 = № 2; Кир. IV, Прилож. стр. XXVII—XXIX = № 3; Лѣтописи Тихонравова, т. IV, Матеріалы (Пѣсни, собранныя Мордовцевымъ и Костомаровымъ), стр. 12—14 = № 1.

Въ старыя вѣки, прежніе,
 Не въ пышнѣйшія времена, послѣднія,
 Какъ жилъ на Руси Суровець молодець,
 Суровець богатырь, онъ Суроженинъ,
 По роду гóрода Суздаля,
 Сынъ отца гостя богатаго,
 Охочь онъ ѣздитъ за охотою,
 За гусями, за лебедями,

¹⁾ Сл. Bruun, Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie, Mém. de l'Académie impér. des sciences de St. Petersburg, VII série, t. X, № 9, 1866; его-же: Черноморье, ч. II, стр. 121 слѣд. и Указатель, а. в. Сугдея, Судакъ, Сурожъ, Солдая. Наши сообщенія о Сурожѣ заимствованы, главнымъ образомъ, изъ послѣдняго труда.

За сѣрми за утидами.
 Ъздить день до вечера,
 А покушать молодцу нечего (№ 2).

Иначе зачинають № 1 и 3: «Суровень богатъ самъ Суздалецъ» (№ 1), «Суровець богатырь сынъ Ивановичъ» (№ 3) — ѣздить въ полѣ «ровно три» (№ 1), либо тридцать три года (№ 3) — и ничего въ полѣ не наѣзживалъ. И вотъ онъ наѣзжаетъ теперь на сырой, «колповистый» (№ 1), «не простой, корокольчестой» (№ 2) дубъ; на немъ воронъ.

9 Онъ завидѣлъ въ полѣ сырой дубъ,
 Единъ сыръ дубище и кривистый,
 Онъ кривистый дубъ, жароватый,
 У дуба кореньице булатное,
 А сучья-вѣтви позлаченные;
 На дубу-то сидитъ птица вѣщая,
 Птица вѣщая, перелетная,
 Птица младъ черенъ воронъ,
 Перо его какъ смола кипитъ,
 А очи его какъ свѣчи горять воску ярова,
 А ноги его какъ лучи свѣтять,
 Какъ лучи свѣтять, лучи солнечные,
 Лучи солнечные и подвѣсточные. (№ 3)

Такъ ѣздить за охотой и Михайло Казарянинъ (Кирша XXI)
 и съ такой-же неудачей, пока не

Наѣхалъ въ полѣ сыръ кряковистый дубъ,
 На дубу сидитъ тутъ черной воронъ,
 Съ ноги на ногу переступываетъ,
 Онъ правильно перушко поправливаетъ,
 А и ноги, носъ — что огонь горять.

Это напоминаетъ загадочное, вычурное изображеніе вѣщаго ворона въ поэмѣ объ Освальдѣ и еще болѣе чудеснаго ворона въ мусульманской легендѣ о рожденіи Salih'a: у него туловище черное, голова бѣлая, спина отлиываетъ изумрудомъ, ноги пурпуромъ, клювъ блеститъ, какъ солнечное небо, глаза — что два драгоценныхъ камня; темный покой освѣщается ими, точно

взошло солнце¹⁾. Сл. образъ сокола въ *Völsungasaga*'ѣ 139, 18, по сравненію съ *Nibelungenlied*: *pat dreymdi mik, at ek sá einn fagran hauk mér á hendi; fjaðrar hans váru með gulligum lit* = *Nib. L. 13: troumte Kriemhilde — wie sie züge einen valken starc, schoen und wilde*²⁾. — Ирина видитъ во снѣ золотокрылаго орла (*ὄρεος χρυσοπτερῶτος*), гонявшагося за голубкой — это ея мужъ³⁾. Сл. въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ такой-же образъ разукрашеннаго сокола⁴⁾.

Богатырь готовится стрѣлять въ ворона, но тотъ останавливаетъ его своимъ вѣщаніемъ: — эпизодъ, довольно распространенный въ нашихъ былинахъ; сл. Гильф. № 49 и 168 (Добрыня); Кир. II № 1, стр. 80—1 (Алѣша); IV, стр. 94—95 (Михайло Казарянинъ); Рыбн. I № 47 (Дюкъ), II № 30 (Дюкъ) и др. Воронъ вѣщаетъ: къ чему тебѣ стрѣлять въ меня? Не будетъ тебѣ отъ того никакой корысти; лучше

32 Поѣзжай ты далече во чисто поле,
А еще того подалѣ во синю морю,

¹⁾ Weil, *Bibl. Legenden der Muselmänner*, p. 51.

²⁾ Сл. Edzardi, въ *Germania*, XXIII, p. 98.

³⁾ Lambros, I. c. p. 142, v. 723 слѣд.

⁴⁾ Качановскій, *Памятники*, № 85:

Соколь піе по Вардара вода:
Подзе му у сребро укованы,
Криле му у злато позлатены,
На глава му бѣль трендафилъ цавти,
На грѣло му дробень бисеръ трепти.

На вопросъ дѣвушки, кто его такъ разукрасилъ, онъ отвѣчаетъ, что зять-златарь и сестра. Иначе у Караджича, Сръпске нар. п. из Херц. № 151:

Соко сједи на Солуну граду,
Жуте му су ноге до кољено
А златена крила до рамена,
А крвава до очију кљуна.

Солунскимъ дѣвушкамъ онъ говоритъ, что сдѣлали то три дочери его хозяина. Сл. у *Karenberg*'а:

Ich zöch mir einen valken mêre danne ein jâr,
Dô ich in gezamete, als ich in wolte hân,
Und ich im sîn gevidere mit golde wol bewant,
Er huop sich âf vil hôbe und vloug in anderiu lant.

Ко широкому, ко чистому раздольцу;
 Тутъ стоитъ Кумбалъ царь,
Кумбалъ царь Самородовичъ,
 Со многими Татарами со уланами,
 Хочетъ онъ тебя погубити,
 Погубити и сорубити (№ 1).

Въ № 2 татарскій царь названъ Курбаномъ, въ № 3 Курганомъ — и рѣчь ворона нѣсколько иная:

45 Поѣзжай ты въ дальне-чисто поле
 Ко тому же князю ко Кургану,
 Гдѣ *Курганъ* князь перевозится,
Перевозится онъ и переносится
Черезъ матушку черезъ Неву (вм. Нѣтру?) рѣку;
 Его зные Татары все богатыри:
 Принци себѣ поединщиковъ.

Эти подробности напоминаютъ намъ былинну о Саулѣ Леванидовичѣ въ редакціи Кирши: Константинъ доѣхалъ до рѣки *Смородины* (сл. въ нашемъ № 1: Кумбалъ царь *Самородовичъ*),

А стапоры Кумгуръ царь перевозится
 Со тѣми ли Татары *погаными*.

Погаными — или смердящими: не оттуда-ли эпитетъ *Смородовичъ* (Самородовичъ, Смарадоновичъ, сл. выше, стр. 31), *Smardo-duxzi* или *Spuzentè* (puzzolente), какъ названъ Сарацинъ въ дубровницкой легендѣ о Роландѣ? ¹⁾

Богатырь Суровецъ послушался совѣта ворона: наѣзжаетъ на Татаръ и принимается ихъ битъ; перескочилъ черезъ первый и второй ровъ, а въ третій обрушился; но тутъ разыгралось его молодецкое сердце: схватилъ онъ Татарина и началъ имъ помахивать, гдѣ пройдетъ — тамъ улица, куда ни повернется — переулочекъ. Добрался онъ и до царя Кумбалъ или Курбана, который проситъ отпустить его, сулитъ ему золотую казну,

¹⁾ Сл. мою замѣтку: Die Rolandsage in Ragusa, въ Архивѣ Ягича, V, р. 468—9. Съ татарскимъ царемъ *Кумбаломъ* нашего № 1 сл. литовскаго царя *Цимбала, Чимбала* у Рыби. I, №№ 74, 75, *Чембала, Чолпана* Гильф. №№ 61, 42 (Наѣздъ Литовцевъ).

табуны заповѣдныя, хочеть быть ему братомъ названнымъ, либо ссылается на то, «что въ книгѣ написано» — не казнить царей и князей.

Таково заключеніе былины въ №№ 1 и 2, снова относящее насъ къ пѣснѣ о Саулѣ Леванидовичѣ, у Кирши, гдѣ Константинъ счастливо минуетъ татарскіе рвы и «вымысль», но разбиваетъ «въ крохи» ихъ царя Кунгура. — Иначе; нѣсколько ех abrupto, кончается былина о Суровцѣ въ № 3:

.... приближалъ онъ ко князю Кургану,
Становится въ его во бѣлой шатеръ.
Они пили-ѣли, веселился,
И попробавъ силы, размучилися.

Общая основа этихъ пѣсней сводится къ тому, что молодой богатырь, выѣхавшій на полеванье, встрѣчается съ татарскою ратью и побиваетъ её. Если Татары принадлежатъ подлиннику, а не замѣнили какого-нибудь иного, болѣе древняго врага, и наше толкованіе: Суровець = Сурожанинъ въ географическомъ значеніи этого слова было-бы признано вѣрнымъ, то легко указать и на историческую подкладку нашихъ былинь — въ враждебныхъ отношеніяхъ Татаръ именно къ Сурожу въ первой половинѣ XIII вѣка (1223, 1239, 1253 гг.). Народная пѣсня, по обычаю, извратила эти отношенія въ интересахъ народной славы: Суровець побѣждаетъ татарскаго царя, какъ и въ нашихъ былинахъ Татары всегда бываютъ разбиты и посрамлены.

Обычное толкованіе былинь о Суровцѣ-Суздальцѣ обобщаетъ значеніе перваго наименованія — въ смыслѣ гостя, а второму даетъ географическое значеніе въ связи съ сѣвернымъ Суздалемъ. Я ничего-бы не имѣлъ противъ такого толкованія, если-бы не слѣдующія соображенія: пѣсни о Суровцѣ-Суздальцѣ, какъ и былины о Саулѣ Леванидовичѣ, принадлежатъ къ небольшому числу обособленныхъ, не примкнувшихъ къ владимировскому циклу, охватившему все древнее содержаніе нашего эпоса. Такая обособленность мыслима либо для пѣсней новѣйшаго происхож-

денія, которое трудно будетъ доказать именно для нашихъ былинъ, либо для пѣсенъ древнихъ, случайно оставшихся неприуроченными къ Кіевскому центру. Что касается до такъ называемаго Суздальскаго періода нашего эпоса, то онъ весь коренится въ кіевскомъ, и мы ожидали-бы встрѣтить богатыря Суздальца — въ окруженіи Владимира.

Загадочными для меня являются братья Суздальцы въ одной старинѣ про Илью Муромца ¹⁾: Илья убиваетъ Мамаю, богатыри бросаются на Татаръ, оставивъ въ «лагеряхъ» лишь двухъ братьевъ, двухъ Суздальцевъ, чтобы было кому встрѣтить богатырей «съ приѣзду».

Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца
 И поѣхали въ ту рать силу великую,

 И сами они похваляются:
 «Кабы была теперь сила небесная,
 И всѣ бы мы побили её по полю».

Эта извѣстная по другимъ былинамъ кощунственная похвальба, въ которой Суздальцы и винятся передъ Ильєю, влечетъ за собою, не удвоеніе, а оживаніе павшихъ Татаръ, съ которыми не въ силахъ справиться русскіе витязи: они ѣдутъ въ Кіевъ, въ монастыри и пещеры, гдѣ и «представились».

Слѣдующіе далѣе отрывки и упоминанія былинъ говорятъ намъ о приѣзжихъ Суздальцахъ — на первый разъ даже не въ Кіевъ и не къ Владимиру, а въ какой-то городъ Покидошъ и къ князю Михаилу Ефимонтьевичу. Тожественъ-ли этотъ Покидошъ съ городомъ Кидишемъ или Кидашемъ одной былины о Муромцѣ (Кир. I № I, стр. 79, vv. 92—3, стр. 82, v. 200—1), съ Большимъ или Малымъ Китижемъ нижегородскаго преданія (Кир. IV, Прилож. стр. СХVIII слѣд.) — я не знаю; поводомъ къ отождествленію могла послужить лишь увѣренность, что Суровець-

¹⁾ Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, ч. 2-ая, стр. 32 слѣд.

Суздалецъ слѣдующей былины, дѣйствительно, изъ Суздаля, и что Покидоша слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь по близости.

Былина, о которой идетъ рѣчь, очевидно безъ конца, а въ началѣ представляетъ два неидущихъ къ дѣлу запѣва. Первый изъ нихъ (Высока ли высота — поднебесная Черны грязи — Смоленскія, А и быстрыя рѣки — Понизовскія) принадлежитъ къ общимъ мѣстамъ былиннаго стиля¹⁾; второй слѣдуетъ безъ всякой связи съ предыдущимъ:

При царѣ Давидѣ Евсеевичѣ,
 При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ,
 Было беззаконство великое:
 Старшцы по вельямъ — родильницы,
 Чернцы по дорогамъ — разбойницы,
 Сынъ съ отцемъ на судъ идетъ,
 Братъ на брата съ боемъ идетъ,
 Братъ сестру за себя емлетъ.

Это указываетъ на мотивы Иерусалимскаго стиха и, болѣе того, на эсхатологическія пророчества Андрея Юродиваго. Если запѣвъ здѣсь не случайный, то переходъ къ былинѣ могъ быть мотивированъ такъ: пришли послѣднія времена, характеризуемая упадкомъ нравственности — общей безурядицей — и божьей карой, нашествіемъ враговъ, напр. Татарь. Суровець-Суздалецъ явился-бы какъ разъ во-время, на помощь Михаилу Ефимонтьевичу. Но это было-бы слишкомъ гипотетическое возстановленіе, не поддерживаемое сохранившимся отрывкомъ былины, рассказывающимъ лишь — о приѣздѣ богатыря:

Изъ далеча, чиста поля,
 Выскавалъ тутъ, выбѣгалъ
 Суровець богатырь, Суздалецъ,
 Богатаго гостя Заморенивъ сынъ.
 Онъ бѣгаетъ-скачетъ по чисту полю,
 Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
 Себѣ сильна-могуча богатыря,

¹⁾Сл. выше, стр. 45, прим. 2.

Побиться, подраться, порататься,
 Силы богатырски поотвѣдати,
 А могучи плечи приоправити.
 Онъ бѣгалъ-скакалъ по чисту полю,
 Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ,
 Не нашель онъ въ полѣ сопротивника,
 И поѣхалъ ко городу Покидошу.
 Во славномъ городѣ Покидошѣ,
 У князя Михайлы Ефимонтьевича,
 У него князя почетной пиръ.
 А и тутъ молодцу пригодилося,
 Приходилъ на княженецкой дворъ,
 Походилъ во гридню во свѣтлую,
 Спасову образу молится,
 Великому князю поклоняется.
 А князь Михайло Ефимонтьевичъ
 Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра,
 Подаетъ ему, доброму молодцу,
 А и самъ говорилъ таково слово:
 «Какъ, молодець, именемъ зовуть,
 Какъ величать по изотчеству?»
 Сталъ, молодець, онъ рассказывати:
 «Князь-де, Михайло Ефимонтьевичъ!
 А меня зовуть, добра молодца,
 Суровець богатырь, Суздалецъ,
 Богатаго гостя Заморенниъ сынъ».
 А и тутъ князю то слово полюбилоса:
 Посадилъ его за столы убранне,
 Въ ту скамью богатырскую,
 Хлѣба съ солью кушати,
 И довольно пити, прохлаждатися.

(Кир. III, Прилож. стр. VIII—X = Кирша Дан. № LIV).

Суровець — Заморянинъ, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ наши
 былины говорятъ о заморскихъ товарахъ, камочкѣ и т. д.
 Добрыня называетъ себя скоморохомъ Данилой Заморянинымъ
 (Кир. II, № 7, стр. 16, в. 69), т. е. приѣзжимъ изъ за моря:
 Суровець торгуетъ за моремъ, онъ одинъ изъ тѣхъ сурожскихъ

гостей-богатырей, которые являются при дворѣ Покидошскаго князя, заходятъ и въ Кіевъ, гдѣ у нихъ особая слобода:

Что во нашемъ во городѣ во Кіевѣ,
 Что у насъ въ слободѣ въ Ерусалимскія,
 У насъ вѣтъ молодець, удалыхъ Суздальцевъ,

говоритъ Иванъ Годиновичъ Владимиру (Кир. III, № I, стр. 10, vv. 38—40). Такимъ заѣзжимъ богатыремъ выступаетъ въ окруженіи Кіевскаго князя и Чурила Пленковичъ, сынъ богатаго гостя пзъ Сурожа, но уже не греческаго, а итальянскаго: Пленковичъ не что иное, какъ народная перегласовка пзъ Франковичъ, т. е. сынъ Франка = Пленка.

Эта перегласовка требуетъ объясненія.

Греч. φ нерѣдко переходитъ въ слав. и русск. п: сл. *Osinz* (Joseph), *параонз* (Фараонъ), *перварь* (februarius, гдѣ, впрочемъ, слѣдуетъ признать и участіе народной этимологіи), *пльникз* (φρῆνιξ), *дафиново хвощи* = дафиново вѣт'вык, δάφνινος, Алекс. ¹⁾; *типанъ* фариже, *типане париже*, тифане фарижи, Алекс., φάριον = фарижь, новогр. φάρι (Pfarit, parafrit); о типанѣ, тифане см. замѣтку проф. Ягича (ibid. стр. 214): «ja držim da je to takodjer grčka rieč, stojeći u svezi s glagolom τυφώω, možda τυφών — a da znači: biesan, rošaman». Укажу съ своей стороны на необъясненное до сихъ поръ слово: типа, у Иоанна Экзарха Болгарскаго: имать (сердце) родомъ жестокоу плоть, типами многообразными солежа са (Miklosich, Lexicon, a. v. типа: sensus dubius); сл. τυφος — Dünkel, Hoffart, Einbildung, Verblendung и т. д. — *фаносъ*, *паносъ*: въ мѣсто фаноса, место паноса = ἀντίφανοῦ Алекс. — *С пиникием*, var. *съ финеемъ* Алекс.; *плашѣ пиничаски*, var. *финичьскый* Алекс.; *Миди и Пиници*; много нему меда и *пиника* донесоше; *Пиником* var. *Финикомъ*; *Пинику*; *Пиници* var. *Финици*; у *пиничком* крзни Алекс. Сл. тамже: de Thetide: Тетиде var. Федиде, Петиде.

¹⁾ Алекс. = хорватская Александрія, изданная проф. Ягичемъ: Život Aleksandra Velikoga, Starine, III 203 слѣд.

Слав. русск. *пр* изъ греч. φρ: phrygius: *фридискимъ* странамъ, *придинскимъ* странамъ; к *придинской* земли, *придинску* землю Алекс.; *придежскыѣ* отоки, *прижинскыѣ* крѣви, *прижискыѣ* крѣви; *Прижѣ* = Phrygia; *Пришедѣ*, *Придеишѣ* = Phrygius, Trj. gr. ¹⁾. — Я разберу въ этой связи еще нѣсколько мѣстъ славянской Александрии. Въ Псевдокаллистоенѣ С (ed. Müller, стр. 29—30) говорится объ Александрѣ Великомъ: «Ἀπάρας οὖν πάλιν ἀπὸ Ῥώμης, ὤρμητε κατὰ δυσμῶν καὶ οὐκ ἦν αὐτῷ ὁ ἀνδιστάμενος. Καὶ προὔπαντῶσιν αὐτῷ πᾶσαι αἱ βασιλεῖαι δυσμῶν. Καὶ δῶροις ἐκμειλίσσονται αὐτόν, καὶ παρακαλοῦσιν αὐτόν μὴ ἐπιβῆναι τοῖς ἐρίοις αὐτῶν. Καὶ λαβὼν τὰ δῶρα ἀνδρὸς στρέφει, καταλείπων αὐτῶν πάντων κύριον τὸν Λαομέδοντα». Въ сербской Александрии Кирилло-бѣлозерскаго списка ^{11/1088}, XV-го вѣка, л. 59 лиц. об. (= Ягичъ I. с., стр. 246) Александръ ставитъ Лаомедонта царемъ въ Римѣ; иначе въ концѣ романа: изъ Александрова наслѣдія Лаомедонту достается нѣмецкая и — *франкская* земля, ибо эпитетъ «фарижскій» едва-ли можетъ имѣть, въ указанной связи, иное значеніе, кромѣ «фрацкскаго»: «а Ламедаоушоу да *нѣмецкою* землю и *фарижское цѣство*» (Кир. бѣл. сп. л. 168 об.). — Рудницкій текстъ Александрии, изданный Ягичемъ, удержалъ, въ этомъ эпизодѣ (стр. 312), имя Лаомедонта, но отдаетъ ему «енглитерско господство», Пиннику «*нишкы* землю и *пажадско* господство», вмѣсто котораго одна рукопись (с) ставитъ «*франическо* господство», другая (f) — «парижское господство» (сл. Новаковичъ, Приповетка о Александрѣ Великомъ у старој српској књижевности, стр. 126 прим.), т. е., очевидно, франкское. *Пажадско* господство напоминаетъ мнѣ загадочное географическое опредѣленіе Троянской притчи: (Полинешеръ краль) «кои кралуваше по всея *Пагажи*», и такое-же въ Александрии: «дарова му фарижа... оседлана у *праначкоу френи*», var. оу *франьскоу* фране, in francisco fraeno (Ягичъ, I. с., стр. 311; Новаковичъ, I. с., стр. 124).

Предложенныя сопоставленія даютъ намъ право допустить уравненіе: *франкѣ*, *френкѣ* (фрагъ) = *пранкѣ*, *пренкѣ* — и далѣе,

¹⁾ Troj. gr. = Trojanska priča, ed. Miklošić, Starine III, стр. 147 слѣд.

съ извѣстнымъ переходомъ *p* въ *л* (и наоборотъ: Оурикшешъ = Шухес, Тгој. рг.) — *пленкѣ*: отецъ Чурилы зовется Пленкѣ и Пленко, онъ самъ — Пленковичъ, *Пеленковичъ, что предполагаетъ форму *пеленкѣ*, отвѣчающую одному изъ наименованій, которымъ татары обозначали осѣдлыхъ въ Крыму Генуэзцевъ: Frenk, Fegenk, *Felenk* = т. е. Франкъ. Это устраняетъ безосновское объясненіе: Плена = Пленомъ, полономъ, а самого Чурилы — богомъ чуромъ, фаллосомъ и т. п.¹⁾: Чурило не что иное, какъ народная форма Кирилла, греч. Κύριλλος, црквнсл. Коурилъ, Куриль, Кюриль (сл. Рыбн. III № 26: Чырилушка и Кирилушка Попленковичъ); Чурилья игуменя одной шутильной пѣсни = Кирилья²⁾. Для перехода звуковъ сл. сербск. ћирил, ћурилица = *alphabetum cyrillicum*, црквнсл. коуриловица; сербск. комин, чемин, чимин = *κῦμινον*, црквнсл. кюминъ, куминъ; τσ изъ *κ* въ новогреческихъ говорахъ: *τσερί* = *κηρίον*, *τσῦμα* = *κῦμα*, *τσαίω* = *καίω*, *τσιουρά* = *κυρία* и др.³⁾. Можетъ быть, часть значеній, съ которыми встрѣчается русск. чуръ (чурать, чуровать, чураться и т. д.; «чуръ чуровъ и чурочковъ моихъ»; «чурочками клянусь, что не буду»), восходитъ къ греч. *κύριος*, средне- и новогреч. *κύρ*, црквнсл. куръ, курь, кюръ, кирь⁴⁾.

Такимъ образомъ Чурило Пленковичъ, т. е. Кирило, сынъ Франка, является однимъ изъ тѣхъ-грекороманскихъ гостей-Сурожанъ, которые, являясь въ Кіевъ, изумляютъ своихъ, болѣе грубыхъ сосѣдей, блескомъ своихъ культурныхъ привычекъ и обстановки, либо выступаютъ и богатырями, какъ Суровець-Суздадецъ нашихъ былинъ или Франки старыхъ румынскихъ пѣсенъ, отождествляемыхъ г. Теодореску съ генуэзскими колонистами

¹⁾ Кир. IV, Прилож. стр. LVIII слѣд.

²⁾ Другія толкованія словъ: чурила, чурилка, чурилья относятся къ области шутильной народной этимологій (курить, чурка, щуриться). Сл. Опытъ областного великорусскаго словаря; Дополн. къ Оп. област. великорусск. слов.; словари Даля и Носовича.

³⁾ Сл. Разысканія VI, стр. 289 прим. 1.

⁴⁾ Коуръ въ извѣстномъ мѣстѣ Слово о Полку Игоревѣ («до коуръ Тмоутороканъ») — не греческое-ли *κύρ*? Сл. Буслаевъ, Христом. 612.

Крыма и Молдавіи. Въ одной румынской колядкѣ молодецъ готовится продать своего коня, чтобы на вырученныя за него деньги сыграть свою свадьбу, а конь не знаетъ, откуда на него такая напасть: ни въ чемъ онъ не повиненъ передъ своимъ хозяиномъ — развѣ въ одномъ:

De cândü ne băteamü
 Intr' alü Mării prundü
 Cu Turcii,
 Cu Frâncii,
 Frâncii ne'nfrängeaü,
 Turcii ne băteaü,
 'N mare ne băgaü,
 Mulți că se'necaü, —
 Eü amü inotatü,
 Marea'n lungü și'n latü.
 D'asta'sü vinovatü,
 Că m'amü pedicatü
 D'üä pénä
 De mrénä,
 Și că țï-amü udatü
 Pólă de caftanü,
 Coltü de pösunarü;
 Dêrü m'amü bisuitü,
 La malü d'amü eşitü:
 Din nări c'amü suflatü,
 Tóte le-amü svéntatü,
 Nimicü n'amü stricatü.

Малорусская колядка, почти тождественная съ приведенной румынской и записанная въ нѣсколькихъ пересказахъ, говоритъ, лишь о Туркахъ, либо о Туркахъ и *Татарахъ*¹⁾, замѣнившихъ,

¹⁾ Чубинскій, Труды этнограф. статист. эксп. въ зап. русск. край, снаряж. Имп. Русск. Геогр. Общ. Юго-Западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ, т. III (Народный дневникъ), Колядки № 19 и 39. Сл. мои Разысканія VI, стр. 278 слѣд. Къ приведеннымъ тамъ колядкамъ слѣдуетъ присоединить еще слѣдующія:

Молодый (inya) по торгу ходить,
 Коника водить, зъ коникомъ гóвóрить:

стало быть, *Франковъ* румынскаго текста, какъ и въ нашихъ былинахъ они нерѣдко заслоняли собою другихъ, болѣе древнихъ враговъ, напр. Сарацинъ и т. п. — Въ саду, въ виноградѣ, подъ калиною, молодецъ ведетъ бесѣду съ своимъ конемъ, хочетъ продать его за сто червонцевъ, за бочку вина, за бочку пива; а конь напоминаетъ ему о своихъ прежнихъ заслугахъ:

Якъ насъ Турки за Дунай загнали,
 Більшъ потопали, якъ виринали;
 А ти, мій пане, и чоботка не вмочивъ,
 Ни чоботка, ни стременочка,
 Ни стременочка, ни сиделочка (№ 39 А);
 Ні поли жулана, ни чоботка сапьяна (№ 39 В).

Въ другой румынской колядкѣ о героѣ поется, что онъ бьется подъ Браилой съ Турками — и Франками:

О коню мой, коню! Прѣдамъ я тебѣ
 За сто червонцовъ, за трубку сукна, за румку вина!
 — Мѣлѣдый (виля)! Ні прѣдай мене,
 Буду я табѣ ў великой пригоди.
 О, якъ будѣшь ты дѣ жанитися,
 Піррѣвѣзу тебѣ черезъ синє море,
 Штобъ нѣ замочивъ поли кафтана,
 Сапѣги сапьяны.

(Опытъ описанія Могилевской губерніи, подъ ред. Дембовецкаго. Могилевъ, 1882, стр. 525, № 9):

Мав Іваненько вороного коня,
 Примав его в рублянї стайні,
 Давав му їсти яру пишницю,
 Давав му пити зелене вино.
 Вивів він его на нове місто:
 Ой коню, коню, продам я тебе!
 Ой пане, пане, чи не жаль ти буде?
 Погадай собі, чи не жаль тобі? —
 Скоро го продав, жалібно зашржавъ:
 Я в тебе стояв по боки в гнюю,
 Я в тебе їв житну солому,
 Я в тебе пив холодну воду (колядка со Смотрича, неизд.).

Si se bate cu Turcii,
Cu Turcii,
Si cu Frâncii ¹⁾.

Teodorescu приводитъ эти этническія имена въ связь со взятіемъ Константинополя въ 1453 году и съ разгромомъ генуэзскихъ поселеній въ Крыму Турками. Ничто въ пѣсняхъ не указываетъ на память объ этихъ именно отношеніяхъ, и точная хронологія здѣсь такъ-же невозможна, какъ и относительно Чурилы нашихъ былинъ. Давность послѣдняго засвидѣтельствована отчасти — рѣшительнымъ забытіемъ этническаго значенія Пленка и Пленковича, которые всюду понимаются какъ собственное имя и прозвище по отчеству.

II.

Пѣсенъ о Чурилѣ у меня было подъ рукою 22 пересказа, не считая пяти болѣе или менѣе попорченныхъ и упоминаній Чурилы въ другихъ былинахъ, особливо въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ. Нигдѣ его пѣсенная біографія не является въ цѣльномъ видѣ, т. е. въ совокупности всѣхъ ея эпизодовъ: совокупности, выходящей изъ взаимнаго сличенія пѣсенъ о немъ и на столько естественной, что въ ней нельзя заподозрить результатъ позднѣйшаго свода. Послѣдовательность является такая: а) Владимиръ въ гостяхъ у Чурилы; б) Чурила въ Кіевѣ, на службѣ у Владимира; в) эпизодъ съ Апраксіей на пиру; д) впечатлѣніе Чурилиной красоты; е) Чурила и Катерина. Рыбн. I № 45 ограничивается четырьмя эпизодами (abde); Рыбн. III № 24 и Гильф. № 223 не знаютъ послѣдняго (abcd); Кир. IV, № 1,

¹⁾ Teodorescu, *Notiuni despre colindele Române*, București, 1879 г., стр. 77—78, 80—94. — Въ одной румынской балладѣ у Alecsandri (*Poesii populare ale Romanilor*, 1867, № XXXII, стр. 24 слѣд.) паша, являющійся съ толпой Босняковъ и Браильцевъ (*Braileni din Brăila*), названъ «палачемъ Франковъ», *măcelarul Frâncilor*.

стр. 78—86 (= Кирша Даниловъ) довольствуется тремя: ab—e; Кир. IV, № 2, стр. 86—7, двумя (cd); Гильф. № 229 и 251 первымъ (a), и, наконецъ, цѣлый рядъ пѣсенъ знаетъ только о любви Чурилы къ Катеринѣ (= e). Сл. Кир. IV, № 3, стр. 87—90; Рыбн. I, № 46; II, № 23, 24; III, № 26; Гильф. № 8, 27, 35, 67, 189, 224, 242, 268, 309. — Присоединимъ къ этому еще небольшой отрывокъ былины у Рыбн. I въ прим. къ № 45, стр. 265—6 (abc).

При слѣдующей передачѣ мы держимся установленнаго нами распорядка содержанія.

а) *Владимиръ въ гостяхъ у Чурилы.*

Владимиръ пировалъ въ Кіевѣ и столъ былъ во полу-столѣ,
когда явилось триста молодцовъ,

14 Веѣ они избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
Свѣтъ, государь, ты Владимиръ князь!
Ѣздили мы по полю по чистому,
Сверхъ той рѣки Черegi,
На твоємъ государевомъ займищѣ,
Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
Не наѣзживали звѣря прискучаго,
Не видали птицы перелетныя;
Только наѣхали во чистомъ полѣ:
Есть молодцовъ за три ста,
[Есть молодцовъ] и за пять сотъ:
Жеребцы подъ ними Латинскіе,
Кафтаны на нихъ камчатные,
Однорядочки-то — голубъ скурлатъ,
А и колпачки — золоты плаши;
Они соболи, кунцы повыловили,
И печереки лисицы повыгнали,
Туры, олени выстрѣлили,
И насъ избили-изранили;
А тебѣ, осударь, добычи нѣтъ,

А отъ васъ, осударь, жалованья нѣтъ,
Дѣти, жены оспротѣли,
Пошли по міру скитатися.

Не слушаетъ ихъ Владимиръ, «шьеть онъ, ѣсть, прохлаждается», а между тѣмъ новая толпа вошла во дворъ: то «охотники рыболовые», также жалуются, что незнаемые люди всю рыбу у нихъ повыловили, а ихъ самихъ избили-изранили. Кто эти люди — князь узнаетъ отъ сокольниковъ и кречетниковъ, явившихся съ такимъ же къ нему челобитьемъ: они «называются дружиною Чуриловою».

92 Тутъ Владимиръ князь

За то слово спохватится:

«Кто это Чурила есть таковъ?»

Выступался тутъ старой

Бермята Васильевичъ:

«Я, де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю:

Чурила живетъ не въ Кіевѣ,

А живетъ онъ пониже Малаго Кіевца.

Дворъ у него на семи верстахъ,

Около двора желѣзный тынъ,

На всякой тычинѣ по маковѣ,

А и есть по жемчужинкѣ;

Среди двора свѣтлицы стоятъ,

Гридни бѣлодубовыя,

Покрты сѣдымъ бобромъ,

Потолокъ черныхъ соболей ¹⁾,

Матица-то валженная,

Поль-середа одного серебра,

Крюки да пробои по булату злачены;

Первыя у него ворота валящатыя,

Другіе ворота хрустальныя,

Третьи ворота оловянные».

¹⁾ Сл. Гильф. № 251:

Потолоки были соболиныя;

Гильф. № 223:

Да потолокъ у Чурилы изъ черныхъ соболей.

Владимиръ съ княгинею, боярами и Бермятой ѣдутъ провѣдать Чурилу: встрѣчаетъ ихъ старый Пленъ (или: Пленка) Сароженинъ, князю и княгинѣ отворилъ ворота вальящатые, князямъ да боярамъ хрустальные, простымъ людямъ оловянные. Начинается пированье,

143 Веселая бесѣда, на радости день.
 Князь со княгинею весель сидитъ,
 Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое
 И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
 Говорилъ таково слово:
 «По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинился,
 Князя, меня, въ дождь не случилось,
 ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
 Или какой грозенъ посоль.»
 Старый Пленка Сароженинъ
 Лишь только усмѣхается, самъ потчиваетъ:
 «Изволь ты, осударь,
 Владимиръ князь со княгинею,
 И со всѣми своими князи и бояры кушати:
 Что, де, ѣдетъ не король изъ орды
 И не грозенъ посоль,
 ѣдетъ, де, дружина хорабрая сына моего,
 Молода Чурилы сына Пленковича;
 А какъ онъ, осударь,
 Будетъ предъ тобою-жь,
 Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
 Будетъ столъ во полу-столѣ.»
 Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,
 Всѣ уже они безъ памяти спятъ;
 А и на дворѣ день вечеряется,
 Красное солнышко закатается,
 Толпа въ полѣ собирается:
 Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,
 Есть [молодцовъ] и до тысячи.
 ѣдетъ Чурила ко двору своему,
 Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
 Чтобъ не заpekло солнце бѣла его лица.

Впереди бѣжитъ скороходъ, заглянулъ на дворъ, видитъ, что

дружинѣ не проѣхать, и вотъ они въѣзжаютъ окольнымъ дворомъ, а Чурила догадался: беретъ золотыя ключи, идетъ въ подвалы глубокіе, выносить князю и княгинѣ дорогіе подарки.

193 Втапору Владимиръ князь, стольной Кіевской,
 Больно со княгинею возрадовался,
 Говорилъ ему таково слово:
 «Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
 Не подобаеъ тебѣ въ деревнѣ жить,
 Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
 [Въ Кіевѣ жить], князю служить».

(Кир. IV, № 1, стр. 78 слѣд. = Кирша).

Былины, сохранившіе этотъ эпизодъ, передаютъ его въ существенно тѣхъ-же чертахъ, съ нѣкоторыми отличіями и новыми подробностями, которыя мы отмѣчаемъ.

Вездѣ то-же зачало: три толпы являются одна за другою къ Владимиру съ челобитьемъ на Чурилиныхъ людей: — это охотники, рыбаки и сокольники-кречетники. У Рыбн. I, № 45 отличіе ступшено и три раза повторяется одна и та-же жалоба, что Чурила

Купныхъ-то лисовъ всѣхъ выловилъ,
 Кунную рыбу повидавалъ.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223, Гильф. №№ 229 и 251 первыя двѣ жалобы касаются охотничьяго дѣла, третью ведутъ купцы торговые и мужики посадскіе, на Чурилиныхъ людей, что они

Бздя по городу уродствуютъ,
 Лукъ и чеснокъ повыщипали,
 Вѣлюю капусту повиломали,
 Красныхъ-то дѣвокъ ко сорому-де привели,
 Молодыхъ молодекъ прибезчестили,
 Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили. (Гильф. № 229).

Владимиръ не знаетъ, гдѣ живетъ Чурила, у Гильф. № 251 онъ повторяетъ послѣ каждаго челобитья:

Не знаю я Чуриловой вотчины,
 Не знаю я Чуриловой поселицы,
 Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. 223 и Гильф. № 229 его научаютъ князья и бояре, у Гильф. № 251 «удалой добрый молодець — по имени *Иванъ*, да *Ивановичъ*», заступившій здѣсь *Бермяту* пересказа Кирши. *Бермята-Пермигъ* — мужъ Катерины, за которой приволокнулся Чурило; интересно, что въ пѣсняхъ о сватовствѣ Владимира на невѣсту указываютъ ему — *Иванъ* Гостиный сынъ, либо *Пермигъ* или *Перминъ*¹⁾. — Иванъ говоритъ:

Знаю я Чурилову вотчину,
 Знаю я Чурилову поселицу,
 Знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ:
 У Чурила дворъ на Сароги на рѣки,
 Супротивъ креста Леванидова,
 У Святыхъ мощей у Борисовыхъ.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 онъ не въ Кіевѣ, и не за Кіевомъ, а «на Почай на рѣкѣ — у чудна креста Дминдалидова» (Гильф. Мендалидова; вар. къ Рыбн. I, № 45, стр. 266: Леванидова) — у святыхъ мощей у Борисовыхъ». Почай рѣка вторглась сюда изъ былинныхъ воспоминаній: слѣдуетъ, быть можетъ и здѣсь читать Сорогу, гдѣ происходитъ охота въ началѣ пѣсни у Рыбн. I, № 45 (Сорога), Гильф. № 229 (Сорога), Кирши (Черега) и въ нашемъ пересказѣ, Гильф. № 223, припомнишемъ, некстати, и рыбу того-же имени: «рыбу сорогу повыловили!» — Гильф. № 229 ограничивается, относительно Чурилиной поселицы, общимъ указаніемъ: не въ Кіевѣ, а за Кіевомъ, какъ у Кирши: не въ Кіевѣ, а пониже малаго Кіевца; сл. Рыбн. I, № 45: Какъ живетъ-то Чурило во Кіевцѣ, — На матушкѣ живетъ на Сорогѣ на рѣкѣ. — Всего этого слишкомъ мало для какихъ-бы-то-ни-было заключеній. Подъ Малымъ Кіевцемъ, очевидно, нельзя подразумѣвать что-нибудь географически опре-

¹⁾ Сл. выше, стр. 53.

дѣленное, напр. городъ этого имени на Дунаѣ; Чурила живетъ гдѣ-то далеко за Кіевомъ, такъ что Владимиръ о немъ и не знаетъ; Сорога, Сарога — не указываютъ-ли на Сурожъ? Сл. Сорожанинъ, Сарожанинъ.

Описаніе Чурилина дворца вездѣ вычурное; сл. Гильф.
№ 229:

Дворъ-отъ у Чурила на семи верстахъ,
Около двора всё булатній тынъ,
Верхні-ты были всё точёные,
Подворотенки-ты были дорогъ рыбой зубъ,
Надъ воротами вконъ до семидесятъ,
На дворѣ есть теремовъ до семи ихъ сотъ

(Рыбн. III, № 24: стояло теремовъ де до семидесяти; Гильф.
№ 251: три терема).

Пошоль-то Владимиръ на широкой дворъ:
У Чурила первы сѣни рѣшетчатые,
У Чурила други сѣни серебряные,
У Чурила третьи сѣни были на золоти

(трое сѣней и у Гильф. № 251, Рыбн. III, № 24 = Гильф.
№ 223 и Рыбн. I, № 45; сл. у Кирши отвѣчающіе имъ трое
воротъ).

Заходилъ-то Владимиръ во высокъ терѣмъ,
Въ терему полъ-середѣ одного серебря,
Стѣны-потолокъ красна золота,
На́ неби сонце и въ тереми сонце,
На́ неби мѣсяцъ и въ тереми мѣсяцъ,
На́ неби звѣзды розсыплются,
Въ тереми звѣзды розсыплются.

Тѣ-же подробности — о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ — въ фантастическомъ описаніи терема встрѣчаются у Гильф. № 251, Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 и Рыбн. I, № 45 (солнце, мѣсяцъ, звѣзды — и зори), въ былинахъ о Соловѣ Будимировичѣ, Садкѣ и Дюкѣ, наконецъ въ мало-и бѣлорусскихъ обря-

довыхъ пѣсняхъ: общее мѣсто¹⁾, имѣвшее, быть можетъ, реальное основаніе въ какихъ-нибудь хитрыхъ деталяхъ средневѣковой архитектоники. Въ византійскомъ романѣ о Калимахѣ и Хризороѣ такъ описываются палаты драка: крыша у нихъ позолоченная, украшенная жемчугомъ; мало того:

423 ἀλλ' εἶχεν στέγην οὐρανὸν καὶ τοὺς ἀστέρων δρόμους.

.....
μετὰ πανσόφου μηχανῆς καὶ τέχνης παραξένου²⁾.

Сходныя черты въ описаніи чудесъ Индѣйскаго царства указаны будутъ далѣе; на средневѣковую характеристику Хосроя я обратилъ вниманіе по другому поводу: въ его дворцѣ — искусственное небо, съ солнцемъ, луною, звѣздами и облаками (Винценцій изъ Beauvais, Jacobus de Voragine; Hermann von Fritzlar); сл. Gautier d'Arras, въ Eragles:

5187 Un ciel ot fait faire li fos
à cières pières et à clos
molt ricement l'ot fait ouvrir,

и описаніе «Kaiserchronik»:

11158 ein heidensker kunic hiez Cosdras,
dem geriet der vālant,
daz er hiez wirken ubir sīn lant
einen himel ērfn.
vil gerne wolde er got sfn.
dō hiez er mālen dar inne
die sunnen unde die maeninne
ūz den karvunkeln,
von blie die wolken,
ūz edelme gesteine
die sternen vil kleine³⁾.

1) Сл. мои Южно-русскія былины, II, стр. 69—71.

2) Lambros, l. c. стр. 19.

3) Сл. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, стр. 145.

Пленчище Сорожанинъ (Рыбн. I, № 45) = Пленко гость Сорожанинъ (Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223), Пленкъ, сынъ Сорожанинъ (Гильф. № 229) — встрѣчаетъ Владимира; Гильф. № 229 (сходно съ Рыбн. III, № 24) описываетъ его, какъ старо-матераго человѣка:

Шуба-то на старомъ соболиная,
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ знаметою

(Рыбн. III, № 24: самитомъ; Гильф. № 223: стаметомъ)

Путовки всё вольячные,
Лить-то вольякъ красна золота.

Въ отличіе отъ редакціи Кирши и Гильф. № 223 (разнящагося въ этомъ случаѣ отъ Рыбн. III, № 24), появленіе Чурилинныхъ молодцовъ описано во всѣхъ другихъ пересказахъ въ параллель къ тремъ толпамъ челобитчиковъ, приходящихъ къ Владимиру: ихъ также три толпы, и лишь въ третьей мы видимъ самого Чурилу. У Гильф. № 229 и Рыбн. III, № 24 этотъ эффектъ разработанъ еще особымъ образомъ: Владимиръ видитъ «въ окошко косярчатое» толпу молодцовъ, исполошился, говоритъ таково слово:

Не царь-ли съ ордой, не король-ли съ Литвой,
Не думные бояринъ-ли не сватовщикъ
На любимые Забавны на племянницы (Гильф. № 229).

Пленкъ его успокоиваетъ:

Не пужайся, Владимиръ, не полошайся!
Не царь ѣде съ ордой, не король съ Литвой,
Не думные бояринъ да не сватовщикъ
На любимые Забавнѣ на племянницы,
А ѣдутъ то Чуриловы все столынии.

(Рыбн. III, № 24: повары). А затѣмъ новая толпа и то-же сомнѣніе Владимира и такой-же отвѣтъ Пленка:

А ѣдутъ то Чуриловы все влючники

(Рыбн. III, № 24: стольники). Это постепенное усиленіе — изумленія и страха напоминаетъ такой-же поэтической климаксъ въ былинахъ о Дюкѣ, гдѣ онъ, несомнѣнно, древній.

Въ послѣдней толпѣ ѣдетъ и Чурила:

Середній ѣде улицею молодець,
Съ коня-то онъ на конь перескакивае,
Черезъ три-то онъ коня да на четвѣртаго.

Сл. Гильф. № 251 и Рыбн. III, № 24 (= Гильф. № 223):

Съ коня де на конь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемакиваетъ,
Черезъ третье да на четвертое,
Въ верхъ копые да подбрасываетъ,
Изъ ручки въ ручку подхватываетъ.

Иначе у Рыбн. I, № 45:

Одинъ молодець получше всѣхъ:
Волосинки — золота дуга, серебряная,
Шея у Чурилы быдто бѣлый снѣгъ,
А личико быдто маковъ цвѣтъ,
Очи быдто у ясна сокола,
Брови быдто у черна соболя;
Съ коня на коня перескакиваетъ
У молодець шапочки подхватываетъ,
На головушки шапочки покладываетъ.

На подбрасованіе и подхватываніе копыя, въ знакъ молодецкой удали — мы указали при другомъ случаѣ¹⁾, какъ на общее мѣсто славяно-русскаго, румынскаго и греческаго эпосовъ. Иное значеніе имѣетъ перескакиваніе изъ сѣдла въ сѣдло и подхватываніе шапокъ, напоминающія подобныя-же упражненія Турпина въ поэмѣ о поѣздкѣ Карла Великаго въ Константинополь и Іерусалимъ. Чурила являлся не столько богатыремъ, сколько культурнымъ человѣкомъ, а понятіе культурности выразилось наивнымъ удивленіемъ къ ловкости, граничившей съ фиглярствомъ, къ ще-

¹⁾ Сл. выше, стр. 12—13.

гольству и нарядности, переходившей въ жеманство. У Чурилы шея, что бѣлый снѣгъ, лицо, будто маковъ цвѣтъ; у Кирши передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, чтобы лицо не загорѣло. Сл. въ пѣснѣ о Дюкѣ, Рыбн. II, № 30: надъ его матерью несутъ подсолнечникъ «чтобы отъ краснаго солнца не запеклось ея лицо бѣлое»; въ № 28 *ibid.* она для этой цѣли «обвѣшана бархатомъ», но у Рыбн. III, № 29 «подсолнечные» — вѣроятно, люди, несущіе зонтики-подсолнечники: «Потомъ пошла уже другая толпа — подсолнечныхъ сорока сажень» (?) — а у Гильф. № 230:

Идутъ какъ туова три женщины,
Несутъ подзонтикъ-отъ подсолнечной.

Въ одной кипрской пѣснѣ (Сакелларій, № 15) Ародафнуза защищается отъ солнечныхъ лучей вѣткой розмарина; другая выводитъ, въ окруженіи Дигениса, какого-то паликара, маленькаго роста, съ длинными волосами и — зонтикомъ на плечахъ (*ib.* № 17).

Вездѣ эпизодъ о поѣздкѣ Владимира къ Чурилѣ кончается приглашеніемъ послѣдняго на княжью службу въ Кіевъ.

б) *Чурила отъ Кіевъ, на службу у Владимира.* Въ Кіевѣ онъ былъ «счастливъ добрѣ», говорится о Чурилѣ въ одной пѣснѣ о Дюкѣ Степановичѣ (Кир. III, № 2, стр. 104); въ былинѣ о Дунаѣ онъ выдаетъ его невѣстѣ изъ княжей казны «платице женское цвѣтное» и «соянъ хрущатой камки» (*ib.*, № 4, стр. 78); въ пѣснѣ о «Сорока каликахъ со каликою» (I. с. № 2, стр. 87) онъ вызывается у княгини Апраксін учинить между ними обыскъ. Его споръ съ Дюкомъ, такимъ же пріѣзжимъ богатыремъ, какъ и онъ, относится ко времени его кіевского служенія. Послѣдовательность былинь о Чурилѣ въ этомъ эпизодѣ нѣсколько перебита, а кое-гдѣ и подновлена. У Кирши (Кир. IV, № 1, стр. 84 слѣд.) Чурила прямо является *позовщикомъ* Владимира, но Рыбн. I, № 45 и III, № 24 = Гильф. № 223 указываютъ мѣсто этой подробности лишь послѣ приключенія съ Апраксіей, котораго Кирша не знаетъ. Послѣдовательность возстановляется на первый

разъ при помощи Рыбн. I, № 45: Владимиръ предлагаетъ Чурилѣ жить въ Кіевѣ «въ курятникахъ» (sic.).

Кто отъ бѣды откупается,
 А Чурила на бѣду накупается.
 И живеть-то Чурила во Кіевѣ,
 У князя у Владиміра въ курятникахъ.
 И возговоритъ княгиня Опраксія:
 «Ай-же ты, солнышко Владиміръ князь!
 Положи-тео Чурилу во постельнички,
 Чтобъ стлалъ онъ перину пуховую,
 И кладалъ-бы зголовьнице высокое,
 И сидѣлъ-бы у зголовьница високаго,
 Игралъ-бы въ гусельныи яровчаты
 И спотѣшалъ-бы князя Владиміра».
 И возговоритъ Владиміръ таковы слова:
 «Ай-же ты, Чурилушка Пленковичъ!
 Не долѣеть ти жить въ курятникахъ,
 А долѣеть жить ти въ постельничкахъ.

 Кто отъ бѣды откупается,
 А Чурила на бѣду накупается.
 И живеть то Чурила въ постельничкахъ.

Слѣдуетъ за тѣмъ, безъ всякаго мотива, предложеніе князя Чурилѣ — быть *позовщикомъ*; Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 объясняютъ это рѣшеніе — страстью Апраксіи къ Чурилѣ, но не — постельнику, какъ значитъ, согласно съ Рыбн. I, № 45, въ испорченномъ отрывкѣ у Кир. IV, № 2, стр. 86—7, а *чашнику* и *стольнику*.

с) *Эпизодъ съ Апраксіей на пиру.*

Да свѣтъ государь да Владиміръ князь,
 На хороша на новаго на стольника,
 Да завѣлъ государь да почетной пирь.
 Да премладый Чурила-то сынъ Пленковичъ,
 Да ходитъ-де ставитъ дубовы столы,
 Да желтыми кудрями самъ потрѣхиваетъ,

Да жёлтыи кудри разсыпаются,
 А бывъ скачѣнъ жемчугъ раскатается.
 Прекрасная княгиня-та Апраксія
 Да рушала мясо лебединой,
 Смотрячійсь-де на красоту Чурилову,
 Обрѣзала да руку бѣлу правую.
 Сама говорила таково слово:
 — Да не дивуйте-ко вы жены господскіе,
 Да что обрѣзала я руку бѣлу правую.
 Да помѣшался у меня разумъ во буйной головѣ,
 Да помутились у м'ня-де очи ясные,
 Да смотрячійсь-де на красоту Чурилову,
 Да на егѣ-то на кудри на желтые,
 Да на егѣ-де на перстни значеные,
 Помѣшался у м'ня разумъ во буйной головѣ,
 Да помутились у меня да очи ясные».

Да сама говорила таково слово:
 «Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 Да премладому Чурилу сыну Плёнковичу
 Не на этой а ёму службы быть,
 Да быть ему-де во *постельникахъ*,
 Да стлати ковры да подъ насъ мяккіе».

Говорилъ Владиміръ таково слово:
 «Да суди тѣ Богъ, княгиня, что въ любовь ты мнѣ пришла.
 Да кабы ты, княгиня, не въ любовь пришла,
 Да я срубилъ-бы тѣ по плечъ да буйну голову,
 Что при всѣхъ ты господахъ обезчестила».

Да снялъ-де Чурила съ этой бѣльницы,
 Да поставилъ на бѣльницу на иную,
 Да во ласковые *завыватели*,
 Да ходитъ-де по городу по Кіеву,
 Да зывати гостей во почестной пирѣ.

(Гильф. № 223 = Рыбн. III, № 24, гдѣ, впрочемъ, нѣтъ отповѣди князя Апраксія. Сл. варьянтъ у Рыбн. I, № 45, стр. 266 прим.). Въ искаженномъ отрывкѣ у Кир. IV, № 2, стр. 86—7 послѣдовательность могла быть та-же самая: пирѣ у Владимира, княгиня заглядѣлась на Чурилу и порѣзала себѣ «руку лѣвую»; слѣдовало, вѣроятно, ея предложеніе сдѣлать Чурилу постель-

никомъ и отповѣдь, чтобы быть ему не *постельникомъ*, а *позовщикомъ*. Вмѣсто того говорить сама княгиня:

Не годенъ Чуривушка во постельнички,
 Во наши во постели княженецкія;
 Сказана Чуривъ служба явленая:
 Ёму ѣздить по городу по Кѣву,
 Ёму звать гостей съ гостицами жонѣ и т. д.

Впечатлѣніе, произведенное на Апраксию Чурилиной красотой, рассказано съ тѣми-же анекдотическими чертами и въ другой былинѣ: объ Апракси и Тугаринѣ. Я имѣю основаніе предположить, что въ послѣднемъ случаѣ это черта перенесенная — можетъ быть, изъ былинъ о Чурилѣ. Дѣло въ томъ, что Тугаринъ явился въ Кіевѣ лишь вслѣдствія искаженія древней пѣсни о немъ и послѣдовавшаго оттого смѣшенія Константинополя съ Кіевомъ; что при дворѣ Владимира онъ, собственно, является насильникомъ, не красавцемъ *κατ' ἐξοχήν*, какимъ вступаетъ вездѣ нашъ Чурила, и что если былина заставляетъ Апраксию заглядываться на Тугарина, то она указываетъ уже на позднюю детеріорацію пѣсеннаго преданія, совершившуюся преимущественно на сѣверѣ, очерствившую образъ Владимира и заставившую Апраксию влюбляться во всякаго мушкетера. — Такъ или иначе, рассказъ «о порѣзаніи рукъ» болѣе у мѣста при Чурилѣ, и интересно наблюдение, что бѣльшая часть параллелей къ этому мотиву встрѣчается въ области — апокрифа, откуда нашъ эпосъ перенялъ и имя Амелфы Тимофеевны, и Сафать рѣку, и Леванидовъ крестъ — и чашу калики Михаила ¹⁾.

¹⁾ См. параллели, собранныя мною въ Beiträge, I. с. стр. 570 и, въ особенности, Köhler'a, Zum Spruch vom könig Ezel, Germania XIV, 243—5; его-же, ib. XXVIII, стр. 11 слѣд. и Anzeiger für Deutsches Alterthum u. deutsche Litteratur IX, стр. 204 (въ разборѣ Grünbaum, Jüdischdeutsche Chrestomathie, p. 227 и 165). Бѣльшая часть сопоставленій Köhler'a (кромѣ тѣхъ, которыми я пользуюсь въ текстѣ) могутъ быть названы варьянтами къ нашему сюжету: засматривается не женщина на мужчину, а молодецъ на красавицу, и съ тѣми-же результатомъ.

Въ двѣнадцатой сурѣ Корана пересказано слѣдующее раввинское преданіе объ Іосифѣ: онъ отвергъ любовь жены Пентефрія, ея навѣты на него оказались ложными, а горожанки смѣются надъ нею. Когда узнала она про это, послала ихъ просить къ себѣ къ обѣду, возлѣ каждой положила по ножу, а Іосифу сказала: Пойди и покажись имъ! Когда увидѣли онѣ его, восхитились его красотой: Это — не смертное существо, а достойный почитанія ангелъ, сказали онѣ, и — порѣзали себѣ руки. — Это тотъ самый, изъ за котораго вы такъ поносили меня, отвѣтила жена Пентефрія (Geiger, Was hat Mohammed aus dem Judenthum aufgenommen? Bonn, 1833, стр. 141 слѣд.). — Въ еврейскомъ Sepher Hajjaschar (Geiger l. c., стр. 143) прямо сказано, что женамъ предложены были апельсины, вмѣсто которыхъ онѣ и изрѣзали себѣ пальцы. Арабскіе толкователи нашли эту подробность въ разночтеніяхъ къ пересказанному выше мѣсту Корана, которое Elphegar (Geiger l. c.) толкуеть такимъ образомъ: жены порѣзали ножемъ свои руки, думая, что рѣжутъ апельсинъ, но не почувствовали при томъ никакой боли, ибо всё ихъ вниманіе было обращено на Іосифа.

Исторія Іосифа и Зулейки (= *Μεμφία* греческаго апокрифа) нѣсколько разъ пересказывалось по Корану арабскими поэтами (сл., между прочимъ, в. Hammer, Rosenöl, стр. 71—2); на такомъ могометанскомъ источникѣ основанъ соответствующій эпизодъ въ старопанской поэмѣ объ Іосифѣ: Zuleja пригласила къ себѣ городскихъ женъ:

Diolas sendas toronjas e caminetes en las manos,
 Tajantes e apuestos e mui bien temperados.
 E fuese Zuleja a do Jusuf estaba,
 De purpura e de seda mui bien lo aguisaba,
 E de piedras preciosas mui bien lo afeitaba,
 Berdugadero en sus manos a los duennas lo embiaba.
 Ellas de que lo bieron perdieron su cordura,
 Tanto era de apuesto e de buena figura;
 Pensaban que era tan angel e tornaban en locura,

Cortabanse las manos e non se abian cura.

Que por las toronjas la sangre iba andando.

Zuleja quando lo bido toda se fue alegrando, и т. д.

d) *Впечатлѣніе Чурилыной красоты.* Непосредственно за эпизодомъ къ Апраксіей слѣдуетъ въ отрывкѣ у Кирши (Кир. IV, № 2, стр. 86—7) явленіе Чурилы-позовица; всѣ дивуются на него:

Встаеъ Чурива ранѣхынько,
Умывается (Цы)Плѣнковичъ бѣлѣхынько,
Надѣватъ сапожки-зелѣнь сафьянь,
Пятки гладки, носки плоски,
Кругъ пятѣ хотѣ поѣмъ прокати,
Подъ пята воробей проскочи.
Поѣхалъ Чуринуша по городу по Кѣеву,
Заглядѣлись на Чуриву всѣ люди-тѣ:
Гдѣ дѣвушки глядятъ — заборы трешпшатъ,
Гдѣ молодунки глядятъ — лишь окѣнсники звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ — манаты на себѣ дѣрутъ.

Та-же послѣдовательность у Рыбн. I, № 45, vv. 180—184 и Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223: Чурилы идетъ улицами, переулками,

Желтыми кудрами всѣ потряхиваетъ,
Желтые-то кудри рассыпаются,
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Смотрячись на красоту Чурилову,
Старицы по кельямъ опакншь (Гильф. № 223: онаѣ) дерутъ;
Смотрячись де на красоту Чурилову
Молодые молодицы въ голенище сц...;
Смотрячись де на красоту Чурилову,
Красные дѣвки очелье (Гильф. № 223: отселья?) дерутъ.

(Рыбн. III, № 24; старицы вм. «стары» Кирши, а кельи явились по связи съ особеннымъ значеніемъ «старицы»). — Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 заставляетъ Апраксию еще разъ повторить просьбу — Владимиру, чтобы онъ поставилъ Чурилу въ по-

стельникахъ — что очевидно здѣсь не у мѣста. Оба пересказа былины заключаются предложеніемъ князя Чурилѣ — хотъ въ Кіевѣ жить, хотъ домой пойти, а въ дому у него онъ не нужень. Чурила уѣзжаетъ къ себѣ — потому что былина не знаетъ объ его отношеніяхъ къ Катеринѣ. Что эпизодъ о ней слѣдовалъ за разбираемымъ нами, доказывается тѣмъ, что описаніе Чурилина убранства, красоты и впечатлѣнія, ею произведеннаго, обыкновенно стоитъ передъ свиданіемъ съ Катериной въ былинахъ, знающихъ её въ связи съ цѣлымъ, либо обособившихъ её въ отдѣльную пѣсню. Такъ въ отрывкѣ у Кир. IV, № 3, стр. 87—8: Чурила

4 добро по городу погуливалъ,
 Подъ нимъ травка-муравка не топчется,
 Лазоревый цвѣточикъ не ломится,
 Зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется.

Сл. *«щепливую походку»* Чурилы въ былинѣ о Добрынѣ, Кир. II, № 1, стр. 31, vv. 280—1; Рыбн. I, № 32 въ былинѣ о Днѣпрѣ Королевичнѣ и Донѣ Ивановичѣ, в. 21 слѣд. (Нѣтъ молодцовъ походкой, пощипкой — Противъ Чурилища Оепенковича: Идетъ то Чурилище по Кіеву, Дѣвки-бабы въ окошко по поясу бросаются). См. еще въ пѣсняхъ о Чурилѣ описаніе его *наряда* у Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. №№ 8, 35, 189, 309; *типическое впечатлѣніе красоты* у Рыбн. I, № 45, vv. 181—184 (Какъ стары старухи костыли грызутъ, А молоды молодницы мошны дерутъ и т. д.), № 46, в. 7—8 (На его дѣвки глядятъ — золоты пелы ломятъ, Стары бабы глядятъ — прялицы ломятъ), Гильф. № 309, (Красныя тѣ дѣвки вѣдь стѣкла рвутъ . . . Старыя старухи вѣдь клюхі тѣ грызутъ).

Всѣ эти описанія отзываются тѣмъ грубоватымъ шаржемъ, культурно-историческое значеніе котораго мы старались уяснить себѣ по другому поводу¹⁾. Въ одной былинѣ о Дунаѣ (Кир. III, № 3, стр. 58 слѣд., vv. 135—137), которую мы разберемъ

¹⁾ Сл. выше, стр. 67—68.

далѣе, въ связи съ пѣснями о Чурилѣ, тѣ-же впечатлѣнія выражены мягче: молодцы идутъ по Кіеву, а

Дѣвки, жонки по плечъ въ окно металися:
«Ише гдѣ эдаки молодцы да спорожались?»

Сл. въ романѣ Θεοδора Προδρομα впечатлѣніе, какое производить красота Δοζικλεя:

Н. 195 Ὁ πᾶς γὰρ ὄχλος τῶν προπομπῶν παρθένων
ὄλοις βλεφάροις τὸν Δοζικλέα βλέπων
ἠλίκον εἰσδέδεκτο τῇ ψυχῇ βέλος·
ὅποια πάντως οἶδεν ἐντείνειν Ἔρωσ,
φαρμακτὰ πικρὰ πυρπολοῦντα καρδίαν.
Ἡ μὲν γὰρ αἰδοῦς ἐκποδὸν τεθειμένης
ἠγγισεν, ἀντέβλεψεν ἀπλήστοις κόρασι,
ὡς ἐγγύθεν βλέπουσα καθαρῶς βλέπει·
ἄλλη προσῆλθε, τοῦ χιτῶνος ἤψατο
καὶ τῆς ἀφῆς ἔλαβε δεύτερον βέλος·
ἄλλη παροιστρηθεῖσα ταῖν δυοῖν πλέον
καὶ πάντας ἐκπτύσασα δεσμοὺς αἰσχύνης,
ὠχρὰν δὲ σεμνὴν ἐξάρασα τῆς χροῆς
προσῆλθεν ἠσπάσατο τὸν νεανίαν
καὶ πάντας ὠίστευτο τῆς ψυχῆς τόπους ¹⁾.

е) Чурила и Катерина. Такъ она названа въ большинствѣ пересказовъ: Кир. IV, № 1, стр. 85: Катерина; Рыбн. I, № 45, 46; II, № 23, 24; III, № 25, 26 (= Гильф. № 67), 27 (= Гильф. № 224); Гильф. №№ 8, 35, 242, 309, 268; Шейвъ, Русск. нар. пѣсни, Чтенія Общ. ист. и древн. 1877 г., III, стр. 18 слѣд.: Катерина Микулична; Гильф. № 27, 189: Катерина Викулична; у Гильф. № 132, гдѣ Добрыня является въ роли Чурилы, Катерина Микулична, но въ № 110 *ibid.*, гдѣ Добрыня замѣнилъ Бермяту, Домна Александровна. — Мужъ Катерины носятъ имя Бермяты Васильевича (Кир. IV, № 1,

¹⁾ Τοῦ φιλοσόφου Κύρου Θεοδώρου τοῦ Προδρομοῦ τῶν κατὰ Ροδάνθηу και Δοζικλέα βίβλια θ, у Hercher, Erotici scriptores graeci, t. II, стр. 408.

стр. 85; Рыбн. I, № 45; II, № 24; III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. №№ 268 и 309), *Перматы Васильевича* (Гильф. № 35), *Берматы Михайловича* (Гильф. № 242), *Пермитъева* (Кир. IV, № 3, стр. 87 слѣд.; жена безъ имени: Пермитъиха), *Пермяна Васильевича* (Гильф. № 189), *Бурмяна Ивановича* (Рыбн. III, № 25), *Вельмы Васильевича* (ib. № 26 = Гильф. № 67), *Бермаса Васильевича* (Шейнъ, I. с.), *Ермы Васильевича* (Рыбн. I, № 46), *Безмъра Васильевича* (Гильф. № 8). — Очевидно, это тотъ самый Бермята, который въ редакціи Кирши одинъ знаетъ гдѣ живетъ Чурила, указываетъ на него Владимиру и ѣдетъ къ нему съ княземъ — а впоследствии платится за свое указаніе — домашнимъ горемъ. — Въ пѣснѣ о Дюкѣ, побѣдившемъ Чурилу своимъ щегольствомъ, Перминъ Ивановичъ говоритъ Владимиру:

Посмотри-тко ты да на лѣвѹ руку:
Молодой Щурилушка да Пленковичъ
Прозакладалъ ѣнъ свою буйнѹ головушку

(Гильф. № 85; у Рыбн. I, № 48 эти слова приписаны Дунаю) Въ другой, Гильф. № 225 = Рыбн. III, № 29 Дюкъ, явившись въ Кіевъ, становится въ церкви между Бермятой Васильевичемъ и Чурилой.

Съ Катериной Чурила знакомится уже будучи въ роли позвощика: у Рыбн. I, № 45 онъ идетъ «Звать князей-бояръ на почестень пиръ»; всѣ любятъся имъ (слѣдуетъ типическій эпизодъ: впечатлѣніе красоты);

Идетъ-то Чурила въ суконный рядъ
Ко старому Бермяту Васильевичу
Звать его на почестень пиръ:
«Ай-же ты, Бермята Васильевичъ!
Поди-ка, сударь, на почестень пиръ,
Ко князю поди, ко Владимиру».
Скажетъ Бермята сударь Васильевичъ:
«Ай-же ты, Чурила Пленковичъ!
Поди-ка въ мои палаты бѣлокаменны,

Зови-ка Катерину Микуличну,
Любимую мою семейшку».

Чурила идетъ, а Катерина зазываетъ его къ себѣ. Такъ представляется положеніе и у Кирши (Кир. IV, № 1, стр. 85):

Обходилъ онъ, Чурила, князей и бояръ
И собралъ ко князю на почестный пиръ.
А и зайдетъ онъ, Чурила Пленковичъ,
Въ домъ ко старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ,
Къ той Катеринѣ прекрасныя,
И тутъ онъ позамѣшкался.

Долго ждали на пиру, пока явился Чурила — но Владимиръ «ни во что положилъ» его мѣшканье.

По утру рано ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояра пошли къ заутрени;
Въ тотъ день выпадала
Пороха снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій слѣдъ,
Сами они дивуются:
Либо зайка скакала, либо бѣлъ горностаи;
А иные тутъ усмѣхаются
[Усмѣхаются], сами говорятъ:
«Знать, это не зайка скакала,
[Не зайка скакала], не бѣлъ горностаи,
Это шелъ Чурила Пленковичъ
Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ
Катеринѣ прекрасныя.

Этотъ слѣдъ по порошѣ сохранился и въ былинѣ у Кир. IV, № 3, стр. 87—8, у Рыбн. II, № 24 и въ испорченномъ видѣ и съ лишними подробностями въ другихъ пересказахъ: выпадала пороша, не бѣлый горностаи прометывалъ по ней слѣды, а Чурила;

*Встѣдъ ходя малые ребятушки
Обирали гвоздочки серебряные,
Тѣмъ де ребята головы кормятъ.*

Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224. Сл. Гильф. № 268 и начало пѣсни у Рыбн. II, № 23:

*Не бѣлый заюшка проскакиваетъ,
Не мелки слѣдочки прометывають:
Гвоздички серебряны выранивають.
Маленьки ребятки по слѣдочкамъ прохаживали,
Гвоздички серебряны нахаживали.*

Въ былинахъ, обособившихъ приключеніе съ Катериной, дѣло прямо начинается съ того, что Чурило ходитъ, ѣздитъ щеголемъ по городу, а Катерина зазываетъ его къ себѣ (Сл. Кир. IV, № 3, р. 88, Рыбн. I, № 46; II, №№ 23 и 24; III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. 8, 27, 35, 189, 309; Шейнъ, I. с.). Но у Гильф. № 268 сохранились слѣды древнихъ отношеній: Чурило-позовщикъ забытъ, онъ находитъ Бермяту у заутрени, а тотъ, безо всякаго мотива, яснаго изъ Рыбн. I, № 45, посылаетъ его къ себѣ домой:

*Кто-ли отъ бѣды да откупаеся,
Иной-то на бѣду по накупаеся. ¹⁾
Старше Бермята Васильевичъ
Онъ на бѣду ту вѣдь самъ идеть,
Посылаетъ-ли Чурило во высобъ терѣмъ:
«Ты поди-тко-ли, Чурило, во высобъ терѣмъ.»
Заходить-ли Чурило во высобъ терѣмъ,
Стоитъ-то Катерина, Богу молится*

(— не подъ вліяніемъ-ли заутрени, на которой обыкновенно стоитъ Бермята?). Менѣе значенія, въ смыслѣ возстановленія древняго состава пѣсни, слѣдуетъ дать Рыбн. III, № 26, гдѣ Катерина обнаруживаетъ болѣе раннее знакомство съ Чурилом (в. 19: Что-же ты, Кирило, вечеръ не бывалъ?); сл. Гильф.

¹⁾ Сл. тѣже выраженія о Чурилѣ у Рыбн. I, 45. См. выше стр. 95.

№ 67 (Что-же ты, Чурила, не пожаловалъ?) и Рыбн. I, № 45 (Все ждала Чурилушку Пленковича; сл. Шейнъ, I. с.).

Мужа Катерины нѣтъ дома, и обыкновенно онъ въ церкви (Рыбн. II, №№ 23, 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. 224; Гильф. 8, 35, 189, 242, 268, 309; Шейнъ, I. с.; у Кир. IV, № 3, стр. 87 слѣд. и Рыбн. I, № 45, 46 этой подробности нѣтъ), когда является Чурила. Жена зазываетъ его, ведетъ въ горницу, садитъ за дубовый столъ, угощаетъ; насыпаетъ пшеницы бѣлояровой его коню (Шейнъ, I. с.; Гильф. № 8; сл. ib. № 189 = здѣсь № 27 ibid.), зоветъ молодца на кроватку тисовенькую, слоновыхъ костей. Интересно, что въ цѣломъ рядѣ пересказовъ этотъ эпизодъ предваряется игрой Катерины и Чурилы въ шахматы (Рыбн. II, №№ 23, 24; III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 8, 27, 35, 189, 242, 268, 309; Шейнъ, I. с.):

Брала Катерина доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Начала играть съ нимъ во шахматы.
Говорила Катерина таково слово:
«Младое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
Я тебя поиграю, тебя Богъ проститъ,
А ты меня поиграешь, тебѣ сто рублей.»

Три раза даетъ ей Чурила матъ, а она бросила доску и шахматы и говорить:

«Премладое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
Я не знаю играть съ тобой во шахматы,
Я не знаю глядѣть на твою красоту,
На твои-то на кудри на желтые,
На твои на перстни злаченые:
Помѣшался у меня разумъ во буйной головы,
Помутились у меня очи ясныя,
Смотрючись де, Чурило, на твою красоту.»
Брала Чурило за руки за бѣлья,
Вела его въ ложни во теплыя
Да ложилась на кровать спать слоновыхъ костей,
Начали съ Чуриломъ забавлятися (Рыбн. III, 27 = Гильф. № 224).

На брачно-символическое значение игры (въ шахматы, шашки и т. п.) въ средневѣковой и народной поэзіи я указалъ въ другомъ мѣстѣ, по поводу соответствующаго эпизода въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ ¹⁾.

Любовной бесѣдѣ Катерины съ Чурилой мѣшаетъ «сѣнная дѣвушка» (Кир. IV, № 3, стр. 88), «старая служанка» (Рыбн. II, № 23; Гильф. №№ 242, 309: служанка); дѣвка «дворовая», «челядична», «челягична» (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67), «челядична» (Рыбн. I, № 46), «челядинна» (Гильф. № 35), «челяночка» (ib. № 27), «черная дѣвчоночка челядинка» (ib. № 189, сл. Шейнъ, 1. с.), «черная дѣвка служанка» (Гильф. № 268), «чернавка» (Рыбн. III, № 27 = Гильф. 224), «дѣвчоночка черная», «челядинка» (Гильф. № 8), «черनावушка» (Рыбн. II, № 24), «Чернява колачница» (Рыбн. I, № 45): — собственное имя изъ эпитета. — Въ былинѣ у Рыбн. I, № 45 она предупреждаетъ Чурилу не ходить въ «палаты во Бермятины», а Катерина бросаетъ её за тѣ слова «о сыру землю» (сл. Гильф. № 35); въ другихъ она грозитъ донести обо всемъ мужу, и её стараются закупить обѣщаніемъ награды (Рыбн. I, № 46, Гильф. № 8, 27, 35, 189), при чемъ нѣкоторые пересказы (Гильф. № 8, 27, 189; Шейнъ, 1. с.) заставляютъ Катерину пожалѣть о подаркахъ, посланныхъ Чурилой:

Еще а ѿ же ты Чурилушка Пленковичъ!
Еще шапочку-то эту самъ сдержн,
А ѿ полтинки серебра мнѣ-ка-ва отдай

(Гильф. № 189).

Служанка бѣжить и все открываетъ отсутствовавшему мужу (у Рыбн. I, № 45 эта черта просто забыта). Онъ говоритъ ей:

Ты правду говоришь — стану жаловать,
Неправду говоришь — голову срублю

¹⁾ Южно-русскія былины, II, стр. 71, 72—3.

(Рыбн. II, № 23; сл. Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 35, 309);

либо:

Буде правду говоришь, я за мужъ возму,
А неправду говоришь, голову срублю

(Рыбн. I, № 46; III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 242), что отвѣчаетъ особой развязкѣ этихъ былинъ, лишь случайно не досказанной въ Рыбн. I, № 46

Мужъ спѣшитъ домой, стучится въ ворота (Рыбн. I, №№ 45, 46; II, № 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 268), два (Рыбн. II, № 23, Гильф. № 242) и три раза (Гильф. № 309, Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224):

Застучаль во кольцо во серебряное,
Спитъ Катерина, не пробудится;
Застучаль де Бермята во второй наконъ,
Спитъ Катерина, не пробудится;
Застучаль Бермята во третій наконъ
Изо всей могуты богатырскія:
Всѣ теремы пошатался,
Маковен поломался (Рыбн. III, № 27).

Катерина выбѣгаетъ въ одной рубашкѣ безъ пояса, волосы у ней растрепаны, грудь открыта, на ногахъ одни чулки безъ чоботовъ, либо «сафьяны башмачки на босой ноги» (Рыбн. I, №№ 45, 46; II, № 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 8, 189, 242, 268, 309). Мужъ спрашиваетъ, отчего она такъ растрепана, «не снарядна?»

Сегодня у насъ вѣдь честный праздникъ,
Честное Христово Благовѣщенье

(Рыбн. III, 27 = Гильф. № 224; сл. Рыбн. II, № 23, 24; Гильф. № 242, 309). У ней болитъ «буйная голова», ей «и не можется, и хворается» (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67;

Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; сл. Шейнъ, I. с.); заболѣло сердечко ретивое (Гильф. № 8; см. № 268, 309).

Либо вопросъ такой: почему она не пошла въ церковь?

Ай-же ты Пермать сынъ Васпльевичъ!

Ты не знаешь развѣ обрядовъ нашихъ женскихъ?

Еще нельзя-то мнѣ идти да во Божью церковь

(Гильф. № 35).

Что дома у него непрощенный гость — въ этомъ мужъ убѣждается, обыкновенно, не съ разу: онъ видитъ чужого коня (Рыбн. I, № 46, III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 8, 35, 189, 242, Шейнъ, I. с.; въ № 8 и 189, Гильф. мужъ сноситъ ему голову), шапку («золотокъ колпакъ», Кир. IV, № 3, стр. 89; Рыбн. I, № 46; II, №№ 23, 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 309: шапка), «перчатки шелковы» (Кир. IV, № 3, стр. 89), кафтанъ («зелень кафтанъ» Кир. *ibid.*; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224: платье; Рыбн. II, № 23: кафтанъ, № 24: «шуба соболиная»; Гильф. № 242: «шинель-сертукъ»; № 268 *ibid.*: кафтанъ), сапоги («сафьяны сапожки, Кир. I. с., стр. 89; Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67: лапотцы; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224, Рыбн. II, № 23, Гильф. № 309: сапоги), саблю (Рыбн. II, № 24), санки и плетку (Рыбн. I, № 46). — Что это такое? спрашиваетъ мужъ, а Катерина отвѣчаетъ, что всё это пожаловали ей батюшка и матушка, братецъ съ сестрицей, хочетъ она снарядить своего мужа «лучше стараго», либо это — вещи ея брата, помѣнявагося съ Чурилой (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224, Рыбн. I, № 46, II, № 23, 24; Гильф. № 35, 189, 242, 268, 309, Шейнъ, I. с.). — Въ двухъ пересказахъ (Гильф. №№ 35 и 189; сл. *ib.* № 8) мужъ готовъ вѣрить отповѣди жены и обращается къ дѣвкѣ съ угрозой — доказать, что она ему показывала. — Чурилу онъ находитъ на кровати (Рыбн. I, № 46; II, №№ 23, 24; III, № 26 =

Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 35, 67, 242, 268, 309), либо за печкой:

Увидѣлъ за печкой двѣ свѣчки горять,
То ясны оны глядять, то Чуриловы

(Кир. I. с. № 3, стр. 90), наконецъ — въ ларцѣ: такъ у Шейна, I. с., Гильф. № 8 и — 189, прибавляющемъ слѣдующія новыя черты: Перминъ подходитъ къ воротамъ, увидала его Катерина:

«Еще охъ-ти мнѣ да пере-охъ-ти мнѣ,
Куды-то я кладу да Чурилушку,
А й Чурилушку да Пленковича?»
Еще брала тутъ она да золотѣи ключи,
Отмыкала она тутъ кованѣи ларцѣ,
Полагала Чурилушку Пленковича,

а на вопросъ мужа, кто у нея былъ въ гостяхъ, «быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой», отвѣчаетъ:

Еще бѣла калика переходая.
Накормила, напоила, на порѣнки отдохнуль.

У Рыбн. I, № 45 дѣло кончается обращеньемъ Бермяты къ Чурилу:

Ай-же ты, Чурилушка Пленковичъ,
А экъ-ли зовутъ на почестень пирь?

намекая на Чурилу, проникшаго къ нему въ званіи позовщика. Былина, очевидно, тѣмъ не кончалась: обыкновенно она заключается смертью Чурилы и Катерины:

Выходи-ко ты, Чурило, среди поля,
До тебя-то, мнѣ, Чурило, дѣлу нѣту-ка,
105 Мы съ тобой, Чурило, *побратуемся*.
Ты гой еси, княгиня моя, превысока госпожа!
Выходи-ко ты, княгиня, на красно крыльцо,
На красно крыльцо, на перильчато:
Женю я тебя, княгиня моя, на другомъ женихѣ,
На другомъ женихѣ, — вострой сабелькѣ

(Кир. I. с., стр. 90). Ст. 105 явился, вѣроятно, когда забыто было значеніе братанья — какъ *братанья съ битовъ* (если это не пропія на мнимое братанье Чурилы съ братомъ Катерины, сл. Рыбн. № 23). У Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67 мужъ убиваетъ Чурилу и Катерину; такъ и у Рыбн. II, № 24, такъ было, несомнѣнно, и у Рыбн. I, № 46 ¹⁾; сл. еще Гильф. 242, 268; либо: обоихъ любовниковъ, дѣвку, чтобъ не доказывала на мужнихъ женъ, и себя (Гильф. № 8, 189); или: убить одинъ Чурила (Рыбн. II, № 23; Гильф. № 35), а Катерина сама себя убиваетъ (Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224, Гильф. № 309). — Иногда былина кончается бракомъ мужа съ дѣвкой-доносчицей (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67, Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Рыбн. I, № 46 ¹⁾), Гильф. №№ 242, 268, 309). Лишь у Шейна, I. с., мужъ ограничивается смертью любовника, а жену щадитъ.

Таково содержаніе былинъ о Чурилѣ. Для устойчивости пѣсеннаго преданія, въ его послѣднемъ эпизодѣ, интересно замѣтить, что въ пяти (шести: Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224) пересказахъ онъ приуроченъ къ празднику Благовѣщенія. Нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь, не столько хронологическаго, сколько мѣстнаго указанія? (церковь?).

III.

Эпизоду о Чурилѣ и Катеринѣ особливо посчастливилось: онъ сохранился по крайней мѣрѣ въ шестнадцати пересказахъ, выдѣленныхъ изъ общей связи. Это выдѣленіе должно было отразиться на внѣшнемъ видѣ пѣсни: она забыла объ отношеніяхъ къ Владимиру и Апраксіи и прямо выводитъ на сцену Чурилу, ѣздящаго щеголемъ по городу и зазываемаго Катери-

¹⁾ Сл. выше, стр. 107.

ной. Гильф. № 242 присоединяетъ къ этому еще новую романтическую подробность: Чурила

Выѣзжае противу дому Бермятова,
Заиграе ояъ во доску гусельнюю,
Да перву доску играе про Кіевъ градъ,
А ѿ другу доску ѿграе про свою поѣздочку,
А ѿ третью доску играе про Бермятовъ домъ,

послѣ чего Катерина его зазываетъ. — Эти подробности напоминаютъ сходныя въ былинахъ о Добрынѣ и Садкѣ¹⁾ и, можетъ быть, перенесены оттуда, но положеніе, во всякомъ случаѣ, новое, напоминающее Харикла ночью у терема («πρὸς αὐτοὺς παρθενῶνας») Калигоны:

В 320 Καταλαβούσης τοιγαροῦν τῆς ἐσπέρας
ἀναλαβὼν κίθαριν ἠργυρωμένην
ἐπεκρότου κρούσμασι καλλιστοκρότοις,
καὶ συγκροτῶι ᾄδευον εἰς Κηλλιγόνην²⁾,

Дигениса, поющаго на лирѣ подъ башней своей милой:

Ε 1731 Καβαλλικέυει 'ς τᾶλογο κρατῶντας καὶ τὴν λύρα,
Τραγοῦδι εὐμορφῷ 'λεγεν γιὰ τὴν 'δική του μοῖρα....
1755 Τριαντάφυλλό μου κόκκινο καὶ ῥόδο μυρισμένο,
μῆλό μου ωραιότατον ἄξιо καὶ πλουμισμένο,
σῆχω, γλυκύτατό μου φῶς, γιὰ νὰ περιπατοῦμεν,
Αὐγερινὸς ἀνέτειλεν καὶ ἔλα νὰ διαβοῦμεν.
Τοῦτᾶ 'λεγεν ὁ Διγενῆς καὶ 'σῆμαινεν τὴν λύρα³⁾.

Популярность пѣсни о Чурилѣ и Катеринѣ засвидѣтельствована, между прочимъ, — ея искаженными перепѣвами, бросающими косвенный свѣтъ на историческую жизнь былины. У Гильф. № 132 Добрыня Микитиничъ (при Пермьтѣ Васильевичѣ и Кате-

¹⁾ Сл. Разысканія VII, стр. 216—218.

²⁾ Νικήτου τοῦ Ἐγγενείνου τῶν κατὰ Δρόσιλλαν καὶ Χαρικλέα βιβλ. 3., у Hercher, Erotici scriptores graeci, II, стр. 458.

³⁾ Lambros, Collection de romans grecs, p. 182—3.

ринѣ Микуличнѣ) замѣнилъ Чурилу, наоборотъ, въ № 110 Гильф. онъ является на мѣсто Бермяты, при Щурилѣ Щиплѣнковичѣ — и Домнѣ Александровнѣ.

Замѣны эти могутъ быть отчасти объяснены: Добрыня ухаживаетъ за Мариной, какъ Чурила за Катериной; какъ въ пѣсняхъ о послѣднемъ эпизодъ его любви къ Катеринѣ является лишь послѣ его служенія въ должности *чаинника, ключника, позовщика* при дворѣ Владимира, такъ и былины о Добрынѣ и Маринѣ открываются общимъ мѣстомъ:

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго сударь-князя у Владимира
Три года Добрынюшка *стольничаль*,
А три года Никитичъ *приворотничаль*,
Онъ *стольничаль, чаинничаль* девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ.

(Кир. II, № 6, стр. 53 = Кирша; сл. *ibid.* № 1, стр. 41, № 4, стр. 48; Рыбн. II, № 2, стр. 11; Шейнъ, I. с. стр. 16). — Съ другой стороны, трагическая судьба Марины, наказанной Добрыней, повела къ его отождествленію не только съ Иваномъ Гоудиновичемъ (Гильф. № 194), но и съ Бермятой; всѣ они убиваютъ вѣроломныхъ женъ, какъ Дмитрій князь наглумившуюся надъ нимъ *Домну* Фалелѣвну: зазвавъ её къ себѣ на пирь, онъ бьетъ её до полусмерти (Кир. V, стр. 13—15). У Рыбн. I, № 79 вмѣсто Дмитрія является Митрій Васильевичъ, *Домна* названа *Александровной*; пѣсня развивается тождественно, но ея печальная развязка усилена. — Сидя въ новой горенкѣ, подъ косящатымъ окномъ, Домна Александровна потѣшается надъ Митріемъ Васильевичемъ:

«Бздитъ-то Митрій Васильевичъ
Во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ:
Напередъ горбать, назадъ поклань,
Глаза у него бытто у совы,
Брови у него бытто у жогц,
Носъ-то у него бытто у журава». —

Прикликала сестрица Марья Васильевна:
 «Ай-же ты, братецъ Митрій Васильевичъ!
 Заводи, братецъ, пиръ-пированье,
 Зазови-тко Домну Александровну
 На широкій дворъ, на почестный пиръ».

Приходятъ послы къ Домниной матери, просятъ отпустить дочь
 «на почестный пиръ». Мать не отпускаетъ её, она видѣла сонъ,

«Бытто золота цѣпочка рассыпалася,
 Рассыпалася она и уваталася.»
 Говоритъ Домна Александровна:
 «Ай-же, родна моя матушка!
 Про себя спала, про себя сонъ видѣла!
 Уйду я за мужъ за Митрія Васильича»,

и она отправляется къ нему. Онъ встрѣчаетъ её,

Беретъ за ручки за бѣлья,
 Цѣловалъ во уста во сахарнія,
 Велъ ю за столы за дубовые,
 Отрушилъ онъ отъ себя свой шелковъ поясъ,
 И учалъ онъ Домну по бѣлу тѣлу:
 И шелковый поясъ расплетается,
 Домнино тѣло разбивается.

Узнавъ о томъ, мать Домны спѣшитъ ко двору Дмитрія, уви-
 дѣла её мертвой и сама падаетъ на кирпичный полъ бездыханная.

Говоритъ тутъ родной сестрицы Митрій Васильевичъ:
 «Ай-же ты, моя родная сестрица, Марья Васильевна!
 Ты сдѣлала три головки безвинныхъ!»
 Онъ схватилъ съ гвоздя булатный ножъ,
 Наставилъ тупымъ концемъ во кирпиченъ полъ
 И острымъ концемъ во бѣлы груди.

Поводы къ сближенію ясны: Дмитрій *Васильевичъ* = Бермята,
 Безмѣръ, Вельма и т. д. *Васильевичъ*; Домна Александровна =
 Катерина извѣстныхъ намъ пѣсень о Чурилѣ, Домна у Гильф.
 № 110; сестра мужа являлась отчасти въ роли дѣвки-доносщицы,

тройственная смерть въ концѣ — также напоминала развязку эпизода Чурилы съ Катериной.

Иной типъ искаженія представляетъ Рыбн. III, № 25: имена сохранены, мотивы страшно перепутаны, либо поняты ложно, но одна черта, можетъ быть, не лишена значенія: Бурмянъ братается съ Чурилой; если здѣсь не искаженіе того символическаго братанья въ битвѣ, которое мы видѣли у Кир. IV, стр. 90, в. 105, то Чурила проникнулъ въ домъ Бермяты — какъ крестовый братъ: тѣмъ грѣховнѣе его проступокъ; званіе крестоваго брата отягчаетъ, въ глазахъ Добрыни, притязаніе Алеши на руку его жены.

Чурила снаряжается куда-то въ путь; дѣвушка челядинка, — та самая, которая и здѣсь, какъ вообще въ пѣсняхъ этого цикла, доноситъ мужу Катерины на Чурилу — провожаетъ его словами, въ стилѣ тѣхъ, съ которыми въ другихъ былинахъ конь обращается къ своему хозяину: черезъ первый, второй ровъ перескачу, въ третій попаду:

Станешь во чистомъ полѣ стрѣлится,
 На добрыхъ коняхъ разѣзжаться,*
Первой ты разъ стрѣлишь — не дострѣлишь,
Другой разъ ты стрѣлишь — не дострѣлишь,
Третій разъ стрѣлишь — перестрѣлишь.
 Пойдетъ сила-армія великая,
Черезъ три стѣны кони перемаживать —
 Твое коняшко маломочное,
 Не выстоять тебѣ на своемъ конѣ.

(Сл. въ былинѣ о Дунаѣ, Кир. III, № 2, стр. 57—8: не дострѣлилъ, перестрѣлилъ, попалъ; сл. ib. № 3; стр. 68; № 4, стр. 79 и *passim* въ пѣсняхъ объ этомъ богатырѣ). Въ чистомъ полѣ онъ съѣзжается съ богатыремъ Бурмяномъ Ивановичемъ — и предлагаетъ ему побрататься крестами! — Катерина Микулична, «богатырша великая», оказывается далѣе — сестрой Чурилы —, очевидно, по смѣшенію: въ пересказахъ, разобранныхъ выше, она постоянно ссылается на брата, съ которымъ, будто-бы,

Чурила помѣнялся конемъ, шапкой и т. д. — Далѣе эти братскія отношенія забыты: Катерина видитъ подъѣзжающаго Чурилу, засыпаетъ пшеницы бѣлоярой его коню (съ тѣми-же почти словами, что у Гильф. № 27 и 189) — и проситъ Бурмяна отдать ей Чурилу — котораго приводитъ въ теремъ и замыкаетъ во «дубовый ларь», какъ у Гильф. № 8 и 189. Слѣдующія слова, очевидно, обращены къ Чурилѣ:

Посиди-тко тамъ во дубовомъ ларю:
 Что ему (Бурмяну) по разуму разложится,
 Можетъ быть, онъ къ намъ не воротится.

Между тѣмъ Бурмянь вернулся, и та-же дѣвка, которую мы встрѣтили въ началѣ пѣсни — при Чурилѣ (сл. v. 80 = v. 18), говоритъ Бурмяну:

Поди, сходи теперь во высокъ теремъ,
 Ко той Катерины Микулчнкой:
 Тамъ обряженъ Чурилушка Пленковичъ.

Былина кончается тѣмъ, что Бурмянь убиваетъ Чурилу и Катерину, дѣвку-доносчицу и себя, какъ у Гильф. № 8 и 189, пошедшихъ, очевидно, изъ одного источника съ разбираемой.

Отчудившись, въ большинствѣ пересказовъ, отъ Кіева и Владимира, былина въ двухъ редакціяхъ сохранила — или восстановила? — порванную связь, но въ силу особаго приѣма: приключеніе съ Катериной отнесено въ какое-то другое мѣсто, Чурила остается въ живыхъ — и затѣмъ уже ѣдетъ къ Владимиру. У Гильф. № 27 эта послѣдовательность нѣсколько спутана: Чурила живетъ въ Кіевѣ, а дальше говорится, что онъ приѣзжаетъ «ко городу ко Кіеву, — Да ко славному царю(?) ко Владимиру»; слѣдуютъ: зазываніе Катерины, кормленіе коня, игра въ шахматы и — «тисова кровать». «Дѣвчонка челяночка» спрашиваетъ Катерину, кто у ней въ гостяхъ — «али братъ родной, али мужъ грозной»; Чурила сулитъ ей подарки, Катерина отговариваетъ.

Видитъ Чурила — дѣлати теперь нечего.
Попѣзжаетъ Чурилушка ко городу,
Ко городу ко славному ко Кіеву;
Ко тому-то царю ко Владиміру,
 Кресть-то ведетъ по писаному,
 А поклонъ-то ведетъ по ученому,
 Бьетъ-то челомъ князю Владиміру:
 «Здравствуй царь Владиміръ есть грозно-кіевскій,
 Грозно-кіевскій великій!»
 Еще спрашиваетъ Владиміръ царь грозно-кіевскій:
 «Скажи, чей ты да откуленной,
 Ты коѣй орды, ты коѣй земли,
 Ты чьего отца, чьей-то матери?»
 — Отца матери не помню теперь,
 Есть молодець я Чурилушка Пленковичъ —.

(Конца пѣвица не помнила).

Пріѣздомъ въ Кіевъ кончается и былина о Чурилѣ у Гильф.
 № 127. Она требуетъ особаго объясненія.

Въ пѣсняхъ о князѣ Волконскомъ и *Ванюкѣ* ключникѣ, — князь узнаетъ изъ доноса служанки¹⁾ о томъ, что его ключникъ живетъ съ его женой, велитъ его казнить, а она умираетъ. Имя ключника обыкновенно: Ваня, Ванюша, Иванъ, Иванушка. — Въ пѣсняхъ о «молодцѣ и королевнѣ» молодець любитъ царскую дочь, проговаривается о томъ во хмѣлю; развязка либо такая-же, какъ въ предъидущихъ, либо счастливая — и молодець отпущенъ во свояси. Такъ у Рыбн. III, № 52 (= Гильф. № 155):

Проходилъ молодець изъ орды въ орду,
 Прошелъ молодець къ королю въ Литву,

просится къ нему въ конюхи, попадаетъ черезъ три года въ *стольники*, въ *ключники*; Настасья королевна проситъ его себѣ въ *кроватьники*, и отецъ

¹⁾ Сл. Кир. V, стр. 141: «Черезъ тую дѣвку-дѣвчонку Аннушку — Черезъ такую *подлость* — самую *последнюю*»; сл. стр. 142: *подлюю* . . . *последнюю*; р. 154: черезъ самую *подлячку* черезъ *последнюю*; 157: *подлячку* *последнюю*. Тоже въ былинѣ о Чурилѣ и Катеринѣ особаго состава (Рыбн. III, № 25): в. 18: черная, *последняя* *подлялочка*; в. 80: *последняя* *подлялочка*.

Пожаловалъ ей любимого ключника
 Стоять у кровати тесовья,
 Постилать-то перина пуховая,
 Ей складать круто-складно зголовьще
 И натянуть соболіно одѣяльще.

Онъ хвастается «въ царевомъ кабаѣ» своею связью съ королевой, ему велено отрубить голову, а онъ проситъ повести себя мимо королевнина окошечка. Она видитъ его, приказываетъ замѣнить его мертвымъ татаринѣмъ, — а самого отпускаетъ, наградивъ казной, къ отцу и матери, женѣ и малымъ дѣтушкамъ. Сл. Рыбн. I, № 77 (Настасья); Гильф. № 162 (Настасья), № 184 (Елена). У Рыбн. III, № 53 молодецъ «отъ худой молодой жены онъ въ гульбу пошелъ», заходитъ въ Литву; далѣе развитіе тоже (имя королевны Елена), но въ заключеніи — свиданье съ женой и дѣтьми. Сл. Рыбн. II, № 49 (имя молодца: Василій Буслаевичъ, но в. 19 заставляетъ предположить, что первоначально оно было другое: Дунай), № 50 (опущены: хвастовство и казнь; самъ король отпускаетъ молодца на родину); I, № 78 (королева: Аннушка). — Король названъ: Литонскимъ, Литовскимъ, Политовскимъ (Прусскимъ, Шведскимъ).

Обратимся къ былинамъ о Дунаѣ: за немногими исключеніями, отчасти объясняемыми случайностью, Дунай обыкновенно указываетъ Владимиру на подходящую ему невѣсту, сверстницу. Какъ узналъ онъ о ней?

Жилъ я, Владиміръ князь, въ Ляховинской землѣ,
 У Ляховинскаго короля двѣнадцать лѣтъ:
 Ровно три года я былъ въ *кѣноухахъ*,
 Три года у воротъ стоялъ,
 У воротъ стоялъ *приворотничкомъ*;
 Три года я у дверей стоялъ,
 У дверей стоялъ *привдверничкомъ*;
 Три года я у стола-стоялъ,
 У стола стоялъ — *стольничаль*.
 У того-же у короля у Ляховинскаго
 Есть двѣ дочери, двѣ хорошія.

Когда Дунай является къ королю сватомъ, тотъ спрашиваетъ его, пріѣхалъ-ли онъ къ нему «по старому служить» (Кир. III, № 1, стр. 54—55). Подобныя указанія можно встрѣтить и въ другихъ редакціяхъ былины, досказывающей въ другомъ мѣстѣ исторію служенія Дуная при дворѣ Ляховинскаго — или Литовскаго короля. Такъ напр. у Рыбн. I, № 30: Дунай и Добрыня силой заставляють короля отдать за Владимира одну изъ своихъ дочерей Апраксию, которую и увозять. По дорогѣ ихъ нагоняетъ другая дочь, богатырша Настасья; Дунай не признаетъ её, бьется съ ней, сшибъ съ коня, хочетъ пластать груди бѣлыя, но

У его сердечушко ужаснулось,
 А рука въ плечи застоляся.
 «Что-же ты, Дунаюшка, не опозналъ?
 А мы въ одной дороженьки не ѣзживали,
 Въ одной бесѣдушки не сиживали,
 Съ одной чарочки не кушпвали?
 А ты жилъ у насъ ровно три году:
 Первый годъ жилъ ты въ *конюхахъ*,
 А другой годъ ты жилъ во *чашиникахъ*,
 А третій годъ жилъ во *стольникахъ*».

У Кир. III, № 3, стр. 58—69 эти указанія сведены въ цѣлое, напоминающее пѣсни о королевичѣ: Дунай гуляетъ, загулялъ въ Литву, къ королю Ляховинскому, три года служить *конюхомъ*, три года *стольничалъ*, три года *кюшничалъ*, Настасья королевична его у души держала. Онъ хвастается этимъ на пиру, осужденъ на казнь, но когда его ведутъ мимо дома Настасьи, она слышитъ его голосъ, велитъ на мѣсто его отрубить голову пьяницѣ кабацкому, а Дуная отпустить. Онъ приходитъ въ Кіевъ, и когда Владимиръ раздумался о невѣстѣ для себя — онъ является естественнымъ ему укащикомъ.

Сходство мотивовъ этой былины съ содержаніемъ пѣсенъ о Ванькѣ, Иванѣ-ключникѣ и о королевичнѣ ясно само собою. Иванъ могъ-бы съ точно такимъ-же правомъ выступить въ роли укащика — что и сдѣлала былина у Кир. III, № 4, стр. 70 слѣд.,

замѣнившая Дуная — Иваномъ Гостинимъ сыномъ, тогда какъ другая (I. с. № 1, стр. 9 слѣд.) называетъ его Иваномъ Годичевичемъ ¹⁾).

Мы можемъ вернуться теперь къ былинѣ о Чурилѣ, Гильф. № 127: Шурилушко Шапленковичъ идетъ скитаться отъ «худой женишки», какъ Ванька ключникъ, «изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду», нанимается на десять лѣтъ въ услуженіе къ королю Литовскому. Стосковался онъ по своей сторонѣ; королевна даетъ ему денегъ на дорогу; онъ идетъ «по городу да Окіанову», заходитъ въ кабакъ и здѣсь въ пьяномъ видѣ хвастаетъ:

«И я жилъ, молодець, у короля въ Литвы,

.....

И спалъ я у дочери королевской,

И спалъ я на правѣй руки,

И на правѣй руки у бѣлой груди,

Цѣловалъ ю во уста да й во сахарни.»

И услышали тутъ короля да литовскаго

А слуги вѣдъ да и вѣрныи,

Да сковали-то ему да ножки рѣзвыи и т. д.

Чурила проситъ повести его на казнь («на поле Куликовое») мимо королевскаго дома, а королевна также спасаетъ его (нѣтъ лишь замѣны татаринѣ, либо пьяницей), какъ въ другихъ пѣсняхъ Ивана и Дуная: «да спустите на волю да й на вольною». Снова идетъ Чурила по городу «Кіанову» (сл. выше «Окіановъ»), вышелъ на дорогу; видитъ впереди пахаря, до котораго доходитъ лишь на третій день (неумѣло приуроченный эпизодъ изъ пѣсни о Микулѣ Селянниновичѣ) ²⁾; здороваётся съ престарѣлыми родителями, —

¹⁾ Сл. выше, стр. 53.

²⁾ Чурила въ роли Вольги, съ Дюкомъ, въ роли Микулы, встрѣчается еще у Барсова, Пам. нар. творчества въ Олон. губери., стр. 18 слѣд.: Чурила нагоняетъ Дюка-пахаря лишь на третій день — что отвѣчаетъ извѣстному эпизоду пѣсенъ о Вольгѣ, который съ трудомъ нагоняетъ пахаря Микулу и не въ силахъ опередить его кобылу на своемъ конѣ. Это вызвало память о скачкѣ Чурилы и Дюка въ былинахъ о послѣднемъ: слѣдуетъ скачка богатырей, осложненная мотивомъ поединка, въ которомъ Дюкъ оказывается побѣжденнымъ. Онъ будетъ меньшимъ братомъ, Чурила большимъ, и какъ у Гильф. № 127 одинъ Чурила, такъ здѣсь онъ и Дюкъ ѣдутъ на службу къ Владимиру.

«да худа-то женишка да тутъ на умъ не йдетъ». Отдохнувъ три дня, ощутивъ «по себѣ силу великую», онъ

ладить итти да вѣдь во Кіевъ градъ
 Да ко солнышку князю да ко Владимиру,
 Да даваться-то на службу богатырскую.
 Енъ пришолъ-ли то ко городу ко Кіеву
 На этотъ-ли на дворъ на княженецкой-то,

 Енъ крест-отъ кладѣтъ да по писаному,
 Да поклон-отъ ведеть по учоному,
 И на двѣ, на три, на четыре сторонки поклоняется,
 Да солнышку князю да вѣдь Владимиру
 Енъ-то дѣлаеть поклонъ да вѣдь въ особину,
 Да вѣдь самъ говорилъ да таково слово:
 «И ты солнышко Владимиръ князь стольнѣ-кіевской,
 И возьми-тео мя въ службу богатырскую.»

Князь принимаетъ его. Былина кончается; стало-быть, совершенно также, какъ Гильф. № 27: тамъ приключеніе съ Катериной помѣщено передъ поѣздкой Чурилы въ Кіевъ; здѣсь точка отправленія была иная: послѣдовательная служба Чурилы при Владимировомъ дворѣ въ званіи чашника, стольника, постельника, позовщика-зазывателя, эпизодъ съ Апраксіей (быть можетъ, приравненный къ приключенію съ Катериной?) и удаленіе Чурилы отъ двора — всё это вело съ сближенію съ соотвѣтствующей схемой пѣсенъ объ Иванѣ ключникѣ-королевичѣ-Дунаѣ: съ послѣдовательной службой въ конюхахъ, стольникахъ, ключникахъ, кроватникахъ, любовью королевы — и отъѣздомъ молодца; въ былинѣ о Дунаѣ Кир. III, № 3, стр. 58—69 — въ Кіевъ, какъ и въ разбираемой нами пѣсни о Чурилѣ. Ясно, что послѣдняя сложилась, хотя изъ собственныхъ матеріаловъ, но по типу другихъ пѣсенъ, представлявшихъ сходныя положенія; что Гильф. №№ 27 и 127 являются, во первыхъ, продуктомъ выдѣленія былинъ изъ кіевской связи и — вторичной попытки привести ихъ въ эту связь, послѣ развитія на сторонѣ. Для обратной гипотезы,

что въ нихъ сохранились обращяки пѣсенъ о Чурилѣ до ихъ приуроченія къ Владимиру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первый слѣдъ этого приуроченія, повлекшаго за собою перенесеніе въ Кіевъ всего, что когда-либо пѣлось о Чурилѣ — для подобной гипотезы Гильф. №№ 27 и 127 представляютъ слишкомъ мало данныхъ. — Я принужденъ оставить безъ прямого отвѣта и другой вопросъ, открываемый сопоставленіемъ былинь о Чурилѣ — и о ключникѣ-королевичѣ: мотивъ служенія по восходящей степени и любовь княгини-королевы встрѣчается тамъ и здѣсь; на какой сторонѣ преимущество бѣльшей древности и возможно-ли здѣсь предположеніе заимствованія или только вліянія, съ той или другой стороны? Я не рѣшусь въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ указанію на «общіе эпические мотивы», которые могли пристать одинаково тамъ и здѣсь, безъ внутренняго содержательнаго повода. Такое предположеніе можно-бы допустить, а ргіогі, развѣ для аналогичнаго эпизода въ былинахъ о Добрынѣ и Маринѣ.

Заключу указаніемъ на одну странную былинку, отзывающуюся сказочно-книжномъ складомъ: о пагубѣ «молодаго дѣтинушки Гусина Плѣнковича Бусурьманищемъ Шаркомъ великаномъ». — «Горемычно стало Шарку великану свою жизнь коротати: палъ его конь, изломался мечъ, «обуяла имъ страсть побѣдная» къ Марьѣ, Лебеди Бѣлой. «Молодой дѣтинушка» Гусинко Плѣнковичъ» (= Чурило), съ которымъ онъ братается, указываетъ ему «у князя у Новгородскаго» (sic) — жеребенка не объѣзженнаго — онъ будетъ ему подъ стать; въ Кіевѣ, въ палатахъ Владимира, мечъ кладенець; но когда великанъ проговорился о своей страсти къ Марьѣ, Гусинко Плѣнковичъ останавливаетъ его: тебѣ-ли, бусурманскому сыну, «рѣчи таки вымолвливать»? «Осерчалъ тутъ бусурьманище нешуточно», схватилъ Гусинка за его бѣлую грудь, закинулъ его за тридевять земель (Рыбн. II, № 25).

Эта невѣроятная былина записана г. Шкалинымъ, какъ и слѣдующая, служащая ей какъ-бы продолженіемъ и того-же

стиля (Рыбн. I, № 51): о состязаніи Шарка великана съ Дюкомъ Степановичемъ «Ко святой Руси Шаркъ-великанъ широку дорожку прокладываетъ», очевидно — въ Кіевъ; Дюкъ слышитъ о томъ, молится, проситъ благословенія у отца(?) и матери: хочеть выѣхать противъ недруга. Два раза они съѣзжаются, но Дюкъ струсилъ и откладываетъ поединокъ; въ третій разъ, когда его конь понятился по прежнему, онъ вступаетъ въ цѣпшій бой: мечи разсыпались въ черепья, враги сплетаются руками, кровь течеть ручьемъ; тутъ Дюкъ вспоминаеть ~~о~~ о запасномъ мечѣ, которымъ и сноситъ противнику голову.

Связь этой псевдо-былины съ предъидущей поддерживается отчасти 1) испорченной пѣсней у Рыбн. I, № 52, гдѣ на Дюка перенесенъ сюжетъ Хотена Блудовича, а невѣста Дюка, зовется «*Бѣлой Лебедью*» — какъ въ былинѣ о Чурилѣ и Шаркѣ является *Марья Лебедь Бѣлая*, и 2) Рыбн. II, № 26, записанной тѣмъ-же г. Шкалинымъ и представляющей смѣшеніе пѣсенъ о спорѣ Дюка съ Чурилой — съ мотивами Шарка: Дюкъ ѣдетъ въ Кіевъ, по просьбѣ царевны вступаетъ въ состязаніе съ Чурилой (Гусинко Пленковичъ), её самое увозитъ, тогда какъ его вѣрный слуга, Никита Полища схватываетъ Чурилу,

Ко вѣдьмъ Кіевской во темну яму забрасывать,

какъ Шаркъ Чурилу у Рыбн. II, № 25. — Царевна не названа, но осталась память объ ея прозвищѣ, гдѣ мы вовсе не ожидали-бы встрѣтить её: Дюкъ хвалится конемъ,

Не гваться за мной самой кобылѣ *Бѣлой Лебеди* (!).

Шаркъ великанъ, по объясненію Безсонова (Кир. IV, Приложение, стр. СХV), искаженіе имени *Шарукана*, хана половецкаго, котораго мы встрѣтили выше властителемъ Сугрова = *Сурожю* (Брунь). Если такъ, то его враждебное столкновеніе съ *Сурожаниномъ Чурилой* было-бы — заманчивымъ отзвукомъ изъ сѣдой дали, исторической нотой, удержавшейся въ широкой гармоніи эпоса. Къ сожалѣнію, былины о Шаркѣ такъ сильно отзываются стилемъ лубка и какъ-бы намѣренной складкой, что на нихъ трудно

что-либо построить. Интересно и прочно въ нихъ сопоставленіе Чурилы и Дюка въ борьбѣ съ однимъ и тѣмъ-же врагомъ, при различномъ исходѣ дѣла: Чурила, «молодой дѣтвинушка», оказывается побѣжденнымъ, Дюкъ побѣдителемъ. Когда Чурила и Дюкъ сходятся вмѣстѣ, напр. въ пѣсняхъ объ ихъ щегольствѣ, бѣгѣ въ залуски, ихъ роли оказываются тѣ-же (исключеніе представляетъ лишь испорченная былина у Барсова, Пам. стр. 18 слѣд.). Это отличіе лежитъ въ ихъ пѣсенномъ типѣ: Дюкъ — выходецъ изъ «Индіи богатой», оттого у него все чудесно: и нарядъ и роскошь жизни и невѣроятной быстроты конь; всё это отгѣняется и тѣмъ болѣе выставляется на показъ сопоставленіемъ съ нимъ Чурилы, который уходитъ на задній планъ. Въ царство Дюковой матери ѣдутъ послы Владимира и входятъ въ страну чудесъ; въ типѣ Чурилы нѣтъ ничего баснословнаго, онъ главнымъ образомъ красавецъ-щеголь, и я не далекъ отъ предположенія, что поѣздка Владимира въ его помѣстья на Сорогѣ сложилась по подобію соответствующаго эпизода пѣсенъ о Дюкѣ — и подъ влияніемъ его сопоставленія съ Чурилой. Существеннымъ въ пѣсняхъ о послѣднемъ является: его появленіе въ Кіевѣ, въ блескѣ красоты и культурнаго «щাপленія», впечатлѣніе, какое онъ производитъ на женщинъ — и на Апраксию (если здѣсь дѣло не въ типическомъ положеніи); его любовь къ Катеринѣ, мужа которой онъ еще прежде зналъ, который указалъ на него Владимиру, быть можетъ, побратался съ нимъ — и былъ имъ, впоследствии, обманутъ. Какъ видно — это матерьялъ новеллы, не фабліо о невѣрной женѣ гостя Терентьища, наставляемаго скоморохами (Кирша № 2, Рыбн. III, № 43), а новеллы съ трагической развязкой, въ стилѣ Giraldi Cintio.

Иллюстрируя былины о Чурилѣ необходимо имѣть въ виду заѣзжаго гостя изъ Франкскаго, т. е. итальянскаго Сурожа, и впечатлѣніе чужой, блестящей цивилизаціи, увлекавшей однихъ, тогда какъ другіе находили для нея призрачныя слова протеста. «Ай ты, Чурило сухоногое — Поди, щепи ты съ дѣвками да съ бабами» (Рыбн. III, 29; сл. IV, №№ 9, 10; Гильф.

№№ 225, 230), ходи за бабами по Киеву (Рыбн. I, № 48), «бабами уплаканый» (I. с. № 49; сл. Гильф. № 152), «бабий умоленникъ и старушій упрашивальникъ» (Рыбн. II, № 30), — говоритъ Чурилъ, побѣдивъ его въ конскомъ бѣгѣ, Дюкъ Степановичъ. — Такъ наши древніе ревнители протестовали противъ мірской утѣхи, противъ прельщеній латинства, а суровые французы сѣвера противъ лоска и извѣженности провансальцевъ. — Чурила остался героемъ любовной новеллы, случайно перенесенной въ былинну; такимъ-же помнила его старая малорусская свадебная пѣсня:

Ішов Журило з міста,
За нимъ дівочок трста.

Въ варьянтѣ, слышанномъ Липинскимъ, еще удержалась древняя форма имени: Чурило; пляска, сопровождавшая пѣсню, носила названіе: *Джурыло* или *Цюрыло*¹⁾. Это одинъ изъ рѣдкихъ слѣдовъ эпоса, удержавшихся въ поэзіи народнаго обряда.

¹⁾ Жегота Паули, ч. II, стр. 149—150; Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малор. нар. I, 54—56; Петровъ, Слѣды сѣверно-русс. былевого эпоса въ южно-русской народной литературѣ, Труды Киевск. Духовн. Акад. 1878, стр. 387. См. еще Дашкевича, Былины объ Алешѣ Поповичѣ (Кіевъ, 1883), стр. 55—56 прим. Съ статьей г. Дашкевича я могъ познакомиться уже во время печатанія этой работы.

VI.

Дюкъ Степановичъ и западныя параллели къ пѣснямъ о немъ.

За исключеніемъ трехъ испорченныхъ былинь о Дюкѣ (Рыбн. I, № 51, 52 и II, № 26), разсмотрѣнныхъ нами въ концѣ предыдущей главы, всѣ остальные — ихъ было у меня подъ руками до 30 №№ — развиваютъ одно и то-же содержаніе, представляя сходный планъ — въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не ограничиваются однимъ какимъ нибудь эпизодомъ цѣлаго. Въ общихъ чертахъ планъ этотъ представляется слѣдующій: 1) выѣздъ Дюка; 2) Дюкъ въ Кіевѣ; его похвальба и состязаніе съ Чурилой; 3) послы Владимира въ царствѣ Дюковой матери. — Въ § 1 выдены, въ нѣсколькихъ пересказахъ, подробности, лишь развивающія идею «препятствія» (заставы; встрѣча съ Ильей и Идолицемъ); между § 2 и 3 порядокъ кое-гдѣ перебитъ, но легко возстановимъ путемъ сравненія. — Царство Дюка географически опредѣляется: это *Индія* (Рыбн. I, № 47, 49, Гильф. № 152, 159); *Индія и Корела* (Рыбн. II, 27, Гильф. № 9) или *Корша* (Рыбн. III, № 31); *Индія, Волянъ-городъ, Галица проклятая* (Рыбн. I, № 48; сл. Гильф. № 85: Галичь, Индія, Волянъ; ib. № 218: Волянъ, Индія, Галиць); *Волянъ, Галичь, Сорочина, Индія* (Рыбн. II, № 29); *Волянъ, Галичь, Сорочина, Ко-*

рела, Индія (Рыбн. II, № 28, Гильф. № 225); *Галичъ, Волянь, Карела, Индія* (Рыбн. III, № 29); *Индія, Корела, Волянецъ* (Рыбн. III, № 30; Гильф. № 115); *Волянецъ, Галичъ, Корела* (Гильф. № 213, 230; Кир. III, № 2, стр. 101; Барсовъ, Пам. нар. творчества въ Олонецкой губ., стр. 71 слѣд.); *Галичъ, Корела* (Рыбн. II, № 30; IV, № 9); *Волянь, Галичъ* (Гильф. № 243; сл. iv. № 279: Изъ Волянца-то города изъ Далеча!); лишь въ прозаическомъ пересказѣ у Рыбн. I, № 50: Клинь! — Соединеніе Индіи богатой и Корелы проклятой встрѣчается, какъ общее мѣсто, и въ другихъ былинахъ. Сл. Рыбн. IV, № 17 = Гильф. № 12.

Перейдемъ къ изложенію былины.

I.

1) *Выздѣ Дюка*. Онъ снаряжается въ путь: описываются его лукъ и стрѣлы (полтораста Кир. III, № 1, стр. 101; триста три, iv. № 2, стр. 102, Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152, Гильф. № 159, Гильф. № 225 = Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230; триста тридцать три Рыбн. II, № 28; тридцать три Гильф. № 279), между которыми три драгоцѣнныя:

Колоты онѣ были изъ трость-древа,
 Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ,
 Клеены онѣ клеимъ осетра рыбы,
 Перены онѣ перыцемъ сиза орла,
 А сиза орла, орла орловича,
 А того орла, птицы Камскія,
 Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
 А тоя-то Камы — за синимъ моремъ,
 Своимъ устьемъ впаде въ сине море.
 А леталъ орелъ надъ синимъ моремъ,
 А ронялъ онъ перыца во сине море,
 А бѣжали гости корабельщики,
 Собирали перья на синемъ морѣ,

Вывозили перья на святую Русь,
 Продавали душамъ краснымъ дѣвцамъ:
 Покупала Дюкова матушка
 Перо во сто рублевъ, во тысячу.
 Почему тѣ стрѣлы дороги?
 Потому онѣ дороги,
 Что въ ухахъ поставлено по тирону,
 По камению по дорогу, самоцвѣтному;
 А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
 Подлѣ ушей перевивано
 Аравитскимъ золотомъ.
 Ѣздить Дюкъ подлѣ синя моря
 И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
 Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
 Онъ днемъ стрѣляетъ,
 Въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ;
 Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
 А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горять,
 Свѣчи теплются воску яраго

(Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., в. 41 слѣд.). У Кир. III, № I, стр. 100—1 орелъ роняетъ тѣ перья «въ Окіянь море», ихъ собираютъ корабельщики — «плоты плотить, корабли снастить»; либо: орелъ сидитъ «на синенькомъ на камешки» (переходъ эпитета отъ «синя моря»), роняетъ перья, ихъ подбираютъ гости-корабельщики, покупаютъ «мужики-то индѣйскіе», Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152, сл. ib. № 159. Сл. Рыбн.: II, № 27, 28; III, № 29 = Гильф. № 225: орелъ садится

На бѣлѣ каменный степянь,
 И кроится перьяча орлинья,
 Отлетаетъ на море на спнее;
 И тамо ѣдутъ гости-корабельщики
 И обираютъ перьяца сиза орла,
 Развозятъ перьяца по всѣмъ ордамъ,
 По всѣмъ ордамъ, по всѣмъ украинамъ,
 Дарятъ царей и царевичевъ,
 Дарятъ королей да и королевичевъ,

Дарятъ сильныхъ могучихъ богатырей.

.....
 А тымъ эти стрѣлы дороги:
 Ветраны были въ пята
 Камень самоцвѣтное, все яхонты;
 Гдѣ стрѣла летить,
 Отъ нея лучъ печеть:
 Въ день — красно солнышко,
 Въ ночь — отъ свѣтлаго мѣсяца.

(Сл. Рыбн. IV, № 9). У Рыбн. III, № 30 орелъ сидитъ на ка-
 мени,

На тоемъ на камени на латырѣ;
 Аще тотъ орелъ своракнется,
 Сине морюшко сколыблется,
 А въ деревняхъ пѣтухи вспоютъ,
 Тутъ ѣздятъ гости-корабельщичи,
 И берутъ-то перья орловые и т. д.

(Сл. Гильф. №№ 115, 230). Последняя подробность (о пѣтухахъ),
 вѣроятно, апокрифическая, указывающая на источники нашего
 стиха о Голубиной книгѣ ¹⁾).

¹⁾ Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 213,
 215—216, прим. — Сл. въ былинахъ о трехъ поѣздкахъ Ильи его встрѣчу
 съ разбойниками: описывается богатое вооруженіе Ильи: у коня промежъ
 ушей «вплѣтанъ былъ свѣтѣль камень», ради темной ноченьки; «Розстрѣлялъ я
 всѣ стрѣлки каленыя, — Да и собралъ я стрѣлки до единой всѣ» (Гильф. № 305).
 Къ нимъ, а не къ шляпѣ, какъ у Гильф. № 291, или сѣдлу (ib. № 287) относи-
 лась первоначально подробность объ орлиныхъ перьяхъ:

Перена она перьемъ орлинымъ,
 Не того орла, кой леталъ по синимъ морямъ,
 И того-ли орла, кой леталъ по крутымъ горамъ,
 Ударился онъ о горючъ камень,
 Обломалъ онъ перья орлиныя.
 Ъхали купцы Измайловски,
 Собирали перье орлиное,
 Везли-то старому въ подарочкахъ.

Измайловскіе купцы, вѣроятно, *измаилитскіе*, отвѣчающіе *индѣйскимъ* въ
 былинахъ о Дюкѣ, упоминающихъ рядомъ съ Индіей — и *Сорочину*. Сл. выше,
 стр. 48, купцовъ *вазилонянъ* въ одной пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ.

На другихъ частяхъ Дюкова вооруженія былины останавливаются мало: лишь Кир. III, № 2, стр. 101 (= Кирша Даниловъ) даетъ ему «куякъ и панцырь чиста серебра», кольчугу «красна золота»¹⁾, да въ Гильф. № 218 говорится о «сбруѣ лыцарской»: остромъ мечѣ «подъ пазухой», тугомъ лукѣ на плечѣ и булатной палицѣ, которую Дюкъ «въ кольцо кладалъ». — Все вниманіе обращено на его бурушку, описаніе котораго восполняетъ, въ одномъ цѣльномъ образѣ, матерьялы, собранные нами въ другомъ мѣстѣ (см. гл. III) для характеристики богатырскаго коня въ нашемъ эпосѣ. — Бурушко, каурушко, маленькій, косматенькій принадлежитъ къ типу чудеснаго жеребенка, встрѣченному нами въ пѣсняхъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ: тамъ онъ объявился намъ, въ связи съ цѣлымъ, восстановленнымъ нами преданіемъ, какъ принадлежащій къ его древней основѣ; здѣсь, при Дюкѣ, онъ, можетъ быть, лишь перенесенный. Какъ бы то ни-было, но подобно конямъ Армури и Ираклія, и онъ представляется жеребенкомъ (сл. Гильф. № 20: Бралъ коника да мала шахманка), лошадошкой малешенькой, удалешенькой (Ефименко, Матеріалы, стр. 18), «не ѣзжанымъ» Гильф. № 218, 225, 230:

Выбиралъ коня собѣ да добраго,
 Коня добраго да не ѣзжалаго,
 Выбиралъ онъ бурушка косматаго.
 Да шерсть у бурушка по тріи пяди,
 А грива у бурушка да трѣхъ локоть,
 А фостъ у бурушка да трѣхъ сажонъ,
 А фостъ и грива до сырой земли,
 Фостомъ слѣды да онъ запахиватъ

(Гильф. № 230; сл. ів. № 225; Рыбн. II, № 28). — Какъ жеребенокъ Армури «стоитъ какъ вкопанный», такъ и конь Дюка

¹⁾ Тѣми-же чертами описано у Кирши № XXI и вооруженіе Михайла Казаринова, выѣзжающаго, подобно Дюку, «изъ Волинца города изъ Галичья». Последнее указаніе, встрѣтившееся намъ въ пѣсняхъ о Михайлѣ (= Алешѣ), лишь въ пересказѣ Кирши, обличаетъ вліяніе запѣва какой-нибудь былины о Дюкѣ, въ родѣ Кирши № III.

вросъ въ землю, и онъ поить и кормить его, прежде чѣмъ
пуститься въ путь, какъ Иванъ Гостиный сынъ своего бурушку:

По колѣвъ было у бурушка въ землю зарощено.
Онъ поплъ бурка питьемъ медвяннымъ,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; то-же у Гильф. № 159). —
Слѣдуетъ подробное описаніе, какъ герой сѣдлаетъ своего коня,
повторяющееся и въ другихъ былинахъ съ тѣми-же общими
мѣстами, на которыя мы уже имѣли случай обратить вниманіе
(см. выше стр. 16—17, 20—1):

Сталь сѣдлатъ-уздатъ добра коня,
Навидывать потнички на потнички,
Накладывать войлочки на войлочки,
На верѣхъ накладывалъ сѣдельшко Черкасское
И затягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Натягивалъ онъ тринадцату,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрѣпы богатырскія и т. д.

(Рыбн. I, № 47; сл. ib. № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II,
№ 28, 29, 30; Гильф. №№ 9, 115, 159, 213, 218, 279).
Конь оказывается «крылатымъ» (Рыбн. II, № 27); быстрота его
описывается знакомыми намъ (см. выше стр. 11) типическими
чертами:

Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли — куда поѣдучись:
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
Поѣхалъ молодець поверхъ травы,
Поѣхалъ молодець ниже лѣса стоячаго,
Выше облака ходячаго

(Рыбн. II, № 28). Сл. Рыбн. III, 29, 30, 31; Гильф. № 9,
115, 218, 225, 230; Гильф. №№ 20, 213 и 230 (см. стр. 1105):
Не послѣтъ къ христосскіи заутренѣ) прибавляютъ новыя подроб-

ности, напоминающія извѣстную быстроту Всеслава Полоцкаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ:

Самъ пошолъ боярской Дюкъ Степановичъ,
 Ко заутренки пошелъ христосскіи,
 И отстоялъ заутренку христосскую.
 Онъ выходитъ Дюкъ да со Божьей церкви,
 Отъ тни заутрени отъ христосскіи,
 Набъ послѣтъ къ обѣденки христосскіи
 И ко стольнѣму городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю ко Владиміру.

.....
 А ѣ выводитъ Дюкъ тутъ на широкъ дворъ,
 И толь садился ѣтъ да на добра коня.

.....
 Какъ пошолъ его добрый конь въ полъ дѣрѣвца,
 Ётъ приправилъ коня повыше деревца,
 А ѣ повыше деревца стоячаго,
 А ѣ пониже онъ облачка ходячаго.
 И разстаяльница было немножечко
 Отъ Волянца города отъ Галпча
 И до стольнѣго города до Кіева,
 До ласкова князя до Владиміра,
 Разстаяльница было триста тридцать верстъ.
 Переѣхалъ боярской Дюкъ Степановичъ

(Гильф. № 213).

Кіевъ — конечная цѣль Дюковой поѣздки. Какъ распредѣлился первоначально въ былинахъ разсказъ о ней? Отвѣтъ будетъ зависѣть отъ нашего взгляда на значеніе эпизода о «заставахъ», встрѣчаемыхъ Дюкомъ на пути въ нѣкоторыхъ пересказахъ пѣсни. Изъ многихъ, бывшихъ у меня подъ рукой, десять начинаются съ разсказа объ охотѣ Дюка, послѣ чего слѣдуетъ его просьба къ матери — отпустить его на подвиги, къ князю Владиміру. Такъ у Рыбн. I, № 49 = Гильф. 152: тамъ и здѣсь къ эпизоду охоты неловко припутано и добываніе Дюкомъ орлиныхъ перьевъ, которыми украшены его стрѣлы; сл. Рыбн. II, № 28, III, № 29, 30, 31, Гильф. 20, 115, 159, 225, 230. —

Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., гдѣ просьба къ матери опущена, не идетъ въ сравненіе ни съ указанными былинами, ни съ тѣми, гдѣ порядокъ представляется обратный: просьба Дюка къ матери — и охота: такъ у Рыбн. I, № 47, II, № 27, 30, Гильф. № 218 (сл. ib. № 279). — Въ первой группѣ охота Дюка рассказана такимъ образомъ: онъ ѣздитъ у синя моря, стрѣляетъ гусей, лебедей, сѣрыхъ малыхъ уточекъ, разстрѣляя всѣ свои стрѣлы. Слѣдующая за тѣми просьба къ матери мотивирована лишь въ трехъ пересказахъ: у Рыбн. III, № 31:

Выѣзжалъ удалый добрый молодець
 По тѣмъ-ли по мелкіимъ по заводямъ
 И по тѣмъ-ли луговьямъ по зеленымъ,
 И не найкалъ богатырь въ чистомъ поле себѣ супротивника,
 Только слышалъ въ далека-далека чистомъ полѣ про Кіевъ градъ:
 Кіевъ градъ на красы стоитъ,
 На красы стоитъ да упечечи,
 Во Кіевѣ князь-богачъ живетъ.

У Гильф. № 230 Дюкъ, возвращаясь съ охоты, встрѣчаетъ каликъ, идущихъ изъ Кіева, и узнаетъ отъ нихъ, какъ далека онъ отъ Галича, и какія на прямой дорогѣ заставы. — Наконецъ въ № 20 Гильф. богатырь выѣзжаетъ въ чисто поле,

Хоче пострѣлить да чорна ворона.
 Чорный тотъ вѣдь воронъ ему смолится:
 «А ѿ же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Не збей моеѿ туши о сырѣ землю,
 А ѿ не рушай монхъ перьевъ по чистѣ полю,
 Не пролей-ко кровцъ по сырѣ дубу!
 Слава тая по Русѣ носится:
 Старца убить, не спасенѣе добыть,
 Вѣрона убить не корѣсть получить.
 А ѿ поѣзжай-ко ты да во Кіевъ градъ:
 Есте во Кіевѣ богатыри,
 Е кому да тамъ поправиться,
 Е кому съ тобой да супротивиться.

Дюкъ знаетъ теперь, гдѣ ему искать супротивника — и слѣдуетъ его просьба къ матери, съ которой, наоборотъ, начинается другая группа пѣсенъ о немъ. — Передавая этотъ эпизодъ, общій той и другой группамъ, мы слѣдуемъ обѣимъ.

Дюкъ хочетъ «поразить своего плеча богатырскаго», съѣздить въ далеко чисто поле. Говоритъ его мать, Мамелѣ Тимоеевна:

«Ай-же ты, мое рожоно дитяtko,
Молодой бояринь, Дюкъ Степановичъ!
Не бывалъ ты, молодець, во чистомъ полѣ,
Не слыхалъ ты крику звѣринаго,
Визгу-писку Татарскаго,
Не видалъ поѣзди богатырскаго:
Не можешь вынести изъ чиста поля головушки.
А лучше бы ты ѣхалъ ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко стольному ко князю ко Владимиру,
Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій
На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодець
Заводитъ столованье почестенъ пирь,
На поѣздѣ удалыхъ много жалуеть,
Жалуеть безсчетной золотой казной.

.....
Какъ поѣдешь во далече далече чисто поле,
Не иди-ка ты на славу на Палачь-гору Аенасьеву:
На тую гору много заѣзжаетъ добрыхъ молодець,
А вѣдь-то мало выѣзживаетъ.
А еще-ль случится тебѣ путь
Ко славному ко городу ко Кіеву,
Ко стольному ко князю ко Владимиру,
Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій
На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодець
Заводитъ столованье почестенъ пирь:
На честномъ пирю не хвастай сиротскимъ имѣньцемъ,
Имѣньцемъ сиротскимъ, богатствомъ,
Не хвастай мною матушкой» (Рыбн. I, 47, см. II, № 30).

Въ другихъ пересказахъ самъ Дюкъ изъявляетъ желаніе посмотреть на князя Владимира и его могучихъ богатырей, на

Апраксию и на Киевъ, что «на красы стоитъ», Рыбн. I, № 47: Скажутъ, вашъ городъ на красы стоитъ, на угожествѣ, — Скажутъ, солнышко Владиміръ князь богато живетъ; ib. № 49: Что Киевъ-градъ очень красивъ — добрись; Гильф. № 9: въ честі въ добри; Барсовъ, I. с., стр. 71: Киевъ-градъ на горы стоятъ; Рыбн. III, № 31: на красы стоитъ да упечечья. (Сл. Рыбн. II, № 51, стр. 274 въ сказкѣ-былинѣ о Дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ: славенъ Киевъ градъ на красы стоитъ, на красы-басы на великія). Сл. Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. II, № 27, 28; III, № 29, 30; IV, №№ 9, 10; Гильф. № 20, 85, 115, 159, 213, 225, 230; Ефименко, Матеріалы, № IV, стр. 17—18, № IX, стр. 36. — Предупрежденіе матери — не хвастать — является довольно общей чертой: сл. Рыбн. I, № 47, 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. I, № 50; II, № 30; IV, № 9, 10; Гильф. №№ 9, 20, 85, 213, 218; Ефименко, I. с.; но рядомъ съ этимъ цѣлая группа пересказовъ вводитъ и другой мотивъ: мать предупреждаетъ сына объ опасностяхъ, ожидающихъ его на пути. Иногда это — «заставы» баснословнаго характера въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаетъ царевичъ народныхъ сказокъ, напр. греческой сказки о Безсмертной водѣ ¹⁾, и нашъ Егорій храбрый въ духовныхъ стихахъ о немъ ²⁾; иной разъ —

¹⁾ Амарантосъ или розы возрожденной Элады, собр. Георг. Эвлампиосъ (СПБ. 1843), стр. 88.

²⁾ Въ моихъ Разысканіяхъ II, стр. 143, разбирая эпизодъ «заставъ» въ большомъ стихѣ о Егоріи Храбромъ, я предположилъ, что основною въ немъ чертою могли быть «горы толкучія». Я полагаю теперь, что этотъ образъ внушенъ мѣстными палестинскими легендами. Въ храмѣ св. Георгія въ Діосполисѣ находится колонна, къ которой привязано было колесо, орудіе казни святаго. «Εἰς τὸν αὐτὸν κίονά ἐστι μάρμαρον τετραπτημένον ποιῶν σημεῖον. Ἐὰν ἐξαγορεύσῃς, δύνασαι διελθεῖν ἀκωλύτως καὶ εὐκόλως· ἐὰν δὲ οὐκ ἐξαγορεύσῃς, διελθεῖν οὐ δύνασαι. Καὶ πρὸς δύοσιν τοῦ ἁγίου Γεωργίου, ὡς ἀπὸ μιλίων τεσσαράων, ἐστὶ τὸ ὕδωρ τῆς ἐλέγξεως καὶ οἱ ἀτόκιοι λίθοι, οἷς λέγουσιν οἱ προφῆται: "Ὅτε ἡμεῖς σιωπήσομεν, οἱ λίθοι οὗτοι κράζονται» (Ephraimii monachi et presbyteri edita et inedita, cura A. Dressel, p. 5). Сближеніе двухъ подробностей: непроходимого для не покаившихся отверстія въ колоннѣ — и неплодныхъ камней могли быть точкой отправленія для поѣздки Георгія — между толкующихся горъ. — Интересно у Епифанія сочетание «воды испытанія» и «неплодныхъ

богатырская застава, съ Ильей во главѣ; либо то и другое является въ соединеніи. — У Рыбн. I, № 49 мать-говорить, что на прямой дорогѣ къ Кіеву

Есть три заставы великія.
 Первая застава великая:
 Стоять тутъ горы толкуція;
 Тыи-жь какъ горы врозь растолкнутся,
 Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся,
 Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
 Тутъ тебѣ молодому живу не бывати.
 Есть другая великая тамъ застава:
 Сидятъ тамъ птицы клевуціи;
 Тые птицы тебя съ конемъ склюють,
 Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,

каменной». Первая восходитъ къ библейскому испытанію чистоты женъ (не дѣвственницъ), которымъ давали испить «горькія воды»; неплодные (не рожающіе) камня принадлежатъ, не смотря на ссылку на «пророковъ» (Луки, 3, 8; 19, 40), специально нашему тексту. Въ протоевангеліи Іакова такъ испытывается дѣвственность Маріи и Іосифа: «καὶ εἶπεν ὁ ἱερεὺς: Ποτιῶ ὑμᾶς τὸ ὕδωρ τῆς ἐλέγξεως Κυρίου, καὶ φανερώσει τὰ ἁμαρτήματα ὑμῶν ἐν ὀφθαλμοῖς ὑμῶν. Καὶ λαβὼν ὁ ἱερεὺς ἐπότισεν τὸν Ἰωσήφ, καὶ ἔπεμψεν αὐτὸν εἰς τὴν ὄρεινὴν καὶ ἦλθεν ὀλόκληρος. ἐπότισεν δὲ καὶ τὴν Μαριάμ, καὶ ἔπεμψεν αὐτὴν εἰς τὴν ὄρεινὴν καὶ ἦλθεν ὀλόκληρος». Сл. маршрутъ Зосимы (Сахаровъ, Сказанія VIII, стр. 66): *церковь Теорія; домъ Захаріи*, гдѣ родился Предтеча; «И есть тутъ *кладязь*, а глаголютъ: коли дѣвицы испіють тое воды, а не сохранили дѣвства своего, ино имъ уста позлатѣють; сія же *вода* взовъ (?) есть *на обличеніе*. И оттуду поидохъ къ камени, идѣ-же Елисаветъ скрыся со младенцемъ отъ Иродовыхъ слугъ».

Пользуюсь случаемъ для замѣтки къ Разысканіямъ X, стр. 377: опущены при печатаніи свѣдѣнія о древѣ распятія въ Иверскомъ монастырѣ у Данила Паломника и Гогары, Сахаровъ, I. с., стр. 26 и 114. — Въ «Διήγησις Δανιήλ μητροπολίτου Ἐρέσου καὶ περίοδος τῶν ἁγίων τόπων» (конца XV вѣка), издаваемомъ проф. Дестунисомъ для Православнаго Палестинскаго Общества, такъ объясняется причина наименованія Иверскаго монастыря Крестнымъ: «ἀποκάτω τῆς ἁγίας τραπέζης τοῦ ναοῦ τούτου ἐστὶν ὡσπερ τις ὀμφαλὸς διὰ μαρμάρου, ἐν ᾧ φασι τόπω τοὺς τρεῖς θαλοὺς ξηροὺς ὄντας ὁ Λῶτ μετὰ τὸ ἁμαρτήσαι ὀδύγῃα δηλονότι τοῦ τε Ἀβραάμ καὶ μάλιστα τοῦ ἱερέως ἐκείνου Μελχισεδέκ ἐφύτευσεν, οἱ τινες βλαστήσαντες καὶ ἐνωθέντες καὶ δένδρον ἐν ὑψίκομον γεγονότες, ὑστερόν τε ὑπὸ τοῦ Σολομῶντος τοῦ δένδρου ἀποκοπέντος καὶ ἀχρήστου εὐρεθέντος, ἐν τῇ οἰκοδομῇ τοῦ ναοῦ τοῦ ὑπ' αὐτοῦ κτιζομένου, ἐξ αὐτοῦ τοῦ ξύλου κατασκευασθῆναι ὑστερόν τὸν τοῦ Χριστοῦ στυχρὸν οἰκονομικῶς φασι (гл. 14, стр. 17—18).

Тутъ тебѣ молоду живу не бывать.
 Есть третія великая тутъ застава:
 Лежить Змѣище-Горничце,
 О двѣнадцати змяя о хоботахъ;
 Тоя змяя тебѣ съ конемъ сожреть и т. д.

Дюкъ счастливо минуеть всѣ три заставы: не успѣли горы столкнуться, птицы расправить крылья, змѣй свой хоботь, какъ онъ уже проскакаль (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152). Сл. Гильф. №№ 9, 159: тоже; 85 (змѣи поклевучіе, звѣри поѣдучіе, горушки толкучія).

Иначе въ другой группѣ былинь: Рыбн. I, № 47, II, № 30, III, № 31, Гильф. № 218, 279: заставъ нѣтъ, мать совѣтуеть Дюку не заѣзжать на «славну на Палачь-гору Аѳанасьеву» (Рыбн. I, 47; Рыбн. II, 30: гора шеломчатая; Гильф. № 218: Палань-гора; у Гильф. № 279 вмѣсто того: Ты не ѣзди, Дюкъ, да во чисто полѣ). Дюкъ не слушается и ѣдетъ: разстрѣляль всѣ свои стрѣлы (Рыбн. I, 47, II, № 30, Гильф. № 279),

И наѣхаль во сьромъ дубу черна ворона,
 Черна ворона граючаго,
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Ай-же ты, воронъ, птица вѣщая,
 Вѣщая птица, граючая!
 Натяну какъ свой тугой лукъ,
 Положу-то калену стрѣлу,
 Спущу-то тетиву шелковую,
 Распущу твое перье по чисту полю,
 Пролью кровь твою по сыру дубу,
 Предамъ ти смерти напрасныя:
 Не попадайся-ка на выстрѣль впереди богатыря!»
 Испровѣщилъ воронъ языкомъ человѣческимъ:
 «Ай-же, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не бей-ка ворона на сьромъ дубу,
 Не проливай моей крови горючія:
 Поѣзжай-ка още впередъ по чисту полю,
 Такъ надеешь себѣ поединщика,
 По плечу себѣ супротивника.

Дюкъ, дѣйствительно, наѣзжаетъ въ полѣ на шатерь, въ которомъ спитъ какой-то богатырь; изъ того, что его конь смирно сталъ рядомъ съ богатыревымъ, онъ заключаетъ, что хозяинъ его не тронетъ — и онъ будитъ его. Спаль, оказывается, Илья Муромецъ. Онъ спрашиваетъ Дюка объ его имени и изотчинѣ и зачѣмъ разбудилъ его: помощь-ли его ему нужна, или хочетъ съ нимъ «спробовать силы-удачи молодецкія». Но тотъ и не думаетъ помѣяться съ Ильей:

Что мнѣ съ тобой ѣхать въ чисто поле?
 Тебѣ смерть на бою не написана;
 А мнѣ ѣхать съ тобой въ чисто поле,
 Положить надоть буйная головушка.
 Не на то будилъ, чтобъ ѣхать въ чисто поле на дѣло ратнее,
 А на то будилъ, что будетъ надежный товарищъ въ чистомъ полѣ,
 Повнучить всѣмъ похматкамъ, поѣздамъ богатырскимъ.

Тутъ богатыри «крестами побратался», стали пить зелено вино, какъ является «изъ чиста поля поганый Идолище», ищущій себѣ поединщика, пожирающій «по быку семилѣтнему ко выти» и побиваемый Ильей. — Уже затѣмъ богатыри направляются къ Кіеву, но не доѣхавъ до него, Илья велитъ Дюку ѣхать одному, повторяетъ завѣтъ матери — не хвастать на пиру,

А стануть обижать тебя на честномъ пиру,
 Держи ко мнѣ вѣсточку въ чисто поле,
 Ко моему шатру бѣлополотняному —
 Такъ не обидятъ тебя во городѣ во Кіевѣ (Рыбн. I, № 47).

Тотъ-же самый распорядокъ содержанія представляетъ, въ соответствующемъ эпизодѣ, и Рыбн. II, № 30 (гора-шеломчатая; всѣ стрѣлы разстрѣлены; воронъ вѣщаетъ о поединщикѣ, Илья и Идолище и напутствіе Ильи Дюку); у Рыбн. III, № 31 сокращено: Дюкъ тотчасъ по выѣздѣ, наѣзжаетъ на шатерь Ильи, не желаетъ съ нимъ бороться, и ѣдетъ въ Кіевъ, напутствуемый обѣщаніемъ помощи («Не стануть-ли обижать, сюда вѣсть держи»). У Гильф. № 218 послѣдовательность такая: Палань-гора,

(стрѣлянья нѣтъ), воронъ указываетъ на поединщика: Илью; Дюкъ будить его, братается, явленіе Идолица (былина на этомъ кончается). Въ № 279 Гильф. Дюкъ разстрѣлялъ всѣ стрѣлы (эпизода съ ворономъ нѣтъ), встрѣча съ Илей, отказъ отъ боя и мирное столованье богатырей.

Разборъ пересказаннаго нами эпизода приводитъ прежде всего къ убѣжденію, что Идолице въ немъ лишній, перенесенный изъ былинъ о немъ и о Тугаринѣ — по слѣдамъ Ильи. Важнѣе вопросъ — чѣмъ объяснить появленіе послѣдняго? Дюкъ говорить, что ищетъ себѣ въ немъ товарища, помощника, и Илья общается уберечь его отъ обиды — но именно въ этой роли Илья въ пѣсняхъ о Дюкѣ выступаетъ случайно. Кромѣ того заявленіе Дюка не вяжется и съ вѣщаніемъ ему ворона, что онъ найдетъ — себѣ поединщика. Замѣтимъ, что въ русскихъ былинахъ воронъ обыкновенно вѣщаетъ богатырю о предстоящемъ ему боѣ: такъ Добрыни (Гильф. № 49: съ Алѣшей; Гильф. № 168: съ Татарами), Алѣши (Кир. II, № 1, стр. 80—1: съ Татарами), Михаилу Казаринову (Кир. IV, стр. 94—5: то-же), Суровцу-Суздальцу (то-же. См. выше, стр. 72—3), Ильѣ (Рыбн. III, № 14, Гильф. №№ 219, 226, 233: передъ боемъ съ сыномъ), Королевичу изъ Крякова (Рыбн. I, № 72, Гильф. № 182: передъ враждебной встрѣчей съ братомъ). Ясно, что въ былинахъ о Дюкѣ, передъ мирной его встрѣчей съ Илей, онъ не у мѣста. Тѣмъ страннѣе его появленіе въ № 20 Гильф., принадлежащемъ, какъ мы видѣли, къ той группѣ былинъ, которыя помѣстили эпизодъ о стрѣляньи Дюка передъ его просьбой къ матери и выѣздомъ: здѣсь воронъ проситъ богатыря не убивать его, а отправиться — въ Кіевъ, гдѣ онъ найдетъ себѣ сопротивника. Едва-ли пѣсня могла имѣть въ виду его состязаніе съ Чурилой.

Но вернемся къ вопросу, какимъ путемъ Илья попалъ въ пѣсню о выѣздѣ Дюка. Я объясняю себѣ это такимъ образомъ: на пути въ Кіевъ Дюкъ встрѣчаетъ разныя заставы: горы толкучія, птицъ клевучихъ (звѣри поѣдучіе), змѣище Горынчище (змѣи поклевучіе). Какъ древень этотъ мотивъ въ былинѣ и не

вставленъ-ли онъ позднѣе, какъ общее мѣсто, для выраженія трудности и дальности пути? — Не рѣшая вопроса, я полагаю однако, что этотъ мотивъ древнѣе другихъ, являющихся вмѣсто него, либо рядомъ съ нимъ, въ эпизодѣ выѣзда. Но помимо баснословныхъ заставъ, русскія былины знали еще и другую: богатырскую, стоящую на стражѣ Кіева, съ Ильей Муромцемъ во главѣ. Ея нельзя было миновать пріѣзжему витязю, — и вотъ нѣкоторыя былины присоединили къ змѣямъ и звѣрямъ — и богатырскую стоянку. Такъ у Рыбн. II, № 27: сѣры волки, змѣи лютыя, двѣнадцать богатырей съ Ильей (замѣтимъ, что на пути къ Кіеву Дюкъ побиваетъ еще — и Соловья разбойника); *ibid.* № 28: люты звѣри, люты змѣи, Илья Муромецъ въ шатрѣ; Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225: Горынь-змѣя о двѣнадцати главахъ (хоботахъ); лютый звѣрь; «стадо грачевъ — По нашему, стадо *черныхъ вороновъ*, — И хочуть вороны молодца расторнути»; шатеръ Ильи Муромца; Гильф. № 230: Горынь-змѣя, стадо «лютыхъ грачевъ — По русскіи назвать дакъ *черныхъ вороновъ*»; стадо «лютыхъ гонцевъ — По русскіи то назвать дакъ сѣрыхъ волковъ»; «богатырь во бѣломъ шатрѣ» (Илья). — Рыбн. III, № 30: змѣи, звѣри, пять богатырей съ Ильей; Гильф. № 115: змѣи, звѣри, семь богатырей съ Ильей. — Такимъ образомъ мотивъ заставы втянулъ Илью въ пѣсню о поѣздкѣ Дюка, но надо было что-нибудь рассказать про ихъ встрѣчу. Дюку не биться съ Ильей — и онъ дѣйствительно отказывается отъ желанія поратиться съ старымъ богатыремъ, котораго величаетъ, и обнадеженъ обѣщаніемъ его помощи — если-бы ему плохо пришлось въ Кіевѣ. Такъ у Рыбн. II, № 27, 28, 29 = Гильф. № 225; Рыбн. III, № 30, 31; Гильф. № 230 (сл. еще *ib.* № 279). — Мы уже сказали, что былины о дѣйствительной помощи Ильи почти ничего не знаютъ.

Изъ своднаго типа былины, подобнаго разобраннымъ нами, выдѣлились впоследствии тѣ пересказы, которые знаютъ одну лишь богатырскую заставу, или собственно говоря — встрѣчу Дюка съ Ильей. Передъ тѣмъ могли пѣть о какой-нибудь изъ

другихъ встрѣчъ: съ птицами клевучими, лютыми грачами — *черными воронами* — и это явилось поводомъ къ обособленію, подъ вліяніемъ былины съ эпизодомъ о *вѣщемъ воронѣ*: Дюкъ выѣхалъ, разстрѣлялъ всѣ стрѣлы, встрѣчаетъ ворона, который и указываетъ ему на шатеръ Ильи.

Еще новое измѣненіе былины явилось продуктомъ другого смѣшенія: въ началѣ пѣсни о выѣздѣ Дюка подробно говорится о его чудесныхъ *стрѣлахъ* съ орлиными перьями; это дало поводъ пѣвцу тотчасъ-же припомнить эпизодъ о *стрѣлѣ* Дюка и такимъ образомъ перенести его ближе къ запѣву, передъ просьбой къ матери. Перенесеніе было на-ново мотивировано — его охотой; желаніе Дюка — выѣхать является послѣ того совсѣмъ неожиданнымъ. У Рыбн. I, № 49 = № 152 еще ясны слѣды совершившейся спайки: Дюкъ ходитъ-гуляетъ по тихимъ заводямъ, бьетъ гусей-лебедей, разстрѣлялъ всѣ стрѣлы, между ними три, которымъ онъ цѣны не вѣдаетъ: онѣ оперены орлинымъ перомъ, которое подбирали гости-корабельщики, покупали мужики индѣйскіе, приносили Дюкову батюшкѣ въ подарочки,

А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Съ тоя съ великія со радости
Пошелъ ко государынѣ родной матушкѣ,
Онъ сталъ просить прощеньице съ благословеньцемъ и т. д.

Въ одномъ случаѣ (Гильф. № 20) мы видѣли, что съ эпизодомъ стрѣлбы, перенесенъ былъ къ началу пѣсни и эпизодъ съ грающимъ вѣщимъ ворономъ.

2) Дюкъ въ Кіевѣ. Его похвалба и состязаніе съ Чурилой.

Мать заказываетъ Чурилѣ (Рыбн. I, № 47) не хвастать въ Кіевѣ

Имѣньцемъ спротскимъ, *богачествомъ*,
Не хвастай много *матушкой*;

либо Гильф. № 230:

Пофасташъ, Дюкъ, ты родной *матушкой*,
Пофасташъ, Дюкъ, да ты добрымъ *конѣмъ*,

Пофасташь, Дюкъ, да *золотой казной,*
Пофасташь, Дюкъ, да *платьемъ цвѣтнымъ.*

Я полагаю, что это указываетъ на дѣйствительную послѣдовательность настоящаго (хвастовство *богатствомъ: платьемъ, конемъ*) и слѣдующаго отдѣла (посольство въ царство Дюковой матери), который мы и отнесли въ конецъ, тѣмъ болѣе, что тѣ пересказы былины, въ которыхъ посольство является включеннымъ въ эпизодъ «состязанія», обнаруживаютъ, по моему мнѣнію, слѣды позднѣйшей вставки.

Почти вездѣ Дюкъ застаётъ Владимира въ церкви у обѣдни, откуда и идетъ къ нему на пирь; тѣ немногіе пересказы (Кир. III, № 2, стр. 103, Рыбн. IV, № 9, 10), гдѣ Дюкъ прямо приходитъ въ грядню, въ палату, опустили и его глумленіе на пути изъ церкви. — Владимиръ спрашиваетъ его, откуда онъ и кто такой? Отвѣтъ Дюка тотчасъ же вызываетъ сомнѣніе Чурилы въ его самозванствѣ; сомнѣніе ничѣмъ не мотивированное въ Рыбн. I, № 47, 48, 49 = Гильф. № 152 (сомнѣніе выражаютъ «князи да вси бояра», «да вся мелка чета»), Рыбн. II, № 30, III, № 31 (см. Чурилы — «молодой Шатенька, племянникъ княжескій»), Гильф. № 20 (гдѣ слова Чурилы приписаны Владимиру), 85, 159, но легко объяснимое изъ намековъ и другихъ пересказовъ. Мы уже знаемъ изъ Гильф. №№ 20, 213 и 230, что Дюкъ хочетъ отстоять «христосскую» заутреню дома и въ тотъ-же день поспѣть въ Кіевъ къ обѣдни; у Рыбн. I, № 47 онъ говоритъ на пути Ильѣ, что ѣдетъ ко Владимиру «ко ранняя обѣдни воскресенскія» (с. 170; сл. в. 270 и 282; сл. Рыбн. II, № 30, Гильф. № 115). На вопросъ Владимира онъ отвѣчаетъ:

Я есть изъ Инди богатя,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
Отстоялъ дома раннюю заутреню,
И сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ де

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; сл. Гильф. №№ 9, 159).
Либо Владимиръ спрашиваетъ:

Ты откудъшній, удалый-добрый молодець?
 «Есть я изъ Волянъ-города изъ Галича,
 Изъ той Сорочины изъ широкия,
 Изъ той Ивдѣи богатя,
 Изъ тоя Корелы упрямыя»
 Давно-ли выѣхалъ изъ Волянъ-города изъ Галича?
 «Я поѣхалъ въ полдень Страстныя субботы,
 А поспѣлъ сюды къ заутрени Христосьскія.
 А дорогъ-ль у васъ такіе кони?
 «У насъ есть кони по три рубля и по шести рублей,
 А моему-то коню и смѣты нѣтъ»

(Рыбн. II, № 28: Чурила замѣненъ Алѣшей). У Рыбн. III,
 № 29 = Гильф. № 225 Дюкъ поспѣваетъ отъ вечерни въ Га-
 личѣ къ заутрени въ Кіевѣ; дивятся этой его отповѣди князья
 и бояра:

«Кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
 Много-ли отъ Кіева до Галича разстоянія?»
 Говорятъ князья и бояра:
 «Прямымъ ходомъ на три мѣсяца,
 А окольной дорогой на шесть мѣсяцевъ,
 Был бы де кони перемѣнныя,
 Съ коня на конь де перескакивать,
 Изъ сѣдла въ сѣдло переметывать».

И здѣсь Владимиръ освѣдомляется, дороги-ли кони въ Галичѣ:
 есть во всякую цѣну, отвѣчаетъ Дюкъ:

«А моему добру коню,
 Я и цѣны не знаю, бурушку не вѣдаю».
 Говорятъ тутъ князья и бояра:
 — Свѣтъ Государь, Владимиръ князь!
 Не бывать тутъ Дюку Степанову,
 Только быть мужиченку засельщику
 И быть деревенщины:
 Жилъ у купца-гостя торговаго
 И укралъ у него платье цвѣтное;
 Жилъ у пного у боярина,
 Угналъ у боярина добра коня,
 На нашъ городъ пріѣхалъ, красуется,

Надъ тобой, надъ княземъ, надсмѣхается,
Надъ нами, боярами, пролыгается.

Такъ говоритъ въ другихъ пересказахъ и Чурила (Рыбн. III, № 31 = Шатенька), и въ этой связи его сомнѣніе понятно: изумительная быстрота, съ которой Дюкъ перенесся въ Кіевъ, кажется невѣроятной, заявленіе Дюка — ложью; Чурила попытается доказать это впоследствии, помѣрившись въ конскомъ бѣгѣ съ пріѣзжимъ богатыремъ, котораго считаетъ нахвальщикомъ.

Что роль Ильи-пособника въ судьбѣ Дюка чисто внѣшняя, созданная позднѣйшимъ развитіемъ былины, доказывается, для разобраннаго эпизода, его упоминаніемъ у Рыбн. II, № 30 (сл. I, № 47): отвѣчая Владимиру о себѣ, Дюкъ говоритъ, между прочимъ:

Послалъ меня изъ чиста поля старой казакъ Илья Муромецъ,
То-бы я не былъ и во Кіевѣ (?).

У Ефименка I. с. № IV, Дюкъ находитъ Илью — въ Кіевѣ, въ церкви; позванный княземъ на пиръ, онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ другими богатырями:

У нихъ кони скакомъ скачутъ,
А у Дюка идетъ ступью бродовою.
Говоритъ Дюкъ: «У меня такія лошабочки водозвонныя».
А говоритъ осударь Илья Муромецъ:
«Ты не хвастай Дюкъ Степановичъ!»

Но онъ повторяетъ ту же похвальбу и на пиру:

Есть-то у меня добрыхъ коней,
Добрыхъ копей наступчивыхъ.

Дюкъ уже нарушилъ однажды заповѣдь матери, похваставъ своимъ конемъ; Рыбн. II, № 29 развиваетъ мотивъ похвальбы — еще въ церкви: стоитъ Дюкъ на обѣднѣ,

И столько Богу не молится,
Сколько по церкви посматриваетъ,
И посматриваетъ, и самъ почамкнваетъ,
А на князя Владимира взглянетъ,
Только головой пошатаетъ,

На Апраксию королевичну взглянетъ,
И рукой махнетъ,

о чемъ Владимиръ и допрашиваетъ его позднѣе на пиру. — Либо Чурила уличаетъ его въ томъ, что «все онъ, дѣтина, на платьѣ поглядываетъ» (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152, Гильф. № 159; сл. Рыбн. III, № 29, 31).

Обыкновенно похвальба продолжается на пути изъ церкви ко двору и палатамъ Владимира:

Онъ иде, молодой бояринъ, на сапожки поглядывать,
Поглядывать на сапожки, на шубку посматриваетъ.

.....

Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

«Ай же, молодой Чурилушка Пленковичъ!

У васъ все не по нашему:

Во той земли, богатой орды,

Во тоя Индѣи богатя,

Отъ Божьей церкви до палатъ бѣлокаменныхъ

Настланы мостики калиновы,

Разостланы сукна кармазинныя,

Не мараются сапожки сафьянныя во грязи черныя

(Рыбн. I, № 47; сл. ib. № 48, 49 = Гильф. № 152; II, № 30, Гильф. № 9, 20, 85, 159, 213, 225, 230). Другіе пересказы развиваютъ это подробнѣе:

У моей сударьни у матушки
Мощены мосты были все дубовые,
Сверху стланы сукна багречевья,
Напередъ пойдутъ у насъ лопатники,
За лопатниками пойдутъ метельщики,
Очищаютъ дорогу сукна стланаго;
А твои мосты, сударь, неровные,
Неровные, всё сосновые.

.....

У моей сударьни у матушки,
Надъ воротами было икомъ до семидесяти ¹⁾,

¹⁾ Сл. соответствующую подробность въ былинахъ о Чурилѣ, выше стр. 90.

Всѣ иконы были на золотѣ,
 А у тебя, Владимиръ, десятка нѣтъ.

 У моей сударини у матушки
 На дворѣ стоятъ *столбы* все серебряные,
 Продернуты *кольца позолоченныя*,
 Разоставлена *сыта медвяная*,
 Есть насыпана *пшена бѣлоярая*,
 Есть что добрымъ конямъ пить и кушати —
 А у тебя, Владимиръ, того не случилось».

(Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225); Гильф. № 230 добавляетъ:

Ты мой маленькой бурушко косматенкой!
 Помрешь ты добрый конь да здѣся съ голоду,
 Какъ вѣдь брошено овсика тебѣ заблого.
 Во своемъ ты городѣ во Галичѣ,
 У моей государини у матушки,
 Не хотѣлъ ѣсть пшена да бѣлоярова.

Сл. еще Рыбн. II, № 28, III, № 30, 31. — Описаніе чудесныхъ палатъ Дюковой матери — и Чурилиныхъ? — несомнѣнно повліяло на стилистическое развитіе, какое получила похвальба Дюка на пути изъ церкви, равно какъ и слѣдующая — на пиру у Владимира. — Чурила по прежнему уличаетъ Дюка въ хвастовствѣ: когда тотъ оглядываетъ свои сапоги и шубку, онъ говорить:

Заподлинно есть холопина дворянская:
 Онъ вѣкъ этихъ сапожекъ не держивалъ,
 Онъ вѣкъ этой шубки не нашивалъ (Рыбн. I, № 47).

Ты убилъ купца либо боярина,
 Снял-же тутъ сапожки да зелены сафьянъ,
 Самъ-же ты сапожковъ знать не держивалъ,
 Все-же на сапожки ты поглядывашъ.
 А ударимъ-ко, бояринъ, во великъ залогъ
 Ѣздить-то же намъ да е по три годы,
 А по три годы-то намъ-же Ѣздить по три дни,
 Въ каждый день да платица-ты смѣнныи,
 Чтобы конюшки у насъ да были смѣнныи

(Гильф. № 9). У Гильф. № 213 глумится надъ Дюковымъ хвастовствомъ — не Чурила, а бояре и богатыри. Вызовъ Чурилы обыкновенно слѣдуетъ за третьей похвалой Дюка — на пиру, гдѣ онъ продолжаетъ гнушаться и чваниться, откладывая верхнюю корочку колача (Кир. III, № 2, стр. 104), либо бросая его подъ столъ и выливая за окно чару: всё это у него дома лучше. Иногда похвальба растетъ: Дюкъ продолжаетъ говорить о своихъ богатствахъ, между прочимъ, о цвѣтныхъ платьяхъ (Рыбн. I, № 47; II, № 30) — можетъ быть, припомнившихся здѣсь пѣвцу въ связи съ слѣдующимъ далѣе вызовомъ Чурилы? Въ сущности, еще ранѣе того Дюкъ обратилъ на себя вниманіе своимъ щегольствомъ, чѣмъ и объясняется, что у Гильф. № 9 Чурила вызываетъ его на состязаніе уже на пути изъ церкви. — Вся сцена на пиру понята, какъ обычная въ русскихъ былинахъ похвальба «во полу-столѣ», и кое-гдѣ разработана въ чертахъ этого мотива: у Дюка дома — всѣ мѣдные, крыши серебряныя, «Шоломы, потоки золочоныя, — Шарикъ самоцвѣтныя камешки, — Домики стоятъ да быдто жаръ горять» (Гильф. № 20); у его матушки

Построены тридцать три терема златоверхіе,
И въ сѣни зайдешь во рѣшатчаты,
Въ други зайдешь частоберчатя,
А въ третьи зайдешь въ стекольчатя¹⁾;
Въ теремы зайдешь златоверхіе:
На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
На небѣ зори — и въ теремѣ зори,
Все-то въ терему по небесному (Рыбн. III, № 31).

Взойдешь на нашъ широкій дворъ,
По нашему широку двору
Разостланы сукна одинцовыя,
Наши любимыя конюхи
По этимъ по сукнамъ катаются,
Въ кости, въ зернь, въ шашечки поигрываютъ.

¹⁾ См. тоже въ былинахъ о Чурилѣ, выше, стр. 86—7, 90.

Зайдешь во гридню во столовую,
 Всѣ окошечки скутаны,
 Владены въ стѣны камни драгоцѣнные,
 Видно молодца станомъ, лицомъ, возрастомъ

(Рыбн. II, № 28; сл. III, № 30, Гильф. № 115). Все это хвастовство привязывается къ гнушенію — яствами и напитками княжескаго стола.

Не перебирая всѣхъ пересказовъ этой сцены остановимся на одномъ изъ пространныхъ, Рыбн. II, № 30: у Владимира «столованье, почестный пиръ»;

Какъ тутъ всѣ на пирѣ напивались,
 Какъ всѣ на пирѣ наѣдались,
 Похвальбами всѣ похвалялись.
 Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ похваляется:
 Иной хвастаетъ безсчетомъ золотой казной,
 Иной хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
 Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Иной хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
 Иной молодымъ молодечествомъ,
 Умною и разумной хвастаетъ
 Старымъ бабюшкой и старой матушкой,
 А безумной дуракъ хвастаетъ молодой женой.
 Молодой бояринъ сидитъ — да ничѣмъ онъ не хвастаетъ;
 Потому онъ не хвастаетъ,
 Что чару пьетъ, — а другу за окошко льетъ,
 Колачникъ ѣстъ, — а другой подъ столъ мечетъ,
 А съ пнаго верхнюю корочку вырѣжетъ — на столъ кладетъ,
 Середочку самъ онъ съѣстъ,
 А нижнюю корочку подъ столъ кинетъ.

На вопросъ Владимира, почему онъ такъ дѣлаетъ, онъ отвѣчаетъ:

«Не могу я ѣсть вашихъ колачиковъ,
 Не могу я пить вашихъ напитковъ сладкихъ,
 Потому что ваши напитки сладкіе, меду да стоялые
 Повѣшены во погреба глубокіе,
 Туда не ходятъ вольные воздуха, —

Оны тамъ затхнулися:
 Потому и не могу я пить вашихъ сладкихъ напитокочковъ.
 А у васъ еще печки кирпичныя, помяльца сосновыя,
 Пашутъ печки кирпичныя,
 Пекутъ колачики крупичаты, —
 Они пахнутъ на фюю сосновую:
 Для того я не могу ѣсть и колачиковъ.

Иное дѣло у его матери:

«Есть у насъ печки муравлены,
 Помяльчики шелковыя,
 купаютъ въ росу медовую,
 Пашутъ печки муравлены,
 Пекутъ колачики крупичатые:
 Колачики съѣшь — другаго хочется,
 Другой-то съѣшь, — по третьемъ душа горитъ.
 Эта похвальба, да не похвальба:
 Какъ водочки сладкія, меду стоялые
 Повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковкахъ,
 Бочки висятъ на дѣнахъ на желѣзникахъ,
 Туда подведены вѣтры буйныя;
 Повѣютъ вѣтры буйныя въ чистомъ полѣ,
 Пойдутъ какъ воздухи по погребамъ,
 И загогочутъ бочки какъ лебеди,
 Какъ лебеди на тихихъ заводахъ:
 Такъ отъ того не затхнутъ водочки сладкія
 И меду стоялые;
 Какъ чару пьешь — другой хочется,
 Другую пьешь, — по третьей душа горитъ».
 Тутъ какъ говоритъ солнышко Владимиръ князь:
 «Ай какъ-бы на это на пору на времячко
 Былъ-бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ,
 Онъ-бы зналъ, что съ тобою поговорить!».

Какъ разъ является Чурила, всѣмъ ведетъ поклонъ по писаному,
 по ученому, одному лишь Дюку «не клонить буйныя головы».
 Дюкъ упрекаетъ его за это невѣжество, пошло у нихъ «слово
 за слово»:

Ай-же ты, молодой Чурило сынъ Пленковичъ!
 Можешь-ли ты со мною споровать?
 Ты передо мною пастушина деревенская.
 Въ той-то землѣ, во богатой ордѣ,
 Въ той Корелы богатя

 У насъ какъ цвѣтны платья не держатся:
 Потому жь оны не держатся,
 Что шведы у насъ не выводятся:
 Та толпа шведовъ со двора сошла,
 А другая толпа шведовъ да на дворъ пришла ¹⁾.
 Это хвальба, да не похвальба:
 Есть нѣсколько лошадей — стоять на стойлахъ лошадинныхъ,
 Всѣ зоблютъ пшеницу бѣлоярову,
 Только выскочать на чисто поле прогуляться.
 Это хвальба, да не похвальба:
 Есть насыпано двѣнадцать погребовъ, всѣ глубокѣхъ,
 Краснаго золота, чистаго серебра, мелкаго скачнаго жемчуга;
 На одинъ я на погребъ, — на красное на золото,
 Скуплю и спродамъ вашъ городъ Кіевъ. ²⁾
 Тутъ солнышку князю рѣчи не прилюбился:
 «Какого намъ послать обчѣнщика,
 Обчѣнить животы всѣ Дюковы?»

О такомъ-же невѣжествѣ Чурилы на пиру говорить и Рыбн. III, № 31, послѣ чего Дюкъ также хвастаетъ:

Вамъ въ городѣ Кіевѣ гостинный рядъ продать,
 Гербовой бумаги кѹпить, а моего живота не описать.

И здѣсь, какъ у Рыбн. II, № 30, Владимиръ рѣшаетъ послать обчѣнщиковъ «описать имѣніе Дюка Степановича», и разсказомъ

¹⁾ См. ту-же подробность о «швецахъ» и далѣе у Рыбн. I, № 47, vv. 397 слѣд.

²⁾ См. Гильф. № 230:

Да а й ты Чурило сухоногое,
 Сухоногое Чурило, грѣбоногое!
 Я своимъ имѣнникомъ-богачествомъ.
 Да и вашъ-отъ весь я столень Кіевъ градъ
 Я продамъ имѣннемъ да и выкуплю.

о томъ кончается былина, тогда какъ Рыбн. II, № 30 заставляетъ Чурилу уже послѣ оцѣнки состязаться съ Дюкомъ — платьями и конями. Уже а priori такая послѣдовательность представляется нелогичной: во всѣхъ пересказахъ былины Владимиръ убѣждается, что богатства Дюка неоцѣнимы; вызовъ Чурилы послѣ того просто необъяснимъ. Настоящій планъ выяснился намъ отчасти изъ всего хода пѣсни: тотчасъ по приѣздѣ въ Кіевъ Дюкъ хвастаетъ своимъ конемъ; на пути изъ церкви охарашивается, поглядывая на свое платье, сапожки и шубу; на пиру кичится богатствомъ; Рыбн. II, № 30 собралъ всѣ эти моменты похвалы въ сценѣ на пиру: Дюкъ хвалится цвѣтными платьями, конями, казной. — Соображая всѣ имѣвшіеся у меня пересказы былины легко прійти къ заключенію, что первоначальная послѣдовательность могла быть такая: за похвалой на пиру и вызовомъ Чурилы слѣдовало а) испытаніе щегольства, Чурила и Дюкъ одѣваются въ запуски другъ передъ другомъ; одежду Чурилы приноситъ изъ Индіи (Корелы и т. д.) его конь; б) скачка; в) посольство въ царство Дюка и оцѣнка его богатства.

Такой распорядокъ представляетъ Рыбн. I, №№ 48, 49 (= Гильф. № 152), Гильф. 85, 159. Не идутъ въ сравненіе пересказы, сохранившіе лишь нѣкоторые изъ намѣченныхъ мною моментовъ (abc) пѣсни, такъ какъ для нихъ трудно установить, въ какомъ именно мѣстѣ совершилось выпаденіе того или другаго эпизода. Таковы пересказы у Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., Гильф. № 180, Рыбн. III, № 31 (c); Гильф. № 128 (b); Рыбн. IV, № 9 (ab). — Рѣшающимъ является Гильф. № 9: Дюкъ хвастаетъ на пути изъ церкви и на пиру; Чурила вызываетъ его (на пути изъ церкви) — ѣздитъ съ нимъ въ теченіи трехъ лѣтъ по Кіеву въ смѣнныхъ платьяхъ и на смѣнныхъ коняхъ. — Дюкъ посылаетъ въ Индію ко своей матери коня — за платьемъ; только что привезли его, какъ Владимиръ снова шлетъ въ Дюково царство оцѣнщиковъ — между прочимъ, Добрыню; когда они вернулись, оказывается, что Дюкъ и Чурила уже три года и три дня ѣздили и щеголяли другъ передъ другомъ

въ запуски; остался еще день, который былина и наполняетъ разсказомъ, обычнымъ для *a* (щеголянье) и *b* (скачка). — Не менѣе характеренъ для генеалогіи былинъ Рыбн. II, № 29 (сл. Барсовъ, I. с.): здѣсь за похвалбой и вызовомъ слѣдуетъ посольство въ Индію, ради оцѣнки и — за платьемъ Дюковымъ, послѣ чего уже идетъ *a* и *b*; у Рыбн. II, № 28 за посольствомъ Добрыни (для оцѣнки «животовъ») также идетъ *a b*, но за платьемъ Дюка коню приходится бѣжать въ Индію; у Рыбн. II, № 30 порядокъ такой: посольство Добрыни; Дюкъ шлетъ своей матери «письмы строга» — прислать ему платья и коней; у Гильф. № 213: скачка, посольство; Дюкъ посылаетъ коня за платьемъ. Эти примѣры уясняютъ намъ поводъ, по которому мотивъ посольства = *c* былъ перенесенъ изъ конца быliny въ непосредственное сосѣдство съ вызовомъ: Чурила вызывалъ Дюка щеголять съ нимъ въ запуски въ перемѣнныхъ платьяхъ, Дюкъ посылалъ за ними въ Индію — коня (Рыбн. I, №№ 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28; Гильф. № 9, 85, 189, 213); этотъ эпизодъ напомнилъ другое посольство, также въ Индію, но для оцѣнки Дюкова живота; посломъ, либо въ числѣ другихъ, является, обычно, Добрыня. Оба эпизода были сближены (Гильф. № 9, Рыбн. II, № 28), либо смѣшаны (Рыбн. II, № 29), — и, наконецъ, посольство оцѣнщиковъ (*c*) и совсѣмъ вторглось на мѣсто разсказа о посылкѣ за платьемъ и получился распорядокъ: *cab* (Рыбн. IV, № 10); либо путемъ дальнѣйшаго искаженія: *acb* (Рыбн. III, № 29, Ефименко, № IX, Гильф. № 225), *bca* (Гильф. № 213; такъ, вѣроятно, и въ недопѣтой былинѣ Рыбн. III, № 30). Гильф. № 230 (*cab*) представляетъ, сходно въ этомъ случаѣ съ Гильф. №№ 20 и 213, ту новую черту, что Дюка, до возвращенія оцѣнщиковъ, Владимиръ садитъ «во глубокъ погребъ». Такъ у Гильф. № 159 («И не спустили тутъ Дюка Степановича — Съѣздить за платьемъ за цвѣтнымъ») и Ефименка I. с. № IV (Нѣтъ ни вызова, ни щапленья, ни скачки, а за похвалбой — посольство въ Дюково царство).

Прежде чѣмъ обратиться къ изложенію эпизодовъ щеголянья

и скачки, посмотримъ, чѣмъ сказалося въ этомъ отдѣлѣ былины пособничество Ильи. У Рыбн. II, № 28, когда Владимиръ рѣшилъ послать оцѣнщиковъ въ Дюково царство, Дюкъ стрѣляетъ и на стрѣлѣ шлетъ «ярлыки» ко Илью Муромцу, всё еще стоящему въ шатрѣ. По вызову Ильи Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ, и Дюкъ проситъ быть его оцѣнщикомъ въ Индіи. Позднѣе, когда Дюкъ перещанилъ Алѣшу (= Чурилу) и хочетъ снести ему голову (закладъ о головѣ), Илью вызываютъ изъ чиста поля, и онъ проситъ Дюка пощадить соперника. — Въ № 30 *ibid.* Илья впервые является изъ поля въ эпизодѣ скачки и говоритъ Чурилѣ, побившемуся съ Дюкомъ о головѣ:

Вѣрно, надоѣла тебѣ жизнь на семь на бѣломъ свѣту?
Хоть-бы не перескочилъ конь у молода боярина,
У молода боярина у Дюка Степановича,
Черезъ матушку Нѣпру рѣку,
Даль-ли я вамъ отсѣчь буйну голову молодому боярину,
Когда я засматривалъ ровно три года во каждый день?

(т. е. имѣлъ о немъ попеченіе). Лишь у Рыбн. III, № 29 (сл. Ефименко, № IV) Илья, вызванный Дюкомъ (ярлыки на стрѣлѣ), идетъ за него поручителемъ (вмѣстѣ съ голами кабацкими, явившимися, очевидно, по слѣдамъ Ильи, но выступающими въ той-же роли и у Рыбн. I, № 28, Гильф. № 225, 230) въ его закладъ съ Чурилой — вмѣсто владыки Черниговскаго (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Гильф. №№ 9, 159), знакомаго въ этомъ значеніи изъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ. У Барсова, 1. с., за Дюка ручается вмѣстѣ съ Ильей и Добрыня. — Роль пособника, очевидно, не выдержанная и поздняя, вызванная центральнымъ положеніемъ Ильи въ «кіевскомъ», не «южно-русскомъ» эпосѣ — въ томъ болѣе широкомъ значеніи этого слова, какое вообще имѣетъ въ виду настоящее изслѣдованіе. — Именно внѣшній характеръ связи Дюка съ Ильей (и Владимиромъ) представляется мнѣ яснымъ признакомъ «присталости» Дюка къ кіевскому циклу.

Обратимся, въ порядкѣ, нами установленномъ, къ эпизоду «щипленія» Дюка и Чурилы.

Стали они ѣздить-то день за день,
 День за день и още годъ за годъ,
 Проѣздили поры-времени по три году,
 Послѣдній день поѣхали къ заутрени Христосьскія.
 Молодой Чурилушка Пленковичъ
 Надѣлъ-то онъ одежицу драгоцѣнную:
 Строчечка одна строчена чистимъ серебромъ,
 Другая строчена краснимъ золотомъ;
 Въ пугови воилетано по доброму по молодцу,
 Въ петельки воилетано по красной по дѣвушкамъ:
 Какъ застенутся, такъ обоймутся,
 А разстенутся, и поцѣлуются.
 Поглянулъ Владиміръ на праву руку
 На молада Чурилушку на Пленкова,
 Говорилъ-то Владиміръ таковы слова:
 «Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Прозавладалъ все свое имѣніе богатество».

Дюкъ выступаетъ въ точно такой-же одеждѣ, но у него на головѣ еще и «шляпонька»:

Спереду такъ введено красно солнышко,
 И сзади введенъ свѣтѣлъ мѣсяцъ,
 А на верховицѣ шляпы быдто жаръ горить.
 Говорить ему тихій Дунаюшка Ивановичъ:
 «Ты Владиміръ князь, стольно-Кіевскій!
 Посмотри-тко теперъ на лѣву руку:
 Молодой Чурилушко Оленковичъ
 Прозавладалъ свою буйну головушку (Рыби. I, № 48).

Такъ и у Гильф. № 85, съ новой подробностью: Чурила повелъ плеткой по бѣлой груди:

Еще петелки-ты свищутъ по солóвьему,
 А ѣ то пугови кричатъ-то по звѣриному;

повелъ Дюкъ, и отъ посвисту соловьяго и покрику звѣринаго народъ сталъ падать на кирпичный полъ.

Иначе у Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152 (сл. Гильф. № 159): въ церкви Чурила стоитъ на правомъ крылосѣ, Дюкъ на лѣвомъ.

Какъ тотъ Чурилушко Пленковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванывать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки
Плыветь змище-Горынчище.
Тутъ всѣ въ церкви приужаснулись.

Дюкъ также начинаетъ поваживать по пуговкамъ:

Вдругъ запили птицы пѣвущи,
Закричали звѣрки всѣ рыкуци:
А тутъ вси во церкви да о зень пали,
О зень пали, а инне обмерли.
Говорить Владимиръ стольно-Кіевскій:
«Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ,
Приўми-тва птицы ты клевуци,
Призаклиць-ка ты звѣрей тыхъ рыкуцихъ,
Оставь людей намъ хотъ на сѣмена».

Но Дюкъ унимается лишь по просьбѣ своего «крестоваго батюшки», а самъ говоритъ Владимиру:

Ахъ ты солнышко, Владимиръ стольно-Кіевскій!
Намъ которому съ Чурилой голова рубить?

Оба мотива соединены въ пространной былинѣ у Рыбн. II, № 30:

Обувалъ Чурила сынъ Пленковичъ сапожки-зеленъ сафьянъ,
Пряжечки серебряны на тыхъ гвоздочкахъ позолоченныхъ,
Надѣвалъ шубу черныхъ соболей заморскихъ;
Во пуговки-то было вито по доброму молодцу,
А въ петелки-то было влетено по красной дѣвущѣ:
По петелкамъ какъ поведеть,
Такъ красны дѣвушки наливають зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;

А по пуговкамъ поведеть,
 Добрыя молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
 Розвеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.
 А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Обувалъ лапотцы семи шелковъ;
 Въ носы-то вплетено по золотому дорогому гвоздочку шеломчатому,
 А въ пяты-тѣ вплетено по камешечку самоцвѣтному:
 Днемъ итти — какъ по красному солнышку,
 Ночью итти — какъ по свѣтлому мѣсяцу;
 Надѣвалъ онъ шапочку со рогавками:
 У шапочки висятъ камешечки самоцвѣтные,
 Отъ камешечковъ печеть какъ отъ красного отъ солнышка ¹⁾);
 Надѣвалъ какъ шубу черныхъ соболей,
 Черныхъ соболей заморскихъ,
 Подъ дорогомъ подъ самитомъ,
 Во петелки-то было вплетено по лютой змѣи,
 Во пугови-то было вито по лютому звѣрю:
 По петелкамъ какъ поведеть, —
 Такъ всѣ змѣи засвищутъ во всю голову,
 По пуговкамъ какъ поведеть, —
 Тутъ всѣ люты звѣрья закричатъ во всю голову:
 Отъ ихъ свисту змѣинаго и крику звѣринаго,
 Хоть сколько будь народу около Дюка Степановича,
 Такъ всѣ будутъ на земли лежать.

Сл. Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225; Рыбн. IV, № 10
 (у Чурилы въ пуговкахъ молодцы и дѣвицы, у Дюка звѣри
 и змѣи), Рыбн. IV, № 9 (отъ Дюковыхъ пуговицъ «стукъ да
 гремъ»); Гильф. № 9 (у Чурилы отъ пугови до пугови
 «пошли враны, стали прогуркивать», а отъ петелки до петелки
 «поплыла змѣя, стала просвистывать»; у Чурилы въ первомъ
 случаѣ «птицупки пѣвучи», во второмъ «звѣрюшки крикучи»).
 Сл. еще Гильф. № 230. — Въ одной кипрской майской пѣснѣ
 (Сакелларій № 22) сынъ проситъ мать подать ему шляпу о трид-
 цати углахъ, съ тридцатью верхами и тридцатью верхушками,
 вокругъ сидятъ птички, посреди — голуби. «Голуби, голуби,

¹⁾ Сл. Рыбн. II, № 28, в. 430 слѣд.

понесите меня, чтобы мнѣ увидѣть дядю своего — что аию розу, отца — что мѣсяцъ».

Καὶ φόρησ' μου τὴν σκούφιάν μου τὴν τρανταμασσοῦρένην,
ὅπου ἔχει τρᾶντα μάσσοῦρους καὶ τρᾶντα μασσοῦρούδια,
καὶ γύρου γύρου τὰ πουλιὰ καὶ μέσα τὰ πεζούνια.
Πεζούνιά μου, πεζούνιά μου, πετάξετέ με πέρα,
νὰ ἴδῃ τὸν θεῖόν μου ῥοδινόν, τὸν κῆρὶν μου φεγγάριν и т. д.

Щапленье въ церкви пуговками и петелками — послѣднее состязаніе въ щегольствѣ изъ многихъ ему предшествовавшихъ: по смыслу вызова Чурилы, онъ и его противникъ должны были въ теченіи извѣстнаго времени являться въ «смѣнныхъ», «перемѣнныхъ» платьяхъ (Рыбн. I, 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, 29, 30, III, № 29, 30; IV, № 9, 10; Гильф. №№ 9, 85, 159, 225, 230) — и на смѣнныхъ коняхъ (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, 30; IV, № 9; Гильф. №№ 9, 159). На послѣднее требованіе былины отвѣтили различно: у Чурилы коней — цѣлое стадо,

А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пораньше поутру повыстанеть,
Бурка въ росы онъ повыкатаеть,
На бурки-то шерсть перемѣнится

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; то-же у Гильф. № 9, 159). — У Рыбн. II, № 30 мать Дюка посылаетъ ему перемѣннаго платья и «добрыхъ коней стады — стадами, шерстью разною». — Иногда ѣзда по городу Дюка и Чурилы выражается предложениемъ Владимира Дюку прогуляться съ его князьями, боярами и могучими богатырями (Гильф. № 213). Владимиръ, очевидно, поставленъ здѣсь вмѣсто Чурилы, какъ у Рыбн. III въ № 30, замѣнившимъ Чурилу — Владимиромъ (въ эпизодѣ вызова) и Алешей Поповичемъ (въ сценѣ скачки) и обратившемъ гулянье на коняхъ въ какое-то рыцарское «штурмованье». Вліяніе лубочной сказки, съ подробностями западнаго турнира, несомнѣнно въ слѣдующей сценѣ: Владимиръ говорить Дюку:

«Не угодно-ли тебѣ съѣздить во чисто поле,
 Съ нашими богатырями силы поотвѣдати?»
 Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держитъ:
 «Я още витязь молодой,
 Съ вашими богатырями незнакомый,
 Чтобы ваши богатыри меня не обидѣли.
 И тутъ съѣхалось на княжей дворъ
 Сильныхъ могучихъ богатырей:
 Въ первыхъ старый Донской казакъ Илья Муромецъ,
 А во вторыхъ Добрынюшка Никитѣевичъ,
 А третій Олешанька Поповичъ,
 Четвертой Михайло Долгомѣровичъ,
 Пятой Василий Буслаевичъ,
 Шестой Чурилушка Щапенковичъ,
 Седьмой Иванъ сынъ Гоудиновичъ.

Какъ видно — сборъ богатырей случайный, для фона, на которомъ тѣмъ ярче выйдетъ богатырство Дюка — въ общемъ хорѣ русскаго эпоса нигдѣ не являющагося богатыремъ. Приемъ, напоминающій, *si licet parva componere magnis*, подобные-же искусственные сборы богатырей въ *Rosengarten*'ѣ и *pidreksaga*'ѣ.

Съ богатырями ѣдетъ и Владимиръ,

Посмотрѣтъ на дѣло ратное, на побоище смертное.
 Не ясные соколы по полю летаютъ,
 А сильнии могучии богатыри разѣзжаютъ.
 И тутъ ѣдетъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ:
 Онъ бурушка подправливаетъ,
 Косматаго понуживаетъ,
 И столько видятъ, что въ полѣ будельба стоитъ,
 А Дюковъ конь какъ стрѣла летитъ.
 Не два ясныхъ сокола слетается,
 А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжается:
 Михайла Долгомѣровичъ ѣдетъ, какъ звѣрь реветъ,
 А Дюкъ Степановичъ стрѣлой летитъ,
 И обораживаетъ копые тупымъ концомъ,
 И ударилъ Михайлу Долгомѣрова во бѣлую грудь, —
 И Михайла вылетѣлъ изъ сѣдла
 И палъ на землю, что овсяный снопокъ.

И подѣхалъ тутъ Дюкъ ко князю Владимиру,
 Бьетъ челоуъ, главу свою поклоняетъ,
 И князь его выхваляетъ.
 Тутъ ѣхать-ли не ѣхать Василю Буславьевичу.
 Тутъ не два орла слетается,
 А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжаются:
 Василий Буславьевъ съ Дюкомъ сражаются;
 Другъ друга они ударяютъ,
 У нихъ копья изъ рукъ выпадаютъ;
 И другой разъ разѣзжаются,
 У Дюка сердце разгоряется,
 А Василий на Дюка разъяряется,
 А Дюкъ ударилъ Василю по буйной головы,
 И тутъ палъ-то Василий о сыру землю.
 И тутъ-то Дюкъ разѣзжается,
 А Иванъ-то Годиновичъ похваляется,
 Съ княземъ Владимиромъ прощается и съ богатырями;
 И тутъ-то онъ разѣзжается,
 И съ Дюкомъ-то онъ сражается, —
 Дюку-то онъ покоряется.
 И мирно поѣхали они ко городу ко Киеву.
 И говорятъ Олешинька Поповичъ:
 «Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
 Мы поѣдемъ-ко черезъ Нѣп(рѣ)-рѣку скакать».

Скачкой черезъ рѣку кончается въ былинахъ гулянье на коняхъ, какъ сценой въ церкви щапленье въ запуски Дюка и Чурилы. Скачутъ черезъ Днѣпръ или Пучай рѣку; Дюкъ обращается къ своему коню, падаетъ ему «на стену на лошадиную», просить помочь ему.

Проязычилъ ему добрый конь языкомъ человѣческимъ:
 «Не убойся-тко страха, Дюкъ Степановичъ,
 Бейся съ нимъ въ великъ закладъ:
 Перенесу я черезъ матушку Нѣпру рѣку
 На своихъ на подложныхъ крылахъ лошадиныхъ,
 Не уступлю я братьямъ большимъ,
 А не столько что братцу меньшему:
 Мой большій братъ у Ильи у Муромца,

А середній братъ у Добрыни Микитинца,
 А я третій братъ у Дюка Степановича,
 А четвертій ужь братъ у Чурилы Оленкова».

Богатыри скачуть:

Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Скочилъ черезъ матушку Нѣпру рѣку
 На добромъ конѣ на богатырскомъ
 За дѣлй за помахъ лошадинній
 И за дѣлю за версту за мѣрную;
 И зглянулъ онъ на правую на ручушку,
 Какъ нѣтъ подлѣ него товарища,
 Молода Чурилушки Оленкова:
 Чурила-то Пленковичъ посередъ Нѣпры приогрюшился
 Съ добрымъ конемъ со богатырскимъ.
 Молодой Дюкъ Степановичъ скорешенько поворотъ держалъ,
 Черезъ матушку Нѣпру рѣку повыскочилъ
 И Чурилушку Оленкова за желты кудри повыташилъ
 Изъ матушки изъ Нѣпры рѣки,
 И посадилъ того Чурилу на крутой берегъ,
 И говорилъ онъ Чурилу таковы слова:
 «Ай-же ты, Чурилушка Пленковичъ!
 Не твое-то дѣло есть охвастати,
 Да не твое дѣло бити о великѣ завладѣ,
 А твое дѣло столько ходити тебѣ по Кіеву,
 По Кіеву ходити тебѣ за бабами».

(Рыбн. I, № 48). Почти также передается этотъ эпизодъ и въ другихъ пересказахъ: просьба коню встрѣчается еще у Гильф. № 85 (конь Чурилы — меньшій братъ, у него одно крыло подкожное, у Дюкова два, у Ильина — три), 128, Рыбн. II, № 30 («Ежели не перескочишь черезъ Матушку Нѣпру рѣку, — То поѣду я искать своего братца крестоваго, — Старога казака Илью Муромца»). Вездѣ Дюкъ вытаскиваетъ изъ воды упавшаго Чурилу, которому иногда собирается рубить голову (Рыбн. II, № 30, III, № 29; Гильф. № 9, 159, 225; сл. Рыбн. IV, 10), но за него просятъ «Старыя старухи, молодыя молодухи — И красныя дѣвушки» (Рыбн. II, № 30), либо князь со княгинею (ib. III,

№ 29; сл. Гильф. № 9, 159, 225), либо «просили его городами Кіевомъ и Черниговомъ простить» (Рыбн. IV, № 10) — и онъ отпускаетъ его. Презрительнымъ обращеніемъ къ Чурилѣ, которому пристало возиться съ дѣвками и бабами, а не хвастать, обыкновенно кончается этотъ эпизодъ пѣсни (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, 30, III, № 29, IV, № 10; Гильф. № 9, 85, 128, 159, 225). Особо стоитъ Рыбн. II, № 29: скачки нѣтъ, щепятъ платьями; побѣдивъ Чурилу, Дюкъ ухватилъ его

И съ конемъ въ карманъ посадилъ.

И на этотъ разъ онъ отпускаетъ его по общей просьбѣ. Очевидно воспоминаніе объ Ильѣ, посаженномъ въ карманъ женой Святогора, о Добрынѣ — въ карманѣ у поляницы. Можетъ быть, такимъ-же воспоминаніемъ (сл. въ былинахъ о старшихъ богатыряхъ эпизодъ о «сумочкахъ») отзывается развязка у Ефименка, I. с., № IX: Дюкъ предлагаетъ Ильѣ и Добрынѣ скакать черезъ рѣку; ему это удается, они не въ силахъ,

Тутъ же они и уходились.

3) *Послы Владимира въ царствѣ Дюковой матери.*

Послы ѣдутъ:

Подъѣхали подъ Индию подъ богатую,
 Повыстали на гору на высокую,
 Увидели Индию тую богатую,
 Сами говорятъ да таково слово:
 «Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ послалъ, звать, туды вѣсточку на родину,
 Чтобы зажгали Индию ту богатую:
 Ай, горитъ Индия та богатая!»
 Какъ подъѣхали они поближе де:
 У нихъ крышечки въ домахъ золоченны,
 У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтны,
 Мостовныя рудожелтыми песочками призасыпаны и т. д.

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; сл. ib. № 159). Или:

Усмотрѣли тутъ Индѣю да богатую,
Усмотрѣли тутъ Корелу да проклятую,
Вся Индѣя что-ли насъ да перепаласи,
Вся Индѣя вдругъ да загорѣлася!

.....
Думали Индѣя перепаласи,
Ажно ихъ Индѣя не спугаласи:
Вся Индѣя тутъ стоитъ да у нихъ въ золоти

(Гильф. № 9; сл. еще № 85).

Только у Кир. III, № 2, стр. 104 слѣд. и въ подновленномъ прозаическомъ пересказѣ у Рыбн. I, № 50 самъ Владимиръ ѣдетъ въ царство Дюка, чтобы удостовѣриться, на сколько вѣрна его похвальба богатствомъ. Во всѣхъ другихъ пересказахъ идутъ туда послы-оцѣнщики, всего чаще *Добрыня* (Рыбн. I, № 48: Дунай, Василий Казимировичъ, Алеша Поповичъ; № 49: *Добрыня* и *Илья* = Гильф. № 152, 159; Рыбн. II, № 28, 29, 30, III, № 29, 30, 31, Гильф. № 225, 230, Барсовъ, I. с.: *Добрыня*; Гильф. № 9: *Добрыня*, *Пѣтыкъ*, Алеша; № 85: двѣнадцать богатырей, съ ними Дюкъ; № 180: Чурила и Алеша; № 213: «оцѣнщики»; № 20: мастера молодые», «писаря ученые»; Ефименко I. с. № IV: Михайлушко Петровичъ съ Алешей; № IX: Алеша и *Илья*). — Посольство описывается въ началѣ, какъ рядъ иллюзій и неожиданныхъ разубѣжденій: на первыхъ же порахъ Владимиръ или его послы видятъ такое богатство, что невольно поражены — а между тѣмъ до Дюка еще далеко, и встрѣтились пока лишь его служилые люди.

И пріѣхали они на *наию* къ нему,
Ко тѣмъ *крестьянскимъ дворамъ*;
И тутъ у Дюка *стряпчій быль*,
Прпшасъ про князя Владимира почетный столъ

.....
И будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ во полу-столѣ,
Владимръ князь полсыта наѣдается,
Польныа напивается,

Говорилъ онъ тутъ Дюку Степанову:
 «Каково про тебя сказывали,
 Таковъ ты и есть».
 Покушавши, ласковой Владимръ князь
 Вежѣлъ домъ его переписывать,
 И былъ въ томъ дому сутки четверо:
 А п домъ его крестьянскій переписывали —
 Бумаги не стало. То оттеля Дюкъ Степановичъ
 Повелъ князя Владимира
 Со всеми гостями и со всеми людьми
 Ко своей сударинѣ *матушкѣ*.

И здѣсь, во полу-столѣ, Владимиръ отказывается отъ оцѣнки:

Хотѣлъ было вашъ и этотъ домъ описывать,
 Да отложилъ все печали на радости

(Кир. III, № 2, стр. 104 слѣд.).

Другіе пересказы умножаютъ встрѣчи Владимировыхъ послевъ до послѣдней — съ матерью. Число ихъ въ цѣльныхъ былинахъ (Гильф. № 180 не кончена) колеблется: ихъ *дѣть* (Гильф. № 213, Ефименко № IX: *портмойница*, мать), *три* (Гильф. № 152: *портмойницы*, калачница, матушка; такъ, вѣроятно, и въ тождественномъ пересказѣ у Рыбн. I, № 49 и у Гильф. № 159, гдѣ при первомъ опредѣленіи, несомнѣнно, пропускъ: я не Дюкова матушка; Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230: колачница, бажатушка, матушка; Гильф. № 225: *портмойницы*, божатушка, матушка; Ефименко № IV: служаночки, *портмойницы*, матушка), *четыре* (Рыбн. I, № 48: *рукомойница*, *портмойница*, *стольница*, матушка; Рыбн. II, № 29: работница, *портмойница*, нянюшка, матушка; Рыбн. III, № 31: коровница, хлѣбница: «я на Дюка хлѣбы пеку», наложница, матушка; Гильф. № 85: *рукомойница*, *судомойница*, *стольница*, матушка; Барсовъ I. с.: *портмойница*, *постельница*, *стольница*, матушка), *пять* (Рыбн. II, № 28: *портмойница*, *постельница*, *стольница*, *чашница*, матушка; Рыбн. II, № 30: халуница, *рукомойница*, *постельница*, *колашница*, матушка) и *шесть* (Гильф. № 9: коровницы, *портмой-*

ницы, постельницы, колачницы, горничны, матушка). — Любовь къ трючности, обнаруживаемая русской народной поэзіей, даетъ право предположить, что первоначально встрѣчь было *три*: мать являлась послѣдней, первой, можетъ быть, портомойница, встрѣчающаяся на этомъ мѣстѣ въ восьми пересказахъ (Гильф. № 152 = Рыбн. I, № 49; Гильф. № 159, 180, 213, 225; Рыбн. II, № 28, Барсовъ I. с., Ефименко № IX; отсюда уже: рукомойница, судомойница); за тѣмъ нѣкоторую устойчивость на второмъ мѣстѣ обнаруживаетъ *божатушка* (Рыбн. III, № 29, Гильф. №№ 225 и 230) ¹⁾.

Встрѣчи описываются либо такъ, что послы находятъ Дюкову мать и ея прислужницъ сидящими каждая въ отдѣльныхъ покояхъ (Рыбн. I, № 48, Гильф. № 85), либо шествующими изъ церкви (Рыбн. II, № 30, Гильф. № 9); въ большинствѣ пересказовъ (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, №№ 28, 29; III, № 29, 31; Гильф. № 159, 213, 225, 230) первыя встрѣчи совершаются въ покояхъ, и лишь мать Дюка объявляется на пути отъ обѣдни. — Добрыня

доспросился Дюковыхъ палатъ бѣлокаменныхъ,
И идетъ въ его теремъ златоверховатый.
И точно, правду хвасталъ Дюкъ Степановичъ:
На небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
На небѣ мисецъ, и въ теремѣ мисецъ.
И сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ серебрѣ;
И приходитъ онъ и поклоняется:
«Здравствуешь, Дюкова матушка!»

¹⁾ Сл. былины о князѣ Романѣ: наѣхали Татары, ищутъ княгиню Марью Юрьевну, встрѣчаютъ ея *портомойницу* и стали её бить; она отвѣчаетъ:

Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина протомойница.

Вторая встрѣча съ *ключницей*; княгиня выдаетъ себя сначала за свою *постельницу*. Кир. V, № 2, стр. 96—99; сл. Якушкинъ, Русскія пѣсни (СПБ. 1860), № II, стр. 66—68.

Она отвѣчаетъ ему :

— Я не Дюкова матушка,
Я Дюкова работница;
Ступай туды во второй покой. —
Приходитъ во второй покой:
Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ золотѣ;
Онъ опять и покланяется:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»

И женщина отвѣчаетъ ему:
«Я не Дюкова матушка,
Я Дюкова портомойница;
Ступай впередъ въ третій покой. —
Приходитъ онъ въ третій покой:
Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ жемчугѣ;
Онъ опять и покланяется:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»

Женщина ему отвѣчаетъ:
«Я не Дюкова матушка,
А я Дюкова нянюшка;
Да есть этихъ женщинъ, какъ я, въ нашемъ городѣ,
Да всѣмъ тебѣ не навлянутся;
А Дюкова матушка къ обѣдни ушла.
Поди къ обѣдни воскресныя,
Да смотри, да всякому не кланяйся:
Когда пройдутъ мятельники изъ церкви,
Да пройдутъ лопатники изъ церкви,
Тогда Дюкову матушку
Ведутъ дѣвнцы подъ руки:
Она вся въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ.
И тогда пошелъ Добрыня Никитѣвичъ
Къ обѣдни воскресныя,
И стоитъ онъ у церкви у соборныя;
И пошли народъ отъ обѣдни отъ воскресныя,
И народъ идетъ, кто въ шелку,
Кто въ золотѣ, кто въ серебрѣ,
Кто въ серебрѣ, кто въ жемчугѣ,
Да пошли и мятельники,
Да пошли и лопатники,

Позадѣ Дюкову матушку
 Ведутъ дѣвицы подѣ руки;
 И покланяется Добрыня Дюковой матушкѣ:
 «Здравствуй, Дюкова матушка!»
 — Здравствуй, удалый добрый молодецъ!

(Рыбн. II, № 29). — У Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225, 230, прислужницы Дюковой матери сидятъ въ теремахъ; отѣхавъ отъ одного Добрыни просыпаетъ въ полѣ ночь темную, и затѣмъ уже доѣзжаетъ до другого; въ № 31 ib. теремовъ тридцать три, «вершки свиваютъ въ одно мѣсто». — Появленіе Дюковой матери описывается съ особою торжественностью: её ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею, «вся она обвѣшана бархатомъ, чтобы не запекало её солнце красное» (Рыбн. II, № 28), либо надъ нею несутъ подсолнечники-зонтики (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230; Рыбн. II, № 30). Она принимаетъ пословъ и угощаетъ ихъ, при чемъ обыкновенно общее мѣсто Чурилина хвостовства: одинъ калачикъ съѣшь, другого хочется, другой съѣшь, по третьемъ душа горитъ. — Узнавъ о цѣли приѣзда, мать ведетъ оцѣнщиковъ по кладовымъ, погребамъ и клѣткамъ, и они принимаются переписывать: сбрую лошадиную (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, Гильф. № 9, 159), погреба глубокіе, въ которыхъ висятъ бочки съ золотомъ, серебромъ и скатнымъ жемчугомъ (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. III, № 31, Гильф. № 159), бочки «красна золота не держанаго», (Гильф. № 230), погреба съ «деньгой нехоженой» (Рыбн. III, № 29); сл. Рыбн. II, № 30. Къ предметамъ оцѣнки иные пересказы присоединяютъ еще: платья (Рыбн. II, № 28, 30), сапожную и сѣдельную клѣтки, амбары съ товарами заморскими (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225), коней (Рыбн. II, № 30, Гильф. № 230); въ 33-хъ теремахъ сидятъ Дюковы счетчики, казну сводятъ (Рыбн. III, № 31); либо: стоитъ семьдесятъ столовъ, у каждаго стола по три человѣка, на щетахъ ходятъ, казну принимаютъ; семьсотъ человѣкъ на красномъ золотѣ иконы пишутъ (Рыбн. II,

№ 28). — Встрѣчаются и баснословныя черты: послы идутъ на широкій дворъ:

А течеть тутъ *струйка золоченая*, —
А тутъ не могли они смѣты дать

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152: струйка золоченая). Сл. то-же у Гильф. № 159:

А по той же по Индѣи по богатой,
А по той-то по Корелы по проклятой,
Потекла рѣка да было съ золотомъ

(Гильф. № 9). У Гильф. № 213 мать идетъ къ погребамъ,

Вынимать она *три камешка* съ погребовъ глубокѣихъ,
«Ай-же вы господа мои общѣннички!
Можете-ль этимъ камешкамъ цѣны тутъ дать?»
Да когда отъ тнихъ вѣдь тутъ камешковъ
По всему по городу по Галичи
Всякѣи огни горя, лучи пекутъ,
Ѣны господа да тутъ общѣннички,
Ѣны стали тутъ да пороздумались,
А ѣ не могутъ они да тутъ цѣны вѣдь дать,
Еще что стоять этии три камешка.
Говорить тутъ Дюкова-то матушка,
А ѣ честна вдова Офимья Тимоеевна:
«А ѣ же вы господа да тутъ общѣннички!
Ужъ что вы стали подроздумались?
Неужоль вы не можете цѣны тутъ дать?
А ѣ надо не эдакъ Дюковы животы цѣнить:
Когда не можете трехъ камешковъ цѣнить,
Дакъ не дорого вы стоите господа общѣннички,
А ѣ общѣннички да стошно-кѣевски!»
Говорятъ господа вѣдь тутъ общѣннички:
«А ѣ же ты вѣдь Дюкова есть матушка,
А ѣ честна вдова Офимья ты Тимоеевна!
А ѣ не можѣмъ тутъ мы цѣны-есть дать
Твоимъ-ли этимъ тутъ камешкамъ,
Негдѣ оцѣнить намъ вѣдь Дюковы животы,
А ѣ велики вѣрно что у Дюка животы.

Какъ намъ спродать надо весь городъ Кіевъ-отъ,
 А ещё семь разъ спродать ёго повыкупить,
 Накупить бумаги да черниловъ-то,
 То не хватить намъ у Дюка животовъ уписать».

Этимъ характернымъ признаніемъ: что если продать Кіевъ, либо Кіевъ и Черниговъ, да купить бумаги (чернилъ и перьевъ) для описи Дюковыхъ животовъ, то бумаги не хватить — этимъ признаніемъ обыкновенно кончается эпизодъ «оцѣнки» (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. II, № 28, 30; Гильф. № 159; сл. еще Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225, 230). Похвальба Дюка еще разъ оправдалась; но ему въ Кіевѣ, очевидно, дѣлать нечего: лишь у Рыбн. II, № 30 заключеніе такое:

Туть-то узнали молодого боярина
 По всемъ землямъ, по всемъ ордамъ;
 Туть-то сталъ вездѣ поѣзживать
 Со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ,
 Со братцемъ крестовнымъ.

У Ефименка № IV Дюкова матушка посылаетъ Ильѣ съ оцѣнщикомъ — Дюковы «сапожки обродочки»:

Туть Дюкъ съ Осударемъ поназванились,
 Поназванились, покрестовались.

Въ другихъ пересказахъ Дюкъ уѣзжаетъ во свояси (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225), раздавъ по монастырямъ свое цвѣтное платье (Рыбн. II, № 28), не смотря на приглашеніе Владимира — остаться и — торговать во весь вѣкъ безошлинно (Рыбн. I, № 49 = Гильф. 152, 159). У Гильф. № 230 онъ говорить на отъѣздѣ Владимиру:

«Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
 Какъ вѣдь съ ўтра солнышко не спекло,
 Похъ вечеръ солнышко не огрѣ.
 На пріѣздѣ молодца ты не учостоваль,
 А теперь на поѣздѣ не учостовать,
 А будь-ко свинья да ты безшорстная!»

Полагаю, что то-же значеніе имѣеть и его рѣчь къ князю въ Гильф. № 213, хотя издатель и толкуеть её какъ приглашеніе Дюка Владимиру — пріѣхать къ нему въ гости :

«А й гóсти Владиміръ стоино-кíевски!
Ты гóсти-тко князь да на ту-же честь,
А й на ту-же честь какъ и меня употчиваль!»

Особое, очевидно, не традиціонное окончаніе представляетъ прозаическій пересказъ былины у Рыбникова I, № 50, которымъ, по причинѣ его сказочнаго характера, мы до сихъ поръ и не пользовались. Дюкъ носитъ здѣсь имя Юнка; Владиміръ съ Чурилой, князьями-боярами и приказными ѣдутъ его «животовъ общѣнивать». — «Пріѣхалъ князь Владиміръ и дивится Юнкову дому: такого дому нигдѣ не видано. Взялъ его Юнка, и за руку, и ведеть въ палаты — инъ половицы въ полу стеклянные, подъ ними вода течеть, вовъ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя; а хлеснетъ рыба хвостомъ, половица точно треснетъ. Упирается князь, боится ступать по половицамъ; однакожь ведуть, такъ надо итти». Такъ въ сказаніяхъ о Соломонѣ царяца Савская не рѣшается вступить въ воду — стеклянный полъ, на которомъ стоитъ престолъ Соломона. — «Сѣли за столъ, ѣли такія яствія, какихъ не слыхано, пили питья, какихъ не видано. Послѣ столованья спрашиваетъ князь Владиміръ: Гдѣ-же мои подъячип? — Привели подъячихъ, такъ они высохли, какъ щепочки, съ тоски, что не могли общѣнить одного сѣдла тридцать человекъ. Посмотрѣлъ на сѣдло князь и сказалъ: Кто сѣдло наладилъ, тотъ только и общѣнить можетъ. — Попался князь въ услуженіе Юнкѣ (по условію заклада?), а Юнка говоритъ ему: «Мнѣ твоей службы не надо, у меня своихъ животовъ много, а ты поѣзжай домой, да соблюдай, чтобы впредь у васъ чужаго человекъ незнакомаго въ домѣ не обижали».

Повторимъ въ заключеніи разбора пѣсни о Дюкѣ, что не всѣ пересказы сохранили её въ полности, иные ограничились запомнаніемъ одного или другаго ея эпизода. Такъ № 128 Гильф.

знаетъ лишь скачку Дюка съ Чурилой, которая приурочена къ обычной похвальбѣ богатырей на княжескомъ пиру; наоборотъ, Гильф. № 243 выдѣлилъ описаніе чудесъ Дюкова царства, къ которому придѣлалъ небольшой запѣвъ:

Кого нѣтъ сильнае да могучѣе?
Старика Пльи да Пльи Муромца.
Кого нѣтъ славнѣе да богатѣе?
Молодца-то Дюка да Степанова:
Дворъ у Дюка на семи верстахъ,
Да кругомъ двора да всё булатнѣй тынъ,
Столбыи были точенне,
Да точенне да золоченне,
Да на важномъ столбичку по маковки,
Маковки ты были мѣднне,
Дорогою мѣдью всё казарскіе,
Да пекутъ лучи да солннопечнне
По тому по городу по Галицѣ,
Да по той Волянъ-земли богатне.
Да ещё у Дюка у Степанова
Ворота были вольячнне,
Подворотенки были хрустальнне,
Надворотенки да дорогъ рыбей зубъ.
Да еще у Дюка у Степанова
Надъ воротами да надъ широкима
Да стоя у Дюка чудны образы,
Да горя свѣчи неугасимне.
Да еще у Дюка у Степанова
Да стоять три церкви три соборнне:
Да на каждой церкви по три маковки,
Маковки ты были мѣднне,
Дорогою мѣди всё казарскіе,
Да пекутъ лучи да солннопечнне
По тому по городу по Галицѣ,
Да по той Волянъ-земли богатне.
Да во перву церкву соборную
Туда ходитъ Дюкова-то матушка,
Да во другу церкву соборную
Туда ходитъ Дюкъ Степановичъ,

А во третью церкву соборную
 Туда ходитъ дружина-та Дюкова.
 Да еще у Дюка у Степанова,
 Среди двора его широкаво,
 Да стоятъ три терема высокіе,
 Да высокіе да златоверхіе.
 Да во первомъ тереме высокіемъ
 Да живётъ тутъ Дюкова-та матушка,
 А во другомъ тереме высокіемъ
 Да живётъ тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ,
 Да во третьемъ тереме высокіемъ
 Да живётъ дружина тутъ вѣдь Дюкова.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Среди двора того широкаго
 Да стояли погребы глубокіе;
 Да во эти погребы глубокіе
 Бочки спущены да на тетивочкахъ,
 Да во эти погребы глубокіе
 Да провѣдены да трубы мѣдные,
 Трубы мѣдные да изъ чиста поля.
 Да повіють вѣтры со чиста поля
 Да во эти трубы да во мѣдные,
 Да во эти погребы глубокіе,
 Въ погребахъ тамъ бочки зашатаются,
 Оттого ли пиво да не затыкается ¹⁾.

¹⁾ Этотъ отрывокъ былины выдѣленъ изъ типа, представляемаго цѣльной пѣсней у Ефименка, Матеріалы № IV: именной заповѣвъ, описаніе Дюкова царства — и просьба Дюка къ матери благословить его съѣздить въ Кіевъ.

Начало:

Нѣту на силу Самсонову,
 Что того-же Самсона Колыбанова,
 Нѣтъ на счастье Осударя Ильи Муромца,
 На вѣжество Добрынюшки Никитича,
 На ярость Олешеньки Поповича,
 На имѣнье Садка-кушца богатаго,
 На злату казну Дюка сына Степанова.
 Какъ у Дюка дворъ на семи верстахъ и т. д.

Сл. ib. № IX: былина прямо начинается описаніемъ Дюкова царства; испорченный варьянтъ, въ которомъ три боярина щипать съ Дюкомъ, а онъ скачетъ въ запуски съ Ильей, Добрыней и Алешей: не могли они перескочить черезъ рѣку, «Тутъ де они и уходилися». Сл. выше стр. 160.

Обособленное такимъ образомъ описаніе Дюкова царства, съ его дворомъ, тремя церквами и тремя теремами, напоминаетъ подобныя же черты малорусскихъ колядокъ съ ихъ тремя крестами, церквами, окнами и т. п. («Зѣлёный дворъ, — Мѣдныя вѣроты, — Подвѣротнички, — Рыбьи костѣчки и т. п.¹⁾ — какъ Дюкова скачка находить себѣ знаменательную параллель въ томъ-же мотивѣ колядокъ малорусскихъ и румынскихъ. Былевья, балладныя пѣсни могли пѣться въ пору народныхъ, годовыхъ или бытовыхъ празднествъ; ихъ отзвуки и теперь слышны въ брачныхъ и рождественскихъ напѣвахъ Грековъ, Румынъ, Болгаръ, Южноруссовъ; излюбленные въ колядкахъ мотивы скачки и чудесныхъ чертоговъ, можетъ быть, — обобщившіеся отзвуки этихъ пѣсенъ, либо поддержаны были ихъ древнею популярностью.

II.

Дюкъ Степановичъ — пріѣзжій богатырь; онъ даже не остана въ Кіевѣ, какъ напр. Чурила, и я считаю древнимъ то заключеніе былины, гдѣ Дюкъ, недовольный пріемомъ Владимира, уѣзжаетъ во свояси, что не помѣшало ему въ позднейшемъ синкретизмѣ эпоса такъ-же постоянно примкнуть къ Кіеву, какъ Чурилѣ и Ивану Гостиному сыну. — Онъ — «бояринъ», «княженецкій сынъ» (Рыбн. I, № 48, vv. 290, 292); его имя — Дюкъ, несомнѣнно, византійское *Δούκας*, извѣстное какъ титулъ, а затѣмъ какъ родовое и — собственное имя. Сл. въ поэмѣ о Дигенисѣ Андроника Дука, на дочери котораго женится отецъ Дигениса²⁾; Дука, отца Дигенисовой жены³⁾; сербск. болг. дукъ = дождь; Дукадинъ = ducatus = Герцеговина; мальчика

¹⁾ Опытъ описанія Могилевской губерніи, подъ ред. Дембовѣцкаго, стр. 531.

²⁾ Sathas et Legrand, p. 6; сл. Lambros l. c. p. 129, v. 405.

³⁾ Sathas et Legrand, p. 92, 98.

Докадиче сербскихъ и болгарскихъ пѣсенъ ¹⁾. — Дукъ перешель въ имя собственное, какъ Девгеній и Акритъ заслонили въ томъ-же значеніи собственное имя Василя въ старо-русской повѣсти о Девгеніи.

Откуда пріѣзжаетъ Дюкъ? Изъ Индіи, Волынца Галицкаго, Корелы. Эти противоположныя указанія, служащія теперь къ обозначенію чего-то неопредѣленно далекаго, надо помирить. Корела — если только это имя не испорчено изъ другого (сл. корлязей нашей лѣтописи; корлязей = каролинговъ = франковъ вставки въ нѣкоторыхъ текстахъ Слова Данила Заточника) — можетъ принадлежать лишь сѣверу и предполагаетъ, во всякомъ случаѣ, Корелу, какъ что-то еще мало-извѣданное, темное, иначе её не употребили бы для обозначенія чудесной дали. — Въ Кіевъ пѣсня о поѣздкѣ Дюка могла быть занесена изъ Галича, торговаго центра въ XII-мъ вѣкѣ, ведшаго, между прочимъ, обширную торговлю и съ греческими колоніями Черноморья. Дюкъ, стало быть, оттуда и пріѣзжалъ — объяснили себѣ пѣвцы, и этотъ географическій фактъ внесенъ былъ въ былинку, когда она переселилась въ Кіевъ и пристала къ князю Владимиру. Относилось-ли имя Дюка = Δούκας къ этому этапу пѣсни или принадлежитъ еще болѣе древнему — это вопросъ лишній и для насъ не существенный. Древняя, до-Кіевская пѣсня во всякомъ случаѣ не знала Владимира, вмѣсто котораго стоялъ какой-нибудь другой царь, и ея молодець = Дюкъ пріѣзжалъ издалека: изъ Индіи. Съ переходомъ былины изъ Галича въ Кіевъ присталъ къ Индіи Волынецъ, въ дальнѣйшемъ перенесеніи на сѣверъ, къ тому и другому — еще и Корела. Спутанность географическихъ обозначеній, замѣчательная своею выдержанностью, указываетъ, можетъ быть, на пути, по которомъ чуждая пѣсня двигалась съ юга въ Кіевъ и далѣе — на сѣверныя окраины. Судя по молчанію нашей начальной лѣтописи именно о Корелѣ ²⁾, слѣдуетъ предположить, что внесеніе ея въ нашу былинку могло совершиться уже

¹⁾ Сл. напр. въ сборникѣ Качановскаго МѢ 151—155.

²⁾ Н. Барсовъ, Очерки Русск. Истор. Географіи, стр. 49, 57—8.

на сѣверѣ. Повліяли-ли на то баснословныя представленія о чудесной Біарміи норманновъ — я сказать не рѣшусь.

Дюкъ, или кто-иной, названный впоследствии Дюкомъ, пріѣзжалъ, стало-быть, первоначально изъ «Индіи богатой», изъ страны чудесъ и баснословнаго богатства, какою представляло её себѣ воображеніе средневѣковаго человѣка¹⁾, настроенное извѣстнымъ Пославіемъ пресвитера Іоанна, взстари переведеннымъ чуть-ли не на всѣ европейскіе языки, между прочимъ и на русскій. На значеніе этого памятника для объясненія «Индіи богатой» «Дюковой матушки» давно было указано въ нашей литературѣ; въ послѣдній разъ г. Баталинымъ²⁾. Я думаю остановиться на этомъ вопросѣ подробно.

Эпистоля пресвитера Іоанна къ императорамъ Фридриху I либо Эммануилу объявилась въ XII-мъ вѣкѣ³⁾. Общественныя, политическія и религіозныя неурядицы этого и предшествовавашаго столѣтія неволью вызывали утопію блаженной, а потому далекой страны, гдѣ всѣ люди нравственны и не нуждаются, гдѣ нѣтъ и той распри, въ которой терзалось и крѣпло средневѣковое сознаніе: распри церкви и государства. Эту страну

¹⁾ Сл. Kunstmann, Die Kenntniss Indiens im 15 Jahrhundert. 1863.

²⁾ Н. Баталинъ, Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. Воронежъ, 1876.

³⁾ Сл. замѣчательныя изслѣдованія Царнке: De patriarcha Johanne quasi praecursore presbyteri Johannis (1875 г.); Quis fuerit qui primus presbyter Johannes vocatus sit, quaeritur (1875 г.); De epistola, quae sub nomine presbyteri Johannis fertur (1874 г.; цитируется далѣе: Epist.); De epistola Alexandri papae III ad presbyterum Johannem (1875 г.); De rege David filio Israel filii Johannis presbyteri (1875 г.). — Всѣ указанные выше ММ явились, какъ программы Лейпцигскаго университета. Сл. того-же автора: Der Priester Johannes, zweite Abhandlung, enthaltend Capitel IV, V und VI, изъ 8-го тома Abhandlungen der philol. hist. Classe d. kön. Sächs. Gesellschaft d. Wissenschaften. Leipz. 1876 (цитируется далѣе: Presb. Johann.); Ueber eine neue, bisher nicht bekannt gewesene lateinische Redaction des Briefes des Priester Johannes, въ Berichte über die Verhandlungen der kön. Sächs. Gesellsch. d. Wiss. zu Leipzig. Philol. hist. Classe, XXIX B. (1877), p. 111—156. — О пресвитерѣ сл. также соображенія Бруна въ Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin, XI B., 4—5 Heft, стр. 279 слѣд. (Die Verwandlungen des Presbyters Johannes). — Брошюра G. Brunet, La légende du prêtre Jean (Bordeaux, 1877), лишена всякаго значенія.

помѣстили въ Индіи, о чудесахъ которой ходили древніе рассказы: уже Ктезій, Димахъ, Мегасеенъ и, позднѣе, Псевдокаллисеенъ населили её пигмеями, грифами, чудовищными народами, помѣстили въ ней золотой источникъ, камень-пантарбъ, дѣлающій невидимкой, муравьевъ, собирающихъ золото и т. п. Съ другой стороны вѣсти Мегасеена о Брахманахъ и Сарманахъ, свѣдѣнія о святой жизни брахмановъ-гимнософистовъ, распространенныя Мегасееномъ, Филостратомъ, Палладіемъ и Псевдокаллисееномъ, смѣшались съ смутной памятью о христіанахъ въ Индіи — и сложилось представленіе о далекомъ христіанскомъ царствѣ, гдѣ люди блаженствуютъ, не зная ни лжи, ни татьбы, ни разврата, гдѣ земля всё даетъ въ изобиліи, а всѣмъ править могучій властитель, пресвитеръ и царь въ одномъ лицѣ: пресвитеръ Іоаннъ. — Обстоятельства времени дали этой утопіи значеніе жгучаго памфлета: Востокъ подвигался на Европу, предвѣстіе крестовыхъ походовъ — и ожиданій, что тамъ, гдѣ-то далеко, есть великое царство христіанъ, которое, въ минуту опасности, явится на помощь своимъ единовѣрцамъ. — Эпистолія пресвитера къ европейскимъ монархамъ, наполненная описаніемъ чудесъ и нравственнаго и матеріальнаго благоустроенія его царства, кончалась увѣреніемъ, что онъ, во главѣ несмѣтнаго войска, прійдетъ поклониться Гробу Господню и постоятъ за святое дѣло.

Эти грезы надолго овладѣли умами: путешественники искали пресвитера въ глубинѣ Азіи и нерѣдко находили его — путемъ безсознательнаго или сознательнаго отождествленія; фантастическіе рассказы Елисея (XII в.), Мандевиля (1356), Іоанна Witte de Hese (1389) — всецѣло коренятся въ представленіяхъ эпистоліи.

Presbiter Johannes sum, dominus dominantium, говоритъ о себѣ пресвитеръ ¹⁾, et praecello in omnibus divitiis, quae sub

¹⁾ Текстъ сообщается по изданію Zarncke, Epist.; отмѣны противъ основнаго текста, представляемыя позднѣйшими редакціями, каждый разъ цитуются подъ сиглой, установленной издателемъ.

caelo sunt, virtute et potentia omnes reges universae terrae. Septuaginta duo reges nobis tributarii sunt. . . . In tribus Indiis dominatur magnificentia nostra, et transit terra nostra ab ulteriore India, in qua corpus Sancti Thomae requiescit, per desertum et progreditur ad solis ortum, et redit per declivum in Babilonem desertam juxta turrim Babel. — Слѣдуетъ описаніе чудесъ фауны и звѣрообразныхъ народовъ, обитающихъ въ Индіи; редакція С прибавляетъ къ этому перечню и народы, заключенные Александромъ Великимъ, во главѣ ихъ: Гогъ и Магогъ. Ista nempe et alias multas generationes Alexander puer magnus rex Macedonum conclusit inter altissimos montes in partibus aquilonis. Quas cum volumus ducimus super inimicos nostros et datur eis licentia a majestate nostra, quod eos devorent, et continuo nullus hominum, nullum animalium remanet, quin statim devoretur. Inimicis namque devoratis, reducimus eas ad propria loca. Et ideo reducimus, quia, si absque nobis reverterentur, omnes homines et universa animalia, quae invenirent, penitus devorarent. Istae quidem pessimae generationes ante consummationem saeculi tempore Antichristi egredientur a quatuor partibus terrae et circuibunt universa castra sanctorum et civitatem magnam Romam. . . . Nec mirum, quia numerus earum est sicut harena, quae est in litore maris, quibus certe nichil resistere potest. Hae vero generationes, sicut quidam propheta prophetavit, propter suas abominationes non erunt in judicio, sed deus deorum mittet super eas ignem de caelo, et ita consummabit eas, quod nec etiam cinis ex his remanebit.

Это — извѣстное преданіе Псевдокаллисѳена (Müller, С, III, 26; ВС, III, 29) о томъ, какъ по молитвѣ Александра Великаго двѣ горы, «сосцы Борея», сошлись на разстояніи десяти футовъ, которое онъ велѣлъ задѣлать мѣдными вратами и залить составомъ, предохранявшимъ ихъ отъ дѣйствія огня и желѣза. За этими вратами онъ заперъ, будто-бы, нечистые народы, питавшіеся всякою нечистью и падалью и грозившіе стать гибелью землѣ; въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ Гогъ и Магогъ

(или: Гогъ и Магогъ). — Преданію этому суждено было играть значительную роль въ христіанской эсхатологіи ¹⁾, гдѣ заключенные Александромъ народы, вырвавшись изъ-за горъ, являлись Божьимъ бичемъ, предвѣстниками приближающейся кончины міра. Пока они находятся подъ властью Пресвитера: такъ въ редакціи С эпистоли и въ ея различныхъ отраженіяхъ. Chronicon Tigonense говоритъ подъ 1227 г. о Давидѣ, баснословномъ потомкѣ Пресвитера: *ex alia parte Acconensis episcopus publice praedicabat, quod David rex utriusque Indiae ad Christianorum auxilium festinabat, adducens secum ferocissimos populos, qui more belluino Sarracenos sacrilegos devorarent* ²⁾. У Жуанвилля ³⁾ Гогъ и Магогъ помѣщены у предѣловъ Пресвитерова царства, за непроходимыми скалами: «*et disoient (li Tartarin) que léans estoit enclos li peuples Got et Margoth, qui doivent venir en la fin dou monde, quant Antecriz venra pour tout destruire*»; то-же у Марко Поло: «*et sachiés que en ceste provence estoit le mestre seje dou Prestre Johan . . . et ce est le leu, qe nos apellon de se en nostre païs Gogo et Magogo; mès il l'apellent Ung et Mungul*» ⁴⁾. У Иоанна Witte de Hese — Гогъ и Магогъ локализованы во владѣніяхъ Пресвитера: *et dicitur, quod ibidem sunt Gog et Magog, conclusi inter duos montes* ⁵⁾. — Эти горы, сошедшіяся и имѣющія когда-то разойтись, повели къ образу толкущихся горъ: въ нѣмецкомъ текстѣ Мандевилля ⁶⁾: *Man findet da zcu lande etzlich gebirge, das sere hoch ist, unnd das eyn gebirge gegin dem andern zcu stosset, unnd das mer umb slichet nyder das*

¹⁾ Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, стр. 293, 299, 303—4, 310, 313 и прим. на стр. 313—314 и passim; I, II, стр. 51—2, 64, 73 прим., 75. Сл. также мои Запѣтки по Литературѣ и народной словесности I, стр. 84—5. Новое изслѣдованіе о библейскомъ Магогѣ сдѣлано было Лепортомъ въ *Muséon*, t. I, № 1, стр. 9—48 (1882 г.).

²⁾ Zarncke, Presb. Johann., p. 9.

³⁾ ib. p. 84.

⁴⁾ ib. p. 110.

⁵⁾ ib. p. 171.

⁶⁾ ib. p. 149.

gebirge gar ferre und dringet sich hindurch unnd dar zewschen; und das ist so gruwelich, das keyn schiff von eyme gebirge an das ander mag, unnd dy leute hyczu unnd darzcu horen eyns das ander unnd ire hunde unnd ire pferdt unnd ire hanen unnd ire geschreige unnd mogen doch nymmer zcusammene kommen, wy wol sy sich horen und gesehn unnd zcu sammene ruffen unnd reden kegn eynander, unnd meynet man, das dy czwey gebirge eyn berg sint gewest unnd eyn landt unnd eyne sprache, bis das das grosse mer von Indien mit gewalt dy gebirge durchdrungen hat unnd zwei werlt also von eynander gescheiden hat, dy nach eyne sprache haben unnd zcusammene mogen reden, so sy das gewinde, das das mer dy sluffe durch dringet, nicht hindert. Wenn sich dy sere wegen (Wan so es sere weet B), so mogen sy nicht gehoren».

Возвратимся къ тексту эпистоли: въ предѣлахъ Пресвитеровой Индіи течеть рѣка Ydonus, выходящая изъ рая (de Paradiso) и влекущая съ собою множество драгоценныхъ камней; есть и гора Олимпъ, unde fons perspicuus oritur, omnium specierum in se saporem retinens. Variatur autem sapor per singulas horas diei et noctis et progreditur itinere dierum trium non longe a paradyso, unde Adam expulsus est. . . . Ibi sunt lapilli, qui vocantur midriosi, quos frequenter ad partes nostras deportare solent aquilae, per quos rejuvenescunt et lumen recipiunt. Si quis illum in digito portaverit, ei lumen non deficit, et si est imminutum, restituitur, et quo plus inspicitur, eo magis lumen acuitur. Legitimo carmine consecratus, hominem reddit invisibilem, fugat odia, concordiam parat, pellit invidiam. . . .

Juxta desertum inter montes inhabitabiles sub terra fluit rivulus quidam, ad quem non patet transitus, nisi ex fortuito casu. Aperitur enim aliquando terra, et si quis inde transit, tunc potest intrare et sub velocitate exire, ne forte terra claudatur. Et quicquit de harena rapit, lapides preciosi sunt et gemmae, quia harena et sabulum nil aliud sunt nisi lapides preciosi et gemmae. Et rivulus iste fluit in aliud flumen amplioris magnitu-

dinis, in quod homines terrae nostrae intrant et maximam habundantiam preciosorum lapidum inde trahunt, nec audent illos vendere, nisi prius excellentiae nostrae demonstrent, et si eos in thesauros nostros vel ad usus nostros retinere volumus, data medietate precii accipimus.... Ultra fluvium vero lapidum sunt X tribus Judaeorum, qui quamvis fingant sibi reges, servi tamen nostri sunt et tributarii excellentiae nostrae.

Редакція С, внесшая въ текстъ эпистолиа эпизодъ о Гогѣ и Магогѣ, повторила-ли подробности, уже стоявшую въ древнемъ текстѣ? Разсказъ о десяти іудейскихъ колѣнахъ, живущихъ за песчаной рѣкою, куда проникнуть и откуда выйти можно лишь когда расходятся горы (aperitur enim aliquando terra — ne forte terra claudatur?) — явился-ли дублетомъ къ образу толкущихся горъ, заключившихъ Гога и Магога, которыхъ древніе памятники отождествляли именно съ десятью колѣнами Израильтянъ, либо помѣщали ихъ въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ? ¹⁾ Или слѣдуетъ предпо-

¹⁾ О легендарной локализациі десяти колѣнъ израильскихъ сл., между прочимъ, Fabricii, Cod. apocr. Novi Testam. II, 174 слѣд.; Eisenmenger, Entdecktes Judenthum, II, p. 732—42; Neubauer, La géographie du Talmud, p. 33—4, 299, 372, 386, 400 слѣд.; Israel Levi, La légende d'Alexandre dans le Talmud et le Midrasch (Revue des études juives, № 13, Juillet-Septembre 1883, p. 88); Graf, Roma nella memoria e nelle immaginazioni del medio evo, v. II, p. 544—8. — Еврейскія повѣрья говорятъ о героѣ изъ Іосифова рода, который, побѣдивъ на сѣверѣ Гога и Магога, освободить десять колѣнъ, томившихся въ ихъ сосѣдствѣ (сл. Beer, Welchen Aufschluss geben jüdische Quellen über den zweihörnigen des Koran, въ Zeitsch. d. d. Morgenländischen Gesellschaft, IX, 793). Древняя локализациа Гога и Магога на Кавказѣ, гдѣ Евреи удержались долгое время спустя по распаденіи Хазарскаго царства, могла поддержать въ христіанской средѣ предположеніе ихъ тождественности: въ IX в. Христіанъ Друтмаръ, извѣстный подъ названіемъ Корвейскаго грамматика, замѣчаетъ въ своей Expositio ad Matth. 24, что Gog и Magog — Гунны или Хазарскія племена, «quas Alexander conduxerat» — приняли, вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ, еврейскую вѣру (Bibl. P. P. Max. XV, 157 f.); Richerius Senonensis (Böhmer, Fontes rerum Germ. III 56, l. IV, c. 19) говоритъ о Татарахъ: Alii vero asserebant eos Judaeos illos esse, quos ferunt ab Alexandro Magno intra Caspios montes quondam fuisse inclusos. — Въ средневѣковыхъ памятникахъ отождествленіе либо географическое сближеніе десяти израильскихъ колѣнъ съ Гогомъ и Магогомъ встрѣчается не разъ; слѣдующія указанія собрались у меня нѣсколько случайно. Сл. Орозія l. III с. 7; Кельвскую хронику (Essard, Corp.

ложить въ нашемъ случаѣ отраженіе еврейской легенды, сложившейся уже на почвѣ апокрифической IV-й книги Ездры: о десяти колѣнахъ, переселенныхъ за Евфратъ и рѣшившихъ странствовать, пока не достигнутъ страны, куда никогда не заходила нога человѣческая, и тамъ въ чистотѣ хранить вѣру и обычаи предковъ? До этой страны они доходятъ послѣ полуторагодового пути, и оттуда они явятся въ концѣ дней, чтобы собраться вокругъ Мессіи. Легенда эта, повторенная въ *Sargmen Apologeticum* Коммодіана (с. XLII), нашла себѣ особое выраженіе въ повѣсти, о которой я поговорю при другомъ случаѣ: о «сынахъ Моисея», Рахманахъ = Рехавитахъ Зосимова Хожденія ¹⁾.

Quando procedimus ad bella contra inimicos nostros, продолжаетъ Пресвитеръ, XIII cruces magnas et praecelesas, factas ex auro et lapidibus pretiosis, in singulis plaustris loco vexillorum ante faciem nostram portari facimus, et unamquamque ipsarum secuntur X milia militum et C milia peditum armatorum, excerptis aliis, qui in sarcinis et curribus et in ducendis victualibus exercitus sunt deputati. Cum vero simpliciter equitamus, ante majestatem nostram praecedit lignea crux, nulla pictura neque auro aut gemmis ornata, ut semper simus memores passionis domini nostri Jesu Christi, et vas unum aureum plenum terra, ut cognoscamus, quia caro nostra in propriam redigetur origi-

Hist. Med. aev. t. I, p. 712, 713); Готфрида изъ Витербо, *Pantheon*, part. XI; Ranulphi Higden, *Polychron.* I. II, c. 34; Guilelmus de Rubruquis; неизданную еще Александрію Вилькина (*Gripon, I Fatti di Alessandro Magno*, p. 202); Генриха Нейстадскаго (*Von Gotes zuokunft*, ed. Strobl: vv. 5424—5: die roten Juden, das volc Gog — Amazones und Magog; vv. 5684—5: zehen der geslehte sint — Und kamen von Japhetes kint); Hugo von Langensteins *Martina* (hrgr. v. A. v. Keller, p. 484: Sun diu zehin gesleht wesin — Diu von Jacob kamen); *Der jüngere Titirel*, ed. Hahn, vv. 6057—60 (красные Евреи); *Libro de Alexandre*, строфа 1938 слѣд (сл. Morel Fatio, *Recherches sur le Texte et les sources du libro de Alexandre*, Romania XIII, p. 76—7); Мандевилля; Pecorone, *Giorn.* XX nov. 1 и *Vacon*, *Opus majus*, p. 100. Сл. еще Weissman, *Alexander*, II, 463—6; Liebrecht къ *Gervasius von Tilbury Otia Imperialia*, p. 95—6.

¹⁾ Сл. объ этомъ мою нынѣ печатающуюся работу объ источникахъ Сербской Александрин.

nem i. e. terram. Et aliud vas argenteum plenum auro portatur ante nos, ut omnes intelligant nos dominum esse dominantium. — Тѣ-же символическіе крестъ и сосуды упоминаются и въ повѣсти Елисея ¹⁾ и въ текстахъ Мандевилля ²⁾.

Palatium autem, quod inhabitat sublimitas nostra, ad instar et similitudinem palacii, quod apostolus Thomas ordinavit Gundoforo regi Indorum, in officinis et reliqua structura per omnia simile est illi. Laquearia, tigna quoque et epistilia sunt de lignis cethim. Coopertura ejusdem palacii est de ebena, ne aliquo casu possit comburi. In extremitate vero super culmen palacii sunt duo poma aurea et in unoquoque sunt duo carbunculi, ut aurum splendeat in die et carbunculi luceant in nocte. Majores palacii portae sunt de sardonii commixto de cerastis, ne aliquis latenter possit intrare cum veneno, ceterae ex ebena, fenestrae de cristallo. Mensae, ubi curia nostra comedit, aliae ex auro, aliae ex ametisto, columpnae, quae sustinent mensas, ex ebore. Ante palacium nostrum est platea quaedam, in qua solet justitia nostra spectare triumphos in duello. Pavimentum est de onichino, ut ex virtute lapidis animus crescat pugnantibus. — In supradicto palacio nostro non accenditur lumen in nocte, nisi quod nutritur balsamo. Camera, in qua requiescit sublimitas nostra, mirabili opere, auro et omni genere lapidum est ornata . . . Semel in die comedit curia nostra. In mensa nostra comedunt omni die .XXX. milia hominum praeter ingredientes et exeuntes. Et hi omnes accipiunt expensas singulis diebus de camera nostra tam in equis quam in aliis expensis. Haec mensa est de precioso smaragdo, quam sustinent duae columpnae de ametisto. Hujus lapidis virtus neminem sedentem ad mensam permittit inebriari. — Ante fores palacii nostri juxta locum, ubi pugnantes in duello agonizant, est speculum praecelsae magnitudinis, ad quod per .CXXV. gradus ascenditur. Gradus vero sunt de porfirifico, partim de serpentino

¹⁾ Presb. Johann., p. 126.

²⁾ I. c. p. 182—3 (Французскій текстъ), p. 135—6 (англійскій), 144 (латинскій), 150—1 (нѣмецкій).

et alabastro a tertia parte inferius. Hinc usque ad tertiā partem superius sunt de cristallo lapide et sardonico. Superior vero tertia pars de ametisto, ambrā, jaspide et panthera. Speculum vero una sola columpna innititur. Super ipsam vero basis jacens, super basim columpnae duae, super quas item alia basis, et super ipsam quatuor columpnae, super quas item alia basis et super ipsam .VIII. columpnae, super quas item alia basis et super ipsam columpnae .XVI., super quas item alia basis, super quam columpnae .XXXII., super quas item alia basis et super ipsam columpnae .LXIII., super quas item alia basis, super quam item columpnae .LXIII., super quas item alia basis et super ipsam columpnae .XXXII. Et sic descendendo diminuuntur columpnae, sicut ascendendo creverunt, usque ad unam. Columpnae autem et bases ejusdem generis lapidum sunt, cujus et gradus, per quos ascenditur ad eas. In summitate vero summae columpnae est speculum, tali arte consecratum, quod omnes machinationes et omnia, quae pro nobis et contra nos in adjacentibus et subjectis nobis provinciis fiunt, a contuentibus liquidissime videri possunt et cognosci. — Дворецъ этотъ находится въ Сузахъ.

Редакція В' (В^а, В^и) присоединила къ дворцу, описанному выше, второй, построенный отцемъ Пресвитера, Quasideus, согласно велѣнію, бывшему ему во снѣ: «Fac palatium filio tuo, qui nasciturus est tibi, qui erit rex regum terrenorum et dominus dominantium universae terrae. Et habebit illud palatium a Deo sibi talem gratiam collatam, quod ibi nullus esuriet, nullus infirmabitur, nullus etiam intus existens poterit mori in illa die, qua intraverit. Et si validissimam famem quis habuerit et infirmaverit ad mortem, si intraverit palatium et steterit ibi per aliquam moram, ita erit satur, ac si de centum ferculis comedisset, et ita sanus, quasi nullam infirmitatem in vita sua passus esset. — Quasideus велитъ построить дворецъ, in cujus compositione non sunt nisi lapides preciosi et aurum optimum liquatum pro cemento. Caelum ejusdem i^o. tectum est de lucidissimis saphiris, et clarissimi topazii passim sunt interpositi, ut saphiri ad

similitudinem purissimi caeli et topacii ad modum stellarum palatium illuminent. Pavimentum vero est de magnis tabulis cristallinis. Camera vero nec aliqua divisio est intra palatium. Quinquaginta columnae de auro purissimo ad modum acus formatae infra palatium juxta parietes sunt dispositae. In unoquoque angulo est una, reliquae infra ipsas locatae sunt. Longitudo uniuscujusque columpnae est LX cubitorum, grossitudo est, quantum duo homines suis ulnis circumcingere possunt, et unaquaeque in suo cacumine habet unum carbunculum adeo magnum, ut est magna amphora, quibus illuminatur palatium ut mundus illuminatur a sole.... Nulla fenestra nec aliquod foramen est ibi, ne claritas carbuncolorum et aliorum lapidum claritate serenissimi caeli et solis aliquo modo possit obnubilari.

Въ редакціи D описывается еще и третій дворець, quod fuit Pori, regis Indorum, de stirpe cujus omnia signa nostra et progenies descendit. In quo quidem pallacio multa sunt humanis mentibus penitus incredibilia. Ibi sunt columpnae aureae cum capitellis aureis, et vites aureae dependent inter istas columpnas, habentes folia aurea et ramos, alios de cristallo, alios de saphiris, alios ex margaritis, alios ex smaragdis.... In aula hujus pallacii sunt XX magnae statuae aureae et infra ipsas sunt totidem magnae arbores argenteae, velut luna lucidissima, in quibus omnia genera avium aurea, et unaquaeque habet colorem suum secundum genus suum, et sunt ita per artem musicam dispositae, quod tantum Porus rex volebat, omnes secundum suam naturam cantabant, et unaquaque parte singulariter. — Similiter praedictae statuae musicae ita sunt aptatae, quod ad voluntatem regis dulcius et suavius quam credi potest cantabant. Quod mirabilius est omni mirabili, more ystrionum videntur modis diversis jocari, et hinc inde torqueri. Quas nempe statuas et aves tam in hyeme quam in aestate, quando nobis placet, facimus cantare et jocare, dulcedo et suavitas cujus cantilenae tot et tanta est, quod auditores incontinenter obdormire facit et quodammodo extra mentes efficiuntur.

Описанія индѣйскаго царства, составленныя по Эпистоли, говорятъ о двухъ дворцахъ Пресвитера, причемъ первый дворецъ посланія, разнообразно видоизмѣненный, обыкновенно лежитъ въ основаніи новыхъ изображеній, а третья палаты редакціи D привлечены лишь нѣсколькими своими чертами.

Такъ у Елисея ¹⁾: первый дворецъ Пресвитера находится въ концѣ первой Индіи, въ Gamarga; второй — въ Селипѣ на Евфратѣ.

Civitas illa pulchra et habilis est, plena populo, undique circumdata est muro. Muri ejus 30 passus habent altitudinis, duos autem latitudinis. In eadem civitate summum *palatium* presbyteri Iohannis aedificatum est. Quod palatium a tempore Quasidei incoeptum est. Quasideus autem vocabatur, quia dicior erat aliis regibus et etiam major; idcirco vocabatur Quasideus. Ipse autem dominabatur super *duas et 70 civitates et provintias*; solium eius in eadem civitate erat. Qui dum quadam nocte in thalamo suo dormiret, relatum est ab angelo in sompnis, ut surgeret aedificare palatium filio suo, qui nasciturus esset ei in eodem loco, ubi beatus Thomas apostolus regi Gundafaro designaverat. Locus ille erat in civitate eadem. Ipse autem rex accessit et invenit magistros, et pervenit ad locum et ibidem iussit fieri palatium, cuius longitudo est 15 stadiorum, altitudo 500 cubitorum, latitudo 400. Est autem *quaedam columpna in medio palatii posita*, ex lapidibus preciosis, ex auro et ex omni metallo composita: exteriores lapides omnino porfiretici. Super columpnam illam sunt bases, super quas bases sunt 5 columpnae berillae, super quas 5 columpnas sunt aliae bases, super quas bases sunt aliae 10 columpnae ametistae, super quas 10 columpnas sunt aliae bases, super quas bases est quoddam pavementum ex saphiris compositum, ut animus ingredientium et egredientium revirescat nec valeat provocari ad aliquod malum. Supra praedictum pavementum sunt bases, super quas bases est quoddam aliud

¹⁾ Presb. Johann., p. 125 слѣд.

pavimentum, super quod pavimentum sunt aliae 15 columpnae smaragdinae, super quas columpnas sunt aliae bases, super quas bases est quoddam aliud pavimentum ex onichinis, in quo rex tenet consistorium propter honestatem lapidum. Et super ipsum pavimentum sunt aliae 20 columpnae lapidum topaticae. Ita vadunt ascendendo columpnae et bases et pavimenta usque ad 72 gradus ordinatim. alia vero parte palatii veniunt descendendo de gradu ad gradum usque ad inferiorem statuum, super quam omne palatium consistit. Super unamquamque columpnam positi sunt carbunculi ad modum amphorae, unde numquam dies ibi deesse poterit: semper adest ibi claritas, nulla obscuritas potest inesse palatio prae splendore preciosorum lapidum, qui in palatio sunt. In summitate autem palatii est quaedam columpna smaragdina, super quam sunt duo poma aurea et duo carbunculi. Poma fulgent in die, carbunculi in nocte. Est autem in inferiori pavimento quaedam alia columpna, composita ex onichinis et facta ad modum acus; inferior locus est subtilis, superior est grossus, et super ipsam columpnam carbunculus est positus, ex quo 10 milia hominum vident absque ullo lumine, qui comedunt ad mensam regis. Columpna illa, super qua positi sunt carbunculi, inferius est gracilis et superius grossa; nam si superius esset subtilis et inferius grossa, grossitudo illa inferior auferret splendorem superioris carbunculi, ut non adeo claresceret. Sunt etiam ibi tabulae iacinctinae et smaragdae et ametistae ex diversis materieis preciosorum lapidum. Ad quas tabulas astantes numquam inebriari possunt propter virtutes lapidum. — In eodem palatio sunt 12 ianuae, 8 sunt aureae, 4 ex lapidibus preciosis compositae et ex cornibus cerastinis. Per istas 4 ianuas homines ingrediuntur. Una posita est ad orientem, alia ad occidentem, altera ad meridiem, alia ad septentrionalem plagam. Si quis per orientalem vult ingredi, ibi est lapis tantae candiditatis, quod non posset pati introitum, nisi temperatus esset cum aliis lapidibus. Si quis per occidentalem vult ingredi, est ibi lapis tantae frigiditatis, quod non posset habere introitum, nisi temperatus

esset a custodibus palatii. Si quis per meridianam vult ingredi, bene potest, quia temperata est cum bonis lapidibus. Si quis per septentrionalem vult ingredi, ianua illa distemperata est, ita ut amitteret sensum et vires et omne bonum, quod in se est, ut loqui non valeret propter distemperantias lapidum. Unaquaeque istarum 4 ianuarum habet cornua cerastina, ut nullus cum aliquo veneno possit ingredi; alioquin cornua sudarent. Qui vero sic ingrederetur, mox deprehenderetur et iudicaretur secundum legem regis. — Est etiam ibi plateola, ubi *arbor aurea est cum ramis et foliis, super quam sunt aves aureae ex omni genere, quae apud Indos inveniuntur. Ipsa arbor concava est, et rami et folia. Ibi est etiam fovea, cui insunt folles fere 60 ex arte factae. Homines vero ingrediuntur foveam et inflant folles, et sic inflatur arbor et rami et folia, deinde inflant aves, et unaquaeque incipit cantare juxta genus suum.*

Въ текстахъ Мандевилля первый дворецъ Пресвитера находится въ Сузѣ (франц. текстъ: Suse, ркп. busse?; англ. текстъ: Suse, лат.: Suze, нѣм.: Suse); «il a aussi un moult bel palays a Nise (?), la ou il demeure, quant il luy plaist, mais l'air n'est mie du tout si atrempé comme il est ailleurs en tout son pays». — Латинскій текстъ помѣщаетъ въ числѣ прочихъ чудесъ Индіи еще дворецъ богатаго «Villanus», такъ называемый «райскій» ¹⁾.

По Johannes Witte de Hese ²⁾ городъ, въ которомъ живетъ Пресвитеръ, зовется Эдессой (Edissa). Et illa civitas est capitalis totius regni sui et est sita in superiori India in fine terrae habitabilis, et illa civitas est maior quam essent xxiii^{or} civitates Colonienses. Et habitacio presbiteri Iohannis est sita in medio civitatis, et habet bene in longitudine duo miliaria teutonica et eciam bene tantum in latitudine, quia est quadratum, et palacium stat super columnas, quarum sunt, ut dicitur, ix C in numero, et *media inter istas columnas est maior aliis*, et ad hanc sunt facti quatuor *magni gigantes* de lapidibus preciosis et deauratis,

¹⁾ Presb. Johann., p. 183, 146.

²⁾ Pr. Joh. стр. 165 слѣд.

stantes inclinatis capitibus subtus palacium, acsi portent totum palacium. Et ad quamlibet aliam columpnam sunt eciam factae ymagines, ad unam *ymago regis et ad aliam ymago reginae, habentes ludos et cyphos deauratos in manibus suis. Tunc ymago reginae habet cyphum aureum in manibus suis sibi propinando et sic econtra.* Et istae ymagines sunt de lapidibus preciosis deauratis. Et ita sub palacio est magnus transitus, ad quem populi multitudo convenit. Et ibidem fiunt iudicia spiritualia et saecularia omni die et concilia dominorum civitatis Item idem palacium custoditur omni nocte mille viris armatis. Item in palacio est unus pulcher ambitus, stans eciam super columpnas, ad quas sunt facti ymagines paparum et imperatorum Romanorum, qui fuerunt, et aliquarum reginarum, scilicet Helenae. Item ascendendo palacium sunt quingenti gradus veniendo ad primam habitationem, et in quolibet gradu sunt duo vel plures *leones viventes*, detenti ibidem. Et si aliqui haereticorum vel paganorum praedictos gradus ascenderent, a leonibus interficerentur, ut dicitur. Et istud palacium infimum vocatur «*palacium prophetarum*», quia omnes prophetae sunt ibidem facti de lapidibus preciosis et deauratis, et est ornatum pannis preciosissimis, et lanternis die ac nocte ardentibus. — Слѣдуютъ далѣе, постепенно возвышаясь по лѣстницѣ, еще нѣсколько покоевъ, носящихъ особое названіе каждый: *palacium patriarcharum, habitacio sanctarum virginum, habitacio sanctorum martirum et confessorum, chorus sanctorum apostolorum, chorus sanctae Mariae virginis et angelorum*: «ibi capella pulcherrima, et de mane omni die post ortum solis cantatur ibi missa de beata virgine solempniter. Et ibi est speciale palacium presbiteri Iohannis et doctorum, ubi tenentur concilia. *Et illud potest volvi ad modum rotae, et est testudinatum ad modum coeli*, et sunt ibidem multi lapides preciosi, lucentes in nocte, ac si esset clara dies. — Послѣдній, седьмой покой, названъ «*chorus sanctae Trinitatis*», et ibi est capella pulcherrima pulchrior aliis Et ista capella est nimis alta *testudinata, et est rotunda ad modum coeli stellati et transit*

circumeundo ad modum firmamenti et est pavimentata de ebureo, et altare est factum de ebureo et de lapidibus preciosis Et ibi prope est dormitorium presbiteri Iohannis, mirae pulchritudinis et magnitudinis et testudinatum et stellatum ad modum firmamenti; et ibidem est sol et luna cum septem speris planetarum, tenentes cursus suos ut in coelo, et hoc est artificialiter factum. Item ibi est speculum, in quo sunt positi tres lapides preciosi, quorum unus dirigit et acuit visum, alter sensum, tercius experientiam. Ad quod speculum sunt electi tres valentissimi doctores, qui inspiciendo speculum vident omnia, quae fiunt in mundo Item stat ibi magnus gygas, fortiter armatus; et dicitur, quod si aliquis inimicus intraret post occasum solis, quod gygas illum interficeret. Item supra isto septimo et ultimo palacio sunt xx turres mirae altitudinis et pulchritudinis deauratae, sub quibus totum palacium concluditur et tegitur. Et in isto ultimo palacio sunt etiam xxiii palacia seu camerae, quae possunt circumvolvi ad modum rotae. Et ita istud totum palacium habet septem habitaciones prius narratas, in quibus adhuc plura mirabilia et rara Item istud totum palacium est situm super uno flumine, quod dicitur Tigris, veniente de paradiso, de quo flumine proicitur aurum».

Обращаемся еще разъ къ показаніямъ Пресвитера: «Singulis mensibus serviunt nobis reges ·VII·, unusquisque illorum in ordine suo, duces ·LVII·, comites ·CCCLXV· in mensa nostra, exceptis illis, qui diversis officiis deputati sunt in curia nostra. . . . Quorum unusquisque singulis mensibus redeunt ad domum propriam per vices suas. Ceteri a latere nostro nunquam discedunt». — Въ концѣ посланія онъ снова возвращается къ своимъ служилымъ людямъ: «dapifer enim noster primas est et rex, pincerna noster archiepiscopus et rex, camerarius noster episcopus et rex, marscalcus noster rex et archimandrita, princeps cocorum rex et abbas». — Но и его мелкіе служилые люди — такіе-же большіе бары: редакція D рассказываетъ о мельницѣ на золотыхъ столбахъ съ жерновами изъ «adamante lapide», которые приводились

въ движеніе силою какого-то чудеснаго камня. Та-же сила заставляеть зерно подниматься на мельницу черезъ полу ю колонну, а муку спускаться такими-же жолобами въ пекарню, гдѣ она тотчасъ-же обращается въ хлѣбъ. «Pavimentum clibani est de topazio frigido, qui naturaliter est frigidus, ut caliditas pasti temperetur, alioquin panis non coqueretur sed combureretur, tantus est calor pasti. Longitudo hujus furni est XL cubitorum, latitudo XV. Hostia sunt hinc et inde X, et pro unoquoque hostio sunt X pistores, et unusquisque pistorum habet de beneficio furni possessiones quingentorum militum et alias divitias multas. Magister pistorum habet tantum quantum omnes pistores habent. Tot etiam sunt molendinarii, et omnes sunt in beneficio aequales cum pistoribus nostris».

Таковы рассказы о чудесахъ Индіи — въ эпистолиі и ея отраженіяхъ. Придите и посмотрите, говорилось въ заключеніи эпистолиі: «sed cum veneris ad nos, dices, quia vere sumus dominus dominantium universae terrae . . . Si potes dinumerare stellas caeli et harenam maris, dinumera et dominium nostrum et potestatem nostram». Иначе въ русскихъ пересказахъ ¹⁾: «аще хочеша вѣдати всѣхъ силъ моихъ и вся чудеса моего индѣйскаго царства, и ты продай свое царство греческое, да купи бумаги, да приѣдь въ мое царство индѣйское со своими книжники, и я дамъ списати чудеса индѣйскія земли, а не мога тебѣ списати моего царства и до исхода души своей». Нѣсколько иначе въ ркп. Ундольскаго: «И вы, послове, послушайте, да скажите своему царю Мануйлу греческому, да продайте свою землю греческую, да на то купите бумаги и чернилъ, на чемъ вамъ писать моя земля чудеса Индѣйская, да сядьте себѣ писати со всѣми своими

¹⁾ Русскіе тексты посланія напечатаны по разнымъ рукописямъ: Тихоновымъ, въ Лѣтоп. русской литературы и древности, т. II, Смѣсь, стр. 100—103; Баталнинымъ, Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ (Воронежъ, 1876), стр. 120—124; Хрущовымъ въ Пам. древней письменности, 1880, вып. III, стр. 11—15; начало у Пыпина, Очеркъ, стр. 91—2. — Въ приложеніи мы печатаемъ Посланіе по списку Кир. Бѣлоз. № 11/1088, XV вѣка.

книжники и скорописцы, ино вамъ не написать моей земли и чудесь до исхода души своей; и се не будетъ ваша земля съ бумагу и съ чернила, да пришедъ послужите моему чашнику, и вы будете богаты свыше царства своего»¹⁾. — Уже О. Миллеръ²⁾ обратилъ вниманіе на сходство этого заключенія съ такимъ-же въ былинѣ о Дюкѣ:

Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ
 На этп на бумага на гербовня,
 Да на чернила, перья продай оше Черниговъ градъ,
 Тогда можешъ Дюково имѣнье описывать.

Въ латинскомъ текстѣ заключеніе другое, и въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе вліяніе былины на русскіе пересказы Послания, чѣмъ обратное, предполагающее существованіе особаго текста эпистоли. То-же можно сказать и о другой подробности: Пресвитеръ награждаетъ своихъ людей «там de equis quam in aliis expensis». Мать Дюка посылаетъ ему «добрыхъ коней стадыстадами, шерстью разною» (Рыбн. II, № 30), Владимировы послы описываютъ ихъ въ царствѣ Дюковой матушки (Рыбн. I. с.; Гильф. № 230);

На дворѣ стоятъ столбы всё серебряные,
 Продернуты кольца позолоченны,
 Разоставлена сыта медвяная,
 Есть насыпана пшена бѣлая,
 Есть что добрымъ конямъ пить и кушати

(Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225). Сл. Рыбн. II, № 30 и Ефименко, Матеріалы № IV, стр. 17:

Во той во оградѣ булатныя
 Надѣланы были бойни-кузницы,
 Теплы конюшни стоялыя;

¹⁾ Баталинъ, I. с., р. 124.

²⁾ Илья Муромецъ, стр. 594—5.

Въ нихъ стоятъ жеребцы неѣзжалые,
 Пьютъ-то ѣдятъ траву шелковую,
 Запиваютъ водой свѣжей, ключевою.
 Во той-то оградѣ булатныя,
 Было триста столбовъ серебряныхъ,
 Четыреста было золоченыхъ,
 Мѣдныхъ и желѣзныхъ
 Числа смѣты нѣтъ.

Въ одномъ изъ древне-русскихъ текстовъ сказанія Пресвитеръ говоритъ: «да еще стоятъ среди моего двора 40 столбовъ серебряныхъ, позолоченныхъ, и во всякомъ столпѣ вковано по 40 колець, а у всякаго кольца привязано по 40 коней, а на тѣхъ коняхъ ѣздить со мною на всякую потѣху» ¹⁾).

За вычетомъ этихъ эпизодовъ все вообще содержаніе Дюковыхъ былинъ обличаетъ вліяніе Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ: Начну съ мелочи: съ описанія роскошной пекарни Пресвитера въ редакціи D, которая невольно напоминаетъ глумленіе Дюка за столомъ Владимира и его рассказъ о муравленыхъ печкахъ и шелковыхъ помелочкахъ! — Но намъ важнѣе уяснить себѣ общій планъ нашихъ былинъ по отношенію къ матеріаламъ эпистолиі.

Какой-нибудь византійскій пѣвецъ или рассказчикъ XII вѣка легко могъ представить себѣ, что греческій императоръ, лично или черезъ пословъ, пожелалъ удостовѣриться въ дѣйствительности чудесъ Индіи. Его герой не могъ-бы миновать на ея границахъ «горъ толкучихъ», которыя представились на пути Дюка; Индія открылась-бы ему горящею золотомъ, какъ послу-Добрынѣ. Тамъ течетъ «струйка золотая» — Тигръ, несущій въ себѣ золото; тамъ хоромы Пресвитера, не столько дворець, сколько цѣлая система дворцовъ, невиданное великолѣпіе которыхъ, въ эпистолиі и ея подражаніяхъ, является преувеличеннымъ отголоскомъ одной лишь, возможной въ средніе вѣка дѣйстви-

¹⁾ Баталинъ, I. с., р. 99 прим.

тельности: придворной византійской. Въ опочивальнѣ Пресвитера вращаются солнце и луна и семь небесныхъ планетъ — какъ въ индѣйскихъ теремахъ Дюка ¹⁾; на драгоценныхъ колоннахъ горятъ карбункулы-самосвѣты, какъ въ Дюковой Индіи крыши всѣ серебряныя, «шеломы, потоки золоченые — Шарики самоцвѣтные камешки, — Домики стоятъ да быдто жарь горять». Пѣвецъ-разскащикъ не забылъ-бы, вѣроятно, и еще одной хитрости-мудрости Пресвитерова дворца: ряда колоннъ, на каждой, поочередно, изображеніе царя и царицы, у нихъ въ рукахъ музыкальные инструменты (*ludos* = арабск. *al'-oud* и его европейскіе производные) и кубки (*cyphos* = *scyphos*): они точно подносятъ другъ другу «зелена вина», и лишь по ошибкѣ переселились въ Дюковы пуговицы и петелки:

Во пуговицы-то было влито по доброму молодцу,
 А въ петелки-то было влетено по красной дѣвушкѣ:
 По петелкамъ какъ поведеть,
 Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина
 И подносятъ добрымъ молодцамъ;
 А по пуговкамъ поведеть,
 Добрыя молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
 Розвеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.

Въ основаніи могло лежать описаніе какого-нибудь органа особаго устройства, въ родѣ механическихъ птичекъ на золотомъ деревѣ, поющихъ подъ давленіемъ мѣховъ: о немъ говоритъ въ описаніи индѣйскаго царства Елисей, онъ встрѣчается въ средне-вѣковыхъ романахъ и его видѣли, въ дѣйствительности, при византійскомъ дворѣ, въ числѣ прочихъ диковинокъ ²⁾. Сл. описаніе органа съ еще болѣе сложнымъ механизмомъ въ нѣмецкой Александріи Лампрехта (= Alberic de Besançon?).

¹⁾ Сл. въ монастырѣ св. Георгія въ Манганахъ, основанномъ Константиномъ Мономахомъ, сводъ на подобіе неба, съ золотыми звѣздами.

²⁾ Сл. Разысканія IV: Сонъ о деревѣ въ повѣсти града Іерусалима и стихъ о Голубиной книгѣ.

Но пойдѣмъ далѣе за воображаемымъ византійскимъ пѣвцомъ-разскащикомъ. Семьдесятъ два царя, князя и т. п. находятся въ окруженіи Пресвитера, прислуживаютъ ему, одинъ въ качествѣ чашника, другой стольника, третій — архимагера (*prince de ceux*) и т. д. Легко и совершенно въ народномъ стилѣ было — извратить послѣдовательность: не цари-стольники, чашники — а простые стольники, чашники, служилые люди, встрѣченные пришельцомъ, посломъ, представляются ему въ такомъ блескѣ, что онъ принялъ ихъ — за царя, какъ Добрыня принимаетъ за Дюкову матушку — портомойницу, божатушку, служанокъ, сидящихъ въ теремахъ, въ шолку, золотѣ и серебрѣ. Подобной народной разработкѣ могла подвергнуться и другая подробность эпистолии: торжественное шествіе Пресвитера, съ тринадцатю драгоценными крестами и блестящей военной свитой, могло быть понято какъ шествіе изъ церкви — во время котораго Добрыня впервые видитъ Дюкову матушку, въ толпѣ дѣвушекъ, метельщиковъ, людей, несущихъ надъ ней зонтикъ-подсолнечникъ. — Что до «*tres lapides preciosi, quorum unus acuit et dirigit visum, alter sensum, tercius experienciam*» (Joh. Witte de Hese), то о нихъ ходила такая легенда: Пресвитеръ Іоаннъ шлетъ пословъ къ именитому и могущественному императору Фридриху, «*a scolui che veramente fue specchio del mondo in costumi, et amò molto dilicato parlare, et istudiò in dare savi risponsi. La forma et la intenzione di quella anbasciaria si fue solo in due cose, per volere al postutto sapere et provare se lo Imperadore fosse savio in parole et in opre. Et mandolli per li detti anbasciadori tre pietre nobilissime, et disse loro: donatele allo Imperadore et ditegli da mia parte, che vi dica qual è la migliore cosa del mondo; et lle sue parole et risponsi serberrete*». Посланники являютъ ко двору императора, который хвалитъ присланные ему драгоценные камни и велитъ ихъ спрятать, не спросивъ объ ихъ свойствахъ. Въ отвѣтъ на вопросъ Пресвитера, онъ говоритъ его посламъ: *Ditemi al vostro singnore, che la migliore cosa del mondo si è misura*. — Когда посланники, вернувшись во свояси,

сообщили своему повелителю о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, онъ «lodò lo'Imperadore et disse che molto era savio in parole, ma non in fatti, per ciò che non avea dimandato delle virtù delle pietre le quali erano di così grande nobilitade. — Rimandòvi gli ambasciadori allo Imperadore et proferselli, se lli piacesse che'l presto Giovanni il fare'siniscalco della sua corte. Et feceli contare tutte le suoi riccheze et le diverse generazioni delli sudditi suoi et lo modo del suo paese. — Таково, какъ извѣстно, содержаніе письма Пресвитера Іоанна, въ нѣкоторыхъ редакціяхъ котораго онъ также предлагаетъ императору поступить къ нему на службу. — Da indi a pocho tempo, pensando lo Presto Giovanni, che lle pietre che avea donate allo Imperadore avevano perdute le loro virtude, poi che non erano per lo Imperadore conosciute, tolse uno suo carissimo lapidario et mandollo celatamente in della corte dello Imperadore et dissegli: Al postutto metti lo ingegnio tuo sì che tue quelle pietre mi rechi et per nessuno tesoro rimangnia. Lo lapidario si mosse guernito di molte pietre di grande bellezze, giunse a corte dello Imperadore, puosessi presso dal suo palagio. Questi fece bottega et incominciò a lleghare di molte belle pietre. Li baroni venieno et li cavalieri et vedevano lo suo mistieri. Lo lapidario era molto savio: quando vedea alcuno che avesse luogo in corte, donavagli. Donò anella molte; tanto che la lode di lui andò davanti allo Imperadore. Lo Imperadore mandò per lui et mostrogli sue pietre. Lo maestro le lodoe, non di grandi vertude. Dimandò se avesse più care pietre. Lo Imperadore fece venire le tre pietre preziose, quelle che lo maestro disiderava di vedere et d'averе. Allora lo lapidario si rallegrò et prese l'una di queste tre pietre et rinchiusesela in mano, et disse: Messer, questa pietra vale la migliore cittade che voi avete. Et poi prese l'altra et disse: Questa vale la migliore provincia che voi avete. Poi prese la terza et disse: Questa vale più che tutto il vostro imperio. Strinse lo pugno colle dette tre pietre: la virtù dell'una sì lo celò sìe che lo Imperadore nè sua gente non lo poteno vedere. Et andonne per li gradi del palazo

et andossi via. Et tornò al suo singnore messer lo Presto Giovanni, et rapresentogli le pietre con grande allegrezza ¹⁾).

Та-же новелла встрѣчается и въ сѣверномъ пересказѣ, изданномъ Гисласономъ по одной исландской рукописи XIV вѣка, съ нѣкоторыми отличіями и явными искаженіями. Рассказывается объ одномъ Датчанинѣ, отправившемся путешествовать куда-то на югъ и дошедшемъ до Индіи. Въ одномъ большомъ городѣ онъ остановился у какого-то скабина (échevin), который далъ ему три небольшихъ драгоценныхъ камня, въ подарокъ его королю. Вернувшись домой, датчанинъ исполнилъ порученіе. «Не думаю, чтобъ эти камни многого стояли, говоритъ король, и дорого за нихъ я не дамъ, но я сохраню ихъ, потому что пославшій ихъ мнѣ, вѣроятно, потребуеть взаимнаго подарка». Черезъ нѣкоторое время какой-то незнакомецъ явился къ королю, когда онъ былъ за столомъ; поклонившись, онъ спросилъ, передали-ли ему камни, посланные изъ Индіи? Тотъ отвѣчалъ утвердительно. — «Желаете-ли вы вознаградить пославшаго?», спросилъ далѣе незнакомецъ. — «Не знаю, на сколько камни того стоятъ.» — «Покажите ихъ мнѣ». — Когда принесли камни, онъ взялъ ихъ въ руку и сталъ объяснять королю ихъ достоинства. «Вы считаете ихъ ничего не стоящими, — а вотъ этотъ камень таковъ, что если взять золота, одного вѣсу съ нимъ, и положить къ нему, золото всё время будетъ удвоиться; этотъ камень предохраняетъ носящаго его при себѣ въ сраженіи, будь онъ даже невооруженнымъ, отъ всякой раны; что до третьяго, продолжалъ пришлецъ, то я, держащій его, теперь стою здѣсь, а черезъ мгновеніе буду въ Индіи». И онъ дѣйствительно исчезъ изъ виду при закрытыхъ дверяхъ. О какомъ это рассказывается королѣ, навѣрное не знаю, говорится въ концѣ повѣсти; говорили мнѣ,

¹⁾ Текстъ Biagi № 2 = Gualteruzzi (Milano, 1825), nov. 2; Il Novellino ed. Domenico Carbone (Firenze 1862) Nov. I; въ изданіи Borghini (Giunti 1581) № 1. Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, стр. 102—103.

что то былъ Вольдемаръ старый, у котораго много было рѣдкихъ камней, привезенныхъ изъ Индіи ¹⁾).

Въ одномъ нѣмецкомъ стихотвореніи XIV вѣка пресвитеръ Іоаннъ посылаетъ императору Фридриху II платье изъ саламандровыхъ кожъ, сосудъ съ молодящей водой и золотой перстень, дарующій побѣду, съ тремя камнями: одинъ изъ нихъ не даетъ человѣку погибнуть въ водѣ, еслибъ онъ находился въ ней въ теченіи цѣлаго года; другой дѣлаетъ его неуязвимымъ, третій невидимымъ. Развязка разсказа иная ²⁾).

Это не тѣ-ли три *камешка*, которые Дюкова мать показываетъ Владиміровымъ оцѣнщикамъ: отъ нихъ «огни горя, лучи пекутъ» — и послы не въ состояніи цѣны имъ дать? «Камни-самосвѣты» подставились, вѣроятно, на мѣсто какихъ-нибудь другихъ, болѣе диковинныхъ, — какъ общее мѣсто: по Midrasch Bereschit Rabba камень-самосвѣтъ, висѣвшій въ воздухѣ, замѣнялъ Ною въ ковчегѣ солнце и мѣсяцъ (Wünsche, Bibl. rabbinica, IV, 134). Такихъ камней много въ Индіи Пресвитера, въ византійскомъ дворцѣ Гугона — и Дарія (въ сербской Александріи, ed. Новаковичъ, кн. II, гл. 11: «четыри же камени на четири оугле ток полати бѣхоу, иже въ ношти яко огнь въ мѣсто свѣштъ свѣтехоу»); въ палатахъ Дигениса есть башня, и въ ней покой, весь въ золотѣ и драгоценныхъ камняхъ: его освѣщаетъ ночью «большой круглый камень». Въ русскихъ былинахъ такіе камни-самосвѣты, *тиронь*, вплетены бывають въ лапотцы, въ шапку, у коня межъ ушей (Кир. I, стр. 87) и т. п.; въ сербской Александріи кн. II, гл. 31 Александръ носитъ такой камень передъ войскомъ на копѣ «въ мѣсто лочева фаноса». Кстати: тиронъ или тиронъ, т. е. оберегъ-камень? Новогр. τῆρῶ — смотрѣть, глядѣть, но и сохранить, беречь.

¹⁾ R. Köhler, La nouvelle italienne du prêtre Jean et de l'empereur Frédéric Barberousse et un récit islandais, Romania XVII, p. 76 слѣд.

²⁾ Сл. Zarncke, Der Priester Johannes. Erste Abhandlung (въ Abhandlungen d. philol. hist. Cl. d. k. sächs. Ges. d. Wiss., т. VII), vv. 1019 слѣд.

Въ предложенной выше реставраціи византійской пѣсни-разказа мы держались плана Дюковой былины, собственно ея послѣдней части, но пересказали её при помощи матеріаловъ Эпистоли и памятниковъ, отъ нея пошедшихъ. Соответствіе вышло значительное, полученное, какъ мнѣ кажется, безъ помощи натяжекъ. Византійскій посоль ходилъ въ Индію богатую и лицезрѣлъ ея чудеса; впоследствии вмѣсто него ходилъ туда-же посоль или послы Владимира; мотивомъ хожденія явилось не приглашеніе Эпистоли, а появленіе при дворѣ заѣзжаго молодца и его побѣдоносная похвальба. Кто являлся въ роли Дюка въ предполагаемомъ оригиналѣ его былины? Едва-ли самъ Пресвитеръ; что до Дюковой матушки, то она могла развиться уже на почвѣ русскаго приуроченія. Какого роду-племени Дюкъ, Соловей Будимировичъ, Иванъ Гостиный сынъ? могли спрашивать себя пѣвцы, приобщившіе къ Кіеву и Владимиру бродячія пѣсни объ этихъ «захожихъ» богатыряхъ? Сказать что-либо объ ихъ отцѣ не умѣли; отецъ Чурилы — одно имя: онъ для того только и выведенъ, чтобы учествовать Владимира до появленія сына; а генеалогическая струнка, столь сильная въ сложеніи всякаго эпоса, продолжала звучать — и ей отвѣтили типическимъ образомъ матери, строгой, любящей и журливой, — образомъ нѣсколько иконописнымъ. Явилась мать у Соловья Будимировича, у Дюка: она и стала распоряжаться въ царствѣ — Пресвитера Іоанна.

На сколько первичная былина о Дюкѣ восстанавливается данными Посланія, она представляетъ собою архаистическій типъ. Кіевское приуроченіе чувствуется слабо: Дюкъ въ Кіевѣ не уживается; для народной гордости не сдѣлано никакой уступки: Дюкъ приходитъ ко двору кіевского князя, похваляется, и пѣсня кончается посольствомъ къ нему, которая вѣнчается побѣдой его похвальбу. — Представимъ себѣ, что пѣсня подобнаго рода зашла въ другую среду, исполненную большаго самосознанія, хотя бы сознанія силы, дивящуюся, но не смущающуюся несмѣтными богатствами и невиданными чудесами иной страны. Характеръ пѣсни изменится — подъ вліяніемъ болѣе крѣпкихъ жизненныхъ идеаловъ

и прочнаго общественнаго строя: тотъ-же, кто станетъ дивиться, поспѣшитъ похвастать и самъ.

Таковы отношенія нашихъ пѣсенъ о Дюкѣ къ той сказочной схемѣ, на которой построены старофранцузскія преданія — о паломничествѣ Карла Великаго въ Иерусалимъ и Константинополь. Взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ могутъ быть выражены такимъ образомъ:

А. а) Дюкъ хочетъ повидать Кіевъ и Владимира.

б) Въ Кіевѣ похваляется.

с) Послы Владимира ѣдутъ въ Индію: встрѣчаютъ другъ за другомъ служилыхъ людей Дюка, которые производятъ на нихъ царское впечатлѣніе: стряпчаго въ крестьянскихъ дворахъ, который ихъ угощаетъ, портомойницу, колачницу и т. п., у которыхъ ночуютъ; видятъ мать Дюка, торжественно шествующую подъ балдахиномъ и т. д., чудеса роскоши и искусства: затѣйливое изображеніе дѣвушекъ и молодцевъ, играющихъ, наливающихъ другъ другу вино и т. д.

В. а) Карлъ хочетъ повидать византійскаго императора Гугона, о величій и могучествѣ котораго говоритъ ему его жена.

б) На пути въ Константинополь онъ и его паладины встрѣчаютъ служилыхъ людей императора: пастуховъ овецъ и коровъ и свинопасовъ, среди которыхъ думаютъ обрѣсти его самого: такъ роскошно они живутъ, угощаютъ путниковъ и даютъ имъ ночлегъ. — Видитъ самого императора въ торжественномъ шествіи (балдахинѣ), чудеса роскоши и искусства: дѣвушекъ и молодцовъ на плястрахъ, играющихъ, кивающихъ другъ другу и т. п.

с) Карлъ и его паладины хвастаются.

Отношеніе этой схемы къ предъидущей ясно само собою; матеріалъ разсказа одинъ и тотъ-же, но пониманіе другое. Нерѣдко наша былина и старофранцузское преданіе покрываютъ другъ друга, указывая позади себя на болѣе древній, общій обоимъ, источникъ; вліяніе эпистолии легко замѣтить тамъ и здѣсь въ общихъ чертахъ, но на сторонѣ французскаго сказанія заимствованій обнаруживается больше и онѣ сохранились

чище: и въ его оригиналѣ цѣлью странствованія могла быть Индія, чудеса которой были перенесены на Константинополь, когда путешественникомъ туда сталъ являться не византійскій витязь или императоръ, а — Карлъ Великій.

Древняя повѣсть о Хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь ¹⁾ разсказана въ старофранцузской поэмѣ, сохранившейся лишь въ одной (нынѣ утраченной) рукописи XIII—XIV вѣка, но относимой къ XI-му, можетъ быть вѣрнѣе, къ первой половинѣ XII-го вѣка. Тому-же столѣтію принадлежитъ, вѣроятно, и та особая ея редакція, къ которой восходятъ кимрійскій и старосѣверный переводы (XIII в.) и оригиналъ старофранцузскаго Galien. Koschwitz (Sechs Bearbeitungen № I) издалъ кимрійскую Ystoria Charles по Красной книгѣ Hergest'a, доказавъ зависимость ея текста отъ сходнаго, встречающагося въ кимрійскихъ-же переработкахъ Псевдо-Турпина. — Старосѣверный переводъ романа вошелъ въ составъ Karlamagnus-saga; отъ него зависятъ шведскій и датскій пересказы; двѣ поэтическихъ обработки Хожденія, исландскій и фарейскій были недавно изданы Kōlbing'омъ (Koschwitz l. c. № V и VI: Geiplug и Geira-táttur). — Что до французскаго Galien, то онъ сохранился 1) въ прозаическомъ Galien le Restoré одной парижской ркп. Bibl. Nationale fr. 1470, anc. 7548 (у Koschwitz'a l. c. № III = G) и въ старопечатномъ текстѣ романа того-же имени (ib. № IV = G'), указывающихъ на общій имъ, болѣе древній прозаическій оригиналъ; 2) въ эпизодѣ эпической компіляціи, ходящей подъ именемъ Guerin de Montglane, стихотворный текстъ которой недавно открытъ Р. Meyer'омъ въ одной чельтенгэмской ркп. XV вѣка, прозаическій пересказъ извѣстенъ

¹⁾ Koschwitz, Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel. Heilbronn, 1880 и 1883 гг.; его-же: Sechs Bearbeitungen des altfranzösischen Gedichts von Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel., l. c. 1879; Gaston Paris, La chanson du pèlerinage de Charlemagne, въ Romania № 37, p. 1—50. См. его-же ibid, № 45, p. 1—13: Le roman de la geste de Montglane и статью о Galien въ Hist. litt. de la France, t. XXVIII, p. 221 слѣд. — Karlamagnussaga цитруется далѣе по изданію Unger'a.

по старопечатному изданію и одной рукописи библіотеки Арсенала (у Koschwitz, l. c. № II = P). — Всѣ эти тексты Galien'a восходятъ къ предполагаемой особой рецензій Хожденія XII вѣка, при посредствѣ вторичной ея переработки, совершенной, вѣроятно, въ XIII столѣтіи. — По догадкѣ G. Paris'a эта-же стихотворная переработка дала матеріалъ для франко-итальянской поэмы, конца XIII либо начала XIV вѣка, и отъ нея-то, нынѣ утраченной, ведутъ свое начало позднѣйшіе итальянскіе прозаическіе пересказы, вродѣ того, который внесенъ въ *Viaggio di Carlo Magno in Ispagna*, и эпизода «похвальбы» въ *Libro del Danese* ¹⁾. — На данныхъ указанныхъ выше поэмъ построена отчасти и старо-англійская, отрывокъ которой, сильно испорченный, напечатанъ былъ Sir Fr. Madden'омъ въ предисловіи къ *Sir Gawain* и въ новомъ изданіи балладъ Перси: Карлъ Великій замѣненъ Артуромъ; какъ тотъ хвастается своимъ величіемъ, такъ Артуръ Круглымъ столомъ; жена Карла указываетъ ему на византійскаго императора Гугона, Женевра — на Корнуэльскаго короля; и Карлъ и Артуръ идутъ съ своими спутниками, какъ паломники, но похвальбу (*gabs*) французскихъ поэмъ замѣнили въ англійской — обѣты (*vows*) ²⁾.

Разбирая содержаніе рассказовъ о хожденіи Карла мы будемъ слѣдовать установленной выше схемѣ.

¹⁾ Romania, № 37, p. 3, прим. 1. Сл. Koschwitz, *Sechs Bearbeit.* p. XVI—XVII и *Rajna* въ Romania 1875 г., p. 401—2, 414 слѣд.

²⁾ G. Paris, l. c. p. 2, прим. 1, стр. 10, прим. 1. Въ одномъ еще неизданномъ романѣ цикла Круглаго стола (*Rigomer*) Артуръ садится на коня и Gauvain держитъ ему стремя. Артуръ смѣется; спрошенный королевой о причинѣ своего смѣха, онъ говоритъ: Какъ мнѣ было не развеселиться, когда я подумалъ, что нѣтъ на свѣтѣ лучше царя, чѣмъ я, нѣтъ коня лучше моего, и что лучший рыцарь держитъ мнѣ стремя. Царица замѣчаетъ, что правда прежде всего и что найдется рыцарь, который поспоритъ съ Gauvain'омъ. Разгнѣванный Артуръ готовъ побить жену, грозить ей смертью, если она не назоветъ ему того рыцаря. По просьбѣ Gauvain'a царицѣ даютъ срокъ на годъ — по истеченіи котораго лучшимъ рыцаремъ являлся, быть можетъ, Ланцелотъ. Сл. G. Paris, *Études sur les Romans de la Table Ronde*, I: *Lancelot du Lac*, въ Romania, № 40, p. 493—4 и прим. на стр. 494.

а) Однажды, когда Карлъ былъ въ аббатствѣ Saint-Denis, въ вѣнцѣ и при мечѣ, онъ покичился передъ женою:

7 Il la prist par le poin desoz un olivier,
De sa pleine parole la prist a araisnier:
«Dame, veistes onques rei nul de desoz ciel
Tant bien seïst espée ne la corone el chief?

Нечего тебѣ хвастать, говоритъ ему жена: Знаю я другого царя, болѣе величаваго и милостиваго чѣмъ ты. — Карлъ смущень и разгнѣванъ этимъ отвѣтомъ, настаиваетъ на томъ, чтобы жена назвала ему, кого она разумѣетъ: онъ самъ пойдетъ убѣдиться въ истинѣ ея словъ, и если окажется, что она сказала неправду, онъ велитъ снести ей голову съ плечъ. Та называетъ Гугона, императора Рима и Константинополя, обладающаго Персіей и Каппадокіей (48 Et si tient tote Perse tresque en Caradoce). — Карлъ объявляетъ баронамъ о своемъ рѣшеніи: посѣтить Іерусалимъ, чтобы поклониться гробу Господню, а за тѣмъ и Константинополь. Онъ и двѣнадцать его перовъ идутъ, въ одеждѣ паломниковъ, съ сумой и клюкой; при нихъ 80000 войска, о которомъ далѣе вовсе не упоминается. Перы названы: Rollant, Olivier, Turpin, Guillaume d'Orenges, Ogier de Danemarche, Naimon, Gérin, Bérenger, Ernalt de Gironde, Aïmer, Bernard de Brusban и Bertrans. — Путь идетъ сначала на Іерусалимъ, гдѣ Карла привѣтствуетъ Патріархъ, дающій императору частицы мощей и святынь; лишь на обратномъ пути паломники попадаютъ въ Константинополь. — Хожденіе Карла въ Іерусалимъ, о которомъ существовали древніе рассказы, сплочено чисто внѣшнимъ образомъ съ его хожденіемъ къ Гугону, почему въ слѣдующемъ изложеніи мы его и не касаемся, тѣмъ болѣе, что G. Paris обстоятельно комментировалъ, съ точки зрѣнія топографической и археологической, іерусалимскій эпизодъ поэмы. Позволю себѣ коснуться лишь одной подробности. Въ Karlamagnus-saga говорится, что Патріархъ далъ императору плащаницу и онучи Христа, частицы честнаго креста, остріе копья, которымъ былъ

прободень Спаситель, и копье св. Меркурія. Вернувшись во Францію Карлъ положилъ онучи въ Aix'ѣ, плащаницу въ Compiègne (Comragins), честной крестъ въ Орлеанѣ; острие копья онъ велѣлъ вдѣлать въ рукоятъ своего меча, почему его и прозвали Joyeuse; отсюда, будто-бы, и военный кликъ французскихъ рыцарей: Montjoie. — G. Paris (l. c. p. 34, прим. 4) находить то-же преданіе — объ остріи — и въ Chanson de Roland:

Avez savuns de la lance parler
Dunt nostre sire fut en la cruiz naffrez;
Charles en ad la mure, mercit Deu:
En l'orie punt l'ad faite manuvrer.
Par ceste honur e pur ceste bontet
Li noms Joiuse l'espée fut dunez.
Barun franceis nel doivent ublier:
Enseigne en unt de Munjoie crier.

Въ греческихъ легендахъ оба обрѣтенія честнаго креста парицей Еленой нѣчто подобное рассказывается — о Константинѣ Великомъ ¹⁾).

Таковъ рассказъ поэмы XI-го вѣка о «выѣздѣ» Карла; въ сущности таковымъ представляютъ его и вся ея отраженія.

¹⁾ Я имѣю въ виду напечатанную у Гретсера (Gretseri, Opera omnia, Ratisbonae MDCCXXXIV, t. II, p. 429—36) легенду о нахожденіи честнаго креста парицей Еленой, и именно слѣдующій эпизодъ: Μεταχαλεσαμένη (т. е. Елена) γὰρ ἄνδρα πιστόν καὶ ἐπιστήμονα ὡν πλείονες προεμαρτύρουν, ἔφη πρὸς αὐτόν· Βασιλέως ἐνταχμα φύλαξον καὶ βασιλέως μυστήριον ἔργασαι. Λάβε τοὺς ἥλους τούτους καὶ ποίησον σαλιβάριον ἐν τῷ χαλινῷ τοῦ ἵππου, ἐφ' ᾧ ὁ βασιλεὺς ἐποχεῖται. Οὗτος γὰρ ἔσται ὄπλον ἀκαταμάχητον πρὸς πάντας τοὺς ὑπεναντίους, νίκης τε βασιλέων καὶ εἰρήνης πολέμου, ὅπως πληρωθῆ τὸ ρηθὲν ὑπὸ τοῦ προφήτου καὶ ἔσται ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις τὸ ἐπὶ τῷ χαλινῷ τοῦ ἵππου, ἅγιον κληθήσεται τῷ Κυρίῳ. Сходно въ одномъ греческомъ житіи, по рип. XI-го вѣка, предварившемъ, въ эпизодѣ о рожденіи Константина, извѣстный рассказъ Никифора Каллиста: Елена приноситъ сыну гвозди отъ креста Господня; онъ-же «τῶν δὲ ἡλῶν τοὺς μὲν εἰς τὴν περικεφαλαίαν τὴν ἑαυτοῦ ἐχάλκευσε, τοὺς δὲ ἀνέμιξεν ἐν τῷ σαλιβαρίῳ τοῦ ἵππου αὐτοῦ, ἵνα πληρωθῆ τὸ ρηθὲν διὰ τοῦ προφήτου λέγοντος ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ ἔσται τὸ ἐπὶ τοῦ χαλινῷ τοῦ ἵππου τοῦ βασιλέως ἅγιον τῷ Κυρίῳ Παντοκράτορι». — Житіемъ этимъ, равно какъ и другимъ, также по списку XI вѣка, я могъ пользоваться въ копіяхъ В. К. Эриштедта, которому и приношу мою благодарность.

Вездѣ дѣло начинается съ похвальбы императора и отвѣда жены; только въ P (Guerin) эта черта смягчена: «Et qui voudroit savoir qui mouvoit l'empereur et ses barons a venir par la, dit l'histoire que au partement de l'empereur en la cité de Vienne estoit la royne laquelle dist Charlemaine qu'elle avoit ouy parler du plus riche prince du monde. Sy ne se pot tenir l'empereur de lui enquerir qui estoit cellui prince. «En non deu, sire», ce lui respondi la dame, «c'est le roy Hugues de Constantinoble, duquel je me merveil plus que d'aulture chose, car j'ay sceu par certains pelerins lesquelz ont esté au Saint Sepulcre ou vous devez aler par promesse qu'il a le plus beau tresor du monde. Sy vous prie que par la retournez pour en savoir la certaineté.» Sy lui respondi l'empereur qui grant desir avoit de toutes nouvelles savoir(s), qu'il passeroit par la voirement et que de ce qu'il auroit veu lui ferait faire savoir la vraie verité».

Имена перовъ, спутниковъ Карла, въ различныхъ пересказахъ слегка колеблются и искажаются, представляя, впрочемъ известное число постоянныхъ собственныхъ именъ. Столь-же постоянно имя Константинопольскаго императора: Hugues, — онъ (поэма), Hugh (кимр.), Hugnon (Guerin), Hugues (Galien), Hugon (сага), Hugunn, Hugi (Geiplur), Hugon (Geira-táttur)¹⁾. — Давно тому назадъ я пытался связать это загадочное имя съ Hugdietrich'омъ, царцимъ въ Константинополѣ въ старонѣмец-

¹⁾ Húgon, царь Miklagarð'a (= Константинополя) въ Mágussaga, очевидно, тождественъ съ нашимъ, какъ и начало саги обличаетъ вліяніе Хожденія: Hlōbveg, король Саксланда, внукъ Карла Великаго, спрашиваетъ однажды своего совѣтника Сигурда — существуетъ-ли на свѣтѣ царь равный ему могуществомъ (сл. въ началѣ Хожденія хвостовство Карла В.). Тотъ отвѣчаетъ, что пока у него нѣтъ семьи, его могущество не полно, и указываетъ ему на подходящую жену: Ерменгарду, дочь византійскаго императора Гугона. Этимъ мотивируется брачная поѣздка Hlōbveg'a въ Константинополь. Далѣе сага развивается своеобразно; замѣтимъ только, что Hlōbveg, разгнѣвавшись на жену, задасть ей, въ числѣ другихъ трудныхъ уроковъ, и задачу: построить дворецъ, столь-же великолѣпный, какъ Гугоновы палаты. Сл. Wulff, Notices sur les sagas de Mágus et de Geirarð et leurs rapports aux épopées françaises Lund, 1874; Suchier, Die Quellen der Mágússaga въ Germania XX, стр. 275.

кихъ поэммахъ о немъ и *Wolfdietrich's*¹⁾. — Такое-же сближеніе предлагаетъ теперь и G. Paris²⁾.

в) Карлъ и его паладины подѣзжаютъ къ Константинополю. Издали свѣтятся его колокольни, куполы, золотые орлы;

264 Destre part la citet demie liue grant
 Troevent vergiers plantez de pins e loriers blanz;
 La rose i est florie, li albors et l'aiglenz.
 Vint milie chevaliers i troverent seanz,
 E sont vestut de pailles e de hermines blans
 E de granz pels de martre josqu'as pies traïnanz.
 As eschies et as tables se vont esbaneiant,
 E portent lor falcons et lor ostors alquant;
 E treis milie pulceles a orfreis reluisanz.
 Vestües sont de pailles, ont les cors avenanz.
 Et tienent lor amis, si se vont deportant.

Карлъ со своими ѣдетъ дальше,

283 Trovat le rei Hugon a sa carue arant;
 Les cunjugles en sont a or fin reluisant.
 Li aissels et les rões e li coltres aranz.
 Il ne vait mie a piet, l'aguillon en sa main,
 Mais de chascune part at un fort mul amblant;
 Une chaiere sus le tient d'or sozpendant.
 La sist li emperere sor un coissin vaillant —
 La plume est d'oriol, la teie escharimant —
 As piez un eschamel neielet d'argent blanc,
 Son chapel en son chief; molt par sont bel li quant;
 Quatre estaches d'or mier entorn lui en estant,
 Desus i at jetet un bon paille grizain.
 Une verge d'or fin tint li reis en sa main,
 Si conduit son arere tant adrecieement,
 Si fait dreite sa reie cum ligne qui tent.

¹⁾ Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, вѣ Russ. Revue, IV Jhrg., 6 Heft, p. 554, прим. 18.

²⁾ l. c. p. 15, прим. 2.

Императоры здороваются, Гугонь предлагаетъ прїѣзжимъ свое гостепрїимство.

317 Li reis desjoint ses boes et laisset sa charue;
 E paissent par ces prez, amont par cez coltures.
 Li reis montet al mul si s'en vait l'ambleüre.
 «Sire», dist li reis Carles, «ceste vostre charue,
 Tant i at de fin or que jo n'en sai mesure;
 Se senz garde remaint, crien qu'ele seit perdue».
 E dist Hugue li reis: «De tot ço n'aiiez cure;
 Onques nen out larron tant com ma terre duret.
 Set anz i porrat estre, ne serat remouë».

.....
 Li reis brochet le mul si s'en vait l'ambleüre
 E vint sus al palais ou out s'oissor veüe.
 Il l'at fait conreer; et cele est revestue,
 Li palais et la sale de pailles portendue;
 A tant es-vos Charlon od sa grant gens venue.
 L'emperere descent defors le marbre blanc,
 Cez degrez de la sale vint al palais errant.
 Set milie chevaliers i troverent seanz
 A peliçons hermines, bialz escharimanz;
 As eschies et as tables se vont esbaneiant,
 La defors sont corut li plusor e alquant,
 Reçurent les somiers et les forz mulz amblanz,
 A lor ostels les meinent conreer gentement.

Въ тѣсной связи съ поэмой стоитъ кимрійскій пересказъ: Карль и его перы пришли въ широкую, цвѣтущую равнину, покрытую цвѣтами и коленными деревьями. Здѣсь они встрѣтили толпу тысячи въ три человекъ: всѣ богато одѣты, точно каждый изъ нихъ царь или властелинъ. Одни изъ нихъ играли въ шашки, другіе въ шахматы, у этихъ сидѣли на рукахъ сокола, тѣ бесѣдовали съ благородными дѣвицами и царевнами; ихъ было много, такъ что Карль подивился такому множеству родовитыхъ людей. Онъ спрашиваетъ одного изъ нихъ, гдѣ бы ему повидать императора. Онъ впереди — пашеть.

Въ этомъ эпизодѣ кимрійской прозы и соответствующемъ поэмы кое-что не досказано: въ другихъ текстахъ Карлъ встрѣчаетъ пастуховъ и т. д. Гугона, которыхъ принимаетъ за людей сановныхъ, именитыхъ. То-же могло быть и здѣсь: играютъ, забавляются охотой, очевидно, простые смертные, служители императора; въ первомъ покоѣ императорскаго дворца Карлъ видитъ позднѣе рыцарей, играющихъ въ шашки, шахматы и другія игры — какъ на дворѣ у Дюка

Разостланы сукна одинцовыя,
 Наши любимые конюхи по сукнамъ катаются,
 Въ кости, зернь, въ шашечки поигрываютъ.

Явленіе Гугона описывается въ кимрійскомъ текстѣ такимъ образомъ: онъ пашеть, у его плуга сошникъ и омешики золотые, ярмо изъ драгоцѣннаго камня; за волами онъ не пѣшкомъ идетъ, а ѣдетъ на золотомъ стулѣ, везомомъ съ обѣихъ сторонъ мулами; подъ ногами у него скамейка серебряная, на рукахъ дорогія рукавицы, на головѣ золотой вѣнецъ, надъ головой растянута, на четырехъ золотыхъ жердяхъ по краямъ стула, шелковое покрывало, не пропускавшее солнечныхъ лучей; въ рукахъ онъ держитъ вмѣсто бича золотую трость; онъ проводитъ борозды такія прямыя и красивыя, какъ настоящій пахарь, а дѣлаетъ это не изъ нужды, а памятуя слова, сказанныя Адаму: «Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ»; «со скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей»¹⁾.

Сага тѣсно примыкаетъ къ поэмѣ: 20 тысячъ рыцарей заняты играми (sumir léku at skaktafi, sumir at kvátrutaffi, sumir bágu gáshauka, sumir vali á höndum), четыре тысячи дѣвушекъ пляшутъ въ хореводѣ (fjórgar rúsundir meuja gerðu par

¹⁾ Бытіе гл. III, 17, 19. Полагаю, что эти именно тексты отвѣчаютъ приведенному въ кимрійскомъ оригиналѣ и его англійскомъ переводѣ: «In the sweat und labour of thy body und the sorrow of thy heart shall thy food be». Koschwitz, l. c. p. 26.

hringleik, klaeddar með guðvefjapellum, hver annarri fegri, ok helt hver i hönd annarri ok svá sínum unnasta). Гугонъ пашеть подь шелковымъ балдахиномъ (undir guðvefjarpelli); когда онъ оставляетъ въ полѣ свой драгоцѣнный плугъ, Карлъ дѣлаетъ ему то-же замѣчаніе, что и въ поэмѣ, и слышитъ ту-же отвѣдъ (þó at hann laegi þar sjau vetr, þá mundi engi maðr misþruga honum). Объясненія, почему Гугонъ занимается земледѣліемъ, не дается никакого.

Играющіе и веселящіеся юноши и дѣвушки являются и въ исландскихъ Geiplur — передъ встрѣчей съ папущимъ императоромъ (сл. Koschwitz, Sechs Bearb. V, строфа 54), и въ фарейскомъ Geira-táttur, гдѣ эпизодъ папши опущенъ, а встрѣчи развиты своеобразно: триста пляшущихъ рыцарей, одѣтыхъ въ золото и шелкъ(?), триста дѣвушекъ въ хороводѣ, между ними молодцы, держащіе ихъ за руки; далѣе, у воротъ дворца, пара бѣлыхъ медвѣдей, у другихъ — двѣнадцать псовъ; въ палатѣ бьетъ изъ подъ полу ядовитый источникъ, на скамьяхъ горятъ пламя.

21 Tá íð tú kemur mitt á leið,
allt sigi eg taer satt,
trý sins hundrað riddara
teir ganga og troða ein dans.

22 Trý sins hundrað riddara
teir hava so víðar vegir,
teir hava eingi onnur klaeði,
uttan gull og vovin frei (?).

23 Trý sins hundrað jómfrúar
taer ganga og troða ein dans;
knegt í millum hvörja,
taer halda saer í hand.

24 Tá íð tú kemur at borgar lið,
býst taer ei við frið;
standa har tvaer hvítabjörnir
hvörjum minni lið.

- 25 Har íð taer hvítabjörnir
vilja at taer leggja,
snarliga skaltu vísa teim
tey hvössu svörðs eggjar.
- 26 Har íð taer siggja
svörðs eggjum við,
báðar detta hvítabjörnir
steindyr niður.
- 27 Tá íð tú kemur at ðörum portri
hallar inn á golv,
standa har í bondunum
úlvhundur tolv.
- 28 Har íð teir siggja
svörðs eggjum við,
allir detta úlvhundur
steindyr niður.
- 29 Tá íð tú kemur innan halla,
elvist taer meiri vandi:
borð og beinkir og ljósasta ker
uppi á eingjum standa.
- 30 Tá íð tú kemur innan halla,
harmin mantú kenna,
eiturkelda á golvi stendur,
eldar á beinki brenna.

(сл. строфы 34—42). Медвѣди и псы, въ сущности, выходятъ изъ категоріи *остръчь*, напоминая гигантовъ и львовъ въ описаніи дворца Пресвитера Іоанна, такія-же диковинки византійскихъ палатъ у Ліутпранда — и препятствія на Дюковомъ пути изъ Индіи.

Пересказы въ Guégin и двухъ текстахъ Galien'a передаютъ согласно и съ особыми обстоятельствами эпизодъ встрѣчь. Сообщаемъ его по рукописному Galien (= G) ¹⁾.

¹⁾ Нѣсколько варьянтовъ, приводимыхъ подъ строкой, заимствованы изъ печатнаго текста Галиѳана = G' (Koschwitz, № IV).

Карль и его спутники вышли въ долину, «ou ilz adviserent ung tref moult bel et moult richement ouvré, *et fust pour ung roy*, ouquel tref demouroient *porchiers*; et dessus le tref avoit ung pommel doré (ркп. dozé), et estoit ce tref au roy Hugues, lequel ne mist jamais son entente a esperviers, a autours, ne a chasser en bois ne en nulle autre maniere, mais alloit chascun jour labourer a la charrue et mectoit son entente à nourrir porcs et vaches et moutons et les tenoit en grant sollempnité; et estoient les porchiers qui gardoient ses porcs en sa court plus presez que autres, car ilz avoient trefz ou ilz hebergeoient aux champs aussi riches *comme si ce fust pour ung roy ou pour ung prince* ¹⁾; et disoient plusieurs que le roy Hugues fut ainsi destiné en son enfance par phées ²⁾, mais non obstant ce si estoit il en son pais en grant paix et estoit [craint] et doubté de chascun tellement qu'il n'y avoict si osé ou monde qui lui osast meffere. Si advint que quant Roland eut le tref regardé si dist tout hault: «Vez cy grant richesse et se ainsi estoict que ce tref fust aux Sarrasins, tantost l'aurions conquesté». — «Roland», dirent les autres, «vous dictes moult bien et c'estoit bien nostre penser». Si print Charlemagne son destrier et ses .xii. pers avecques lui jusques au tref ou ilz trouverent des gens dedens, et il leur demandent qui y sont, et ilz leur respondent qu'ilz sont tous porchiers et qui gardent les pourceaux qui estoient illecques, desquelx ilz avoient chescun par an cent sextiers de froment quant ce venoit en aoust ³⁾, et y avoit bien cent milliers de pourceaux. «Et a qui estes vous?» dist Charlemagne. «Sire», dirent ilz, «nous sommes au roy Hu-

¹⁾ Les porchers et vachers honoroit a sa court plus tost que ceux qui portoient couronne a leur teste; et aussi estoient ilz habillez si richement qu'il sembloit proprement a les voir que ce fussent roys, ducz ou contes.

²⁾ On dict qu'il fut predestiné en son enfance d'une fée qui luy donna celle de labourer et d'estre le plus riche qui fust sur terre.

³⁾ Et le porchier luy respondiit qu'il avoit au moys d'aoust par chacun an cent septiers de fourment pour chacun pourceau; et adonc Rolant et tous les autres furent tous esbahys et veoient que les porchers estoient vestus de drap d'or et de velours, qui estoit une plaisante chose a veoir dedans une porcherie.

gues le Riche; mais s'il vous plaist, dictes nous de quel terre vous estes». — «Certes», dist le roy Charlemagne, «je suis roy des François et suis Charles appellé, et veez cy mes .xii. pers avecques moy. Si nous dictes si nous pourrions huy mais estre herbergez en ce tref». — «Ouy», ce dist le porchier, «et feussiez vous quatre cens, pour l'amour de mon sire le roy Hugues, et si aurez pain, vin, chair et tout tant qu'il sera a vostre plaisir». — «Sire», dist Rolant, «s'il estoit sceu en France qu'en l'ostel d'un porchier vous eussiez logé, a tousjours mais vous seroit reproché». — «Rolant», dist Charlemagne, «or ne m'en parlez plus, car de telz porchiers n'a gueres en France».

Si sault avant le porchier qui fut preux et habille, et a dit a Ogier: «Vous me semblez expert et hardi jovencel; prenez ce bastonnet et faictes appareiller ce qui semblera bon a vostre seigneur». Lors fist dresser les tables et appareiller tout ce qui estoit necessaire, et Ogier servoit le roy de tout ce que mestier lui estoit¹⁾; et quant Rolant l'advise, si se prent a rire et appella les autres compaignons et leur dist: «Dieu a faict aujourd'uy ung moult bel miracle quant il a fait Ogier maistre d'ostel d'un porchier». Si s'en vont riant les barons de ces parolles, mais Ogier n'en estoit pas trop contens. Si soupperent a leur aise et furent moult bien serviz et puis s'allerent reposer; et quant ce vint que le jour fut levé si se habillent et apprestent. Puis monte l'empereur a cheval et les .xii. pers aussi et se mectent a leur chemin; si les convoya le porchier troys lieues loing²⁾. — Si erre-

¹⁾ Alors Ogier print les tables et les dressa, et puis après mist les napes dessus comme un valet, et le porchier luy apporta un grand tas de vaisselle d'or et d'argent pour servir le noble roy Charlemagne.

²⁾ Or chevaucherent roydement jusques a la vespre tant qu'il arriverent dedans une isle qu'on appeloit Marade qui estoit fort verdoyante ou il y avoit un autre pavillon lequel estoit encores plus riche sans comparaison que l'autre, faict et ouvré d'ouvrage Sarrazine, et reluysoit a l'encontre du soleil la pomme qui estoit d'or ou y avoit une escarboucle qui flamboit si cler qu'a peine on en perdoit la veue quand on le regardoit, et jamais ne vy un si riche tref. — Съ острого-

rent jusques a none et puis trouverent ung tref qui estoict moult riche; et avoit par dessus le tref ung pommel moult flamboiant. Si le regarde Charlemagne, puis dit a son nepveu Rolant: «La royne n'aura ja garde de ce qu'elle me dist a mon despartement, car bien congnois qu'elle disoit verité, car oncques mais en mon vivant ne vis telle richesse». Lors s'adressent au tref; si y avoict dedens des gens qui yssirent dehors ¹⁾ et demanderent aux pers qui ilz estoient et les pers leur respondirent: «Veez cy le roy de France Charlemagne et tous ses .xii. pers qui allons de jour en jour querant le roy Hugues; si nous dictes si vous nous pourrez mes huy herberger». — «Ouy», dist ung *vachier*, «et feussiez vous troys mille; et aurez pour vous aider tout tant que pourrez demander». Lors dist Roland au roy par maniere de gaberie: «Beaulx oncles, par cellui Dieu qui fist le firmament, se ne feussent les porchiers qui gardent les porcs et les vachiers qui gardent les vaches, je cuide que jamais ne retournissions en France; si cuide que leur mestier vous soit plaisant puis que ainsi vous allez (ms. aller) acointer d'eulx».

Quant le vachier sceut que le roy Charlemagne estoict et qu'il scent lequel c'estoict d'eulx, pour lui porter honneur alla son destrier saisir et lui dist: «Sire, tout ce qui est ceans est a faire vostre plaisir». Lors Charlemagne descendit de son destrier et les .xii. pers aussi; si fut incontinent tout le soupper appresté et les tables mises et adressées. Lors se assist Charlemagne a table et ses .xii. pers et furent moult bien serviz, et le vachier apporta devant le roy Charlemagne entre deux platz deux grans chappons roustiz, et quant Roland les vit si dist a Olivier et aux autres tout hault tant que Charlemagne l'ouyt: «Dieu a faict grant miracle a l'empereur aujourd'uy, puis que Dieu lui a donné

вожъ Марде сл. у Мандевилля островъ Milsterache, Milstorache, Milschorah, по сосѣдству съ страной Пресвитера Юанна, съ дворцомъ — *богатаго крестьянина*.

¹⁾ Saillit dehors un vacher qui estoit habillé comme un roy.

la grace que ung vachier l'a servy». Si s'en print a rire l'empereur moult fort. Si s'en soupperent et puy se allerent esbatre et deviser de plusieurs choses; et après s'allerent coucher et reposerent toute la nuit; et quant il fut jour se leverent et s'abillerent et puis allerent monter a cheval et se misdrent a chemin, et quant ilz eurent une piece cheminé, arriverent en ung champ ou dedens avoit ung pavillon ouquel avoict ung *bergier* et bien .XL. compaignons lesquelx gardoient grant quantité de brebiz. Charlemagne les monstre a Roland son nepveu et Roland lui dit: «Sire, si le roy Hugues est aussi bien garni de toutes choses qui appertienent a guerre comme il est de bestiail, il m'est advis qu'il n'y a roy en tout le monde qu'il craignist de riens; si ay grant envie de le veoir». — «Par ma foy», dist le roy Charlemagne, «aussi ay je». Lors print son destrier et va au pavillon; si y trouve ung *bergier moult* richement adoubé; si luy demande s'ilz pourroient pour mes huy herberger en sa maison; le *bergier* lui respont que ouy tres volentiers, «pour l'amour de ce que vous me semblez estre tres gentilz homs et aussi pour l'onneur de mon sire le roy Hugues». Lors Rolant dist tout hault: «Foy que je doy a Dieu, ne me croiez ja mes si aussi tost que nous serons en France retournez, se Charlemagne ne se rend de quelque religion et vouldra savoir comment vaches et moutons sont gouvernez par les champs». Le *bergier* advisa le roy Charlemagne et va tenir son destrier pour descendre; puis lui dist: «Sire, ceans serez serviz tout a vostre plaisir». Et quant Rolant l'entendit, si dist a ses compaignons: «Seigneurs, il n'est homme ou monde qu'il puisse ja tant servir le roy qu'il puisse sa grace desservir; mais porchiers et vachiers en font du tout a leur volenté: si ay doubte vraiment qu'a leur mestier ne se vueille briefvement retourner».

Charlemagne et les .xii. pers coucherent la nuytée chex ce *bergier*, et au matin se leverent et se sont habillez et armez et mis a chemin, et ainsi qu'ilz chevauchoient virent venir ung messaige qui chevauchoit moult vistement. Charlemagne brocha

encontre luy, et quant il fut approuché, lui demanda qui il estoict et s'il lui sauroit a dire nouvelles du roy Hugues. «Sire», dist le messaige, «je suis au roy Hugues et fois ses (ms. ces) messaiges par toutes terres, et se vous le voulez trouver avant qu'il soit nuyt, vous le trouverez par deça Constantinnoble en une grant vallée, la ou il maine sa charrue dorée qui est toute faicte d'argent et de fin or». Lors dist Charlemagne au messaige: «Tu m'as compté merveilles, car oncques mais n'ouy dire a personne que roy fust charretier». — «Sire», dist le messaige, «pour Dieu n'en soiez courroussé(e), car en enfance lui fut ceste chose destinée». — «Par ma foy», dist le roy, «ce fut pouvre destinée, puis qu'il couvient que ung roy face aux champs sa journée; au cueur en ay grant dolleur», dist le roy, «qu'en ung feu puisse estre arce la putain deshonneste qui ainsi le destina». Si tost que le roy eut entendu le messaigier si se met a son chemin et chevaucha tant qu'il arriva au champ ou le roy Hugues menoit sa charrue de laquelle(s) les rouelles estoient toutes d'or, et d'argent estoict le soc, et le couste aussi qui tient la charrue. Si estoient les chevaux de la charrue couvers de moult nobles couvertures batues a pierres et a orfaverie. Si dist Charlemagne a Rolant: «Foy que je doy a Dieu, si je tenoie celle charrue je la feroie rompre et mettre en monnoie pour paier souldaiers encontre les mescreans, car qui a richesse et il ne l'employe, ell' est perdue».

Or estoict le roy Hugues en ce champ qui sa charrue menoit, et estoict assis sur ung mulet blanc et avoict sur sa teste ung ciel¹⁾ qui grant clarté gectoit, et le portoient quatre ducz moult richement atournez²⁾, et reluisoit ce ciel moult fort pour la grande richesse(s) d'or et de pierres precieuses qui y estoient. Et si tost que Charlemagne et ses pers vindrent la, si saluerent le roy

¹⁾ poille.

²⁾ et le portoient quatre princes attaché au bout de quatre lances montez chacun sur une hacquenée blanche comme neige; au bout de chacune lance avait un gros pommel d'or qui reluisoit contre le soleil a merveilles.

Hugues lequel s'enclina le premier, et le roy Charlemaigne après, et lui dist: «Sire, celui qui le monde forma salve le roy Hugues, qui a telle charrue, et le gard d'ennuy et d'enconbrier». Lors respont le roy Hugues: «Sire, vous soiez le bien venu; or me dictes dont vous venez, qui vous estes, ne que querez». — «Sire», dist Charlemaigne, «je ne le vous celeray pas; je suis le roy de France et vez cy mon nepveu Rolant avecques mes pers, qui venons d'adorer le Saint Sepulcre, et querons pour mes huy quelque hoste qui nous herbergeast». Quant le roy Hugues l'entent, si destella ses chevaulx et dist au roy que bien le logeroit. Si regarda Roland la charrue au roy Hugues et la souhaicta au Palais de Paris, et dist tout bassement a Olivier que pendu fust il qui premierement fonda charrue d'or, et aussi le roy premier qui se mist a la charrue mener, et dist: «arce puisse estre celle qui ainsi le destina»! Quant le roy Hugues a advisé le roy Charlemaigne et ses .xii. pers, si alla incontinant desteller sa charrue et se descendit de son mullet; si emmena Charlemaigne et ses .xii. pers en son palais qui estoict moult bel et moult riche, et *pour l'amour de la beaulté et de la richesse qui estoict en ce chasteau fut il Constantinoble appellé*¹⁾. Quant Roland et ses

¹⁾ Сл. въ Guérin y Koschwitz'a, Sechs Bearbeit. p. 50: «la cité de Constantinoble qui tant estoit somptueusement et richement faite tant par dehors comme par dedens que c'estoit grant noblesse et beaulté de une telle cité veoir; et a ceste cose fut elle nommée Constantinoble. Въ печатномъ текстѣ Galien (Koschwitz, l. c., p. 114): et pour la grant noblesse qui fut au dit palais Charlemaigne le nomma Constantinnoble et ainsi le baptisa; Geiplur (l. c., p. 142), строфа 69:

[Bidenciána var borgin sú
af brögnum köllud ólim;
[þó er hun kend af köppum nú
Constantinopólim.

Очевидно, такое наименованіе, имѣетъ смыслъ лишь во французскомъ текстѣ: Constantinoble = Constantin noble. Сл. въ изданномъ мною Dit de l'empereur Coustant, Romania, № 22: Constans вводитъ христіанство въ Византію:

621 Et pour cette nouvelleté
Ont Bissance sen nom mué:
Le nom leur singneur li donnerent,

compaignons eurent grant piece regardé l'ostel et l'estat du roy Hugues, se dirent l'un a l'autre que en lui avoict riche varlet pour charrue mener. «Voire», dist Rolant, «que pleust a Dieu que je tinsse a Paris charrue et charretier, car par ma foy incontinant en feroie florins forger ou la feroie sur le pont en monnoie changer». Si s'en allerent ainsi les deux roys et les .xii. pers et les monterent ou palais; si les festoya moult richement le roy Hugues».

Авторъ соответствующаго эпизода въ Guérin ограничивается однимъ указаніемъ на первыя встрѣчи Карла, не заслуживающія, по его мнѣнію, серьезнаго вниманія. «Et qui voudroit toutes leurs aventures raconter, ce seroit chose trop ennueuse; pour ce s'en taist l'istorien de la plus grant part, mesmement que ce lui samble fantosme ou clere mençonge trop entendible; car ilz trouverent *porchiers, vachiers et bergiers* gardans leurs bestes, couchans et retrayans en tentes en paveillons sy richement appointiés et ouvrez que ce pouroit sambler chose faée ou menteresse». — Первая встрѣча Карла — съ messagier, который на его вопросъ о Гугонѣ, отвѣчаетъ: «Par foy», fait il, «beaux signeurs, du roy Huguon say je toutes nouvelles plus ou autant que nul homme a qui vous le puissiez demander; et se demandé l'avez a ung porchier, a ung vachier et a ung bregier que en vostre chemin povez ou devez avoir veus, autant en scevent ilz comme je fais, car chascun d'eulx est son prochain parent par linage, et lui mesmes est au labour comme ja tos le pourez vous veoir se jusques la ou il est voulez venir». — Путники видятъ

Le roi Coustant, que moult amerent:
 Pour ce que si *nobles* estoit,
 Et que nobles oevres faisoit,
 L'appielloient *Coustant le noble*:
 Et pour çou ot *Coustantinnoble*
 Li cyté de Bissance a nom.

Подобное преданіе могъ имѣть въ виду и авторъ поэмы, пересказанной въ Guérin и Galien.

дальѣ Гугона, «lequel estoit monté sur une mulle si richement afeutrée que l'en ne pouroit plus; et entour lui aux quatre coings avoit quatre ducs et nobles princes qui sur son chief pour la chaleur du soleil lui soustenoient ung poisle de drap espesement ouvré et batu a or, et le soustenoient chascun au bout d'une lance, et la dessoubz se ombroyoit Huguon et tenoit une charue si riche c'onques de telle ne fut ne avoit mais esté parlé. Et de la façon dit l'istoire que les rouelles estoient de fin or et le soc de fin argent, les manchereaulx de fin ciprès et les trays de la plus fine soye du monde. Sy la tiroient .iiii. chevaux enharneschies si richement comme se roy ou roynes les eussent voulu chevauchier, car ilz estoient couvers richement et leur pendoient aux costez petites sonnettes d'or et d'argent ausques differentes de son l'une a l'autre qui rendoient si grant melodie que ja n'eust eu desplaisance au cuer qui si grant douceur eust ouie».

Откуда явился типическій образъ пашущаго императора? О. Миллеръ сближалъ его съ нашимъ Микулой Селяниновичемъ, съ которымъ намъ еще предстоитъ встрѣтиться; G. Paris¹⁾ указывалъ на сходство съ китайскимъ обычаемъ, по которому императоръ открываетъ земледѣльческій годъ, самъ проводя первую борозду. Тексты Галіэна нашли легкій выходъ въ объясненіи — что такъ суждено было императору отъ рожденія, феями-рожаницами; но, очевидно, это объясненіе придумано. Въ Guégin посланецъ говоритъ Карлу, что Гугонъ «близкій родственникъ» видѣнныхъ имъ пастуховъ и свинопасовъ, почему онъ и самъ занимается хлѣбопашествомъ. Родственникъ — по человѣчеству, по Адаму? Такъ можно заключить со словъ кимрійскаго пересказа, что Гугонъ пашеть — изъ смиренія, помятуя заповѣдь: «Въ потѣ лица будешь ѣсть хлѣбъ свой, доколѣ не возвратишься въ землю изъ которой ты взятъ» — какъ передъ Пресвитеромъ несутъ сосудъ съ землею, какъ memento mori, въ память о томъ, что

¹⁾ G. Paris, Hist. poétique de Charlemagne, p. 343; сл. Romania, I. с. p. 4, прим. 1.

всей его силѣ и славѣ суждено обратиться въ персть, а по Гервасію Тильберійскому (*Otia Imperialia, decis I, c. X*) золотая держава императора наполнена перстью и золой, «*ut per auri fulgorem gloria notetur imperii et per favillam levis gloriae temporalis transitus designetur*». — Съ точки зрѣнія этого сближенія Гугонъ-пахарь напоминаетъ черты Пресвитера: то-же благоденствіе — и та-же нравственность въ народѣ: никто не украдетъ драгоценный плугъ Гугона — еслибъ онъ семь лѣтъ пролежалъ въ полѣ; то-же могущество и то-же смиреніе царя, только выраженное въ другомъ образѣ. Это отличіе стало существеннымъ въ смыслѣ разработки второстепенныхъ мотивовъ сказанія: у Гугона-пахаря естественно очутились служителя пастухи, свинопасы, коровники.

Но послѣдуемъ далѣе за путешественниками, дивящимися чудесамъ Константинополя и Гугонова дворца:

365 Seignors, dist Charlemaine, molt gent palais at ci;
 Tel nen out Alixandre ne li vielz Costantins,
 Nen n'out Creissanz de Rome qu'a tante honor bastit.

Koschwitz въ первомъ изданіи старофранцузской поэмы безъ нужды заподозрилъ Crisans послѣдняго стиха, замѣнивъ его другимъ именемъ. Въ Разысканіяхъ IV, стр. 53, прим. я указалъ на эту ошибку, объяснивъ ¹⁾, что подъ Crisans de Rome разумѣется Кресценцій, имя котораго рано окружилось легендой, вошло въ романическіе рассказы и пристало къ нѣкоторымъ древнимъ сооруженіямъ Рима. G. Paris ²⁾ приходитъ къ тѣмъ-же заключеніямъ, пользуясь отчасти тѣми-же источниками. «Очевидно Crisans — то-же лицо, которому нѣкоторые тексты приписываютъ римскій Chastel Creissant, говоритъ онъ: этотъ замокъ упоминается въ одной, нынѣ утраченной *chanson de geste*, о которой я говорилъ въ другой разъ, поэмѣ, сохранившейся въ из-

¹⁾ Croissans - Crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, СПб. 1881, стр. 29—30.

²⁾ l. c. p. 45—6.

влеченіи у Филиппа Мускэ и послужившей основаніемъ для *Fie-gabgas*¹⁾: онъ служитъ убѣжищемъ христіанамъ; о немъ говорится, какъ о крѣпости, возвышающейся надъ Римомъ, въ стихотворномъ романѣ о Семи Мудрецахъ, написанномъ около половины XII вѣка на основаніи другого, значительно болѣе древняго текста; о *Castellum Crescens* упоминаетъ также и *Gautier Mar* въ своей интересной, хотя спутанной компиляціи, сохранившейся въ одной лишь рукописи подъ заглавіемъ: *De Nugis Curialium*. Я высказалъ, при другомъ случаѣ, объ этой крѣпости, высящейся надъ городомъ, предположеніе, нынѣ подтверждающееся текстами, которые въ то время были мнѣ неизвѣстны. Замокъ Св. Ангела называется, начиная съ конца X-го столѣтія, *Chateau Croissant*. Это названіе онъ получилъ отъ знаменитаго Кресценція, владѣвшаго Молой Адріана и оттуда простиравшаго свою власть и на весь Римъ; въ этой твердыни онъ былъ осажденъ Оттономъ II и его обезглавленное тѣло было сброшено съ ея стѣнъ по приказанію императора. Имя Кресценція надолго осталось при замкѣ, бывшемъ орудіемъ и послѣднимъ оплотомъ его могущества; въ послѣдствіи названіе не удержалось и старая кличка «Замка Св. Ангела» снова получила преобладаніе²⁾. — Такимъ образомъ «*Crisant de Rome*» поэмы — признакъ ея относительной древности; и въ слѣдующемъ полустигии: «*qui tanz honors bastit*» слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть не одно лишь общее мѣсто, служащее къ наполненію стиха. Народъ естественно приписывалъ Кресценцію - *Croissant* построеніе замка, носившаго его имя; и вотъ въ Римѣ дѣйствительно существуетъ интересное зданіе, относимое археологами къ концу X-го вѣка: народъ называетъ его въ настоящее время *Casa di Rienzi* либо *Casa di Pilato*, но также и *Casa di Crescenzio*³⁾ — и это, вѣроятно, его древнѣй-

¹⁾ G. Paris, *Hist. poét. de Charlemagne* p. 251.

²⁾ О *Castellum Crescentii*, называвшемся также *Castellum, domus Theodoric*, см. статью Мюлленгофа (*Zeitsch. f. deutsch. Alterth.* XII, 319) и относящаяся сюда мѣста у Nibby, *Gregorovius'a* и *Jordan'a*.

³⁾ Если *Casa di Crescenzio* не древнѣе, то и не многимъ позднѣе X-го вѣка. См. *Gregorovius, Gesch. der Stadt Rom*, t. III, p. 564.

шее обозначеніе. Паломники XI вѣка, разсказами которыхъ пользовался авторъ поэмы, видѣли богатыя палаты «Croissant», его неприступный замокъ, и, разумѣется, приписывали ему и другія постройки: оттого онъ и названъ «строителемъ» въ пѣснѣ о Хожденіи». — Во 2-мъ изданіи поэмы в. 367 Koschwitz возстановилъ Creissenz = Crisans ¹⁾.

Роскошь Гугонова дворца въ поэмѣ изумительная:

348 A or fin sont les tables, et chaires et banc.
 Li palais fut d'azur listez et avenanz
 Par molt chieres peintures a bestes et serpenz,
 A totes creatures et a oisels volanz.
 Li palais fut voluz et desore cloanz,
 Et fut faiz par compas et serez noblement;
 L'estache del miliu neielee d'argent.
 Cent colombes i at tot de marbre en estant;
 Chascune est a fin or neielee devant...
 De cuivre et de metal tresjetet dous enanz.
 Chascuns tient en sa boche un corn d'ivoire blanc.
 Se galerne ist de mer, bise ne altre venez
 Qui fierent al palais dedevers occident,
 Il le font torneier et menut et sovent
 Come roe de char qui a terre descent.
 Cil corn sonent et boglent et tonent ensemment
 Com tabors o toneires o granz cloche qui pent.
 Li uns esguardet l'autre ensemment en riant
 Que ço vos fust viaire que tuit fussent vivant.

Карлъ любитъ устройствомъ дворца, когда вдругъ поднялся
 вѣтеръ съ моря, ударилъ во дворецъ,

372 Altresil fait torner com arbre de molin.
 Celes imagenes cornent, l'une a l'autre sorrisset
 Que ço vos fust viaire que il fussent tuit vif,
 L'uns halt, li autre cler; molt fait bel a oïr.

¹⁾ О другихъ зданіяхъ Рима, носившихъ имя Кресценція, см. Graf. Roma, I, p. 179, прим. 50.

Ço'st avis, qui l'escoltet, qu'il seit en parais
 La ou li angele chantent et soëf et serit.
 Molt fut granz li orages, la neif et li gresilz,
 Et li venz durs et forz, qui tant bruit et fremist.

.....
 384 Molt fut gries li orages et hisdos et costis.
 Charles vit le palais torneier et fremir;
 Il ne sont que ço fut, ne l'out de loin apris.
 Ne pout ester sor piez, sor le marbre s'assist.
 Franceis sont tuit verset, ne se poeent tenir
 Et covrirent lor chies et adenz et sovin,
 Et dist li uns a l'autre: «Mal somes entrepris;
 Les portes sont overtes, si n'en poons eissir.»
 Charles vit le palais mentement torner.
 Franceis coevrent lor chies, ne l'osent esgarder.
 Li reis Hugue li Forz en est avant alez
 E a dit as Franceis: «Ne vos desconfortez.»
 «Sire, dist Charlemaignes, ne serat ja mais el?»
 Et dist Hugue li Forz: «Un petit m'atendez!»
 Li vespres aprochat, li orages remest.
 Franceis saillent en piez.

Покой, отведенный Карлу и его перамъ для ночлега, на сводахъ, расписанъ, украшенъ драгоценными камнями и кристаллами; его освѣщаетъ карбункулъ — точно майское солнце; въ покоѣ поставлены двѣнадцать кроватей, каждую изъ нихъ не свезти съ мѣста и двадцати воламъ; онѣ убраны бархатомъ и тафтой; у тринадцатаго ложа, предназначеннаго Карлу, ножки серебряныя, отдѣлка по краямъ изъ эмали, покровъ — работа феи Maseüz.

Тексты Galien и Guégin обошли описаніе дворца; въ кимрійскомъ онъ сохранился подробно: на полу изваяны изображенія животныхъ, дикихъ и домашнихъ; у входа внизу — подобіе моря со всѣми его обитателями; на стѣнахъ написаны небо и птицы, послѣднія такъ искусно, точно онѣ летятъ въ воздухѣ. Верхняя часть палаты представляла форму и образъ неба, съ солнцемъ, луной и звѣздами вокругъ, загоравшимися на верху всякій разъ

въ соотвѣтствіи съ временемъ года. — Та-же чудесная колонна въ срединѣ постройки и пилястры вокругъ: около каждаго изъ нихъ статуя человѣка изъ желтой мѣди, съ рогомъ, точно они тотчасъ готовы затрубить. Пока Карлъ и его спутники любовались этимъ устройствомъ, внезапно подулъ вѣтеръ со стороны моря, изображеннаго внизу палаты (sic), и вся она завертѣлась на основной колоннѣ, какъ мельничное колесо, статуи затрубили, Карлъ испуганный и не будучи въ состояніи удержаться на ногахъ, присѣлъ невольно, а его рыцари, пытавшіеся устоять, свалились со страха, закрывъ глаза и голову. Гугонъ успокоиваетъ ихъ; и дѣйствительно: къ вечернѣ вѣтеръ стихъ, рога замолкли и движеніе прекратилось.

То-же описаніе движущихся фигуръ и вращающихся палатъ находимъ и въ сагѣ, объясняющей намъ и тайну ихъ механизма: peir stólpur váru allir innan, ok blés vindr undir höllina neðan, svá at upp kom í stólpana, ok var með svá miklum brögðum um búit, at börnin öll blésu með þeim vindi á hverskonar lund er fagrt var, en hvert þeirra rétti fingr at öðru hlaejanði beint sem kvik vaeri. — Вѣтеръ, движущій статуями и палатой, приходитъ — не съ моря, какъ въ предъидущихъ текстахъ, а проведенъ снизу въ поля колонны. Эта подробность связываетъ съ еягой слѣдующее описаніе исландскихъ Geiplur:

76 Standa þar með steini framt
stólpur aðrir minni;
hvergi faerri enn hundrað samt
í höllu kónsins inni.

77 Mannlíkan hefr markat á
meistarinn einn sá kunni;
þau eru börnin brögða-smá,
sem bera sér horn at munni.

78 Hverr er stólpinn holr ok tómr
ok hoddum þaktr víða;
þat [er enn mesti meistaradómr,
[mega þat gjörvallt smíða.

79 Þá kom vindr ok veifði höll,
vaenum stólpum naerri;
börnin tóku at blása upp öll
beint sem lifandi vaeri.

80 Þegar er stólpinn steini líkr
stórum vindi léttir,
hverr at öðrum höfði víkr,
hlaer ok fingr réttir.

81 Mildings höll sem mylna snýst,
[mek tug ofnis skerjum;
eingi þegn við þessu býst,
en þýtr í stólpa hverjum.

Въ этомъ описаніи встрѣчается цѣлый рядъ подробностей, относящихся насъ то къ Пресвитеру Іоанну, то къ Дюку, либо къ тому и другому вмѣстѣ. Центральная колонна Гугонова дворца встрѣчается и въ описаніи дворца Пресвитера; механически движущіяся солнце, луна и свѣтила въ изображеніи индѣйскаго царства, въ палатахъ «драка» и Хосроя, въ теремахъ Чурилы, Соловья Будимировича, Дюка и, судя по кимрійскому пересказу, и въ какомъ-нибудь оригиналѣ Хожденія. Я полагаю, что сюда-же слѣдуетъ отнести и диковинки іерусалимскаго собора, какими ихъ представляетъ поэма XI вѣка:

124 Vit de cleres colors le mostier peinturet,
De martirs et de virgenes et de granz majestez,
Et les cors de la lune et les festes anvets,
Et les lavacres ¹⁾ corre et les peissons par mer.

Foerster и Gaston Paris ²⁾ считаютъ послѣдній стихъ испорченныиъ; Paris предполагаетъ пропускъ одного либо нѣсколькихъ стиховъ; оба смущались, очевидно, сочетаніемъ: lavacres (= fonts

¹⁾ Koschwitz во 2-мъ изданіи предполагаетъ послѣ lavacres пропускъ, а corge и т. д. относить къ концу слѣдующаго (неполнаго) стиха.

²⁾ Romania № 33, I. с. р. 20—1, прим. 1 на стр. 21.

baptismaux) corge. Дѣло объясняется проще: мы имѣемъ дѣло съ одной изъ причудъ средневѣковой поэтической архитектуры, устроенвавшей стеклянные полы, дѣлавшіе впечатлѣніе воды, водоема (сл. восточныя и русскія сказанія о Соломонѣ и царицѣ Савской, палаты Навуходоносора въ одномъ текстѣ Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ); фантазія шла нерѣдко и далѣе того: подѣ стекляннымъ поломъ, казалось, дѣйствительно двигались рыбы и морскія животныя. Такъ во второмъ Титурелѣ, такъ въ прозаической редакціи былины о Дюкѣ (Рыбн. I, № 50), гдѣ Владимиръ боится ступить на стеклянные полы: «подѣ ними вода течетъ, вовѣ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя; а хлеснетъ рыба хвостомъ, половина точно треснетъ». — Послѣдній стихъ приведенной цитаты означаетъ, стало быть: онъ видитъ — вверху ходитъ луна, внизу, подѣ поломъ, течетъ вода и рѣзвятся рыбы¹⁾.

Металлическія статуи дѣтей и людей у пилястровъ, играющія на трубѣ, улыбающіяся и кивающія другъ другу — отвѣчаютъ такимъ-же изображеніямъ царей и царицъ на колоннахъ во дворцѣ Пресвитера, также играющимъ — и угощающимъ другъ друга изъ кубка. Мы уже сблизили эти изображенія съ причудливыми образами на Дюковыхъ пуговкахъ и петелкахъ; но мы можемъ пойти и далѣе въ объясненіи послѣднихъ. На нихъ и молодцы и дѣвушки и птицы пѣвучія и звѣри рыкучіе: когда по нимъ

¹⁾ Въ *Élie de Saint Gille* (ed. W. Foerster) есть эпизодъ, вовсе не мотивированный общимъ ходомъ дѣйствія и напоминающій знакомые намъ образы Хожденія: Розамунда указываетъ *Élie* убѣжище, гдѣ онъ найдетъ — вращающіяся палаты, плавающія рыбы и четыреста рыпарей, объ руку съ своими *amies* (сл. первую встрѣчу Карла въ поэмѣ). Обо всемъ этомъ нѣтъ далѣе и рѣчи.

1641 La ueres vous les huis et le palais torner
 Et les vientres detraire et les ors encainer
 Et les pisons noians et le ciel estele;
 Et toute rien en tere comme l'arce Noe
 Ai ge fait en ma canbre a fin or pointurer.
 S'i a une richece dont uous ne uous gardes,

 Et cascuns tient s'amie par l'ermin engoule.

проводять плеткой, поднимается такой крикъ и голосованье, что все присутствующіе падаютъ — о земь. Этого шаржа могло не быть въ оригиналѣ нашей пѣсни, судя по аналогіи Хожденія, саги и кимрійской прозы: тамъ и здѣсь вѣтеръ съ моря или изъ полыхъ столбовъ заставляеть статуи *ирать и двигаться*, а покой, въ которомъ онѣ стоятъ, — вращаться на оси: отъ этого движенія и падаютъ, присѣдаютъ Карлъ съ его перами.

Поэма присоединяетъ къ вѣтру — цѣлую искусственную бурю, со снѣгомъ и градомъ, что относитъ насъ къ диковинкамъ Хосроева дворца, въ которомъ свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, — но идетъ и дождь и раздаются раскаты грома: вода, проведенная въ тонкихъ, потаенныхъ трубочкахъ, превращалась, въ подобіе дождя (Винценцій изъ Beauvais, Jacobus de Voragine, Kaiserchronik); подъ башней, въ подземельномъ покоѣ, двигались въ кругу лошади, запряженные въ повозки, что заставляло колебаться башню и производило впечатлѣніе грома (Jacobus de Voragine, большой Passional); по желанію царя наступала во дворцѣ ночь и снова день, гремѣлъ громъ, сверкала молнія, шелъ дождь и снѣгъ, становилась зима и лѣто, поднимались вѣтры и наступала ясная погода (Hermann von Fritzlar). Gautier d'Arras въ Egacles'ѣ, описавъ драгоценное небо Хосроевскихъ палатъ, прибавляетъ и слѣдующее:

5195 et par engien, si con je truis,
 faisoit plouvoir par un piertuis
 q'il ot fait faire el ciel là-sus.
 Encore i a-il asses plus:
 La tiere estoit de-sous cavée
 et bien plancie et bien levée;
 Uns foles i ot por soufler:
 cant il voloit faire tourner,
 tout es i ot: venter faisoit
 et plus asses, con li plaisoit ¹⁾.

¹⁾ См. мою Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, стр. 145 и талмудическую легенду о царѣ Хирамѣ у Landau, Beiträge z. Geschichte der italienischen Novelle, p. 43.

Въ палатахъ Пресвитера мы видѣли хоромы, своды которыхъ представляютъ звѣздное небо, покой, вращающіеся на оси, механическія фигуры, движущіяся и играющія. — Въ изображеніи Хосроева дворца нѣкоторыя изъ этихъ подробностей соединились въ общую картину какого-то макрокосма, производящаго впечатлѣніе неземнаго могущества: потолокъ обратился въ небо со свѣтилами, идетъ дождь и раздаются удары грома — всё это подъ вліяніемъ хитраго механизма, трубочекъ, мѣховъ. — Въ Хожденіи мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ такимъ же сочетаніемъ диковинокъ: солнце, луна и звѣзды загораются на сводахъ, — «въ соотвѣтствіи съ временемъ года»; поднимается вѣтеръ и буря — несомнѣнно, дѣло такого-же привода, полыхъ колоннъ, въ которыхъ ходитъ вѣтеръ. Лишнее противъ описанія Хосроевыхъ палатъ — трубящія фигуры и вращеніе палаты, отъ котораго падаютъ непривычные гости.

Представимъ себѣ, что изъ этого сочетанія: играющихъ, улыбающихся, движущихся фигуръ съ вращеніемъ покоя — выпала именно вторая часть (вращеніе) и осталась неизбежное слѣдствіе: паденіе всѣхъ присутствующихъ. Раскащикъ-пѣвецъ поспешилъ по своему наполнить логическій пробѣлъ, объяснивъ себѣ паденіе — дѣйствіемъ пѣнія, крика, издаваемого изображеніями-статуями, птицами не на пилястрахъ, а на пуговкахъ и петелкахъ ¹⁾ пріѣзжаго изъ Индіи молодца. Такъ понимаю я

¹⁾ Я не касаюсь здѣсь вопроса о томъ, на сколько вычурное описаніе пуговокъ и петелокъ воспроизводитъ дѣйствительную подробность древнихъ пѣсней и — варида. Застежки, съ изображеніемъ обнимающихся и — расходящихся юноши и дѣвушки, легко себѣ представить; то-же можно сказать и о Змѣѣ Горыничѣ. Сл. въ сербской пѣснѣ о женидѣбѣ Максима Црнојевића описаніе сорочки молодой:

У колиѣр уплетена гуја
 А под грлом изведена глава,
 баш се чини као да је жива,
 На глави јој анст камен драги,
 Каде иде момак са ђепојком
 У ложницу, да не носи свјеће
 нек свиѣтли алем камен драги.

странный, повидимому, шаржъ русской пѣсни ¹⁾. Въ эпистоли редакціи D игра механическихъ фигуръ и пѣніе таковыхъ-же птицъ наводили лишь усыпленіе — но приводятъ и въ изступленіе (*quodammado extra mentes efficiuntur*).

с) Гугонъ роскошно угощаетъ своихъ гостей на пиру, во время котораго Оливье засматривается на императорскую дочку. Гости порядкомъ подпили, ихъ ведутъ въ опочивальню, гдѣ для нихъ приготовлены кровати, а въ покой колоннѣ спрятанъ соглядатай, посаженный туда императоромъ — для опаски. Передъ сномъ Карлъ предлагаетъ своимъ пѣрамъ позабавиться, похвастать кто чѣмъ знаетъ: хвастовство на пиру, вечеромъ послѣ попойки, было общимъ западнымъ обычаемъ ²⁾: разгоряченные

¹⁾ Этотъ шаржъ имѣлъ, по видимому, извѣстный успѣхъ: въ нѣкоторыхъ вариантахъ пѣсни объ Ильѣ и разбойникахъ мы встрѣчаемъ гремѣщія пуговики на кафтанѣ Ильи:

И напали на Соколь корабль разбойнички,
.....
А онъ по кораблику похаживать,
Онъ и тросточкой по пуговкамъ поваживать:
Пуговики залочоныя разгремѣлися,
Лютые львы разревѣлися,
А разбойнички испужалися

(Кир. I, № 7, стр. 23); либо:

Илюшенька по кораблю похаживаетъ,
Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговики забѣлѣлися,
Его петелки разгорѣлися,
На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
По заморскому льву.
.....
Его лютыя звѣрья разревѣлися

(ib. № 5, стр. 40); Сл. Шейнъ въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и древн., 1877, III, № 4, стр. 7; Русскія народныя пѣсни, собранн. А. И. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ, Лѣтописи Тихонравова, т. IV, Матеріалы, стр. 9—11, № IV. О подобной-же подробности въ сказкахъ о Данилѣ Безчастномъ см. далѣе гл. XI.

²⁾ Я пользуюсь далѣе богатыми выдержками изъ памятниковъ, сдѣланными Тоблеромъ въ *Zs. f. romanische Philologie* IV B., стр. 81 слѣд.; для итальянскихъ примѣровъ см. предисловіе къ *Cantare di Madonna Elena imperatrice*. Livorno, 1880 (Ottavio Targioni-Tozzetti).

виномъ рыцари хвалились другъ передъ другомъ прошлыми и будущими подвигами, не рѣдко выходившими за предѣлы человеческой возможности. Гдѣ теперь та молодежь, которая хвалилась вечеромъ, послѣ вина, что они выйдутъ побѣдителями изъ битвы? спрашиваетъ Aubri:

Ja dient il au soir et au matin
Que il vaintroient le peuple Constantin;
Hom trop vanteres est pires d'un mastin

(Aubri, ed. Tobler, Mittheilungen, p. 120). Въ Meraugis'ѣ (р. 77) рыцари, прежде чѣмъ разойтись, произносятъ, въ присутствіи дамъ, разные обѣты (одна изъ формъ похвальбы): тотъ обѣщается цѣлый годъ не носить другого оружія, кромѣ щита, и такъ сражаться; этотъ — въ теченіи того-же времени не спать подъ кровлей, пока не побѣдитъ какого-нибудь рыцаря и т. п. Въ 64-мъ разсказѣ Novellino (ed. Gualteruzzi) говорится, что «*nel riposare la sera, i cavalieri si incominciaro a vantare, chi di bella donna, chi di bella giostra, chi di bello castello, chi di bello astore, chi di bella ventura*» — а messer Alamanno хвастаетъ своей милой, навлекая на себя ея гнѣвъ. — Иногда обычное приуроченіе этого акта къ вечеру, послѣ пира, замѣнено другимъ (въ Aiolfo di Barbicone, какъ и въ Viaggio di Carlo Magno «*Vanti*» произносятся утромъ), либо приуроченія нѣтъ вовсе. Такъ въ Storia di Leombruno бароны собираются въ замкѣ:

Chi si avvanta di bella mogliere,
Chi si avvanta di bella magione,
Chi di caval corrente e buon destriere,
Chi di gentil sparviere e buon falcone,
Chi di palazzo e chi di torri altiere,
Chi si vanta di sua condizione и т. д.

То-же въ Cantare di Madonna Elena imperatrice, къ которому мы еще вернемся.

Хвастовство во полу-столѣ встрѣчается и въ другихъ были-нахъ, нигдѣ не проявляя, впрочемъ, того характера гасконнады,

которымъ отличаются *gabs* (сѣв. *geiplur*) французскаго Хожденія.

Хвастаютъ всѣ, съ почина Карла — прежде всего своей физической силой. Пусть дадутъ мнѣ лучшаго рыцаря царя Гугона, возложатъ на него двѣ брони, два шлема на голову, посадятъ на сильнаго коня: я нанесу ему мечемъ такой ударъ въ голову, что разрублю пополамъ шлемъ, броню, всадника, сѣдло и лошадь, а мечъ уйдетъ еще въ землю на цѣлое копыще. — За этой похвалой Карла слѣдуетъ въ поэмѣ другая — Роланда: еслибы Гугонъ далъ мнѣ свой рогъ¹⁾, я, выйдя изъ города, затрубилъ-бы съ такой силой, что всѣ городскія ворота сорвались бы съ петель; а коли царь пойдетъ на меня, онъ у меня такъ перевернется, что потеряетъ свою мантию на горностаихъ, да и усами поплатится. — Похвальба Оливье, подобно предъидущимъ, такое-же хвастовство своей физической силой: дайте ему царевну, дочь Гугона, онъ переспитъ съ ней ночь — и совершитъ нѣчто, превышающее всѣ предѣлы человѣческой возможности. — Рядомъ съ этими *gabs*, постоянно приуроченными къ опредѣленнымъ именамъ, идутъ другіе съ нѣрѣдко мѣшающимися именами и инымъ содержаніемъ: это какое-то богатырское скоморошество, пополамъ съ волшебствомъ и чудомъ, нѣчто, напоминающее продѣлки мага-скомороха въ одномъ текстѣ *Floire et Blanceflor* — и потѣхи, о которыхъ говоритъ вставка въ нѣкоторыхъ рукописяхъ слова Данила Заточника. — Турпинъ обѣщаетъ: пусть императоръ пуститъ бѣжать трехъ лучшихъ своихъ коней, я догоню передняго и вскочу на него, всё время подбрасывая къверху и хватая на лету четыре яблока; если одно изъ нихъ упадетъ, пусть выколятъ мнѣ глаза. — Этотъ *gab*, удержанный за Турпиномъ въ кимрійскомъ пересказѣ, перенесенъ, съ измѣненіями, на *Berart* (*Bernard*) *de Montdidier* въ *Guérin* и рукописномъ *Galien'*ѣ, *caré* и *Geiplur*, на *Berenger* въ печатномъ *Galien'*ѣ; наоборотъ, *Guérin* и *Galien*, *saга*, *Geiplur*, *Geira-ráttur* рассказываютъ о Турпинѣ, что древ-

¹⁾ Въ *Galien'*ѣ онъ обѣщаетъ затрубить въ свой собственный рогъ: Олифантъ.

няя поэма, согласно съ кимрійскимъ текстомъ, о Bernard de Brusban: онъ похваляется, что отведеть въ городъ рѣку, текущую внизу въ долину, и что императоръ принужденъ будетъ укрыться отъ наводненія на самую высокую башню. Это — послѣдній изъ трехъ gab'овъ, на исполненіи которыхъ Гуговь настаиваетъ: Бернаръ осѣняетъ рѣку знаменіемъ креста, и она тотчасъ вышла изъ береговъ, наводнила поля и городъ, а Гуговь, спасшійся на башню, жалуется и молитъ Карла о помощи, сулитъ ему свою казну, готовъ стать его вассаломъ. По молитвѣ Карла рѣка возвращается въ свое русло: gab разрѣшился чудомъ, какъ всѣ другіе, подлежавшіе исполненію; за паладиновъ Господь, ангель возвѣстилъ имъ о томъ, при нихъ чудотворныя іерусалимскія святыни. — За то слѣдующій gab принадлежитъ области чистой магіи: Aīmeg хвалится своей шапкой невидимкой, сдѣланной изъ кожи какой-то морской рыбы (581—2: Encore ai un capel d'Alemande, engolet — D'un grant peisson marage, ki fut faiz oltre mer); онъ надѣнетъ её и, когда Гуговь будетъ сидѣть за обѣдомъ, подойдетъ къ нему, съѣстъ его рыбу, выпьетъ его вино, стукнетъ его головой о столъ; императоръ набросится на своихъ людей — то-то будетъ ссора! (поэма, сага и кимрскій текстъ) — Отметимъ еще два странныхъ gab'а: паладинъ сулитъ броситься съ большой высоты на разставленныя внизу, вверхъ остриемъ, мечи, которыя сломятся отъ его паденія, а онъ будетъ невредимъ (Беранже въ кимрійск. текстѣ, Guérin, Galien ркп.; Boering въ сагѣ и Geiplur; Bernard de Montdidier въ печатномъ Galien). Бертранъ въ кимрійскомъ пересказѣ предлагаетъ еще большее: взявъ въ руки по щиту, онъ полетитъ, размахивая ими, точно на крыльяхъ, на высокую гору, а оттуда поднимется подъ облака повыше всѣхъ птицъ, повыгонитъ изъ лѣсу звѣрей, работниковъ съ поля. То-же въ сагѣ (taki keisari á morgin fjóra skjöldu ok fái mér, en ek skal fara um alla dali ok skóga, ok fljuga svá hátt ok oera, at heyri hvern veg fjórar milur, ok skulu þar or fljúga or öllum þeim skógum hirtir allir ok kollur ok allskonar dýr, ok svá fiskar or öllum vötnum) и Geiplur:

146 Bertram maelti, buðlungs mann;
«Bragning láti», sagði hann,
«fá mér einar fjórar lindr;
fjúga skal eg hér út um grindr.

147 Fer eg um skóga, fjöll, um grund,
flykkjast saman á einni stund
hirtir, fuglar, hverskyns dýr,
hver sú kind í vatni býr».

Сл. въ былинахъ о Волхѣ его обращеніе въ шуку, сокола, сѣраго волка, послѣ чего всѣ рыбы уходятъ въ синія моря, птицы за облака, звѣри въ темные лѣса.

Соглядатай, поставленный императоромъ, доносить ему о необычайныхъ похвальбахъ его гостей, которыя принялъ за серьезныя. Гуговь разсерженъ и обезпокоенъ, настаиваетъ на исполненіи gabs; напрасно увѣряютъ его французы, что всё это была одна шутка съ похмѣлья, обычная у нихъ игра: они принуждены покориться — п три похвальбы, между ними и похвальба Оливье, осуществляются — съ Божьей помощью. Гуговь не желаетъ продолженія, готовъ стать вассаломъ Карла, предлагаетъ ему всѣ свои сокровища — но тотъ отказывается отъ нихъ; слѣдуетъ торжественная процессія, въ которой оба императора шествуютъ рядомъ въ вѣнцахъ; Карль оказывается выше Гугона на футъ п четыре вершка. Не ладно сказала царица, говорятъ промежъ себя французы: никто не сравняется съ Карломъ, куда-бы мы не пришли, всюду одержимъ верхъ. — Карль возвращается во Францію и когда жена бросилась ему въ ноги, прощаетъ ей ради Гроба Господня, который ему довелось увидѣть. — Въ кимрійскомъ пересказѣ, Guégin и Galien'ахъ Гуговь также признаетъ себя вассаломъ Карла, такъ отказывающагося въ первомъ текстѣ отъ предложенныхъ ему богатствъ: «французскій король не принимаетъ, а раздаетъ подарки и раздаетъ щедро; везти сокровища во Францію не слѣдуетъ, они могутъ исказить духъ и мужество народа. Посмотрите, что у насъ есть:

много людей, способныхъ къ бою и много при нихъ оружія». — Это напоминаетъ извѣстныя слова Владимира.

Поэма кончается торжествомъ народнаго самосознанія, не растерявшагося при видѣ другой, болѣе блестящей и богатой культуры. Ни одинъ изъ *gabs* не отвѣчаетъ той формулѣ гнушенія, въ которую укладывается похвальба Дюка — потому что на то не существовало необходимыхъ условій: преимущества богатства и матерьяльнаго развитія. Дюкъ, представитель чудесной Индіи, могъ хвалиться ею — въ Кіевѣ или Византіи; въ иномъ положеніи находились напр. западные люди, занесенные въ качествѣ пословъ, прохожихъ паломниковъ къ константинопольскому двору. Если, иной разъ, и въ этихъ случаяхъ раздавалось слово похвалы, то оно получило другой характеръ, какъ въ нашихъ *gabs*, либо являлось намѣреннымъ хвастовствомъ ради поддержанія нарочной гордости:

815 Ja ne vendron en terre, nostre ne seit li los.

Существуетъ цѣлый рядъ разсказовъ, собранныхъ G. Paris'омъ, съ помощью P. Кёлера и Storm'a, и комментированныхъ имъ по поводу одного эпизода въ *Aimeri de Narbonne*¹⁾: послы, паломники приходятъ ко двору богатаго царя и, чтобъ не уронить себя, кичятся своимъ богатствомъ: коней подковали золотомъ или серебромъ и намѣренно теряютъ подковы; ихъ приглашаютъ къ царскому столу — они отвѣчаютъ, что у нихъ своего довольно; ихъ хотятъ наказать и не велятъ продавать имъ дрова — они топятъ свои печи орѣхами, деревянной утварью, которую скупаютъ, старыми кораблями и канатами; явившись во дворецъ, устраиваютъ себѣ сидѣнье на полу, подложивъ свои дорогіе плащи, и уходя, забываютъ взять ихъ съ собою; когда имъ о томъ напоминаютъ, они говорятъ, что не въ обычаѣ ихъ страны уносить съ собою — и стулья.

Изъ многихъ пересказовъ этого сюжета я выберу лишь тѣ, гдѣ мѣстомъ дѣйствія является Константинополь.

¹⁾ Sur un épisode d'Aimeri de Narbonne, Romania, № 36, p. 515 слѣд.

Wace въ своей Geste des Normans, въ части, написанной между 1162 и 1175 годами, рассказываетъ о путешествіи Роберта 1-го, шестого герцога Нормандіи:

Par la terre l'empereur
 Se fist conduire a grant honor.
 A la mule qu'il chevalchout,
 A la plus chiére qu'il menout,
 Pur reparlance e pur noblei,
 Pur faire gent parler de sei,
 Fist d'or les quatre piez ferrer
 (Ne vucil mie dire *dorer*,
 Car ce n'est mie us de parler);
 Puis fist a ses homes veer
 Que quant li ors des piez charreit
 Que mar nuls d'els le reprendreit.
 Par Constantinoble passa
 Et a l'empereur torna.
 Endementres qu'a lui parla.
 A la costume qui iert la
 Sun mantel jus a terre mist,
 Tot desfublez desuz s'asist.
 Al partir, quant il s'en turna,
 Le mantel prendre ne deigna:
 Un des Grieus le vit desfublé,
 Sun mantel li a relevé,
 Dist lui que sun mantel preist
 Et a sun col le rependist;
 Et il respundi par noblei:
 «Jo ne port pas mun banc od mei»
 [Chascuns des Normanz autresi
 Sun mantel a terre guerpi;
 Si cum li dus out fait si firent:
 Lur manteals el palais guerpirent;
 Et li dus lur dona manteals
 Asez plus riches e plus beals].
 A noblece li fu turné.
 E l'emperére a cumandé
 Tant cum il iert en la cité

Qu'il ait del suen a grant plenté,
 Quar il le volt bien cunreer;
 Mais li dus nel volt graanter,
 Ne volt mie sun cunrei prendre:
 Asez a, ço dist, a despendre;
 Tant cum il pelerins sereit,
 Del suen propre vivre voleit;
 Mais al retour, s'il reveneit,
 Cunrei et el de lui prendreit.
 Et l'emperére fist crier
 E par tut as marchiez veer
 Qu'il ne trovast busche ne fust
 Dunt sun mangier cuire peust.
 Et li dus a fait achater
 Tutes les nuiz qu'il pout trouver:
 Tut en fist cuire sun mangier,
 E le fist faire plus plenier
 E plus riche qu'il ne soleit,
 Pur la busche qui lui faleit.
 Li emperére asez s'en rist,
 Et a ses genz en riant dist,
 Si cum il parlout en gregeis,
 Que mult esteit li dus curteis;
 Or feist ço que il voldreit,
 Ja mais rien ne le li veereit.
 [Pur la noblece des Normanz
 Qui de lur manteals firent banz
 Fist l'emperére el palais faire
 Banz e sieges environ l'aire;
 Ainz cel tens a terre seeient
 Qui el palais seeir voleient]. ¹⁾

Подобное рассказывает сага о Норвежских королях про Сигурда, ходившаго въ Иерусалимъ въ 1111 году; изъ трехъ эпизодовъ опущенъ одинъ (плащи), императоромъ является

¹⁾ G. Paris, Romania, l. c. p. 524—526. Слова, поставленные въ скобкахъ, прибавлены Wace'омъ впоследствии: ихъ не было въ древнѣйшей редакциѣ его текста.

Алексѣй Комнинъ ¹⁾. «Разсказываютъ, что при въѣздѣ въ городъ (Константинополь) король Сигурдъ велѣлъ подковать золотомъ своего коня и коней своихъ спутниковъ, которымъ заказалъ ѣхать по городу, какъ именитые люди, не скромничая, не удивляясь ничему новому, что-бы они могли увидѣть, и не обращая вниманіе, если-бы сорвались у лошадей ихъ подковы. Что они и сдѣлали» (Hulda).

«Позже король Сигурдъ пожелалъ дать пиръ императору: велѣлъ своимъ людямъ приготовить все нужное съ подобающимъ великолѣпіемъ, какъ это было въ его обычаѣ и прилично богатымъ людямъ. Сигурдъ приказалъ своимъ отправиться въ улицу, гдѣ продавали дрова, которыхъ, по его мнѣнію, потребуется много. Тѣ отвѣчали, что беспокоиться нечего, такъ какъ въ городъ въѣзжаетъ каждый день много возовъ съ дровами. Случилось, однакожь, что ихъ не оказалось, о чемъ и донесли Сигурду. Посмотрите, не достанете-ли орѣховъ, сказалъ имъ Сигурдъ: мы истопимъ ими также, какъ и дровами. Они отправились и купили орѣховъ, сколько имъ было угодно. Въ это время пріѣхалъ императоръ съ своими приближенными; сѣли они вмѣстѣ, Сигурдъ потратился, принялъ ихъ по царски. Видитъ царь и царица, что ни въ чемъ нѣтъ недостатка, и вотъ царица посылаетъ узнать, чѣмъ топить ихъ хозяинъ. Посланные приходятъ въ небольшой покой, весь заваленный орѣхами; имъ говорятъ, что это и есть топливо. — Гордъ и безупреченъ Сигурдъ, говоритъ царица: ни одно дерево не горитъ лучше орѣховъ. — А она-то и устроила, что Сигурдъ не могъ достать себѣ дровъ, чтобы испытать его и посмотреть, какъ онъ выйдетъ изъ затрудненія» (Morkinskinna).

Когда Робертъ Норманскій былъ въ Константинополь, дружиной императорскихъ варяговъ командовалъ тогда, подъ именемъ Nordbrikt'a, Гаральдъ Строгій, впоследствии король Норвегіи. Однажды, когда онъ построилъ церковь, императоръ запретилъ духовенству освятить её. Гаральдъ не смутился и ве-

¹⁾ Сл. I. с. р. 530—2. Hulda и Morkinskinna — названія рукописей.

лѣлъ приготовить роскошный пирь. Тогда императоръ распорядился, чтобы ему не продавали дровъ, необходимыхъ для кухни, желая такимъ образомъ наказать его за его высокомеріе, умалявшее права императора и должный ему почетъ. Не смотря на это Гаральдъ нашелъ средство приготовить столъ, къ которому пригласилъ и императора, давшаго согласіе и на освященіе церкви. Когда императоръ спросилъ его, чѣмъ онъ топилъ, за неимѣніемъ дровъ, онъ отвѣчалъ, что — ломомъ отъ старыхъ кораблей, кожаными канатами — и орѣхами ¹⁾.

Заклучу разборомъ двухъ аналогическихъ легендъ, интересныхъ для насъ потому въ особенности, что обѣ онѣ привязаны къ герою французскаго Хожденія — Карлу Великому.

Сан-Галльскій монахъ рассказываетъ ²⁾, что когда посланникъ Карла прибылъ въ Константинополь, его позвали къ царскому столу, за которымъ господствовалъ такой обычай, *ut nihil in mensa regia, indigena sive advena, aliquod animal vel corpus animalis in partem aliam converteret, sed ita tantum, ut positum erat, de superiori parte manducaret*. Кто нарушалъ законъ, тому грозила смерть. Посланникъ, незнакомый съ этимъ обычаемъ, случайно перевернулъ рыбу, лежавшую на блюдѣ, а императоръ говоритъ ему, вздыхая: *Obstare non possum, . . . quin morti continuo tradaris. Aliud pete, quodcumque volueris, et complebo*. Находчивый Франкъ проситъ, чтобы выкололи глаза всякому видѣвшему, какъ онъ перевернулъ рыбу. Оказалось, что ни императоръ и никто этого не замѣтилъ! *Tum sapiens ille Francigena, vanissima Hellade in suis sedibus exsuperata, victor et sanus in patriam suam reversus est* ³⁾. Вскорѣ послѣ того Карлъ снарядилъ въ Византію еще двухъ посланниковъ: епископа Гейтона и графа Гугона, *qui, diutissime protracti, tandem ad*

¹⁾ G. Paris, l. c., стр. 532 по Fornmannasögur IV, 147.

²⁾ Jaffé, Bibliotheca rerum Germanicarum, t. IV, p. 670 слѣд.

³⁾ Объ этомъ мотивѣ см. замѣтку R. Köhler'a, Zur Mágus-Saga, Germania XXI, p. 18 слѣд.

praesentiam regis perducti et indigne habiti, per diversissima sunt loca divisi. Tandem vero aliquando dimissi, cum magno navis et rerum dispendio redierunt. — Вернувшись къ себѣ, епископъ и графъ побуждаютъ Карла принять точно также греческихъ пословъ, и когда они явились, ихъ ведутъ по неторнымъ и ухабистымъ дорогамъ, такъ что они изморились и исхарчились, прежде чѣмъ попали ко двору. Cumque tandem venissent, fecit idem episcopus vel socius eius comitem stabuli in medio subiectorum suorum sublimi throno considerare, ut nequaquam alius quam imperator credi potuisset. Quem ut legati viderunt, corruentes in terram adorare voluerunt. Sed a ministris repulsi, videntes comitem palatii in medio procerum concionantem, imperatorem suspicati, terratenus sunt prostrati. Cumque et inde colaphis propellerentur dicentibus qui aderant: Non est hic imperator, in ulteriora progressi et inveniētes magistrum mensae regiae cum ministris ornatissimis, putantes imperatorem, devoluti sunt in humum. Indeque repulsi reppererunt in consistorio cubicularios imperatoris circa magistrum suum, de quo non videretur dubium, quin ille princeps posset esse mortalium. Qui, cum se quod non erat abnegaret, pollicebatur tamen, quod cum primoribus palatii moliretur, quatinus, si fieri potuisset, in praesentiam imperatoris augustissimi pervenire deberent. Tunc ex latere caesaris directi sunt, qui eos honorifice introducerent. Императоръ встрѣчаетъ ихъ, окруженный блестящимъ дворомъ и семьей, опираясь на епископа Гейтона — и пораженные величіемъ послы повергаются передъ нимъ на землю, точно бездыханные.

Последній эпизодъ разсказа ясно напоминаетъ моментъ «встрѣчъ» въ Хожденіи, только перенесенный ко двору Карла: онъ ихъ не самъ испытываетъ, а уготовляетъ ихъ другимъ. Едва-ли и въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ дѣло съ переименованіемъ болѣе древняго мотива — по побужденіямъ народной гордости: у Салерискаго монаха ¹⁾ посоль Карла или даже и самъ

¹⁾ Mon. Germ. historica, Scriptores III: Chronicon Salernitanum § 9 слѣд.

императоръ является въ положеніи византійскихъ посланниковъ предъидущаго сказанія.

Вся Италія признала власть Карла; *solus dux Arichis Beneventi iussa eius contempnens, pro eo quod capiti suo pretiosam deportaret coronam. Ut comperit talia rex Karolus, valde est iratus, atque nimirum iusiurandum asseruit dicens: Nisi sceptrum quod manu gesto Arichis percucio pectus, vivere nolo.* Онъ идетъ на него съ войскомъ; епископы, посланные герцогомъ, пытаются удержать его отъ дальнѣйшаго похода — онъ ссылается на данную имъ клятву, которую ловкіе послы даютъ ему возможность исполнить — безъ обиды герцогу: въ церкви св. Стефана, куда они заводятъ Карла, онъ видитъ изображеніе герцога; разгнѣванный, онъ ударяетъ его жезломъ въ грудь и сбрасываетъ съ него вѣнецъ, говоря: *Sic eveniat omni qui super se ponit quod ei licitum non est.* Передъ тѣмъ лѣтописецъ, говоря объ императорскомъ титулѣ Карла, замѣтилъ: *sic eum vocitabant omnes qui aderant in familia sua, qui pretiosam coronam in suo prorsus capite gerebat. Imperator quippe omnimodis non dici potest, nisi qui regnum Romanum praeest, hoc est Constantinopolitanum. Reges Gallorum nunc usurparunt sibi tale nomen.*

Теперь, когда онъ, хотя и казовымъ образомъ, исполнилъ свою клятву, императоръ склоняется на мольбы епископовъ, согласенъ на миръ и шлетъ въ Салерно посла скрѣпить мирный договоръ съ Архисомъ, который приготовилъ ему такую встрѣчу: *in scala ipsius palatii adolescentes hinc inde astare fecit, qui gerebant in manibus sparvarios cum ceteris hujusmodi avibus; deinde iuvenes astare fecit floridam aetatem habens, et isti alii accipites et huiusmodi manibus avibus gerebant; quidam enim ex his ad tabulam ludebant.* Id ipsum hinc inde, ut diximus, *canos spargens astare fecit, deinde senes undique circumstans cum baculum in manibus, inter quos ipse princeps in throno aureo in eorum residens medium.* Когда посолъ приблизился къ городу, герцогъ послалъ имъ на встрѣчу нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ; онъ думаетъ найти Арчис'а въ ихъ средѣ, и эта ошибка повторяется

при дальнѣйшемъ шествіи и встрѣчахъ — съ мальчиками, юношами, мужами и старцами; вездѣ онъ получаетъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: *In antea perambulate! In antea pergite! Ite in antea.* Наконецъ посоль видить возсѣдающаго Арихиса, который поглумился надъ нимъ, какъ-бы случайно уронивъ жезлъ, а тотъ поднялъ его и подалъ со словами: *Non sicut audivimus vidimus, set plus plane vidimus quam nuper audivimus.* — Его принимаютъ великолѣпно. *Et videns autem omnem sapientiam Arichis et palatium quam haedificaverat, et cibos mensae suae, et habitacula servorum, et ordinis ministrantium, vestesque eorum et pincernas, miratus est valde, adiciens: Verus est sermo quod audivi in harba mea super sapientia tua et super gloria tua, et non credebam narrantibus mihi, donec per memet ipsum veni, et vidi oculis meis, et probavi quod media pars mihi nunciata non fuerit . . . Ferunt plane nonnulli, quod ipsum saepe dictum Karolum in legati formam se transformasset, ut audita Arichis magnitudo cernere potuisset, et ipsum legatum quem supra diximus Karolus fuisset.*

Мы здѣсь совершенно на почвѣ Хожденія, и даже на болѣе древней, такъ-сказать, до-франкской его рецензій. Безграничное удивленіе Карла не идетъ къ его типу въ Хожденіи, — но такъ именно дивятся оцѣнщики Владимира въ пѣснѣ о Дюкѣ, и какъ Карль (въ варьянтѣ салернской легенды) принужденъ сознаться, что слава и мудрость Арихиса превысили все, что о томъ доносила молва, такъ говорить Дюку и Владимиръ въ пересказѣ у Кирѣевского:

Каково про тебѣ сказывали,
Таковъ ты и есть.

III.

Разборъ былинь о Дюкѣ и западныхъ сказаній о хожденіи Карла Великаго привелъ насъ послѣдовательно къ предположенію далекаго, имъ общаго оригинала, съ несомнѣнными чертами

Послания Пресвитера Іоанна. Отличія западныхъ и русскихъ пересказовъ представились намъ, какъ значительныя: существенныя для первыхъ — за исключеніемъ салернской легенды — явилась измѣнившаяся точка зрѣнія, упорчившая похвалу и побѣду за западомъ передъ востокомъ. Не менѣе существенно и различіе въ нѣкоторыхъ подробностяхъ разсказа: представленіе паря-пахаря, знакомое западнымъ сказаніямъ, неизвѣстно былинамъ о Дюкѣ. Не сохранилось-ли оно въ нашемъ загадочномъ Микулѣ Селянниковичѣ?

Микула-Селянниковичъ, пахарь, встрѣчается обыкновенно при Волхѣ Всеславьевичѣ, Вольгѣ и т. п.; только у Гильф. № 255 вмѣсто Вольги является Иванъ Годиновичъ, да въ № 127 *ibid.* Чурила, отправляясь отъ короля Литовскаго (на родину и потомъ ко Владимиру), встрѣчаетъ по дорогѣ чудснаго пахаря — очевидно, того-же Микулу, который въ былинѣ у Барсова ¹⁾ названъ — Дюкомъ Степановичемъ.

О Волхѣ, Вольгѣ и т. д. поется двояко: либо о его *поѣздкѣ* въ Турецкую землю, Индѣйское царство, которое онъ предаетъ разгрому, либо о его *встрѣчѣ* съ Микулой. Последняя былина — либо эпизодъ болѣе цѣльной былины — несомнѣнно искажена; грандіозный образъ пахаря не могъ не прійтись по нраву крестьянской средѣ, хранительницѣ пѣсни, и заслонивъ всё остальное, неволью вызывалъ вопросы и находилъ себѣ въ нашей наукѣ — мифологическое объясненіе. Можетъ быть, безо всякаго на то права.

Пѣсни о «встрѣчѣ» Вольги начинаются иногда съ разсказа о его рожденіи, напоминающаго такой-же запѣвъ въ былинахъ о Добрыниѣ; о его охотѣ. То и другое встрѣчается и въ пѣсняхъ о «поѣздкѣ» — вѣроятно, у мѣста.

И начну разборъ съ Рыбн. I, № 3 (= Гильф. № 73):

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,

¹⁾ Е. Барсовъ, Памятники Народнаго творчества въ Олонецкой губерніи, стр. 18—22. Ся. выше стр. 119.

Тогда зарождался молодой Вольга,
 Молодой Вольга Святославовичъ.
 Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
 Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
 Шукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
 Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
 Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
 Уходили всѣ рыбы во синія моря,
 Улетали всѣ птички за оболока,
 Убѣгали всѣ звѣри во темные гѣса.
 Сталъ Вольга растѣть-матереть,
 Избирать собѣ дружиннушку хоробрую,
 Тридцать молодцевъ безъ одинаго,
 Самъ оцѣ Вольга во тридцатыхъ.

За этимъ запѣвомъ слѣдуетъ сама былина:

Жаловалъ его родной дядюшка,
 Ласковый Владимиръ стольно-кїевскій
 Тремя городами со крестьянами:
 Пѣрвымъ городомъ — Гурчевцомъ,
 Другимъ городомъ — Орѣховцемъ
 Третьимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
 Молодой Вольга Святославовичъ
 Со своей дружиннушкой хороброю
 Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
 Выѣхалъ въ раздольце чистѣ поле,
 Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ.
 Ъхалъ Вольга до ратая
 День съ утра онъ до вечера,
 Со своєю дружиннушкой хороброю,
 А не могъ онъ до ратая доѣхать ¹⁾).

¹⁾ Въ болгарской пѣснѣ у Чолакова, № 31 (стр. 286 слѣд.) девять Арабовъ гонятся за сестрой Марка:

Ти пѣшанскы припка,
 А тѣ съ коне припкатъ,
 Па не можтъ да ѣ стигнатъ.

Ъхалъ Вольга оцѣ дрѹгой день,
 Дрѹгой день съ утра до вечера.
 А не могъ онъ до ратая доѣхати.
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
 Ъхалъ Вольга оцѣ третій день,
 Третій день съ утра до пѣбѣдья,
 Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Съ края въ край бороздки пометываетъ,
 Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
 Коренья, камешья вывертываетъ,
 А великія-то всѣ камешья въ борозду валить;
 Кобыла у ратая соловая,
 Сошка у ратая кленовая,
 Гужики у ратая шелковые.
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 «Божья ти помочь, орѣтаюшко!
 Орать, да пахать, да крестьянствовать,
 Съ края въ край бороздки пометывать,
 Коренья, камешья вывертывать!»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Подитко, Вольга Святославговичъ
 Со своею со дружиной хороброю,
 Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовать!
 Далекко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
 Со своею со дружиношкой хороброю? —
 «Ай-же ты, рѣтаю, рѣтаюшко!
 Ъду ко городамъ за получкою:
 Ко первому городу ко Гурчевцу,
 Ко дрѹгому ко городу въ Орѣховцу,
 Ко третьему городу ко Крестьяповцу».
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Ай-же Вольга Святославговичъ!
 А недавно я былъ во городѣ, третьѣво-днѣ,
 На своей кобылкѣ соловой,
 Узезъ я оттолъ соли столько два мѣха,
 Два мѣха соли по сороку пудъ.
 И живутъ-то мужики всѣ разбойники,

Оны просятъ грошѣвъ подорожныхъ;
 А былъ я съ шалыгой подорожною,
 Платилъ имъ гроши подорожные:
 Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
 А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ. —
 Говорилъ Вольга такovy слова:
 «Ай-же, оратай, оратаюшко,
 Поѣдемъ со мною въ товарщахъ!»
 Этотъ оратай-оратаюшко
 Гужики шелковеньки повыстенуль,
 Кобылку изъ сошки повывернуль,
 Съѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
 Говоритъ оратай такovy слова:
 — Ай-же, Вольга Святославговичъ!
 Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
 И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
 А гля-ради мужика деревенщины.
 Какъ-бы сошка съ земельки повыдернута,
 Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнута
 И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?

Вольга посылаетъ пять, десять молодцовъ, наконецъ всю дру-
 жину: не совладѣли они съ сошкой.

Подѣхалъ оратай-оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловенькой
 Ко этой ко сошкѣ кленовой:
 Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повыдернуль,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуль,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
 Съѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
 Оратая кобылка-то рысью идетъ,
 А Вольгинъ-то конь и поскакиваетъ;
 У оратая кобылка-то грудью пошла,
 А Вольгинъ-отъ конь остается.
 Сталъ Вольга тутъ покрякивати,
 Колпакомъ Вольга тутъ помакивати:
 «Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
 Этая кобылка конькомъ бы была,

За эту кобылку пятьсотъ бы дали.
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Глупый Вольга Святославговичъ!
 Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
 И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
 Эта кобылка конькомъ бы была,
 За эту кобылку смѣги бы вѣтъ. —
 Говорилъ Вольга Святославговичъ:
 «Ай-же ты, ратаю-ратаюшко!
 Какъ-то тебя именовемъ зовутъ,
 Какъ звеличаютъ по отчеству?»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Ай-же, Вольга Святославговичъ!
 А я ржи напашу, да во скирды сложу,
 Во скирды складу, домой выволочу,
 Домой выволочу, да дома вымолочу,
 Драни надеру, да и пива наварю,
 Пива наварю, да и мужичковъ напою.
 Станутъ мужички меня покликивати:
 «Молодой Микулушка Селянниковичъ!» —

Недосказана въ этой былинѣ — цѣль поѣздки Вольги и Микулы
 «въ товарищахъ». Такъ и у Гильф. № 32:

Молода Волью Всеславьевича
 Жаловалъ крестовый его батюшко
 Какъ двумъ городамъ его лучшимъ:
 Еще Курцовцомъ его, Орѣховцемъ.

Вольга выѣзжаетъ съ дружиной, видитъ пахаря, котораго настаи-
 гаетъ лишь на третій день:

Да у этого пахаря у пахарюшка
 Сошка-то была у его вѣлжана, —
 А во сошки были плотники вленовыи,
 А на плотникахъ рогачихъ былъ дорогъ рыбій зубъ;
 Омѣшники на сошки были булатніи,
 А присошечикъ на ошечкахъ былъ красна золота.
 А у этого у пахаря у пахарюшка
 Впряжена была кобылушка соловая;

У этой у кобыло-то у соловой
 Хвостъ-отъ до земли розстлается,
 А грива-то колесомъ у ей завивается.

Пахарь называетъ себя Викулой Селяниновичемъ, рассказы-
 ваетъ, какъ побилъ онъ Курцевцевъ да Орѣховцевъ.

Тутъ возгóворить молодой Вольгѣ ему Вселавьевичъ:
 Ай-же ты Викула е Селяниновичъ!
 Пойдемъ отводить да мнѣ-ка вотчины».

Они ѣдутъ; слѣдуетъ эпизодъ о чудесномъ бѣгѣ кобылы и о сохѣ.

Порядокъ въ полныхъ былинахъ этого типа могъ быть такой:
 выѣздъ Вольги, встрѣча съ пахаремъ, поѣздка въ товарищахъ;
 эпизоды о сохѣ и бѣгѣ; дѣло съ мужиками. Такъ у Гильф.
 №№ 156, 55; первый начинается рожденіемъ Вольги Святославо-
 вича, его выѣздомъ; та-же встрѣча съ пахаремъ и новое описа-
 ніе его убранства:

У оратая кобыла солóвая,
 Гужки у нея да шелковыи,
 Сошка у оратая кленовая,
 Омешки на сошки булатніи,
 Присомечекъ у сошки серебряный,
 А рогачикъ-то у сошки красна золота.
 А у оратая кудри качаются,
 Что не скаченъ ли жемчугъ рассыпаются,
 У оратая глаза да ясна сокола,
 А брови у него да черна соболя.
 У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
 Вотъ шиломъ пята, носы востры,
 Вотъ подъ пату пату воробѣй пролетѣтъ,
 Около носа хоть яйцо прокати.
 У оратая шляпа пуховая,
 А вафтанчикъ у него да черна бархата.

Это стиль — Дюка и Чурилы. На вопросъ Микулы Вольга гово-
 рить, что его родной дядюшка да крестный батюшка, Владиміръ

стольно-кіевскій, пожаловалъ его тремя городами со крестьянами: Курцовцемъ, Орѣховцемъ и Крестьяновцемъ,

«Теперь ѣду ко городамъ да за получкою».
 Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
 — Ай-же ты, Вольга Святославовичъ!
 Тамъ живутъ-то мужички да всѣ разбойнички,
 Они подрубать-то сляги каиновы,
 Да потопять ты въ рѣбу да во Смородину!

— и онъ рассказываетъ, какъ онъ ѣздилъ къ нимъ за солью и бился съ ними. — Слѣдуетъ: поѣздка въ товарищахъ, соха и бѣгъ.

Тутъ пріѣхали ко городу ко Курцевцу,
 Стали по городу похаживати,
 Стали города разсматривати,
 А ребята-то стали наговаривати:
 «Какъ этотъ третьего дня былъ, да мужичковъ онъ билъ!»
 А мужички-то стали собиратися,
 Собиратися они да думу думати:
 Какъ бы притти да извинитися,
 А имъ низко бы да поклонитися.
 Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
 «Ай-же ты Никула Селяниновичъ!
 Я жалую отъ себя тремя городами со крестьянами.
 Оставайся здѣсь да вѣдь намѣстникомъ,
 Получай-ко ты дань да вѣдь грошовую.

Въ № 55 Гильф., также начинающемся съ рожденія Вольги Всеславича, мотивъ его выѣзда другой: купцы и бояре

Изъ того-ли изъ Туринца славна города
 А ѣ платили дань да вѣдь во Кіевъ градъ,
 А ѣ ко ласковому князю ко Владиміру,
 А ѣ не стали-то вносить данн да пошлины.

За тѣмъ и другимъ и ѣдетъ Вольга

Во Туринець городъ во Орѣховець.

Далѣ идетъ встрѣча съ Микулой Селяниновичемъ (эпизода съ сохой нѣтъ; бѣгъ); онъ предупреждаетъ:

Молодой ты Вольга Всеславьевичъ!
 Не взыть тебѣ Туриница да города Орѣховца.
 Былъ я третіею днѣ въ Туриници въ городѣ Орѣховци, —
 Это грубы злии мужики да вѣдь орѣховци
 Зафальшивили мою да золоту казну,
 Почитали за гроши они за мѣдныи,
 А ѣ за мѣдныи гроши да за фальшивыи.

Вольга величаетъ Микулу «дядюшкой», проситъ его помочь ему «братъ Туринца города Орѣховца».

А тни мужики да вѣдь Орѣховци
 А на тыхъ на рѣченъбахъ на быстринхъ
 А ѣ подрѣзали мосты да всѣ дубовые,
 Потопили много силы да Вольгиной.
 А ѣ тутъ-ли то Вольга Всеславьевичъ.
 Заѣзжае въ Туринець съ своимъ дядюшкой,
 Они много силы рубать, больше въ плѣнъ берутъ,
 Покорили розорили Туринець-отъ городъ Орѣховець.
 Это скоро Вольга поворотъ держитъ,
 А во славный во столярный во Кіевъ-градъ.

Въ былинѣ № 255 Гильф., замѣнившей Вольгу — Иваномъ Годиновичемъ, его дядя Владимиръ также жалуеъ его тремя городами: Курсовцемъ, Орѣховцемъ и Орѣшечкомъ(?), которые «некому не давали ни дани ни пошрины». Иванъ выѣзжаетъ; встрѣча съ ратаемъ (его кобыла зовется: Унеси-голова), который рассказываетъ ему о своей передѣлкѣ съ Курсовскими мужиками по поводу соли, и ѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ. — Эпизодъ съ сохой Микула Селяновичъ бросаетъ её «подъ облаки» со словами:

Ты прощай моя сошка ратная(?),
 Да болѣ мнѣ-ка вѣкъ на тебѣ и не пахивать.

Слѣдуетъ бой Ивана и Микулы съ мужиками, которые покорились и стали платить дань «ко князю Владимиру во Кіевъ градъ».

Иной распрядокъ представляетъ другой рядъ былинъ: выѣздъ Вольги, ратай, соха, бой съ мужиками, бѣгъ Микулиной кобылы. — У Рыбн. I, № 4 (переставившемъ роли Вольги Святославговича и Микулы) рассказъ начинается (какъ въ былинахъ о его поѣздкѣ) съ рожденія Вольги и его охоты; о томъ, что онъ племянникъ князя и ему пожалованы города, нигдѣ не сказано; сошку Микулушка Селяниновичъ забросилъ «къ подоблакамъ»; бой съ мужиками Гуршевскими и Орѣховскими («подѣлали мосточки поддѣльные»); нахлеставъ ихъ «до любви», Вольга и Микула ѣдутъ назадъ, Микулина кобыла опереживаетъ. — «Тутъ они добры молодцы поразѣхались, — Поразѣхались они, пораспространяся». Сл. Гильф. № 45 (Вольга Всеславьевичъ, Микулушка Селяниновичъ; Куржовець, Орѣховець).

Особо стоятъ былина-побывальщина у Рыбн. I, № 5: Вольга Всеславьевичъ не доѣзжая Кіева встрѣчаетъ ратая, Микулу Селяниновича, зоветъ его въ Кіевъ; эпизодъ съ сохой и бѣгъ (у Микулы кобыла: Обнеси голова). «Приѣхали къ палатамъ Микулинымъ, выходили три дочери Микулины, три паленицы удалыя: Марья Микулична, Василиса Микулична и Настасья Микулична, и принимали Вольгу съ великою честію». Судя по варьанту, пересказанному Рыбниковымъ къ I, № 3, стр. 22 прим. *), это было не въ Кіевѣ, а по дорогѣ къ Кіеву.

Изъ исполненныхъ либо порченныхъ варьянтовъ былинны мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты: у Гильф. № 131 Вольга Святославьевичъ племянникъ Владимира, жалующаго ему Гурсовець, Череновецъ, Орѣховець; оратай, Микула Селяниновъ, служилъ отцу Вольги двѣнадцать лѣтъ, служить Вольгѣ и въ тринадцатый. Въ № 195 *ibid.*: Вольга Сеславьевичъ, Викулушка Сѣятелевичъ; его кобыла куплена «во Пурховцѣ, во Орѣховцѣ»; въ сводномъ № 2 (Садко, Вольга и Микула) Вольга Всеславьевичъ смѣшанъ съ Василиемъ Буслаевичемъ, встрѣчается съ Викулой Солицинымъ, зоветъ его въ Курчовець, Орѣховець. — Рыбн. II, № 1 = Гильф. № 98; Рыбн. I, № 60; Рыбн. II, № 61 = Гильф. № 113 (Настасья Никулична), представляя

собою лишь незначительные отрывки цѣльныхъ пѣсенъ, не вызывають особыхъ замѣчаній.

Остановимся на общемъ содержаніи пересказанныхъ нами былинь. Вольга-Волхъ и т. п., племянникъ Владимира, ѣдетъ къ тремъ городамъ, пожалованнымъ ему дядей, чтобъ вестись въ отчину, взыскать недоплаченныя дани. По дорогѣ встрѣча съ пахаремъ, но пахаремъ необыкновеннымъ: въ его сохѣ все золото, серебро, булатъ и рыбій зубъ, быстрота его пахоты, его коня изумительны, какъ и его сила — сила отъ земли. Въ одной былинѣ у Рыбн. II, № 2 калки предупреждаютъ Илью о тѣхъ, кто на свѣтѣ его спльнѣе:

Самсонъ Самойловичъ да Святогоръ Колывановичъ,
Еще сильнѣе отъ матушки сырой земли
 Микула Селяниновичъ.

Это изреченіе — едва-ли имѣетъ непосредственное отношеніе къ быту земледѣльческому, къ возвеличенію пахаря. Такая идеализація близкой реальности не въ стилѣ народной поэзіи. Идеализація являлась съ отвлеченіемъ. Земля сама по себѣ — сила, «тягота земная», передъ которой не устоять и Святогору. Ёдетъ онъ, прохожій идетъ впереди такъ скоро, что богатырю не нагнать его верхомъ. По его просьбѣ онъ остановился, «снямалъ съ плечъ сумочку и кладывалъ сумочку на сыру землю. Говоритъ Святогоръ богатырь: «Что у тебя въ сумочкѣ?» — А вотъ подыми съ земли, такъ увидишь. — Сошелъ Святогоръ съ добра коня, захватилъ сумочку рукою, не могъ и пошевелить; сталъ здымать обѣма руками, только духъ подъ сумочку могъ подпустить, а самъ по колѣна въ землю угрызъ. Говоритъ богатырь таковы слова: «Что это у тебя въ сумочку накладано? Силы мнѣ не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу». — Въ сумочкѣ у меня тяга земная. — Да кто-жь ты есть, и какъ тебя именемъ зовутъ, звеличаютъ какъ по изотчины?» — Я есть Микулушка Селяниновичъ. (Рыбн. I, № 8, стр. 39—40, прим. ****). — Въ былинѣ о Потыкѣ (Рыбн. I, № 37), обращенномъ въ тяжелый камень, который не подъ силу поднять богатырямъ, Микола

Можайскій, «здымающій» этотъ камень на плечо, — очевидно, тотъ-же Микула. — Тяга земная — это земля, персть, поглащающая всякую силу и славу, покрывающая ненасытный глазъ (камень, черепъ) въ извѣстной легендѣ объ Александрѣ Великомъ¹⁾. Пресвитеру Іоанну чаша съ землею постоянно напоминаетъ о его смертности; императоръ Гугонъ помнитъ завѣтъ Адаму: въ потѣ лица ѣшь свой хлѣбъ, пока не возвратишься въ землю, изъ которой взять — и самъ пашеть золотымъ драгоценнымъ плугомъ. — Микула Селяниновичъ, очевидно, тотъ-же типъ: ему вѣдома «тягота земная», вмѣстѣ съ тѣмъ онъ — чудесный, вѣроятно, царственный пахарь. Вольга или кто другой встрѣчалъ его когда-то на своемъ пути, гдѣ ему попадались и три города, населенные богатыми крестьянами — не три-ли извѣстныя намъ встрѣчи Добрыни и Карла?

Плугъ Микулы, несомнѣнно, — плугъ Гугона: послѣдній бросаетъ его на полѣ безъ призрѣнія, потому что въ его странѣ это безопасно: никто его не украдетъ, хоть лежи онъ семь лѣтъ; въ пѣснѣ этотъ мотивъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что никто, кромѣ Микулы, не въ состояніи вытащить его изъ борозды. Не оставимъ безъ вниманія и еще одну черту сходства, поддерживаемую въ нашемъ случаѣ лишь поэмой XI-го вѣка: Гугонъ выпрягаетъ воловъ и спѣшитъ впередъ въ Константинополь, верхомъ на мулѣ; Карлъ подѣзжаетъ позже; въ былинѣ Микула ѣдетъ на кобылѣ, выпряженной изъ плуга, но ѣдетъ такъ быстро, опереживая Волка, что эта часть разсказа обратилась, безъ всякаго внутренняго повода, въ поѣздкѣ въ запуски.

¹⁾ Сл. мос: Слово о Двѣнадцати снахъ Шахайши, стр. 42 слѣд. Албанская сказка у Dozon, Contes Albanais (Paris, 1881) № XVIII представляетъ мотивъ александровской легенды, странно искаженный: бѣдному рыбаку царь сулитъ заплатить вѣсомъ золота за все что-бы онъ ни поймалъ въ свои сѣти. Онъ захватилъ древесный листъ: сколько золото ни клали въ вѣсы — листъ все перевѣшивалъ. Царь допрашиваетъ своихъ мудрецовъ, которые съ своей стороны ищутъ совѣта какого-то калугера: онъ покрываетъ листъ перстью, и листъ становится легкимъ: «онъ *положитъ* на глазъ жаднаго и скупого чело-вѣка».

Очевидно, когда подобнаго рода пѣсня прикнула къ Кіевскому циклу, она должна была подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ: Вольга очутился племянникомъ Владимира, города—ему подвластными, поѣздка мотивировалась — взиманіемъ дани, что дало другое мѣсто и значеніе городамъ на дорогѣ; Микула остался пахаремъ, играетъ совсѣмъ неожиданно роль помощника Вольги, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обобщился: мы видимъ его въ былинѣ о Святогорѣ, о немъ предупреждаютъ Илью. Такъ Леванидовъ крестъ и камень алатырь встрѣчаются по былинамъ какъ общее географическое мѣсто, забывъ родной Ливанъ и Фаворъ.

Особо стоитъ барсовская былина о Дюкѣ Степановичѣ и Чурилѣ Щапенковичѣ¹⁾, въ которой первый играетъ роль Микулы, второй — Вольги. Дюкъ (живущій «за рѣкой за Почаевой») пашетъ въ чистомъ полѣ, кіевскій богатырь Чурила догоняетъ на третій день пахаря, который предлагаетъ ему отвѣдать промежду собой «силы богатырской». — Чурила ѣдетъ домой (у него оказывается «родная матушка»), снаряжаетъ коня, проситъ его послужить ему вѣрой правдою, какъ служилъ батюшкѣ. Конь переноситъ его черезъ рѣку Почаеву, гдѣ богатырь бьется въ чистомъ полѣ съ Дюкомъ, побѣждаетъ его, братается съ нимъ и предлагаетъ вмѣстѣ ѣхать на службу къ Солнышку-Владимиру.

Былина сведена изъ мотивовъ пѣсенъ о Дюкѣ (скачка съ Чурилой черезъ рѣку); съ *поединкомъ* Чурилы и Дюка можно-бы сблизить эпизодъ «штурмованья» у Рыби. III, № 30, съ другимъ, впрочемъ, результатомъ для Дюка; образъ пахаря перенесенъ съ Микулы. Последнее перенесеніе представляется чисто внѣшнимъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно-то и возбуждаетъ рядъ вопросовъ. За Дюкомъ, какъ и за Гугономъ французскаго сказанія мы открыли Индію пресвитера Ивана; съ другой стороны Гугона-пахаря сопоставили съ пахаремъ Микулой. Если это вѣрно, то уравненіе: Дюкъ = Микула представляется возможнымъ предпо-

¹⁾ Барсовъ, I. с. р. 18—22; сл. выше стр. 119, прим. 2.

ложеиіемъ, въ границахъ котораго мыслимъ былъ-бы и — Дюкъ-пахарь.

Но я оставляю это — простой гипотезой, которую не думаю защищать, тѣмъ болѣе, что у меня въ запасѣ еще два, столь-же гипотетическихъ вопроса.

Если *Гуонъ* (Hugues, Hugon) близокъ, по замыслу, къ пре-свитеру *Іоанну*, то не здѣсь-ли объясненіе его имени? Въ имени Іоанна видѣли отраженіе титула основателя Каракитайскаго царства: *Kukhan* или *Kurchan* (1143). Это несогласно съ хронологическимъ опредѣленіемъ «Хожденія»; но *Kukhan* значитъ только: *ханъ хановъ*.

Если Вольга Всеславьевичъ или Святославовичъ, въ самомъ дѣлѣ, историческій Олегъ «вѣщій», то сохранилась память о его военномъ хожденіи въ Царьградъ, обставившемся въ лѣтописи кое-какими чудесными подробностями: вспомнимъ его корабли на колесахъ, щитъ, повѣшенный на вратахъ города; русскимъ послаемъ въ Царьградъ царь Левъ велитъ показать «церковную красоту и полаты злата и въ нихъ сущаа богатество, злато много и поволоки и каменье драгое, — и страсти Господни и венець, и гвозди, и хламиду багряную, и мощи святыхъ». — Легко можетъ стать, что къ имени Олега вѣщаго, смѣшаннаго съ Олегомъ Святославовичемъ, примкнула какая нибудь пѣсня, сходная по типу съ оригиналомъ французскаго Хожденія, пристроившаяся впоследствии ко Владимиру и затѣмъ разбившаяся на эпизоды, потерявшіе свою прозрачность именно вслѣдствіе своей отрывочности.

Предложенное гипотетическое объясненіе пѣсни о Вольгѣ и Микулѣ, разумѣется, не предрѣшаетъ вопроса объ источникахъ былины, поющей о «мудростяхъ» Вольги и о его поѣздкѣ въ Индѣйское царство. Объединеніе двухъ сюжетовъ подъ одно имя можетъ быть случайнымъ; поводы къ нему — предметомъ особаго анализа.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сказаніе ѿ индискоѣ црѣви.

Азъ есмь іѡаннъ црѣ и попъ на^а црѣи црѣ, имѣю по^а собою т, црѣи и т. Азъ есмь побори^ккъ по православнои вѣрѣ хвѣ. Црѣво мое таково: итти на единоу страну і мѣъ, а на другоую немощно да итти занѣ тамо соткнуоуся нѣо з землею. есть оу мене въ единой странѣ лѣ нѣмы, а вынои земли лѣ рогаты, а вынои странѣ лѣ трепла^аци, а иныа лѣ ѳ-ти сажень и соу волотове, а иныа лѣ четвероручны, а иныа лѣ ѿ шти роукъ, а инаа оу мене земля в нейже лѣ по пса да по члѣка, а иные оу мене лѣ в персе ѡчи и ротъ, а во инои земли оу мене лѣ верхоу рты великы, а (и)ные оу мене лѣ скотыи ноги имѣюще. есть оу мене лѣ поитици а полъ члѣка, а иныа оу мене лѣ глава песьа, а родатса оу мене во црѣвиі моемъ звѣріе (оу мене) слонови, дремедары и коркодилы и велбоуди. керно корко^аль звѣрь лють есть, на что са разгнѣваѣ, а помочитса на древо или на ино что, в тои чѣсъ са ѡгнѣ сгорѣи. Есть в моеи земли пѣтоухы на них же лѣ лздѣ. есть оу мене птица ногои, вѣтъ себѣ гнѣздо на .еі. доубовъ. есть в моемъ црѣвиі птица ѳницѣтъ, свивает себѣ гнѣздо на новъ мѣъ и приносить ѡ^т огна нбѣаго и сама зажигаетъ гнѣздо свое а сама тоу тѣ сгараѣ, и в томже попелѣ зараждаетса червь и ѡпернатѣѣ и потѣ таже птица бываѣ едина, болѣ тѣ плода нѣтъ тои птицы, ѳ бо лѣ живеть. а посрѣ моего црѣва идеть рѣка едемъ из рая, в тои рѣцѣ емлѣо драгїи камень акинѣъ и самфиръ и памфиръ и измарагдъ, сардикъ и аспидъ твердъже і аки оугль горащъ. Есть камень кармакоуль, тои камень гнѣ всѣ каменїемъ драгїи^а, в ноци^а свѣти^т аки ѡгнь горить. Есть оу мене земля в ней^а трава еяже всакъ звѣрь бѣгаетъ, а нѣтъ в моеи земли ни тата ни разбойника ни завидлива члѣка занѣ моа земля полна всакого бо^тства. А нѣтъ в моеи земли ни оужа ни жабы, ни змеи, а хотя и воидеть, тоу и оумреть. Есть оу мене земля в ней^а рожаетса перецъ, вси лю^е по то ходатъ ѡпроче всѣхъ. Есть оу насъ море пѣсочное езеро, да николиже не стоить на

единомъ мѣстѣ ѿколѣваше(?) яже вповодѣ восхода^а тѣ валы на бре^а за $\bar{\tau}$ верстѣ. того^а мора не прехо^атъ никаковъ члѣк^ъ, ни корабле^а ни которымъ промысломъ. И за тѣмъ моремъ не вѣдаетъ ни каковъ члѣк^ъ есть-ли тамо лю^а нѣтъ ли, и с того мора в нашу землю текоу^а рѣкы многи в нихже рыбы сладкы, и посторонь того мора за $\bar{\Gamma}$. днѣи соу^а горы высокы, ѿтъ нихже течеть рѣка каменна, валитса каменіе великое и малое по себѣ $\bar{\Gamma}$. днѣи. Идетже то каменіе в нашу землю в то море пѣсочное и покрывають валове мора того. и бли^а тоа рѣкы едино днѣище есть горы поусты высокы, ихже верха члѣкоу не мощи дозрѣти, ис тѣхъ горъ течеть рѣка подъ землею не велика, но во едино время ра^астоупаетса земля на^а рѣкою тою и ктѣ оузрѣвъ да борзо воскочитъ в рѣкою тоу, того рад^а да бы са о немъ земля не состоупи, а что похватить и вынесе^а борзо, ѿже камень тои драгій камень видитса, а яже пѣсокъ похватить, то великы женчюгъ возметса. Таже рѣка течеть в великоюу рѣкою, лю^а же тоа земли ходатъ на оустье рѣкы а емлють драгы камень четьи и женчюгъ, а корматъ свои дѣти сырыми рыбами и понирають в рѣкою тоу иныа на $\bar{\Gamma}$. мѣи, а иныа на \bar{d} . рѣ мѣи, ищоуть каменіа драгаго. За тои рѣкою едино днѣище есть горы высокы и толсты, не лзѣ на нихъ члѣкоу зрѣти. Ис тѣхъ горъ пылаеть ѿгнь по многымъ мѣстомъ и в томъ ѿгни живоуть черви, а бе^о ѿгна не могоуть жити аки рыбы без воды, и тѣ черви точать ис себе нити аки шидоу и в тѣхъ нитехъ наши жены дѣлають намъ порты и тѣ порты коли са изроуд^а, водою ихъ не немью, вергоу^а ихъ в огонь и како разгоратса, ини чисти боудоу^а. Есть оу мене во иной странѣ звѣзда именовъ лоувиларь. а егда поидемъ на рать кому хоцемъ болшеи работѣ предати, идоу^а пре^а мною и несоу^а тоу \bar{k} . кр^отовъ и \bar{k} . стаговъ. Тѣже кр^оты и стази велици злати с драгими каменми и с великими женчюги здѣлани, в ноцше свѣта^а аки в днѣ. Тѣже кр^оты и стази идоу^а на \bar{k} -ти колесницахъ и \bar{z} -ти, а оу которыа^а колесници слоужатъ по \bar{p} . тыс^а конникъ а по \bar{p} . тыс^а пѣшіе рати ѿпри^а тѣхъ которыа на насъ брашно везоуть. А коли поидемъ к нарочитоу мѣстоу на бой,

ни несутъ предъ мною единъ крѣтъ драванъ, на нѣже изображено гѣне распатіе, того ра да быхомъ поминали гнѣю стрѣть и расплѣе. Сторонь того крѣта несутъ блюдо злато велико на немже едина земля, на землю зраще поминаемъ яко ѡтъ земля есми создани и паки в землю поити имама, а се с другоую страну блюдо несутъ другое злато, на немже драгій камень и четей женчюгъ, нанже зраще величается наше гѣство. Идоутъ же предъ мною .г. проповѣдници, возглашаютъ велимъ глѣсмъ. Единъ вопіеть: се есть црѣь црѣмъ гѣ гдемъ, а другій вопіеть: силою крѣтною и бжіею блгѣтью и помощію. А третій вопіеть оумилны^м гласомъ яко ѡтъ земля есмы сѣтворени въ землю паки поити имама. И пакѣ престанемъ глѣти. Сѡ силѣ же не глѣю яко^м бо реко^т. — Дворъ оу мене имѣю таковъ: .ѣ. днѣ ити ѡколо двора моего, в нем же соутъ полаты многы златыя и сребреныя и дравани изноутри оукрашены аки нѣбо звѣздами, а покровены златомъ. И в той полатѣ ѡгнь не горить, аще ли внесоутъ, в той часъ ѡгнь погаснетъ. Есть оу мене иная полата злата на ѡсемидесѣ^т столповъ ѡтъ чистаго злата, а всакій столпъ по .г. сажени в толстотоу а .п. сажени в выситоу. В той^м полатѣ .н. столповъ чистаго злата, на всѣхъже столпѣхъ по драгому камени, камень самѡиръ, иматъ свѣтъ бѣлъ, камень тонпазъ аки ѡгнь горить. В тойже полатѣ есть столпа два, на единомъ столпѣ камень, има емоу тропъ, а на другомъ столпѣ камень, има емоу кармакаоуль, в ноци^м свѣтитъ камень той драгы аки днѣ, а в днѣ аки злато, а ѡба велики аки корчаги. В той^м оу мене полатѣ ѡгнь не горить, аще внесоутъ то борзо погаснетъ, развѣ бо той ѡгнь горить и(де)^м идеть из древа негнеющаго: има древоу томоу шлема. Того мира вливають в паникадила и зажигають, ино той ѡгнь горить, и тѣмъ миромъ в котороую верстоу помажется члѣкъ старъ и молодъ, болѣ того не старѣтса, а бѣчи его не болѣ^т. Та^м полата выше всѣхъ полатъ. верхоу тѣхъ полатъ оучинена два яблока златы, в нихже вковано по великому камени самфиру, того ради дабы хоробрость наша не ѡскоудѣла. соутбо .д. камени на стол[п]ѣхъ того ради дабы потворняци не могли чаровъ творити

надъ нами. Есть оу мене иная полата злата велика какъ очима видети, на столпѣхъ златыхъ, два велики камени кармакаоулъ в нощи свѣтати в той-же полатѣ оу мене. А ѡбѣдають со мною на трапезѣ по вса дни .бѣ. патриарховъ .і. царей .бѣ. митрополитовъ .ме. пѣовъ .т. поповъ .р. діаконовъ, .н. пѣвцевъ, .ц. крилосниковъ, .т. игоуменовъ, .т. кнѣзей, а во зборной моеи цркви слоужать .т. игоуменовъ да .е. да .н. поповъ да .л. діаконовъ. и ѡбѣдають со мною, а столничаютъ оу мене и чаши подають .ді. црѣи да .м. королеи да .т. боларъ, а поварню мою вѣдають два црѣа да два корола ѡпроче боларъ и слоугъ. Тѣ црѣи и короли бывъ да прочь ѣдоуть, а иныя приѣжчаютъ. А еще оу мене лежитъ аплѣ Оома. есть оу мене земля в ней соуть люа, учи оу нихъ в челехъ. есть оу мене полата злата в нейже есть зеркало прѣное, стоить на .д.-рехъ столпѣхъ златыхъ, кто зрѣтъ в зеркало, той видить своа грѣхи яже створиля ѡтъ юности своеа. Бли того и другое зеркало цклано, аще мыслить зло на своего госпоѣра, ино в зеркалѣ томъ зримо лице его блѣдо аки не живо. А кто мыслить добро ѡ осподарѣ своемъ, ино лице его в зеркалѣ зримое аки слѣнце. а во дворѣ моемъ цркви .рн., ины створены Бгмъ, а ины роуками члвчкыми.» (Сборникъ Кир. Бѣлоз. № 11/1088, XV вѣка, 16-я доля л., л. 198 л. — 204 л.).

Примѣчаніе къ стр. 182 (сл. стр. 218 слѣд.): *Описание Порова дворца въ эпископии Пресвитера, редакція D, заимствовано, по всей вѣроятности, изъ Historia de preliis. Что до «statuae musicae», то сличите описание дворца въ среднегреческой поэмѣ о Ливистрѣ и Родамиѣ (W. Wagner, Trois poèmes grecs du moyen-âge inédits, p. 264):*

788 καὶ ἐπάνω εἰς τοῦ πυργώματος τὸ ὄντι τὸ καθέναν
 ἄνθρωποι ἀπὸ χαλκώματος νὰ στήκουν καὶ ἐκ λίθου·
 τοὺς μὲν ἐν ὀπλοῖς ἔστησεν ἐκεῖνος ὁ τεχνίτης,
 νομίζω νὰ εἶπες ἐκ παντός, φιλέ μου, ἂν τοὺς εἶδες,
 ζοῦν, ἀντιπαρτάσσονται καὶ στέκουσιν πρὸς μάχην·
 τοὺς ἄλλους πάλιν ἔστησεν ἐκεῖνος ὁ τεχνίτης
 τὸν μὲν νὰ παίζη λύραν . . .
 καὶ ἄλλος νὰ παίζη τεχνικὸ καλάμιν ἀπὸ πόθου,
 καὶ τὸ καθ' ἓναν τῶν ἡχῶν τοῦ καθενὸς καλάμου
 ἤκουσες πῶς ἐφώναζεν ἐκ τὴν φωνὴν τοῦ ἀνέμου,
 ὡς ἦτον ἀπὸ μηχανῆς ἐκείνου τοῦ τεχνίτου.

VII.

Какъ перевелись на Руси богатыри.

Былина, изданная подъ этимъ заглавіемъ (Кир. IV, стр. 108—115), можетъ показаться не отвѣчающей ему всѣмъ своимъ содержаніемъ, такъ какъ рассказъ о гибели богатырей является въ ней конечнымъ эпизодомъ, мало связаннымъ съ первой половиной пѣсни. Не потому-ли издатели сборника Кирѣевского поставили знаменательную звѣздочку тамъ, гдѣ въ былинѣ одна половина смѣняется другой (начиная съ 148 стиха), какъ-бы не предусмотрѣнной предъидущимъ эпическимъ развитіемъ? — Еще менѣе мотивированнымъ кажется такой же эпизодъ о гибели богатырей въ нѣкоторыхъ былинахъ о Ермакѣ ¹⁾, только здѣсь освѣщеніе иное: пересѣлись въ нечеловѣческой борьбѣ Илья, или и всѣ русскіе витязи, но мистическій колоритъ рассказа значительно слабѣе.

Можетъ быть, мы имѣемъ дѣло не съ былиной, а съ эпизодомъ о «гибели богатырей», прикнущившимъ къ разнымъ пѣснямъ, содержаніе которыхъ не указываетъ само по себѣ, чтобы тотъ эпизодъ былъ связанъ съ нимъ органически. Издатели сборника Кирѣевского обратили вниманіе на слово «воитель» въ былинѣ,

¹⁾ О нихъ см. Южно-русскія былины № 1, стр. 40 слѣд.

ими изданной, и именно въ той части, которая насъ здѣсь интересуе́тъ. «Подобное слово могло быть допущено въ былинѣ развѣ потому только, что она въ концѣ своемъ переходитъ уже къ *стиху*, которому не чужды бываютъ слова книжныя». Я склоненъ признать въ эпизодѣ о «гибели» именно стихъ, или отрывокъ стиха: къ тому ведетъ и вся постановка разсказа и паденіе богатырей, понятное, какъ наказаніе за ихъ высокомеріе и грѣшную похвальбу. Этотъ мотивъ находится не только въ былинѣ у Кириѣвскаго, гдѣ ему легко было удержаться или развиться, но и въ пѣсняхъ о Ермакѣ, гдѣ, включенный въ тѣсный ходъ разсказа, онъ могъ-бы легко исчезнуть, еслибы не представлялся существеннымъ. Это заставляетъ предположить, что въ стихѣ о гибели богатырей существеннымъ являлся этический моментъ. Съ точки зрѣнія современнаго русскаго эпоса этотъ моментъ понять какъ общій: что хвастовство своей силой и мощью, переходящее за мѣру эпической похвальбы «во полустолѣ» и граничащее съ кощунствомъ, вызываетъ небесную кару. Эта точка зрѣнія, можетъ быть, давно упрочившаяся въ русскомъ былевомъ эпосѣ, указала въ немъ мѣсто и значеніе эпизоду о «гибели богатырей». Но всегда-ли онъ являлся въ такомъ общемъ освѣщеніи, или этический моментъ приуроченъ былъ первоначально къ какому нибудь опредѣленному эпическому или историческому факту и обобщился лишь впоследствии?

I.

Выѣзжали на Сафатъ рѣку
 На закатѣ краснаго солнышка
 Семь удалихъ русскихъ витязей,

становились на распутіи, раскинули шатры и стали опочивъ держать.

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
 Вставалъ Добрыня молодецъ равше всѣхъ,
 Умывался студеной водой,

Утирался тонкимъ по́лотномъ,
 Помолился чюдну образу;
 Видитъ Добрыня за Сафать-рѣкой
 Бѣль-полотнянъ шатерь:
 Въ томъ-ли шатрѣ залегъ Татарченкоу,
 Злой Татаринъ, бусурманченкоу,
 Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
 Ни ѣзжалаго добраго мѡлодца.

Добрыня осѣдлалъ коня, перескочилъ за рѣку и вызываетъ Татарина на бой; поскользнулась у него правая нога, дрогнула правая рука, онъ свалился на землю, а Татаринъ наскочилъ на него, распоролъ груди бѣлыя, вынималъ сердце съ печенюю.

«Было такъ на восходѣ краснаго солнышка» — снова начинаетъ былина тѣмъ-же общимъ мѣстомъ: раньше всѣхъ богатырей вставалъ Алеша Поповичъ, садится на коня, наѣзжаетъ въ полѣ на ставку богатырскую, видитъ убитаго Добрыню. Въ слѣдующей схваткѣ, на которую Алеша вызываетъ «злого Татарина», побѣда остается за русскимъ богатыремъ. Онъ уже готовится доканать свалившагося врага, вспороть ему груди бѣлыя, но откуда ни вѣсть взялся черный воронъ, проситъ пощадить Татарина, а самъ обѣщаетъ слетать на синѣ море, принести живой и мертвой воды; вспрыснетъ Добрыню мертвой водой, сростется его тѣло бѣлое, вспрыснетъ живой, очнется добрый молодець. — Послушался его Алеша, воронъ принесъ цѣлющей воды, и Добрыня пробудился отъ смертнаго сна.

Къ этому разсказу примыкаетъ непосредственно вторая половина былины, поющая про гибель богатырей. Переходъ совершается при помощи извѣстнаго намъ общаго мѣста:

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
 Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ и т. д.

Лирической складъ этого повторенія подозрителенъ; не коснулась-ли внѣшней стороны былины эстетически-исправляющая рука? Илья Муромецъ также выходитъ на Сафать рѣку, умывается студеной водой и т. д.; видитъ — черезъ рѣку переправ-

ляется несмѣтная сила бусурманская. Вмѣстѣ съ товарищами онъ прирубилъ ту силу поганую, несомнѣнно татарскую въ представленіи сказителя былины, въ первой части которой уже являлся на сценѣ «злой Татаринъ, бусурманченокъ».

И стали витязи похвалятися:
 «Не намахалися наши могѹтныя плечи,
 Не уходилися наши добрые кони,
 Не притупились мечи наши булатные!»
 И говорить Алеша Поповичъ младъ:
 «Подавай намъ силу *нездѣшнюю*,
 Мы и съ тою сплюю, витязи, справимся!»
 Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
 Такъ и явились двое воителей
 И крикнули они громкимъ голосомъ:
 «А давайте съ нами, витязи, бой держать,
 Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро».

Напустились на нихъ богатыри, Алеша Поповичъ, Добрыня, Илья Муромецъ: разрубить одного по поламъ, ихъ станетъ двое, а вражьей силы всё прибавляется.

Бросились на силу всё витязи,
 Стали они силу колоть-рубить:
 А сила всё растеть да растеть,
 Всё на витязей съ боемъ деть.

Утомились богатыри:

Намахалися ихъ плечи могѹтныя,
 Уходилися кони ихъ добрые,
 Притупились мечи ихъ булатные —
 А сила всё растеть да растеть,
 Всё на витязей съ боемъ деть.

Испуганные богатыри бѣгутъ въ каменные горы, въ темныя пещеры, тутъ и окаменѣли. «Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси» ¹⁾).

¹⁾ Кир. IV, стр. 108—115.

Сходный эпизодъ нашель себѣ мѣсто въ былинахъ о Ермакѣ. Въ пѣснѣ у Кир. I, № 1, стр. 58—66, Ермакъ бьется съ Татарами подъ Кіевомъ:

Побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету,
А силы всё, кажись, не убыло,
А Ермакъ изъ силы выбился.

Это «неубываніе» вражьей силы, это необычное въ былевомъ эпосѣ «изнеможеніе» богатыря — вело къ фантастической образности нашего эпизода: чудесному «приращенію» вражьей силы, изнеможенію богатырей передъ силой нездѣшной. Въ былинѣ Гильф. № 121 = Рыбн. I, № 22 Илья и Ермакъ прирубили татарское войско; Илья хвастаетъ:

«Какъ явилась-бы тутъ сила небесная,
Прирубили-бы силу всю небесную!»
Розрубятъ Татарина одинаго,
А сдѣлается съ една два.

«Пересѣлся» тутъ Илья, «окаменѣлъ его конь да богатырской». — Въ № 138 Гильф. побиваютъ Татаръ всѣ богатыри, кромѣ Ермака, котораго они, скрутивъ, вывели изъ силы великой, чтобы онъ не «перервался»; оттого онъ одинъ спасается отъ общей гибели. Порасхвастались богатыри:

«Кабы была на небо лѣстница,
Мы прибили бы мы всю силу небесную!»
А тутъ убьютъ Татарина — ставеть два да три.
Тутъ русскіе могучіе богатыри
Прибились они, примучились,
И другъ другаго привололи, прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей.

Взаимное побіеніе богатырей, принадлежитъ, быть можетъ, позднѣйшему пересказу; двоящіеся татары отвѣчаютъ такимъ-же двоящимся воетелямъ былины Кирѣевского. Значеніе ихъ ясно и не должно бы возбуждать противорѣчивыхъ толкованій: оно

дано всѣмъ содержаніемъ разсказа. Богатыри борются съ вражьей силой, которая русскому сказителю должна была представиться татарской; возгордившись своей побѣдой, они вызываютъ помѣяться съ собой небесныя силы — и совершается нѣчто чудесное: враги начинаютъ двоиться, растя численно подъ ихъ ударами ¹⁾ — роковое знаменіе грядущей гибели. Можетъ быть, въ первой половинѣ былины Кирѣвскаго нѣкоторыя подробности имѣли смыслъ въ такомъ именно освѣщеніи, — и связь со второй половиной, нынѣ неясная, все-же существовала? Добрыня борется съ Татаринѣмъ, убить имъ и чудесно оживаетъ — наканунѣ общаго погрома. Это оживаніе, нынѣ не мотивированное, имѣло когда-то смыслъ, являясь знаменіемъ грядущаго, гдѣ чудесное приготавлило къ роковому — какъ въ слѣдующемъ болгарскомъ преданіи о паденіи Болгарскаго царства ²⁾:

Кадъ презимо Турци Бугарско царство, тагай бѣше царь Костадинъ и царица Елена. Имаше оны́ двама юнаци: Марко Кралевичъ и Реля отъ Пазаръ ³⁾. Та ги испрати царь Костадинъ, да сѣча Турци, да отимая царство. Тія бѣше у Мѣмина клисура; тамъ она́ направѣ едынъ лагемъ, и подъ земи два юнака и два коня верви; та излеза у Софійско поле. Тамъ сѣча Турци: на двѣ пресѣче, той двамина стана. Вернесе назадъ на Мѣмина клисура, па-й тамъ сѣча Турци — па-й едынъ сѣча, двамина стана. Ты видова, дека Богъ не помѣга, та ойдѣа на царь Костадинъ казоваа. Дойдоа; а царь Костадинъ пержи три рыбы у тава-та. Казую, каква е работа; а царь Костадинъ каза на юнаци: «Ка́ излезна́ тія рыбы изъ тава-та, тогай че ми зема Турци царство!» Той рыбы-те пернаа, та излезнаа изъ тава-та: и де бѣше огіне, тамъ вода искара, и тамъ рыбы останаа у вода-та живи. Рыби-те одъ една́ странъ бѣше пержени, а одъ

¹⁾ О чудесномъ удвоеніи вражьей силы см. указанія въ Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 19 прим. 1; Разысканія VIII, стр. 328 и прим. на стр. 458.

²⁾ Качановскій, Пам. болгарскаго народн. творчества, вып. 1-й, № 116.

³⁾ Реля — товарищъ Марка Кралевича въ сербскихъ пѣсняхъ (Караджичъ II, № 39, Петрановичъ № 23 и др.).

една-но бѣше превърнеты. И тогай видѣ царь Костадинъ, че му земать Турци царство. И онъ самъ яна коньче, ойдо на бой. Тамъ срѣтна Турци на бой: единъ Арапинъ пушти се, та посѣчѣ царь Костадинъ».

Мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, приуроченнымъ къ Болгаріи, къ ея мѣстнымъ и эпическимъ отношеніямъ; но имена Константина и Елены указываютъ на другую среду и другія пѣсенныя воспоминанія: геройская кончина послѣдняго византійскаго императора, Константина XII, должна была оставить слѣды въ поэтическомъ сознаніи его народа. Она дѣйствительно отразилась пѣлымъ рядомъ пѣсень, которыя интересно изучить въ связи съ ихъ болгарскими отраженіями. Слѣдующая напр. пѣсня (Passow, № СХСVII) бросаетъ знаменательный свѣтъ на одинъ изъ эпизодовъ (оживленіе рыбы)¹⁾ приведеннаго выше болгарскаго преданія:

Καλόγρια ἔμαγέρρευε ψαράκια στὸ τηγάνι,
 Καὶ μία φωνή, ψιλή φωνή ἀπάνωθεν τῆς λέγει:
 «Πάψε γρία τὸ μαγερεῖο κ' ἡ Πόλι θὰ τουρκέψη».
 «Ὅταν τὰ ψάρια πεταχτοῦν καὶ βγοῦν καὶ ζωντανέψουν,
 Τότες κ' ὁ Τοῦρκος θὲ νὰ μπῆ κ' ἡ Πόλι θὰ τουρκέψη».
 Τὰ ψάρια πεταχτήκανε, τὰ ψάρια ζωντανέψαν,
 Κι' ὁ ἀμηνῶς εἰσέβηκεν ἀτὸς τοῦ καβαλάρης.

Другія подробности представляютъ слѣдующія двѣ трапезунтскія пѣсни:

Τὴν Πόλιν ὅταν ἔκτιζεν ὁ Ζάπι Κωνσταντίνων,
 Εἶχεν πορτάρους δίχλους κ' ἀφέντας φοβετσάρους,

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ сл. мои указанія въ Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха III, стр. 32, прим. 2. См. сопоставленія F. Wolf'a и Köhler'a, Jahrbuch f. roman. u. engl. Litt. III, 58 слѣд., 67 слѣд.; Müller-Fraugeuth, Die deutschen Lügendichtungen bis auf Münchhausen, p. 138; Lütolf, Sagen, Bräuche und Legenden aus den fünf Orten, p. 367 слѣд.: эпизодъ въ народномъ пересказѣ извѣстнаго чуда св. Іакова Кампостельскаго: чудесное сохраненіе жизни вызвало память о другомъ чудесномъ оживаніи. — Иное значеніе имѣеть оживаніе рыбы въ одной мусульманской легендѣ о Соломонѣ и Балькисѣ. См. Rosenöl, I, p. 174—5.

Εἶχεν καὶ σκύλον μάρμαρον, ποῦ ἔδοῦνεν τὰ κλειδία.

Κ' ἕναν πουλιν, καλὸν πουλιν κι' ἀπὲ τὴν Πόλιν ἔρται,
 Καὶ τ' ἕναν τὸ φτεροῦλν' αθε στ' αἶμαν ἔτον βαμμένον,
 Καὶ στ' ἄλλο τὸ φτεροῦλν' αθε χαρτὶν περιγραμμένον,
 Κι' οὐδὲ στὴν ἄμπελον κόνευσ' μηδὲ στὸ περιβόλι,
 Ἐπῆγεν καὶ ἐκόνεψεν στοῦ κυπαρέσσ' τὴν ρίζαν.
 Ἐρχονται χίλιοι πατριάρχ' καὶ μύριοι δεσποτάδες,
 Κανεὶς ἀτὸ πάλ' κι' ἀναγνώθ', κανεὶς ξάν κι' ἀναγνώθει.
 Χέρας υἱὸς Γιανίικας ἔν', ἀτὸς ἀτ' ἀναγνώθει.
 Σίτ' ἀναγνώθ', σίτ' ἀνακλαίγ', σίτ' ἀνακρούγ' τὴν κάρδιαν
 Ν' ἀοιλοῖ ἐμᾶς, νὰ βᾶι ἐμᾶς, ἡ Ρωμανία πάρθεν,
 Ἐπάρθαν τὰ προπύλαια καὶ τὰ βασιλοσκάμνια,
 Ἐπάρθαν καὶ αἱ ἐκκλησιαῖς κι' ὅλα τὰ μοναστήρια,
 Ἐπάρθεν καὶ Ἄγεσοφιά, τὸ μέγαν μοναστήριν π τ. λ.

(Passow, № СХСVІІІ).

Городъ, основанный Константиномъ, очевидно, Константинополь; слово ζάπι, необъясненное Пассовымъ, вѣроятно, арабско-турецкое Zâbyth — maître, possesseur, commandant, gouverneur, officier militaire; мы увидимъ тотчасъ, что одна трапезунтская-же пѣсня замѣняетъ въ первомъ стихѣ слово ζάπι словомъ Ἐλλεν, вѣроятно, въ томъ обобщенномъ значеніи, какое Эллины получили въ новогреческомъ преданіи. — Константинополь взять, птичка приноситъ объ этомъ вѣсть — куда-то. Такъ и въ слѣдующемъ варьянтѣ у Legrand (Recueil de chansons populaires grecques, № XLIX):

Ἐναν πουλιν, καλὸν πουλιν ἐβγαίν' ἀπὸ τὴν Πόλιν,
 οὐδὲ στ' ἀμπέλια κόνεψεν, οὐδὲ στὰ περιβόλια
 ἐπῆγεν καὶ ἐκόνεψεν καὶ στοῦ Ἥλι τὸ κάστρον,
 ἐσεῖξεν τ' ἕναν του φτερόν στοῦ αἶμαν βουτεμένον,
 5 ἐσεῖξεν τ' ἄλλο τὸ φτερόν, χαρτὶν ἔχει γραμμένον
 σίτ' ἀναγνώθ', σίτι κλαιγεῖ, σίτ' κρούει τὴν καρδίαν.
 «Ἄλλοι ἐμᾶς καὶ βᾶι ἐμᾶς, πάρθεν ἡ Ῥωμανία»
 μοιρολογοῦν τὰ ἐκκλησιαῖς, κλαίγνε τὰ μοναστήρια,
 κῆ ἅι Γιάννες ὁ χρυσόστομον κλαίει, δερνοκοπιέται.
 10 — Μὴ κλαῖς, μὴ κλαῖς, ἅι Γιάννε μου, καὶ δερνοκοπισκᾶσαι! —

«Ἡ Ῥωμανία πέρασεν, ἡ Ῥωμανία ἐπάρθεν».

— Ἡ Ῥωμανία κῆ ἄν πέρασεν, ἀνθεῖ καὶ φέρει κῆ ἄλλο.

Въ пѣснѣ, очевидно, выпало нѣсколько стиховъ послѣ пятого: неясно, кто читаетъ посланіе, оброненное птицей — очевидно, юноша предъидущей пѣсни. Куда приносить птичка нерадостную вѣсть — неясно; ἀπό τὴν Πόλιν можетъ быть понято во всякомъ случаѣ лишь въ значеніи Константинополя и мнѣ непонятно, почему Legrand надписалъ свою пѣсню: Ἡ Ἀλωσις τῆς Τραπεζοῦντος. Что до Ἡλί τὸ καστρον, куда спускается птица, то объ этой крѣпости, если только разумѣется дѣйствительная мѣстность, мы ничего не знаемъ ¹⁾).

Трапезунтская пѣсня изъ собранія Іоаннида ²⁾ представляетъ сплоченіе двухъ пересказовъ того-же сюжета, досказывающихъ кое-гдѣ содержаніе сообщенныхъ выше:

Τὴν Πόλιν ὄντας ὠρίζεν ὁ Ἑλλεν Κωνσταντῖνον
 μὲ δέκα πέντε σήμεντρα μὲ δεκωκτὼ καμπάνας,
 μὲ δώδεκα Ἀρχιερεῖς, παππάδας τετρακόσιους,
 διάκονους εἰκοστέσσερα, ψαλτάδες ἐβδομηῆντα,
 σείτ ἔψαλλαν, σείτ ὠρίζεν τὴν Πόλ' τῆρ Ῥωμανίαν,
 σημαίνει καὶ ἡ αἰῶ Σοφιᾶ, τὸ μέγα μοναστήριν.
 ζευρὰ κάθετ' ὁ βασιλιάς δεκ'σά ὁ Πατριάρχης,
 ὁ βασιλιάς ὁ βασιλιάς ὁ Ἑλλεν Κωνσταντῖνον
 ψάλλουν τὸ αἶος ὁ Θεὸς καὶ τὴν Τιμιωτέραν.
 Ἔρθεν πουλὶν καὶ κόνεψεν σ' αἰῶς Σοφιᾶς τὴν πόρταν,
 τὸ ἕναν τὸ φτεροῦλ ἄθε σ' τὸ αἶμαν ἕν βαμμένον,
 σ' τὸ ἄλλο τὸ φτεροῦλ' ἄθε χαρτὶν κρατεῖ γραμμένον
 ἀτὸ κανεῖς 'κ ἐνέγνωσεν, οὐδ' ὁ μητροπολίτης
 ἕναν παιδὶν, καλὸν παιδὶν ἔρχεται καὶ ἀναγνώθει,
 ν' αἰλλ' οἱ ἐμᾶς σείτ ἀναγνώθ' καὶ δερνοκοπισκᾶται
 — ἀλλ' οἱ ἐμᾶς καὶ βᾶι ἐμᾶς οἱ Τοῦρκ' τὴν Πόλ' ἐπαῖραν,
 ἐπαῖραν τὸ βασιλοσκᾶμ' ἀλλάγε αὐφεντία

¹⁾ Сл. Дестунисъ, О Ксаноннѣ. Греческая трапезунтская былина византийской эпохи, СПб. 1881 г., стр. 4—5.

²⁾ Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος, ὑπὸ Σάβ. Ἰωαννίδου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870, № 25.

μοιρολογοῦν τὰ ἐγκλησιᾶς, κλαῖγνε τὰ μοναστῆρα,
μοιρολογᾷ καὶ αἰῶ Σοφία, κλαίει' καὶ ὁ Θεολόγος.

Одинъ дьякъ хватается за саблю и копье, поразилъ 300 ту-
рокъ, 13 пашей, но оружіе сломалось въ его рукахъ, онъ взятъ
въ плѣнъ; предложеніе сохранить жизнь подъ условіемъ принять
исламъ, онъ отвергаетъ: дьякомъ я родился, такимъ и умру.
Онъ убитъ, а пѣсня возвращается, съ новыми подробностями,
съ своему начальному мотиву: не отрывокъ-ли это другого
варьянта?

Τὴν Πόλιν ὄντας ὠρίζεν ὁ Ἑλλεν ὁ Κωνσταντῖνον,
εἶχεν πορτάρους δίκλοπους, ἀυφένταις φοβετσάρους.
ἐκεῖνος εἶχεν σύνοδον Ῥωμαίους δωδεκάραν,
ἐκεῖνος εἶχεν σύνοδον Ῥομαίους ἀυφεντάδες
ἐκεῖν' ἔκ ἐκρίνανν δίκαια, ἐδῶκαν τὰ κλειδία
ἐκλείδωσαν τὰ ἐγκλησία, ὅλα τὰ μοναστῆρα,
Ἐκλείδωσαν τὴν αἰῶν Σοφίαν, τὸ μέγα μοναστῆριν.
Ἄπ' οὐρανοῦ κλειδὶν ἔρθεν σ' σαῖᾶς Σοφιᾶς τὴν Πόρταν
χρόνους ἔρθαν καὶ πέρασαν, καιροὶ ἔρθαν καὶ δέβαν
ἔνεσπάλθεν τὸ κλειδίον ἀδες, καὶ πέμμεν κλεδομένον
Θέλ' ἄπ' οὐρανοῦ μάστορα καὶ ἀπὸ τὴν γῆν ἀργάτεν.

Послѣдніе стихи, относятся, несомнѣнно, къ распространен-
ному повѣрью, къ которому мнѣ не одинъ разъ приходилось
обращаться въ моихъ изслѣдованіяхъ ¹⁾: повѣрью о грядущемъ
избавителѣ, о возвращающемся императорѣ. Полить упоминаетъ
греческія легенды о царѣ, *замурованномъ въ криптѣ святой
Софїи*; въ русскихъ иятерполированныхъ Откровеніяхъ Псевдо-
Мееодія говорится, что въ послѣднія лѣта Измаильтѣне подсту-
пятъ къ Константинополю, «прійдутъ къ златымъ вратамъ, иже
суть заключены издавна (изъ давнихъ лѣтъ), никому же не
отверзошась. Тѣмъ-же повелѣніемъ Божиимъ отверзутся имъ,
и пойдутъ и досѣкуются *сватыа Софїи*». Тогда явится избавитель:

¹⁾ Сл. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, II; Южно-
русскія былины I; Разысканія V, стр. 120; VIII, стр. 305—6.

«Возстанетъ на нѣ царь отъ нищихъ, Архангелъ Михаилъ во имя его»; ангелъ принесетъ его изъ Рима и *положитъ во святый Софїи на алтарь*. — Въ кїевскомъ преданїи о Михайликѣ онъ выѣзжаетъ изъ города, осажденнаго Татарами, унося съ собою *золотыя ворота*. Онъ удаляется въ Царьградъ, гдѣ ворота стоятъ до сихъ поръ; но будетъ время, говорятъ, когда Михайликъ вернется и поставитъ ихъ на прежнее мѣсто. И если, идучи мимо, кто-нибудь скажетъ: «О золотыя ворота! стоятъ вамъ тамъ опять, гдѣ стояли», то золото такъ и засїаетъ; если-жъ не скажетъ, или подумаетъ: Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кїевѣ! — то золото такъ и померкнетъ.

Я сближалъ былины — о Михайлѣ Игнатьевичѣ и легенду о Михайликѣ съ пѣснями о Василии-пьяницѣ и Батыгѣ. Остановимся на ея довольно обычномъ запѣвѣ:

Изъ подъ той березы кудреватя,
Изъ подъ чуднаго креста Еландіева,
Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе
И шли они бѣжали мимо славенъ Кїевъ-градъ,
И видѣли надъ Кїевомъ чуднымъ чудно,
И видѣли надъ Кїевомъ дивнымъ дивно:
И по той стѣны городовыя
И ходятъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а въ двое плачетъ.

Туры говорятъ объ этомъ чудесномъ зрѣлищѣ турицѣ, родной матушкѣ. Она поясняетъ имъ:

Ужъ вы глупше туры златорогіе!
Ничего вы, дѣточки, не знаете:
Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣны,
А ходила та Мать Пресвята Богородица,
А плакала стѣна мать городовая
По той-ли по вѣрѣ христіанскія:
Будетъ надъ Кїевъ градъ погибельѣ,
Подымается Батыга сынъ Сергѣевичъ

(Рыбн. II, № 11. Сл. Гильф. № 231). — У Рыбн. I, № 29
Богородица не упомянута,

А тутъ плакала стѣна, мать, городова,
Она вѣдала невзгодушку великую

Сл. Рыбн. III, № 37, Гильф. № 18, 41, 60, 66, 181, 258. —
У Рыбн. II, № 65 = Гильф. № 116 значеніе видѣнія не объяс-
нено. Сл. тотъ-же запѣвъ въ одной былинѣ о Ермакѣ: туры
видятъ въ Кіевѣ,

Какъ со матушки съ Божьей церквы
Шла дѣвица душа красная,
На рукахъ книгу несла во-евангелъе,
Прочитаючись она да слезно плакала.

Мать объясняетъ: то была Богородица,

Она вѣдала надъ Кіевомъ невзгодушку,
Ту она и слезно плакала

(Рыбн. I, № 20). Обыкновенное объясненіе этого эпизода видитъ
въ немъ народное олицетвореніе — городской стѣны, сѣтующей
объ участи города. Едва-ли это такъ: плачетъ и сѣтуетъ Богоро-
дица, «стѣна городова», т. е. оплотъ, защита христіанъ; такъ
плачутъ въ греческихъ пѣсняхъ о паденіи Византіи св. Іоаннъ
Златоустъ (или Богословъ) и св. Софія. Эпитетъ отдѣлился отъ
имени и сталъ самостоятельнымъ, причудливымъ образомъ.

II.

Въ былинахъ о Васильѣ плачь Богородицы вызванъ не насту-
пившимъ уже, а грядущимъ бѣдствіемъ; въ греческихъ пѣсняхъ
о паденіи Константинополя оно уже совершилось, и птица при-
носитъ о томъ вѣсть; въ слѣдующихъ болгарскихъ, несомнѣнно
отразившихъ какіе-нибудь греческіе подлинники, также является
птица-вѣстникъ, не посланіе, ею обрonnenное, говоритъ о томъ,

что еще имѣеть совершиться. Такъ въ слѣдующей пѣснѣ у Безсонова (Калѣки I, стр. 614—617), отвѣтившей на естественный вопросъ: отчего Господь попустилъ погнубнуть христіанскому царству. Отвѣтъ былъ предусмотрѣнъ въ обиходномъ аскетическомъ представленіи: это — кара за грѣховную гордыню, за кощунство и приниженіе церкви: возгордился царь Константинъ,

Въвъ черковѣ съсъ конь ходи,
Отъ коня-тъ ми вомежъ зима,
Съсъ маждрака-тъ пафоръ зима.
А Богу са жалъ нажали,
Жалъ нажали, скръбъ наскръби.

Бѣлый голубъ прилетѣлъ къ монастырю св. Николая, вытряхнулъ хартію изъ подъ праваго крыла; читаетъ её игумень, два дня, три дня, не могъ прочитатъ и велитъ позвать попа Николу. Беретъ её попъ Никола, читаетъ и слезно плачетъ:

«Хой та тебе, попъ Никола!
Като четешь, што си плачешь?»
Отговарѣ попъ Никола:
— Пише — пише въ бѣло книже:
Турчянь Стамболъ ште да привзѣме.

Игумень съ Николой идуть къ царю Константину,

Нашле сж го въ Балаклии,
Че си пне и си ѣде
Съ сенатори и боерп.

Балаклия, замѣчаетъ издатель, извѣстная церковь въ Царьградѣ, при которой агіасма съ водою и чтимыми рыбами: обстановка, соответствующая слѣдующему эпизоду пѣсни. Услышавъ пророческія слова хартіи, Константинъ отвѣчаетъ:

«Аво стане тая риба,
Тая риба отъ сварж-тж,
Да си влѣзе у водж-тж,
Тѣй ште Стамболъ да привзѣме,

Коту си т'ва, бре, издумалъ.
 Фършла са е прѣсна риба,
 Прѣсна риба отъ скарж-тж,
 Та-си е влѣзла у водж-тж.
 Уплашвлъ са е царь Костантинъ ми е,
 Та всѣдижлъ враня коня,
 Припасалъ ми е тѣнкж саблж,
 Отишѣлъ ми е да са бие,
 Да са бие съсъ Турчяна-тъ.
 Тамъ сж ми, бре, и убили,
 И убили цара Костантина,
 Турчянъ въ Стамболъ ми е влѣзълъ.

Съ чудеснымъ оживаніемъ рыбъ мы уже встрѣтились въ греческой пѣснѣ о паденіи Византіи и болгарскомъ преданіи, перенесшемъ черты послѣдней на разсказъ о гибели — болгарскаго царства. До сихъ поръ показываютъ въ Константинополѣ, во свидѣтельство чуда, свѣжую («прѣсную») рыбу съ однимъ поджареннымъ бокомъ.

Приведенная выше болгарская пѣсня существуетъ въ разнообразныхъ отраженіяхъ. Въ колядкѣ у Качановскаго, № 18, «сиво-пале» вьется три дня, три ночи надъ дворомъ царя Константина; его не изловить тенетами; царь велитъ принести изъ церкви золотой престолъ, поставить его подъ яблоней: самъ на него садится и подманиваетъ къ себѣ сокола. Онъ падаетъ ему на колѣно и вытряхнулъ изъ подъ праваго крыла «бѣло книже — чернѣ слово». Созваны, по повелѣнію Константина, попы и дьяки, служатъ литургію, а въ это время попъ Никола читаетъ книгу — и плачетъ. На вопросъ царя онъ отвѣчаетъ:

Слава Богу, царь Костадинъ!
 Нали питашь, да ти кажемъ (bis):
 Наше царство достанало,
 Турско царство настанало!

Въ пѣснѣ изъ Македоніи, поющейя на Пасхѣ, вѣтъ ни царя,

ни явленія птицы: молодой дьякъ Тодоръ читаетъ книгу, плачетъ и крестится; матери онъ говоритъ, что прочелъ въ книгѣ:

Турско царство навасало,
А ваурско ѣе загние.

Не успѣлъ онъ сказать это, какъ явились проклятые Турки, убили Тодорову мать, а его самого въ плѣнъ взяли:

Турско царство ми се пспунило,
А ваурско погнало ¹⁾).

Иначе, въ болгарской-же пѣснѣ съ Родопа, записанной Башмаковымъ ²⁾: здѣсь, наоборотъ, забыть образъ молодаго, читающаго дьяка. Поется, какъ изъ моря выросло дерево, его вершина достигаетъ неба, вѣтви стелятся по землѣ, цвѣтъ на немъ серебряный, плоды жемчужные; маленькая птичка-соловей сидитъ на немъ, плачетъ, щиплетъ на себѣ перья и бросаетъ ихъ въ море. Проходитъ мимо царь Константинъ и спрашиваетъ птичку, отчего она такъ печалится. Она отвѣчаетъ:

Царю-ге, царь Костадине!
Тебѣ са царско свършило,
Земя ште турска да стане,
Та ми е бълно и жално,
Във турски рѣце шта падне.

Обратимся къ колядкѣ у Качановскаго № 19, сходной по общему плану и содержанію съ сообщенной выше (№ 18 *ibid.*), но съ иной развязкой:

Зависе сиви соколю
На царевы равны дворы;
Висе два дни, висе три дни
 Коледе! Коледе!
Висе такмо три недѣли;
Царь испраты свѣтны слуги:
 Коледе! Коледе!

¹⁾ Верковић, Нар. песме македонски бугара, № 284.

²⁾ Le Muséeon, t. II, № 3: Échos rouméliotes, p. 332—3.

достать воды царю и отрубилъ ему бѣлокурую голову съ сѣдой бородой. Послѣ этого волненіе прекратилось (Обштъ Трудъ. Болградъ, 1868 г.). — Такое-же совпаденіе именъ Константина и Шишмана въ одномъ и томъ-же преданіи повторилось, можетъ быть, и въ другомъ случаѣ: я разумѣю прозаическую легенду о паденіи болгарскаго царства, приведенную нами выше. Мѣсто ея дѣйствія приурочено къ Моминой клисурѣ (тур. Кызы Дербендъ); равнина, простирающаяся передъ входомъ въ неё по теченію Марицы, называется крестьянами *Костено поле*, по множеству сраженій, которыя происходили здѣсь у Болгаръ съ Византіяцами, а затѣмъ между царемъ Иваномъ Шишманомъ и Турками: человѣческія кости здѣсь въ самомъ дѣлѣ отрываются во множествѣ; память Шишмана сохранилась въ мѣстныхъ названіяхъ, въ народной легендѣ и пѣснѣ, отраженія которыхъ могли дойти до Царственника Паисіа. Тамъ говорится, что царь Шишманъ во время осады Трнова пробрался со своими боярами и войскомъ въ Софію, гдѣ встрѣтилъ своихъ сподвижниковъ изъ Никополя, Свиштова, Плевны и Дрстера. Оставивши свои сокровища въ хорошо защищенномъ валомъ и водою монастырѣ на Искрѣ, онъ боролся съ Турками еще семь лѣтъ, пока не палъ въ битвѣ при Самоковѣ. Это, въ основѣ, то-же преданіе, что и у Качановскаго: вмѣсто Шишмана — Константинъ, витязи котораго пробираются изъ Моминой клисуры къ Софіи и тамъ бьются съ Турками, въ бою съ которыми погибаетъ наконецъ и самъ царь ¹⁾.

Но народная пѣсня пошла еще далѣе, перенесла мотивы старой былины о паденіи Константинополя на — взятіе русскими Варны. Такъ въ неизданной македонской пѣснѣ изъ собранія Пульевскаго:

Затемнися, замогльнися църно море и бѣлъ Дунавъ,
 Затемнися два дни, три дни, два дни, три дни, емъ три нокъи,
 Та повей сильнень веторъ одъ морето конъ белъ Дунавъ,
 Емъ подигна темень облакъ, го патера конъ белъ Дунавъ,

¹⁾ Сл. Конст. Иречекъ, Исторіи Болгаръ, перев. Бруна и Палаузова, стр. 19, 455—7 и прим. 38 на стр. 457.

Изъ облакотъ си исфъркна, си исфъркна суро орле,
 Та одльста па Варнечко, на калито, на кубето,
 Ту е орле си се запре и запишти и задвѣрчи,
 Суро орле съ клунца пиштитъ, со крицата си затрептитъ,
 Отъ крицата му испадна бело кнѣже, цѣрно писмо,
 — Богъ да биетъ Варнечките, вѣлетъ Турци низамите! —
 Го зедае бело кнѣже, (бѣло кнѣже) съ цѣрно писмо,
 Однесли го при три наши, три везири изъ Туглъпи,
 Наши кнѣже да препелтъ, тада чуятъ што казуватъ
 И одъ кого е испратено и како е порочано.
 Штомъ наши кнѣже зедае, не може да (го) препеятъ,
 Што казуватъ цѣрно слово, потомъ наши павикае
 Имамте и ожите, сви дервиши и шейвови:
 Не билъ кнѣже кѣя препеятъ, што казуватъ цѣрно слово;
 Турска штомъ се собра да препеятъ бело кнѣже:
 Пеяли што го неяли два дни, три дни, емъ три нокѣя,
 Не могли да го препеятъ што казуватъ цѣрно слово;
 Све свѣштенство го неяло, не могло да (го) препеетъ,
 Што казуватъ бело кнѣже, цѣрно слово напписано.
 Се сетне владциите та оваке заповедне:
 Викайте го попъ Никола, младо дѣяче русиначе!
 Попъ Никола кнѣга училъ седумъ години све в Русия,
 — Не билъ кнѣже кѣя препеетъ, што казуватъ цѣрно слово,
 Одъ кого е напписано, до кого е испратено. —
 Штомси дойде попъ Никола, му додое бело кнѣже,
 Му дадое бело кнѣже да изъявить цѣрно слово;
 Попъ Никола кнѣже прими, емъ три поти го пельва,
 Штомъ во кнѣже си разгльеда, одъ очи си съзри [по]рони,
 Попъ Никола кнѣже пестъ и оваке пмъ казуватъ:
 Кой си иматъ остра сабля порочана, исправена,
 Побърго да я направитъ до седумъ дни время иматъ,
 До седумъ дни время иматъ, отъ Москофа васъ кѣя земетъ.
 Помпнае седумъ дена, запукае топовите,
 Одъ морето на Варнечко, на Варнечко бѣлокали.
 Цѣрна земя се потресе, потомъ кали се отвори,
 И превърте све одъ оснофъ, руска войско го преведе.

Оставляя въ сторонѣ это позднѣйшее перенесеніе пѣсни на
 современныя событія, остановимся лишь на чередованіи именъ

Шипмана и Константина, болгарских и византийских воспоминаний — о падении христианского царства: чередовании и лишенном интереса для тех, кто склонен обобщить это явление, какъ возможное въ вѣковомъ развитіи всякаго народнаго эпоса. Общія черты тѣхъ и другихъ воспоминаній слѣдующія: христианскому царству суждено погибнуть за грѣховную гордыню; наступаютъ враги, но опасности не вѣрится; являются первая знаменія гибели (чудесное оживаніе и т. п.) — и богатырская мощь оказывается беспильной передъ врагомъ, двоящимся по манію небесъ. — Если въ этомъ разсказѣ подставить Татаръ вмѣсто Турковъ, мы придемъ къ основнымъ очертаніямъ нашего пѣсеннаго эпизода о гибели богатырей, и, можетъ быть, уяснимъ себѣ его древнее мѣсто въ составѣ нашего эпоса.

III.

Уже давно было указано на появленіе именъ былинныхъ богатырей Алеши и Добрыни въ разсказѣ нашихъ лѣтописей ¹⁾. Если и устранить историческаго Добрыню, дядю Владиміра, связь котораго съ его соплеменникомъ по былинамъ можетъ быть предметомъ вопроса, то и въ такомъ случаѣ лѣтописныя упоминанія о богатыряхъ встрѣчаются на протяженіи двухъ слишкомъ столѣтій. Я беру въ основаніе Нпконовскій сводъ.

¹⁾ Сл. Курбевскаго, Пѣсни II, Приложенія стр. XVII—XIX; Майковъ, О былинахъ Владиміроваго цикла стр. 25 слѣд. въ примѣчаніи; Бестужевъ-Рюминъ, Лѣтоп. занятій археогр. ком. IV, 154; Jagić, Gradja za historiju slovinske narodne pesnje, стр. 45 слѣд. отдѣльнаго оттиска; Ровинскій, Русскія народныя картинки IV, стр. 109 слѣд. Уже во время печатанія этой работы я могъ познакомиться съ прекрасной монографіей проф. Дашкевича (Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Руси богатырей. Кіевъ 1883), въ которомъ лѣтописныя свидѣтельства объ Александрѣ Поповичѣ (разобранныя уже Н. И. Костомаровымъ) подвергнуты тщательному критическому разбору, а былина о гибели богатырей приурочивается къ пораженію на Калкѣ. Мнѣніе это выражено было уже Квашнинымъ-Самаринымъ и О. Миллеромъ; къ нему присоединяюсь и я.

Подъ 1000-мъ годомъ говорится объ Александрѣ Поповичѣ, убившемъ Володаря и множество Половцевъ, пришедшихъ съ нимъ къ Кіеву, когда Владиміръ былъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Услышавъ объ этихъ подвигахъ, великій князь наградилъ богатыря «и возложи нань гривну злату и сотвори вельможа въ полатѣ своей». Майковъ ¹⁾ считаетъ ошибочнымъ упоминаніе этого событія подъ 1000-мъ годомъ, такъ какъ историческія соображенія заставляютъ перенести его ровно на сто лѣтъ позже, именно къ 1100 году. По какому поводу состоялось ошибочное приуроченіе лѣтописи — на этотъ вопросъ она отвѣчаетъ косвенно, повѣствуя подъ 1001 и 1004 годамъ о подвигахъ Александра Поповича и Яна Усмопведа противъ Печенѣговъ. Мы имѣемъ дѣло съ группой рассказовъ, приуроченныхъ разновременно по внѣшнему поводу: можетъ быть, по тождеству княжескаго имени (Владимира).

Рядомъ съ этой первой группой воспоминаній становится одно. кажется, незамѣченное до сихъ поръ, въ той-же Никоновской лѣтописи, повѣствующей по поводу похода Игоря Святославича (1185 г.): «убиша-же тогда и дивна богатыря Добрыню Судиславича». Въ одномъ лѣтописномъ рассказѣ о томъ-же событіи, о которомъ сообщилъ мнѣ Е. В. Барсовъ, вмѣсто Добрыни говорится о Доброѣ Судиславичѣ. На какомъ основаніи Снегиревъ ²⁾ называетъ Добрыней Судиславичемъ дядю и сподвижника Владиміра — я не знаю.

Новыя группы лѣтописныхъ воспоминаній встрѣчаемъ въ 1216—1225 годахъ. Никоновская лѣтопись говоритъ подъ 1216 г. о Липецкой битвѣ, въ которой на сторонѣ Константина Всеволодовича Ростовскаго были «и два храбра, Добрыня Златый Поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славные богатыри». «Въ лѣто 6733... воинственныхъ людей толико поблело, яко ни десятый отъ нихъ возможе избежати, и Александра

¹⁾ l. c. стр. 27 прим.

²⁾ Снегиревъ, Лубочныя картинки русскаго народа, стр. 96.

Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича Златаго Пояса и семьдесят великихъ и храбрыхъ богатырей: всѣ побьени быша гнѣвомъ Божиимъ за грехи наша отъ Татаръ».

Такъ и въ Тверской лѣтописи (подъ 1224), также соединяющей Липецкую битву съ боемъ на Калкѣ и замѣняющей Добрыню — «Тимоней Златымъ поясомъ». Связь между тѣмъ и другимъ событіемъ устанавливается такимъ образомъ, что по смерти князя Константина Александръ Поповичъ положилъ вмѣстѣ съ другими богатырями, «яко служити ямъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ». — Въ одномъ хронографѣ первой редакціи «два храбра Добрыня Златый Поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ» упоминаются подъ 1217 годомъ на сторонѣ Константина Всеволодовича въ битвѣ на Гдѣ, о которой говоритъ и Лѣтопись по Типографскому списку («Добрыня Златопоясъ да Александръ Поповичъ съ слугою своимъ Торопкомъ»), непосредственно переходящая къ брани на Калкѣ: «тогда убиша Александра Поповича и иныхъ много богатырей». — О гибели Александра Поповича при Калкѣ и съ нимъ «семидесяти» богатырей повѣствуетъ, безъ упоминанія Добрыни, — цѣлый рядъ лѣтописей, начиная съ Суздальской, академической списокъ который относится къ XV вѣку: «и Александръ Поповичъ ту убиенъ бысть съ иными 70 храбрыхъ».

Позже Калкакаго побоища имена Алеши и Добрыни не появляются въ лѣтописи.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ опредѣлить отношенія пѣсеннаго преданія къ соответствующему историческому, или вѣрнѣе, лѣтописному. Слѣдуетъ-ли въ послѣднемъ видѣть память о дѣйствительныхъ событіяхъ, идеализованныхъ впоследствии въ формахъ и образахъ пѣсни, или, наоборотъ, древняя былина могла опредѣлить подробности лѣтописнаго разсказа? Последняя гипотеза нигдѣ не исключаетъ исторической подкладки самой пѣсни: народъ могъ воспѣть своихъ дѣйствительныхъ героевъ, которыхъ лѣтопись могла миновать вначалѣ и лишь впоследствии воспринять на свои страницы изъ — пѣсеннаго источника. Роландъ погибаетъ

въ Ронсевальскомъ ущельѣ; такъ въ *Chanson de Roland*, такъ въ древнемъ преданіи французскаго эпоса; такъ и у Эгингарда, *Vita Caroli Magni: Hruodlandus Britannici limitis praefectus* — но не во всѣхъ рукописяхъ; въ анналахъ, приписанныхъ тому-же автору, въ разсказѣ о томъ-же событіи — имени нѣтъ, нѣтъ и у *Poeta Saxo* и у Астронома, *Vita Hludovici*, говорящаго о падшихъ герояхъ съ очевидной ссылкой на народную память: *quorum, quia vulgata sunt, nomina dicere supersedi*. Что здѣсь древнѣе: лѣтопись или — народная, въ началѣ, областная, пѣсня, мѣстное преданіе, лишь съ теченіемъ времени приобщившаяся къ національнымъ воспоминаніямъ?

По отношенію къ аналогическимъ фактамъ русской былины и лѣтописи легко рѣшится за послѣднюю альтернативу: упоминанія богатырей Алеши и Добрыни (если взять въ расчетъ и Добрыню Судиславича 1185 года) растянуты на такомъ значительномъ хронологическомъ пространствѣ, что вѣроятнымъ представляется вторженіе пѣсни въ лѣтописный разсказъ. Это вторженіе могло быть чисто механическимъ, и мы видѣли тому примѣры, но оно могло имѣть и серьезные поводы. Въ этомъ отношеніи знаменательнымъ является фактъ скученности воспоминаній вокругъ событій 1216—24 года, особливо при Калкской битвѣ. Связь лѣтописнаго разсказа о ней съ былиной о гибели богатырей кажется мнѣ несомнѣнной. Тамъ и здѣсь дѣло идетъ о страшномъ пораженіи Русскихъ Татарами, тамъ и здѣсь погибаютъ всѣ богатыри («всѣ побѣни быша»), въ былинѣ ихъ семеро, въ лѣтописномъ повѣствованіи — семьдесятъ. Упоминаются поименно Александръ Поповичъ и Добрыня; ихъ единоборствомъ съ Татарами открывается и былина, но въ Алешѣ видимо лежитъ центръ дѣйствія: нѣкоторыя лѣтописи упоминаютъ въ разсказѣ о Калкскомъ побоищѣ его одного, а въ пѣснѣ гибель богатырей вызвана его грѣховной похвалой.

Какъ слѣдуетъ понять отношенія лѣтописи и былины?

Послѣдняя могла существовать до лѣтописнаго разсказа, съ которымъ была неволью сближена по аналогіи событій, кото-

рому отдала нѣсколько эпическихъ именъ. Это рѣшеніе по прежнему оставило-бы открытымъ вопросъ: о происхожденіи былины, объ ея историческомъ объектѣ, существованіе котораго заставляютъ подозрѣвать сходныя византійско-болгарскія преданія. Вѣроятнѣе представляется слѣдующее рѣшеніе: безпримѣрное пораженіе при Калкѣ дотолѣ *нездомымъ*, «не здышимъ» врагомъ, вызвало преданіе, пѣсню, и пѣсню покаянную: пораженіе было судомъ Божиимъ надъ православнымъ людомъ за его грѣхи и гордыню¹⁾; не даромъ былинные богатыри бьются съ Татарами на Сафатѣ рѣкѣ: долина Калки обратилась въ долину страшнаго суда, Иосафатову — какъ апокалипсическими образами вѣсть отъ слѣдующихъ стиховъ былины о Калинѣ царѣ:

Зачѣмъ мать — сыра земля не погнется,
 Зачѣмъ не разступится?
 Отъ пару было отъ кониваго
 А и мѣсяць, солнце померкнуло,
 Не видать луча свѣта бѣлаго,
 А отъ духу татарскаго
 Неможно крещенымъ намъ живымъ бытъ

(Кирша № XXIV).

Погибають на Калкѣ-Сафатѣ лучшія силы русской земли, типически воплощавшіяся въ богатыряхъ: богатырей больше не является, они тутъ перевелись. Имена Алеши и Добрыни подставились не случайно: Алеша явился первымъ: онъ — «смѣлый», «пересмѣшникъ», «хвастливый воинъ» русскаго эпоса; онъ припомнился по поводу похвальбы и притянулъ къ себѣ имя Добрыни, съ которымъ его тѣсно связываютъ и наши былевья пѣсни.

¹⁾ «Сихъ-же злыхъ татаръ Таурменъ не свѣдаемъ, откуда быше пришли на насъ и гдѣ ся дѣли опять» (П. С. Р. Л. I, 217); «По грѣхомъ нашимъ придоша языци незнами, безбожніи Моевитяне, ихже никто-же добръ не вѣсть ясно, кто суть, и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; и зовуть я Татари, а иніи глаголютъ Таурмени, а друзіи Печенѣзи . . . Богъ же вѣсть единъ, кто суть и отколѣ изыдоша (I. с. XV, 335—6); «и не свѣдаемъ, откуда были пришли и камо ся дѣли; единъ Богъ вѣсть, откуда приведе за грѣхы наша и за похвалу и гордость великаго князя Мстислава Романовича» (ib. p. 343).

Если это толкованіе вѣроятно, то вмѣстѣ съ тѣмъ получились нѣкоторыя данныя, освѣщающія отношенія былины о гибели къ лѣтописному разсказу.

Судя по послѣднему, въ древней пѣснѣ еще стояло географическое обозначеніе Калки, быть можетъ, уже въ сосѣдствѣ съ какимъ-нибудь эпитетомъ или опредѣленіемъ, которое, обособившись впоследствии, заслонило собою Калку: Сафать. Пѣсня эта могла сложиться на югѣ; но южная лѣтопись (галицко-волынская) держитъ въ сторонѣ отъ нея свой фактический разсказъ о событіи, еѣ вызвавшемъ. Лишь позднѣе на сѣверѣ, и именно на сѣверо-востокѣ, былина включена въ составъ лѣтописи. Очевидно, былина эта была тамъ популярна, и въ ней Алеша Поповичъ выступалъ съ еще бѣльшимъ значеніемъ, чѣмъ въ современныхъ перепѣвахъ. Слѣдствіемъ этой популярности было приуроченіе пѣсеннаго героя къ областнымъ отношеніямъ: лѣтопись заставляетъ его принимать участіе въ мѣстныхъ усобицахъ, указываетъ какъ на память его подвиговъ — на могилы убитыхъ имъ враговъ, на городокъ, куда онъ созвалъ своихъ «храбрыхъ»¹⁾. — Такъ приурочился и освоился въ новой обстановкѣ французскій *Ogier de Danemarque* — въ Даніи, Аника въ Вологодской губерніи и въ сѣверномъ поморьѣ, на Анкіевомъ островѣ; такъ, быть можетъ, присталъ къ муромскимъ отношеніямъ и Илья Муромецъ.

Такъ объясняется, почему южный Алеша Поповичъ, доживающій свой вѣкъ еще и въ образѣ Оликсія Поповича малорусской думы²⁾, очутился наконецъ Ростовцемъ — въ большинствѣ нашихъ былинь; и не только Ростовцемъ, но и сыномъ ростов-

¹⁾ «Александръ же выходи многы люди великаго князя Юрія избиваше, иже костей накладены могилы великы и донынѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а ини по ону страну рѣки Усін . . . вскорѣ смысливъ посылаетъ своего слугу, иже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихъ къ себѣ въ городъ, обрыть подъ Гремячимъ колодиземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопьъ стоитъ пустъ». Тверская лѣтопись, П. С. Р. Л. XV, 337, 338.

²⁾ Сл. Антоновичъ и Драгомановъ, I. с., I, 176—201.

скаго *попа* Леонтія, очевидно отвлеченномъ изъ прозвища Поповича. Это повліяло отчасти на измѣненіе его древняго типа, который въ былинахъ сложился изъ ряда разновременныхъ насло- ній¹⁾. Въ сущности онъ — смѣлый, смѣль напускомъ, гордивъ- спѣсивъ, бранчивъ и «кручиноватъ» (Богатырское слово, изд. Е. Барсовымъ, стр. 17), охочъ хвастаться («пустохвастъ»); (нѣтъ) «на ярость Олешеньки Поповича» (Ефименко, 1. с., стр. 17, № IV), какъ и Олексій Поповичъ характеризуется заносчивымъ и гордымъ. — Но былины любятъ изображать его и въ роли «бабьяго пересмѣшничка»: онъ хвастаетъ на пиру своею связью съ сестрой Сбродовичей, съ женой Данилы, подслуживается Апраксій въ ея любовныхъ шашняхъ, пытается взять за себя обманно жену своего крестоваго брата Добрыни. — Эта черта еще можетъ быть приведена въ психическую связь съ предъиду- щими, чего о другихъ нельзя сказать: я имѣю въ виду поповское происхожденіе Алеша, принадлежащее специально-сѣверному развитію русскаго эпоса²⁾. Именно эта характеристика драго- цѣнна своей неустойчивостью. Когда у Кир. I, № 2, стр. 53 про Алешу говорится, что онъ роду «поповьскаго, *закльншеовый*» (: забубенный, отчаянно смѣлый), то, очевидно, это память о дре- немъ Поповичѣ, не въ нарицательномъ значеніи этого прозвища; иначе у Кир. IV, № 2, стр. 8, гдѣ

Алешка рода поповскаго:
 Поповскіе *глаза завидуице*,
 Поповскія *руки заграбуиця*:
 Увидитъ Алешка на нахвальщикѣ,
 Увидитъ онъ много злата серебра —
 Злату Алешка позавидуеъ,
 Погинетъ Алешка по напрасному.

(Сл. Кир. I, № 1, стр. 48).

¹⁾ Сл. вообще Указатель къ пѣснямъ Кирѣвскаго, вып. IV, подъ Алешей.

²⁾ Сл. мой отчетъ о книгѣ Вольнера, *Russische Revue*, Bd. XIX, стр. 428—429.

Очень вѣроятно, что это позднѣйшее развитіе типа не было еще извѣстно на той стадіи эпоса, которая отразилась въ лѣтописномъ разсказѣ о боѣ на Калкѣ, но что Алеша уже былъ понятъ какъ Ростовець, какъ сѣверный богатырь, — погибающій при Калкѣ, а въ Тверской лѣтописи мотивирующій свой отъѣздъ на югъ рѣшеніемъ «служити . . . единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ». Это — та-же точка зрѣнія, что и въ сводной архангельской былинѣ у Ефименка ¹⁾, въ томской, записанной г. Потанинымъ и у Кир. II, № 1, стр. 70—80: тамъ и здѣсь Алеша ѣдетъ (въ первомъ и послѣднемъ случаѣ изъ Ростова) къ Кіеву, который и освобождаетъ отъ обступившей его рати царя Василія Прекраснаго (арханг. изводъ), либо отъ Тугарина (томск., былина Кир.). Я не думаю, чтобы разсказъ Тверской лѣтописи и указанная пѣсни могли быть истолкованы въ смыслѣ исконнаго, сѣвернаго происхожденія Алёши, при чемъ его выѣздъ въ Кіевъ указалъ-бы на пути и способъ его эпического приуроченія къ Владиміру и его богатырскому кружку. Илья также пріѣзжаетъ теперь изъ сѣвернаго Мурома въ Кіевъ, тогда какъ обратный путь перенесенія представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

При предположеніи исторической подкладки для быliny о гибели богатырей, внѣшнія стилистическія черты, сближающія её съ византійско-болгарскимъ преданіемъ о Константи́нѣ (двоеміе вражьей силы; оживленіе Добрыни) надо будетъ объяснить либо изъ общихъ мѣстъ народной поэтики, либо воздѣйствіемъ какой-нибудь посторонней пѣсни сходнаго содержанія.

Что до эпизода о «гибели» въ былинахъ о Ермакѣ, то его появленіе объяснится теперь нагляднѣе прежняго: Ермакъ, юный богатырь, выѣхалъ изъ Кіева противъ Татаръ; богатыри Владиміра стоятъ въ шатрахъ на горѣ, на заставѣ; Ермакъ вступаетъ въ бой съ Татарами, а Илья, боясь, чтобъ онъ не «пересѣлся», посылаетъ помочь ему либо удержать его, наложить на

¹⁾ Матеріалы и т. д., вып. 2-й, стр. 25—32, № VII.

него «храпы», сначала Алёшу, потомъ Добрыню, а подь конецъ отправляется самъ и укрощаетъ его сердце богатырское. Разбирая эпизодъ о наложеніи храповъ Ильей на Ермака, я замѣтилъ при другомъ случаѣ¹⁾: «Древняя былина говорила, быть можетъ, о враждебной встрѣчѣ отца съ сыномъ, какъ въ былинахъ о Михайлѣ, о Саулѣ Леванидовичѣ и въ особомъ циклѣ пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ, имъ не узаннымъ». Какъ-бы-то-ни-было, внѣшній планъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ о Ермакѣ достаточно объясняетъ, по какому поводу могъ привиться къ нему эпизодъ о «гибели»: богатыри на *заставѣ*, Ермакъ дерется съ Татарами, и къ нему поочередно выѣзжаютъ, чтобъ *укротить* его, *Алеша, Добрыня и Илья*. Такъ въ пѣснѣ о гибели богатырей: *застава*, появленіе Татарченка, *противъ* котораго поочередно выѣзжаютъ другъ за другомъ *Добрыня, Алеша и Илья*. Одно внѣшнее сближеніе былинныхъ схемъ, столь обычное въ живомъ теченіи народной пѣсни, могло повести къ дальнѣйшему: эпизодъ о гибели богатырей перенесся механически въ соотвѣтствующее мѣсто пѣсни о Ермакѣ, изнемогавшемъ отъ вражьей силы:

А силы все, кажись, не убыло,

А Ермакъ изъ силы выбился

(Кир. I, № 1, стр. 58—66).

Ничѣмъ не мотивированъ и рѣшительно не умѣстенъ подобный-же эпизодъ въ одной былинѣ о Добрынѣ и Алѣшѣ, Гильф. № 168: Добрыня въ отъѣздѣ, бьется съ Татарами, вмѣстѣ съ нимъ Чурила, Илья и Алѣша, взявшіеся ни вѣсть откуда. Побили они Татаръ,

И тутъ они сказали:

«И со небесной мы бы силой супротивились,

А не то, что съ силой проклятой!»

Тутъ на нихъ Господь прогнѣвался,

¹⁾ Южно-русскія былины I, стр. 47.

Спустилъ на нихъ столѣпъ ѳгненный:
 Они какъ столѣпъ перерублять, такъ двѣ станеть,
 Два станеть все поединщика,
 Еще перерубать, а тутъ три станеть,
 Три станеть все опять поединщик.
 Тутъ они Богу смолился:
 «Намъ-бы тое же слово да не такъ сказать!».

Далѣе вся эта подробность оказывается совершенно не нужной для дѣйствія, развивающагося по обычному типу былинь этого цикла.

Интереснѣе эпизодъ о «гибели» въ одной синкретической былинѣ у Ефименка (Матеріалы, вып. 2-й, № VIII, стр. 32 слѣд.: Старина про Илью Муромца): Мамай съ зятемъ своимъ Василиемъ Прекраснымъ; Илья, только что вернувшійся, просить у него срока на полгода, а самъ посылаетъ Потанюшку Хроменькаго собирать дружину, братьевъ названныхъ: Самсона Колувана, Дуная, Василия Касимерова, Михайлу Игнатѣева съ племянникомъ, Потока, Добрыню, Алѣшу, двухъ братьевъ Ивановъ и двухъ братьевъ Суздальцевъ. Выѣхавъ изъ Кіева, они гуляютъ трое сутокъ въ шатрахъ, а на четвертые Илья спрашиваетъ: кому изъ нихъ съѣздить въ рать-силу великую, узнать, съ которой стороны имъ начинать будетъ; перебираетъ нѣсколькихъ богатырей (Самсонъ, Дунай, Добрыня, Василий), но они кажутся ему непригодными. Онъ ѣдетъ самъ, добирается до Мамаева шатра, и здѣсь происходитъ между нимъ и Мамаемъ объясненіе, воспроизводящее такую-же сцену между Ильей и Идолицемъ въ Кіевѣ или Царьградѣ. Илья убиваетъ Мамаю, и затѣмъ всѣ богатыри принимаются рубить Татаръ:

И рубили они силу сутки пятеро
 И не оставили они ни единого на сѣмена,
 И протекала тутъ кровь горячая,
 И паръ шелъ отъ трупья по облава.
 Оставалися только въ лагеряхъ у старого
 Два брата, два Суздальца,

Чтобы встрѣтить съ прїѣзду богатырей, кому быть.
 Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца
 И поѣхали во ту рать силу великую.

.....

И сами они похваляются:
 «Кабы была теперь сила небесная,
 И всѣ бы мы побили ею по полю».
 Вдругъ отъ ихъ словъ сдѣлалось чудо великое,
 Возстала сила Мамаева
 И стало силы больше вятеро.

Они винятся Ильѣ въ своей похвальбѣ; вся дружина выѣзжаетъ
 противъ ожившихъ враговъ,

И начали бить съ краю на край,
 И рубили они сутки шестеро,
 А вставать силы больше прежняго.
 Узналъ старый предъ собой вину
 И покааялся старый Спасу Пречистому:
 «Ты прости насъ въ первой винѣ,
 За тѣ-же слова глупныя,
 За тѣхъ-же братьевъ Суздальцевъ».
 И повалилась тутъ сила кроволитная,
 И начали копать мать-сыру землю,
 И хоронить тѣло да во сыру землю,
 И протекла рѣка кровью горячею.
 Садлись тутъ удамы на добрыхъ коней,
 Поѣхали удамы ко городу ко Кіеву,
 Заѣхали они во крашенъ Кіевъ градъ,
 Во тѣ-же во честны монастыря,
 Во тѣ-же пещеры во Кіевскы;
 Тамъ всѣ они и представилса,
 Тутъ старому славу поють.

Развязка такого-же мистическаго колорита какъ и въ былинѣ
 о гибели, но окаменѣніе замѣнено уходомъ въ монастырь ¹⁾,
 удвоеніе вражьей силы — другимъ, столь-же чудеснымъ момен-
 томъ, оживаніемъ, какъ въ извѣстной битвѣ между Недин'омъ

¹⁾ Сл. Южно-русскаія былины I, стр. 34.

и Нѣгнѣ въ сказаніяхъ сѣвера. Вражьей силы *какъ будто* не убываетъ подъ ударами богатырей, *словно* павшіе оживаютъ, чтобы снова пуститься въ бой. Такъ въ Повѣсти о раззореніи Рязанской земли Батыемъ: рязанскій вельможа, Евпатій Коловратъ, бывший въ Черниговѣ, когда Татары напали на рязанскую землю, явился туда съ дружиною, нагналъ Батыя въ суздальской области и началъ колоть и рубить вражье войско: Татаръ рубятъ кого до плечъ, кого до сѣдла; Таврула, похваставшагося передъ Батыемъ взять Коловрата живьемъ, онъ разсѣкъ пополамъ. Не устояли крѣпкіе «удальцы русскіе», всѣ полегли; «чудища, а не людища», говорятъ о нихъ лѣтописецъ, а Татары, не ожидавшіе ихъ нападенія, думали, что *ожили* побитые ими русскіе мертвецы. — Интересно сличить этой бой съ Татарами въ *Суздальской* землѣ и *оживаніе* (русскихъ) мертвецовъ — съ хвастливыми *Суздальцами* приведенной выше былины, подъ ударами которыхъ *оживаютъ* павшіе *Татары*.

При другомъ случаѣ¹⁾, коснувшись многочисленныхъ разсказовъ о воздушной борьбѣ, которую продолжаютъ или возобновляютъ между собою души ратниковъ, павшихъ на полѣ битвы, я выразилъ мнѣніе, что легенды эти могутъ быть поняты, какъ земная локализациа представленія грозы — воздушной борьбой демоновъ. Слѣдуетъ замѣтить, что локализациа эта часто бываетъ вызвана воспоминаніемъ о дѣйствительныхъ битвахъ и пораженіяхъ и что, съ этой точки зрѣнія, легенды о борьбѣ призрачныхъ воиновъ и пѣсня о боѣ богатырей съ постоянно оживающими врагами могутъ быть поставлены въ одну группу. Нѣсколько легендъ перваго рода собраны у Фотія²⁾: Дамасцій разсказываетъ, «ὅτι μάχης πρὸ τοῦ Ῥώμης ἄστεως γεγενημένης Ῥωμαίων πρὸς Σκύθας οὗς Ἀπίλας ἤγειν, Οὐαλεντιανοῦ τοῦ μετὰ Ὀνώριον Ῥώμης βασιλεύοντος, φόνος ἐρβύη ἑκατέρωθεν τοσοῦτος ὡς μηδένα τῶν συμπλακέντων τῇ μάχῃ μηδετέρου μέρους περιτωθῆναι, πλὴν τῶν ἡγεμόνων καὶ τῶν περὶ αὐτοὺς ὀλίγων δορυφόρων· τὸ δὲ παρα-

¹⁾ Разысканія VIII, стр. 327 прим. 2.

²⁾ Photii Bibliotheca, rec. Bekker, t. I. p. 339—40.

λογώτατον, ὅτι φασίν, ἐπειδὴ πεπτώκασιν οἱ μαχόμενοι, τοῖς σώμασιν ἀπειπόντες ἔτι ταῖς ψυχαῖς ἴσταντο πολεμοῦντες ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας ὅλας καὶ νύκτας, οὐδὲν τῶν ζώντων εἰς ἀγῶνα ἀπολειπόμενοι, οὔτε κατὰ χεῖρας οὔτε κατὰ θυμόν. Ἐωρᾶτο γοῦν καὶ ἠκούετο τὰ εἰδῶλα τῶν ψυχῶν ἀντιφερόμενα καὶ τοῖς ὅπλοις ἀντιπαταγοῦντα. καὶ ἀρχαῖα δὲ ἄλλα τοιαῦτα φάσματα πολέμων μέχρι νῦν φαίνεσθαι φησι, πλὴν ὅτι ταῦτα τὰ μὲν ἄλλα, ὅσα ζῶντες ἄνθρωποι κατὰ πόλεμον ὀρώσιν, οὐδὲν ὑστερεῖν, φθέγγεσθαι δὲ οὐδὲ ἐπὶ μικρόν. Καὶ ἐν μὲν ἐπιφαίνεσθαι ἐν τῷ περὶ Σόγδαν ποτὲ λίμνην οὖσαν πεδίῳ, φαίνεσθαι δ' ὑπὸ τὴν ἑω τὸ φάσμα, φωτὸς ἤδη τὴν γῆν ὑπαυγάζοντος, δεύτερον δ' ἐν Κούρβοις χωρίῳ τῆς Καρίας, ἐν τούτῳ γὰρ φαίνεσθαι οὐ καθ' ἑκάστην ἡμέραν, ἀλλ' ἐνίοτε, διαλείποντα ὀλίγας τινας, οὐδὲ ὠρισμένας γε ταύτας, περὶ ὄρθρον ἕως ἡλίου λαμπρᾶς ἀνατολῆς ἐν ἀέρι διαφοιτῶντα ψυχῶν ἄττα σκιοειδῆ φαντάσματα πολεμοῦντα ἀλλήλοις· καὶ ἐν τοῖς καθ' ἡμᾶς δὲ χρόνοις πολλοὶ διηγήσαντο, οὐχ' οἷοί τε ὄντες ψεύδεσθαι, κατὰ Σικελίαν ἐν τῷ λεγομένῳ πεδίῳ Τετραπυργίῳ καὶ ἐν ἄλλοις οὐκ ὀλίγοις αὐτῆς μέρεσιν ὁράσθαι ἵπποτῶν πολεμίων ἐπελαυνόντων φάσματα κατὰ τὸν τοῦ θέρους μάλιστα καιρόν, μεσημβρίας σταθῆρας ἰσταμένης ¹⁾).

¹⁾ Не хочу опустить случая, не обративъ вниманіе на рассказъ Дамаскіи, слѣдующій за сообщеннымъ, потому что не помню, чтобы изслѣдователи нѣмецкой старины обратили на него вниманіе. Въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ и сѣверныхъ памятниковъ Дидриху Бернскому приписывается огненное дыханіе; такъ въ сагахъ о Нифунгахъ и Тидрекѣ, въ Rosengarten'ѣ, Сигенотѣ, въ Etzels Hofhaltung, Лауринѣ, Rabenschlacht, Битерольфѣ, Саксонской хроникѣ, въ Anhang des Heldenbuches, Meistersangbuch и др. (Сл. W. Grimm, Deutsche Heldensage, стр. 105, 106, 214, 276, 286, 294, 312, 321). Сл. γ Φοτία (I. с., стр. 340): ἀλλὰ καὶ τῶν περὶ Ἀττίλαν ἐντὸς τὸν Βαλίμερον ἀπὸ τοῦ οἰκείου σώματος ἀποστέλλειν σπινθήρας· ὁ δὲ ἦν ὁ Βαλίμερις Θεοδωρίχου πατήρ, ὃς νῦν τὸ μέγιστον ἔχει κράτος Ἰταλίας πάσης. λέγει δὲ καὶ περὶ ἐαυτοῦ ὁ συγγραφεὺς, ὡς «καὶ ἐμοὶ ἐνδυσμένῳ τε καὶ ἐκδυσμένῳ, εἰ καὶ σπάνιον τοῦτο συμβαίνει, συμβαίνει δ' οὖν σπινθήρας ἀποπηδᾶν ἐξαισίου», ἔσθ' ὅτε καὶ κτύπον παρέχοντας, ἐνίοτε δὲ καὶ φλόγας ὅλας καταλάμπειν τὸ ἱμάτιον, μὴ μόντοι καιούσας» καὶ τὸ τέρας ἀγνωστὸν εἰς ὃ τελευτήσῃ. — Здѣсь чудесное явленіе разсказывается объ отцѣ, не о сынѣ; но оно могло разсказываться и о послѣднемъ. Важно то, что сыномъ является, и притомъ въ древнемъ свидѣтельствѣ, историческій Теодорихъ, — не мионическое, огнедышащее лицо, къ которому пристало внѣшнимъ образомъ историческое имя. Таково было, какъ извѣстно, мнѣніе В. Гримма.

VIII.

Царь Константинъ въ русскихъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ.

Если въ преданіяхъ и пѣсняхъ, разобранныхъ въ предъидущей главѣ, послѣдній византійскій императоръ Константинъ является цѣликомъ перенесеннымъ въ среду болгарскихъ отношеній, то въ другихъ южно-славянскихъ и русскихъ былинахъ имена Константина и Елены выступаютъ въ общемъ значеніи эпонимовъ Византіи, часто безъ опредѣленнаго или опредѣлимаго отношенія къ извѣстнымъ историческимъ личностямъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ объ Идолищѣ (Гильф. № 48 = Рыбн. I, № 17; Гильф. № 196; сл. Кир. I, № 4, стр. 22—38) и о Голяхъ Кабацкихъ (Гильф. № 220, Рыбн. III, № 10) *Константинъ Боголюбовичъ* живетъ въ Царьградѣ; только пересказъ Кирѣевскаго (I. с.) ставитъ вмѣсто него Іерусалимъ. Я предполагалъ здѣсь раньше простое смѣшеніе двухъ эпизодовъ, представляющихся раздѣльно въ былинѣ Гильф. № 48 = Рыбн. I, № 17: какъ тамъ калика ходилъ въ Іерусалимъ и оттуда поворотъ держалъ на Царьградъ, гдѣ царитъ Константинъ, такъ редація Кирѣевскаго могла смѣшать оба хожденія — въ пользу Іерусалима, удержавъ въ немъ Константина Боголюбовича — и царяцу *Елену Александровну*, о которой не знаютъ другія

пѣсни объ Идолицѣ, но которая является, какъ «благовѣрная царяца Елена», рядомъ съ царемъ Константиномъ, на этотъ разъ въ Царьградѣ — и въ Сказаніи о Семи богатыряхъ (Буслаевского и Барсовскаго текстовъ). — Въ настоящее время я склоненъ предположить еще одинъ мотивъ, повлекшій за собою указное выше измѣненіе: южно-славянская народная поэзія помнитъ Константина Великаго и мать его Елену въ легендѣ объ обрѣтеніи креста, выводящей на сцену и «проклята царя Евреинъ», на котораго Константинъ идетъ войною¹⁾. Это могло повести къ чередованію *Иерусалима* и *Царьграда* при имени Константина, — какъ и въ русскомъ духовномъ стихѣ о Теодорѣ Тиронѣ. Константинъ Самойловичъ или Сауловичъ (Самуилъ въ апокрифическихъ легендахъ²⁾) царитъ то въ *Константиновъ градъ*, то въ *Иерусалимъ*, гдѣ его осаждаютъ царь *Иудейской*, сила *жидовская* (сл. идолице «жидовское», обяснявавшее царя Константина въ былинахъ объ Идолицѣ), тогда какъ апокрифъ знаетъ только Сарацинъ. Причину послѣдней замѣны я искалъ въ мѣстныхъ отношеніяхъ³⁾, хотя именно въ духовномъ стихѣ ихъ менѣе ожидаешь встрѣтить, чѣмъ въ былинѣ, вообще крѣпче приуроченной къ народной почвѣ. Къ сожалѣнію, того нельзя сказать о небольшомъ циклѣ пѣсенъ, героями которыхъ являются Саулъ (т. е. Самуилъ) Левашиновичъ и его сынъ Константинъ Сауловичъ; не примкнувъ къ эпическимъ центрамъ Кіева и Владимира, онѣ остались географически неопредѣленными, какъ

¹⁾ Безсоновъ, Калѣки II, № 437, стр. 54 слѣд. Латинскіе (и, вѣроятно, греческіе) акты св. Кириака, повѣствующіе объ обрѣтеніи св. креста, открываются походомъ Константина Великаго противъ варваровъ на Дунай, видѣніемъ въ небѣ свѣтлаго крестнаго знаменія со словами: симъ побѣдиши. Вернувшись въ Римъ съ побѣдой и окрестившись, царь посылаетъ мать свою Елену въ Иерусалимъ — отыскать тамъ древо распятія и на мѣстѣ его создать церковь. Елена отправляется въ Иерусалимъ въ сопровожденіи большого войска.

²⁾ Сл. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ I: Греческій апокрифъ о св. Теодорѣ, стр. 12—14; II: Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ, стр. 159.

³⁾ Разысканія I, стр. 3.

загадочными, по прежнему, являются отношенія именъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ къ такимъ-же именамъ апокрифа и духовнаго стиха о Θεодорѣ Тиронѣ. Я не пытаюсь предложить здѣсь новую гипотезу ¹⁾ въ объясненіе того, что могло-бы быть разъяснено лишь при пособіи новыхъ пѣсенныхъ документовъ. Остановлюсь лишь на имени Константина.

Изъ двухъ былинъ о Саулѣ Леванидовичѣ ²⁾, сходныхъ по содержанію и по имени главнаго дѣйствующаго лица, лишь въ одной (№ 2 Кир.) его сынъ названъ *Константиномъ* — что могло повлечь за собою и наименованіе его матери «Азвяковной, молодой *Еленой Александровной*» ³⁾; въ другой и онъ и его мать оставлены безъ имени. И тамъ и здѣсь сынъ рождается въ отсутствіи отца, но лишь въ анонимной — при чудесныхъ обстоятельствахъ, повторяющихся и при другихъ лицахъ русскаго эпоса:

Изъ того-ли изъ подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася,
Во чревѣ дитя встрепенулося.

Сл. въ былинѣ о Волхѣ (Кирша):

По саду, по саду по зеленому ходила, гуляла
Молода княгиня Марѳа Всеславьевна,
Она съ камня скочила на лютаго на змѣя;
Обвивается лютой змѣй около чобота зеленъ сафьянъ,
Около чулочка шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
А втапору княгиня поносъ понесла.

¹⁾ Сл. ib., стр. 12—14.

²⁾ Кирѣевскій III, стр. 113—124, №№ 1 и 2.

³⁾ Въ былинѣ о Волхѣ Всеславьевичѣ у Кирши, стр. 45—53, такъ именно (Азвяковна, молода Елена Александровна) названа жена индѣйскаго царя, на которой женится впоследствии Волхъ.

То-же въ былинномъ отрывкѣ «Про змѣя Горыныча», не называющемъ по имени ни богатыря ни его матери¹⁾. — Въ настоящее время трудно сказать, на сколько рассказъ о чудесномъ зачатіи сына Саула Леванидовича первиченъ въ былинѣ, не сохранившей его имени, тогда какъ другая, называющая его Константиномъ, не знаетъ именно этого эпизода. Если дѣло идетъ о позднѣйшемъ внесеніи эпической подробности, ставшей общимъ мѣстомъ, то слѣдующія сопоставленія послужатъ лишь къ біографіи довольно распространеннаго сказанія — о чудесномъ рожденіи или зачатіи императора Константина²⁾.

Старофранцузскія легенды о царѣ Константѣ рассказываютъ о царѣ язычникѣ (Flogiens или Muselins), властвовавшемъ въ Византіи. Однажды ночью, гуляя по улицамъ города, онъ услышалъ, проходя мимо одного дома, стоны женщины, христіянки, мучившейся въ родахъ, тогда какъ ея мужъ молился, то о виспосланіи ей скорого разрѣшенія, то о томъ, чтобы оно задержалось. Онъ оказывается звѣздочетомъ: въ звѣздахъ онъ прочелъ, что если жена его разрѣшится отъ бремени въ извѣстный часъ и минуту, то ребенокъ будетъ несчастнымъ и умретъ насильственной смертью; если-же въ другой часъ и минуту, то ему суждено счастье. И Господь внялъ его молитвамъ: его сынъ родился въ урочную пору, женится на дочери византійскаго императора и самъ сядетъ на царство. — Узнавши о долѣ,

¹⁾ Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и словесности т. III: Памятники и образцы народнаго языка и словесности, стр. 279—280. Сл. о чудесномъ зачатіи Георгія мои Разысканія II, стр. 113 слѣд.

²⁾ Сл. мою статью: *Dit de l'empereur Constant* въ *Romania* № 22. Съ тѣхъ поръ литература Константиновской легенды обогатилась: кромѣ отчета R. Köhler'a о моей работѣ, сл. *Incerti auctoris de Constantino Magno ejusque matre Helena libellus*, ed. Heydenreich. Lips. Teubner 1879; его-же: *Der libellus de Constantino magno ejusque matre Helena und die übrigen Berichte über Constantins der Grossen Geburt und Jugend*, въ *Archiv f. Litteraturgeschichte*, Band, X, p. 319—363; Achille Coen, *Di una leggenda relativa alla nascita e alla gioventù di Costantino Magno*. Roma, 1882. Нѣкоторые спорные вопросы, вызванные этими новыми изысканіями, разсмотрѣны мною въ статьѣ, имѣющей вѣсть въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ *Romania*'и.

напророченной новорожденному, императоръ хочетъ во что-бы то ни стало помѣшать ей исполниться: ребенокъ похищенъ и заброшенъ, израненный замертво; найденъ игуменомъ одного монастыря, который беретъ его съ собою, вылѣчиваетъ и отдаетъ въ школу. Въ монастырѣ видитъ его вторично, уже юношей, императоръ и, желая избавиться отъ нареченнаго зятя, посылаетъ его съ письмомъ въ Византію, въ которомъ предписывалъ тотчасъ-же умертвить его подателя. Но это письмо подмѣнено другимъ, содержащимъ приказъ — немедленно обвѣнчать пришельца съ царевной. Императоръ является слишкомъ поздно, чтобы помѣшать свадьбѣ и принужденъ признаться, что судьбы не обойти. По смерти его, его зять, Constant, наследуетъ ему на престолѣ.

Основная идея повѣсти: нелюбовь стараго императора-язычника къ мальчику и потомъ юношѣ, которому суждено быть его наследникомъ. Что подъ Constans разумѣлся, первоначально, не Константъ, а Константинъ Великій, основатель Константинополя, я позволилъ себѣ заключить изъ слѣдующихъ стиховъ старофранцузской поэтической легенды:

Pour ce que si nobles estoit,
Et que nobles oeuvres faisoit,
L'appelloient *Constant le noble*,
Et pour çou ot *Constantinnoble*
Li cyté de Bissance a nom ¹⁾.

Другая романтическая повѣсть о рожденіи и юности Константина Великаго, извѣстная главнымъ образомъ изъ итальянскихъ источниковъ ²⁾, является какъ-бы дополненіемъ старофранцузской. Константинъ — незаконнорожденный сынъ Кон-

¹⁾ Сл. выше, стр. 213—214, прим. 1.

²⁾ Я указалъ на пересказы Jacopo d'Acqui и Dittamando; съ тѣхъ поръ литература этой легенды увеличилась, благодаря разысканіямъ R. Köhler'a, Heudenreich'a и Coen'a: Anonymus Heudenreichianus, рассказъ Іоанна Веронскаго и извлеченіе изъ него у Петра de Natalibus; Libro Imperiale; новеллы объ Urbano и Manfredo.

станта и Елены, которой Константинъ, разставаясь, даритъ на память драгоценное украшеніе. Мальчика похищаютъ купцы и везутъ его въ Византію, гдѣ выдаютъ его за сына римскаго императора. Принятый за такового онъ женится на дочери византійскаго царя, и тѣ-же купцы везутъ обратно молодыхъ, но прельстившись богатымъ приданымъ, покидаютъ ихъ на необитаемомъ островѣ, откуда Константинъ и его жена спасаются на проходившемъ случайно кораблѣ. Въ Римѣ Константинъ отыскиваетъ свою мать, и происходитъ взаимное признаніе между нею и Константомъ, при чемъ царскій подарокъ служитъ ей знаменіемъ. Купцы наказаны, а Константинъ объявленъ наследникомъ восточнаго и западнаго императоровъ. Первый, тестъ Константина, носитъ, въ разсказѣ Ясоро d'Asqui, имя Валерія = Галерія.

Я не сомнѣваюсь, что обманная свадьба Константина, незаконорожденнаго, не имѣвшаго право на царство, съ дочерью византійскаго императора, наследникомъ котораго онъ становится, отвѣчаетъ роковому браку легенды, предотвратитъ который не въ силахъ никакія ухищренія тестя. Нѣтъ только предвѣстій будущаго величія и идеи преслѣдованія: то и другое подсказываетъ, въ другомъ порядкѣ, Никифоръ Каллисть, или скорѣе, его источникъ ¹⁾; если у него недостаетъ разсказа о бракѣ, то слѣдуетъ имѣть въ виду различіе между свободно амплифицирующей легендой — и той, которая выдаетъ себя за исторію. — Константинъ, посланный на востокъ съ цѣлью заключить миръ съ Персами, Парянами и Сарматами, видится съ Еленой не въ Римѣ (какъ въ итальянскихъ повѣстяхъ), а въ Дрепанумѣ на Никомидійскомъ заливѣ ²⁾. «Εὐτάλῳ δὲ Κόνσταντος

¹⁾ Я имѣю въ виду неизданное еще житіе Константина и Елены, найденное г. Эрнштедтомъ въ одной рукописи XI-го вѣка; см. выше, стр. 201, прим. 1. Оно существуетъ и въ славянскомъ переводѣ и дало матеріалъ для Похвальнаго Слова Константину и Еленѣ, приписываемаго въ рукописяхъ Евфимію Трновскому.

²⁾ Происхожденіе св. Елены предполагается въ легендахъ то западное (Триръ, Англія), то восточное. У арабскаго лѣтописца Евтихія императоръ Константинъ находитъ Елену уже христіанкой въ одной деревнѣ Roha'u,

γενόμενος εἰς ἔρωτα συνουσίας ἤκεν. Ἐπεὶ οὖν τὸν λόγον ὁ ξεναγὸς διέγνω, ἐφ' οὗ καταλύων ὁ Κώνστας ἐτύγγανεν, ὑποβάλλει αὐτῷ τὸ θυγάτριον, τὴν περὶ αὐτὸν βασιλικὴν δορυφορίαν ἰδὼν, ὥραν ἤδη γάμου ἔχον, καὶ ἀκμαῖον μάλα τὸ εἶδος προβεβλημένον. Ὡς δ' ἐκείνῳ τὰ τοῦ γάμου τετέλεστο, μισθὸν τῆς συνουσίας, ἐπιπλὸν τι ποικίλον πορφύρα διηλειμμένον τῇ γυναικὶ ἐχαρίζετο. Παράδοξον δέ τι κατὰ τὴν νύκτα ἐκείνην τῷ Κώνστα συνέβη ὄραϊν, ὃ καὶ εἰς δέος εἰσῆγε καὶ τὴν γυναῖκα παραφυλάττειν ἄχραντον, ὡς κειμήλιόν τι φέρουσαν, τῷ ταύτης παρηγγύα πατρὶ, καὶ τὸ ἐκ ταύτης τεχθὲν ἀσφαλῶς φυλάττειν· ὄραϊν γὰρ ἔλεγε κατ' ἐκείνην τὴν νύκτα τὸν φωσφόρον ἔνδον τῆς σκηνῆς ἀνατέλλοντα παρὰ φύσιν ἐμπαλιν ἐκ τῆς παρ' ὠκεανῷ ἑσπερίας εὐνῆς. Ὁ μὲν οὖν τὰ τῆς πρεσβείας καλῶς διαθέμενος, δι' ἄλλης ὁδοῦ πρὸς τὴν Ῥώμην ἀνήγετο, καὶ Καῖσαρ σύναμα Μαξιμίῳ τῷ Γαλλερίῳ κατὰ Ῥώμην ἀναγορεύεται. Ἐν οὗ πολλῶν δὲ μέσῳ χρόνῳ καὶ Αὐγουστοὶ ἐφημίζοντο. Τὸν γὰρ Ἐρικούλλιον βασιλέα ἐν Ῥώμῃ καταστήσας Διοκλητιανός, αὐτὸς διέβαινε πρὸς τὴν Νικομήδειαν. Ὡς δὲ χρόνῳ προήκοντι πρεσβεία πάλιν ἐπὶ Πάρθου ἐστέλλετο, ἐπὶ τὸ Δρέπανον οἱ πρέσβεις αὐδὶς διανεπαύοντο. Ὁ δὲ τῷ Κώνσταντι γεννηθεὶς ἐκ τῆς τοῦ ξεναγοῦ θυγατρὸς Ἑλένης παῖς Κωνσταντῖνος, μειρακίον ὢν, ἀθύρμασί τε παιδικαῖς διατρίβων, πρὸς τινος τῶν ξενωθέντων παροξυνθεὶς, οὐ μετρίως ἐχόλα, καὶ ἀκαδέκτως εἶχε ταῖς ἐπιπλήξεσιν. Ἡ δὲ μήτηρ ὡς εἶη παῖς Κώνσταντος διεσάφει, παρεδείκνυ τε τὸ πέπλον, πορφύρα διεσκευασμένον, ἐξάγουσα. Ἡ δὲ τῆς μορφῆς ὄψις οὐκ ἀγεννὲς σημεῖον ὡς εἶη παῖς ἐκείνου σαφῶς κατεμήνυεν. Ὡς δ' ἔγνω Κώνστας ἕκαστα διηγουμένων τῶν πρέσβειων, χρόνῳ ὕστερον βασιλικὴν δορυφορίαν τὸν τε παῖδα σὺν τῇ μητρὶ ἐς Ῥώμην ἀνήγε. Δεδοικῶς γε μὴν μὴ τι ἐκ ζηλοτυπίας τῆς ἐκ νόμων γυναικὸς Θεοδώρας ἄτοπόν τι τῇ Ἑλένῃ καὶ τῷ παιδί ἐπιγένηται, τὸν μὲν Κωνσταντῖνον ἐς Διοκλητιανόν κατὰ τὴν Νικομήδειαν

въ Едесской области, и испросивъ согласія ея отца, женится на ней. Елена родитъ вполѣдствіи сына Константина, который воспитывается въ Римахъ въ греческой мудрости. — Что касается до Эдесской локализации Елены, то оно объясняется смѣшеніемъ ея съ другой Еленою, супругою Эдесскаго царя Авгаря.

διατρίβοντα σύναμα τῷ γαμβρῷ τῷ Γαλλερίῳ Μαξιμίῳ ἀνέπεμπεν· καὶ ὅς, φιλοφρόνως ὑποδεχθεὶς ἐν τῷ παλατίῳ διήγε, δομέστικος προχειρισθεὶς τῶν σχολῶν. Καὶ παιδείας τῆς τῶν Ἑλλήνων μετεῖχε τὰ χριστιανῶν ἀσπαζόμενος (I. VII, с. 18) ¹⁾.

Ἵρῶν δ' ἐκείνους τοῖς τῶν χριστιανῶν αἵμασι χαιρόντας, διὰ μίσους ἐποιεῖτο τὴν συνοικίαν. Ἐκεῖνοι δὲ δεισιδαίμονες εἶπερ τινὲς γεγονότες, οἰωνοζόμενοι τε καὶ ἡπατοσκοποῦντες, ἐγνώσαν ἀπορρήτως τὸν Κωνσταντῖνον οὐ μόνον σύμπαν τὸ κράτος ὑπ' αὐτόν, ἀλλὰ καὶ τῆς Ἑλλήνων πλάνης καθαιρέτην τε καὶ ἀφανιστήν, Χριστοῦ δὲ καὶ χριστιανῶν διάπυρον ἐραστήν ἔσεσθαι. Ἀμέλει τοι καὶ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ μὲν Διοκλητιανός, καίπερ γενναίως ἔργα χειρὸς δρᾶσαντα ἐν τῇ κατὰ τὸν Ἀχιλλέα τῆς Αἰγύπτου ἐπαναστάσει, τὸν Κωνσταντῖνον ἀνελεῖν ἐπεχείρει· Γαλλέριος δὲ ἐν Παλαιστίνῃ τῆς ἐπιβουλῆς ἤπτετο. Τὸν γοῦν λεληθότα δόλον τῶν κρατούντων διεγνωνκώς, Θεοῦ δὲ ἦν ἄρα τοῦ πάντα σὺν λόγῳ διέποντος, ἄρας ἐκ τῆς Νικομήδους, ἐπὶ τὰς Γαλλίας πρὸς τὸν πατέρα μετέβαινεν, οὐχ ἤττον κάκεινον τὸν παῖδα ἐπικαλούμενον, οἷα δὴ τὰ χριστιανῶν πρεσβεύοντα, καὶ ἐν τελευταίαις τῆς διαθήκης ὄντα ἀναπνοιαῖς (ib. I. VII, с. 19). Умирающий Константинъ самъ вѣнчаетъ сына царскими вѣнцами.

Легко усмотрѣть изъ какихъ элементовъ и по какимъ побужденіямъ сложилась Константиновская легенда. Надо было помирить незаконное происхождение Константина, не открывавшее ему пути къ престолу (во французскомъ сказаніи онъ даже сынъ простого смертнаго), съ его будущимъ величіемъ; и вотъ его рожденіе обставляется знаменіями: Константу снится вѣщій сонъ; сцена съ отцомъ-авѣдочетомъ, открывающая французскую легенду, замѣняетъ этотъ мотивъ другимъ, который у Никифора Каллиста является позже: я разумѣю волхвованія императоровъ, открывающія имъ судьбу Константина и вызывающія ихъ гоненія. Гоненія стараго царя во французскихъ сказаніяхъ мотиви-

¹⁾ Сл. выше (стр. 293 въ прим.) показаніе Евтихія — и Якова d'Acqui: ad scolae Judaeorum et Graecorum vadit. — Coen, I. с. p. 39 прим. 1 указываетъ на Jul. Pollucis, Hist. physica, въ переводѣ Hardt'a p. 249: Constantinus vero adhuc puer apud orientis tyrannum educabatur graecis imbutus disciplinis.

руются такимъ-же пророчествомъ, прочтеннымъ въ звѣздахъ, и разработаны по типу сказки о преслѣдуемомъ зятѣ, о суженомъ, котораго конемъ не объѣдешь. Женившись на дочери императора, не смотря на всѣ препятствія, поставленныя на пути, Константинъ получилъ право на престолъ. Если въ итальянскихъ повѣстьяхъ идея преслѣдованія забыта, то бракъ всё-же устраивается при особыхъ условіяхъ, въ которыхъ судьба переяла ухищренія людской воли: Константинъ женится на дочери Галеріа (Jасоро d'Acqui), своего гонителя (Ник. Каллисть).

Но народная фантазія не остановилась на такой реабилитациі: рожденіе Константина не только было обставлено чудесными знаменіями, оно само было чудесное. Такъ въ сербскомъ преданіи объ основаніи Царьграда ¹⁾.

Царьградъ построенъ не человѣческою рукою, а созданъ самъ собою. Говорятъ, какой-то царь, охотясь, наткнулся на человѣческій черепъ и наступилъ на него конемъ. Зачѣмъ наступаешь ты на меня? говоритъ ему мертвая голова; хоть и мертвая, я могу повредить тебѣ. — Какъ услышалъ это царь, сошелъ съ коня, взялъ ту голову и отвезъ домой; здѣсь онъ сжегъ её, остатки истолокъ въ порошокъ, завернулъ въ бумагу и положилъ въ сундукъ. Когда однажды онъ отлучился, его дочь, дѣвушка на выданьѣ, взяла ключъ, отперла сундукъ и, начавъ перебираться въ немъ, нашла свертокъ. Увидавъ въ немъ порошокъ и не зная, что это такое, она помочила слюною палець, опустила въ порошокъ и отвѣдала языкомъ. Съ той поры она забеременѣла. Когда впоследствии стали доискиваться, какая тому причина, дознали, что всё это — отъ мертвой головы. Пришло время, и дѣвушка родила сына. Однажды царь взялъ малютку на руки, а тотъ вцѣпился ему въ бороду. Царь пожелалъ узнать, сдѣлалъ-ли онъ то сознательно, по своей волѣ, или по глупости: велѣлъ привести одинъ сосудъ съ горячими угольями, другой полный золотыхъ, и смотреть, за что схватится ребенокъ; тотъ схва-

¹⁾ Караџић, Српски рјечник, 2-ое изд. а. в. Цариград.

тился за золотые, а на угли не обратил вниманія. Увидѣлъ тогда царь, что исполнится пророчество головы. Когда мальчикъ выросъ и сталъ юношей, царь выгналъ его на бѣлый свѣтъ и говорить: Не останавливайся нигдѣ, пока не найдешь мѣста, гдѣ два зла схватились другъ съ другомъ. Юноша бродитъ по свѣту, пришелъ на мѣсто, гдѣ теперь Царьградъ, видитъ тернъ, вокругъ котораго обвилась змѣя: змѣя кусаетъ тернъ, а тернъ еѣ колетъ. Думаетъ про себя: Вотъ тѣ два зла! Пошелъ кругомъ разсматривать тѣ мѣста и какъ сталъ доходить до терна, остановился и говорить: Вотъ гдѣ надо остановиться. Сказалъ и оглянулся, а отъ мѣста, гдѣ онъ сталъ, до того, куда онъ доходилъ, очутилась стѣна; кабы не сказалъ онъ тѣхъ словъ и не остановился, стѣна дошла-бы до самага терна. Говорятъ, что и теперь еще въ Константинополѣ нѣтъ стѣны на этомъ пространствѣ. — Впослѣдствіи онъ самъ сталъ тутъ царемъ, отнявъ власть у своего дѣда.

Собраніе болгарскихъ пѣсень г. Качановскаго представляетъ два любопытныхъ разнорѣчія одной пѣсни, отношенія которой къ предъидущимъ сказаніямъ могутъ стать предметомъ вопроса. Нѣтъ родственной связи между преслѣдователемъ и преслѣдуемымъ; въ одной пѣснѣ говорится о чудесномъ зачатіи послѣдняго, и въ ней-же является дѣйствующимъ лицомъ Константинъ, но въ роли не гонимаго, а гонителя. Сближеніе съ сербскимъ духовнымъ стихомъ у Караджича II, стр. 89—93 = Безсоновъ, Калѣки I, № 139, стр. 618—624, позволяетъ предположить, что имя Константина являлось и во второй болгарской пѣснѣ у г. Качановскаго, гдѣ царь оставленъ безъ названія.

Сообщаю содержаніе первой пѣсни изъ сборника г. Качановскаго № 113:

Тодора влахиня осталась съ девятью сиротами, которыхъ похищаетъ у ней чума. Любимаго сына Димитрія она закопала на своемъ дворѣ и утромъ и вечеромъ ходитъ къ нему на могилу и причитаетъ: «Не жестка-ли тебѣ, сыночекъ, земляная постеля,

не жестко-ли каменное изголовье?» Она жжетъ передъ нимъ свѣчи, проливаетъ слезы; отъ свѣчей покровъ загорѣлся, слезы растопили гробъ; жалуются ей земля. Подивилась тому Тодора, идетъ въ садъ, сорвала два гіацинта и сунула за пазуху. Оттого она забеременѣла. — Пеплу отъ мертвой головы въ сообщенномъ выше преданіи соотвѣтствуетъ здѣсь не одно зачатіе отъ гіацинта, но и предшествующая тому сцена у могилы, хотя связь между тѣмъ и другимъ актомъ оказывается забытой.

По прошествіи девяти мѣсяцевъ Тодора родила «дете самотворно», на головѣ золотая «айманлія» (амайлія — ладонка?), подъ руками трепещутъ золотыя крылья. Мать зоветъ пять поповъ, пять кумовъ, окрестила мальчика, назвала его Іованомъ, поетъ надъ нимъ и приговариваетъ: «Іюли, Нане, самотворное дитя, да выростешь ты юнакомъ надъ юнаками, да отнимешь у царя царство, да будешь побѣдоноснымъ!» Услышали то злые сосѣди, отписали царю Константину; онъ посылаетъ въ Волошскую землю двухъ юнаковъ, привести ему «дете самотворно», которое велитъ бросить въ темницу — пусть ѣдятъ его тамъ змѣи да гущеры. А самъ онъ между тѣмъ разболѣлся: промежъ костей проросла трава, изъ очей вылетали мухи, въ ушахъ завелась мышь; и не найти противъ той болѣзни лѣкарства. Это проклала меня мать того дитяти, думаетъ царь и посылаетъ въ темницу — собрать кости ребенка и отнести матери — пусть на нихъ посмотритъ. Но посланному представляется тамъ неожиданное зрѣлище: мальчикъ сидитъ на шелковой постелѣ, св. Петка держитъ его, св. Недѣля свѣтитъ ему свѣчею, самъ онъ читаетъ книгу Евангелія. Поднялся, пошелъ къ царю Константину, схватилъ его, выткнулъ ему черныя очи, отсѣкъ бѣлыя руки, далъ ему деревянную чашку, вынесъ на большую дорогу и говоритъ: Вотъ гдѣ тебѣ царить, вотъ гдѣ королевать! — А самъ играетъ съ легкимъ буздуганомъ — въ девятнадцать окъ — и садится на царскій престолъ.

Таково содержаніе болгарской пѣсни, сокращенное у Миладиновыхъ № 49 (Іованъ сынъ вдовицы; нѣтъ чудеснаго зачатія;

«краль отъ Будима»; у Іована «на рѣка писмо написано — Писмо пише краля да бидить»), повторяющееся съ небольшими отмінами и въ слѣдующемъ варьянтѣ сборника г. Качановскаго, № 114. Отличія касаются именъ: ни царь, ни юноша не названы, имя матери Марія; нѣтъ чудеснаго зачатія; когда «Маринно дитя» оказалось живымъ въ темницѣ, царь приказываетъ принести его къ себѣ, готовъ отдать ему царство, но ребенокъ велитъ самага царя заключить въ ту-же тюрьму, гдѣ и онъ томился, и тогда уже воцаряется.

Въ пѣснѣ у Караджича (Српске нар. пјесме из Херцеговине № 26), какъ и у Миладиновыхъ № 50, сынъ названъ Іованомъ, царь безъ имени, чудеснаго зачатія нѣтъ. Въ сербской редакціи мать поетъ надъ сыномъ: пусть растеть,

Да у цара преузмено царство,
Царевина твоја ђедовина,
Краљевина твоја бабовина.

Чудесный юноша сноситъ голову царю и самъ воцаряется. — Въ болгарской пѣснѣ Іованъ — сынъ «Струмницы-невесты»; мать причитаеть надъ нимъ:

Нани ми, нани, малечокъ Јо'ане!
Два дни те гледафъ, колку две години,
Три дни те гледафъ, колку три години,
Ти ми имашъ голема вишана,
На чело имашъ кжрсть позлакенъ,
Ако богъ да' и сугено бидить,
Ке му земишъ цару царщина-та.

Царь, не названный, велитъ привести къ себѣ чудесное дитя и говоритъ своимъ:

«Варлете го въ атой-те да г'изгазѣтъ».
Го варлѣ'е тѣе въ ато'и-те,
А това сѣ качи на ато'и!
«Варлете го въ силна вурна д'изгоритъ».

Го варі'е тіе въ сына вурна;
 Кога сутра го видо'а дете,
 Сижрснодзе тоа вжде седить,
 И ми пенъ бѣла книга ¹⁾.

Я полагаю, что именно это разнорѣчіе пѣсни объяснить намъ нѣсколько загадочный сербскій стихъ о царѣ Константиנѣ и дьякѣ самоучкѣ, напечатанный Караджичемъ II, № 19. Въ основѣ его лежатъ знакомыя намъ отношенія стараго царя, грѣшнаго, маловѣрнаго, къ чудному ребенку или юношѣ, котораго онъ преслѣдуетъ, садить въ темницу, гдѣ онъ остается живъ, и куда на его мѣсто попадаетъ самъ царь. Послѣдній названъ въ сербской пѣснѣ Константиномъ, роль юноши играетъ «дьякъ самоучка», двойное заключеніе разработано, какъ и въ предыдущей пѣснѣ, по мотивамъ извѣстной легенды объ Андреѣ Критскомъ и популярной именно въ сербской поэзіи темы о кровомѣстителѣ. Это должно было измѣнить и стиль всей пѣсни.

На пиру у царя Константина сидятъ за золотымъ столомъ двѣнадцать владыкъ и четыре патріарха, за серебрянымъ триста

¹⁾ Пѣсня Богоровскаго сборника № 38 относится къ нашему циклу, но къ сожалѣнію, она, очевидно, не кончена: чума унесла въ Боснѣ 300 дѣтей, триста молодцовъ и столько-же дѣвушекъ — «Па не са е Босна запознала»; наконецъ она похищаетъ единственнаго сына у матери — «Тогась са е Босна запознала». Мать въ теченіи трехъ лѣтъ ходитъ трижды въ день на могилу сына, причитаетъ надъ нимъ:

«Помози Богъ, сыне Костадине,
 Мека ли е дървена постеля,
 Меко ли е бѣлъ камень за сглавь?»
 Отъ жалби е земля продумала:
 «Ой-ли ты, Костадинова мале,
 Стига море на гроби доходи,
 Въ коса ми са е змя испилила,
 Испилила е до три змичета:
 Едно ми море църни очи піи,
 Второ-то ми тѣнки вежди пасе,
 Третьо-то ми бѣло лице грызе».

И мать перестала ходить на могилу. — Очевидно, это тоже начало, что и въ № 113 у Качановскаго; интересно въ богоровскомъ варьянтѣ имя — *Константина*, данное умершему сыну.

калугеровъ, за буковымъ триста дѣтей-дьяковъ, между ними дьякъ самоучка. Царь ходитъ отъ стола ко столу, поклонился владыкамъ, калугерамъ и дьякамъ и у всѣхъ порознь просить разрѣшить его по исповѣди: тяжкій грѣхъ онъ учинилъ, бия своихъ родителей. Владыки и патріархи говорятъ, что грѣхъ этотъ простится ему, если онъ сдѣлаетъ имъ драгоцѣнные шатры: говорятъ не по Божьему закону, а царю въ угоду; такъ и калугеры: пусть щедро заплатитъ за поминанье и построитъ монастыри, иноки станутъ Бога молить и грѣхъ отмолятъ. На вопросъ царя дѣти-дьяки молчатъ, говоритъ дьякъ самоучка: пусть царь сдѣлаетъ келью изъ лучины, намажетъ её саломъ и дегтемъ, затворится въ ней и зажжетъ съ четырехъ сторонъ. Пусть горитъ съ вечера до свѣту; коли царь останется живъ, грѣхъ ему прощень. — Константинъ велитъ устроить всё, какъ наказывалъ дьякъ, и его самого посадить въ келью, которую и зажигаютъ. На другой день, когда царь пришелъ освѣдомиться о немъ,

Одъ телие ништо до пепела,
Насредь вега самоуче дяче,
У руку му книге салтнерв,
Те се моли Богу по закону.

Тогда царь приказываетъ тотчасъ-же соорудить другую келью и въ ней подвергаетъ самъ себя тому-же испытанію. Дьякъ, пришедшій навѣстить его на другое утро, ничего не находитъ въ пеплѣ — кромѣ правой руки царской:

Нѣмъ е млога добра учинио,
Млоге гладне есте наранно,
А жедне е царе напоно,
Голе-босе есте преодео,
Надгледао ништа и убога:
За то му се посветила рука.

Сообщенную нами сербскую пѣснь нельзя отдѣлять отъ приведенныхъ выше болгарскихъ: всѣ они сходятся въ типъ царя-преслѣдователя, который въ двухъ случаяхъ названъ Констан-

тиномъ, тогда какъ въ предъидущей группѣ сказаній (старо-французское и сербское) это — имя юноши, гонимаго царемъ. Связь между схемами той и другой группы очевидна; отличія едва-ли могутъ быть объяснены однимъ выѣшнимъ перемѣщеніемъ именъ. Легенда о чудесно-рожденномъ мальчикѣ, смѣняющемъ стараго царя-язычника, могла привязаться первоначально къ памяти Константина Великаго; въ сложившемся такимъ образомъ сказаніи Константинъ могъ явиться впоследствии въ роли своего противника — подъ вліяніемъ другихъ историческихъ воспоминаній. Я имѣю въ виду Константина Копронима, иконоборца, отвергавшаго вмѣстѣ съ иконами и предстательство святыхъ, и поклоненіе мощамъ, и названіе Маріи Богородицей. Константинопольскій иконоборческій соборъ 754 года рѣшилъ «не по Божьему закону, а царю въ угоду», какъ владыки и патріархи и калугеры пѣсни у Караджича; по Божьему закону говоритъ лишь дьякъ-самоучка, за что и принужденъ пострадать, какъ страдали въ то время другіе историческіе подвижники или только сторонники православія. — Одного изъ нихъ, патрикія Вастангія, царь велѣлъ устѣчь; *μετὰ δὲ λ' ἔτη ὁ μνησίκακος καὶ ἀσπλαγγυος βασιλεὺς προσέταξεν ἀπελθεῖν τὴν αὐτοῦ γυναῖκα ἐν τῇ μονῇ τῆς Χώρας, ἐκεῖτε γὰρ ἦν ταφεῖς, καὶ ἀνασκάψαι αὐτοῦ τὰ ὀστέα καὶ ἐν τῷ ἰδίῳ παλλίῳ βαστάσαι καὶ εἰς τὰ λεγόμενα Πελαγίου μνήματα μετὰ τῶν βιοθανάτων ρίψαι¹⁾* — какъ въ пѣснѣ у Качановскаго № 113 Константинъ велитъ отнести матери кости ея замореннаго ребенка. — Съ православной точки зрѣнія необычайныя явленія въ небѣ и природѣ, кометы и бездождица, страшный холодъ и землетрясенія должны были явиться знаменіемъ грядущей кары за нечестіе людей. Говорили, что въ Месопотаміи земля рассѣлась на двѣ мили и обнаружила другую бѣлую и песчаную землю, изъ середины-же пронасти вышелъ лошакъ, провѣщавшій человѣческимъ голосомъ нашествіе иноплеменниковъ²⁾. — Чудесное рожденіе ребенка

¹⁾ Theophanis Chronographia ed. de Boor, v. I, стр. 420.

²⁾ ib. p. 426.

безъ отца въ болгарскоѣ пѣснѣ могла быть понято, какъ такое-же знаменіе императору, говорившему патриарху: *μη λογιση υιον θεου ειναι ον ετεχε Μαρια, τον λεγομενον Χριστον, ει μη ψιλον ανθρωπον· η γαρ Μαρια αυτον ετεκεν, ως ετεκεν εμε η μητηρ Μαρια* ¹⁾. — Въ этомъ мистическомъ освѣщеніи могли представиться и голодъ, объявившійся въ Константинополѣ, занятомъ Артаваздомъ, и страшная чума 747—8 годовъ. «*Εγένετο δὲ λιμός ἰσχυρὰ ἐν τῇ πόλει, ὥστε πρᾶθῆναι τὸν μόδιον τῆς κριθῆς νομισμάτων β', τοῦ δὲ ὀσπρίου ιθ', τοῦ δὲ κέγγρου καὶ τοῦ λουπίνου νομισμάτων η', τὸ δὲ ἔλαιον ε' λιτραὶ τοῦ νομίσματος, καὶ ὁ ξέστης τοῦ οἴνου σημισίον*» ²⁾. Такимъ-же реальнымъ описаніемъ голода («*Κυτο жито педесέ грошеве, Ока просо дванаέσε гроша*») открывается и болгарская пѣсня, переходящая за тѣмъ къ описанію страшнаго мора, унесшаго между прочимъ, и девять дѣтей Тодоры (Качановскій I. с. № 113). Θεοφάνη ³⁾ считаетъ чуму (*νόσος τοῦ βουβῶνος*), посѣтившую Византию при Константиνѣ Копронимѣ, наказаніемъ Божиимъ: *ἤρξατο δὲ αἰφνης ἀσράτως γίνεσθαι ἐν τε τοῖς τῶν ἀνθρώπων ἱματίοις καὶ εἰς τὰ τῶν ἐκκλησιῶν ἱερά εὐδύματα (καὶ εἰς τὰ βῆλα) σταυρία ἐλαιώδη πλεῖστα. Ἐγένετο οὖν ἐντεῦθεν τοῖς ἀνθρώποις λύπη καὶ ἀθυμία πολλή, τῇ τοῦ τοιοῦτου σημείου ἀπορία· κατέλαβε δὲ καὶ θεομηνία ἀφειδῶς ὀλοθρεύουσα οὐ μόνον τοὺς ἐν τῇ πόλει, ἀλλὰ καὶ τοὺς ἐν πάσῃ τῇ περιχώρῳ αὐτῆς. ἐγένοντο δὲ καὶ φαντασίαι εἰς πολλοὺς τῶν ἀνθρώπων, καὶ ἐν ἐκστάσει γινόμενοι ἐνόμιζον ξένοις τισίν, ὡς ἐδόκουν, καὶ βριαροῖς προσώποις συνοδεύειν, καὶ τοὺς ἀπαντῶντας αὐτοῖς ὡς δῆθεν φίλους προσαγορεύοντας καὶ διαλεγομένους. σημειούμενοι δὲ τὰ παρ' αὐτῶν λαλούμενα ἔσχατον ἐξηγοῦντο. ἐώρων δὲ τοὺς αὐτοὺς καὶ εἰς οἴκους εἰσερχομένους, καὶ τοὺς μὲν τοῦ οἴκου ἀναιροῦντας, τοὺς δὲ ξίφει τιτρώσκοντας.* — Лѣтомъ болѣзнь развилась съ страшною силой: цѣлыя деревни опустѣли, не хватало ни рукъ, ни мѣста для погребенія мертвыхъ, которыхъ бросали въ высохшія ци-

¹⁾ ib. p. 415.

²⁾ I. с. p. 419.

³⁾ I. с. p. 423—4.

стерны, зарывали въ садахъ и виноградникахъ — какъ Тодора своего сына Димитрія ¹⁾).

Смерть Константина представлялась смертью отступника ²⁾: онъ ополчился на Болгарь, καὶ δεινῶς κατὰ τῶν σκελῶν θεηλάτῳ πληγῇ ἀνθρακωθεῖς κάντεῦθεν πυρετῶ σφοδρότατῳ καὶ ἰατροῖς ἀγνώστῳ δι' ὑπερβάλλουσαν ἐκκαυσιν συσχεθεῖς κατὰ τὴν Ἀρκαδιούπολιν ὑπέστρεψεν. Будучи довезень до Силимврии и водой до крѣпости Стронгила, θνήσκει βῶων καὶ λέγων, ὅτι ζῶν ἔτι πυρὶ ἀσβέστῳ παρεδόθη, τὴν τε ἁγίαν Παρθένον καὶ Θεοτόκον ὑμνεῖσθαι ἐξαιτῶν ὁ ἄσπονδος αὐτῆς ἐχθρός. — Переданный реальными красками народной поэзіи этотъ разсказъ о смерти Копронима легко могъ очутиться въ сербской иѣснѣ эпизодомъ — *o его сожженіи за-живо*. Если говорится, что отъ сожженія сохранилась лишь десница царя, за то, что творила милостыню, то это, быть можетъ, такая же попытка частной регабилитациі, какъ въ разсказѣ «о загробномъ прощеніи Теофила»: будто-бы по просьбѣ императрицы Теодоры патріархъ написалъ имена всѣхъ еретиковъ, въ ихъ числѣ и ея покойнаго мужа, и положилъ запись на трапезѣ въ великой церкви,

¹⁾ Πολιτῆ, Αἱ ἀσθένειαι κατὰ τοὺς μύθους τοῦ ἐλληνικοῦ λαοῦ, χαρακτηρίζουσα τὰ μεσαιωνικὰ καὶ νεοελληνικὰ ἐθνικὰ παρακείμενα εἰς τὰς ἀσθενείας, ἀναφέρονται ἐν τῷ βιβλίῳ τοῦ Θεοφάνου, καὶ ἐν τῷ βιβλίῳ τοῦ Προκοπίου περὶ τῆς ἐπιδημίας τοῦ Θεοφάνου (Procop. Hist. ed. Bonn., p. 251): φάσματα δαιμόνων πολλοὺς ἐς πᾶσαν ἀνθρώπων ἰδέαν ὄφθη, ὅσοι τε αὐτῆς παραπίπτουσιν, παύσθαι ὄντο πρὸς τοῦ ἐντυχόντος ἀνδρός, ὅπη παρατύχοι τοῦ σώματος, ἅμα τε τὸ φάσμα ἐύρων καὶ τῇ νόσῳ αὐτίκα ἠλίσκοντο. — Многие отъ страха запирались въ домахъ, но это не помогало: τισὶ δὲ οὐχ' οὕτως ὁ λοιμός ἐπέσκηψεν, ἀλλ' ὄψιν ὀνείρου ἰδόντες ταῦτό τοῦτο πρὸς τοῦ ἐπιστάντος πάσχειν ἐδόχουν, ἢ λόγου ἀκούειν προλέγοντος σφίσις ὅτι δὴ ἐς τῶν τεθνηζομένων τὸν ἀριθμὸν ἀνάγραπτοι εἶεν (Πολίτης I. c. p. 24—5). — Сравни. разсказъ русской лѣтописи (П. С. Р. Л. I, 92) о моровой язвѣ, бывшей въ 1092 году въ Полоцкѣ: «предивно бысть Полоцкѣ: нѣ мечтѣ ны бываше, въ ноци тутънѣ стаяше по улицѣ, яко чловѣци рищоще бѣси; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абые узвяленъ быше невидимо отъ бѣсовъ язвою и съ того умираху и не сиѣху излазити изъ хоромъ. Посемъ-же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако узвяляху люди полоцкскыя и ихъ область; тѣмъ и чловѣци гааголаху: яко навье буютъ Полочаны».

²⁾ Theophanes I. c. p. 448.

и по молитвѣ святителей имя Теофила было изглажено изъ списка ¹⁾.

Ламврѣ ²⁾ даетъ особое значеніе эпохѣ иконоборцевъ въ развитіи византійской поэзіи: она не только ввела въ литературный обиходъ народный языкъ, но и опредѣлила пзмѣнисніе литературныхъ вкусовъ: духовная поэзія слабѣетъ, нѣтъ болѣе великихъ гимнографовъ, наоборотъ, замѣчается большее расположеніе къ сюжетамъ свѣтскаго содержанія. — Я не знаю, на сколько эта характеристика вѣрна и предполагаетъ-ли она ослабленіе релігіозныхъ интересовъ въ народѣ и народной пѣснѣ подь отрицательнымъ вліяніемъ иконоборческихъ идей. Съ другой стороны я не утверждаю, чтобы болгаро-сербскія пѣсни о Константинѣ — если я вѣрно истолковалъ ихъ историческія отношенія ³⁾ — были прямымъ отраженіемъ народныхъ памятей о его церковной дѣятельности; онѣ могли сложиться на основаніи какого-нибудь писаннаго, полукнижнаго преданія, но преданія, явившагося по слѣдамъ совершившихся фактовъ и на основаніи оцѣнки, близкой къ нимъ по времени.

Присоедините къ двумъ Константинамъ (Великому и Копрониту), отразившимся въ южно-славянскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, еще и послѣдняго императора того-же имени, котораго слѣдуетъ

¹⁾ А. Поповъ, Хронографы I, 88.

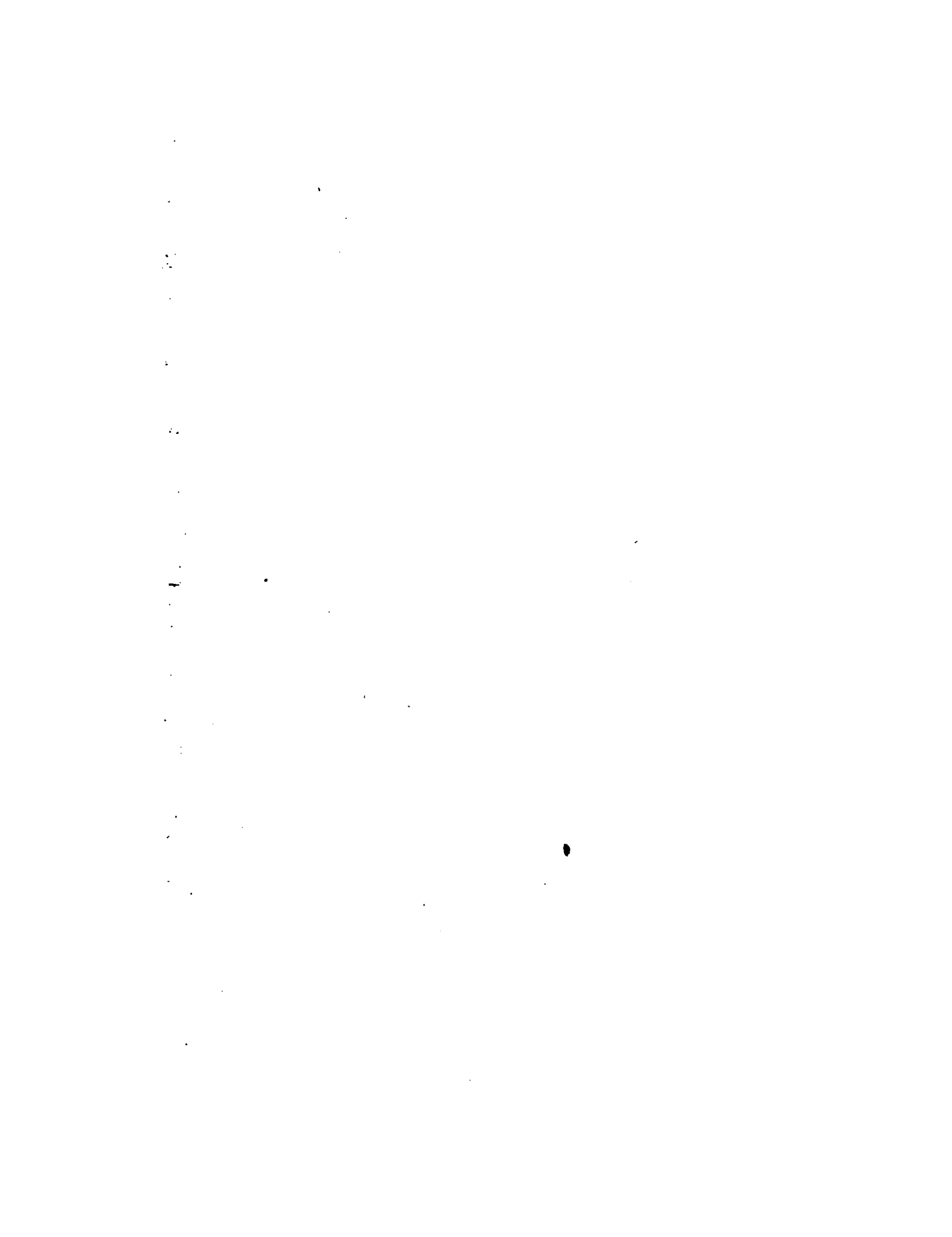
²⁾ Lambros, Collection de romans grecs etc. Introd. p. V—VII.

³⁾ Пр. Дриновъ (Arch. f. slav. Phil. VII, стр. 112) иначе понимаетъ историческія отношенія болгарскихъ сказаній и пѣсенъ о Константинѣ, разобранныхъ въ этой и предыдущей главѣ (у Качановскаго №№ 113—117): онъ указываетъ на Костадина-бега, владѣнія котораго въ сѣверной Македоніи еще въ XV в. назывались: земля Костадина (о немъ см. К. Иречекъ, Исторія Болгаръ, пер. Бруна и Палаузова, стр. 432, 435, 446 и 458). Приуроченіе къ этому Константину въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно (напр. въ сказаніи о Кюстендилѣ, у Качановскаго, № 115), для большинства оно представляется мнѣ невѣроятнымъ. — Отмѣтимъ здѣсь, кстати, еще одну константиновскую легенду, сообщенную Сырку (Замѣтки о сочиненіи отца Антонина: Поѣздка въ Румелию, Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, стр. 24 отдѣльнаго оттиска): царь Константинъ въ Никюпѣ (Nicomolis ad Haemum) осажденъ Турками, которымъ старуха-христіанка указываетъ, какъ взять городъ, отрѣзавъ отъ него воду.

разумѣть въ легендахъ и пѣсняхъ о паденіи болгарскаго, т. е. византійскаго царства (см. предыдущую главу) — и мы поймемъ причину эпической популярности этого имени и ея необходимое слѣдствіе: обращеніе историческаго имени въ эпонимъ. Какъ о греческихъ былинахъ можно сказать, что не всякій Никифоръ, въ нихъ воспѣтый, есть непременно Никифоръ Фока, такъ и Константины славяно-русской народной поэзіи не вездѣ историческія лица. Въ одной сербской пѣснѣ Марко Краевичъ женится на дочери Константинопольскаго царя, спасенной имъ отъ насильственнаго брака съ Арапиномъ, — и этотъ царь названъ Константиномъ. Въ соответствующемъ болгарскомъ пересказѣ (у Качановскаго, № 124) къ Константину присоединена и «Елена царица»: Марко приводитъ къ нимъ ихъ дочь, имъ освобожденную, но отказывается отъ предложеннаго брака:

Я си имаъ любе за водење,
 Я избавилъ твое мило чедо,
 Твое чедо, па и мое.

Въ болгарской-же пѣснѣ у Миладиновыхъ № 105 Момчило любитъ сестру царя Константина отъ «Стамбула града». — На этой точкѣ зрѣнія стоятъ русскія былины: ихъ Константинъ и Елена — типическіе представители Византіи, безъ опредѣленнаго отношенія къ извѣстнымъ историческимъ личностямъ. Эпонимія могла быть дана памятью о Константинѣ Великомъ и матери его *Еленѣ*, но, можетъ быть, и именами Константина Порфирогенита и жены его *Елены*: русскій эпосъ знаетъ *Елену* Александровну или Азвяковну *женой* своего Константина, а историческое преданіе позволяетъ предположить, что христіанское имя Елены было принято въ крещеніи Ольгой именно въ честь супруги Константина Порфиророднаго. — Для до-Владимировской исторіи русскаго эпоса этотъ фактъ не лишень значенія.

IX.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

Сюжетъ о враждебной встрѣчи отца-богатыря съ неизвестнымъ имъ сыномъ¹⁾ не разъ встрѣчается въ русскомъ эпосѣ (сл. пѣсни о Саулѣ Леванидовичѣ и Михаилѣ Игнатьевичѣ), но лишь при имени Ильи онъ является разработаннымъ въ надлежащей эпической полнотѣ, въ циклѣ пѣсенъ, которыя тѣмъ интереснѣе изучить, чѣмъ труднѣе приурочить ихъ къ пѣсенной биографіи Ильи въ дошедшемъ до насъ ея составѣ. Гдѣ имъ мѣсто? Въ ея срединѣ, или же въ ея концѣ? Для меня этотъ вопросъ предполагаетъ другой: принадлежалъ-ли весь этотъ эпизодъ къ древнему составу пѣсенъ объ Ильѣ, или введенъ въ него позднѣе? — Я думаю разобрать ихъ содержаніе, распредѣливъ ихъ по нѣсколькимъ внѣшнимъ группамъ, которыя обозначу, разумѣется, приблизительно, ихъ отличительными признаками²⁾.

¹⁾ Къ библиографіи этого мотива, кромѣ помѣченнаго выше, стр. 27, прим. 1, сл. еще: Fr. Hubad, Nemška pesen o Hildebrandu in njene sestre slovanske (изъ Kres'a, 1882 г., p. 630—38); Krek, Razne malenkosti (изъ Kres'a, 1883 г., p. 18—25); Hist. littér. de la France, XXII, 539; Ausg. u. Abhandl. aus dem Gebiete der roman. Philologie, III, 105; Rajna, Le Origini dell'eroica francese, p. 414.

²⁾ Отрывочные, видимо испорченные пересказы, напр. у Кир. I, №№ 1—3, стр. 1—5, будутъ приняты въ соображеніе лишь условно: въ №№ 1—2 рассказъ о боѣ непосредственно примыкаетъ къ тридцатилѣтнему сидѣнію Ильи; во всѣхъ 3-хъ №№ врагъ названъ: Татарченкомъ, Татарченкомъ басурманченкомъ.

I.

I. Богатырская застава. — Сафать рѣка. — Горынинка, Горыничанка, Латыгорна и др. Кир. I, № 5, стр. 7—10:

У Сняго моря на заставѣ

Стояли тутъ пять богатырей:
 Первой — *Илья Муромецъ*,
 Второй — *Кольванъ сынъ Ивановичъ*,
 Третій — *Самсонъ Васильевичъ*,
 Четвертый — *Добрыня Никитичъ младъ*,
 А пятый — *Алѣша Поповичъ*.
 Не пропускали они ни коннаго,
 Ни коняго и ни пѣшаго,
 Ни царскаго, ни боярскаго,
 Ни звѣря рыскачаго,
 Ни птицы летучей.

 На зарѣ то было, зарѣ утренней,
 На разсвѣтчикѣ свѣту бѣлаго,
 На восходѣ-то солнца яснаго,
 Отъ сна Илья пробуждается.
 Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
 Пошолъ Илья на Днѣпръ-рѣку,
 На Днѣпръ-рѣку умыватися,
 А самъ смотритъ во чисто полѣ.
 Завидѣлъ онъ добра мѡлодца,
 Подъ мѡлодцомъ конь какъ-бы лютый звѣрь,
 На конѣ мѡлодецъ, какъ ясенъ соколъ,
 Хороша управа мѡлодецкая,
 Хороши доспѣхи богатырскіе:
 По праву руку летитъ ясенъ соколъ,
 Въ рукахъ держитъ мѡлодецъ третра-перо,
 Сѣвѡзъ пера не видно лица бѣлаго.
 Не могъ признать Илья добра мѡлодца.

Онъ приглашаетъ богатырей перевѣдаться съ тѣмъ мѡлодцемъ, коли онъ невѣрный, побрататься, если русскій. Вызывается ѣхать Алѣша; «я, братцы, поудалѣе всѣхъ», говоритъ онъ о себѣ,

но пріѣзжіи богатырь такъ одѣлалъ его шелепугой подорожною, что «ѣдетъ Алѣша пьянъ, шатается». Тогда самъ Илья пускается въ погоню за добрымъ молодецемъ, и происходитъ бой отца съ сыномъ, который въ этомъ пересказѣ названъ Бориской = бѣлъ Борисъ Козловъ въ одномъ отрывкѣ у Кир. I, № 4, стр. 6—7; Збуть Борисъ Королевичъ младъ ів., № 6, стр. 11—15. — Мать его не названа; когда Илья

Металь его выше дерева стоячаго,
 Ниже облака ходячаго,
 Подхватывалъ его на руки,
 Тутъ, то Бориско пріужахнулса,
 Говорилъ опъ таковы слова:
 Ты охота, охота молодецкая!
 Полетай-ко, охота, къ моей матушкѣ!

(обращеніе къ соколу, неумѣстное именно въ этомъ эпизодѣ былины). — Днѣпръ-рѣка, на которой происходитъ дѣйствіе, замѣнена въ иныхъ пересказахъ *Сафатъ*-рѣкой. Такъ у Рыбн. I, № 13: Сахатаръ, Кир. I, № 6, стр. 11—15 (второй группы): Сафатъ; 1. с. № 2, стр. 3: Салфа-рѣка, № 3, стр. 4: Софа-рѣка; Гильф. № 114 (третьей группы): Евфратъ-рѣка.

Рыбн. I, № 13 открывается описаніемъ такой-же богатырской заставы на Сахатаръ-рѣкѣ (стихъ 200); богатыри: Илья, Добрыня, Михайло Потыкъ, семь братьевъ Грядовичевъ, Оома Долгопольи, мужики Залѣшане, Алѣша Поповичъ (см. стихъ 35). Проѣзжаетъ дородній добрый молодець «во двѣнадцать лѣтъ»; «молодецъ на конѣ сидитъ, какъ соколъ летитъ» поетъ пѣсня, забывшая, что въ начальномъ текстѣ упоминался еще и соколъ — на рукѣ, либо на плечѣ молодца. — Илья думаетъ, кого-бы за нимъ послать; Алѣша слишкомъ «зарывчатъ»; послалъ Добрыню, но отъ одного крика Сокольника-охотника Добрынинъ ковь на колѣнки палъ,

И упалъ Добрыня съ добра кова,
 На спру землю, въ ковыль траву,
 Лежалъ три часа за мертво.

Очнувшись, онъ ѣдетъ къ заставѣ, гдѣ оповѣщаетъ обо всемъ Илью, который

И наѣхалъ богатыря у снѣга моря:
 Ѣздитъ по тихимъ по заводямъ,
 Стрѣляетъ голубей, лебедей, пернастыхъ утушекъ.
 Закричалъ старшій во всю голову:
 «Что-же ты, Сокольникъ-охотникъ,
 На нашу заставу не приворачиваешь?»

Далѣе Илья вѣдается съ Сокольникомъ, мать котораго названа «бабой Латымиркой». — Тѣ-же имена (Сокольникъ, Владимирка; рѣки нѣтъ), ту же богатырскую заставу въ началѣ (Илья, Добрыня, Алѣша, Чурила, Михайло Долгомѣровичъ, два брата Агрикановы) и, въ сущности, то-же развитіе представляетъ Рыбн. II, № 64.

Кир. IV, № 3, стр. 12—18: застава за Кіевомъ; на зарѣ, выйдя изъ шатра, Илья видитъ паленицу удалую:

Ѣдетъ молодецъ на добромъ конѣ,
 На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
 На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
 У стремян прикована змѣя Горыняская.

Кого послать за нимъ? спрашиваетъ Илья: не годятся ни Алѣша, ни Дунай — и онъ посылаетъ Добрыню, который рассказываетъ, вернувшись:

Ѣздитъ паленица по чисту полю,
 Потѣшается потѣхой дворянскою,
 Мечетъ копыя подъ высоту небесную,
 На конѣ подѣзжаетъ, самъ подхватываетъ,
 Самъ копыя наговариваетъ:
 «Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
 Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!»

Изъ отвѣта Илья Добрынь (Ой ты гой еси, Алѣша Поповичъ младъ! Не твоя чаша, не тебѣ и пить!) несомнѣнно для меня, что въ первообразѣ былины выѣзжалъ противъ паленицы

и Алёша (сл. выше, Кир. I, № 5, стр. 7—10; Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12). Далѣ самъ Илья бьется съ сыномъ, Соколычникомъ; мать его названа бабой Латыгоркой — и Амелюй Тимофеевной.

Пѣсня у Кир. I, № 2, стр. 52—56 говорить о заставѣ (Илья, Дунай, Добрыня, Алёша, Ванька Долгополистый) и проѣздѣ Соколычичка-нахвалячичка, который оказывается впоследствии сыномъ молодой вдовы Омелфы Тимофеевны. Противъ него не посылаютъ ни Ваньку, ни Алёшу, ни Добрыню — а Дуная, который, однако, не осмѣлился съѣхаться съ богатыремъ, противъ котораго выѣзжаетъ Илья.

У Кир. I, № 1, стр. 46—52 забыты родственныя отношенія паленицы «нахвалячичка» къ Ильѣ и начало пѣсни нѣсколько спутано. Начинается она заставой (Илья, Добрыня, Алёша, Гришка Боярскій сынъ, Васька Долгополище); Илья не рѣшается выслать противъ богатыря ни Ваську, ни Гришку, ни Алёшу, а снаряжаетъ Добрыню, который убоялся нахвалячичка; Илья вѣдается съ нимъ самъ и тутъ-же убиваетъ его; весь эпизодъ о матери опущенъ. — Замѣтимъ, что та-же былина, въ той-же редакціи и почти томъ-же пересказѣ, помѣщена еще разъ въ сборникѣ Кир. IV, стр. 6—12, № 2.

Сильно подновленная былина у Кир. VII, Приложенія, стр. 1—7, № I, одна изъ немногихъ, замѣнившихъ трагическую развязку боя благополучнымъ, также открывается описаніемъ заставы, за Днѣпромъ: Илья, Алёша, *Лука да Матвей, дѣти боярскіе*; Добрыня нѣтъ въ перечнѣ, онъ названъ позже, когда Илья посылаетъ его противъ богатыря, являющагося съ палицей на правомъ плечѣ (вм. сокола), кречетомъ на другомъ, выхлоками при стремени («по стремению бѣгутъ сѣры выхлоки»). Встрѣтившись съ Ильей онъ говоритъ: «Полети, бѣль кречеть, во чисто поле, — Побѣгите, сѣры выхлоки, во темны лѣса, — Мнѣ теперь не до васъ пришло». Слнч. Кир. I, № 5, стр. 7—10: паленица говоритъ соколу: *Полетай-ко, охота*, къ моей матушкѣ; Кир. I, № 6, стр. 11—15: *Полети ты, соколъ*, на сине море.

Я полагаю вѣроятнымъ, что кичливыя, но едва-ли умѣстныя слова паленицы къ Добрынѣ: «Отлейся ты, какъ вода вешняя, Отѣзжай, мужикъ - деревенщина, *Отлети, ворона перелетная*» — бессмысленное искаженіе предъидущихъ, ставшихъ непонятными. — Въ началѣ былины обратимъ вниманіе на стихи, встрѣтившіеся намъ у Кир. I, № 5, стр. 7—10:

На зарѣ-то было, на утренней,
Выходилъ Илья Муромецъ изъ бѣла шатра
.....
Изъ быстра Днѣпра умывается.

Къ восстановленію этой былины служить отчасти № 265 Гильф. (Святогоръ), также открывающійся заставой: Илья, Добрыня, Алѣша, Полѣшанинъ, Долгополянннъ, братья *Лука и Моисей, дѣти боярскіе*. Проѣздъ богатыря, выѣздъ Добрыни и бой Илья; богатырь говоритъ выжлоку (жижлець), который «выскачилъ съ подъ стремена»:

Поди, жижлець, да на свою волю,
Лови, жижлець, да осетра-рыбу (sic!)
.....
Полетѣ, соколъ, да на свою волю.

Илья садится врагу на бѣлы груди и спрашиваетъ его: онъ называетъ себя Золотничаниномъ, крестнымъ сыномъ Илья. Полно ѣздить тебѣ по чисту полю, говоритъ онъ, пора тебѣ «душа спасти». Илья отпускаетъ его, ѣдетъ дальше и встрѣчается — съ Святогоромъ. Мы имѣемъ дѣло съ сводной былиной, но встрѣча съ *Святогоромъ*, очевидно, замѣнила другую: въ былинахъ слѣдующей группы Илья, послѣ боя съ сыномъ, Золотничаниномъ, принужденъ биться съ его матерью, паленицей *Горычанкой* = *Латыгоркой*.

Алѣша *Дородовичъ* у Гильф. № 250, какъ имя Ильина сына, вѣроятно, отвлеченъ отъ «*дородняю*» молодца другихъ пересказовъ. Былина начинается заставой «на дорожки латынскіе»: Илья, Микита Романовичъ, Олѣша Поповичѣвъ; Илья не рѣшается

послать послѣдняго за «невѣжей», потому что «поповскіе роды задумчивы»; ѣдетъ Никита (племянникъ Илья!) съ извѣстнымъ намъ результатомъ; бьется съ проѣзжимъ богатыремъ Илья; на вопросъ Илья онъ отвѣчаетъ:

Я той орды, да я и той земли
Тово отца да товò матери,
Тово урожденія великаго,
Зовутъ меня Алѣша Дорóдовичъ.

Богатыри цѣлуются, «назвались они братьями крестовыми», — потому что древнія отношенія забыты, равно какъ и образъ сокола и выжлеца.

Въ слѣдующей группѣ былинъ о боѣ мотивъ заставы встрѣчается рѣже (Сагать рѣка лишь въ одномъ пересказѣ), появляется новое имя для матери и выступаетъ съ бóльшимъ значеніемъ Добрыни. Я рѣшаюсь обозначить её такъ:

II. Выѣздъ Илья и Добрыни. — (Вѣщанье ворона?). — Северьянична.

Рыбн. III, № 14: Илья и Добрыня выѣзжаютъ изъ Кіева на Фаворъ-гору, раскинули шатры и здѣсь опочивъ держать. До свѣту пробуждается Илья,

Самъ говоритъ таково слово:
Вставай, молодець, Добрынюшка Никитничъ!
У насъ что надъ шатромъ сотворилося:
Налеталъ надъ шатеръ вѣща птица,
Вѣща птица да черной воронъ,
Черной воронъ, самъ прокыркивалъ,
И нерадошну вѣсточку сказываетъ.
Выходи-ко, Добрыня, изъ бѣла шатра
И погляди по дорогѣ прямо-ѣзжія,
Не проѣхала-ли паленица удалая,
Не подходятъ-ли подъ коней лютый звѣрь?

Добрыня приноситъ вѣсть о проѣздѣ богатыря:

Его храбра поѣздка молодецкая,
Ископыти у коня метано

По цѣлой овчины по барановой,
 У коня изо рта пламя пышетъ,
 Изъ ушей у коня кудревь дымъ валитъ;
 Изъ подъ стремени борзой выжлецъ выскакиваетъ,
 У молодца съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелетываетъ;
 Ёдитъ молодець, самъ тѣшится,
 Шибаетъ палицу подъ облака,
 Назадъ онъ её подхватываетъ.

Илья предлагаетъ Добрынь перевѣдаться съ богатыремъ, но тотъ не хочетъ:

Я не смѣю ѣхать за богатыремъ,
 Что его храбра поѣздка молодецкая.

Когда такъ, то поѣзжай въ Кіевъ къ молодой женѣ, да къ матери, я обойдусь и безъ товарищей, говоритъ Илья и, пустившись въ погоню за паленицей, вступаетъ съ нимъ въ бой. — Мать молодого богатыря названа «дѣвкой Сиверьяничной», самъ онъ — Васькой; позднѣе Сиверьянична говоритъ сыну объ Ильѣ: «Онъ меня въ полѣ побилъ — Со мною грѣхъ творилъ, — Съ того я тебя и прижила». — Тѣ-же имена встрѣчаются въ № 219 Гильф. (Фаворъ, Василей, Сиверьянична), тождественномъ съ приведеннымъ Рыбниковскимъ (что, однако, не помѣчено въ изданіи онежскихъ былинъ) и записанномъ отъ того-же лица. Недостаетъ лишь подробностей о соколѣ и выжлецѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ №№ 226 и 233 Гильф., существенно сходныхъ съ № 219, представляющихъ одну съ нимъ редакцію. Дѣйствующія лица: Илья и Добрыня; мѣсто дѣйствія: Фаворъ гора (№ 226), либо чисто поле (№ 233); то-же вѣщанье ворона; Сиверьянична; «я изъ западныхъ странъ, изъ золотой орды, — Я Петре царевичъ Золотничанинъ», говоритъ о себѣ богатырь въ № 226 = № 233: Я есть *сиверной* страны (сл. *Сиверьяничну*) да золотой орды. — Тамъ и здѣсь соколъ и выжлецъ (кобель въ № 233) въ описаніи паленицы, особенно развитомъ въ № 226:

А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
 Скоки-ты онъ скаче по цѣлой версты,

Слѣдки-ты какъ доброй конь вымѣтивать
 По цѣлой овчины по барановой,
 Изъ рта у добра коня пламя машё,
 Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
 Изъ ушей у коня да кудревъ ¹⁾ дымъ стаётъ.
 У богатыря шишакъ на головы-де какъ огонь горитъ,
 А узда у коня да какъ лучи пекутъ,
 Отъ стремену его да звѣзды сыплются,
 Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаётъ,
 Зоря стаётъ да ровно утренна.
 У лѣва стремена борзой кобель проскакивать,
 На правомъ стремени сидѣть-то младъ сизой орёлъ,
 Поё орёлъ да всё насвистывать,
 Узещать, спотѣшаетъ онъ богатыря,
 А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелѣтывать,
 Да изъ уха въ ухо да вѣсти перенашивать.
 Сидитъ богатырь на добромъ конѣ, самъ тѣшится,
 Шибаетъ палочку подъ облака,
 А назадъ-то палка опускается,
 Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
 До сырой земли не допускаючи.

Образъ сокольника-охотника ясно виденъ подъ этимъ замысловатымъ шаржемъ: и соколъ и кобель у стремени явились въ началѣ атрибутомъ охотника, ѣздящаго по заводямъ съ «охотой молодецкой» (змѣя горынская в. выжлеца у Кир. IV, № 3, стр. 12—18 — нелѣпая амплификація); эпитетъ «Сокольникъ» утвердился за нимъ почти какъ имя собственное, которое колеблется по пересказамъ, иногда исчезая вовсе. Замѣтимъ постоянство имени Северьяничны у Рыбн. III, № 14 и Гильф. №№ 219, 226, 233 и еще 246, который, по началу, можно-бы отнести къ предъидущей группѣ: былина открывается *заставой*:

Изъ Волянда города Галича,
 На ту на дорожку латынскую,
 На ту на заставу богатырскую
 Выѣжало три сильныхъ могучихъ богатыря:

¹⁾ Въ текстѣ: «да въ кудряхъ»; сл. Гильф. №№ 219 и 233.

Первой богатырь Илья Муромецъ,
А второй Добрыня Микитьевичъ,
А третей Микита Романовичъ.

Мы ожидали-бы, согласно съ первой группой, Алёшу; имя Никиты, встрѣтившееся намъ въ одной былинѣ той-же группы (Гильф. № 250), случайное, какъ случайна его роль въ пѣснѣ: посланный Ильею развѣдать о проѣзжемъ богатырѣ, Добрыня «поустрашился»; тогда Илья шлетъ съ тѣмъ-же порученіемъ Никиту (вспомнимъ Никиту Романовича, отца Добрыни по нѣкоторымъ пѣснямъ), и когда «поустрашился» и онъ, ѣдетъ самъ: «видно некому мнѣ замѣниться». Проѣзжій богатырь названъ: «по прозванью-то славно Аполонище»; мать Сиверьянична. Откуда взялось первое, во всякомъ случаѣ, необычное имя? Въ одной русской сказкѣ (Худяковъ, Великорусскія сказки I, № 35) выходитъ въ роли Соломона русскихъ повѣстей — какой-то Аполлонъ воръ.

Нѣкоторые пересказы развиваютъ особымъ эпизодомъ роль Добрыни въ эпизодѣ о боѣ.

Кир. I, № 6, стр. 11—15: заставы нѣтъ, изъ Кіева выѣзжаютъ Илья и Добрыня, но выѣзжаютъ на Сафать-рѣку, встрѣчавшуюся намъ въ предыдущей пѣсенной группѣ. Добрыню Илья посылаетъ «за горы высокія», гдѣ онъ дерется «съ бабой Горынинкой», тогда какъ Илья ѣдетъ берегомъ и наѣзжаетъ по бродучему слѣду на богатыря, съ которымъ бьется. Имя его: Збуть Борисъ Королевичъ младъ; мать — жена (дочь?) короля Задонскаго (сл. стихъ 74: Я того короля Задонскаго): эпитетъ, вѣроятно, перенесенный изъ сказки о Бовѣ, гдѣ «Задонскій» отвѣчаетъ итальянскому (soldano di) Sadonia. Встрѣтившись съ Ильей, королевичъ

отвязывалъ (съ)стремя вожья выжлока,
Со руки опускаетъ ясна сокола,
А самъ-ли то выжлоку наказываетъ:
«А тепере мнѣ не до тебя пришло,
А и ты, бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ,

И корми ты свою буйну голову.
 И ясну соколу онъ наказываетъ:
 «Полети ты, соколы, на сине море
 И корми свою буйну голову,
 А мнѣ молодцу не до тебя пришло».

Бой Илья съ сыномъ не досказанъ и единственно потому не кончается трагически, какъ въ другихъ былинахъ; пѣвецъ отвлекся другимъ эпизодомъ: отпустивъ Збута къ матери, Илья ѣдетъ искать брата названаго Добрыню, которому помогаетъ одолѣть бабу Горыничку. Изъ побывальщины у Рыби. I, стр. 65 оказывается, что это — мать сына Илья. Рассказывается, что Илья наѣхалъ когда-то на паленицу Авдотью Горычанку и одолѣлъ её съ бою. Отъ него Авдотья понось понесла и родила сына Бориска, съ которымъ Илья встрѣчается позже, бьется и, поваливъ на землю, подъ книжалищемъ заставляеть сказать, кто онъ. Узнавъ о своемъ происхожденіи, Бориска рѣшается отомстить за позоръ матери, сковаль себѣ палицу въ триста пудъ и нагналъ стараго въ чистомъ полѣ. Илья спалъ, когда Бориска ударилъ его прямо въ грудь, да не могъ просѣчь чуждаго креста. Илья убилъ его, а самъ поѣхалъ къ Кіеву; видитъ: мать дерется съ Добрыней, которому Илья помогаетъ такимъ-же совѣтомъ какъ у Кир. I, № 6, стр. 11—15¹⁾. — Эпизодъ о первой встрѣчѣ Илья съ паленицей находится и въ одной былинѣ у Ефименка (Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Арханг. губерніи: Старина про Алѣшу Поповича, № VII, стр. 25 слѣд.), синкретической, какъ почти всѣ, помѣщенныя въ его сборникѣ. Она до крайности спутана, но ея послѣдовательность легко возстановить по побывальщинѣ и отрывочной и искаженной былинѣ у Кир. I, № 3, стр. 4—6, гдѣ «походная красна дѣвица», съ которой Илья встрѣчается въ полѣ передъ боемъ съ Татарченкомъ —, несо-

¹⁾ См. подобный-же эпизодъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Добрынѣ въ отѣздѣ; такъ помогаетъ Илья и Ермаку противъ Бабищи Мамаишны, Кир. I, стр. 58—66.

миѣнно, отвѣчаетъ Горыничкѣ или Горыничанкѣ разобранныхъ пересказовъ ¹⁾).

Илья бьется съ паленицей Златыгоркой, которая родитъ отъ него сына Подсокольника; слѣдовалъ эпизодъ о заставѣ, на которой стояли Алѣша, Добрыня и Илья; другъ за другомъ они выѣзжали противъ Подсокольника, который являлся съ своими обычными атрибутами сокола и кречета; былина кончалась боемъ отца съ сыномъ. — Эту послѣдовательность перепуталъ сказитель: онъ началъ пѣть о томъ, какъ Алѣша Поповичъ съ дружиною освободилъ Кіевъ отъ невѣрной силы, не признавъ, но по просьбѣ Ильи учествованъ Владимиромъ; имя Алѣши напомнило ему, хотя не кстати, ту редакцію пѣсни о боѣ Ильи съ сыномъ, гдѣ Алѣша является въ роли побѣжденнаго; но эту пѣсню онъ зналъ уже въ соединеніи съ эпизодомъ о матери, какъ она представляется въ Рыбниковской побывальщинѣ: я разумѣю ея первую встрѣчу съ Ильею. И вотъ онъ механически удержалъ имя Алѣши въ этомъ эпизодѣ, перенесъ въ него черты боя съ Подсокольникомъ. Вслѣдствіи этого вторая половина былины получила такой видъ: богатыри стоятъ въ шатрахъ на рѣкѣ на Черниговкѣ, проѣзжаетъ паленица Златыгорка, «на лѣвомъ-то плечѣ у ней ясенъ соколъ, — На правомъ-то плечѣ у ней бѣлый кречеть». Выѣзжаютъ противъ нея Алѣша, Добрыня, наконецъ Илья, который еѣ осилилъ. Она понесла отъ него отрока. Разставаясь съ нею Илья даетъ ей перстень и говорить:

Привнесешь если ты дочь заступу,
Отдай ей перстень въ приданое,
А если принесешь удала добра молодца,
Благослови его дорогимъ перстнемъ,

¹⁾ На вопросъ Ильи, кто она такая, она отвѣчаетъ, что «дочь гостинная», бѣжала отъ Алѣши Поповича, «отъ насмѣшника пересмѣшника». Еслибъ ты сказала мнѣ это раньше, «я бы снялъ съ Олѣши буйну голову», говоритъ Илья — и ѣдетъ далѣе на Софу-рѣку — на встрѣчу Татарченку. — Имя Алѣши подставилось здѣсь по смѣшенію, какъ наоборотъ у Кир. I, № 4, стр. 92—93, въ былинѣ о встрѣчѣ Алѣши съ сестрой, вмѣсто перваго названъ Илья.

Дай ему добра коня, да пошли его во чисто поле,
 А пошли его, наказывай:
 Если увидить онъ въ чистомъ полѣ стараго,
 Такъ не дошедши пусть поклонится.

Это напоминаетъ наставленія Саула Леванидовича женѣ въ другомъ циклѣ пѣсенъ о боѣ отца съ сыномъ, и какъ тамъ (Кир. III, № 2, стр. 117) молодой Константинъ, такъ здѣсь Подсокольникъ растетъ богатыремъ: шести лѣтъ онъ началъ «на улицу похаживать, Сталъ съ ребятами поигрывать». Ребята были не «схватчивы», называли его «сколотышнемъ». Онъ допытывается у матери, кто его отецъ; та показываетъ ему перстень, «а на злаченомъ перстнѣ имя, изотчина». Двѣнадцатилѣтній Подсокольничекъ выѣзжаетъ въ чистое поле, и хотя мать наказывала ему поклониться «старому», коли его встрѣтитъ, онъ «все зло несетъ на батюшка», ѣдетъ прямо къ шатру Ильи, котораго будитъ, говоря, что явился къ нему «непріятель невѣрный». Слѣдуетъ бой съ Ильєю, который, признавъ сына, цѣлуетъ его и посылаетъ съ нимъ поклонъ матери. Сынъ возвращается, убиваетъ мать и снова ѣдетъ къ шатру Ильи, чтобы и съ нимъ покончить. Какъ почти вездѣ, былина кончается смертью молодого богатыря.

Я сомнѣваюсь, чтобъ убіеніе матери принадлежало къ древнимъ чертамъ пѣсни. Оно встрѣтилось мнѣ еще въ одномъ пересказѣ, записанномъ въ той-же мѣстности (Кир. I, № 2, стр. 52—56) и рассмотрѣнномъ мною выше въ группѣ «заставы»: побѣжденный Сокольникъ ѣдетъ къ матери, которая напоминаетъ ему свой наказъ при первомъ выѣздѣ въ чисто поле: не биться со старыми, да съ угрюмыми, да со стариками невеселыми, «а той-отъ старцишко тобѣ родной отецъ!» (Сл. такой-же наказъ Амелфы Тимофеевны сыну у Кир. IV, № 3, стр. 12—18, стихи 156—160). Узнавъ, что онъ незаконнорожденный, сынокъ снесъ матери буйну голову, готовится и Илью разсѣчь на двое, но убить имъ.

III. *Наѣздъ поединщика.* Третью разновидность былины представляетъ пѣсня у Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14: подъ Кіевъ

пріѣзжаетъ изъ «за славна за синя моря» молодой Соловниковъ или Соловникъ, татаринъ, и вызываетъ поединщика. Противъ него снарядился Илья, и слѣдуетъ описаніе боя: Илья ударилъ противника въ голову своей палицей богатырскою, а тотъ сидитъ, «не стряхнется — Какъ жолтыи кудѣрки не сворохнутся». По второму удару Ильи — тотъ-же результатъ; раздумался богатырь:

Да это ужь мнѣ-ль не бѣда-ль пришла,
 А не бѣда-ль пришла, видно смерть пришла?
 — Какъ тутъ за тымъ еще Соловникомъ
 Рѣчисть языкъ тутъ да мѣшается,
 А мозги въ головы потрясаются,
 А со ясныхъ очей еще видъ теряется.
 Какъ говорить Соловникъ таково слово:
 «Да ай же вы да слуги мои вѣрныи,
 А ѣдьте вы за славно за синѣ море
 А ко моей ко рѣднѣи ко матушки,
 А ко тми ко матушки къ Натальюшки,
 А ѣдьте вы не съ радостнымъ извѣстѣнцомъ:
 Не знаю я, какой то невѣжа есть,
 А наѣзжать изъ далеча ко мнѣ изъ чиста поля,
 А бьетъ то меня нунь въ буйну голову.
 А нуньчу у меня топерь у мѣлодца
 Рѣчисть языкъ топерь мѣшается,
 Мозги въ головы потрясаются,
 А со ясныхъ очей еще видъ теряется.

Слуги ѣдутъ съ извѣстіемъ, но пѣсня забыла досказать этотъ эпизодъ, значеніе котораго выясняютъ другія былины. Когда Илья ударилъ Соловника по головѣ, и тотъ не сворохнулся, Илья предлагаетъ ему спѣшиться и «биться рукопашкою», повалилъ его на землю, сѣлъ ему на бѣлую грудь, занесъ надъ нимъ ножище-кинжалище,

Тутъ рука въ плечи застоилася.

Илья начинаетъ допрашивать Соловника о родѣ-племени; тотъ отвѣчаетъ бранью, но на третій спросъ сказываетъ о себѣ и о матери (Натальюшкѣ):

Скочилъ тутъ Илья на рѣзвѣи ноги,
 Здмаетъ онъ за рученки за бѣлины:
 «Ахъ ты молодой младой Соловниковъ,
 Да ахъ же ты вѣдь сынъ мой любимыи!
 Какъ полно в намъ битися ратиться,
 Лучше мы съ тобой поѣдимъ, поъемъ».
 Какъ сѣли тутъ оны, поѣли, попили, покушали,
 Бѣлины лебѣдушки порушали.
 Какъ тутъ-то Ильюшенка спать да легъ.

Этимъ пользуется Соловникъ: пускаетъ калену стрѣлу Ильѣ въ бѣлую грудь; золотой крестъ спасаетъ Илью отъ смерти; очнувшись, онъ хватается за ножъ, — «какъ тутъ рука въ плечи не застояласи» —, и разсѣкъ Соловника на четыре части.

Тотъ-же сюжетъ представляетъ былина Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12: объ Ильѣ и его дочери. Я не прочь предположить, что эта дочь выведена изъ сына въ такую пору эпоса, когда названіе паленицы уже не вызывало двойственнаго представленія пола. Ясно, во всякомъ случаѣ, что былина о дочери Ильи развилась изъ пѣсенъ о сынѣ и именно изъ вида Гильф. № 46 = Рыбн. № 14 въ комбинаціи съ типомъ I (застава): на *заставѣ* стоятъ двѣнадцать богатырей; проѣзжаетъ поляница. «Кому ѣхать намъ въ раздольице чисто поле?» спрашиваетъ Илья. Вызывается Алеша, «да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подѣхати»; за нимъ Добрыня, но и онъ «поворотъ держалъ», и рассказываетъ Ильѣ:

Посмотрѣлъ на поляницу на удаюу,
 Она ѣзди въ поли, сама тѣшится,
 На правои руки у ней-то соловей сидитъ,
 На лѣвои руки да жавролѣпочекъ.

(Замѣна сокола на рукѣ Сокольникъ-охотничка).

Да не смѣлъ я къ поляницѣ той подѣхати
 И не могъ-то у ней силушки отвѣдати.
 Ена ѣдетъ-то ко городу ко Киеву,
 Ена кличетъ выкликаетъ поединщика.

Поединщикомъ является Илья и слѣдуетъ описаніе боя, коннаго и пѣшаго; Илья повалилъ паляницу, занесъ надъ нею руку («права ручушка въ плечи да остояласи»), и трижды спрашиваетъ её: «ты коѣй земли да ты коѣй Литвы». Подъ вліяніемъ этого вопроса, нерѣдкаго въ былинахъ, сложился отвѣтъ паляницы Рыбн. I, 12: Есть-то я изъ темной орды, хороброй Литвы; Гильф. 77: изъ Тальянской либо Воглянской земли; она дочь «честной вдовы», и Илья признаетъ себя ея отцемъ. Тутъ они поразѣхались; Илья ложится спать въ бѣломъ шатрѣ, а паляница возвращается: не хочетъ спустить ему насмѣшки, что ея мать онъ назвалъ «блядкою», и соннаго бьетъ рогатиной по груди, которую защитилъ «крестъ на вороти». Былина кончается расправой Ильи съ паляницей.

Я присоединяю къ этой группѣ и Гильф. № 114 (указаніе что этотъ № = Рыбн. II, № 63, ошибочно), потому что и въ немъ содержаніе сводится къ поединку наѣзжаго богатыря Татарина (Сокольникча; его мать «Семигорка, баба да Владимирка») съ Ильею. Нѣтъ сомнѣнія, однакожь, что въ оригиналѣ этой быliny находилась «застава», и въ числѣ сторожевыхъ богатырей могъ быть названъ Михайло Долгомѣровичъ, какъ у Рыбн. II, № 64; не оттого ли въ началѣ нашей пѣсни Сокольникчѣ названъ «Татарской сынъ да по имени Михайло Долгомѣровичъ?»—Илья разрываетъ противника на части: одну ногу кинулъ «во Ефратъ рѣку», т. е., вѣроятно въ Сафатъ, какъ у Рыбн. I, № 13: «половину бросилъ въ Сахатаръ-рѣку».

Слѣдуетъ обратить вниманія на заключительныя сцены разсмотрѣнныхъ нами былинъ о боѣ. Во всѣхъ пересказахъ, за исключеніемъ Кир. I, № 6, стр. 11—15, гдѣ эпизодъ о боѣ не развитъ, и Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14, гдѣ онъ измѣнился подъ посторонними вліяніями, рассказъ о поединкѣ отца съ сыномъ является съ одними и тѣми-же подробностями, болѣе или менѣе полными. Борьба происходитъ сначала на коняхъ, напоминая своей эпической разработкой технику рыцарскаго турнира.

И сѣзжалось два сильніе два могучи два богатыря,
 Будто двѣ сильніе горѣ вмѣсто скатилосе:
 Да п *палицами́* они ударилсь,
 Да п палки у ихъ-то поломалисе,
 Да п другъ-то друга-то не ранили;
 Да п тутъ-же добры молодцы порозѣхались,
 Да п *копьями* они ударились
 Да п копьа въ кольцахъ-то погпбалисе,
 Да другъ-то друга-то не ранили.
 Да п тутъ-же добры молодцы порозѣхались,
 Да п *саблями* они ударилсь,
 Да п сабли у ихъ же принималисе,
 Да п другъ-то друга-то не ранили

(Гильф. № 233; сл. ib. № 250).

Укажу на нѣсколько варьянтовъ изъ другихъ пересказовъ:

Разѣхалися на *копья* остры:
 У нихъ копьа въ рукахъ погпбалися,
 На черенья копьа разсыпалися;
 Разѣхалися на *палицы* боѣвныя:
 У нихъ палицы въ рукахъ погпбалися,
 По маковкамъ палицы отломпися;
 Разѣхались на *сабли* остры:
 У нихъ сабли въ рукахъ погпбалися,
 Пovyщербѣли на *латы* кольчужныя.

У Рыбн. II, № 64 послѣдовательность такая: *мечи, копьа, сабли* (Мечь съ мечомъ да ударяются, — А мечи въ мелкія части разсыпаются); у Кир. IV, № 3, стр. 12—18: палицы, копьа, тяги желѣзныя (которыми богатыри «тянулись чрезъ гривы лошадиныя») и т. п. — Конный бой смѣняется пѣшимъ; лишь у Гильф. № 246 п 46 = Рыбн. I, № 14 (см. Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12) Илья сваливаетъ врага, котораго и пытается о родѣ племени; въ остальныхъ пересказахъ падаетъ, наоборотъ, Илья и, когда противникъ сѣлъ ему на грудь, готовясь съ нимъ покончить, сшибаетъ его съ себя въ чисто поле, либо подъ облаки, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго и т. п. — Узнавъ

о себѣ, что онъ сынъ Ильи, молодой богатырь ѣдетъ сначала къ матери; лишь въ тѣхъ былинахъ, гдѣ этотъ эпизодъ спутанъ или затертъ, является попытка замѣнить поѣздку — посылкой: сокола (Кир. I, № 5, стр. 7—10), слугъ (Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14). Допытавшись отъ матери о тайнѣ своего рожденія, сынъ возвращается, рѣшившись смѣть въ крови отца лежащее на немъ пятно незаконности. Онъ нападаетъ на Илью спящаго и убить имъ¹⁾. — Исходъ былины вездѣ трагическій; его недостаетъ лишь тамъ, гдѣ вниманіе пѣвца отвлеклось постороннимъ эпизодомъ (сл. Кир. I, № 6, стр. 11—15 и побывальщину у Рыбн. I, стр. 65), либо въ пѣсняхъ недоконченныхъ (Гильф. № 246, 250). Рѣшительное исключеніе представляетъ лишь Кир. VII, Приложенія стр. 1—7, гдѣ мирный исходъ боя принадлежитъ, быть можетъ личной и поздней передѣлкѣ: юный богатырь, сваливъ Илью, какъ-бы въ предчувствіи, что онъ его отецъ, не рѣшается убить его и самъ спрашиваетъ: «Аль ты въ родствѣ, али въ племени?». Когда Илья повалилъ его въ свою очередь и богатырь назвалъ себя по его требованію, отецъ и сынъ ѣдутъ въ Кіевъ, гдѣ Владиміръ встрѣчаетъ ихъ «съ честію, радостію». — Мирно кончается и былина о боѣ Ильи съ Добрыней у Ефименка I. с. № I, являющаяся позднимъ сколкомъ съ разсмотрѣнныхъ нами и потому лишенная значенія. Какъ здѣсь Добрыня выступаетъ въ роли Сокольника, такъ въ эпизодѣ одной былинѣ о Добрынѣ въ «отъѣздѣ» механически воспроизведена пѣсня о боѣ Ильи = Добрыни съ проѣзжимъ богатыремъ, въ которомъ нельзя не признать того-же Сокольника. Сл. Гильф. № 65, лишь отчасти отвѣчающій Рыбн. III, № 17: Добрыня ѣдетъ поляковать, оставивъ дома молодую жену; Гильф. даетъ ему въ товарищи Потыка; проѣзжаетъ вражій богатырь, съ знакомыми намъ атрибутами: кобеля и сокола; ѣдетъ и похваляется:

¹⁾ Съ эпизодомъ о крестѣ, о который притушился ударъ Сокольника, обращенный противъ отца, сл. подобную-же черту въ пѣснѣ объ Ильѣ, будящемъ ударомъ стрѣлы своего крестоваго брата Самсона: стрѣла притушилась о золотой крестъ на груди.

Я матушку русьскѣ землю,
 А русьскѣ землю я наскрозь пройду,
 Что ни лучшихъ богатыревъ въ полонъ возьму.

Потыкъ боится выѣхать противъ богатыря, который сражается съ Добрыней и убить имъ (Гильф.). Рыбниковскій пересказъ, не знающій ни Потыка, ни атрибутовъ «сокольника», рассказываетъ его битву съ Добрыней въ чертахъ «боя Ильи съ сыномъ» — вплоть до смерти послѣдняго отъ руки отца, на жизнь котораго онъ покусился. Что Добрыня бьется именно съ сыномъ, нигдѣ не сказано, но разумѣется само собою изъ словъ, съ которыми Добрыня отпускаетъ богатыря:

Поѣзжай-ко, король, во свою землю Бухарскую,
 Въ Золоту-землю, и въ Золоту орду,
 Свези своей матушкѣ низкой поклонъ,
 А отъ Добрынюшки челобитьеце,
 Золотые подарки во милости.

Былина Гильф. здѣсь нѣсколько перебита, или лучше, эпизодъ о Сокольникѣ раздвоился: Добрыня снесъ ему голову, ѣдетъ къ шатру; затѣмъ пѣсня переходитъ къ сватовству Алѣши за жену Добрыни, къ которому снова возвращается, — чтобы рассказать намъ о его поединкѣ съ другимъ богатыремъ, т. е. тѣмъ-же Сокольникомъ. Далѣе оба пересказа сходятся, но родственныя отношенія богатырей у Гильф. поставлены яснѣе: убивая противника Добрыня приговариваетъ:

Отъ кого ты, чадо, ты зачатъ было,
 Отъ кого ты, чадо, вѣдь посѣяно,
 Отъ того ты, чадо, нынѣ кончайся-тко!

Богатырь убитъ, а въ это время прилетаетъ голубь съ голубкою, вѣщая Добрынѣ, что его жена за мужъ пошла — и былина снова входитъ въ общее теченіе пѣсенъ этого типа.

Ясно, что весь этотъ эпизодъ, навѣянный пѣснями объ Ильѣ и Сокольникѣ, замѣнилъ собою другой, обычный въ былинахъ о Добрыниномъ отъѣздѣ: рассказъ о его битвѣ съ Невѣжей и т. п.

Поводомъ къ такой замѣнѣ могла быть роль Добрыни въ былинахъ о «боѣ Ильи съ сыномъ», именно 2-й группы, гдѣ Добрыня являлся товарищемъ Ильи, а Илья помогалъ ему совѣтомъ въ борьбѣ съ королевой Задонской или Авдотей Горынчанкой. Я указалъ выше (сл. стр. 317, прим. 1) на тождественное положеніе въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Добрынѣ «въ отъѣздѣ» (Гильф. №№ 228, 290, 292), гдѣ онъ бьется съ Невѣжей, богатыремъ Бабой Ягой, а Илья является такимъ-же совѣтчикомъ. Образъ Бабы-Яги подсказанъ, вѣроятно, паленицей, матерью Збута.

II.

Илья убиваетъ Сокольника; такой-же трагическій исходъ слѣдуетъ предположить и для древненѣмецкой пѣснѣ о Гильдебрантѣ и Гадубрантѣ (VIII в.), дошедшей до насъ, какъ извѣстно, безъ окончанія. Гильдебрантъ и Гадубрантъ (Hiltibrant enti Nadubrant), отецъ и сынъ, встрѣчаются другъ съ другомъ между двухъ непріятельскихъ ратей и готовы сразиться. Отецъ, долго бывший въ отлучкѣ, оставившій сына еще ребенкомъ, не узнаетъ его и спрашиваетъ его о родѣ-племени. Тотъ называетъ себя, но не хочетъ вѣрить, чтобы передъ нимъ стоялъ его отецъ (*dû neo dana halt dinc ni gileitôs — mit sus sippan man*, говоритъ ему Гильдебрантъ ¹⁾), котораго считаетъ умершимъ, и Гильдебрантъ, скрѣпя сердце, вступаетъ въ бой, въ которомъ ему придется либо быть убитымъ, либо поразить собственнаго сына. Пѣснь обрывается описаніемъ поединка, въ которомъ мы встрѣчаемъ бурно несущіяся ясенева копыя, врывающіяся въ бѣлые липовые щиты, разсѣченные мечами (*miti wambnum*). — Что пѣснь кончалась гибелью сына можно заключить изъ того, что, имя Гадубранта не упоминается болѣе въ нѣмецкомъ эпосѣ, и лишь въ Rabenschlacht встрѣчается какой-то рыцарь по имени Alebrant ²⁾: такъ названъ

¹⁾ Я цитую по тексту Braune, Althochdeutsches Lesebuch (1875) p. 78—9.

²⁾ W. Grimm, Die deutsche Heldensage, 2-e Ausg. стр. 209 и 256. Сл. Hildebrant'a и Herebrant'a — Hydebrant'a въ Horn and Rimenhild.

сынъ Гильтебранта въ позднѣйшей редакціи пѣсни о боѣ отца съ сыномъ, восходящей по крайней мѣрѣ къ первой половинѣ XIII вѣка, когда она нашла отраженіе въ Тидрексагѣ, и отличающейся примирительнымъ характеромъ исхода.

Пѣсня эта сохранилась въ нѣсколькихъ пересказахъ, взаимныя отношенія которыхъ разобраны были Edzardi¹⁾: трехъ верхненѣмецкихъ (*K*, *H* и *W*, по обозначенію Edzardi), одномъ нижненѣмецкомъ (*N*), нидерландскомъ (*A*) и датскомъ (*D*). — Сообщаю содержаніе короткаго извода нѣмецкой пѣсни (*H*), пользуясь соображеніями и исправленіями Edzardi²⁾.

Гильдебрандъ хочетъ вернуться въ Бернъ, гдѣ оставилъ жену, Ute, гдѣ не бывалъ въ теченіи тридцати лѣтъ. Герцогъ Amelung (варьянты: Ambelung, Abelaen, Abelan, Abelon) предупреждаетъ его, что въ полѣ, на заставѣ (auff der marke) онъ встрѣтитъ молодого Алебранда (варьянты: К. Н. Hildebrandt, D. Allebrand; Alibrandг въ Тидрексагѣ); будь-ты самъ двѣнадцатый, онъ нападетъ на тебя. — «Коли нападетъ, я изрублю его темный щитъ, у его привязи разрублю однимъ ударомъ; будетъ онъ цѣлый годъ жаловаться матери.» Не дѣлай того, говоритъ ему Дитрихъ Бернской: Алебрандъ мнѣ милъ; лучше поведи съ нимъ дружескія рѣчи, дабы, ради меня, онъ дозволилъ тебѣ проѣхать. — На бернской заставѣ наѣзжаетъ на Гильтебранта молодой витязь: Чего-тебѣ нужно, старикъ, въ моей родной странѣ? спрашиваетъ онъ. «На тебѣ блестящая броня, словно на царскомъ сынѣ», начиняетъ Гильдебрантъ, но юноша прерываетъ его: «Видно, ты хочешь отвести мнѣ глаза!³⁾»

¹⁾ Germania, XIX (1874), Edzardi, Zum jüngeren Hildebrandsliede p. 315—326.

²⁾ Краткій текстъ см. у Raszmann'a, Die deutsche Heldensage II, стр. 646—8.

³⁾ Du wilt mich jungen helden sehender augen machen blind; *K*: du machst mich, degen schnelle, — mit gesehenden augen blind (сл. текстъ пространной редакціи нѣмецкой пѣсни = *K* у Wackernagel'я, Altd. Lesebuch, V-e Aufl. p. 1422 слѣд.). Я сблизжаю эти выраженія съ древней пѣсней: dú bist dir, altêr Hân, ummet spähhêr.

тебѣ-бы дома сидѣть, на печи грѣться». Засмѣялся старикъ: «Мнѣ сидѣть дома и нѣжиться? Мнѣ на роду написано — бродить и биться до смерти ¹⁾. Вотъ что я скажу тебѣ, молодецъ; оттого и посѣдѣла у меня борода». — «Выщиплю я твою бороду, старикъ, потечетъ у тебя алая кровь по щекамъ; твою броню и темный щитъ ты мнѣ отдашь, да и самъ станешь моимъ плѣнникомъ, коли любо тебѣ быть живымъ». — «Моя броня и темный щитъ нерѣдко были мнѣ защитой; съ помощью Христа небеснаго надѣюсь и теперь отъ тебя защититься». Оставивъ слова, они взялись за острые мечи и было имъ то, чего они оба домогались.

На коняхъ или пѣшіе объясняются отецъ съ сыномъ — изъ пѣсни не видно. Въ началѣ ея Гильдебрантъ *вытѣзжаетъ* къ Берну, *притѣзжаетъ* на заставу, въ концѣ — оба *оттѣзжаются* съ сыномъ. Между тѣмъ бой представляется, какъ-будто, пѣшимъ.

«Не знаю, какъ случилось, что молодецъ нанесъ старику ударъ, который сильно устранилъ Гильдебранта, а самъ онъ отскочилъ назадъ на семь саженей. — «Скажи-ка, мнѣ, молодецъ, не баба-ли научила тебя такому прыжку?» спрашиваетъ Гильдебрантъ ²⁾. «Кабы у бабы учился, мнѣ былъ-бы вѣчный стыдъ: много у моего отца рыцарей и конюшихъ (kneht), много рыцарей и графовъ при его дворѣ; чему я (у нихъ) не научился, тому еще научусь». — Пѣснь продолжаетъ о Гильдебрантѣ:

Er nahm ihn bey der mitte, da er am schwächsten was,
 Und schwang ihn hinder rucke wol in das grüne grasz.
 «Nun sag du mir, viel junger, dein beichtvater wil ich sein,
 bistu ein junger Wolfinger, von mir soltu genesen sein.

¹⁾ Сл. Кир. I, стр. 51: «Старый ты старикъ, старый, матѣрый! За чѣмъ ты ѣдшишь на чисто поле? . . . Ты поставилъ бы себѣ келейку . . . Сбираль-бы ты, старикъ, во келейку, Тутъ-бы, старикъ, сытъ-питанѣнъ былъ». Илья отвѣчаетъ: «Написано было у святыхъ отцевъ, Удумано было у Апостоловъ, но бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому». Сл. Кир. I. с. IV, 11—12.

²⁾ Н: den *schlag* lehrt dich ein weib; К: dissen *sprunge* den leret dich ein weib. Въ Тидрекагѣ дѣло идетъ объ измѣнически нанесенномъ ударѣ.

Въ *K* онъ вначалѣ обезоруживалъ его; *W* (и *A*) объясняетъ, какимъ образомъ; *W*:

Er liesz sinen grunen schilt sincken in den sant,
 Ich weisz nit, wie der alte dem jungen das schwert [entwant].
A. Het quam so dat den ouden liet sinen schilt,
 So dat hie den jonghen Hellebrant sijn swaert al underghinc ¹⁾.

Сынъ рассказываетъ о своемъ родѣ-племени: онъ родомъ изъ Греціи(?), его мать Ulte (варьянты: Gute, Judte), отецъ — Гильдебрантъ. Отецъ и сынъ узнаютъ другъ друга и оба отправляются въ Бернъ, гдѣ происходитъ радостное свиданіе съ женой — и матерью.

Нижненѣмецкая пѣсня подобнаго-же содержанія, но съ нѣкоторыми характерными отличіями, могла лежать въ основаніи пересказа Тидрексаги, почему мы и рассматриваемъ его особо ²⁾.

Гильдибрандъ выѣзжаетъ къ Берну вмѣстѣ съ молодымъ Конрадомъ, который предупреждаетъ его — быть ласковымъ съ Алибрандомъ, когда онъ встрѣтитъ его, и сказаться его отцемъ; иначе ему будетъ худо, такой тотъ сильный богатырь. Конрадъ говоритъ, какъ его узнать: онъ на бѣломъ конѣ, башмаки подбиты золотыми гвоздями (золотыя подковы, ркп. *B.*), щитъ и броня бѣлыя, какъ выпавшей снѣгъ, и на нихъ изображеніе замка. Нѣтъ ему равнаго въ землѣ Амелунговъ, а тебѣ старому съ нимъ не справиться. — Усмѣхнулся Гильдибрандъ и говоритъ: Какимъ-бы храбрецомъ не считалъ себя Алибрандъ, можетъ и такъ случиться, что онъ объявитъ свое имя не позже меня. — На этомъ они разстались.

Слѣдуетъ встрѣча отца съ сыномъ; послѣдній на бѣломъ конѣ, въ бѣломъ вооруженіи, на которомъ красуется образъ Берна съ позолочеными башнями; рядомъ съ нимъ два выжлеца, по лѣвую сторону (на лѣвой рукѣ, ркп. *B.*) ястребъ. Увидѣвъ

¹⁾ Edzardi I. c. p. 322.

²⁾ Saga Diðriks konungs af Bern, ed. Unger, стр. 344 слѣд.

незнакомаго всадника, бодро ѣхавшаго ему на встрѣчу, Алибрандъ крѣпче привязалъ свой шлемъ, заслонился щитомъ и съ копьемъ въ рукѣ бросился ему на встрѣчу. Въ слѣдующей за тѣмъ схваткѣ древки копій разлетаются по поламъ, бойцы спѣшились и бьются мечами. Трижды останавливаются они среди боя, дважды спрашиваетъ Алибрандъ объ имени противника, спрашиваетъ въ послѣдній разъ Гильдибрандъ, но отвѣта нѣтъ и бой возгорается снова. Гильдибрандъ нанесъ сыну глубокую рану въ бедро; тотъ не можетъ сражаться далѣе и передаетъ отцу мечъ. Когда Гильдибрандъ протянулъ за нимъ руку, отстранивъ щитъ, молодой витязь ударилъ въ него измѣнически, намѣреваясь отсѣчь ему руку. Но старикъ успѣлъ заслониться щитомъ и говорить: Этому удару ты научился у бабы, не у отца. И набросившись на молодца, онъ повергаетъ его на землю, самъ насѣлъ на него и, занеся надъ нимъ мечъ, дважды спрашиваетъ, кто онъ такой: если ты Алибрандъ, — то я отецъ твой, Гильдибрандъ. Тотъ называетъ себя; совершается обоюдное признаніе, въ которомъ, въ концѣ этого эпизода, принимаетъ участіе еще третье лицо: мать — жена; стало быть, какъ въ нѣмецкой пѣснѣ.

Приведу изъ Тидрексаги эпизодъ о боѣ.

Nu riðr Hildibrandr hvatlega þa leið er til Bernar er. ok nu er hann kominn sua at hann ser stadinn. þa riðr einn maðr i mot honum með tva hunda. oc a vinstri hlið (рук. *B. hendi*) hefir hann einn hauk. Sa maðr er mikill a hestbaki ok sitr hoerverskliga sinn hest. hann hefir hvitan hest ok hvita alla herneskiu ok a morkuð Bern med gylltum turnum. Hildibrandr riðr i mot mannum ok þikkiz finna at sia mun eigi minni þikkiaz en hann. Ok þa er Alibrandr ser i gegn ser riða einn mann með vapnum. ok sa riðr alldrengiliga a mot honum. ok ekki ma hann sia at hann laegi sik nockut firir honum. þa verðr Alibrandr reiðr ok lizt sem þessi muni við hann keppaz. spennir fast sinn hialm ok skytr firir briost ser sinum skilldi. ok sitt gladil setr hann fram or keyrir sinum hest sporum. Ok er Hildibrandr ser

hversu Alibrandr hefir við buiz. helldr hann sinum skilldi firir briost ser ok setr fram sitt gladil ok keyrir sinn hest sporum. ok riðr i mot honum hvergi udiarfigar. ok riðaz at. Leggr nu hvarr sinu spioti i skiolld annars sua fast. at sundr bresta spiotskoptin bæði. Ok hinn gamli hleypr pegar af baki hvatlega ok bregðr sinu sverði. ok slikt sama hinn yngri. gengu nu saman ok beriaz langa hrið. til þess er hvartueggi var moðr. Ok nu setia þeir niðr sina skiolldu ok studduz a.

Nu maellti Alibrandr. Hverr er þessi hinn gamli maðr er staðiz hefir firir mer um hrið. Seg skiott þitt heiti ok gef upp þin vopn. þa muntu hallda lifi þinu. en ef eigi villtu þat. þa ma þat verða þinn skaði. Hildibrandr svarar. Villtu vita mitt heiti. þa muntu fyrr verða at segia þitt heiti. ok upp muntu verða at gefa þitt sverð ok vopn aðr við skiliumz. ok ef þat villtu eigi lostigr. þa muntu þó gera vera nauðigr. þa reiðir Alibrandr upp sitt sverð allkappsamliga ok hoggr til hins gamla. ok slikt hit sama Hildibrandr. reiðir upp sitt sverð ok hoggr i geng. Verðr þar nu horð orrosta. ok gera aðra hrið halfu vaskligri en fyrr. ok nu er hvartueggi moðr. ok setr Alibrandr niðr sinn skiolld ok vill hvilaz. ok sua vill Hildibrandr. þa maellti Alibrandr. Villtu segia þitt nafn og gefa upp þin vopn. þa muntu hallda þinu lifi. en ef eigi gerir þu sua. þa muntu vera drepinn. þu villdir eigi segia þitt nafn þa er við hittumz. ok var þat þer engi usoemd. en nu muntu segia verða með usigri. ok lata oll þin vopn með usoemd eða þólu bana at öðrum kosti. Ok nu verðr hinn yngri allra oðastr ok vill at visu drepa hann. ok hoggr nu af ollu affi til hins gamla. en hann verr sik nu allra drengilegast. Ok nu maellti Hildibrandr. Erttu nockut ap Ylfinga aett. þa seg mer. ok fae er þer grið. en ef þat er eigi þa drep ek þik. þa suarar Alibrandr. Ef þu villt hallda þinu lifi. þa gefz upp. en ek em eigi Ylfingr helldr en þu. ok vist ertu heimskr. þó at tu ert gamall. ok seg skiott þitt heiti. En með því at þu vissir hverr ek vaeri. þa munðir þu eigi kalla minn foður Ylfing. Soekiaz þeir nu allra fastast. Hinn gamli gengr nu naer honum ok hoggr

helldr stort. ok nu slaer Hilldibrandr eitt mikit slag a hans laer. sua at sundr tekr bryniuna. ok faer nu Alibrandr mikit sar. sua at nalega er honum sinn fotr unytr. Oc nu maellti hann. Se her nu mitt sverð. Nu verð ek pat gefa upp. því at nu fae ek eigi staðit lengr fyrir þer. þu hefir fiandann i hendi þer. ok rettir fram hondina. En hinn gamli snyr skilldinum fra ok rettir fram hondina a moti sverðinu ok aetlar við at taka. Nu hoggr Alibrandr til hins gamla leyniliga ok vill af hoggua hondina. en hinn gamli skytr skilldinum upp hatt ok skyndilega. ok maellti. þetta slag mun þer kent hafa þin kona en eigi þinn faðir. Ok soekir hinn gamli sua fast. at nu fellr hinn ungi til iarðar. ok hinn gamli a hann ofan. ok setr sitt sverð fyrir hans briost ok maellti. Seg mer skiott þitt heiti ok þina aett. ella skalltu lata þitt lif. þa suarar Alibrandr. þat segi ek nu alldri. því at ekki hirði ek nu um lifit heðan i fra. er sua gomul gragas skal mik hafa yfir-stigit. Hilldibrandr maellti. Villtu hallða þinu lifi. þa seg mer skiott. ef þu ert Alibrandr minn son. þa em ek Hilldibrandr þinn faðir. þa suarar hinn ungi. Ef þu ert Hilldibrandr minn faðir. þa em ek Alibrandr þinn son. þa stendr upp Hilldibrandr skiott af honum ok Alibrandr a sina foetr. ok kyssaz ok kennaz nu við. Verðr nu Hilldibrandr allfeginn sinum syni Alibrandi. ok Alibrandr slikt sama sinum feðr Hilldibrandi. Hlaupa nu a sina hesta or riða heim til borgarinnar ¹⁾).

¹⁾ «Скоро ѣдет Гильдибрандъ по дорогѣ, что лежала къ Берну, и когда былъ въ виду города, какой-то мужъ выѣхалъ ему на встрѣчу съ двумя псами, а на лѣвой рукѣ у него ястребъ. Рослый былъ тотъ мужъ верхомъ на конѣ, ловко сидѣлъ на немъ; конь у него бѣлый и весь доспѣхъ бѣлый, а на немъ изображенъ Бернъ съ золотыми башнями. ѣдетъ Гильдибрандъ на встрѣчу мужу и кажется ему, что онъ не менѣе мнитъ о себѣ, чѣмъ онъ. Когда увидѣлъ Алибрандъ, что на него ѣдетъ вооруженный человекъ, ѣдетъ храбро на встрѣчу, видимо не уклоняясь отъ него, разгнѣвался; показалось ему, что тотъ думаетъ съ нимъ биться. Крѣпко подвязалъ онъ свой шлемъ, закинулъ щитъ на грудь, выставилъ впередъ свое копье и пришпорилъ коня. Какъ увидѣлъ Гильдибрандъ, что Алибрандъ изготовился, загородилъ свою грудь щитомъ, выставилъ впередъ свое копье, пришпорилъ коня и не менѣе храбро поѣхалъ ему на встрѣчу. Наѣхали они другъ на друга; каждый такъ сильно всадилъ копье въ щитъ другого, что оба древка сломались пополамъ.

Если отвлечь отъ пересказа Гидрексаги примиряющій исходъ повѣсти о боѣ и взять въ расчетъ лишь то ея содержаніе, кото-

Скоро соскакивалъ съ коня старый и вынималъ мечъ; то-же сдѣлалъ и молодецъ; сошлись они и долгое время бились, пока оба не устали. Тогда они спустили свои щиты и оперлись на нихъ. Возговорилъ Алибрандъ: Кто этотъ старый, чѣмъ такъ долго противостоялъ мнѣ? Скажи поскорѣе свое имя и отдай свое оружіе, тогда ты сохранишь свою жизнь; коли ты не захочешь того сдѣлать, будетъ то въ уронъ тебѣ. Отвѣчалъ Гильдибрандъ: Коли хочешь узнать мое имя, то напередъ придется тебѣ назвать свое, да отдать свой мечъ и доспѣхи, прежде чѣмъ мы разстанемся, а если не сдѣлаешь того охотою, то сдѣлаешь неволюю. — Тогда Алибрандъ бѣшено взмахнулъ мечемъ и ударилъ по старику; и Гильдибрандъ также взмахнулъ мечемъ и ударилъ насупротивъ. Жестокое началось побоище, и бились они во второй схваткѣ пуще прежняго. Притомились оба; Алибрандъ опустилъ щитъ и захотѣлъ отдохнуть, а также и Гильдибрандъ. Возговорилъ тутъ Алибрандъ: Коли скажешь твое имя и отдашь оружіе, то сохранишь свою жизнь, а коли такъ не сдѣлаешь, будешь убитъ. Не захотѣлъ ты сказать своего имени, когда мы встрѣтились, и то тебѣ не хула; а теперъ скажешь его, побѣжденный, и оставишь всѣ твои доспѣхи безславно; въ противномъ случаѣ умереть. — Расходился тутъ молодецъ, хочеть въ самомъ дѣлѣ убитъ его и изо всей силы ударилъ стараго; а тотъ защищается и того храбрѣе. Возговорилъ Гильдибрандъ: Ты не изъ роду-ли Ильфинговъ? Скажи мнѣ, и я дамъ тебѣ миръ; коли не такъ, убью тебя. — Отвѣчаетъ Алибрандъ: Если хочешь сохранить жизнь, то сдѣлайся; я не больше Ильфингъ, чѣмъ ты, а ты такъ простоватъ, хотя и старъ. Скажи-же скорѣе свое имя; когда-бы ты зналъ, кто я, не называлъ-бы моего отца Ильфингомъ. — Схватились они другъ съ другомъ крѣпче прежняго; близко подошелъ къ нему старый, сильно рубить, нанесъ такой страшный ударъ по его бедру, что кольчуга разѣхалась, а Алибрандъ получилъ большую рану, и его нога почти ему не служить. Говорить онъ: Вотъ мой мечъ, я отдаю его, ибо дольше не могу тебѣ противостоять: у тебя въ рукѣ сидитъ нечистый. — И онъ протянулъ руку; старый отклонилъ щитъ и потянулся рукою къ мечу, думалъ взять его, а Алибрандъ ударилъ стараго изподтишка, хотѣлъ отрубить ему руку — но тотъ быстро поднялъ щитъ и говоритъ: Этому удару научила тебя жена твоя, не отецъ! И такъ сильно налегъ старикъ, что молодецъ упалъ наземь, а старикъ на него сверху, приставилъ къ груди мечъ и говоритъ: Скажи мнѣ скорѣе свое имя и родъ, или ты разстанешься здѣсь съ жизнью. Отвѣчалъ Алибрандъ: Теперъ-то я и не скажу его, ибо отнынѣ мнѣ жизнь ни почемъ, когда побѣдилъ меня такой старый, сѣдой гусь. — Говорить Гильдибрандъ: Если хочешь сохранить жизнь, то говори скорѣе; коли ты сынъ мой Алибрандъ, то я отецъ твой Гильдибрандъ! Тутъ отвѣтъ держалъ молодецъ: Коли ты Гильдибрандъ, мой отецъ, то я твой сынъ Алибрандъ. — Скоро вставалъ съ него Гильдибрандъ, а Алибрандъ поднимался на ноги, цѣловались они и спознавались другъ съ другомъ. Очень обрадовался Гильдибрандъ сыну своему Алибранду, а Алибрандъ отцу своему Гильдибранду. Вскочили они на своихъ коней и поѣхали домой къ замку».

рое мы привели въ текстѣ, то получится схема, во всемъ отвѣчающая русскимъ былинамъ, разсмотрѣннымъ нами подъ № II, за исключеніемъ ихъ развязки:

1. Поѣздка Ильи и Добрыни = Гильдебранта и Конрада.
2. Илья-Гильтебрантъ встрѣчается съ сыномъ; описывается вооруженіе молодца; съ нимъ выжлецы и соколъ — ястребъ.
3. Бой идетъ сначала конный, потомъ пѣшій.
4. (Нѣм. сильный ударъ, нанесенный сыномъ, устрашаетъ отца—; русск. Илья падаетъ подъ ударомъ сына). Илья-Гильдебрантъ повергаетъ юнаго богатыря на землю и допрашиваетъ его.

Аттрибуты нашего Сокольника-охотничка не могутъ быть случайными, и это ведетъ къ дальнѣйшему вопросу. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ о Гильдебрандѣ старый витязь возвращается домой послѣ продолжительной отлучки, сынъ выѣхалъ изъ дома, очевидно, охотиться, иначе непонятны въ пересказѣ сѣверной саги, сопровождающія его собаки и ястребъ. Какъ поняты отношенія отца и сына въ русскихъ былинахъ, именно въ группѣ № II? Кто у себя дома — отецъ или сынъ? Рѣшающимъ для меня являются выжлець и соколъ: они не показываютъ на заѣзжаго богатыря. Пріѣзжалъ, стало быть, Илья Муромецъ? Я не рѣшусь отвѣтить на это положительно, какъ не могу придать рѣшающаго значенія Рыбн. II, № 64, хотя заключеніе былины и укладывается въ этотъ планъ: расправившись съ Соловникомъ, Илья Муромецъ поѣхалъ къ Кіеву

Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
 Бьетъ челомъ, поклоняется:
 «Ужь ты солпушко, Владимиръ князь, стольно-Кіевскій!
 Ты прими меня во служеніе,
 Граду Кіеву на стереженіе». (Сл. Гильф. № 114, въ концѣ).

Такъ ѣдетъ къ Кіеву и Чурила (сл. выше, стр. 115 слѣд.) и Алѣша (сл. выше, стр. 281) въ пѣсняхъ, въ которыхъ эта черта не традиціонна.

Если Сокольникъ-охотникъ не могъ прїѣзжать издалека, то тѣмъ самымъ схему былинной группы № III, гдѣ Илья является защитникомъ Кіева противъ наѣзжей паленицы, слѣдуетъ признать поздней, навѣянной, быть можетъ, тѣми пѣснями, гдѣ такимъ защитникомъ выступаетъ юный богатырь (Михайло Даниловичъ, Ермакъ, Василій пьяница)¹⁾: въ нашемъ случаѣ были-бы только переставлены роли. Что и въ группѣ № III наѣзжій молодецъ являлся сокольникомъ-охотникомъ, тому доказательствомъ Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12, гдѣ у палиницы

На правѣй руки у нѣй-то соловей сидитъ,
На лѣвѣй руки да жавролёночекъ.

Я не знаю, какъ объяснить названіе Соловникова, Соловника въ относящемся сюда Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14. Простымъ-ли искаженіемъ изъ сокольника, какъ и въ Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12 соловей замѣнилъ сокола (Соловей — соловникъ?). Либо соловникъ = црквнослав. славъникъ? «Какы ли славникы небѣныѣ. ѿггль не почтоше. ни помышьше что то ксть. славникъ члчкыхъ оусоумгшесе паче»; въ греч. текстѣ: «Ποίαν δоруφορίαν ούράνιον και ἀγγελικὴν μὴ τιμήσαντες μηδὲ ἐννοήσαντες, δоруφορίαν ἀνθρωπίνην ἐδυσωπήθησαν»²⁾. Миклошичъ, Lex. а. в. славъникъ переводитъ славъници — *δоруφορία, satellitium*. — Слѣдуетъ замѣтить въ той-же былинѣ особенность въ описаніи боя: Илья бьетъ Соловника въ голову три раза и тотъ «не стрянется». Это напоминаетъ пѣсню о Святогорѣ: русскій могучій богатырь ударилъ его копьемъ по плечамъ, а онъ только проговорилъ: «Какъ кусаютъ мухи русскія да дѣ-больня» (Гильф. № 119).

Что касается до I-й изъ разобранныхъ нами пѣсенныхъ группъ (см. также во 2-й группѣ былины съ мотивомъ заставы), то мнѣ представляется здѣсь вѣроятнымъ внѣшнее вліяніе плана

¹⁾ Сл. Южно-русскія былины I.

²⁾ Шестодневъ Іоанна Эксарха Болгарскаго, изд. Бодянскимъ, въ Чтен. Импер. Общ. Ист. и Древн. 1879, III, л. ли, лци.

былины о гибели богатырей (Кир. IV, стр. 108—115): она также открывается заставой, на которой, въ числѣ семи богатырей, стоять Алеша Поповичъ, Добрыня, Илья; является Татаринъ, бусурманченокъ, противъ котораго выѣзжаетъ Добрыня, за нимъ Алеша; уже послѣ того былина выводитъ на сцену Илью, принимающаго участіе въ общей сѣчѣ. — Былина о боѣ у Кир. I, № 5, стр. 7—10 (сл. начало Кир. VII, Приложенія стр. 1—7) представляетъ тоже вступленіе: застава, появленіе проѣзжаго молодца, который иногда и называется Татарченкомъ-бусурманченкомъ (Кир. I, № 1—3, стр. 1—6); противъ него выѣзжаютъ другъ за другомъ Алеша, Добрыня, Илья; мѣсто дѣйствія — Сафать рѣка, какъ въ былинѣ о гибели богатырей. Обращу вниманіе и на совпаденіе запѣвовъ: въ былинѣ о гибели послѣдовательное появленіе Добрыни, Алеши и Ильи вызываетъ повтореніе однихъ и тѣхъ-же стиховъ:

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водой.

То-же въ пѣснѣ о боѣ (Кир. I, № 5, стр. 7—10; сл. ib. VII Приложенія стр. 1—7, № 1); я только поставилъ Софу-рѣку вмѣсто Днѣпра:

На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтчикѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца яснаго,
Отъ сна Илья пробуждается.
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
Пошелъ Илья на Софу-рѣку,
На Софу-рѣку умыватися.

III.

Группа 2-ая выдѣляется, такимъ образомъ, для меня, какъ представляющая древнѣйшій типъ былины. Если стать на мою точку зрѣнія, то происхожденіе другихъ типовъ (I и 3-го) объяс-

нить будетъ легко. Во второй группѣ, т. е. въ ея древнемъ оригиналѣ, кievское приуроченіе отсутствовало, бой совершался въ одну изъ поѣздокъ Ильи: онъ наѣзжалъ на «сокольника». Позднѣе, когда Илья присталъ къ Кіеву, явился главнымъ стоятелемъ за нимъ, планъ мотива измѣнился: наѣзжалъ уже сокольникъ и Илья выходилъ къ нему на встрѣчу, чтобы помѣряться съ нимъ. Здѣсь представлялась возможность двойкой дифференціаціи: Илья выѣзжалъ противъ поединщика (группа № 3), либо стоялъ съ другими на заставѣ, когда ему пришлось вѣдаться съ пріѣзжимъ богатыремъ (группа № 1). Представленіе «заставы» всего глубже проникло въ былинный сюжетъ: мы встрѣтили его и въ пѣсняхъ, отнесенныхъ нами ко 2-й группѣ. Заставой открывалась и другая былина о боѣ: пѣсня о гибели богатырей на Руси; вліяніе ея запѣва на начальную сцену нашей былины представляется мнѣ вѣроятнымъ для нашей первой группы.

Труднѣе привести въ какую нибудь генеалогическую связь имена, съ которыми является мать сокольника, и то что о ней рассказывается въ пѣсняхъ. Въ группѣ 1-й ея имя: Латыгорка, Латымирка, Владимирка, Горынинка, Горынчанка (Амелфа); во второй: Сиверьянична и Горынинка («я того короля Задонскаго»), Авдотья Горынчанка, Златыгорка: въ 3-й: Натальюшка, честная вдова, Семигорка — баба да Владимирка. Преобладаетъ имя производное отъ *гора*; въ двухъ пѣсняхъ 2-й группы, гдѣ мать сокольника названа Сиверьяничной, самъ сокольникъ говорить о себѣ, что онъ «изъ *золотой орды*», «*золотничанинъ*»; такъ еще въ одной былинѣ Рыби. III, № 17 = Гильф. № 65, гдѣ Добрыня, замѣнившій Илью, бьется съ Бухарскимъ королемъ изъ *золотой орды*, котораго отсылаетъ къ матери съ челобитьемъ. Былина, какъ мы видѣли, сводная, но прозвище по золотой ордѣ интересно: я не прочь сблизить его съ однимъ изъ варянговъ имени матери: *Златыгорка*, т. е. Латыгорка (сл. латырь и златырь). Съ другой стороны Горынинка одной пѣсни 2-й группы называетъ себя королевной Задонской, а выше (стр. 316—17)

было указано, что она тождественна съ Авдотьей Горынчанкой, которую Илья одолѣлъ въ чистомъ полѣ, отъ которой прижиль сына Бориса: съ нимъ онъ и бьется впоследствии, тогда какъ Добрыня вѣдается съ его матерью. Если въ той-же пѣснѣ первой группы сынъ Ильи названъ «Збуть Борисъ королевичъ младъ» (сл. Рыбн. III, № 17 = Гильф. № 65: король), то это также указываетъ на царское происхожденіе его матери — тождественной съ Сиверьяничной, которая говоритъ о себѣ въ одной пѣснѣ 2-й группы: онъ (Илья) меня въ полѣ побилъ, со мною грѣхъ творилъ и т. д. Мы получаемъ уравненіе: Горынчанка (Латыгорка и т. д.) = Сиверьянична = королева. Ея отношенія къ Ильѣ, лишь намѣченныя въ пѣсняхъ всѣхъ 3-хъ группъ, являются главнымъ образомъ развитыми въ группѣ 2-й, которую, съ другихъ точекъ зрѣнія, мы признали болѣе древнею. Былина о трехъ поѣздкахъ Ильи (Кир. I, стр. 88—9, № 2; Гильф. № 221, 264; Рыбн. II, № 62 и друг.) знаетъ также о какихъ-то его отношеніяхъ къ «королевичѣ», очевидно, не досказанныхъ: Илья доѣхалъ до распутія и направился по дорогѣ, на которой было написано, что ему «женату быть». Этого ему не случилось; королевична встрѣчаетъ его, приглашаетъ лечь на кровать «волшебную», «подложную», но Илья, догадавшись объ ея коварствѣ, кладетъ её туда самъ, и она проваливается въ погреба глубокіе, откуда Илья выпускаетъ заключенныхъ ею богатырей; её самое онъ размыкалъ жеребцами, а богатырямъ роздалъ все богатство.

Коварство королевичны, ничѣмъ не объясненное, получаетъ смыслъ, если мы сопоставимъ ее съ паленицей-королевой второй группы: ея враждебное появленіе въ развязкѣ одной пѣсни и одной побывальщины, очевидно, мотивировано мстью, какъ и вражда сына къ отцу. Съ сыномъ расправляется Илья, съ матерью Добрыня при помощи Ильи. Добрыня хочетъ убить её, но она взмолилась Ильѣ, обѣщаетъ показать погребецъ съ золотой казною. Богатыри дивуются злату серебру; оглянулся Илья, а тѣмъ временемъ Добрыня бабѣ голову срубилъ (Кир. I,

стр. 11—15, № 6). Обѣщаніе показать погребъ было, быть можетъ, такой-же коварной уловкой, отводомъ глазъ, какъ приглашеніе на постель, устроенную надъ западней.

Въ пѣсняхъ I и III-й группы, сократившихъ роль матери, трагическая развязка исчезла, не потому чтобъ она выпала, какъ выше (стр. 324) мы объяснили въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ отсутствіе трагической развязки при сынѣ; здѣсь она замѣнена другою: мать просто указываетъ сыну, побѣжденному неизвѣстнымъ ему старымъ богатыремъ, что онъ и есть его отецъ, а въ нѣкоторыхъ вариантахъ даже наказываетъ Сокольнику — поклониться ему, если встрѣтитъ его въ полѣ. Только двѣ пѣсни удержали, но въ подновленномъ видѣ, трагическій исходъ, заставивъ — сына покуситься на жизнь матери ¹⁾.

¹⁾ Библиографія распространеннаго пѣсеннаго и сказачнаго сюжета о борьбѣ отца съ сыномъ была собираема и пополняема не разъ. Я надѣялся открыть нѣчто новое въ брошюрѣ Heinrich von Wislowski, Eine Hildebrands-Ballade der transsilvanischen Zigeuner (Лpz. 1880), но жестоко ошибся, повѣривъ заглавію: паренъ убиваетъ въ лѣсу странника, бросаетъ его трупъ въ «священную рѣку» и спѣшитъ къ матери Bakilo съ платомъ (Tuch), который онъ взялъ у убитаго. По немъ мать узнаетъ, что ея сынъ убилъ собственнаго своего отца, Thagar'a. — Съ мотивомъ баллады о Гильдебрандѣ эта пѣсня ничего не имѣетъ общаго, какъ «священная рѣка» съ Гангомъ, память котораго будто-бы сохранили на своихъ далекихъ странствованіяхъ Цыгане.

Х.

Алексѣй Поповичъ и Тугаринъ — Илья Муромецъ и Идолище.

Разбирая пѣсни о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ я указалъ на черты сходства между вступительной сценой ихъ первой группы и былинной о «гибели богатырей». Я присоединю къ этимъ сближеніямъ еще одно, открывающее намъ любопытныя точки зрѣнія на процессы пѣсеннаго сложенія — и искаженія.

До насъ дошла одна полная былина (Кирша Даниловъ, стр. 180—94 = Кир. II, № 1, стр. 70—80 = Сахаровъ, Сказ. русск. народа, т. I, 1841 г.: Народныя русскія быliny, стр. 22—26), два прозаическихъ пересказа (Потанинъ, Юго-Западная часть Томской губерніи, Этнограф. Сборн. VI, 102—4; Аванасьевъ, Нар. Русск. Ск., № 177) и двѣ эпизодическихъ пѣсни (Рыбн. III, № 20, Гильф. № 99) объ Алешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ. Былина Кирши представляетъ довольно запутанный сводъ разнообразныхъ былевыхъ мотивовъ, значительно затрудняющій уясненіе ея первоначальнаго содержанія — если не вѣрнѣе будетъ говорить о содержаніи двухъ пѣсенъ, сплотившихся другъ съ другомъ и вдобавокъ притянувшихъ къ себѣ общія мѣста

нѣкоторыхъ другихъ былинь. — Въ виду сложности вопроса я разобью былину на нѣсколько мелкихъ отдѣловъ, значеніе которыхъ уяснится намъ при дальнѣйшей попыткѣ возстановленія.

1. «Два могучіе богатыря», Алѣша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ, выѣзжаютъ изъ Ростова (обычная въ позднѣйшую пору локалізація Алѣши) въ поле чистое, наѣхали на «горючъ камень» при распутіи; на камнѣ надпись: одна дорога лежитъ въ Муромѣ, другая въ Черниговѣ, третья въ Кіевѣ, «ко ласкову князю Владиміру». Алѣша держитъ поворотъ къ Кіеву.

Не доѣхавши они до Сафать-рѣки,
 Становились на лугахъ на зеленныхъ,
 Надо Алѣшѣ покормить добрыхъ коней;
 Разставили тутъ два бѣла шатра,
 Что изволилъ Алѣша опочивъ держать.
 А и мало время позагѣшавши
 Молодой Екимъ со добры кони
 Стреноживши въ зеленъ лугъ пустилъ,
 Самъ ложился въ свой шатерь опочивъ держать.
 Прошла та ночь осенняя,
 Ото сна пробуждается,
 Встаетъ рано ранешенько,
 Утренней зарею умывается,
 Бѣлою ширинкой утирается,
 На востокъ онъ Алѣша Богу молится.
 Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
 Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
 А сводилъ ихъ конь на Сафать-рѣву.

2. Велѣвъ осѣдлатъ ихъ, Алѣша вмѣстѣ съ Екимомъ ѣдетъ къ Кіеву; на встрѣчу имъ калика переходжій, говоритъ:

Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
 Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
 Промежь плечей косая сажень,
 Промежу глазъ калена стрѣла;
 Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
 Изъ хайлища пламень пышетъ,
 Изъ ушей дымъ столбомъ стоптъ.

Алеша мѣняется съ каликой платьемъ, беретъ у него его лапотки, «шляпу Сорочинскую, земли греческой» и шеленугу подорожную,

3. идетъ за Сафать рѣку, гдѣ встрѣчается съ Тугаринымъ Змѣвичемъ, бьется съ нимъ и «отрѣзалъ ему голову прочь». Возвращаясь къ шатрамъ въ цвѣтномъ платьѣ Тугарина, онъ не узналъ ни Екимомъ, ни каликой: Екимъ Ивановичъ, принявъ его за Тугарина, бросаетъ въ него палицей и угодилъ прямо во груди бѣлыя. Упалъ Алеша; Екимъ сѣлъ на него, собираетъ его доканать, когда увидѣлъ на немъ «золотъ чуденъ крестъ» и призналъ своего «брата родимаго».

Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ переходящему:
 «По грѣхомъ надо мной Екимомъ учинилося,
 Что убихъ своего брата родимаго!»
 И стали его оба трясти и качать,
 И потомъ подали ему питья заморскаго:
 Оттого онъ здравъ сталъ.
 Стали они говорить и между собою платьемъ мѣнять:
 Калика свое платье надѣвалъ каличье,
 А Алеша свое богатырское,

 И поѣхали все ко городу ко Кіеву,

4. гдѣ Владиміръ ихъ учествовалъ, сажаетъ Алешу въ большое мѣсто, но онъ садится «со своими товарищи на полатной брусъ».

Мы видѣли, что Тугаринъ — убитъ въ бою съ Алешей, между тѣмъ теперь его несутъ на «доскѣ красна золота» двѣнадцать богатырей, сажаютъ въ мѣсто большее подлѣ княгини Апраксѣвны.

А Тугаринъ Змѣвичъ не честно хлѣба ѣсть,
 По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть,
 Тѣ ковриги монастырскія;
 И не честно Тугаринъ питья пьеть,
 По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
 Котора чаша въ полтретья ведра.

И говорилъ втапору Алѣша Поповичъ младъ:
 «Гой еси ты, ласковой сударь Владиміръ князь!
 Что у тебя за болванъ пришелъ,
 Что за дуракъ неотесаной?
 Не честно у князя за столомъ сидѣть,
 Ко книжникъ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ,
 Цѣлуетъ во уста сахарныя,
 Тебѣ князю насмѣхается.
 А у моего сударя батюшки
 Была собачица старая,
 Насилу по подстолью таскалася,
 И костью та собака подавилася:
 Взялъ её за хвостъ, подъ гору махнулъ;
 Отъ меня Тугарину то-же будетъ!»
 Тугаринъ почернѣлъ какъ осенняя ночь.

5. На столъ подають «лебедушку бѣлую»;

И ту ружала княгиня лебедь бѣлую,
 Обрѣзала рученку хлѣвую,
 Завернула рукавцомъ, подъ столъ опустила,
 Говорила таково слово:
 «Гой вы еси, княгини-боярыни,
 Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
 Либо смотрѣть на мнѣ животъ,
 На молода Тугарина Змѣевича».

6. Тугаринъ проглатываетъ за-разъ цѣлую лебедь и ковригу
 монастырскую. Алеша глумится:

«Гой еси, ласковой осударь Владиміръ князь,
 Что у тебя за болванъ сидитъ,
 Что за дуракъ неотесаной?
 Не честно за столомъ сидѣть,
 Не честно хлѣба съ солью ѣсть,
 По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть,
 И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ.
 У моего сударя батюшки,
 Федора попа Ростовскаго,
 Была коровица старая,

Наслу по двору таскалася:
 Забилася на поварню къ поварамъ,
 Выпила чаю браги прѣсня,
 Оттого она лопнула, —
 Взявъ за хвостъ, подъ гору махнулъ:
 Отъ меня Тугарину то-же будетъ!
 Тугаринъ потемнѣлъ какъ осення ночь,
 Выдернулъ чингалище булатное,
 Бросилъ въ Алёшу Поповича;
 Алёша на то-то вертокъ былъ,
 Не могъ Тугаринъ попасть въ него.
 Подхватилъ чингалище Екимъ Ивановичъ,
 Говорилъ Алёшѣ Поповичу:
 «Самъ-ли ты бросаешь въ него, али мнѣ велишь?»
 — Нѣтъ, я самъ не бросаю и тебѣ не везю!
 Заутра съ нимъ перевѣдаюсь;

7. Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
 А бьюсь о своей буйной головѣ. —
 Втапору князи и бояра
 Скочили на рѣзвы ноги
 И всѣ за Тугарина поруки держать:
 Князи владуть по сту рублей,
 Бояра по пятидесять, крестьяне по пяти рублей;
 Тутъ-же случилися гости купеческіе,
 Три корабля свои подисывають
 Подъ Тугарина Змѣевича,
 Всяки товары заморскіе,
 Которы стоятъ на быстромъ Дибрѣ;
 А за Алёшу подисывалъ владыка Черниговской.
8. Втапору Тугаринъ и вонъ ушелъ,
 Садился на своего добра коня,
 Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать.

Княгиня упрекаетъ Алёшу, что онъ не далъ посидѣть ея другу милому; а Алёша поѣхалъ съ товарищами на Сафатъ-рѣку, сталъ въ шатрахъ и всю ночь молится, чтобы Господь послалъ тучу грозную съ дождемъ и градомъ, подмочило-бы бумажныя крылья

у Тугарина. Молитва услышана, Тугаринъ падаетъ на землю, и Алеша съѣхавшись съ нимъ, прибѣгаетъ къ такому-же обману, какъ Александръ въ битвѣ съ Поромъ въ пересказѣ сербской Александріи: говоритъ, что Тугаринъ обѣщаль биться съ нимъ одинъ на одинъ, а привелъ за собой несмиѣтную силу. Тугаринъ оглянулся, а Алеша пользуется этимъ, чтобъ срубить ему голову, которую привозитъ въ Кіевъ и бросаетъ «среди двора княженецкаго».

9. Говорилъ Владиміръ князь:
 «Гой еси, Алеша Поновичъ младъ!
 Чась ты мнѣ свѣтъ далъ!
 Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
 Служи мнѣ князю Владиміру,
 До люби тебя пожалую.

А княгиня бранитъ его деревенщиной, засельщиной за то, что разлучилъ её «съ другомъ милымъ» — и Алеша не остается у ней въ долгу.

Былина Рыбн. III, № 20 приблизительно отвѣчаетъ 5 и слѣд. §§ пересказанной нами пѣсни: въ Кіевѣ «объявилось новое чудовище», Тугаринъ Змѣевичъ; за столомъ онъ глотаетъ по цѣлой лебеди и по чарѣ заразъ; Алеша, сынъ Левонтыя попа Ростовскаго, глумится надъ нимъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ большой пѣсни; Тугаринъ бросаетъ въ него ножомъ, который налету подхватываетъ слуга Алешинъ, «Акимъ Паробокъ». Онъ спрашиваетъ Алешу: самъ-ли онъ пойдетъ «супротивиться» съ Тугаринымъ, или его пошлетъ. «Не куда уйдетъ гагара безногая», отвѣчаетъ тотъ; слѣдующій за тѣмъ бой описанъ кратко:

Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,
 Стрѣтилъ Тугарина Змѣевича,
 И убилъ Тугарина Змѣевича.

Описаніемъ этого боя (§ 8 большой былины) ограничивается Гильф. № 99; у Тугарина бумажныя крылья, онъ названъ Идолицемъ («Задолице») поганымъ; но подробности боя иныя. — Сказка, напечатанная Аѳанасьевымъ III, № 177 и сохранив-

шая ясныя слѣды пѣсеннаго склада, начинается съ рожденія Алеша (отецъ: Леонтій попъ) и выѣзда его въ Кіевъ съ Марышкою Парановымъ сыномъ (= Акимъ Паробокъ); Тугаринъ Змѣвичъ обнасилъ Кіевъ, обнимается съ княгиней, по ковригѣ за щеку, по другой за другую кладетъ, на языкъ кладетъ цѣлаго лебедя, «пирогомъ попихнулъ, все вдругъ проглотнулъ». Слѣдуетъ перебранка съ Алешей, въ котораго Тугаринъ пускаетъ ножомъ; Алеша подхватываетъ его; Марышко бросаетъ Тугарина «о палату бѣлокаменну», проситъ ножа, чтобъ покончить съ нимъ, но Алеша велитъ отпустить его въ поле, гдѣ онъ съ нимъ вѣдается на другой день. Тугаринъ летаетъ по поднебесью, но по молитвѣ Алеша дождь подмочилъ его «крыльица бумажныя», и онъ палъ на сыру землю. Въ битвѣ съ нимъ повалился Алеша, но успѣлъ увернуться подъ «конное чѣрево» и убиваетъ Тугарина, голову котораго везетъ въ Кіевъ ¹⁾.

Обратимся къ разбору большой былины у Кирши.

I.

Она, несомнѣнно, сводная, представляетъ контаминацію двухъ пѣсенъ, въ которыхъ одинаково являлся Алеша; и та и другая заключались его поединкомъ съ врагомъ. Контаминація, принадлежащая, вѣроятно, новѣйшему времени, такъ какъ еще ясны слѣды механическаго свода. Обѣ части нынѣ сводной былины кончались смертью Алешина противника, и это обстоятельство удержано вмѣстѣ съ именемъ врага, убитаго въ первомъ бою и снова являющагося въ последнемъ. Первый происходилъ на Сафатъ-рѣкѣ; такъ могло быть въ первой пѣснѣ; далѣе Алеша ѣдетъ въ Кіевъ, происходитъ извѣстная сцена съ Туга-

¹⁾ Сказка о Фодорѣ Тугаринѣ и Анастасіи Прекрасной, у Аванасьева I, № 95 не имѣетъ ничего общаго съ Тугаринымъ былинъ, кромѣ той черты, что ковь Фодора, попавшия три зари на росѣ «ставъ носить въ пол-дерева, на другій день паверхъ дерева, на третій па *поднебесью*».

ринимъ при дворѣ Владиміра, а послѣдній поединокъ съ Тугаринымъ опять перенесенъ на Сафать. Ясно, что локалізація первой пѣсни повліяла на вторую, какъ, наоборотъ, эпизодъ, которымъ открывалась вторая (§ 2), проникъ въ составъ первой, гдѣ онъ, очевидно, не у мѣста: я разумѣю введеніе калики и вызванный имъ двоякій мотивъ переодѣванія (Алеша переодѣвается каликой, затѣмъ наряжается въ цвѣтное платье Тугарина).

Первая пѣснь могла обнимать §§ 1 и 3; я сомнѣваюсь, чтобы въ ней уже находилось имя Тугарина. Алеша выѣхалъ съ Акимомъ Ивановичемъ на Сафать-рѣку, гдѣ бьется съ врагомъ. Это — схема пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ, группа I-ая¹⁾, и былины о гибели богатырей. Послѣднюю напоминаетъ въ особенности § 3: Алеша, возвращаясь съ боя въ одеждѣ Тугарина, убить своимъ братомъ (названнымъ?) Акимомъ, который оживляетъ его питьемъ заморскимъ. Я приравниваю къ этому эпизоду сходный въ пѣснѣ о гибели богатырей: Добрыня убить Татаринимъ въ схваткѣ на Сафать-рѣкѣ; Алеша (его названный братъ) оживляетъ его при помощи живой и мертвой воды, за которыми воронъ слеталъ на синѣ-море.

Оживленіе Алеши дало возможность приплести къ этой пѣснѣ другую, содержаніе которой обнимало § 2 и §§ 4—9: я разумѣю общія очертанія былины, не обращая пока вниманія на позднѣйшіе наросты, на которыя укажу далѣе. Алеша ѣхалъ къ Кіеву; калика переходящій говорилъ ему о Тугаринѣ; переодѣвшись въ каличье платье, богатырь приходитъ въ Кіевъ, гдѣ на пиру перебранивается съ Тугаринымъ, котораго потомъ и убиваетъ въ схваткѣ.

Хорошимъ подтвержденіемъ моего анализа является прозаическій пересказъ той-же былины, записанный (къ сожалѣнію по памяти) въ Томской губерніи Потанинымъ. Ъдутъ два богатыря, Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ, подъѣзжаютъ

¹⁾ См. также въ началѣ былины — распутія, напоминающія такое-же вступленіе въ старину объ Алешѣ (Ефименко I. с., № VII, стр. 25 слѣд.), кончающуюся боемъ Ильи съ сыномъ.

къ розстанямъ: одна дорога ведетъ въ Кіевъ градъ, другая въ Путиловъ градъ; Алеша хочетъ ѣхать по второй, но Екимъ его отговариваетъ. Далѣ новыя розстани: одна дорога въ Кіевъ, другая въ Черниговъ; новыя колебанія Алеши, и снова Екимъ уговариваетъ его держать путь къ Кіеву. Возлѣ дороги дерево, на немъ черный воронъ, съ вѣтки на вѣтку перелетываетъ, словно надъ богатырями насмѣхается. Алеша собирается подстрѣлить его, но тотъ провѣщился: пусть не тратитъ стрѣлу по напрасну, а ѣдетъ въ Кіевъ, гдѣ въ гостяхъ у Владимира живетъ Тугаринъ Змѣевичъ, живетъ не два, а ровно три года, и князь ему не радъ. — Приѣзжаютъ богатыри въ Кіевъ; Алеша Поповичъ не садится въ мѣсто богатырское, а на печной столбъ; приказываетъ Екиму Ивановичу принести коверъ и показываетъ его князю: всѣ удивляются коврѹ. Слѣдуетъ перебранка съ Тугаринымъ, вышивающимъ за-разъ по ведру вина, проглатывающимъ по ковригѣ, и типическая для этого круга былинъ замѣтка Алѣши: объ отцовской коровѣ, выпившей черезъ мѣру («ведро гущи»). Тугарину это за бѣду стало: въ поединкѣ съ Алешей онъ также поднимается на бумажныхъ крыльяхъ, но по молитвѣ русскаго богатыря сдѣлалась гроза, крылья подмокли и врагъ упалъ на землю. Алеша отрубилъ ему голову и сталъ звать Екима Ивановича; тотъ разбѣжался, не разглядѣлъ хорошенько Алѣшу, повалилъ его, началъ бить и спохватился лишь когда тотъ подалъ голосъ. Возвращаясь въ Кіевъ Алеша знаетъ, что всѣ будутъ рады его подвигу, не рада одна Апраксѣвна; голову Тугарина онъ бросаетъ посреди двора: «вотъ, могучіе богатыри, мячикъ потѣшатся»; а княгиня вышла на крыльцо и сказала: «Стыдно доброму молодцу смѣяться надъ буйною головой добраго молодца».

Новымъ въ этой былинѣ является общее мѣсто о вѣщемъ воронѣ ¹⁾, замѣнившее эпизодъ о каликѣ. Послѣдній, вѣроятно, находился въ оригиналѣ былины; несомнѣнно во всякомъ случаѣ,

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ см. выше, стр. 138.

что въ Кіевъ Алѣша является *переводнымъ*, ему и отводится небогатырское мѣсто, на печномъ столбѣ (въ былинѣ: «на полатномъ брусь»); судя по подробности о коврѣ, можно предположить что онъ явился — купцомъ. Съ другой стороны въ Потанинскомъ пересказѣ нѣтъ перваго поединка съ Тугаринымъ, и ошибка Акима отнесена къ послѣдней битвѣ съ нимъ Алѣши. Это увѣченіе Акима напомнило какому-нибудь сказителю сходныя черты въ былинѣ «о гибелн богатырей», и онъ перенесъ соотвѣтствующія подробности пѣсни о Тугаринѣ къ ея началу, опустивъ ея тамъ гдѣ она была у мѣста, т. е. въ концѣ.

Освобожденная отъ этихъ искаженій и приставокъ была обѣ Алѣшѣ и Тугаринѣ отвѣчаетъ схемѣ былинъ обѣ Ильѣ и Идолицѣ. Почти тѣ-же подробности, иногда однѣ и тѣ-же выраженія.

Я указалъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, что мѣсто дѣйствія пѣсенъ обѣ Идолицѣ колеблется между Кіевомъ и Царьградомъ. Въ слѣ

¹⁾ Сл. Южно-русскія былины I, стр. 53 слѣд. — *Былины обѣ Ильѣ и Идолицѣ*: Рыбн. I, № 15 (Кіевъ, Одолице, Идолице), 16 (прозаическій пересказъ Ильѣ ѣдетъ въ Идолицкое царство), 17 (Царьградъ, Идолице = Гильф. № 48, III, № 7 (= Гильф. № 144: Кіевъ, Татаринъ), 8 (Идолице, мѣстнаго опредѣленія нѣтъ), 9 (Царьградъ, Идолица); Кир. IV, № 4, стр. 18—21 (Кіевъ, Идолице), № 5, стр. 22—38 (Иерусалимъ = Царьградъ, Одолице); *ib.* I Прилож. стр. XIV—XVI (изъ Сахаровской сказки: Кіевъ, Идолице), стр. XXI—XXI (изъ сказки у Аванасьева: Кіевъ, Идолица); Гильф. № 4 (Кіевъ, Татаринъ = Идолице), 22 (Кіевъ; Батыга Батыговичъ = Одолице), 106 (Кіевъ, Идолице) № 120 (Одолице въ городѣ Кряковѣ?), 144 (Кіевъ, Татаринъ = Идолице) 178 (Кіевъ, Идолице), 186 (Кіевъ, Идолице), 196 (Царьградъ, Идолице) 232 (Царьградъ, Идолице), 245 (Кіевъ, Батыга Батыговичъ = Идолице). — Сл. Барсовъ, Памятники народнаго творчества въ Олонекской губерніи (СПб. 1873): Ильѣ Муромецъ, № 1-й, стр. 22—29 (первая половина пѣсни и № 2-й, стр. 29—34 (Царьградъ). Сл. соотвѣтствующій эпизодъ въ крайне испорченной сводной былинѣ у Ефименка, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, ч. 2, № VIII, стр. 82 слѣд.: старини про Ильѣ Муромца. — Эпизодъ обѣ Идолицѣ, убитомъ Ильѣю, включенъ въ нѣкоторые пересказы былины о Дюкѣ (см. выше, стр. 137—8); Одолице какъ эпитетъ, прозвище врага вообще см. въ былинѣ обѣ Иванѣ Годиновицѣ Кир. III, № 1, стр. 9 слѣд.); какъ эпитетъ Горыница поганого, любовника Марины у Гильф. № 122. — Былины обѣ Ильѣ и голяхъ кабацкихъ (Гильф. №№ 220, 239, 249, 257, 281) и Каликѣ-богатырѣ (*ib.* №№ 101, 207) — эпизоды пѣсни обѣ Идолицѣ. — Сл. Миллеръ, Ильѣ Муромецъ, стр. 739 слѣд.

дующей характеристикѣ ихъ, примѣнительно къ былинѣ объ Алешѣ и Тугаринѣ, я не обращаю вниманіе на эти отмѣны.

Илья ѣдетъ въ Кіевъ — или Царьградъ — который обна-
сильничалъ Идолище поганое (Одолище поганое — Батыга
Батыговичъ, у Гильф. № 22; Татаринъ ib. № 144; Издолина
Рыбн. III, № 9; Мамай въ пѣснѣ у Ефименка, № VIII).
Вѣсти о томъ сообщаетъ Ильѣ калика, встрѣтившійся съ нимъ
на пути. Такъ въ 7 былинахъ изъ 11. Не по старому въ Кіевѣ
звонъ звонять, говорить онъ,

Не просятъ милостыни спасенныя:
Обнасильничалъ Идолище поганое,
Сидитъ у князя въ новомъ теремѣ,
У княгини держитъ руки въ пазухѣ.

(Кир. IV, № 4, стр. 18 слѣд.); или:

Сидитъ Татаринъ между княземъ и княгиною,
Не даетъ волюшки князю со княгиной думу подумати

(Гильф. № 144);

А къ царици сидитъ онъ лядининомъ,
А къ царю Костянтину Боголюбовичу,
А къ царю сидитъ онъ хребтнининомъ

(ib. № 196);

Во Цари-гради есть вѣра не по старому,
Въ Иеросолимѣ есть вѣра не по прежнему,
Тамъ обесилило проклятое Идолище,
Сидитъ между царемъ, между царицею,
Межь Сурьвлывимъ Васильемъ Боголюбовимъ.

(Барсовъ, I. с. № 2, стр. 29—30).

Часто это описаніе дополняется характеристикой роста и ги-
гантскаго аппетита Идолища:

Въ долину Одолище пяти сажень,
Промежду плечми у Одолища коса сажень,

Головища его какъ пивной котель,
Глаза у него какъ чаши питейныя,
Носище какъ палка дровокóльная.

(Кир. IV, № 5, стр. 23; сл. Гильф. №№ 48, 196);

Онъ по кулю да хлѣба къ выти ѣсть,
По ведру вина да онъ на разъ-то пьеть

(Гильф. № 4 и др.).

— Помѣнявшись платьемъ съ каликой переходимъ, Илья приходитъ въ Кіевъ — или Царьградъ — на царскій дворъ милостыню просить, и завязывается его разговоръ съ Идолицемъ: великъ-ли у васъ казакъ да Илья Муромецъ, по многу-ли ѣсть и пьеть? Илья отвѣчаетъ:

Не огромный нашъ казакъ да Илья Муромецъ,
Ужъ онъ такъ великъ какъ я же естъ

(Гильф. № 4);

Ростомъ возрастомъ онъ ровѣнь со мною

(Кир. IV, № 5, стр. 28; сл. Гильф. №№ 22, 48, 196).

Его аппетитъ, столь-же скромный, вызываетъ похвальбу врага, типически повторяющуюся въ однихъ и тѣхъ-же, либо сходныхъ образахъ, напр.

Я по хлѣбу кладу за щеку,
А по дрúтому кладу я за другую,
Лебедь бѣлую на закусочку,
Ведро мѣрное да на запивочку

(Гильф. № 178; Барсовъ, I. с. № 2, стр. 33 и друг. Сл. еще сказку объ Алешѣ у Аѳанасьева).

Какой это богатырь, говоритъ Идолице объ Ильѣ:

А былъ-бы то вѣдь здѣ да богатырь тотъ,
Какъ я бы тутъ его на долонь-ту клалъ,
Другой рукой опять бы сверху прижалъ,
А тутъ бы еще да вѣдь блннь-то сталь.

(Гильф. № 48; сл. *ibid.* № 144; Кир. IV, № 5, стр. 29).

Въ лубочной сказкѣ «идолице просить есть, и принесли ему быка целова жирнова, и онъ ево и с костью съелъ. И ідолица попросилъ пить, и принесли котель пива, а несли 12 члѣкъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ его весь. — Илья Муромецъ говоритъ: Была у моего батюшки кобыла обжерлива, обожралась и издохла»¹⁾. Таковъ и обычный отвѣтъ Ильи въ былинахъ:

Какъ у моего было у батюшка
 Большобрюхая коровища обжорнцо,
 Она много ѣла-пила, да и лопнула

(Гильф. № 178);

У насъ какъ у попа было ростовскаго
 Какъ была что корова обжориста,
 А много она ѣла, пила, тутъ и трѣснула,
 Тебѣ-то бы поганому да также быть

(ib. № 48);

Какъ у нашего попа да Левонтья да Ростовскаго
 Какъ бывала тутъ коровища обжорнца и т. д.

(ib. № 4).

Съ Левонтіемъ ростовскимъ попомъ мы не только возвращаемся къ Алешину роду, какъ онъ установился въ былинахъ, но и къ нашей пѣснѣ о Тугаринѣ, гдѣ мы встрѣтили тоже общее мѣсто (§ 6: У моего сударя батюшка, Ѳедора попа Ростовскаго и т. д.), тогда какъ другое (1. с. § 4: А у моего сударя батюшки Была собачища старая и т. д.) попалась мнѣ въ одной изъ былинъ объ Идолицѣ (Ефименко, 1. с. № VIII, стр. 35):

А была у Владиміра собака обжорлива,
 По подотолью собака подилася,
 Косъемъ та собака подавилася,
 Тутъ собакѣ и смерть пришла.

(Сл. Кир. IV, № 5, стр. 29: Встарь было у князя у Владиміра,—
 Было коровище обжористо).

¹⁾ Д. Ровинскій, Русскія народныя картинки, кн. I: История о славномъ и о храбромъ богатыре Ильѣ Муромце и о Соловьѣ разбойнике, стр. 7.

Разгнѣванный этими насмѣшками Идолище бросаетъ въ Илью ножемъ, но тотъ отвернулся во время и самъ убиваетъ противника, либо шляпой земли греческой, либо клюкой сорочинскою; или онъ ударяетъ Идолищемъ о сыру землю и т. п. Только у Рыбн. III, № 8 и въ сводной былинѣ у Барсова (I. с. № 1, стр. 25) дѣло кончается боемъ:

Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ широкò поле,
Отвѣдаемъ-ко силы богатырской! —
— Съѣхались богатыри въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Шля Муромецъ
Одолища поганого на сѣмяна.

Легко убѣдиться, что былина объ Идолищѣ совершенно отвѣчаетъ пѣснѣ о Тугаринѣ. Разница — въ именахъ дѣйствующихъ лицъ: Алеша и Илья; Тугаринъ Змѣевичъ и Идолище. Вспомнимъ, что у Гильф. № 99 самъ Тугаринъ названъ Идолищемъ («Задолеще»), а въ Сказаніи о кievскихъ богатыряхъ «какъ ходили во Царьградъ» онъ является, рядомъ съ Идолищемъ жидовскимъ, Идоломъ Скоропитомъ (по буславск. списку) или Скоропѣвичемъ (списокъ Барсова), въ числѣ противниковъ русскихъ богатырей. Скоропитъ, Скоропѣвичъ = Змѣевичъ ¹⁾; Тугаринъ такой-же Идолъ Скоропѣвичъ. — Какъ Идолище обнасилничалъ Кіевъ-Царьградъ, такъ и Тугаринъ въ пѣснѣ объ Алешѣ: иначе трудно объяснить благодарственные рѣчи къ нему Владиміра, когда онъ низложилъ врага (сл. § 9). Идолище обнасилилъ божьи церкви, святыя образа (сл. Гильф. № 48), не даетъ воли князю съ княгиней, «у княгини держать руки въ пазухѣ» (Кир. IV, стр. 18 слѣд.). Былина объ Алешѣ развила послѣдній мотивъ новымъ: любовныя слабости Апраксѣвны къ каликѣ Михайлѣ и Чурилѣ уже сложились, вѣроятно, въ былевой типъ, когда насильничаніе Тугарина было понято какъ пріятное — именно княгинѣ: что

¹⁾ Сл. Разысканія въ области русск. духовн. стиховъ I: Св. Георгій, стр. 115—116, прим. 2. Въ романскихъ нарѣчіяхъ лат. *escorpio* переходитъ къ значенію ящерицы (пров. *estrapioun*), саламандры и даже сверчка, какъ, наоборотъ, слав. *ящерь*, *яшуръ* обозначаетъ и ящерицу, и змѣю, и мышь.

онъ кладеть ей руки въ пазуху (§ 4) могло быть уже въ старой пѣснѣ, но смыслъ этого акта измѣнился, когда княгиня въ состояніи такъ залюбоваться на Тугарина, что порѣзала себѣ руку, рушая лебедь бѣлую. Вспомнимъ тотъ-же эпизодъ въ пѣснѣ о Чурилѣ, Гильф. № 223:

Прекрасная княгиня-та Апраксія
 Да рушала мясо лебедіной,
 Смотрячійсь-де на красоту Чурилову,
 Обрѣзала да руку бѣлу правую,
 Сама говорила таково слово:
 «Да не дивуйте-ко вы жены господскіе,
 Да что обрѣзала я руку бѣлу правую:
 Да помѣшался у меня разумъ въ буйной головѣ,
 Да помутились у мнѣ-де очи ясныя,
 Да смотрячійсь-де на красоту Чурилову.

Бой съ Тугариномъ, заканчивающій былину, обыкновенно разнится въ подробностяхъ отъ боя Ильи съ Идолицемъ. Эта разница не на столько существенна, чтобъ она могла ослабить впечатлѣніе родства и почти тождества, которое раскрылось намъ изъ сличенія двухъ былинъ: объ Идолицѣ и Тугаринѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, у Рыби. III, № 8, черты положительнаго тождества: Идолице «ѣздитъ подъ облакой», а Илья молитъ о дождѣ, «чтобы подмочило у Идолица добра коня крылатаго, Опустилось бы Идолице на сыру землю, Поѣхало-бъ Идолице по чисту полю». Лишь когда врагъ спустился на землю, Илья вступаетъ съ нимъ въ бой; стало быть, какъ въ былинѣ объ Алешѣ. Что до одного мелкаго эпизода послѣдней, связаннаго съ рассказомъ о боѣ, то онъ едва-ли оригиналенъ: какъ за Тугарина держатъ поруки князья и бояре и гости купеческіе, а за Алешу владыка Черниговскій, такъ и въ одной пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Кир. III, № 3, стр. 5:

За князя Владиміра держатъ поруки крѣпкія
 Всѣ тутъ князи и бояра, туто-де, гости корабельщичи,
 Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;

А нѣкто-де тутъ за Ивана поруки не держитъ, —
 Пригодился тутъ владыка Черниговской,
 А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
 Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей, —
 Подписался.

II.

Чередованіе именъ Ильи и Алеши въ былинахъ совершенно одинаковаго содержанія и направленія ставитъ вопросъ о причинахъ этой смѣны и о времени, когда она совершилась. Предполагать её поздней нельзя; типъ Алеши, какъ онъ теперь и, вѣроятно, задолго передъ тѣмъ, сложился въ пѣсенномъ эпосѣ, не ладился-бы въ одной и той-же роли съ Ильей. Я предполагаю что и былина о Тугаринѣ съ Алешей и пѣсни объ Идолищѣ — продукты разможенія болѣе древняго сказанія, на составъ котораго можетъ отчасти указать «Сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ».

Разбирая былины объ Идолищѣ и о Голяхъ кабацкихъ ¹⁾, фабула которыхъ является приуроченной то къ Кіеву, то къ Царьграду, я замѣтилъ, что въ ихъ прототипѣ Кіевъ и Царьградъ уже имѣли мѣсто: Илья ѣздилъ у Царьграда, когда Кіевомъ одолѣло Идолище; отслуживъ царю Константину, Илья снова ѣдетъ въ Кіевъ. Эта двойственность мѣста дѣйствія и вызвала, вѣроятно, смѣшеніе эпизодовъ (Идолище, Голи Кабацкіе), первоначально приуроченныхъ къ Кіеву или Царьграду, а нынѣ рассказывающихся безразлично о томъ и другомъ ²⁾. Былина № 232 Гильф. распредѣляетъ ихъ такимъ образомъ, что сцена съ Голями, вызвавшая неудовольствіе Ильи на князя и его удаленіе, помѣщена въ Кіевѣ, а бой съ Идолищемъ въ Царьградѣ. «Было-ли такое именно распредѣленіе эпизодовъ первоначальнымъ — на это едва-ли возможно отвѣтить положительно» ³⁾. Въ настоящее время

¹⁾ Сл. Южно-русскія былины I, стр. 53 слѣд.

²⁾ *ib.* стр. 58.

³⁾ *ib.* стр. 59.

я склоненъ видѣть въ Гильф. № 232 древнѣйшій видъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ объ Идолицѣ, за которыми поднимается болѣе древній типъ пѣсни — въ Сказаніи о хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ.

Сказаніе это дошло до насъ въ двухъ спискахъ: XVII (Барсова)¹⁾ и XVIII вѣка (Буслаева)²⁾, сохранившихъ въ неодинаковой мѣрѣ складъ былеваго стиха, но несомнѣнно восходящихъ къ одному и тому-же пѣсенному тексту, такъ что, пользуясь тѣмъ и другимъ, можно приблизительно возстановить схему подлинника. Барсовскому списку принадлежитъ преимущество языка, болѣе древняго и народнаго, за то встрѣчаются пропуски и дублеты, не объяснимые эпическимъ повтореніемъ. Такъ въ самомъ началѣ Барсовскій текстъ представляетъ несомнѣнный пропускъ обычнаго заглавія: описанія княжескаго пира:

Во столномъ славнемъ граде Кieve
Говорить князь Владимиръ Всеславичъ Кіевской.

Въ спискѣ Буслаева:

*В столномъ было градъ Кіевъ,
У великаго князя Владимира,
Было пированье почестное
На многія князи и бояря
И на сильныя могучія богатыри.
И какъ пошелъ пиръ новоселной,
И говоритъ князь Владимиръ Кіевски,*

говорить, что царь Константинъ посылаетъ на Кіевъ своихъ богатырей; такъ пусть русскіе богатыри стоятъ накрѣпко, берегутъ городъ.

И слышали русскія богатыри таково слово,
И пошли они изъ за стола не докушамши,
Бьютъ челомъ они великому князю Владимиру Кіевскому.

¹⁾ Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, откр. Е. В. Барсовымъ, въ приложеніи къ XI т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ, № 5.

²⁾ Пам. старинн. русск. литературы, II, стр. 311—5.

Слѣдуютъ имена богатырей; они говорятъ князю:

Государь ты, великой князь Владимиръ Кіевской!
 Не извадилсь мы, государь, дома сидѣть,
 Извадилсь мы, государь, сами ѣздить по полю по чистому,
 Побивать люди многія.
 Отпусти насъ, государь, во поле чистое,
 Мы тебѣ принесемъ вѣсть правую
 И языки приведемъ многія.

За отказомъ Владиміра «закручинились» богатыри, идутъ къ своимъ конямъ, снаряжаются и ѣдутъ прямо къ Царьграду.

Такъ въ Буслаевскомъ текстѣ. Въ Барсовскомъ спискѣ послѣдовательность несомнѣнно спутана, перечень богатырей попалъ не въ свое мѣсто; отсюда — повторенія. Когда Владиміръ велитъ богатырямъ беречь Кіевъ и не разъѣзжаться,

12 Бьютъ челою¹⁾ семь богатырей:
 Государь князь Владимиръ киевской Всеслаевичъ,
Отпусти насъ въ чистое поле,
Мы тебѣ, государю, прямыя вѣсти отдаемъ
И приведемъ тебѣ, государю, языка добраго,
 Тебѣ, государю, славу великую учинимъ,
 И себя, государь, въ честь введемъ,
 И всему твоему государству похвалу великую учинимъ,
 И многія орды острастимъ.
 А въговорятъ богатыри таково слово:
 Государь князь Владимиръ Кіевской!
Сторожемъ мы въ землѣ не извадимъ жить,
 Не доведетца намъ сторожами слыть!

Слѣдуютъ: «Имена богатыремъ» и затѣмъ повтореніе тѣхъ-же богатырскихъ рѣчей:

39 *Не извадилсь мы сторожемъ стеречи,*
 Только мы извадилсь въ чистомъ поле ѣздити,
 Побивать полки татарскіе.

¹⁾ Въ текстѣ вмѣсто «челою» — «въ столѣ». Сл. стихъ 56: Ударя челою.

*Отпусти насъ, государь, въ чистое поле,
Мы тебѣ, государю, прямыя вѣсти отвѣдаемъ,
Или тебѣ приведемъ языка добраго.*

Когда и теперь Владиміръ ихъ не отпускаетъ, они собираются въ отъѣздъ.

Сообщаю имена богатырей въ порядкѣ Барсовскаго текста; ихъ семеро ¹⁾:

Илья Муромецъ	—	Булс. тоже
Добрыня Никитиничъ	—	— — —
Дворянинъ Залѣшанинъ	—	— — —
Олеша Поповичъ	—	— — —
. . . щата Елизмиичъ	—	Булс. богатырь Гланить
Сухавъ Домонтьяновичъ	—	Булс. Сухавъ Домантьевичъ
Бѣлая Палица	—	Булс. дворянинъ Бѣлая Палица.

Барсовскій текстъ прибавляетъ характеристики: къ дворянину Залѣшанину: 28 «Серая свита, злаченые пугвицы»; къ Бѣлой Палицѣ:

33 «Краснымъ золотомъ украшена,
Четымъ жемчюгомъ увизана,
Посреде тоей палицы камень,
Самоцвѣтный пламень.

Богатыри ѣдутъ къ Царьграду; не доѣзжая двѣнадцати поприщъ (Булс. верстъ) до города, за Смугрой рѣкой, встрѣчаютъ двѣнадцать каликъ (въ Барс. спискѣ, несомнѣнно, по обмолвкѣ, они названы цареградскими богатырями), у нихъ атаманомъ Никита,

¹⁾ Число Владимировыхъ богатырей колеблется между 30, 12 и 7 (сл. Южно-русск. былины I, стр. 30); въ нашемъ Сказаніи Илья говоритъ, что въ Кіевѣ 32 богатыря. Возможенъ-ли вопросъ о большей, сравнительно, древности того или другого показанія — я не знаю. Семь и двѣнадцать одинаково принадлежатъ къ символическимъ числамъ; у Карла V. по Chansons de gestes обыкновенно 12 паладиновъ; въ греч. сказкѣ изъ Милоса (Νεοελληνικά Ἀναλέκτα I, стр. 29 слѣд. № 6: Ἡ Βασίλισσα καὶ ὁ Ἀράρης) δωδεκάδα толкуется какъ: οἱ βασιλικοὶ σύμβουλοι, οἱ αὐτικοί; ἡ βασίλισσα εἶχε συμμαζωμένη ὅλη τὴ δωδεκάδα и т. п.; въ Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως, ed. Wagner, у Ахилла двѣнадцать дружинниковъ: τοὺς δωδεκὰ ἐκράτησεν τοὺς ἤθελεν καὶ ἠγάπων, v. 257 и passim. Такимъ образомъ видѣть въ «двѣнадцати» нѣчто специально германское — нѣтъ никакого основанія. Сл. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, I, стр. 497—510: Ueber die Zwölffzahl bei den Germanen.

родомъ Карачевецъ (Барс. Никита Ивановичъ, родомъ Карачевецъ); они ходили въ Царьградъ вѣстей искать: собираются-ли тамошніе богатыри въ Кіевъ; и вѣсти эти оказались тѣ-же: похваляются богатыри взять Кіевъ на щиты, полонить князя со княгиней, «А удалыхъ богатырей, станныхъ людей подъ мечъ всѣхъ приклонити, А злато и серебро искатить телѣгами» (Барс.).— Алеша Поповичъ предлагаетъ каликамъ помѣняться съ ними одеждой, но тѣ соглашаются на то лишь по просьбѣ Ильи. — Оставивъ на Смугрѣ рѣкѣ своихъ коней и доспѣхи, въ каличьемъ платьѣ, съ палицами, спрятанными подъ полами гуни, богатыри идутъ къ Царьграду,

151 Да говорятъ межъ собою пословицу:

«Бога ради, богатыри,
Будьте къ татарскимъ речемъ стерпны».
Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:
«Всехъ у насъ пуще Олеша Поповичъ,
Что онъ де пьянъ или не пьянъ,
Изо всѣхъ насъ охочь бранится:
Тотъ у насъ богатырь кручиновать».

(въ Бусл. спискѣ это мѣсто, очевидно, непонято: *«Кто у насъ, братцы, говоритъ гораздъ языкомъ татарскимъ?»*. Отвѣчаетъ дворянинъ Залѣшанинъ, и отвѣтъ почти тотъ-же).

Калики-богатыри приходятъ на царскій дворъ просить милостыни, когда тамъ идетъ пиръ, за которымъ сидятъ царскіе богатыри, въ числѣ ихъ: Идолъ Скоропѣвичъ (Бусл. Скоропичъ) и Тугаринъ Змѣвичъ. Константинъ велитъ Тугарину позвать каликъ въ палату и начинаетъ ихъ разспрашивать — откуда они. Противъ царя сидѣлъ Идолъ Скоропѣвичъ; его внѣшность изображаетъ лишь барсовское сказаніе:

181 А ростомъ добре не по обычею:

Межъ очима у него стрѣла ладится,
Межъ плечми у него болшая сажень,
Очи у него, какъ чаши,
А голова у него, какъ пивной котель,
Посмотритъ на него — утрашится.

Идолъ велитъ Константину спросить у каликъ вѣстей о кievскихъ богатыряхъ, «каковы они ростомъ, прытостью» (Барс.), и за тѣмъ спрашиваетъ самъ (у Бусл. Константинъ):

199 Есть-ли у васъ славной богатырь Илья Муромецъ?
Каковъ онъ рожаемъ
И каковъ великъ ростомъ?

Илья отвѣчаетъ: 205 И ты, Государь смотри.... на меня;
у Бусл.:

И зговоритъ, стоячи, Илья Муромецъ:
«Ростомъ только съ меня и рожею походить на меня».
И зговоритъ тутъ спдючи Идолице великое насмѣхавчясь:
«Аще-ли правда, что онъ таковъ Илья Муромецъ,
И я его посажу на лодонь и другою раздавлю».

Этой похвалыбы нѣтъ у Барсова, у котораго, наоборотъ, мы встрѣтили описаніе гигантскихъ размѣровъ Идолица. Оба текста восполняютъ другъ друга.

Идолице говоритъ царю: пусть не мѣшкаетъ отпустить ихъ къ Кіеву, гдѣ они общаются учинить «сѣчу великую». Не полюбились эти слова Алешѣ, и онъ грозитъ Идолицу, что если пріѣдетъ въ Кіевъ, не узнаетъ дороги назадъ, и не бывать ему живу. Тотъ разгнѣвался.

235 Говоритъ дворянинъ Залѣшанпнъ:
«Съ твоего, государь, меду опился».
Говоритъ дворянинъ Залѣшанпнъ ¹⁾ Олешѣ Поповичю:
«Уймн свое сердце богатырское,
Не можно намъ тебя нажурить, ни наговорить».
240 Говоритъ Олеша Поповичъ:
«А онъ нашихъ богатырей ни во что ставитъ,
И великаго князя хулитъ
И Ильѣ посмѣхаетца.»
И Идолъ на него розкучинился.

¹⁾ У Бусл.: Товарищи.

Говорить дворянинъ Залѣшанинъ:
«Изъ ума, государь, онъ выпиваетца»

(Барс.; у Бусл. нѣтъ Барс. ст. 240—246; они могли представиться лишними).

247 Говорить Идолъ богатырь (у Бусл. Константинъ)

«Скажите калкии про кѣвскихъ богатырей
И каковы у нихъ лошади удалыя?»

250 И съ нимъ говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:

«По вся дни, государь, вѣдаемъ
И лошади богатырскіе знаемъ».

Говорить Идолъ-богатырь:

«Царь государь, вольно челоуѣкъ после розспрошать,

255 Вели, государь, показать имъ свои лошади царскія.»

Царь велѣлъ вывести свои лошади царскія.

Говорять калкии переходя:

«Лутче тѣхъ швапъ въ Кѣеве и простые лошади,
А на богатырскіе лошади пристрашно посмотреть».

260 Говорить Идолъ богатырь:

Вели, царь государь, показать имъ наши лошади богатырскіе»

(у Бусл. нѣтъ ст. 257—261: Идолъ-богатырь съ перваго раза просить царя показать каликамъ богатырскихъ коней).

262 Царь велѣлъ вывести лошади богатырскіе:

а.ю лошадь ведутъ Идола богатыря Скоропѣевича

на б.в. чепяхъ на зѣлотыхъ,

б.ю ведутъ лошадь молода Тугарина Зміевича

на а.и. чепяхъ серебряныхъ;

за тѣми ведутъ сорока дву богатырей. (Барс.)

Полюбились тѣ кони каликамъ; дворянинъ Залѣшанинъ говоритъ царю, что сверху (изъ палатъ) имъ нельзя разглядѣть ихъ и оцѣнить; они спускаются внизъ, и здѣсь у нихъ является мысль — завладѣть тѣми конями. Калкии овладѣваютъ ими съ бою и «изъ града поѣхали до Смугры рѣки» (Барс.; Бусл. «изъ града вонъ»). Роль Алешы Поповича въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ неясна:

306 Добрыхъ коней единъ у царя остался на дворѣ,
И тотъ Алешѣ Поповичю.

- Воротился Алеша пѣшь во Царьгородъ,
 [А коня покинулъ на Смугръ рѣкъ],
 310 Да говоритъ Алеша Поповичъ
 Царю Костянтину таково слово:
 «Потому мы, царь, у тебя лошади не всѣ емлемъ,
 Что хотимъ мы съ твоими богатыри
 Въ чистомъ поле свидетися,
 315 И ихъ прытость увидети,
 И будемъ мы опять съ твоими богатыри во Царѣградѣ.
 И изговоря Олеша,
 Поѣхали богатыри къ Смугрѣ рѣкѣ,
 Да кладутъ на себя доспѣхи крѣпкія и т. д. (Барс.)

Иначе у Бусл.: богатыри

(И) сѣли на добрые кони и поѣхали из града вонъ.
 Одинъ остался тутъ младъ Алеша Поповичъ,
 А самъ говоритъ царю таково слово:
 «Потому естъ поѣхали изъ града вонъ,
 Что оставили мы своихъ коней богатырскихъ у Смугры рѣки,
 А хотимъ мы съ тобою и съ твоими богатыри перевѣдаться».
 И удара челомъ царю и поѣхалъ прочь
 До своихъ товарищевъ.

Сравненіи ст. 309 Барс. съ соответствующимъ стихомъ Бусл. указываетъ, что первый попалъ не въ свое мѣсто и стоитъ внѣ связи. Положеніе, можетъ быть, такое: богатыри разобрали коней, одинъ остался, которымъ завладѣетъ Алеша; передъ тѣмъ онъ говоритъ царю, что русскіе богатыри завладѣли конями, потому что оставили своихъ на Смугрѣ, и не всѣхъ забрали (Барс. 312: не всѣ емлемъ?), чтобы было на чемъ выѣхать противъ нихъ цареградскимъ богатырямъ. — Они дѣйствительно пускаются въ погоню за похитителями: Бусл. *погоню великою*; Барс.: съ *великою поганою* силою; можетъ быть, по ошибкѣ, но въ уровень съ міросозерцаніемъ писца или сказителя Барс., очевидно уже ставшаго на почву современныхъ намъ былинъ и безъ оглядки вводившаго въ цареградское сказаніе *орды и полки татарскіе*. — Еще разъ выступаетъ на сцену Алеша Поповичъ, въ двухъ стихахъ Бусл.

(Постойте, братцы, малехенько, — Дайте мнѣ съ ними перевѣдаться и поперегися), пространнѣе у Барс.:

325 Говорить Олеша Поповичъ:

«Государи мои товарищи!
 Потерпите малехонько,
 Дайте мнѣ поправить
 Свое сердце богатырское.
 Богатырское сердце не стерпчиво,
 Хочеть и послѣднюю орду побити, похвалу доспѣти».
 Свиснуль, крикнуль богатырскимъ голосомъ:
 «Потерпите малехонько,
 Дайте мнѣ теперво
 Съ ними одному поправиться:
 Хочу себѣ похвалу доспѣти
 Чтобъ увидѣль царь Костянтинъ,
 И дошла-бъ наша похвала
 До князя Владимера».

Изъ дальнѣйшаго не видно, чтобъ желаніе Алеши осуществилось въ пѣснѣ, потому что имя его болѣе не встрѣчается. — Слѣдуетъ описаніе боя: свиснули, крикнули русскіе богатыри богатырскимъ голосомъ,

344 Отъ свисту и отъ крику

Лѣсъ росъзстпаетца,
 Трава постпаетца,
 Добрые кони на окарашки падаютъ,
 Худыя кони и живы не бывали.
 Не птнички соловьи въ дубровѣ просвистали,

350 Свиснули, гаркнули русскія богатыри

Илья Муромецъ съ товарищи.

(Сл. выше, Барс. ст. 299—300, въ эпизодѣ о расхищеніи коней: Не птнички соловьи рано въ дубровѣ просвистали, Свиснули, гаркнули богатыри богатырскимъ голосомъ).

352 Говорить цареградцкой богатырь Идолъ Скоропѣвичъ:

«Государи мои товарищи,

Сердце ся у меня ужаснудо, трепещется,
И голова вкругъ обходить,
И очима не мощно на свѣтъ глядѣть

(сл. выше, стр. 320, въ былинѣ о боѣ Ильи съ сыномъ, слова Соловника: А нунычу у меня топерь у мѡлодца — Рѣчистъ языкъ топерь мѣшается, — Мозги въ головы потрясаются, — А со ясныхъ очей еще видъ теряется). Пугается и Тугаринъ: «храбрость наша — преложися на тихость», говоритъ онъ (сл. въ сербской Александріи: «жалость моя на радость прѣврати се»). Всѣ цареградскіе богатыри перебиты, кромѣ Идола и Тугарина, которыхъ Илья съ товарищи привели къ царю; ѣздимъ мы безъ государева вѣдома, говорятъ они,

400 А похвалу есми видѣли твоихъ богатырей:
Похвала мужю — великая пагуба!

Цареградскіе витязи поплатились за свою похвальбу, какъ русскіе въ былинѣ о гибели богатырей, ибо

всегда гнило слово похвальное,
Похвала живеть человѣку пагуба

(Повѣсть о Горѣ и Злочастіи).

Идоломъ Скоропитомъ или Скоропѣвичемъ богатыри бьютъ челомъ царю Константину, а Тугарина везутъ въ Кіевъ, чтобы было съ чѣмъ ко князю Владиміру явиться; но по просьбѣ Тугариновой матери, которую поддерживаетъ царица Елена, отпускаютъ его впоследствии въ Царьградъ съ тѣмъ, чтобы «ямъ на Русь не бывать вѣкъ по вѣку» (Барс.). Такую острastку задали имъ русскіе богатыри, что когда Владиміръ спрашиваетъ Тугарина о «вѣстяхъ» («что у васъ вѣсти въ Царьградѣ?» Бусл.), онъ отвѣчаетъ: что меня, государь, о вѣстяхъ спрашиваетъ?

476 «У тебя, государя, вотчины не во вѣхъ-ли ордахъ?
А богатырей твоихъ удаче нѣтъ
И во вѣхъ земляхъ» (Барс.).

Таково содержаніе Сказанія, за которымъ необходимо предположить существованіе древней пѣсенной былины, случайно не сохранившейся въ современныхъ пересказахъ, на сколько позволено судить по ея отсутствію въ нашихъ обильныхъ повтореніяхъ сборникахъ. Что такая былина и въ такомъ именно видѣ дѣйствительно пѣлась, я позволяю себѣ заключить изъ пѣсни объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Кир. III, № 3, стр. 4 слѣд., ст. 19—21, 38—41, гдѣ въ числѣ трехъ «похваленыхъ» жеребцовъ Владиміра красуется и Тугариновъ. Мы встрѣтили его въ Сказаніи, онъ особо упомянутъ по поводу коней, полоненныхъ въ Царьградѣ русскими богатырями. И вотъ у Владиміра

Да третій жеребецъ полонень воронко,
Да который полонень во Большой Ордѣ,
Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Какъ у молода Тугарина Змѣевича.

Орда или даже Золотая Орда (ст. 134) вм. Царьграда не вызоветъ никакихъ сомнѣній.

Если обобщить содержаніе Сказанія, то оно представится слѣдующимъ: русскіе богатыри побиваютъ въ Царьградѣ непріятельскихъ богатырей, похвалявшихся обнасилничать Кіевъ. Этотъ типъ подлежалъ дальнѣйшему развитію: угроза приводилась въ исполненіе. Въ былинѣ Гильф. № 207 (Калика-богатырь) несмѣтная вражеская сила уже *стоитъ* на Почай-рѣкѣ,

Хочуть Кіевъ градъ да головней катить и т. д.

Калика-богатырь сообщаетъ о томъ въ Кіевѣ Алешѣ, Добрынѣ и Ильѣ, и всѣ вмѣстѣ, побивъ силу невѣрную, отдають честь Владиміру: «Мы прибили силу всю невѣрную». Сюда-же относится и Кир. I, № 3, стр. 56—58: Тугаринъ *подошелъ* подъ Кіевъ, Илья нѣтъ, вмѣсто него вѣдается съ врагомъ его жена: новый типъ, можетъ быть, навѣянный женою Ставра, какъ у Гильф. № 16 стр. 113—115 Илья является въ роли послѣдняго (жена: Офимья Александровна). Начало былины напоминаетъ запѣвъ Сказанія: Владиміръ говоритъ князьямъ-боярамъ:

Князья-бояря вы мои вѣрныя!
 А и головы у васъ разумныя!
 Изберите вы молодца изъ-промежь-себя,
 А я дамъ ему рать мою сильную;
 А кто съ нимъ пойдетъ, тотъ съ нимъ пойдетъ,
 А кто съ нимъ нейдетъ, тотъ останется
 Берегчи князя со княжиною.

(Сл. Сказаніе Барс.: *«И вы-бъ нынеча никуды не розгъжались—
 Берегчи-бы естя града Кіева, Приложе вамъ моя вотчины
 побѣречи»*). Князья-бояря посылають гонца за Ильей:

Спѣхомъ спѣши, рать въ поле веди
 На того-ли ворога на Загорсково,
 На Тугарина на Бѣлевича.

Илья въ то время «дома не лучилося», его жена Савишна одѣ-
 валась въ платьѣ богатырское, поѣхала къ Кіеву, гдѣ всѣ при-
 няли её за Илью по богатырскому скоку и свисту: «Пошла-де
 рать съ Ильей Муромцемъ, — А Тугарину-де съ нимъ не сдобро-
 вать», говорятъ Владиміру князья-бояре. И дѣйствительно:
 Тугаринъ убѣжалъ «въ свои улусы Загорскія», а Илья такъ
 и не узналъ, «кто за него бился съ Тугаринимъ».

Можно-было пойти еще и далѣе въ измѣненіи былиннаго типа:
 представимъ себѣ, что обнасильниченье — *совершилось*, что Идолъ
 и Тугаринъ сидятъ за столомъ — не Константина, а Владиміра.
 Тогда русскимъ богатырямъ придется спасать Кіевъ отъ Идолища
 или Тугарина; богатыри были въ отлучкѣ (здѣсь являлся самъ
 собою мотивъ непризнанія, оскорбленія, недовольства: мотивы,
 отчасти данныя уже въ Сказаніи), когда нашелъ врагъ, и возвра-
 щаются на подвигъ — при тѣхъ-же обстоятельствахъ, при кото-
 рыхъ совершается въ Сказаніи походъ семи богатырей въ Царь-
 градъ. — Наконецъ и Идолъ и Тугаринъ за столомъ Константина
 были поняты какъ насильники, и поѣздка кіевскихъ богатырей
 сама-собою обращалась въ спасительную — для Царьграда. Та-
 кимъ образомъ Сказаніе разлагалось — на былины объ Идолищѣ,
 съ протагонистомъ Ильей и двоякимъ приуроченіемъ въ Кіевѣ

или Царьградѣ, и на пѣснь о Тугаринѣ, въ которой роль Алеши была отчасти предуготовлена его появленіемъ въ Сказаніи. Эта роль даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на его древній типъ въ первичномъ составѣ русскаго эпоса: его хвастовство и задоръ еще не были банальными, когда его заставляли вѣдаться съ Тугаринымъ, а русскія лѣтописи, не помнящія Ильи, запомнили его имя, да Добрынино, въ числѣ «семидесяти храбровъ».

Предложенная мною родословная былинъ основана на убѣжденіи, что Сказаніе о семи богатыряхъ сохранило болѣе древнюю форму пѣсни, чѣмъ та, какая представляется позднѣе записанными ея пересказами. При обратномъ предположеніи, т. е. исходя изъ послѣднихъ, локализованныхъ то въ Кіевѣ, то въ Царьградѣ, трудно представить себѣ, какъ могъ сложиться и планъ Сказанія, и проникающая его идея; взявъ его за точку отправленія, мы поймемъ и распаденіе плана, и приниженіе идеи въ былинахъ, разложившихъ древнюю цѣльность и огрубившихъ мотивы. Именно поздняго сказителя долженъ былъ особенно привлечь эпизодъ съ Голями, возбудившій недовольство Ильи; въ Сказаніи богатыри недовольны тѣмъ, что Владимиръ обрекаетъ ихъ быть стражами земли, тогда какъ они «извадились въ чистомъ полѣ ѣздити», честь добывать себѣ и князю. Такому пѣвцу долженъ былъ прійтись по сердцу — бой русскаго богатыря съ вражьемъ, и онъ развилъ его въ обычной манерѣ. Въ этомъ отношеніи сопоставленіе Сказанія съ былинами поучительно: образъ Идола онѣ распространили новыми, вульгарными чертами; Тугаринъ Змѣевичъ обратился въ нѣчто фантастическое: онъ летаетъ на бумажныхъ крыльяхъ, пышетъ огнемъ. Въ Сказаніи еще нѣтъ ничего подобнаго: и Идолъ и Тугаринъ просто богатыри, змѣевичи, драконтопулы среднегреческаго эпоса, какъ я указалъ при другомъ случаѣ ¹⁾. — Я не отрицаю, что извѣстный шаржъ,

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1875, Апрель: Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ, стр. 774. Выраженное тамъ мнѣніе, что Тугаринъ не имя собственное, я не считаю болѣе своимъ.

доля чудеснаго, часто бываютъ присущи народному представленію врага. Онъ страшенъ — и потому его сила «нездѣшная», темная; «шелудивый» Бонякъ — вѣдунъ, перекликающійся съ волками; Тугаринъ могъ представиться въ образѣ греческаго или румынскаго драка, нашего сказочнаго змѣя, въ которомъ неуловимо сплелись очертанія богатыря и чудовищнаго звѣря.

Подъ Тугаринымъ нашихъ былинь разумѣютъ обыкновенно половецкаго хана Тугоркана (Тугортъканъ, Тугортъканъ, Тугторканъ, Торканъ, Туртканъ; виз. *Τογορτάχ, Τογορτά*). Если такъ, то и въ Идолѣ Скоропѣевичѣ, его эпическомъ дублетѣ, сохранились, быть можетъ, черты какого-нибудь реальнаго, историческаго лица, памятнаго народному преданію. Я указываю на Боняка, имя котораго связывается съ Тугоркановымъ и въ русскихъ, и въ византийскихъ лѣтописныхъ воспоминаніяхъ. Въ 1091 году Алексѣй Комнинъ, занятый борьбою съ Печенѣгами, обратился за помощью въ половецкіе улусы; когда онъ стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Эносѣ въ виду враговъ, явилась 40-тысячная половецкая орда подъ начальствомъ Тугоркана и Боняка (*Μχνιάχ*). Союзники были подозрительны: можно было ожидать, что прійдя на помощь византийцамъ, они стакнутся съ Печенѣгами — и вотъ императоръ пытается склонить ихъ на свою сторону: приглашаетъ къ себѣ ихъ вождей, роскошно угощаетъ ихъ за трапезой, расточаетъ подарки (*Anna Comn. Alex. VIII, 4: θαψιλῆ τοίνυν τράπεζαν αὐτοῖς παρατεθῆναι τοῖς ὀψοποιοῖς ἐπέταξε· καλῶς οὖν εὐωχηθέντας μετὰ ταῦτα φιλοφρονησάμενος αὐτοὺς καὶ παντοίων δωρεῶν ἀξιώσας, ὄρκον καὶ ὁμήρους ἐξ αὐτῶν ἤτειτο, ὑποπτέων τὸ τῆς γνώμης εὐεξαπάτητον*). Печенѣги были разбиты. — Позже мы видимъ того-же Тугоркана противникомъ Византіи. Въ Херсонѣ жилъ въ заточеніи претендентъ на греческій престоль, выдававшій себя за сына императора Диогена: Девгеневичъ нашихъ лѣтописей. Половцы помогли ему бѣжать изъ плѣна; Половецкіе князья, и съ ними Тугорканъ, вздумали возстановить его въ отцовскомъ наслѣдѣи. Новый походъ привелъ ихъ подѣ стѣны Адрианополя, защищаемаго Никифоромъ Вриенніемъ;

въ одной неудачной вылазкѣ молодой греческой витязь наскочилъ на Тугоркана и уже занесъ надъ нимъ ударъ, но едва не погибъ отъ руки Половцевъ, окружавшихъ хана.

Подъ 1094 годомъ наша лѣтопись говорить: «сотвори миръ Святополкъ съ Половци и поя собѣ жену дщерь Тугорканю». Въ 1096 году «воева Куря съ Половци у Переяславля и Устьѣ пожже, мѣсяца мая 24 день.... Сегоже мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополчь, къ Переяславлю, мѣсяца мая 30 . . . и сдѣя Господь въ тѣ день спасенье велико: мѣсяца июля въ 19 день побѣжени быша иноплеменици, и князя ихъ убиха Тугоркана, и сына его и ини князи; мнози врази наши ту падоша; на заутрѣ же налѣзоша Тугоркана мертва, и взя и Святополкъ, акы тестя и врага, и привезше и къ Киеву, погребоша и на Берестовѣмъ . . . И въ 20 того-же мѣсяца, въ пятюкъ, приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, къ Киеву внезапно, и мало въ градъ не вѣхаша Половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася на монастырь, и възгоша Стевановъ монастырь и деревнѣй Германечъ. И придоша на монастырь Печерскыи . . . и кликнуша около монастыря, и поставиша стяга два предъ враты монастырскими . . . Безбожные же сынове Измаилеви высѣкоша врата монастырю и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху, аще что обрѣтаху въ кельи; посемь възгоша домъ св. Владычицѣ нашея Богородица, и придоша къ церкви, и зажгоша двери, яже къ угу устроении, и вторыя, иже къ сѣверу, и влѣзше въ притворъ у гроба Θεодосыва, емлюще иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и законъ нашъ». Всё это — по грѣхамъ нашимъ, размышляетъ лѣтописецъ, припоминая по поводу безбожныхъ Измаильтянъ-Половцевъ, испешшихъ «отъ пустына Етривьскыя» — сказаніе о нечистыхъ народахъ, заклепанныхъ Александромъ Великимъ въ горѣ и имѣющихъ явиться оттуда — въ концѣ вѣка.

Лѣтописныя сказанія о Тугорканѣ и Бонякѣ даютъ намъ — не канву нашихъ былинъ о Тугаринѣ и Идолицѣ, а развѣ матерьялъ, вошедшій въ ихъ оригиналъ, близкій къ Сказанію, хотя

съ нимъ и не тождественный. Тѣ-же двойственныя отношенія къ Кіеву и Византіи, тамъ и здѣсь; Половецкіе ханы за столомъ Алексѣя Комнина напоминаютъ Тугарина и Идолице на пиру — Константина или Владиміра; къ древней репутаціи Половца-сыроядца восходитъ, быть можетъ, невѣроятная прозорливость Идолица. Я не стану сближать схватку греческаго витязя и Тугоркана подъ стѣнами Адрианополя съ поединкомъ Алѣши и Тугарина, но родственныя отношенія Святослава къ Тугоркану, «тестю и врагу», могли лечь въ основаніе отношеній Тугарина къ Владимиру — и Апраксіи.

Возстановить изъ сообщенныхъ историческихъ данныхъ очертанія нашихъ былинъ, очевидно, не мыслимо, но между тѣми и другими могло находиться утраченное звѣно древняго пѣсеннаго преданія, въ которомъ Половцы играли роль, переятую впоследствии Татарами, и историческій фонъ выступалъ яснѣе. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ народовъ, испытавшихъ иго Половцевъ, они не могли пройти безслѣдно. Имъ интересовались; та редакція греческой Александріи, которая легла въ основу сербской, ввела Кумановъ-Половцевъ вмѣсто Скивовъ Псевдокалисѣена С и даже дала имъ въ цари какого-то Алтамышя; въ славяно-русскихъ Вопросахъ и Отвѣтахъ, въ ряду символическихъ обозначеній народовъ, явилось новое: «Куманинъ пардось есть», и авторъ Слова о Полку Игоревѣ запомнилъ этотъ эпитетъ («пардуже гнѣздо»), хотя ему знакомы и другіе, болѣе народныя: онъ говоритъ о «поганыхъ», «желѣзныхъ, великихъ» полкахъ Половецкихъ; Половцы у него «дѣти бѣсови», Половчинъ — «чръный воронъ». Какъ-бы вѣяніе степной поэзіи прошло надъ нѣкоторыми эпизодами Слова; въ той народной средѣ, которую оно предполагаетъ, это вѣяніе должно было ощущаться сильнѣе. Къ тому вело долгое общеніе народовъ, не только враждебное, но и мирное: русскіе умикаютъ «красныя дѣвки Половецкыя (Сл. о П. И.) и сами заживаются въ улусахъ кочевниковъ; князья вступаютъ въ бракъ съ половецкими князьями; когда Игорь убѣжалъ изъ плѣна, Гзакъ говоритъ Кончаку:

(Игорь) къ гнѣзду летить, соколча (Игорева сына Владимира) ростреляевѣ своимъ злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею» (Сл. о П. И.). — Новая связь явилась, когда Христіанство стало проникать и къ Половцамъ; укажу лишь на легенду о «плѣнномъ Половчинѣ». — При такомъ сближеніи народностей легко предположить, что у насъ не только пѣли пѣсни о Половцахъ, но и вторили пѣснямъ Половецкимъ. Очевидно, первыя имѣются въ виду въ томъ эпизодѣ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ готскія дѣвы поютъ на берегу синяго моря про «время Бусово, лелѣютъ мечь Шаруканю»; отрывокъ половецкихъ пѣсень или преданій, еще отзывающихся ароматомъ степи, сохранился въ нашей лѣтописи подъ 1201 годомъ. Рассказывается, будто-бы Владиміръ Мономахъ губилъ Половцевъ, загнавъ «Отрока во Обезы за Желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю(?)... По смерти же Володимерѣ оставшю у Сыръчана единомуу гудьцю-же, Ореви, посла и во Обезы, река: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой-же ему пѣсни Половецкія; оже ти невосхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евпанъ.— Оному же не восхотѣвшю обратитися ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рече: Да луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чужѣ славу быти. И приде въ свою землю; отъ него-же родившюся Концаку, иже спесе Сулу, пѣшь ходя, кошель нося на плечеву».

Старыя пѣсни о Половцахъ потеряны, но многія изъ нихъ могли сохраниться отдѣльными мотивами въ нашихъ былинахъ, подъ прикрытіемъ новыхъ именъ. Изъ подъ Татаръ намъ трудно разглядѣть Половцевъ. О Тугаринѣ мы уже сказали; въ былинахъ о Саулѣ Леванидовичѣ (сл. выше, гл. III, стр. 28) онъ ѣдетъ, по одному варьянту, «въ дальну орду, въ *Половецку* землю», (замѣненную въ другой пѣснѣ царствами: Латвискимъ, Литвинскимъ и Сорочинскимъ), гдѣ бьется съ *Татарами*; Татары въ былинѣ о Суровцѣ-Суздальцѣ, давшіе намъ поводъ (сл. выше,

гл. V, стр. 75) приблизительно датировать содержаніе пѣсни, можетъ быть, также заслонили собой Половцевъ, владѣвшихъ Сурожемъ до Татарскаго погрома. Кіевская легенда о Золотыхъ воротахъ, отразившаяся въ русскихъ пѣсняхъ о Михайлѣ Игнатьевичѣ (сл. Южно-русскія былины, гл. I)¹⁾, говоритъ о Татарахъ, но нельзя поручиться, чтобъ они не нахлопнулись на Половцевъ: припомнимъ кіевскій эпизодъ о Бонякѣ, о разгромѣ монастырей и дома «святыя Владычицы наша Богородицы» — и лѣтописную похвалю Бонякова сына Севенча, «дикаго Половчина»: «хощю сѣчи въ Золотая ворота, якоже и отецъ мой» (Ипат. лѣт. подъ 1151 г.). Царице Уланице, пораженный Михайломъ, можетъ быть, еще половецкій отзвукъ: сл. Valani = Куманы у Ruysbroeck'a; одна половецкая орда называлась Уланами (Улашевичи нашей лѣтописи?) и таково-же было имя ихъ хана. — Замѣтимъ, между прочимъ, что bagatur = богатырь встрѣчается уже въ Куманскомъ словарѣ²⁾.

Памяти о разгромахъ, побѣдахъ и пораженіяхъ по необходимости обобщались въ народной фантазіи, прикрываясь послѣднимъ казовымъ именемъ, сохраняя нерѣдко древнее приуроченіе, захватывая по пути посторонніе мотивы, накопляя раздѣленное временемъ, но сходное по образамъ и поэтической идеѣ. Такъ за эпической битвой въ Ронсевальскомъ ущельѣ чувствуется память не объ одномъ только пораженіи 778 года; пѣсни о боѣ на Косовомъ полѣ покоятся на событіяхъ 1389—1457 годовъ. — Конструировать эпосъ изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, общую схему эпоса — изъ частнаго, хотя-бы громкаго событія, отмѣченнаго хроникой, представляется, такимъ образомъ, приемомъ неметодичнымъ; возможнымъ, хотя и труднымъ, лишь обратный

¹⁾ Къ былинѣ, рассмотрѣнной тамъ подъ № 2, стр. 14—19, слѣдуетъ прибавить Рыбн. III, № 22.

²⁾ Codex Sumanicus p. 290 и 116. — Укажу кстати, что Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни Малорусскаго народа I, стр. 23 слѣд. усматриваютъ половецкіе мотивы въ пѣснѣ о боѣ молодца съ «Турскимъ царемъ».

путь. При подобныхъ условіяхъ хронологическій разборъ нашихъ былинь можетъ привести лишь къ приблизительнымъ выводамъ. Въ нашемъ случаѣ они были-бы слѣдующіе: Сказаніе о семи богатыряхъ восходитъ, въ своемъ прототипѣ, къ до-татарской эпохѣ, когда собирательнымъ центромъ русскаго эпоса былъ одинъ Владиміръ; въ дошедшихъ до насъ спискахъ Сказанія уже является татарская терминологія. Когда разразился погромъ XIII вѣка, получился новый, идеальный центръ для пѣсеннаго творчества — или претворенія: древніе враги были забыты, насильниками явились Калины и Батыги, противъ нихъ выступаютъ теперь русскіе богатыри, и старыя эпическія темы претворяются согласно съ новымъ поэтическимъ спросомъ. Былины объ Идолищѣ и Тугаринѣ стоятъ по сю сторону татарскаго погрома и даютъ матерьялъ для новаго развитія: однажды пріуроченный къ Кіеву, Тугаринъ изъ насильника дѣлается желаннымъ любовникомъ княгини, а на вопросъ, по чьимъ грѣхамъ Идолище обнасилничалъ Кіевъ, стихъ о Сорока Каликахъ отвѣчалъ, что за блудные помыслы Апраксіи на Михайла Касьяновича. Эпосъ помнитъ частную связь, не историческую послѣдовательность явленій, которую намъ приходится угадывать.

III.

Можетъ быть, къ позднимъ явленіямъ эпоса принадлежитъ связь Тугарина съ Добрыней.

Врагъ Добрыни, другъ Марины — змѣй Горынычъ, названъ иногда Притугалищемъ (Кир. II, стр. 41, № 1), Притугальникомъ (ib. стр. 48, № 4), Пугаринымъ Гагариновымъ (Рыбн. II, № 4), Тугаринымъ Зміевичемъ (Гильф. №№ 227, 241, 267, 288; Рыбн. III, № 19), Иваномъ Царевичемъ Туга-змѣевичемъ (ib. № 17); онъ живетъ на Тугихъ-горахъ (Гильф. №№ 64, 59); въ двухъ былинахъ Гильф. №№ 122, 316 любовникъ Марины названъ Татаринномъ, Одолищемъ поганымъ, Горынищемъ поганымъ; Идолищемъ.

Я полагаю, что отношенія Добрыни къ змѣю и Маринѣ древнѣе имени Тугарина — при Добрынѣ; другими словами, что бой съ змѣемъ и шашни Марины уже сложились въ пѣснѣ, когда кievская метаморфоза Тугарина, какъ насильника и любовника Апраксiн, дала поводъ перенести его имя на сходныя положенія, заставивъ Добрыню биться съ Притугалищемъ, а Мариану миловаться съ Тугаринымъ. Къ такому заключенію приводитъ меня одна группа фактовъ, односторонности которыхъ я не скрою: они касаются лишь мотива боя съ змѣемъ. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ извѣстными пѣснями о борьбѣ Добрыни съ Змѣемъ Горынычемъ, являющимся иногда съ прозвищемъ Притугалища, стоятъ отрывки пѣсенныхъ мотивовъ, указывающіе, что былевой эпосъ зналъ о другомъ поединкѣ Добрыни — съ Тугариномъ или Идолищемъ, и что этотъ бой онъ не смѣшивалъ съ предъидущимъ. Что пѣлось объ Алешѣ, пѣлось и о Добрынѣ; если дошедшія до насъ былины рассказываютъ о боѣ Добрыни съ Тугаринымъ эпизодически, то потому, вѣроятно, что въ пѣснѣ о последнемъ имя Алеша стояло прочнѣе, а при Добрынѣ привыкли поминать имя Горыныча. — Что до эпизода о Маринѣ, то здѣсь предполагаемое мною перенесеніе могло ограничиться — однимъ именемъ Тугарина.

Укажу на извѣстные мнѣ факты.

Левшинъ¹⁾ запомнилъ нѣсколько стиховъ изъ былины о Добрынѣ:

Издапча, издапча во чистомъ полѣ,
 Какъ далѣ того на украинѣ,
 Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодець,

¹⁾ Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ и т. д. ч. I (Москва 1807), стр. 133 и 139 въ прим. (цитата изъ Древнихъ Россійскихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ, изд. 2-ое, Предисловія стр. XXII—XXIII). Какъ помирить цитату Левшина съ Чулковской (Чулковъ, Русскія сказки, 3-е изд. 1820 г. ч. I, стр. 122, 123, у Кир. II, стр. 79 прим. *) — я не знаю, и Ровинскій (Русскія народныя картинки I, стр. 36, V, стр. 107) ничего не разъясняетъ.

Сильный могучь богатырь Добрыня,
 А Добрыня вѣдь-то, братцы, Няквѣвнчъ,
 И съ нимъ вѣдь ѣдетъ Торопъ слуга.

Послѣ описывался приѣздъ богатыря къ Владиміру и битва съ Тугаринымъ:

У Тугарина собаки крылья бумажныя,
 И летаетъ онъ собака по поднебесью.

Добрыня выходитъ побѣдителемъ: Тугаринъ падаетъ,

Упалъ онъ, собака, на сыру землю,
 А Добрыня ему голову свернулъ,
 Голову свернулъ, на копьѣ взоткнулъ.

Въ сказкѣ у Сахарова басурманскій богатырь Тугаринъ Змѣвичъ подступилъ подъ Кіевъ; по приказанію Владиміра три раза кличуть кличь, кто-бы вышелъ съ чудищемъ биться; богатыри прячутся другъ за друга; вызывается Добрыня, только что приѣхавшій изъ Новгорода(?). На утро бой. «Поднимается Тугаринъ выше лѣсу стоячаго; а у Тугарина, собаки, крылья бумажныя, и летаетъ онъ, собака, по поднебесью. Взвился конь подъ Добрынею выше лѣсу стоячева, до облака ходячева; самъ-то Добрыня мечемъ рубить Тугарина, а Торопъ-то пускаетъ калену стрѣлу въ Тугарина Змѣвича, въ его крылья бумажныя. И упалъ онъ, Тугаринъ, на сыру землю; и тутъ ему Добрыня голову свернулъ, на копьѣ взоткнулъ, и самъ коня ко граду Кіеву вернулъ» ¹⁾).

Ясно, что въ основѣ Сахаровской сказки, собственно отдѣла о битвѣ съ Тугаринымъ, лежалъ варьянтъ пѣсни, сходный съ Левшинскимъ. Слуга Добрыни — Торопъ, отвѣчающій «Акиму поробку» большой былины объ Алешѣ и Тугаринѣ, не встрѣчается болѣе въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ; можетъ быть, память о немъ сохранилась въ тѣхъ пересказахъ былины

¹⁾ Ровинскій, I. с. IV, стр. 67—8; Кир. П, Прилож. стр. X.

о боѣ Добрыни съ змѣемъ, гдѣ его сопровождаетъ «слуга», угоняющій его коня и уносящій ратную сбрую, чѣмъ и объясняется, необходимость Добрыни — биться одной шляпой «земли греческой»:

Младъ-то слуга да былъ онъ *тѣропокъ*,
А угвалъ-то у Добрынюшки добра коня

(Гильф. № 59; сл. № 123: дѣтинка неудакова). Для хронологіи былинь важно то обстоятельство, что наши лѣтописи, знавшія ихъ по болѣе древнимъ варьянтамъ, называютъ Торопомъ — слугу Александра, т. е. Алеши Поповича: такъ Никоновская лѣтопись подъ 1216 г. («Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славные богатыри» въ Липецкой битвѣ) и 1225 г. (битва при Калкѣ), одинъ хронографъ первой редакціи (подъ 1217 г.), Лѣтопись по списку типографской бібліотеки и Тверская (подъ 1224) ¹⁾. Древнее соединеніе именъ Добрыни и Алеши можетъ объяснить, какимъ образомъ Торопъ попалъ къ первому; положительный отвѣтъ на это невозможенъ, за неизмѣнимъ пѣсенъ о Добрыни, которыя отвѣчали-бы той — вѣроятно, одной пѣснѣ, — которую отрывочно передали Левшинъ и Чулковъ и пересказала Сахаровская сказка.

Что извѣстныя намъ русскія былины запомнили о боѣ Добрыни съ Тугариномъ, сводится къ эпизоду, неловко приуроченному къ пѣснѣ о «Добрыни въ отъѣздѣ» и очевидно развитому чужими мотивами.

Въ былинѣ Рыбн. II, № 5 Владиміръ глядитъ въ чисто поле, а тамъ

Летаетъ Невѣжинъ чернымъ ворономъ,
Грозитъ ему загрозою.

¹⁾ Сл. выше, стр. 275—6. Слуга Тарасъ упоминается при богатырѣ Демьянѣ Куденевицѣ, Никоновск. лѣт., въ II, С. Л. IX, 177—178, подъ 1148 годомъ. — Екимъ, вѣсто Торопа, при Алешѣ Поповицѣ, встрѣчается не только въ былинѣ у Кир. II, № 1, стр. 70—80, но и въ пѣснѣ о Дунаѣ, ib. III, № 4, стр. 72: «пожалуй одного мнѣ молодца, — Какъ-бы молодца Екима Ивановича, — Который служить Алешкѣ Поповичу».

Владимиръ спрашиваетъ богатырей: кто его повыручитъ? Илья указываетъ на Добрыню. — Былина, неоконченная въ этомъ варьянтѣ, досказывается въ слѣдующемъ (№ 6): Невѣжа летаетъ чернымъ ворономъ, проситъ поединщика; жребій выпадаетъ на Добрыню, который плачется на свою долю матери. Та предупреждаетъ его:

Невѣжа-то среди дня летаетъ чернымъ ворономъ,
По ночамъ ходитъ Змѣемъ *Тугариновымъ*,
А по зарямъ ходитъ добрымъ молодцемъ.

Когда станетъ купаться въ Почай-рѣкѣ, пусть не заплываешь за третью струю, не то съѣстъ его Невѣжа. Девять лѣтъ ѣздитъ Добрыня и не видитъ врага; бой съ нимъ происходитъ во время купанья: очевидно, мотивъ, изъ былинъ о боѣ Добрыни съ Горыничемъ. Убивъ Невѣжу, Добрыня ѣдетъ не въ Кіевъ — а въ королевство Заморское собирать дани-пошлины, чѣмъ объясняется въ другихъ былинахъ объ «отъѣздѣ» долгая отлучка Добрыни и предательское сватовство Алеши къ его женѣ. Къ этому сюжету переходитъ и нашъ пересказъ. — Я упоминаю здѣсь въ связи Рыбн. II, № 7: отъездъ Добрыни ничѣмъ не мотивированъ: Добрыня сѣтуетъ на свою долю, а мать утѣшаетъ его: «Хотѣла родить тебя добра молодца во смѣлаго Алешу Поповича — Выступкою щипать въ молода Чурилу Пленковича . . . Изъ туга лука стрѣлять въ *Тугарина* во Змѣевича во Заморскаго». Это, можетъ быть, указаніе на то, что въ прототипѣ былинны существовалъ эпизодъ о Тугаринѣ? Въ самой былинѣ ничего о томъ не говорится, какъ и у Рыбн. III, № 16, гдѣ Невѣжа вызываетъ поединщика, а службу эту накидываютъ на Добрыню, но въ дальнѣйшемъ развитіи нѣтъ ни встрѣчи съ врагомъ, ни боя. Сл. Гильф. №№ 215, 222. — Замѣтимъ, что въ послѣднихъ трехъ №№, какъ и въ № 306 Гильф., вѣсть о предательствѣ Алеши сообщаетъ Добрыня Илья; бой съ Невѣжей въ Гильф. № 306 упоминается съ подробностью, очевидно, имѣющей въ виду Тугарина. Алеша

Стоялъ на заставы на крѣпкія,
 Бился со Невѣжей въ чистомъ полѣ,
У ея ли у Невѣжи крылатый конь.

Особое развитіе представляютъ слѣдующія былины, гдѣ эпизодъ съ Невѣжей совпадаетъ съ мотивомъ 2-й группы былинъ о боѣ Ильи съ сыномъ (Илья помогаетъ Добрынь въ битвѣ съ Горынчанкой). Гильф. № 228: вызовъ Невѣжи, посланъ Добрыня; онъ купается на Пучай-рѣкѣ, когда на него налетѣла «Ягà-баба», являющаяся далѣе вмѣсто Невѣжи; Илья Муромецъ помогаетъ ему совѣтомъ — одолѣть её, а въ это время Алеша уже сватается за Добрынину жену. — Въ №№ 290, 292 Гильф. тотъ-же ходъ дѣйствія, но вмѣсто Невѣжи прямо названа Ягà-баба. Вліяніемъ тѣхъ-же мотивовъ «боя Ильи съ сыномъ» объясняется, что въ № 65 Гильф. = Рыбн. III, № 17 былина объ отъѣздѣ, не мотивированномъ никакой посылкой, открывается битвой съ какимъ-то богатыремъ, напоминающимъ своими атрибутами «сына» въ пѣсняхъ о боѣ (На лѣвой нога какъ борзой кобель — На правой нога какъ ясень соколъ), и поединкомъ съ сыномъ, — т. е. пересказомъ, подъ другими именами, известной былины объ Ильѣ и Збутѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ мотивы пѣсни о Тугаринѣ сводятся въ былинахъ о «Добрынь въ отъѣздѣ» къ образу Невѣжи-чернаго ворона, который иногда названъ Тугариномъ, къ его крылатому коню — и названію Чудовища-Издолица, вызывающаго поединника, какъ у Гильф. № 315: Алеша указываетъ на Добрыню, какъ на супротивника ему, послѣ чего былина развивается по общему типу пѣсенъ отъ «отъѣздѣ» — и боя нѣтъ.

Ничто не мѣшаетъ предположить, по слѣдамъ Левшинской пѣсни, что на болѣе цѣльной стадіи развитія русскаго эпоса существовали полныя пѣсни о боѣ Добрыни съ Тугариномъ, отвѣчавшія типу такой-же пѣсни объ Алешѣ. Весь вопросъ въ томъ, какое изъ двухъ богатырскихъ именъ въ ней древнѣе.

¹⁾ Сл. выше, стр. 324—6.

Если вѣрны наши генеалогическія соображенія, выводящія былины объ Идолицѣ и Тугаринѣ изъ оригинала, близкаго къ плану Сказанія, съ главными протагонистами Ильей и Алешей, то отвѣтъ предрѣшенъ. Что до эпизодическаго появленія Тугарина въ пѣсняхъ объ «отъѣздѣ», то самая неловкость спая можетъ послужить дальнѣйшимъ критеріемъ для опредѣленія древней схемы этихъ пѣсней, въ которыя Тугаринъ могъ проникнуть — по слѣдамъ Алеши.

Въ настоящемъ развитіи былеваго эпоса пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ такъ тѣсно связались съ пѣснями о Добрынѣ, что при разборѣ послѣднихъ въ одномъ изъ выпусковъ настоящаго изслѣдованія намъ придется вернуться и къ первымъ. На древнее, болѣе самостоятельное значеніе Алеши указываютъ разобранныя нами былины, въ которыхъ еще не совершилось пониженіе его типа; съ другой стороны переживаніе его имени, если не образа, въ малорусскихъ думахъ объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ — и въ Саратовской пѣснѣ, гдѣ разбойники нападаютъ на Соколъ-корабль, по которому «гуляетъ свѣтъ Олѣша Поповъ».

XI.

Алеша «бабій пересмѣшникъ» и сюжетъ Цимбелина.

Смѣлый, зарывчивый, дерзкій Алеша старыхъ пѣсенъ очутился въ позднѣйшемъ развитіи нашего эпоса «бабьимъ пересмѣшничкомъ», злостнымъ навѣтчикомъ женской чести и неудачливымъ ловеласомъ. Какъ совершилось это вырожденіе — трудно сказать опредѣлительно; въ былинахъ наблюдается колебаніе: Алёша то прислуживается Апраксіи въ ея любовныхъ помыслахъ на Касьяна Михайлова, то бранить её за такія-же отношенія къ Тугарину (сл. выше, стр. 346). Соединительной чертой между старымъ и новымъ могла быть присущая характеру древняго Алеши хвастливость, понятая своеобразно и односторонне — можетъ быть, подъ вліяніемъ какого-нибудь другого типа? Напомню, между прочимъ, чередованіе Алеши и Чурилы въ нѣкоторыхъ былинахъ о Дюкѣ. Можно предположить и такой процессъ: кака-нибудь побочная роль Алеши въ былинѣ о другомъ богатырѣ (Добрынѣ «въ отъѣздѣ»?) особливо приглянулась, и, будучи обобщена и разработана новыми мотивами, заслонила собою болѣе древнія и существенныя черты его характера. — Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что въ новомъ пониманіи Алеши отразилась та-же детеріорація старыхъ былинныхъ образовъ, каковая и Владиміра сдѣлала — охочимъ до чужихъ женъ.

«Бабій пересмѣшникъ», «насмѣшникъ женскій» становится обычнымъ эпитетомъ Алеши въ былинахъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ; онъ — охочъ смѣяться чужимъ женамъ,

Что чужимъ женамъ, молодымъ вдовамъ,
Молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ.

(Кир. II, № 2, стр. 3; сл. ib. № 8, стр. 17; ib. № 4, стр. 5, v. 51, стр. 7, v. 132; № 6, стр. 12, v. 35 и passim). Роль Алеши въ этихъ былинахъ, гдѣ онъ совращаетъ къ браку Добрынину жену ложнымъ извѣстіемъ о смерти ея мужа, будетъ разобрана нами впоследствии въ связи съ цѣлымъ цикломъ пѣсенъ о Добрынѣ. Но и внѣ ихъ характеръ Алеши-ловеласа достаточно упроченъ въ пѣсенномъ преданіи. Въ одной (испорченной) былинѣ объ Ильѣ и сынѣ встрѣчается «походная красна дѣвица», можетъ быть, принадлежавшая къ древнему составу пѣсни, но не съ тѣми подробностями, какія она сообщаетъ о себѣ:

Я жила была у батюшки дочь гостинная,
Я бѣжала красна дѣвица со новыхъ сѣней,
Отъ того Олѣши Поповича,
Отъ насмѣшника пересмѣшника (Кир. I, № 3, стр. 5) ¹⁾.

Болѣе извѣстны отношенія Алѣши къ сестрѣ Сбродовичей. Два брата сидятъ, хвалятся сестрой, ея красотой и скромностью, а Алеша Поповичъ говоритъ имъ, что онъ хорошо съ ней знакомъ:

Не хвалитесь два брата
Своей сестрой родною:
Я у вашей сестрѣ былъ,
Двѣ ноченьки ночевалъ,
Два завтрака завтракалъ,
Два обѣда обѣдалъ,
Два ужина ужиналъ

(Кир. II, №№ 1, стр. 64—6).

¹⁾ См. выше, стр. 318, прим. 1.

Въ двухъ былинахъ (Кир. II, №№ 1 и 2, стр. 64—7), не называющихъ братьевъ, они убиваютъ (либо готовятся убить) сестру; иначе въ третьемъ варьянтѣ (I. с. № 3, стр. 67—69), гдѣ похвальба перенесена къ столу князя Владимира:

Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной хвастаетъ добрымъ коземъ,
Иной хвастаетъ своей ухваткою,

не хвалятся ничѣмъ лишь «два брата, два Петровича», названные далѣе: Збородовичи. Вызванные Владимиромъ они гордятся сестрой Натальей (далѣе: Настасьей) Збородовичной:

Сидитъ она во високомъ теремѣ,
Сидитъ заперта двумя двѣрями,
Она замкнута тремя ключами;
Ей красно солнушко не огрѣетъ,
И буйны вѣтры ея не обвѣютъ,
Ясный соколъ мимо терема не пролетитъ,
На добромъ конѣ мимо молодецъ не проѣдетъ.

Довольно я видѣлъ вашу сестру, говорить братьямъ Алѣша, а, бывало, «у ней и на грудяхъ леживаль». Братья готовы схватиться съ нимъ на ножахъ, но Алѣша совѣтуетъ имъ дождаться ночи и, выѣхавъ въ поле чистое, пустить комомъ снѣга въ окошко сестры: услышите, какъ она вамъ отвѣтитъ (та-же подробность и въ №№ 1, 2). Она отвѣчаетъ, какъ Катерина въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Чурилѣ:

Ужь ты гой еси, Алешанька Поповичъ младъ!
Безъ тебя у меня кушанья причаѣрстнули,
Питьяца медвяны застолися.

Братья хотятъ убить сестру — но Алѣша проситъ ея за себя за-мужь.

Греческія пѣсни о Мавριανѣ и царѣ ¹⁾ открываются сценой пира и похвалыбы:

Μιά κυριακή και μιὰ λαμπρή. μιὰν ὄμορφη ἡμέρα
 Ὁ Μαυριανὸς κ' οἱ ἄρχοντες ἐκάνανε τραπέζι,
 Κι' ἀθηβολὴ δὲν εἶχανε κι' ἀθηβολὴ δὲν πέρνει
 Γιὰ τὸ ὄμορφαις, γιὰ τὸ ἄσχημαις και γιὰ ταῖς τιμημέναις
 Ὅνας παινάει τὴ μάνα του κι' ἄλλος τὴν ξαδερφή του,
 Ἀρχίνησε κι' ὁ Μαυριανὸς, παινάει τὴν ἀδερφή του.
 «Σὰ μὲ τὴν ἀδερφοῦλά μου κανένας δὲν τὴν ἔχει.
 Ἀφίλητη κι' ἀτσίμπητη και γελασμοὺς δὲν ἔχει.
 Τί δὲν πλανιέται γιὰ φιλι, γιὰ σῆμι, γιὰ λογάρι
 Κι' οὐδὲ πλανιέται γιὰ φλωρι και γιὰ μαργαριτάρη.
 Ὁ βασιλιάς ποῦ τ' ἄκουσε, γυρίζει και τοῦ λέγει:
 «Κι' ἂν τὴν πλανέσω, Μαυριανέ, τί νᾶν τὸ χάρισμά μου;»
 «Ἐμένα τὸ κεφάλι μου κ' ἐσένα τὰ καλὰ σου».

На пиру, гдѣ всѣ хвастаются, кто матерью, кто племянницей, Мавριανъ, или Γιάννος, хвалится чистотой своей сестры, а царь беретъ его на словѣ и обѣщается овладѣть красавицей; закладъ о головѣ — или о царствѣ. Пѣсня развивается далѣе по типу, который, какъ увидимъ далѣе, присталъ и къ имени Алѣши, только что вмѣсто сестры явится жена. Сестра Мавриана выдержала ухаживаніе царя: согласившись на свиданіе, она ставитъ на мѣсто себя одну изъ своихъ прислужницъ, которой царь, для знаменія, отрѣзываетъ палець. Когда позже онъ хвастается передъ Маврианомъ, что исполнилъ свою похвальбу, оказывается, что дѣвушка его провела, и онъ принужденъ жениться на служанкѣ.

Польская (Kolberg, Pieśni narodu polskiego I, 208) и бѣлорусская (Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни I, 43) рассказываютъ объ убіеніи сестры за нарушеніе цѣломудрія; одна бѣлорусская (Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 258—9, № 453) — совершенно

¹⁾ Passow, Pop. Carmina, № 474 (Μαυριανός); Νεοελληνικά Ἀναλέκτα I, стр. 80—3, № 16 (Μαυριανός); Jeannarakis, № 294; Legrand, Recueil, № 136; Δελτίον I, 3, р. 551—2, № 5.

въ чертахъ нашихъ былинь объ Алешѣ и сестрѣ Сбродовичей: удержалось даже прозвище *Поповича*, являющагося почему-то — изъ за моря; образъ сестры, сидящей въ заперти; комъ снѣга замѣненъ — вѣнкомъ.

Ай ѣ Тлудку на рынку
Хвалилися два брацы
Своей сястрой:
«Ёсь у насъ сястрица
*За тридзевиць замками,
За трима сторожами.*
Отозваўся *поповичъ,*
Изъ-за моря раковичъ (?):
«*Ни хвалицися, братцы,
Ды вашей сястрой:*
Я ѣ вашей сястры быў,
Три ночи начиваў,
Три вечери вячеруў,
Три обѣды обѣдаў.
Братъ зъ братомъ раду браў:
«Пойдемъ ѣ вишневы садъ
И звіѣмъ вяночикъ,
Панясемъ къ сястрицы,
Кинимъ сестрѣ ѣ воконца,
Што намъ сястра промовиць?»
Отозвалась сястрица:
«*Ня брѣй, ня брѣй, поповичъ,
Изъ-за моря раковичъ!*»
Ой братъ зъ братомъ раду браў:
— Возьмемъ мы востры мечъ,
Снимимъ сестрѣ головуньку зъ плечъ.» —
«*Ня сымца ѣ субботу,
А сымца ѣ нядзѣлю:*
*Якъ дзѣвоньки зъ утрыни идучъ,
Стары бабы зъ обѣдни,
Дзѣвонькамъ на покояння;
Ни ховайца ѣ косцѣли,
У косцѣли три сцаны,
А ховайца при дорози,*

Идѣ поповичъ кони пасецъ,
Есть же мяне вспомянець,
И ძижинька ўздыхнець».

Была еще одна гѣсня о подобномъ-же походе Ален пересмѣшника, которую мы попытаемся возстановить. Точк отправления намъ послужить старо-итальянское *Santare* о м донѣ Еленѣ, упомянутое выше (гл. VI, стр. 226) по поводю Дюковой похвалы.

Елена—царская дочь, выданная за-мужъ Карломъ Великимъ за *messer Ruggiero di Mompelieg*. Она такая красавица, что ни видѣль еѣ, всѣ въ неѣ влюблялись. Однажды, въ маѣ мѣсяцѣ рыцари по обычаю принимаются хвастаться въ присутствіи императора, кто во что гораздъ: кто красивой сестрой, и доспѣхами или замками, кто конями или милой, кто женой и богатствомъ.

X Chi si vantava di bella moglieri,
Qual si vantava di bella sorella,
D'aver bel' arme e correnti destrieri,
O ricco di cittade e di castella,
D'astor o bracchi o correnti levrieri,
O per amica aver bella damzella;
E chi si vanta d'oro e d'ariento,
E chi d'esser prodomo in torniamento.

Хвалится и *messer Ruggieri*:

XII Messer Rugieri sì si fu voltato
Avanti a tutta l'altra baronia:
«Da poi che ciascheduno si è vantato,
Ed io mi vanto della donna mia;
E chi cercasse il mondo in ogni lato,
Più bella donna non si troverie.
E questo dico, ch'io 'l posso provare,
So ci à nessuno che 'l voglia contrastare.

Похвальба внушена, очевидно, не только красотой, но и честностью жены, потому что *Guernieri* «заморскій» (сл. строч

XVI, XVIII: d'oltramare) тотчасъ-же отвѣчаетъ дерзкимъ заявленіемъ, что Ruggieri нечего гордиться женой, потому что онъ и самъ — съ ней близокъ: если не такъ, я готовъ заплатить головой, говорятъ онъ и обѣщаетъ доказать на дѣлѣ справедливость своего навѣта. Карлъ даетъ ему мѣсяць сроку, и онъ отправляется ко дворцу Елены, три дня гарцуетъ вокругъ него, но её самое не видать. Ея прислужница показывается у окна; онъ разжалобилъ её разговоромъ о своемъ необдуманномъ хвастовствѣ и обѣщаніемъ жениться на ней, если она дастъ ему какую нибудь вещьцу своей госпожи. Та рассказываетъ ему объ устройствѣ дворца, о красотѣ Елены, и даетъ нѣсколько ея драгоценностей, между прочимъ кушакъ и кольцо, которыя и служатъ ему позднѣе вещественными знаменіями его знакомства съ женой Руджьеро. Руджьеро пораженъ неожиданными откровеніями и, согласно закладу, долженъ заплатить головой; отпросившись у императора домой, онъ страшно тамъ неистовствуетъ: убиваетъ своихъ двухъ сыновей, а Елену бросаетъ въ рѣку. Но она спасается и является ко двору какъ разъ во время, когда ея мужа должны были вести на казнь; вызвавъ Гарньери на поединокъ, она поражаетъ его и предъ смертью заставляетъ его покаяться въ своемъ предательствѣ.

Мой выборъ «Пѣсни о мадоннѣ Еленѣ» — нѣсколько случайный: вмѣсто нея я могъ-бы остановиться на одномъ изъ многочисленныхъ, литературныхъ и народныхъ пересказовъ сюжета, извѣстнаго по новеллѣ Боккаччо о *Bernabò Lomellino da Genova* — и Цимбелину Шекспира ¹⁾. Дѣйствующимъ лицомъ является жена, иногда сестра; дѣйствіе либо развивается по типу

¹⁾ О распространеніи этого сюжета см. Simrock, *Die Quellen des Shakespeare*, 2 Aufl., I, стр. 257 слѣд.; Landau, *Die Quellen des Decamerone*, 2 Aufl. 1884, къ Dec. II, 9; Leonhardt, *Ueber die Quellen Cymbeline's*, *Anglia* V, 1—45; ib. VII, 120—127; Siegmund Levy, *Eine neue Quelle zu Shakespeares Cymbeline*; R. Köhler's вѣ *Literaturblatt f. germ. u. rom. Philologie* 1883, № 7, p. 272—3; сл. еще ib. 1881, p. 110: отчетъ Либрехта о *Cantare di madonna Elena*, въ предисловіи къ которому также находятся библиографическія указанія.

приведенной выше греческой пѣсни, либо согласно съ содержаніемъ *Santage*: нахвалящикъ, не достигнувъ своей цѣли, предъявляетъ мужу (или брату) вещественныя доказательства своей мнимой близости съ его женой (или сестрой); услужливая помощница помогла ему проникнуть въ покой, разглядѣть его убранство, похитить нѣкоторыя вещи неприступной красавицы (перстень, головной платокъ), подмѣтить родинку на ея груди и т. д. Эти откровенія убѣждаютъ мужа; увѣренный въ проступкѣ своей жены, онъ прогоняетъ её, хочетъ её убить, но намѣреніе не приводится въ исполненіе, иначе — некому было бы уличить навѣтчика. Въ сказкѣ румынскихъ Цыганъ невинно заподозрѣнная жена покинута въ челнокѣ на Дунаѣ; переодѣтая мущиной, она исцѣляетъ отъ его немощи какого-то слѣпаго императора, который оставляетъ ей въ награду свое царство. Мы встрѣтимъ подобную-же черту въ одной изъ слѣдующихъ русскихъ сказокъ, за которыми чувствуется древняя былина Владиміровскаго цикла, осложненная посторонними, пѣсенными и повѣствовательными мотивами.

1. Въ № 178 у Аѳанасьева разсказывается: «Во городѣ во Кіевѣ у нашего князя Владиміра много слугъ и крестьянъ, да былъ при немъ *Данило-Безсчастный-дворянинъ*: придетъ день воскресный — Владиміръ князь всѣмъ по рюмкѣ горькаго подаетъ, а ему въ горбъ да въ горбъ; придетъ большой праздникъ — кому награда, а ему все ничего! Наканунѣ было Свѣтлаго Воскресенія, въ страстную субботу зоветъ Владиміръ-князь Данилу Безсчастнаго, отдаетъ ему на руки сорокъ сороковъ соболей, велитъ къ празднику шубу сшить: *соболя не дѣланъ, пуговицы не миты, петли не виты; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ зѣрей заливать, въ петляхъ заморскихъ птицъ зашивать*». — Данило не знаетъ что дѣлать; старуха, которой онъ повѣдалъ свою бѣду, велитъ ему идти къ синему морю, и когда выйдетъ Чудо-Юда, схватить его за бороду и бить до тѣхъ поръ, пока оно не покажетъ ему *«Лебедь-птицу, красную двину»*. Такъ молодець и сдѣлалъ. — Черезъ малое время приплы-

ваетъ къ берегу Лебедь-птица, красная дѣвица, говоритъ Данилѣ: «Возьмешь-ли меня за себя? вѣщеры все будетъ сдѣлано». Тотъ соглашается. «Она крылушками махнула, головкой кивнула — вышли двѣнадцать молодцовъ, все плотники, пильщики, каменщики и принялись за работу: сейчасъ и домъ готовъ. Беретъ её Данило за правую руку, цѣлуетъ во уста сахарныя и ведётъ въ палаты княжескія; сѣли они за столъ, пили-ѣли, прохладжались, за однимъ столомъ обручались». Данило ложится спать, а между тѣмъ шуба готова; красная дѣвица будитъ его: «въ городѣ Кіевѣ у князя Владиміра слышенъ благовѣсть; время тебѣ подняться, къ заутренѣ убраться». Она даетъ ему *серебряную трость*: «какъ выйдешь отъ заутрени, ударь ею въ грудь: *весело птицы запоютъ, грозно львы заревутъ* (ваг. стань на правомъ крылосѣ; на отходѣ заутрени свои руки подыми, по собольей шубѣ поведи — весело птицы запоютъ). Ты сьмай шубу съ своихъ плечъ да уряди князя Владиміра въ тотъ часъ, не забывалъ бы о насъ. Станетъ онъ тебя въ гости звать, станетъ чару вина подавать — не пей чару до дна, не увидишь добра! *Да не хвались ты мною*, не хвались, что за едину ночь домъ построили съ тобою». Она даетъ ему еще два серебряныхъ яичка и одно золотое: серебряными пусть похристосуется съ княземъ и княгинею, а золотымъ — «съ кѣмъ тебѣ вѣкъ прожить». Христосуясь съ княземъ и княгиней, Данило печально вынулъ золотое яйцо. «Увидалъ это *Алеша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ*. Стали расходиться изъ церкви, Данило Безсчастный ударилъ себя въ грудь серебряною тростью — птицы запѣли, львы заревѣли, всѣ удивляются, на Данилу глядятъ; а Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, перерядился нищимъ-калѣкою и проситъ святой милостиш». Что мнѣ ему подать? спрашиваетъ себя Данило — и подаетъ ему золотое яйцо. Алёша, между тѣмъ, передѣлся и на пиру у Владиміра, когда Данило началъ съпьяну похваляться женой, хвастается, что и онъ её знаетъ. «А Данило говоритъ: Коли ты знаешь мою жену — мнѣ рубить голову, а коли не знаешь — тебѣ рубить голову». — Идетъ Алеша куда глаза

глядятъ, идетъ и плачетъ. Старуха, которой онъ покался въ своемъ хвастовствѣ, научаетъ его, что ему дѣлать: «Подя-ты къ такому-то дому, зови ее (Данилину жену) къ князю обѣдать; она станетъ умываться, собираться, положить на окно цѣпочку; ты цѣпочку ту унеси и покажь её Данилѣ Безсчастному». Она служить Алѣши доказательствомъ его знакомства съ женой Данилы, которому приходится рубить голову. Онъ отпрашивается у Владиміра напередъ сходить домой — проститься. А жена уже все знаетъ — и посылаетъ мужа позвать въ гости къ себѣ князя и княгиню и всѣхъ горожанъ; если Владиміръ будетъ отговариваться непроходными дорогами, скажи ему, что всё будетъ устроено. Владиміръ ѣдетъ: отъ его палатъ до дома Данилиной жены мостъ усланъ сукнами багровыми, убитъ гвоздями полуженными; по одну сторону цвѣты цвѣтутъ, соловьи поютъ, по другую яблоки зрѣютъ; въ одной рѣкѣ пиво бѣжитъ, въ другой медъ, въ третьей вино, въ четвертой водка. Всѣ перепились, на пути остались; доѣхали лишь князь со княгинею, Данило да Алѣша, садятся за столы, смотреть — когда-же выйдетъ Лебедь-птица, красная дѣвица. Три раза зоветъ её Данило, не пошла къ гостямъ. Говоритъ Алѣша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ: «если бы это сдѣлала моя жена, я-бъ её научилъ мужа слушать». Услышала-то Лебедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: «вотъ-де какъ мужей учать! Крылышкомъ махнула, головкой кивнула, взвилась-полетѣла, и остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую гора, по третью мохъ, по четвертую охъ!» Съ трудомъ они выбрались изъ грязи.

2. У Рыбн. II, № 51 первая половина сказки въ общемъ отвѣчаетъ предъидущей: Дворянинъ Безсчастный молодецъ служитъ у Владиміра Кіевского, жалуется, что не выслужилъ пока «ни слова гладкаго, ни перины мягкія». Услыхалъ это Владиміръ и «сталъ его жаловать: *даваетъ ему двѣнадцать соболей недѣльныхъ, и даетъ красного золота невода нетянута, велѣтъ соболя подлать и двѣнадцать пуровицъ вылить, и двѣнадцать петель вытянуть, сошить шубу соболиную къ Христосьской*

заутрени». А дѣло было въ страстную субботу. — Молодцу помогаетъ «женщина престарѣлая»: заведя его въ палату бѣлокаменну, она его угощаетъ, укладываетъ спать, а затѣмъ приноситъ ему шубу соболяную, тросточку камышевую и три золоченыхъ яйца: двумя похристосуйся съ Владиміромъ и Опраксою, а третье сюда неси. — Далѣе о шубѣ и тросточкѣ нѣтъ рѣчи, и о нихъ не рассказывается ничего чудеснаго. — Похристосовавшись съ княземъ и княгинею, молодецъ возвращается назадъ по уговору, чтобъ похристосоваться съ старухой. Не со мной тебѣ христосоваться, говоритъ она и указываетъ ему на покой, гдѣ за двѣнадцатю дверями сидитъ красавица, какой въ свѣтѣ не видано и не слыхано. Онъ подаетъ ей яйцо золотое, она ему золотую ширинку; старуха предлагаетъ ему жениться на той дѣвицѣ: «посылай-ка князя Владиміра свататься, княгиню Опраксу въ поѣздъ зови». — Молодецъ идетъ къ Владиміру, который пожаловалъ его и пошелъ за него свататься. «Выводитъ дѣвицу престарѣлая женщина; то Владиміръ князь вздрогнулъ на ея красоту; и просватали за Дворянина Безсчастнаго молодца. Тутъ веселымъ пиркомъ и за свадебку».

«У стольнаго князя у Владиміра былъ хорошъ почестенъ пиръ на мношхъ князей на бояръ . . . Всъ на пиру напдалися, всъ на почестномъ напивалися и всъ на пиру порасхвасталися. Который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казной, который хвастаетъ отцемъ-матерью, который хвалитъ молодой женой. Дворянинъ Безсчастный молодецъ ничѣмъ не хвастаетъ, не похваляется. Говоритъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій: Чтѣ-же ты, Дворянинъ Безсчастный молодецъ, ничѣмъ не хвастаешь, не похваляешься?» — Молодецъ хвалитъ молодой женой: «нѣтъ супротивъ ея красавицы въ Кіевѣ. Изъ за того за столика задняго выскочитъ Ѳедька насмѣшникъ, самъ говоритъ таковы слова: «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій! Я съ его хозяйкою три года живу, а про то никто не знаетъ». Владиміръ требуетъ доказательства: «принеси подлинный знакъ: монисты золотыя съ крестами». — Престарѣлая

женщина указываетъ Оедкѣ домъ Дворянина Безсчастнаго молодца; сѣнная дѣвушка обѣщается помочь ему изъ бѣды если онъ возьметъ её за себя за-мужъ — и приноситъ ему мнѣсты; вернувшись на княженецкій дворъ, онъ бросаетъ ихъ на дубовый столъ — и Владиміръ разжалываетъ молодца сажаетъ его за задній столъ. — Когда пиръ отошелъ и вразѣхались, пошелъ домой и молодецъ, пораздумывая о томъ какъ ему раздѣлаться съ женой. Заманивъ её на корабль, онъ продастъ её заѣзжему гостю, который позарился дорогой на красоту; но она «схватила его на косу бедра» и сбросила въ моръ «Ай-же вы, людюшки рабочіе! Если гдѣ будете рассказывать такъ я васъ всѣхъ въ море срюю! Идите въ королевство Португальское». Здѣсь она расторговалась. «А тамъ король преставился. И стали тамошніе люди избирать короля: у кого въ царскихъ вратахъ, противъ Преображенія Христова, загоритъ свѣча, золотомъ повитая, тотъ король». Свѣча затеплилась на женой Безсчастнаго молодца, которая вмѣстѣ съ другими пошла къ царскимъ вратамъ, одѣвшись въ мужское платье. Ставъ королемъ, она черезъ три года снаряжается въ Кіевъ «ко ласкѣ ко князю ко Владиміру» и останавливается у престарѣлой женщины, которая оказывается ея матерью и рассказываетъ о себѣ что она — жена Португальскаго короля, удалившаяся отъ неприятелей въ Кіевъ вмѣстѣ съ дочерью. Дочь она выдала за Дворянина Безсчастнаго молодца; жила она съ нимъ сначала хорошо а затѣмъ пропала ни вѣсть куда. — Король обѣщаетъ старуху разспросить объ ея дочери у зятя, а на другой день спрашиваетъ Владиміра, пѣтъ-ли кого, кто-бы истопилъ для него баню Тотъ посылаетъ Дворянина Безсчастнаго молодца. Признанъ происходитъ въ банѣ — и обнаруженъ ложный навѣтъ Оедкѣ котораго и казнятъ.

3. Тожественна въ планѣ и въ большинствѣ подробности сказка у Афанасьева № 179: вмѣсто Владиміра является царь Иванъ, вмѣсто Безсчастнаго молодца — такой-же безсчастнъ царевичъ Василій. Подарокъ царя тотъ-же: *сорокъ сороко*

черныхъ соболей, золота на пуговицы, шелку на петельки; «вотъ тебѣ, братъ, и подарочекъ! сшей изъ него тулупъ ко Христовой заутренѣ, и чтобъ въ каждой пуговицѣ было по райской птицѣ, по коту заморскому» (дальше: «чтобы въ каждой пуговицѣ пѣли птицы райскія, кричали, мяукали коты заморскіе»). — Бабка-голубая шапка приводитъ царевича къ *Еленѣ Прекрасной*; онъ полюбился красавицѣ; по ея просьбѣ братецъ ея, *Ясѣнъ Соколъ*, доставляетъ ему чудесный тулупъ, въ которомъ онъ отправляется къ заутренѣ. Елена даетъ ему три яичка: однимъ пусть похристосуется съ протопопомъ, другое отдастъ брату — что царевичъ и дѣлаетъ; третье тому, «кто тебѣ больше милъ». Выпрашиваетъ у него послѣднее яичко Алѣша Поповичъ, но Василій отнѣкивается и приноситъ его Еленѣ. Не думала я, что ты мнѣ оставишь яичко, говоритъ она; теперь я согласна пойти за тебя: зови брата на свадьбу. Свадьба сыграна; поздише на пиру у царя, когда всѣ порасхвастались, Василій хвалится своей женой, какъ вдругъ подбѣгаетъ къ нему *Алѣша Поповичъ* и говорить: «Ну, ужъ хороша! я съ нею безъ тебя ночь спалъ!» Гости говорятъ: «Коли ты спалъ съ нею, такъ поди-же съ нею выпарься въ банѣ и принеси имянное ея кольцо; тогда мы повѣримъ. А не принесешь кольца — поведемъ тебя на висѣлицу». Также бабка доставляетъ Алѣшѣ кольцо Елены, а ему самому велитъ намочить голову — будто въ банѣ былъ. — Какъ и въ предыдущемъ варьянтѣ Василій царевичъ продаетъ жену купцамъ; Елена также становится царемъ и при тѣхъ-же обстоятельствахъ (свѣча у ней затеплилась при входѣ въ церковь) и посылаетъ за Васильемъ. Обманщики выведены на чистую воду и разстрѣляны.

4. Въ шенкурскомъ варьянтѣ, записанномъ Борисовымъ (Ананасьевъ, IV, стр. 452—58) «Горегорянинъ *Данило-дворянинъ*» служить семь лѣтъ, не выживъ себѣ ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго, и идетъ искать лучшаго мѣста. Бабка-голубая шапка приводитъ его къ *Настасьѣ царевнѣ*, которая шлетъ его «къ дядюшкѣ князю Владиміру: зови его въ тысяцкіе, жену

его Оброксу въ сватьи». Данило приходитъ къ князю, которому его гости говорятъ, чтобъ онъ не отдавалъ царевны за «чужестраннаго»: «нѣтъ-ли у насъ людей хорошихъ? Накинь на ёво такую службу, чтобъ ему вѣкъ не сдѣлать». Владиміръ даетъ Данилѣ послѣдовательно три задачи: выстроить къ утру церковь, чудесный мостъ, *сшить шубу* («соболі не чинены, шолки не виты, золото не лито»). Въ этой шубѣ Данило является въ церковь; однимъ золотымъ яичкомъ похристосовался съ попомъ, другимъ съ Владиміромъ, третье бережетъ про себя. Вышли изъ церкви. «Бѣжить по буеву Гришка фурлатильный, черненькій, маленькій, хроменькій, на одной ножкѣ подскакиваетъ, ищетъ борца противъ себя молодца». Этому-то Гришкѣ Данило угодилъ въ грудь третьимъ яйцомъ, сшибъ его съ ногъ, билъ и топталъ. — Такъ ему и надо, говоритъ позднѣ Настасья царевна — и снова посылаетъ къ Владиміру звать его въ тысяцкіе, Оброксу въ сватьи. Сказка кончается свадьбой.

Самарская сказка (Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, № 18) представляетъ тотъ-же сюжетъ, что и предъидущія, но разработанный иначе, почему далѣе мы и не возьмемъ её въ расчетъ. Именъ нѣтъ; навѣтчикомъ является двоюродный братъ молодого купца, неудачно ухаживавшій за его женою и обращающійся къ помощи «ворожейки» («старуха-большое брюхо»). — «Поди узнай, что у нея на тѣлѣ есть», наказываетъ онъ ей и проситъ достать ея подвѣчный перстень. Молодница была нездорова; старуха убѣждаетъ её сходить съ нею въ баню, полечиться; похищаетъ ея кольцо и говоритъ, что у нея «на правомъ плечѣ родина, да на лѣвой бедрѣ по пяти пальцысъ». Позднѣ навѣтчикъ пользуется этими свѣдѣніями и перстнемъ, чтобъ убѣдить мужа въ своей свиней съ его женщиною; спёръ былъ объ имѣньѣ, молодца обобрали, а она запереть дини, запереть жену въ дрянную баню, и такъ и сидитъ тамъ, не можетъ выйти. Ей удается не только выжить, но и выжить, а мужъ очутился у ворожейки, а она и наказываетъ его, и наказаніемъ — и наказаніемъ.

Составными элементами разобранной нами сказки-былины представляются мнѣ слѣдующіе:

1) Старая пѣсня, развивавшая тему Цимбелина, итальянскаго *Santare* и подобныхъ имъ разсказовъ: мѣсто дѣйствія въ Кіевѣ, при дворѣ Владиміра; на пиру-во полу столѣ Данило *хвалится* своей женой; наша сказка № 2 почти сохранила былинное изложеніе:

У стольнаго князя у Владиміра
 Былъ хорошъ почестень пиръ
 На многихъ князей, на бояръ....
 Всѣ на пиру наѣдалися
 Всѣ на почестномъ напивалися
 И всѣ на пиру порасхвасталися:
 Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Который хвастаетъ золотой казной,
 Который хвастаетъ отцемъ-матерью,
 Который хвалится молодой женой.

Имя навѣтчика по №№ 1 и 3: *Алеша Поповичъ*; оно стояло, вѣроятно, и въ пѣснѣ: по отношенію къ Данилиной женѣ онъ такой-же нахвальщикъ, какъ и въ былинѣ о сестрѣ Сбродовичей. — Древней пѣснѣ принадлежало, по моему мнѣнію, и имя *Данилы*: оно находится въ №№ 1 и 4 и въ былинахъ о женѣ *Данилы* (Ловчанина, Денисьевича) и Владимірѣ, представляющихъ мнѣ параллелью къ возстановляемой нами пѣснѣ о Данилиной женѣ и Алѣшѣ, но съ трагической развязкой. Былина начинается съ похвалы на пиру, полузабытой у Кир. III, № 1, стр. 28—32, но сохраненной въ № 2 (р. 32—38):

Сильн-а-тъ хвалится силою,
 Богатой хвалится богатствомъ,
 Пород-а-тъ хвалится товариамъ,
 Далеку хвалится заморскими;
 Давно хвалится помѣстьями,
 Давно хвалится тамъ.
 Хвалится Данила Денисьевичъ,

но, вызванный Владиміромъ, говорить:

Есь у меня золота казна,
Ишшо есь у меня и молода жона,
Ишшо есь у меня и платье свѣтное.

Центръ тяжести лежитъ, очевидно, въ молодой женѣ; только «безумный хвастаетъ молодой женой», говорится въ пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ (Рыбн. III, № 34, Гильф. № 135; Рыбн. II, № 30: Дюкъ); согласно съ этимъ развивается далѣе и пѣсня о Данилѣ Ловчанинѣ, на жену котораго позарился — самъ Владиміръ, пытаясь устранить мужа, чтобъ овладѣть женой, но добиваясь только — самоубійства того и другого.

На сколько эта пѣсня о женѣ Данилы древня при имени Владиміра и не принадлежитъ-ли она къ порѣ пѣсенной детеріораціи его образа — этотъ вопросъ я оставляю пока въ створѣ. Замѣчу только, что и въ нашей сказкѣ № 2 *Владиміръ князь вздрогнулъ на красоту жены* Дворянина Безсчастнаго, котораго №№ 1 и 4 зовутъ именно *Данилой*. Это указываетъ на связи между былинной о женѣ Данилы (Ловчанина) и Владимірѣ — и предполагаемой нами пѣсней о женѣ Данилы (Безсчастнаго и т. д.) и Алѣшѣ. Эти связи можно прослѣдить и далѣе: въ нашемъ № 4 жена Данилы названа *Настасьей царевной*, въ былинѣ о Ловчанинѣ Кир. III, № 1, стр. 28—32 имя его жены *Настасья* (Никулишна; въ № 2, р. 32—38: Василиса Никулишна по смѣшенію съ женой Ставра); въ пѣснѣ объ Алѣшѣ и Сбродовичѣ послѣдняя также названа *Настасьей* (или Натальей. Кир. II, № 3, стр. 67—9). Замѣтимъ, наконецъ, что и жена Добрыни, обойденная Алѣшей, называется обыкновенно *Настасьей* и даже Настасьей Микуличной (Кир. II, № 2, стр. 3; № 6, стр. 11 слѣд.; № 8, стр. 17; № 9, стр. 20—22; № 1, 30 слѣд.). Можетъ быть, въ послѣднемъ случаѣ имя занесено изъ пѣсни о женѣ Данилы, оклеветанной Алѣшей: не даромъ у Кир. II, № 7, стр. 16 Добрыня, вернувшись домой въ одеждѣ скомороха, называетъ себя — *Данилой Заморнинымъ*, т. е. пріѣзжимъ изъ за моря (сл. Гильф.

№ 172 = Рыбн. IV, № 13: купцы *заморяне*, вавилоняне — и *заморенина* Суздальца, выше, стр. 77). Можетъ быть, и въ одной редакціи былины о Молодцѣ и Королевнѣ (Гильф. № 278) первый, хвастающійся во хмѣлю своей связью съ царской дочерью, носить не даромъ имя *Данилы* (Игнатъевича), вмѣсто обычнаго: Ивана (сл. выше, стр. 116 слѣд.).

Рядомъ съ именемъ *Настасьи* являются въ нашихъ сказкахъ и другія имена: въ № 3 *Елена Прекрасная*, у ней братецъ *ясень соколъ*; въ № 1: *Лебедь-птица* — *красная дѣвица*. Русская хоро-водная пѣсня¹⁾ несомнѣнно запомнила какія-то отношенія былиннаго *Алешки* пересмѣшника къ дѣвицѣ *бѣлой лебеди*; можетъ быть, и *ясный соколъ* пѣсни скрываетъ, за своимъ значеніемъ поэтическаго символа, память о *ясномъ соколѣ* сказки.

Ахъ, и по морю! Ахъ, и по морю
 Ахъ, и морю, морю синему!
 Плыла лебедь, плыла лебедь,
 Лебедь бѣлая, со лебедушками

 Плывши лебедь, вышла на берегъ.
 Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
 Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ,
 Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
 Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
 Онъ кровь пустилъ по синю морю,
 Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
 Онъ пухъ пустилъ по поднебесью,
 Сорилъ перья, сорилъ перья,
 Сорилъ перья по чисту полю.

Отъ символическихъ образовъ лебеди и сокола пѣсня переходитъ къ реальнымъ: дѣвушки и молодца: дѣвушка собираетъ тѣ перья,

Милу дружку на подушечку,
 Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
 Родну батюшкѣ на перинушку.
 Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,

¹⁾ Сахаровъ, Сказанія русск. народа III, стр. 32, № 17.

Гдѣ ни взялся добрый молодець.
 «Богъ на помочь, Богъ на помочь,
 Богъ на помочь, красна дѣвица душа!»
 Она-жь ему, она-жь ему,
 Она-жь ему не поклонится.

Парень грозитъ ей, въ будущемъ, тѣми неприятностями, которыя предстоятъ ей, когда она выйдетъ за него за-мужъ; она извиняется:

Я думала, что не ты идешь,
 Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься;
 Я думала, я думала,
 Я думала, что поповскій сынъ,
 Что поповскій сынъ, воръ Алешинька.

Въ вариантахъ этой пѣсни ¹⁾ имени Алеши нѣтъ; но воръ Алеша, обманувшій Лебедь Бѣлую, хорошо извѣстно намъ изъ нашего № 1.

2) Былива о Данилѣ, не впору *похвалившемся своей женою*, развита была мотивами широко распространенной сказки: о вѣщей женѣ, помогающей мужу исполнить трудныя задачи, на него возложенныя, но запрещающей ему хвалиться ею. За неисполненіемъ этого завѣта слѣдовало обыкновенно ея исчезновеніе — и это окончаніе удержано въ нашемъ № 1, тогда какъ другіе придержались развязки, указанной ходомъ древней былины. — Малорусская сказка изъ собранія Рудченка (№ 34), сложенная изъ цѣлаго ряда чуждыхъ другъ другу мотивовъ, начинается извѣстнымъ намъ общимъ мѣстомъ: «Як був собі безщасный Данило, да служив, служив год и другий... Що дослужить грошей, да де заховае, то огледицца — аж уж й нема». Оставивъ одно мѣсто, онъ соглашается служить бѣдняку — изъ-за камня, лежавшаго у него передъ порогомъ. Въ камнѣ оказались деньги; Данило купилъ ладану на цѣлый золотой, «узав там

¹⁾ Сахаровъ, 1. с. стр. 54—5, №№ 1 и 2.

черепок, вийшов на могилу, наклав ладану, запалив». Въ награду за это ангель, посланный Богомъ, обѣщаетъ исполнить одно изъ его желаній: чего онъ хочетъ — здоровья, богатства или умной жены? По совѣту одного пахаря онъ избираетъ послѣднее, а самъ засыпаетъ на могилѣ. «Приходить з неба святого Петра дочка йому за жінку. Прийшла вона и будить його: уставай, Данило, ходім, де твій батьківскій грунтъ, да підем да повинчаємось! Він каже: Нема в мене грунту батьківського. От пішли. От він и повив — аж батьківський грунт: так Бог дав, шо стало». Нашлась и хата, а въ ней и деньги, которыя, бывало, пряталъ Данило и не находилъ. — Панъ позарился на Данилову жену и задаетъ ему задачи: коли не исполнить ихъ, онъ заберетъ жену. Первая задача — сварить пиво, вторая — сдѣлать изъ дерева «живыя гусли». Привезъ Данило то дерево домой и плачется; жена утѣшаетъ его: «Не журись, Данило, лягай спать. — Данило ліг спочить. Устав — аж уже й гусли готові». Какъ заигралъ онъ, всё заплясало. — Послѣдняя задача: сходить на тотъ свѣтъ къ отцу пана и спросить, куда передъ смертью онъ спряталъ деньги — также исполняется Данилой при помощи жены. Панъ награждаетъ его. — Другую переработку сказки сл. у Драгоманова, Малор. народн. преданія и рассказы, стр. 295—9 (Нещастный Данило. Нач.: Був собі нещасний Данило. Де вже він не ходив, де не служив — все, шо не заробі, пак як за водою піде; нічого в ёго нема).

3) Прежде чѣмъ эта былина осложнилась элементами сказки, она могла быть сближена съ другой былинной, съ такимъ-же мотивомъ похвальбы, лишь пначе разработаннымъ: я имѣю въ виду пѣсни о Дюкѣ Степановичѣ. Какъ Дюкъ хвалится своимъ имѣніемъ, конями и матушкой, такъ и Данило могъ хвастать первоначально своей женой — и кое-чѣмъ и другимъ, какъ Данило Ловчанинъ — женой и золотой казной. Съ точки зрѣнія Дюковскихъ пѣсенъ трудныя задачи, которыя въ современныхъ сказкахъ помогаетъ исполнить Данилѣ его жена, явились бы съ его стороны отвѣтомъ на требованіе — доказать ту или другую свою

похвальбу. Это объяснило-бы мнѣ, какимъ путемъ поющія пеленки и пюговки Дюка перешли впервые въ былинну о Данилѣ: понятія сначала какъ моментъ *похвалбы*, онѣ очутились въ послѣдствіи, въ освѣщеніи сказки, моментомъ *задача*. — Косвенное доказательство сосуществованія и взаимодействія (старой) былинны о Данилѣ и Алешѣ и пѣсни о Дюкѣ — я склоненъ усмотрѣть въ тѣхъ пересказахъ послѣдней, которые замѣнили въ нихъ Чурилу — Алешей Поповичемъ: тотъ и другой являлись въ памяти пѣвцомъ съ типомъ навѣтчика, обличавшаго, хотя и злостно, неумѣренно расходившуюся богатырскую кичливость.

Дальнѣйшее возхожденіе по генеалогическому, «мысленному» древу былинъ поставило-бы насъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: о томъ, какимъ образомъ привязывались къ имени Владиміра сюжеты вродѣ повеллы о Данилиной женѣ. Отвѣчу пока лишь на одну сторону вопроса. Извѣстенъ въ русскомъ эпосѣ мотивъ похвалбы: отъ нея погибаютъ русскіе (сл. гл. VII) и цареградскіе (сл. стр. 365) богатыри; хвалится Иванъ Гостинный сынъ своимъ конемъ — и принужденъ бѣжать на немъ въ запускъ съ жеребцами Владиміра (стр. 38 слѣд.); хвастаетъ своей казнѣй, конемъ и матерью Дюкъ Степановичъ — и долженъ дать отвѣтъ, постоять за свою тройную похвальбу (стр. 147 слѣд.), какъ Данило Ловчанинъ, Ставръ и замѣнившій его у Гильф. № 124 Добрыня. Обыкновенно такіа кичливыя рѣчи слышались на пиру, во полу-столѣ; когда Владиміръ сталъ собирателемъ русскаго эпоса, его почестный столъ явился типическимъ и къ нему потянулись всѣ, хваставшіеся дотолѣ на сторонѣ. Разумѣется, это построеніе трудно опереть на фактахъ: если въ трехъ варьянтахъ пѣсни объ Алешѣ и Сбродовичнѣ только одна (Кир. II, № 3, стр. 67—9) переноситъ сцену къ столу Владиміра, а бѣлорусская пѣсня даже помѣщаетъ еѣ «у Тлупку на рынкѣ», то возможенъ двоякій вопросъ: являются-ли пѣсни безъ приуроченія къ столу Владиміра отзвукомъ болѣе древняго пѣсеннаго развитія, или, наоборотъ, онѣ забыли, обобщивъ его, самый фактъ приуроченія? Какъ-бы то ни-было, слабая внутренняя связь между

Владиміромъ и такими богатырями, какъ Дюкъ и Иванъ Гостинный сынъ, держащаяся главнымъ образомъ идеей похвалы за столомъ, едва-ли не указываетъ, что именно въ этой сценѣ произошло соединеніе двухъ эпическихъ теченій, привлекшее къ княжескому столу заѣзжихъ молодцевъ, въ составъ русскаго эпоса бродячія, непріуроченныя темы. Свой или чужія — всё равно: ибо *народный* эпосъ всякаго *историческаго* народа по необходимости *международный*. — Что сцена похвалы за столомъ утратила въ послѣдствіи свое собирательное значеніе и стала общимъ мѣстомъ, показываютъ напр. нѣкоторыя пѣсни о Добрынѣ въ отъѣздѣ (Гильф. №№ 206, 215, 290 и др.), гдѣ она является незначущимъ запѣвомъ, не мотивирующимъ дальнѣйшій ходъ дѣйствія.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

Къ стр. 10. *Птица-вѣстникъ*. Библиографія этого пѣсеннаго и сказочнаго мотива можетъ быть значительно пополнена. Такъ въ одной тосканской сказкѣ (Pitè, Archivio, II, ц, р. 168) голубь несетъ отцу дѣвушки, выданной за мага, ея письмо, писанное кровью на концѣ, оторванномъ отъ передника. Въ той-же роли могъ являться соколъ, котораго Сокольникъ передъ боемъ съ Ильей, отсылаетъ къ своей матушкѣ (сл. выше, гл. IX, 309, 311—12, 316—317), хотя въ большей части пересказовъ отпущекъ сокола и выжлеца означаетъ иной актъ: въ предстоящей борьбѣ они не нужны богатырю, ему не до нихъ: «А и ты, бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ, И корми ты свою буйну голову.... Полети ты, соколъ, на сине море, И корми свою буйну голову». Сл. сходный образъ, лишь въ другомъ примѣненіи, въ малор. щедривкѣ: молодець

Пустив коня в чисто поле,
Пустив хорта в темні лѣса,
Пустив сокола по під небеса;
І кінь біжить, пару лошадей мчить,
І хортъ біжить и зайенка мчить,
І соколъ летить и утѣнку мчить,

пану на кушанье, добрымъ людемъ на здоровье (сл. Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малор. народа I, стр. 7). —

Къ птицѣ-вѣстнику сл. еще Вука Караџ. Србск. нар. песме, II, 45 (два ворона вѣщаютъ Милицѣ о Косовскомъ боѣ), 46 (соколъ = Илья несетъ птицу-ластовицу = книгу од Богородице); III, 88 (два врана-гаврана); Ломачевского, Сборн. пѣс. Буковинскаго народа, № 344 (воронъ вѣщаетъ матери о смерти сына); Чубинск., V, 888 (орелъ матери о томъ-же); Головацкаго I, 138 (пташка съ письмомъ). См. славяно-русскій Матеріалъ, собранный Потемней, Замѣтка о двухъ пѣсняхъ (Русск. Филолог. Вѣстникъ 1879, № 2, стр. 203 слѣд.), изъ которой я выберу кстати слѣдующія двѣ параллели къ румынской колядкѣ и мордовской пѣснѣ, разобранныхъ мною въ Разысканіяхъ VII, стр. 276—278. Первая записана въ Курской губерніи:

Сѡкаль съ кавѣмъ обѣ заклѣтъ бился,
 Онъ ни ў руць, ни ў два и ня во-ста рублей,
 Аиъ сваей аиъ буйнай галаве:
 Каню бяжѣтъ вакрѣхъ лясѣу,
 А сакалѣ лятѣтъ чирѣсъ тѣмнай лесѣ
 Да таво мѣста да урошнава,
 Да калодиза да студѣнава.
 Прибѣхши конь оуѣ вадѣ испилъ
 и лѣхъ авачигѣ.
 Глядѣтъ, сматрѣтъ саколѣ лятитѣ:
 «Кѡнъ ты мой, брѣ лошати!
 Ни сяки ты мнѣ
 Атсѣкѣ сакалѣ
 вѣрнымъ паро
 Штоба мнѣ саколѣ
 Въ сакалѣ крылья за
 А глазушки завидуши
 Лятѣлъ саколѣ чирѣсъ
 Напалась саколѣ стада
 Убилъ, за
 За темъ валъ

Малорусская
 Укр. Н. П. М. 183

сидящаго на могилѣ и разглядывающаго свои смертельныя раны; непосредственно за тѣмъ слѣдуетъ бѣгъ взапуски орла съ конемъ:

Закладався орелъ зъ конемъ,
 А за тѣи кряиченьки:
 «Ой чи скорійш ти добіжиш,
 Мені крильця повтинаешъ.
 — «Ой ти скорійш да долетиш,
 Мені нога повтинаешъ».
 Ой кінъ бѣжить, земля дрожить,
 Орелъ летить, перо дзвенить;
 Ой кінъ біжить все ярами,
 Орелъ летить все лугами,
 Кінъ до води прибігае,
 Орла брата виглядае:
 Орелъ летять і несміе,
 Коня брата неізнае.
 «Даруй, коню, крилечками,
 А хто ходить віжечками» (?).

Къ стр. 12 (*не убивати спящаго врага*). Въ одномъ греческомъ изреченіи, приписанномъ Александру Великому, онъ советуетъ совѣтъ друзей — напасть на враговъ ночью, ибо это лучшее дѣло. Къ примѣрамъ, мною собраннымъ (Къ воинамъ воевали воевичинахъ сербской Александріи, въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 184 г., Сентябрь, стр. 65), присоединю еще и нашу (Народн. Просвѣщ. 184 г., Январь, стр. 29): Сей (Александръ) молимъ сынъ, да напасти на сопостаты и рече: не царския ли дѣла? — Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως (Wagner, 1827, стр. 14): дружина советуетъ Ахиллу напасть на Трою, а онъ отвѣчаетъ:

Ἐπιβουλεύουσι στρατιωτικῇ, ἄρχοντες, ἡ βουλή σας,
 ἀλλ' οὐκ ἐπιβουλεύω, ἀλλὰ δύνατόν οὐκ ἔστιν ἔργον τοῦτο·
 οὐκ ἔστιν ἄλλο καὶ σθεροῖς δέδοται τὸ ἐξάφνης
 ἄλλο τι ποιεῖσθαι, ἀλλὰ ποιεῖσθαι ἡμῶν
 ἡμῶν ποτήσωμεν, εἰς ἐντροπὴν μας ἔστιν.

Въ примѣрѣ Фазольтъ подозреваетъ, что Дитрихъ

убилъ его брата Экке во снѣ: hetestu slâfende in erslagin, — es mûese mich verdriezen . . . her Dietrich sprach «mirst leit din haz — und daz du mich sô schendest. — Du must mir drumb ze buose stân».

Къ стр. 13 (Армури v. 86) Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως, I. с. р. 18:

561 καὶ οἱ δώδεκα μὲ τοὺς ἕτεροὺς κόπτουν εἰς τὸ φουσάτον,
τὰς ἄκρας ἐθερίζασιν οἱ δώδεκα μὲ θράσος.
Ἐἰς ἄκραν ἐπιάλησεν ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ μέγας
καὶ μὲ τὴν ἄλλην ἔσμιξεν ἄκραν, συγκόπτων πάντα.

Къ стр. 25 прим. 2: сл. Nyrop, Den oldfranske Heltedigtning, р. 334—5.

Къ стр. 29. Жена велитъ князю Сауру вернуться съ похода, ибо она беременна. Онъ отвѣчаетъ: «Да не въ первый-то разъ она меня обманываетъ». Выраженіе это указываетъ, быть можетъ, на полузабытую подробность: мужъ, недовольный бесплодіемъ жены, идетъ въ походъ, грозя навсегда съ ней разстаться, если къ его возвращенію она не окажется матерью. Такъ у Псевдокалисѣена и его отраженіяхъ (о Филиппѣ и Олимпіадѣ); сл. средне-греческ. поэму объ Ахиллѣ, I. с. стр. 2, vv. 35 слѣд.

Къ стр. 56 прим. 1). Работа D'Ansona'ы явилась въ послѣдствіи въ сборникѣ его Studj di critica e storia letteraria (1880); сл. стр. 300—2. Съ канвой легенды объ Ильѣ-архитекторѣ сл. подобный-же рассказъ въ апокрифическихъ дѣяніяхъ ап. Θοмы: Господь продаетъ его купцу Abbanes, посланному царемъ Гундофоромъ приискать архитектора. Сл. Lipsius, Aposcyphie Apostelgeschichten I, 249; ib. II, п, 89 (объ ап. Варѳоломеѣ).

Къ стр. 63 прим. 1: сл. *Описаніе быта* въ Aiol, ed. Foerster, v. 4236 слѣд.: Aiol бьется о закладъ съ Масаіге скакать взапуски на коняхъ:

4250 Et se li miens pent vaintre, si me pleuis
 .m. mars de blanc argent et .c. d'or fin
 Et del destrier a faire tout mon plaisir.
 Se li tiens uaint li mien, iel fac ausi.

Онъ даетъ ему ускакать впередъ «un grant arpent de tere bien mesure» (4312) и всё-же перегоняетъ Mасаире'а, надъ конемъ котораго глумится молодежь.

Къ стр. 72 (къ описанію чудеснаго ворона въ былинахъ).
 Сл. Гильф. № 49, стр. 243.

Къ стр. 73 прим. 3. Сл. въ Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως I. с., р. 34,
 v. 1089: дѣвушка говоритъ Ахиллу: ἐγείρου, χρσοσπτέρουγε
 φάλκων, ἀπὸ τῆς κλίνης.

Къ стр. 74 прим. 1: сл. Рыбн. III, № 51, стр. 282:
 Чумбалъ.

Къ стр. 81: (*Шленк—Франк*). Собственное имя изъ эпита:
 тета: сл. Девгенія Акрита нашей повѣсти; сѣв. Lóðbrókr
 вм. Ragnarr (Lóðbrókr) и друг.

Къ стр. 111 прим. 3: Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως I. с.,
 р. 37—8, v. 1221 слѣд. (Ахилъ поетъ, подъѣзжая къ замку
 любимой дѣвушки).

Къ стр. 126: Волянецъ, Галица, Корела у Гильф. № 249.

Къ стр. 138 (*воронъ стыщаетъ битву*). Сл. Ефименко,
 Матеріалы, № VII (передъ встрѣчей Алѣши съ Татаринномъ).

Къ стр. 191 прим. 2. (*механическія поюція птички*). Сл. Διή-
 γησις τοῦ Ἀχιλλέως ed. Wagner I. с., р. 23—4, v. 739 слѣд.:
 золотой платанъ и на немъ золотыя птички: 743 ἐπνέασιν

οι άνεμοι και έκείνα έκηλαδοῦσαν. Въ романѣ о Ливистрѣ и Родамнѣ (ed. Wagner, l. c., p. 304, v. 2195 слѣд.) вода поднимается вверхъ по вѣткамъ искусственной виноградной лозы, отчего ея плоды наливаются и зрѣютъ; на вѣтвяхъ порхаютъ птички, точно живыя. — Сл. еще описаніе Порова дворца въ моей статьѣ: Къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии, Ж. М. Н. Просв. 1884, Сентябрь, стр. 49—51.

Къ стр. 218 (сл. стр. 222, прим. 1): *Чудеса Гугонова дворца*. Въ неизданной старофранц. поэмѣ о Sone de Nansay, отрывки которой были напечатаны Scheler'омъ, по Туринской рукописи, подробныя извлеченія (изъ той-же рукописи) сдѣланы мною, встрѣчаемъ слѣдующее описаніе:

On mist la table en 1 praiel
 Tel c'onques hons ne vit plus biel;
 Sur les murs deviers mer estoit,
 Mais un biaux mures l'enclooit
 Qui de marbre liois fa fais:
 N'est oisiaus qui n'i soit pourtrais
 Ne bieste ne pissons de mer,
 Mult est plaisans a regarder.
 X lupart sur les murs avoit,
 Et cascuns la geule beoit,
 Et par engien ensi tournoient
 La geule u vent adies avoient:
 Quant vens i fiert, cascuns sonnoit,
 Diviers sons cascuns s'acordoit,
 Ki tant sont biel a escouter:
 Nus ne s'en poroit soeler,
 Jamais nul jour n'annieroit
 Par dales qui santé aroit.

Къ стр. 226 (*Похвальба*) Обычай gabs и воеух былъ извѣстенъ и на сѣверѣ, гдѣ такъ называемыя heitstrengingar были въ ходу на рождественскихъ пирахъ, тризнахъ и т. п. Сл. Vigfusson and Cleasby, Icel. engl. Dict. a. v.

Интересный обращикъ *похвальбы* во полу-столѣ представляетъ Sones de Nansay (сл. выше, прим. къ стр. 218): Sones является въ Норвегію, къ королю Alains, ожидавшему нападенія Ирландцевъ и Шотландцевъ:

Li fil le roi ont Sone pris,
 Bas sont a une escame assis.
 Dont veissiez mes aporter,
 Aussi c'om les puisast en mer;
 Chfervoise et vin partout avoit,
 Car lor coustume telle estoit:
Longement sisent au mangier
 Tant qu'asses peüst annuier
 Qui ensi ne l'eüst use,
Car il se sont si abuvre
Que cascuns sa fable contoit
 Leur nus for lui ne l'escoutoit;
 Tant erent en grant de parler,
 Nus ne peüst tout escouter.
 Li tiers du jour fu en mangier,
Cascuns estoit en haubregier,
L'escu au col, ou poing l'espee —
Tout ert Irlande a mort livree,
Et ensi que cascuns disoit
«Que li rois d'Escoche i venrroit
Et seroit li premiers tues,
Ses frères qu'est emprisonnes
N'en istera, ce ne puet iestre,
Tant que Dieus sauwe men brach diestre».
Ensi partout se combatoient
Et puis le hanap embrachoient.

Sones удивляется этому, а царевичи объясняютъ ему, что таковъ обычай страны:

Ensi wellent le temps passer
 En boire, en mangier, en parler,
En manechier chias qui n'i sont;

L'usage de lor pays font,
Et se primerains vous levies,
D'yaus honnis et blasmés series.

Къ стр. 226, строка 2-ая снизу: читай русскихъ вм. другихъ.

Къ стр. 234 прим. 2. Параллель къ слѣдующему разсказу представляетъ у того-же С. Галльскаго монаха (II, п) извѣстная сцена, когда Откеръ и Дезидерій смотрять съ башни на приближающееся войско Карла, а Дезидерій въ каждомъ появляющемся отрядѣ думаетъ увидѣть императора.

Къ стр. 238—250 (*Микула Селяниновичъ*). О сюжетѣ былины говорили проф. Вс. Миллеръ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, Декабрь: По поводу Трояна и Бояна Слова о Полку Игоревѣ (сл. рецензію проф. О. Миллера въ Русск. Филол. Вѣстникѣ II, 233) и М. Халанскій, Замѣтки по славянской народной поэзіи I. Къ былинѣ про Микуду Селяниновича. Русск. Фил. Вѣстн. 1881 г., стр. 270—73. — Мое объясненіе имени Hugon, стр. 250, чисто гипотетическое, которое я не пытаюсь помирить съ моимъ прежнимъ отождествленіемъ: Hugues = Hugdietrich (сл. выше, стр. 202—3). Hugdietrich, можетъ быть, отражаетъ франкскаго Hugo-Theodoricus, но тождество имени не обуславливаетъ франкскаго содержанія эпическихъ разсказовъ о первомъ.

Къ стр. 266, строка 6: (у Рыбн. II, № 65 = Гильф. № 116), какъ и въ № 22 Гильф. (Илья Муромецъ и Идолище) значеніе видѣнія не объяснено.

Къ стр. 267 (*оживаніе рыбъ, какъ знаменіе гибели*) Сл. Карацій, Рјечн. а. в. Високи Стефан: онъ бьется съ Турками, прогнавъ ихъ за море, а въ море бросилъ свой буздоханъ, приговаривая: когда выйдетъ тотъ буздоханъ на берегъ, тогда и Турки возвратятся. Море тотчасъ же выбросило буздоханъ.

Сл. его-же, Срб. нар. п. II, № 74, ст. 95—6 (о Маркѣ Кралевичѣ).

Къ стр. 268—269 (*Турско царство навасало*). Сл. Dozon, Болг. п. № 39: Наше царство достанало, — Турско царство настанало.

Къ стр. 371, строки 4—6 (*Прожорливость Идолица и Буняка*). Сл. южно-русскія преданія о *Бунякъ-людодѣ* у Костомарова, Богданъ Хмѣльницкій I т., стр. 180; Драгомановъ, Малор. народн. преданія и рассказы, стр. 224—225.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ XXXVI, № 4.

ОТЧЕТЪ

ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМІИ

ВЪ 1884 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин. № 12.)
1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1884 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМІИ въ 1884 году.

(Чтанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября председательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ.)

На пушкинскій конкурсъ текущаго года поступило четыре оригинальныя сочиненія и два стихотворные перевода.

Изъ сочиненій три оказались не подходящими подѣ правила о преміяхъ имени Пушкина, и одно взято авторомъ обратно.

Что касается переводовъ, то одинъ изъ нихъ, именно явившійся подѣ псевдонимомъ А. Фета весь Горацийъ въ русскихъ стихахъ, хотя и не былъ представленъ самимъ переводчикомъ, признанъ былъ Академіею, согласно съ правилами о пушкинскихъ преміяхъ, заслуживающимъ принятія на соисканіе, и къ разсмотрѣнію его приглашенъ экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета по римской словесности И. В. Помяловскій, который и представилъ своевременно весьма обстоятельную рецензію этого труда.

Комиссія, образовавшаяся на основаніи пункта 11-го правилъ, состояла на сей разъ, сверхъ пяти членовъ Отдѣленія, изъ приглашеннымъ имъ: профессора Помяловскаго, заслуженнаго профессора Г. С. Дестуниса и А. Н. Майкова. Приглашенный же вмѣстѣ съ этими лицами Я. П. Полонскій, страдая

серіозною болѣзнію, не могъ, къ сожалѣнію, присутствовать въ комиссіи.

По выслушаніи въ ея засѣданіяхъ критическаго разбора профессора Помяловскаго и по всестороннемъ обсужденіи подлежащаго оцѣнкѣ труда, переводчикъ Горація А. А. Шенш инъ удостоенъ полной Пушкинской преміи.

(За симъ въ засѣданіи 19-го октября прочитано было извлеченіе изъ рецензіи И. В. Помяловскаго ¹⁾, которая здѣсь помѣщается въ полномъ видѣ).

К. Горацій Флаккъ. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва 1883.

Das Uebersetzen, und gerade der Dichter, ist eine der nothwendigsten Arbeiten in einer Literatur, theils um den nicht Sprachkundigen ihnen sonst ganz unbekannt bleibende Formen der Kunst und der Menschheit, wodurch jede Nation immer bedeutend gewinnt, zuzuführen, theils aber, und vorzüglich, zur Erweiterung der Bedeutsamkeit und der Ausdrucksfähigkeit der eigenen Sprache.

W. v. Humboldt.

Имя г. Фета, какъ переводчика Горація, извѣстно русской публикѣ уже довольно давно: еще въ 1856 году въ Отечественныхъ Запискахъ сталъ печататься (вышедшій потомъ отдѣльнымъ изданіемъ) его переводъ Гораціевыхъ одъ. Книга, заглавіе которой выписано выше, свидѣтельствуетъ, что переводчикъ въ теченіе почти тридцати послѣдующихъ лѣтъ продолжалъ начатое дѣло и, вмѣстѣ съ исправленіемъ прежнихъ переводовъ, велъ свой трудъ впередъ и переводилъ эподы, сатиры и посланія Горація, такъ что нынѣ мы имѣемъ полный переводъ всего, оставленнаго потомству Венузинскимъ поэтомъ.

Тогда какъ въ литературахъ западной Европы, число переводовъ Горація насчитывается нерѣдко десятками, у насъ пере-

¹⁾ Оно было напечатано въ №№ 133 и 135 *Правительственнаго Вѣстника* 1884 г. и отдѣльными оттисками.

водъ г. Фета представляется первою полною передачею всѣхъ твореній римскаго поэта. (По причинамъ вполнѣ понятнымъ и уважительнымъ, безъ перевода оставлены эподы 8 и 12, равно какъ и нѣкоторые отдѣльные стихи изъ сатиръ, напр. I, 2, 116 и др.). И при этомъ онъ оказывается передачею прекрасною, заслуживающею всякаго одобренія.

Переводъ поэтическаго произведенія представляется дѣломъ не легкимъ; но трудности его увеличиваются и дѣлаются нерѣдко непреоборимыми тогда, когда переводится поэтъ древній, языкъ и міровоззрѣніе котораго извѣстны намъ лишь по теоріи, изъ книгъ; а между тѣмъ переводы необходимы и играютъ важную роль какъ въ развитіи національной литературы, такъ и въ поднятій уровня общественнаго образованія.

Всѣ знаютъ, съ какимъ восторгомъ привѣтствовала Германія Фоссовы переводы Гомера; не безызвѣстно и то впечатлѣніе, какое произвели на нашу читающую публику переводы: Илиады Гнѣдича и Одиссеи Жуковскаго. Съ ними смѣло можно сопоставить и переводъ Горация, сдѣланный г. Фетомъ. Хотя по своимъ литературнымъ достоинствамъ, по своему вліянію на образованный міръ, Гомеръ и Гораций представляются величинами далеко не равными, тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся сопоставить ихъ русскіе переводы въ виду сравнительныхъ достоинствъ этихъ послѣднихъ. Дѣйствительно, по языку и отдѣлкѣ стиха переводъ г. Фета стоитъ неизмѣримо выше перевода Гнѣдича, а по непосредственному изученію подлинника — выше перевода Жуковскаго. Такимъ образомъ, съ одной стороны онъ представляетъ обогащеніе нашей поэтической литературы, съ другой — содѣйствуетъ вѣрному ознакомленію читающей публики съ однимъ изъ великихъ поэтовъ античнаго міра.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробную оцѣнку поэзіи Горация; достаточно сказать, что рѣдкій изъ поэтовъ древности пользовался и пользуется такою популярностію въ позднѣйшемъ потомствѣ, какъ римскій лирикъ, муза котораго въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ возбуждала къ себѣ симпатію людей всѣхъ

возрастовъ и положеній. Ознакомить массу русской читающей публики съ этою музою — заслуга великая.

Выше было замѣчено, что переводы древнихъ писателей, и, въ частности, поэтовъ, дѣло не легкое, на которое способенъ не всякій, такъ какъ оно требуетъ соединенія многихъ условій въ переводчикѣ. Прежде всего, онъ долженъ быть не только стихотворцемъ, но и поэтомъ; переводить античное поэтическое произведеніе прозою, и переводить съ цѣлью доставить читателю возможность наслаждаться его красотами, совершенно невозможно; по мѣткому выраженію А. В. Шлегеля, прозаическій переводъ античнаго поэта есть *ein poetischer Tods Schlag*. Но мало придать переводу стихотворную форму; необходимо чувствовать всѣ эстетическія особенности подлинника и, въ нерѣдкихъ случаяхъ, изъ переводчика дѣлаться творцомъ, который, на мѣсто непередаваемыхъ частныхъ и идиотизмовъ подлинника, долженъ создать нѣчто вполне имъ соотвѣтствующее и понятное для современныхъ читателей. Необходимо, чтобы переводчикъ былъ, до извѣстной степени, конгеніаленъ съ творцомъ оригинала. Трудно, дѣйствительно, представить себѣ, чтобы величавый эпикъ сталъ переводить, и притомъ переводить удачно, страстнаго лирика и наоборотъ, и встрѣчающіеся въ различныхъ литературахъ примѣры вполне подтверждаютъ только что высказанное положеніе. Такъ Фоссъ, представившій образцовый переводъ Гомера, не могъ совладать съ Тибулломъ и его переводъ римскаго эротика далеко не передаетъ всей легкости, увлекательности и задумчивости подлинника, представляя его сухимъ и чопорнымъ.

Вмѣстѣ съ требованіемъ поэтическаго дара, переводчику предъявляются и требованія серьезнаго изученія древняго текста, изученія, невозможнаго безъ основательнаго знанія древнихъ языковъ и древней жизни; переводчикъ долженъ быть не только поэтомъ, но и филологомъ. Только при гармоническомъ соединеніи этихъ двухъ особенностей онъ можетъ удовлетворительно передать античный оригиналъ.

Въ такой передачѣ требуется соединеніе многихъ условій,

главнѣйшія изъ которыхъ будутъ слѣдующія: необходимо, чтобы переводчикъ точно и всесторонне понималъ подлинникъ, разумѣя его въ его грамматическомъ и лексикальномъ составѣ — ошибки въ пониманіи представляются со стороны переводчика тяжкими прегрѣшеніями. Безукоризненная *ἀκριβεία* въ разумѣніи оригинала ведетъ, естественно, къ тому, что переводъ замѣняетъ собою комментарий. Но, разумѣя слова и фразы, переводчикъ долженъ безукоризненно точно разумѣть и ихъ содержаніе, другими словами, съ пониманіемъ грамматическимъ рука объ руку должно идти и пониманіе реальное, простирающееся какъ на среду, въ которой жилъ и дѣйствовалъ и для которой писалъ поэтъ, такъ и на его собственную личность, насколько ею объясняются его произведенія. Самая передача древняго оригинала, предварительно усвоеннаго переводчикомъ во всѣхъ его деталяхъ, должна вполне соответствовать ему какъ по внѣшней формѣ, такъ и по тону и колориту. Что касается первой, то необходимо, чтобы каждый стихъ перевода соответствовалъ стиху подлинника, чтобы сохранялся, по возможности, порядокъ не только мыслей, но и отдѣльныхъ фразъ и выраженій, необходимо, чтобы такія формальныя особенности подлинника, какъ особенности и перемѣна метра, строфическое раздѣленіе, нѣкоторыя намѣренныя нарушенія обычнаго хода рѣчи находили себѣ вѣрный отпечатокъ въ переводѣ. Что касается тона и колорита, то и они должны быть сохранены переводчикомъ: прежде всего, онъ не можетъ утрировать подлинника, придавая ему краски или болѣе густыя или болѣе блѣдныя; затѣмъ онъ не можетъ величавый или возвышенный тонъ замѣнить разговорною рѣчью, наивность — искусственностью, игривость — педантизмомъ и тому под. Вездѣ читатель перевода въ полномъ правѣ ожидать точнаго воспроизведенія того настроенія поэта, которое отпечатлѣлось въ его произведеніи. Наконецъ — что, впрочемъ, разумѣется само собою — переводъ долженъ быть изложенъ рѣчью, которая представляла бы всѣ особенности литературнаго языка того народа, къ которому принадлежитъ переводчикъ.

Таковы главныя требованія, предъявляемыя всякому и, въ частности, русскому переводчику древняго поэта. Только при ихъ соблюденіи русскій переводъ достигаетъ идеальнаго совершенства, т. е. дѣлается вѣрнымъ, близкимъ, благозвучнымъ и изложеннымъ чистымъ русскимъ языкомъ. Но идеальное совершенство недостижимо и переводчику приходится постоянно находиться между Сциллой и Харибдой, т. е. между необходимостью соблюсти возможную близость къ подлиннику и опасеніемъ погрѣшить противъ чистоты роднаго языка. Нерѣдко удается ему благополучно миновать эти опасности, но бывають случаи, когда ему необходимо выбирать между тою или другою, т. е. или придерживаться оригинала, жертвуя ему чистотою языка, или, соблюдая её, отступить отъ подлинника и навлечь на себя укоръ въ неточности. Въ такихъ случаяхъ, благополучному выходу изъ затрудненія помогаетъ указанная выше, необходимая для хорошаго перевода, премисса — поэтическій даръ переводчика. Онъ бываетъ вынужденъ отступать отъ подлинника и вмѣсто непередаваемаго поставить иное, вполне соответствующее требованіямъ родной рѣчи и жизни, и въ тоже время отвѣчающее замѣняемому. Строгий филологъ не осудитъ его за такое отступленіе, а образованный читатель поставитъ даже ему это въ заслугу.

Мы сочли необходимымъ предпослать нашему разбору труда г. Фета эти общія замѣчанія для того, чтобы указать тѣ требованія, которыя мы имѣемъ въ виду приложить къ его переводу. Предварительно, однако, подробной его оцѣнки, полагаемъ излишнимъ указать на отношеніе переводовъ г. Фета къ переводамъ предшествовавшимъ. И ранѣе г. Фета Гораций переводился на русскій языкъ, но только не вполне: изъ одъ и эподъ переведены лишь нѣкоторыя, сатиры же и посланіе къ Пизонамъ переведены цѣликомъ. Опуская переводы прошлаго столѣтія (Баркова, Тредіаковскаго, Поповскаго), мы остановимся на нѣкоторыхъ переводахъ болѣе новыхъ, выбирая переводы: Мерзлякова, Орлова, Крешева, Дмитріева (мы умалчиваемъ о пе-

редачѣ отдѣльныхъ одъ Горація — Берга, Вейнберга, Фоккова, Вердеревскаго и нѣкоторыхъ другихъ потому, что передачи эти ограничивались весьма незначительнымъ количествомъ одъ).

Мерзляковымъ переведено 25 одъ (III, 4; IV, 4; I, 34; I, 35; IV, 7; I, 24; I, 5; III, 2; I, 22; II, 16; II, 3; II, 10; I, 4; I, 13; I, 28; IV, 9; III, 16; III, 5; II, 18; III, 3; II, 2; II, 8; I, 9; III, 21; II, 20), частью рифмованными стихами, частью размѣромъ подлинника. При всемъ знакомствѣ Мерзлякова съ древними языками, переводы его не могутъ быть названы близкими и еще менѣе — воспроизводящими оригиналы. Вотъ примѣръ перваго недостатка (выбираемъ 8-ую оду II-ой книги, которая передана всеми разсматриваемыми переводчиками):

*Еслибъ каждый разъ, нарушая клятвы,
Прелесть-Дѣва, ты отъ того терпѣла:
Нынѣ зубъ одинъ потемнѣлъ бы, завтра
Ноготь перловой:*

*Можно бз ждать добра; — напротивъ, чѣмъ болѣ
Клятвой ты главу вѣроломной вяжешь:
Тѣмъ ты краше, тѣмъ намъ милѣй, тѣмъ болѣ
Страстныхъ исканій!*

*Горя нѣтъ тебѣ обогать священной
Въ гробѣ родшей прахъ; призывать въ поруки
Небо, звѣзды, ночь, и богами клясться
Чуждыми смерти.*

*Что же? — Лжешь: любви улыбается матеръ;
Хитрый смѣхъ межъ нимфъ; — купидонъ свирѣпый
Шутитъ самъ, точа раскаленны стрѣлы
Камнемъ кровавымъ! —*

*Въчно новый рой молодежи рязвой;
Въчно новый хоръ раболѣпства; даже
Ть ей служатъ вновь, чародѣйкъ, коихъ
Прежде терзала.*

*Тамъ трепещеть мать за любезныхъ дѣтокъ;
Здѣсь груститъ старикъ домовитый; дѣвы,
Въ бракъ вступя, дрожатъ; не увлекъ бы милыхъ
Воздухъ волшебный!..*

При сличеніи этого перевода съ подлинникомъ видно, что во многихъ мѣстахъ первый представляетъ не что иное, какъ перифразъ, и вводитъ такіе образы и картины, которыхъ въ подлинникѣ не имѣется и, притомъ, вводитъ безъ всякой къ тому необходимости. Отличительное свойство Гораціевыхъ одъ есть ихъ необычайная отдѣлка, соединенная съ изысканною простотою, чуждою всякой аффектаціи и всѣхъ неровностей. Эта особенность далеко не передана Мерзляковымъ: даже въ двадцатыхъ годахъ, къ которымъ относятся его переводы, форма ихъ должна была представляться во многихъ мѣстахъ неуклюжей и аффектированной; и тогда было замѣтно, что переводчикъ съ большими усиліями тщится передать подлинникъ, и явные слѣды этихъ усилій даютъ невѣрное объ немъ понятіе читателю (напр. Подъ властію Пароянъ *Марсусъ* и *Аппулусъ* — эти двѣ неуклюжія формы очевидно понадобились для стиха; муравлены *кади Сабиновъ*; на *дскъ* сей завѣтной; *мнѣ* рощи Парнасса, *мнѣ* улыгнулись и пр.). Но было бы несправедливо отмѣчать лишь одни недостатки переводовъ Мерзлякова: рядомъ съ неудачными мѣстами у него попадаются и строфы, довольно вѣрно передающія мысли, образы и даже отдѣльныя выраженія оригинала. Любопытно то обстоятельство, что рифмованные переводы Мерзлякова въ общемъ несравненно удачнѣе тѣхъ, въ которыхъ онъ старался сохранить размѣръ подлинника.

Хотя и появившійся позже перевода Мерзлякова: «Опытъ перевода Гораціевыхъ одъ» (Спб. 1830) В. Орлова предста-

вляется тѣмъ не менѣе шагомъ назадъ (переведены оды: I, 1, 3, 5, 7, 8, 9, 15, 19, 22, 25, 26, 28, 29, 35; II, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 14, 16, 18; III, 2, 6, 9, 12, 13, 18, 23, 24, 28, 29; IV, 1, 3, 7, 11; эподы 2 и 15). Прежде всего, переводъ весьма далекъ отъ подлинника и нерѣдко передаетъ его совершенно неправильно, что свидѣтельствуеть о недостаточно тщательномъ изученіи переводчикомъ оригинала; перифразомъ представляются не только отдѣльныя выраженія и стихи, но даже и цѣлыя оды, какъ это можно видѣть изъ ниже приводимаго образца. Стихъ Орлова, хотя и болѣе свободенъ отъ неуклюжестей стиха его предшественника, тѣмъ не менѣе такъ же далекъ отъ изящно отдѣланнаго стиха Горація; кромѣ того, весь тонъ перевода — величаво-выспренній — далекъ отъ простаго, нерѣдко игриваго тона, который придалъ Горацій большинству своихъ произведеній. Вотъ переведенная Орловымъ 8-я ода второй книги:

Я вѣрилъ бы — когдабъ, тобою
 Изъ клятвъ нарушенныхъ, одна
 Была хоть разъ отомщена
 Иль безобразьемъ, иль бѣдою;
 Но ты — чѣмъ больше собрала
 Надъ головою клятвъ ужасныхъ
 Тѣмъ къ мукамъ юношей несчастныхъ
 Красою лучшей разцвѣла.
 Итакъ, чтобъ прелести умножить,
 Ты можешь оскорблять боговъ,
 И сонмы звѣздъ, и ночи кровь,
 И пепель матери тревожить.
 И чтожь? смѣется мать любви
 Съ толпою нимфъ простосердечной;
 И купидонъ безчеловѣчный
 Смѣясь, пукъ стрѣлъ калить въ крови.
 Пока несетъ страданій бремя
 Безумцевъ презрѣнныхъ любовь,

Порадуйся: на рабство вновь
 Готово молодое племя.
 Трепещетъ мать за сыновей;
 Трепещутъ жены въ ожиданьѣ,
 Чтобъ Эрины обаянье
 Не заразило ихъ мужей.

По времени, вслѣдъ за Орловымъ, изъ вышеупомянутыхъ переводчиковъ Горація, надобно назвать М. А. Дмитріева, переводчика сатиръ и посланія къ Пизонамъ. Дмитріевъ изучилъ подлинникъ довольно основательно и воспользовался нѣкоторыми пособіями какъ нѣмецкой, такъ и французской ученой литературы; примѣчанія, въ большомъ количествѣ сопровождающія его переводъ, свидѣтельствуютъ о начитанности переводчика. Но, удовлетворяя болѣе или менѣе одному изъ требованій, предъявляемыхъ переводчику Горація — чтобы онъ былъ филологомъ, Дмитріевъ, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ другому — чтобы онъ былъ поэтомъ. Вслѣдствіе того, передавая почти вездѣ вѣрно мысли и выраженія Горація, переводчикъ знакомитъ читателя съ содержаніемъ его сатиръ, но не даетъ понятія объ ихъ формѣ. Дѣйствительно, въ сатирахъ и посланіяхъ Горація латинскій гекзаметръ доведенъ до такого совершенства, какого онъ никогда не достигалъ ни до, ни послѣ Горація. Эти *versiculi* или *pucae*, какъ ихъ зоветъ самъ поэтъ, до такой степени граціозно-капризны, что кажутся не поддающимися никакой регламентаціи или нормѣ. Между тѣмъ, при внимательномъ ихъ изученіи, оказывается, что это своеволие прикрываетъ собою тщательнѣйшую работу, стремленіе къ совершенству отдѣлки, проведенное въ высшей степени удачно и послѣдовательно. Далекое не такими представляются гекзаметры Дмитріева: капитальною ошибкою переводчика является то, что онъ, по собственному признанію, старался, «чтобы языкъ его не противорѣчилъ языку поэзіи, котораго отличіе отъ прозы состоитъ въ томъ благородствѣ и округлости выраженій, которыя только въ поэзіи соединяются съ про-

стотою». Это стремленіе къ «благородству и округлости выражений» и повело къ тому, что въ русскомъ переводѣ тонъ сатиръ Горація совершенно переѣнился и изъ непринужденно спокойнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ развязно шутливаго превратился въ скучно-доктринерскій, высокопарный и потому нерѣдко вовсе не гармонирующий съ содержаніемъ; стихъ Дмитріева однообразенъ и, по своему построенію, нисколько не напоминаетъ собою мастерскихъ гекзаметровъ Горація. Очевидно, переводчикъ не могъ справиться съ необычайно причудливою формою оригинала и обней русской читатель не можетъ составить себѣ понятія. Правда, извиненіемъ переводчику можетъ служить необычайная трудность задачи, про которую еще знаменитый Фр. Авг. Вольфъ выразился, что онъ съ бѣльшею охотою и съ меньшимъ трудомъ переведеть всю Одиссею, чѣмъ — десять сатиръ Горація. При всѣхъ недостаткахъ, переводъ Дмитріева является фактомъ, заслуживающимъ признанія: первые шаги вездѣ трудны и послѣдующимъ переводчикамъ уже гораздо легче идти по разъ проложенному пути.

Въ 1862 году вышла въ свѣтъ небольшая книжечка подъ заглавіемъ: «Переводы и подражанія И. П. Крешева». Въ ней помѣщены переводы 22 одъ Горація (I, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 20, 22, 25, 34, 38; II, 7, 8, 9, 12, 16, 18; III, 24; IV, 11; эподы 2 и 15). Незвѣстные издатели заявляютъ въ предисловіи, что, по ихъ убѣжденію, «болѣе удачныхъ переводовъ не было въ нашей литературѣ и что даже талантливый Фетъ стоитъ, въ этомъ отношеніи, ниже скромнаго поэта, неизвѣстнаго большинству читателей». По внимательномъ сравненіи переводовъ Крешева съ переводами г. Фета, мы не можемъ раздѣлить мнѣнія анонимныхъ издателей: правда, Крешевъ внимательно изучилъ подлинникъ, хорошо владѣетъ стихомъ, имѣетъ поэтическое чутье и, благодаря всему этому, далъ такіе переводы, которые стоятъ неизмѣримо выше переводовъ и Мерзлякова и Орлова. Это можно видѣть изъ сравненія его перевода той же 8-ой оды второй книги:

Я вѣрилъ бы тебѣ, когда-бъ за клятвы всѣ,
 Что ты нарушила, отмстительнымъ урокомъ —
 Хоть почернѣлъ бы зубъ во вредъ твоей красѣ,
 Постигло-бъ ноготокъ порокомъ.

Но нѣтъ!... Лишь голову свою ты обрела
 На гибель клятвою, — ты блещешь вдвое краше,
 Прелестнѣй прежняго, и снова увлекла
 На муку юношество наше...

Все съ рукъ тебѣ идетъ! Взываешь ложно ты
 И къ пеплу матери усопшей, и къ свѣтиламъ,
 Которыя глядятъ безмолвно съ высоты,
 И къ чуждымъ хладной смерти силамъ...

Самой Венерѣ — да!... смѣшно отъ этихъ дѣлъ,
 И нимфы робкія смѣются тихомолкомъ,
 Амуръ же точитъ лишь запасы жгучихъ стрѣлъ
 Надъ окровавленнымъ оселкомъ.

Вся юность для тебя, замѣть! растеть, рабовъ
 Ватага новая, а прежнихъ неотступный
 Рой, послѣ всѣхъ угрозъ, толпится у столбовъ
 Дворца владычицы преступной.

Боятся матери тебя за сыновей,
 Пугаютъ стараго глупца твои удары,
 И новобрачныя въ тревогѣ, чтобъ мужей
 Твои не обольстили чары.

По близости къ подлиннику, отдѣльныя картины котораго, за немногими исключеніями, нашли себѣ соответствующее выраженіе, по выдержанности тона, по легкости и гармоніи стиха, только что приведенный переводъ на далеко оставляетъ за собою переводы предшественниковъ. Но эти же достоинства, какъ мы надѣемся показать ниже, присущи и переводамъ г. Фета, который, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, счумѣлъ подойти къ подлиннику еще ближе, чѣмъ Крешевъ,

вѣрнѣе передать образы и эпитеты оригинала. Нѣсколько доказательствъ:

Jam satis terris nivas atque dirae
Grandinis misit pater et rubente
Dextera sacras iaculatus arces
Terruit Urbem

Крешевъ: Довольно граду и снѣговъ
Отецъ послалъ землѣ, съ размаха
Бросая въ куполы боговъ
Десницей молніи. Далъ страха
И Риму и народамъ....

Г. Фетъ:

Довольно ужъ Отецъ и градомъ, и снѣгами
Всю землю покрывалъ, ничѣмъ неумолимъ:
Ужъ подъ рукой его, краснѣющей громами,
Трепещеть древній Римъ.

У г. Фета не переведено только выраженіе: sacras arces (что Крешевъ не совсѣмъ удачно перевелъ: куполы боговъ) и прибавленъ эпитетъ: древній къ слову Римъ; но затѣмъ подлинникъ выраженъ превосходно. У Крешева пропалъ эпитетъ dirae, исчезла картина rubente dextera, и прибавлена совершенно ей несоотвѣтствующая: съ размаха.

cur arcticum
oderit campum patiens pulveris atque solis?
cur neque militaris
inter aequalis equitat Gallica nec lupatis
temperat ora frenis?
cur timet flavum Tiberim tangere? cur olivum
sanguine viperino
cautius vitat?

Крешевъ:

Зачѣмъ на площади въ жаръ не видать его,
Хоть не нужна ему ни въ пыль, ни въ зной защита:
Чтожь между сверстниковъ, достъхами звеня,
Не скачетъ онъ верхомъ и, натянувъ поводья,

Не укрощаетъ бѣгъ *строптиваго* коня?

- Давно ли нашъ *пловецъ* боится *мелководья*?

Давно ли не блеститъ *оливъ сокъ* на немъ

И, какъ ехидны кровь, противень сталъ *атлету*?

г. Фетъ:

Зачѣмъ чуждается сообщества борцовъ

Сносить и пыль и жаръ привыкшій, какъ мужчина?

Зачѣмъ не скачетъ онъ въ отвагѣ боевой

Межъ сверстниковъ, коня изъ Галліи лѣсистой

Могуче укротя колючею уздой —

И Тибръ его страшить волною золотистой?

Зачѣмъ, какъ ядъ, ему противень сталъ елей?

Vile potabis modicis Sabinum

Cantharis graeca quod ego ipsa testa

Conditum levi, datus in theatro

Cum tibi plausus,

Care Maecenas eques, ut paterni

Fluminis ripae simul et iocosa

Redderet laudes tibi Vaticani

Montis imago.

Крешевъ:

Простаго выпьешь ты вина

Сабянскихъ лозъ изъ кружки бѣдной..

Амфора та замънена

Когда въ театрѣ *кликъ* побѣдный

Раздался, *другъ*, на твой приходъ,

И *тяжкій громъ* рукоплесканій

Дрожалъ на лонъ *отчихъ* водъ

И *замиралъ* на *Ватиканъ*.

г. Фетъ:

Ты будешь пить изъ чашъ сабинъ недорогой;
Его рука моя въ сосуды наливала
Въ тотъ день, когда, въ театръ приходъ замѣтя твой,
Толпа рукоплескала.
Мой всадникъ дорогой, припомни, Меценатъ,
Какъ плескамъ тѣмъ тогда отвѣтствовали рьяно
Родные берега, отгравуши стократъ
На эхо Ватикана.

Приведенныхъ сопоставленій, число которыхъ можетъ быть значительно увеличено, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что переводы Крешева, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, уступаютъ переводамъ г. Фета въ близости къ подлиннику и въ выдержанности его картинъ и образовъ. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преимущество должно быть отдано Крешеву, но мѣстъ такихъ немного.

Мы предпослали обзоръ главнѣйшихъ переводовъ нѣкоторыхъ произведеній Горація до перевода г. Фета съ цѣлью показать, что труды его предшественниковъ мало облегчали его задачу и что, поэтому, нельзя ставить ему въ особенную вину то, что онъ, повидимому, незнакомъ или мало знакомъ съ ними; укорять его въ этомъ незнакомствѣ было бы справедливо тогда, когда предшественники дали бы ему обильный матеріалъ, которымъ онъ могъ и долженъ былъ воспользоваться.

Трудъ г. Фета дѣлится, какъ и произведенія Горація, на двѣ рѣзко отличающіяся половины: лирическую — оды, эподы и юбилейный гимнъ, и дидактическую — сатиры и посланія. Оды являются въ разбираемой книгѣ изданными вторично. Въ первый разъ онѣ появились въ 1856 г. въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ изъ Отечественныхъ Записокъ. Сравнивая новое изданіе со старымъ, мы видимъ, что оно представляетъ нѣкоторыя измѣненія, касающіяся какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ стиховъ; въ общемъ эти измѣненія представляются улучшеніями, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Старое изд.: Онъ *предназначенъ* вновь для
почести тройной....

Намъ *выхваляетъ* лѣнь родимыхъ бере-
говъ

И *мирныя поля*....

Меня-жъ — *зеленый плющъ, премудраю*
награда,

Да *хоры легкихъ Нимфъ и Фавнозъ при*
лунѣ

Возносить надъ толпой, *доколь по ста-*
друмиѣ

Эвтерпа Флейту мнѣ *звончатую даруетъ*

И Полигимнія съ ней *луну сомакуетъ*....

Увы! *насытился* кровавою игрою

Ты, любящій *шеломъ воинственный и*
крикъ

И *Маера пѣшаго надъ* вражьей *оловою*
Ожесточенный ликъ....

И *море* изъ *всѣхъ вѣтровъ* поработилъ
Вздымаетъ ли *волну, иль волны укро-*
щаетъ....

Суровая зима отъ *вешнихъ усть слетѣла,*
И вновь бѣжитъ вода съ иссохшаго руля...

О, *Секстъ!* нельзя намъ жить съ надеж-
дою большою....

Ни *Одиссея бѣгъ двоякій* черезъ *воды*....
Аніо *быстротекущій, да рощи Тибуръ*
и влажный

Трепетный брегъ плодovitаго сада....
Доколь отъ *спидинъ ужасныхъ* ты *далекъ*

Дотоль все *твое, по прихоти желанья,*
Поля и площади, и въ зимній вечерокъ....

Что прежде скажу изъ хвалений обычныхъ
Отцу и людей и безсмертныхъ, который

И море и сушу умѣрилъ въ юдичныхъ
Смѣненіяхъ Горы?....

Что южный вѣтеръ бьетъ, и отъ него давно
На мачтѣ свищетъ все и все сокрушено...

Ни *лезвее ножа, ни глубины морскія*....
Водилъ враждебный плуцъ по свержен-
нымъ стѣнамъ....

Здѣсь въ *жаркій каникулъ, за рощею*
дальной

Сыраемъ на лирѣ Тиса,
Споешъ про любовь и Цирцен *кристаль-*
ной

И славною супруги Улисса....
Насъ *учитъ бой Лапитъ съ центаврами*
хмѣльныхъ....

Насъ *учитъ бой Лапитъ съ центаврами*
хмѣльныхъ....

Насъ *учитъ бой Лапитъ съ центаврами*
хмѣльныхъ....

Насъ *учитъ бой Лапитъ съ центаврами*
хмѣльныхъ....

Новое изд.: Онъ *предлагается*....

Намъ *выхваляетъ* *миръ* родимыхъ бере-
говъ

И *иородскихъ полей*....

Меня-жъ *зеленый плющъ, искусство пѣ-*
града —

Да *между* *легкихъ Нимфъ Сатиросъ пѣ-*
роводъ

Возносить надъ толпой, *пока мѣ-*
дастъ

Эвтерпа Флейту мнѣ, *меня не отсрываетъ*

И Полигимнія *Лесбоса* *пѣснь сладеетъ*....

Насытился, увы! кровавою игрою

Ты, любящій *шеломъ блестящій, браанный*
крикъ

И *Марма пѣшаго предъ* вражьей *плоти*
Ожесточенный ликъ....

И *Адрій* изъ *всѣхъ вѣтровъ* поработилъ
Вздымать ли *волны онъ иль укро-*
щаетъ....

Суровая зима отъ *вешнихъ усть слетѣла*
Рыцаръ уперся въ бокъ сужаго корабля....

Нельзя намъ, *Секстій,* жить съ надеждою
большою....

Ни *бѣгъ двуличнаго Улисса* черезъ *води*....
Аніо *быстротекущій, да рощи Тибуръ*
и тѣни

Влажныхъ садовъ надъ живыми ручьями....
Пока отъ *спидинъ упрямой* ты *далекъ,*

Теперь еще *твое, по прихоти желанья,*
Все: поле Марсово, и площади, въ оче-
рокъ....

Могуль не вопреки въщитъ я хвалене
Отцу и царю надъ людьми и богами,

Что море, и землю, и міра теченье
Умѣрилъ часами?....

Порывами вѣтровъ, что реи ужъ давно
На мачтѣ стонутъ все, и все сокрушено...

Ни *Норика клинокъ, ни глубины морскія*....
Надменно плуцъ пускалъ по сверженнымъ
стѣнамъ....

Здѣсь въ *жаркій каникулъ, за рощею*
дальной,

Избравши *Теосскія стоны,*
Любовь ты *соперницъ, Цирцен* *кристаль-*
ной

И вѣрною споешь Пенелопы....
Центавровъ *учитъ бой съ Лапитами*
хмѣльныхъ....

Центавровъ *учитъ бой съ Лапитами*
хмѣльныхъ....

Центавровъ *учитъ бой съ Лапитами*
хмѣльныхъ....

Центавровъ *учитъ бой съ Лапитами*
хмѣльныхъ....

Изъ этого сопоставленія явствуетъ, что въ промежутокъ, протекшій между обоими изданіями, переводчикъ тщательно просматривалъ свой переводъ и внесъ въ него не мало улучшеній. Что касается эподъ, юбилейнаго гимна, сатиръ и посланій, то они, какъ было замѣчено выше, являются въ рассматриваемой книгѣ впервые.

Приступая къ разбору и оцѣнкѣ перевода г. Фета, мы прежде всего считаемъ необходимымъ отвѣтить на вопросъ о филологическомъ изученіи оригинала переводчикомъ. Хотя въ общемъ изученіе это можетъ быть признано достаточнымъ, тѣмъ не менѣе строгимъ требованіемъ филолога-классика г. Фетъ удовлетворяетъ не вездѣ. Съ какого текста переводилъ онъ и какъ къ нему относился? Изъ отрывочныхъ ссылокъ и указаній мы можемъ заключать, что при переводѣ одъ и эподъ г. Фетъ придерживался текста и объясненій Оббаріуса, при переводѣ же сатиръ и посланій — какого нибудь другаго, изъ не особенно новыхъ изданій. Кромѣ того, судя по ссылкамъ — у него подъ руками были сочиненія: Кирхнера: *Quaestiones Horatianae*, Вебера: *Horaz als Mensch und Dichter*, Л. Миллера: *Жизнь и сочиненія Горация*, и нѣкоторыя другія. Каковъ бы ни былъ текстъ, положенный г. Фетомъ въ основу его перевода, онъ не можетъ быть признанъ соответствующимъ современному состоянію критически-очищеннаго текста Горация. Такъ, прежде всего, въ немъ еще сохранились такіе стихи и строфы, которые единогласно признаются новѣйшими издателями Горация за очевидно-интерполированныя. Къ такимъ принадлежатъ: 9-я строфа 12-ой оды I-ой книги, 5-ая строфа 11-ой оды III-ей книги, знаменитая 4-ая строфа 8-ой оды IV-ой книги и нѣкоторыя другія. Интерполяцію нѣкоторыхъ отмѣтилъ и самъ переводчикъ. Такъ, къ стиху 56-му 1-го посланія I-ой книги, взятому изъ сатиръ I, 6, 74, онъ замѣчаетъ, что стихъ этотъ кажется ему положительно ошибочной вставкой (что, впрочемъ, признается почти всѣми издателями Горация; срви. также, что говоритъ переводчикъ о первыхъ восьми стихахъ 10-ой сатиры I-ой книги и о 91-ой ст.

18-го посланія I-ой книги). Совершенно соглашаясь съ его мнѣніемъ, не можемъ не пожалѣть, что того же приговора онъ не произнесъ и надъ другими, столь же очевидными вставками, какъ напр. вышеприведенныя мѣста изъ одъ. Если отсутствіе новѣйшихъ критическихъ изданій Горація повело переводчика ко включенію въ переводъ стиховъ очевидно подложныхъ, то тоже отсутствіе имѣло вліяніе и на избраніе чтеній уже устраненныхъ изъ текста и замѣненныхъ болѣе вѣрными или вѣроятными. Такъ, въ переводѣ г. Фета оды II, 6, 19 читаемъ: «любимый безмѣрно Вакхомъ Авлонъ» сообразно нынѣ оставленному чтенію: *amicus Aulon fertili Vascio*; оды II, 13, 14 — «трепещетъ лишь Босфора Пунійскій плаватель», сообразно неудобопонятному: *navita Bosporum Roenus perhorrescit*; оды II, 20, 14 — «уже несаясь быстрѣй Дедалова Икара», слѣдуя невѣрному чтенію: *iam si Daedaleo oscior Icaro*; сатиры I, 6, 75 — «восемь разъ принося за ученье деньги по Идамъ», слѣдуя невѣрному чтенію: *ibant octonis referentes idibus aega*; посланіе I, 20, 29 — «въ годъ, какъ Лепида товарищемъ Лоллій привелъ за собою», сообразно нынѣ уже оставленному чтенію *duxit*; посланія II, 2, 44 — «охоту возбудили во мнѣ познавать, что прямо, что криво», слѣдуя невѣроятному чтенію: *ut vellem curvo dinoscere rectum*, и нѣкоторыя др. Лишь въ очень немногихъ мѣстахъ переводчикъ считаетъ нужнымъ указать, что онъ отступаетъ отъ общераспространеннаго (въ довольно отдаленное время) чтенія; такъ, въ одахъ IV, 2, 12 г. Фетъ заявляетъ, что онъ, слѣдуя Пеерлкампу, читаетъ въ подлинникѣ *Ille*, а не *Iule*; въ посланіяхъ I, 7, 29 — что онъ, принимая поправку Бенгли, читаетъ *nitedula* вмѣсто *volresula*.

Но, если мы поставили переводчику въ укоръ недостаточное знакомство съ новѣйшими работами по критикѣ Гораціева текста, то, съ другой стороны, должны заявить, что, въ доступныхъ г. Фету изданіяхъ, онъ изучилъ его съ большимъ вниманіемъ и добросовѣстностью. Свидѣтельствуетъ объ этомъ отсутствіе въ его переводѣ значительныхъ ошибокъ, которыя происходили бы

отъ невѣрнаго пониманія подлинника. Хотя кое гдѣ и попадаются промахи въ этомъ отношеніи, однако они не до такой степени грубы, чтобы заставить перемѣнить высказанное выше сужденіе о вниманіи и добросовѣстности г. Фета. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: Оды II, 2, 1:

Къ блеску серебра, что скупой зарываетъ,
Правъ ты, Саллюстій, питая презрѣнье

Въ подлинникѣ: *avaris abdito terris*, при чемъ *avaris* согласовано съ *terris* и указываетъ на то, что земля неохотно даетъ скрывающіяся въ ея нѣдрахъ богатства, требуя значительныхъ трудовъ и усилій со стороны человѣка. Комментаторы не безъ основанія видятъ здѣсь намекъ на приски, которыми владѣлъ Саллюстій въ Грайскихъ Альпахъ (*aes Sallustianum* у Plin. N. H. XXXIV, 2). Оды II, 3, 9:

Гдѣ съ бѣлымъ тополемъ огромная сосна
На тѣнь отрадную спѣшитъ соединиться
Вѣтвями длинными, и рѣзвая волна
Съ трудомъ въ излучинахъ струится,
Туда духовъ, вина и радостныхъ цвѣтовъ
Вели намъ принести недолговѣчной розы...
Quo pinus ingens albaque populus
Umbram hospitem consociare amant
Ramis? quid obliquo laborat
Lympha fugax trepidare rivo?
Huc vina et unguenta et nimium brevis
Flores amoenaе ferre iube rosae...

Здѣсь вопросы: *quo* и *quid* указываютъ на бесполезность исчисляемыхъ прелестей природы, если только ими человѣкъ не умѣетъ или не хочетъ наслаждаться, а черезъ *huc ferre iube* поэтъ побуждаетъ Деллія къ этому наслажденію, тутъ же намѣстѣ.

И Рима (блюститель закона)
Tu, civitatem quis deceat status
Curas et urbi sollicitus times.

Здѣсь Гораций говоритъ о томъ, что Мecenатъ заботится о положеніи государства и, подъ вліяніемъ тревожныхъ слуховъ, опасается за Римъ.

Оды IV, 6, 27: Камены римской будь всегдашній покровитель
Легучій Аргіей.
Dauniae defende decus Camenae
Levis Agyieiu.

Здѣсь levis указываетъ на вѣчную юность Аполлона, изображавшагося всегда безъ бороды и усовъ.

Оды IV, 7, 19: Все то наслѣдника рукъ проминуетъ скупыхъ
Cuncta manus avidas fugient heredis.

Эпитетъ avidus указываетъ на жадность, съ которой наслѣдникъ выжидаетъ полученія денегъ.

Эподы IX, 13: Колья въ ограду тащить да оружіе,
Словно морщявый эвнухъ.
Fert vallum et arma miles et spadonibus
Servire rugosis potest.

Гораций указываетъ на позоръ римскаго войска, которое отдано въ распоряженіе Клеопатрѣ и должно повиноваться ея евнухамъ, составлявшимъ придворный штатъ египетской царицы.

Эподы X, 18: Моляся къ Зевесу самому,
Коль Іонійскій Нотъ сырой,
Взревѣвши разорветъ корму!
Preces et aversum ad Jovem,
Ionius udo cum remugiens sinus
Noto carinam ruperit.

У Горація не упоминается объ Іонійскомъ Нотѣ, а объ Іонійскомъ морѣ.

Сатиры 1, 9, 5: Да пока, говорю, хорошо, да и ты тоже здравствуй.

*Suaviter, ut nunc est, inquam et cupio omni
quae vis.*

Послѣдняя фраза употреблялась у Римлянъ, какъ вѣжливыя форма прощальнаго привѣтствія.

Сатиры II, 1, 39: Но пусть никогда этотъ грифель не тронетъ
Никого изъ живыхъ.

*Sed hic stilus haud petet ultro
quemquam animantum.*

Въ подлинникѣ мысль другая: Горацій выражаетъ не желаніе, а обѣщаніе, ручаясь за безобидный характеръ своихъ сатиръ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что особенно рѣзкихъ промаховъ въ пониманіи подлинника мы у г. Фета не усматриваемъ и переводъ его, въ общемъ, можетъ быть признанъ переводомъ вѣрнымъ. Понявъ писателя въ его формѣ, переводчикъ понялъ и время и среду, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Горацій, и мы не встрѣчаемъ мѣстъ, въ коихъ римскому поэту были навязаны русскимъ переводчикомъ мысли и выраженія, не гармонирующія съ общимъ характеромъ и частными деталями эпохи Августа.

Но, при вѣрности перевода г. Фета вообще, онъ не вездѣ можетъ быть признанъ абсолютно близкимъ къ подлиннику. Какъ по отношенію къ близости буквальной, такъ и близости по тону и колориту, можно сдѣлать переводчику не мало замѣчаній. Предварительно, однако, рецензентъ считаетъ себя обязаннымъ заявить, что многія отдѣльныя мѣста римскаго поэта переданы г. Фетомъ весьма близко, что, въ общемъ, тонъ поэзіи Горація

схваченъ весьма удачно и вполне можетъ дать понятіе русскому читателю объ общемъ характерѣ поэзіи Меценатова любимца.

Особенно много замѣчаній вызываютъ переводы лирическихъ произведеній, что и естественно. Переводя, какъ мы укажемъ въ подробности нѣсколько ниже, оды и эподы Горація римованными стихами, г. Фетъ не имѣлъ возможности передать въ нихъ все выраженія и образы оригинала; онъ старался схватить лишь существенныя его черты и, въ большинствѣ случаевъ, дѣлалъ это удачно. Вслѣдствіе такой оболочки своихъ переводовъ переводчикъ, естественно, долженъ былъ кое-что выпустить, иное прибавить, иногда замѣнить одну картину другою, мѣстами переставить выраженія, измѣнить конструкцію и тому подобное. Строго говоря, все это суть нарушенія требованія возможной близости къ оригиналу, но они извинительны тогда, когда или вызваны необходимостью, или касаются такихъ деталей, которыя не представляютъ чего либо существенно характернаго и поэтому не извращаютъ пониманія подлинника. Посему, въ излагаемыхъ ниже замѣчаніяхъ мы не будемъ приводить всѣхъ мѣстъ, представляющихъ отклоненія отъ оригинала, но перечислимъ лишь тѣ, въ которыхъ, по нашему убѣжденію, переводчикъ перешелъ за предѣлы предоставленной ему свободы и которыя желательно было бы видѣть исправленными при послѣдующихъ изданіяхъ.

Оды: I, 8, 6: «коня изъ Галліи *лѣсистой*». Эпитета этого нѣтъ въ подлинникѣ и онъ не прибавляетъ ничего, представляясь *eritheton otiosum*, потому что кони въ лѣсахъ обыкновенно не водятся. Это слово, правда, понадобилось для рѣшмы съ послѣдующимъ: *золотистой* — но врядъ ли позволительно жертвовать для рѣшмы поэтической правдой.

I, 10, 2: «Меркурій межъ *древнихъ* дикарей ревнитель просвѣщенія». Въ подлинникѣ: *qui ferus cultus hominum recentum-formati*. Эпитетъ, какъ разъ, противоположнаго значенія: имъ указывается не на *древность* людей, а на то, что они только что были созданы и потому еще даже и говорить не умѣли.

ibid. 10. «Въ младенчествѣ твоемъ... угрозы пастыря ты,

мальчикъ, *испугался*» — *puerum minaci voce dum terret*. Здѣсь мысль передана неудачно: изъ того, что, слушая угрозы Аполлона, малютка Меркурій воспользовался его возбужденнымъ состояніемъ и укралъ у него кочанъ, видно, что онъ вовсе не испугался брани, потому-то въ подлинникѣ и стоитъ: *terret*, что указываетъ лишь на дѣйствіе Аполлона, а послѣдующее: *viduus pharetra* — на результатъ этого дѣйствія.

I, 12, 26: «другаго ва *скорыхъ* кулачныхъ сраженьяхъ». Тоже epitheton otiosum, не находящійся въ подлинникѣ — кулачныя состязанія могутъ быть и продолжительны.

I, 16, 25: «Но послѣ, *грустную* отвагу замѣнивъ покорной кротостью» — *nunc ego mitibus mutare quaero tristia*. Выше Гораций говорилъ о своихъ ямбахъ, отъ продолженія которыхъ онъ теперь отказывается, вслѣдствіе чего *tristis* не имѣетъ здѣсь значеніе «грустнаго», но «ѣдкаго, оскорбительнаго».

I, 17, 23: «Сюда *преградитъ* Семелей Тіонейскій суровому Марсу дорогу» — *nes Semeleius cum Marte confundet Thyoneus proelia*. Картина въ подлинникѣ иная: Вакхъ представляется сражающимся съ Марсомъ, и притомъ, безпорядочно, чѣмъ указывается на то, что и при попойкѣ дѣло можетъ дойти до пролитія крови, какъ и въ битвѣ.

I, 18, 15: «онъ возбуждаетъ въ пьяномъ порывы гордые хвалить свои дѣла» — *quae subsequitur caecus amor sui et tollens vacuum plus nimio gloria verticem*. Переводъ весьма слабо передаетъ мысль оригинала, въ которомъ говорится, что, подъ вліяніемъ Вакха, человѣкъ ослѣпляется себялюбіемъ, ищетъ славы, которая ни чѣмъ не заслужена и которая тѣмъ не менѣе высоко поднимаетъ свою голову.

I, 20, 2: «его моя рука въ сосуды наливала» — *Graeca quod ego ipse testa conditum levi*. Въ переводѣ не передана картина: *conditum levi* и пропущенъ эпитетъ *Graeca*, указывающій на дешевую посуду, выдѣлывавшуюся въ Великой Греціи.

I, 22, 1: «Кто сердцемъ уцѣлѣлъ среди искушеній зла и чер-

наго обмана» — *integer vitae scelerisque purus*. Русскій переводъ представляется перифразомъ.

ibid. 7: «Гидаспъ брега свои *кропитъ* волною». Латинское *lambit* указываетъ на медленное и ровное теченіе рѣки, волны которой «лижутъ» берега.

ibid. 11: «бѣжалъ *во млу древесъ*» — этой картины нѣтъ въ подлинникѣ и она не необходима.

I, 24, 7: «Честь неподкупная, ни Правда» — *incorrupta Fides pudaque Veritas*. Эпитетъ *puda*, оставленный безъ перевода, здѣсь далеко не излишенъ, какъ совершенно параллельный съ *incorrupta*.

ibid. 9: «Онъ палъ, оплаканный вездѣ единогласно» — *multis ille bonis flebilis occidit*. Въ переводѣ является чрезмѣрное усиленіе мысли подлинника, а въ I, 26, 5: «узналъ ли Тиридатъ про козни боевыя?» — *quid Tiridaten terreat?* — чрезмѣрное его ослабленіе.

I, 31, 1: «Чего пѣвцу, склонясь, просить у Аполлона?» — *quid dedicatum poscit Apollinem vates?* Картины: «склонясь» въ оригиналѣ нѣтъ, а *dedicatum*, указывающее на недавнее освященіе Палатинскаго храма, не нашло себѣ мѣста въ переводѣ.

I, 32, 14: «Обители боговъ отрадная самой» — *daribus supremi grata testudo Iovis*. Переводъ слишкомъ далекъ отъ подлинника, въ которомъ указывается на паршества высочайшаго Зевса, за коими раздаются звуки лиры.

I, 34, 14: «Властенъ высокое богъ преклонить и затмить лучезарное, тьму озаривши». *Valet ima summis mutare et insignia attenuat deus obscura prorens*. Вторая картина, хотя и не совсѣмъ отвѣчающая подлиннику, еще возможна, но послѣдняя: «тьму озаривши» совершенно несоотвѣтствуетъ Горациеву: *obscura prorens*, чѣмъ обозначается, что божество властно выдвинуть кого нибудь изъ мрака неизвѣстности.

I, 35, 28: «двойнымъ испуганы яромъ» — *ferre iugum rarter dolosi*. Переводъ далекій отъ подлинника, въ которомъ объ

испугѣ нѣтъ рѣчи, а говорится о коварствѣ друзей, нежелающихъ раздѣлить чужое горе.

I, 36, 9: «Про тоги, прельщавшія взоры» — *mutataeque simul togae*. Переводъ неудачный, такъ какъ въ подлинникѣ говорится о томъ, что Плоцій Нумида достигъ совершеннѣйша одновременно съ Эліемъ Ламіей.

I, 37, 26: «взираетъ смѣло на *грустный* свой чертогъ» — *ausa et iacentem visere regiam*. Въ подлинникѣ гораздо сильнѣе, ибо указывается на разрушеніе чертоговъ Клеопатры.

II, 1, 4: «я *важные* на дѣлѣ союзы дружества вождей» — *gravesque principum amicitias*. Здѣсь *gravis* указываетъ на то, что дружба триумвировъ, послужившая источникомъ гражданскихъ войнъ, была гибельна для государства.

II, 3, 26: «Позднѣй ли, раньше ли, какъ жребій *безъ сознания* изъ урны выскочить». Выраженія: «безъ сознанья» нѣтъ въ подлинникѣ, да оно и неумѣстно, потому что, разъ рѣчь идетъ о жребіи, сознаніе при этомъ не имѣетъ мѣста.

II, 5, 19: «какъ ночью мѣсяцъ ясный *на глубинѣ* морской» — *ut puga nocturno renidet luna magi*. Прибавка словъ: «на глубинѣ» является излишней, такъ какъ мѣсяцъ свѣтитъ не только на глубинѣ моря, но отражается и на прибрежной его части.

ibid. 22. «Не диво *знатоку*, и даже *молодцу* его не отличить» — *mire sagaces falleret hospites*. Подъ *hospites* Гораций разумѣетъ Нестора и Одиссея, которые искали на Скиросѣ переодѣтаго Ахилла.

II, 8, 14: «простыя Нимфы» — *simplices Nymphae*. Этотъ эпитетомъ Гораций обозначаетъ не столько простоту, сколько благодушіе, наивность Нимфъ.

II, 11, 18: «Кто, мальчики, скорѣй покалы цѣльнаго и чуждаго(?) Фалерна опуститъ утушить въ сверкающій ручей?» — *quis puer ocius restinguet ardentis Falerni pocula praetereunte Iympha?* Въ русскомъ переводѣ картина измѣнена, и, притомъ, не къ лучшему: опускать бокалы съ виномъ въ ручей есть дѣло

необычное, тогда какъ примѣшивать въ вино воду изъ мимо протекающаго ручья было дѣломъ весьма обыкновеннымъ.

II, 12, 10: «Ты самъ, о Меценатъ, расскажешь намъ вѣрнѣй» — *tuque pedestribus dices historiis*. Упоминаніе «о прозаической исторіи» Мецената существенно важно, и потому не могло быть опущено въ переводѣ.

II, 18, 3: «На рядъ столповъ не налегаетъ изъ мрамора гиметтскаго брусокъ» — *non trabes Нуметтіае premunt columnas ultima recisas Africa*. И тутъ также не слѣдовало опускать подробности о томъ, что колонны были вытесаны на крайнихъ предѣлахъ Африки, такъ какъ эта подробность сообщаетъ существенную черту картинѣ рисуемаго поэтомъ богатства.

III, 1, 13: «Тотъ, окруженный кліентами *давними*, гордъ ихъ толпою» — въ подлинникѣ нѣтъ эпитета «давними», который представляется излишнимъ.

III, 2, 17: «А доблесть грязныхъ всѣхъ чуждается страстей, одною славою блистая благородной» — *Virtus repulsae nescia sordidae intaminatis fulget honoribus*. Въ подлинникѣ выраженія гораздо болѣе опредѣленны: дѣло идетъ о почетныхъ должностяхъ, *honores*, которыя кому либо не достаются — *repulsa sordida*.

III, 4, 3: «И пѣсню звонкую пропой». Въ подлинникѣ эпитетъ *longum*, сообщающій другой отгѣнокъ, измѣнить который переводчикъ врядъ ли былъ въ правѣ.

ibid. 9. «Разъ на Вольтурѣ, близъ полей родныхъ, ко сну меня склонило». Въ переводѣ пропала интересная черта подлинника: *altricis extra limina pergulae ludo fatigatumque somno*; въ ст. 61 опущены эпитеты Аполлона: *Delius et Patareus*; въ 10-й одѣ той же книги, ст. 12, опущенъ эпитетъ *Tutthenus*, приданный отцу Лики.

III, 11, 39: «Я тестя усынила, ты обмани сестеръ». Въ подлинникѣ этого противоположенія нѣтъ (*socerum et scelestas falle sorores*), да оно и не необходимо.

III, 12, 6: «Блестящій Гебръ тебя плѣнялъ. Бѣжить ли съ плечъ его душистыхъ влага Понта». — *Liparaei nitor Hebri simul*

unctos Tiberinis umeros lavit in undis. Въ переводѣ опущены эпитетъ *Liragaei*, и затѣмъ прибавлены чуждыя подлиннику подробности: душистыя плечи и влага Понта. Тамъ идетъ рѣчь лишь о томъ, что Гебръ, какъ атлетъ или палестритъ, омываетъ свои намазанныя масломъ плечи въ волнахъ Тибра.

III, 19, 22: «Пусть услышитъ Ликъ съ сосѣдкою разгумъ звуки... а Рода по тебѣ вздыхаетъ» — *Audiat invidus dementem strepitum Lycus et vicina seni non habilis Lyco. Spissa te nitidum coma... tempestiva petit Rhode.* Въ переводѣ выражены далеко не всѣ, и притомъ существенныя детали подлинника.

III, 25, 9: «Такъ не смущается Тиада на вершинѣ Оракійской видомъ горъ въ сіяніи снѣговъ». — *Non secus in iugis exsominis stupet Evhias Hebrum prospiciens et nive candidam Thracen ac pede barbaro lustratam Rhodopen.* И тутъ пропущено много существенныхъ подробностей оригинала.

ibid. 13: «О мощный царь Наядъ, почившихъ надъ волнами!» Послѣднихъ трехъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ и они представляются довольно странною прибавкою, ибо что значить, что Наяды почивли (?) надъ (?) волнами?

III, 26, 1: «Еще недавно жилъ я съ пользою для дѣвъ» — *vixi puellis nuper idoneus. Idoneus* обозначаетъ здѣсь то, что лѣта и силы еще недавно позволяли поэту предаваться наслажденіямъ любви; о *пользѣ* же для дѣвъ не можетъ быть и рѣчи.

ibid. 7: «лукъ, столь годный для войны, громящій по ночамъ упрямья твердыни» — *arcus oppositis foribus minaces.* Какъ разъ по ночамъ и невозможно стрѣлять изъ лука, такъ какъ въ темотѣ невозможно прицѣлиться; не даромъ этой невѣрной подробности нѣтъ въ подлинникѣ.

III, 29, 17: «Отецъ Андромеды всегда блеститъ съ Прокіономъ не даромъ; ужь Льва показала звезда» — *iam clarus occultum Andromedae pater ostendit ignem, iam Procyon furit et stella vesani Leonis.* Въ переводѣ опущено много деталей оригинала, вслѣдствіе чего исчезла его картинность.

IV, 1, 3: «Уже не тотъ я сталъ и нѣтъ во мнѣ огня, которымъ я горѣлъ предъ доброю Циварой» — *non sum qualis eram bonae sub regno Sinaeae*. Переводъ вводитъ картину, которой нѣтъ въ подлинникѣ и которая ничѣмъ не вызывается.

ibid. 9: «Ты своевременнѣй на парѣ лебедей домъ Павла Максима роскошный и свободный могла бы посѣтить» — *tempestivius in domum Paulli purpureis ales oloribus commissabere Maximi*. Не простые лебеди везутъ царицу красоты, но пурпуровые пли, какъ объясняютъ здѣсь нѣкоторые, ослѣпительно блестящія; эпитетовъ же: роскошный и свободный (?) нѣтъ въ подлинникѣ.

ibid. 23: «Берецинтійскій рогъ наполнить звукомъ храмъ». Въ подлинникѣ рѣчь идетъ не о «рогѣ», а о флейтѣ — *Berensuntia tibia*.

IV, 2, 28: «съ Матинской сходенъ пчелою, пьющей на тмшнѣ отрадную влагу» — *ego apis Matinae more modoque grata carpentis thuma per laborem plurimum*. Переводъ не полно передаетъ подлинникъ, опуская весьма существенную подробность: *per laborem plurimum*, объясняющую стоящее ниже: *oregosa carmina*; съ другой стороны, подлинникъ не говоритъ ничего про «отрадную влагу», которую пьетъ пчела.

ibid. 44: «Дни воспоешь ты веселья и Рима общія, къ радости общей, игрища, также предъ Августомъ смолкшій на стогнахъ говоръ судьбища» — *Concines laetosque dies et urbis publicum ludum super impetrato fortis Augusti reditu forumque litibus orbium*. По точному смыслу подлинника, игрища празднуются по поводу возвращенія Августа изъ Галліи, а форумъ освобождается отъ процессовъ не передъ Августомъ, а вслѣдствіе такъ называемаго *iustitium*. Странно, что въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ г. Фетъ далъ правильное толкованіе мѣста, не точно переданнаго въ переводѣ.

IV, 3, 7: «Вѣнецъ стяжавшему дельфійскій за то, что грозные цари отражены» — *neque res bellica Deliis ornatum foliis ducem quod regum tumidas contuderit minas*. Въ подлинникѣ го-

ворится о делосскомъ вѣнцѣ и затѣмъ о сокрушеніи, а не отраженіи кичливо грозныхъ царей Востока.

ibid. 10: «Рощи темныя и плескъ тибурскихъ водъ» — *quae Tibur aquae fertile praefluunt et spissae nepotum somae*. Въ переводѣ подлинникъ утратилъ значительную долю своей картинности.

IV, 4, 20: «Откуда къ нимъ зашелъ обычай, что топоры ит. амазонскій дань въ десницу *вмѣсто пикъ*, не стану спрашивать.» Слово «вмѣсто пикъ» въ подлинникѣ нѣтъ и они представляются странными, какъ будто Вияделики обязательно должны были сражаться пикой.

IV, 5, 18: «Обильные плоды Цереры край питаютъ». Въ подлинникѣ къ Церерѣ присоединена еще *alma Faustitas*. Въ ст. 25 опущенъ эпитетъ *gelidus*, приданный Скиѳу, а въ 28 *ferus*, приданный Иберійцу.

ibid. 30: «Къ сухому дереву побѣги лозъ склоняетъ». Въ подлинникѣ деревья названы *viduae* потому, что въ предшествующія гражданскія войны винодѣліе въ Италіи было почти оставлено. Лозы же садилась и садятся по нынѣ возлѣ зеленѣющихъ, а не сухихъ деревьевъ.

IV, 6, 34: «Оленей на скаку чей укрощаетъ лукъ». Въ подлинникѣ стоятъ еще *lynxes*, т. е. рыси.

ibid. 38: «И той, чей факель намъ блеститъ во тьмѣ ночной» — *rite crescentem face Noctilucam*. Въ переводѣ не выражено обычное параженіе луны, о которомъ говорится въ подлинникѣ.

IV, 8, 3: «Я бѣ подарилъ, какъ Грекъ, треножникъ выписной» — *donarem tripodas, praemia fortium Graiorum*. Подлинникъ не говоритъ о «выписныхъ» треножникахъ, а о томъ, что у Грековъ они давались какъ награда за побѣду на состязаніяхъ.

IV, 9, 7: «Симонидъ съ Алкеемъ». Переводчикъ опустилъ существенно важный, эпитетъ приданный музѣ Алкея — *minaces Samenae*.

IV, 10, 5: «Увидя въ зеркалѣ *увядшія* черты» — *Ligurinum in faciem verterit hispidam*. Рѣчь идетъ о возмужаніи Лигурина,

который, когда обрастетъ бородой, перестанетъ быть женоподобнымъ красавцемъ.

IV, 11, 7: «Предъ агнцемъ жертвеннымъ, подъ вѣтвями оливы, святой алтарь стоять» — *ara castis vincta verbenis avet immolato spargier agno*. Переводъ оказывается слишкомъ далекимъ отъ подлинника.

IV, 12, 4: «рѣчки на просторѣ безъ снѣгу тихая сіяеть полоса» — *pec fluvii strepunt hiberna nive turgidi*. Переводчикъ измѣнилъ картину, но врядъ ли удачно, такъ какъ большинство рѣкъ въ Италіи суть горныя рѣки.

IV, 13, 18: «Гдѣ красотой облеченное тѣло?» — *decens quo motus?* Подлинникъ говоритъ о граціозности движеній.

IV, 14, 47: «Ты даже сѣдой океанъ усмирилъ, что рвется къ Британцамъ волною холодной» — *Te beluosus qui remotis obstrepat Oceanus Britannis*. Горацій зоветъ Океанъ не сѣдымъ, а населеннымъ различными чудовищными животными; далѣе, выраженіе: «рвется къ Британцамъ» неудачно передаетъ *obstreperae*, обозначающее шумъ Оксана у береговъ Британіи. «Холодной волной» нѣтъ въ подлинникѣ, а есть эпитетъ Британцевъ *remoti*, не переданный по русски. Также не переданъ и эпитетъ *durae*, приданный въ ст. 50 *Hiberiae*.

ibid. 52: «Доспѣхи бросать предъ тобой замышляютъ» — *compositis venerantur armis*. Переводъ гораздо слабѣе подлинника, въ которомъ, какъ фактъ совершившійся, упоминается подчиненіе Сикамбровъ Августу.

IV, 15, 22: «Не смѣетъ нашего слушаться закоя» — *pop... edicta rumpent Julia*. Здѣсь существенно важенъ этотъ эпитетъ, «и потому необходимо долженъ быть переданъ».

Carin. Saec. 5. «Въ книгахъ Сивиллиныхъ, должному насъ научившихъ». Последнихъ трехъ словъ нѣтъ въ оригиналѣ. Точно такъ же въ ст. 14 прибавлены слова: «какъ всегда охраняла». Въ обояхъ случаяхъ прибавки не вызваны ничѣмъ и представляются неумѣстными въ молитвѣ, гдѣ на каждое слово и выраженіе обращается особенное вниманіе.

epod. 2, 4: «Не зная алчности пустой» — *solutus omni faepore*. Русскій переводъ представляетъ собою перифразъ подлинника.

ibid. 35. Опущень эпитетъ *ravidus*, приданный зайцу.

ibid. 41: «И дочь Апулія... она сухихъ вѣтвей надложитъ в очагъ, съ охоты мужа поджидая» — *Pernicis ixor Apuli sacrum vetustis exstruat lignis focum lassı sub adventum viri*. И это есть перифразъ подлинника.

4, 14: «весь вноходцами путь пспятналъ» — *Arriam mannis terit*. Совсе не эстетическая картина перевода въ подлинникѣ замѣнена вною, по которой частыя поѣздки Мены стираютъ Аппіеву дорогу, ведущую изъ Рима въ его помѣстье.

6, 9: «Ты хоть и по гѣсу въ голосъ несешься» — *tu cum timenda voce complesti nemus*. Переводъ слабѣ подлинника, въ которомъ особую силу имѣетъ слово *timenda*, оставленное г. Фетомъ безъ перевода.

7, 7: «неподатливый Британецъ» — *intactus Britannus*. И здѣсь переводъ слабѣ подлинника, въ которомъ говорится о томъ, что Римская власть и оружіе еще не коснулись Британніи.

9, 17: «Этимъ смутясь, повернули двѣ тысячи Готѣовъ коней». Въ подлинникѣ рѣчь идетъ о Галахъ или Галатахъ, перешедшихъ на сторону Цезаря.

ibid. 21: «іо триумфъ, что ты ждешь съ колесницами, гдѣ же твой жертвенный волъ?» — *іо triumphе, tu moraris augeos sigrus et intactas boves?* Эпитетъ *augeos* здѣсь существенно важенъ, какъ характерная особенность триумфа, и потому опущень напрасно; кромѣ того, у Горація рѣчь идетъ объ *intactae boves*, т. е. объ телкахъ, которыя еще не знаютъ ярма.

ibid. 33: Картина подлинника: *saracines affer huc ruer scurphos* замѣнена простымъ оборотомъ: «дай же намъ, мальчикъ, побольше Хіосскаго».

10, 13: «Какъ обратился съ Трои гнѣвъ Паллады на Аяковъ чельнъ». Въ переводѣ опущены два существенные эпитета: *usto ab Іііо — in impiam ratem*.

ibid. 21: «Когда же на берегу морскомъ тебя слетятся чайки ѣсть» — *Optima quodsi praeda curvo litore porrecta mergos iuveris*. Картинность выраженій подлинника исчезла въ переводѣ.

11, 12: «тебѣ я твердилъ» — *querebar applorans tibi*. Въ оригиналѣ рѣчь идетъ о жалобахъ и мольбахъ.

ibid. 18: опущенъ эпитетъ *severus*, въ ст. 25 *libera*, въ ст. 26 *graves*, въ ст. 27 *teretis*.

ibid. 21: «гдѣ ляжки протеръ съ двухъ сторонъ» — *quibus lumbos et infregi latus*. Русское выраженіе, довольно неудачное, не даетъ надлежащаго понятія о смыслѣ латинскаго подлинника.

13, 11: «Рослому пѣлъ же питомцу центавръ *среди пустыни*». Послѣднихъ словъ нѣтъ въ оригиналѣ, да они и невѣрны, такъ какъ Ахиллъ, какъ извѣстно, обучался у Хирона на горѣ Пеліонѣ, а не въ пустынѣ.

Въ ст. 14 опущенъ эпитетъ *ragvi*, въ 15 — *lubricus*, въ 16 — *certo*.

14, 5: опущенъ эпитетъ: *candide*, который существенно необходимъ въ виду слѣдующаго за сямъ *occidis*, которое не слѣдовало переводить: убьешь.

16, 6: «Ни Аллоброгъ, что въ дѣлахъ новыхъ измѣнникомъ сталъ» — *rebusque novis infidelis Allobrox*. Переводъ весьма неудачный: *res novae* обозначаетъ здѣсь тотъ государственный переворотъ, который имѣлъ въ виду произвести Катилина и который сдѣлался извѣстнымъ властямъ, благодаря измѣнѣ ему Аллобрововъ.

ibid. 19: «Оставляя поля и Ларъ и храмы жилые на житье кабанамъ». Слово: «жилые» здѣсь непонятно и не находитъ себѣ никакого соотвѣтствія въ оригиналѣ.

17, 16: «При Одиссеѣ гребцы работающіе» — *laboriosi gemiges Ulixei*. Здѣсь *laboriosus* отнесено къ самому Улиссу и указываетъ на тѣ затрудненія, которыя онъ испыталъ при возвращеніи на родину.

Сатиры I, 1, 20: Опущено безъ перевода нарѣчіе *merito*, которое здѣсь имѣетъ особенную силу, показывая, что гнѣвъ Юпитера совершенно заслуженъ людскою глупостью.

ibid. 29: слово *сауро* передано черезъ «трактирщикъ», въ сат. V, 4—черезъ «торгашъ», что вѣрнѣе.

ibid. 50: «живущимъ по природѣ» — въ подлинникѣ сказано болѣе опредѣленно: *intra naturae finis*.

ibid. 70: «на мѣшкахъ, отовсюду стасканныхъ, жадно ты *безсонный* лежишь» — *collectis undique saxis indormis inhians*. Здѣсь *indormire* лучше принимать въ значеніи: засыпать.

ibid. 100: «дерзко напомнивъ собой Тиндариду» — *fortissima Tyndaridarum*. Здѣсь Гораций не имѣетъ въ виду укорить отпущенницу, но съ комической важностью отдаетъ ей предпочтеніе даже передъ Клитемнестрой.

ibid. 104: слова *varra* и *nebulo* переведены: «кутила и моть»; въ сат. 2, 12, они же: «моть и негодяй», а въ посл. I, 2, 28, *nebulones* передано черезъ: «бездѣльники». Желательно видѣть болѣе выдержанности въ передачѣ одного и того же термина.

ibid. 120: напрасно переводчикъ опустилъ прозваніе Криспина *lirrus*, которое здѣсь имѣетъ значеніе.

I, 2, 30: также напрасно опущенъ эпитетъ *olens*, приданный слову *fornix* и весьма живо его характеризующій.

I, 4, 43: «уста громогласны» — *os magna sonaturum*. Здѣсь скорѣе рѣчь идетъ о величавости, возвышенности рѣчи, чѣмъ объ ея громогласности.

ibid. 46: *acer spiritus* переведено черезъ: «мощный вздохъ» несовсѣмъ правильно; здѣсь имѣется въ виду то воодушевленіе, которымъ проникнута истинно поэтическая рѣчь.

ibid. 69 слово: *latro* передано черезъ: «проходимецъ» не совсѣмъ вѣрно; это скорѣе разбойникъ или мошенникъ.

ibid. 90: «миль и игривъ и развязенъ» — *comis et urbanus liberque*; въ I, 9, 65 слова: *comis et urbanus* переданы черезъ: «тонокъ и забавенъ».

I, 5, 27: «доблестный тутъ Мecenать». Латинское: *optimus* не соотвѣтствуетъ нашему: «доблестный»; здѣсь оно значитъ: «добрѣйшій».

ibid. 56: «чахлый Сарментъ» — *prior Sargentus*. Нѣтъ ли тутъ опечатки?

ibid. 71: «Прямо отсюда вошли въ Бенеventъ» — *tendimus hinc recta Beneventum*. *Tendere* соотвѣтствуетъ скорѣе нашему: «направляться».

ibid. 98: «Тутъ въ Гнатіи, видно, Нимфами въ злобѣ построенной, смѣхъ намъ былъ» — *dein Gnatia nymphis iratis exstructa dedit risus*. *Iratis nymphis* значитъ: «при гнѣвѣ нимфъ», при чемъ нѣтъ необходимости понимать, чтобы сами нимфы строили городъ, что и невозможно.

I, 6, 17: «все дивится на подписи да на слѣпки» — *stupet in titulis et imaginibus*. *Imagines* имѣетъ свое техническое значеніе, которое не выражается нашими: «слѣпки».

ibid. 119: «вотъ наконецъ то спать я иду» — *deinde eo dormitum*. Переводъ не совсѣмъ точный.

I, 8, 39: «дрянь Педіатія вмѣстѣ съ Вораномъ пройдохой» — *fragilis Peditia furque Voranus*. *Fragilis* указываетъ на развратную жизнь Педіатія, которому поэтому придано имя въ женскомъ родѣ, а *fur* сильнѣе, чѣмъ наше: «пройдоха» и обозначаетъ прямо вора.

I, 9, 6: «Иль нужно что? я говорю». *Numquid vis? ossuro*. Здѣсь слѣдовало бы передать особый оттѣнокъ глагола *ossuro*, которымъ поэтъ обозначаетъ, что онъ старается предупредить всякое начало разговора съ болтуномъ и вѣжливо съ нимъ прощается.

ibid. 30: опущенъ эпитетъ *mota* при словѣ: *igna*, а въ ст. 31 — *tarda* при словѣ: *podagra*. Оба они характерны, и потому опущены врядъ ли основательно.

ibid. 38: «войди на минутку» — *paullum hic ades*. *Adesse* имѣетъ свое специальное значеніе о такъ называемыхъ *advocati*, которые, являясь на судъ, однимъ своимъ присутствіемъ помо-

гали тяжущимся сторонамъ. Слѣдовательно, здѣсь болтунъ не только приглашаетъ Горація войти въ судъ, но и принять, хотя бы косвенное участіе въ процессѣ, какъ лицо близкое къ Мecenату, и потому особенно вліятельное. Этимъ объясняется и послѣдующій отвѣтъ Горація: *inteream si novi civilia iura*.

ibid. 40: «я ухожу, куда знаешь» — *et propego quo scis*. Въ подлинникѣ гораздо сильнѣе: *et propego*, что слѣдовало бы выразить и въ переводѣ.

ibid. 50: «меня не тревожитъ ни мало» — *nil mi officit unquam*. Въ подлинникѣ рѣчь идетъ не о тревогѣ, а о препятствіи, которое оказывается кому либо со стороны соперниковъ, старающихся занять первое мѣсто. Потому то въ ст. 51 говорится: *est locus unicuique suus*.

ibid. 64: «Жму неупрямыя руки» — *lentissima braccia*. Этимъ эпитетомъ выражается то, что у Фуска руки оказывались нечувствительными къ пожиманіямъ Горація.

I, 10, 6: «Лаберія шуткамъ дивиться». — *Laberi mimos mirer*. Здѣсь слѣдовало бы удержать специальный терминъ *mimi*.

ibid. 7; «Смѣхомъ надсаживать горло слушателей» — *risu diducere rictum auditoris*. Переводъ значительно усиливаетъ подлинникъ.

ibid. 44: «Варій могуче эпосъ ведетъ какъ никто» — *forte epos acer ut nemo Varius ducit*. Напрасно въ переводѣ опущенъ эпитетъ *acer*, характеризующій поэзію Варія, и затѣмъ не точно передано значеніе глагола *ducere*, которымъ вводится сравненіе сочиняющаго стихи поэта съ ткачемъ, ткущимъ матерію.

ibid. 53: напрасно опущенъ эпитетъ *comis*, приданный Луцілію съ точки зрѣнія его почитателей и въ ст. 54—выраженіе: *gravitate minores*, вводящее основаніе для насмѣшки Луцілія надъ Енніемъ.

II, 1. 3: «другіе находятъ все сочиненное мною безсочнымъ» — *sine nervis altera quidquid composui pars esse putat*. Если не ошибаемся, русскимъ словомъ: «безсочный» обозначается сочиненіе безсодержательное и неинтересное, тогда какъ словами:

sine peruis Горацій хочетъ выразить, что одни изъ его противниковъ укоряли его въ отсутствіи всякой силы, мужественности, энергіи.

ibid. 4. «отпустить» — deducere. Сравни то что, было замѣчено по поводу sat. I, 10, 44.

ibid. 5: «Что же мнѣ дѣлать велишь?» — quid faciam, praescribe. Praescribere имѣетъ здѣсь особый отгѣнокъ, не выраженный въ переводѣ: Требагя, знаменитаго юриста, спрашиваетъ Горацій, употребляя при этомъ термины, заимствованные изъ юридической практики.

ibid. 21: «ѣдкими жучить стихами Пантолаба шута и Номентана мотыгу» — tristi laedere versu Pantolabum scurram Nomentanumque nepotem. Выраженіе «жучить» не точно передаетъ латинское: laedere. Слово scurra, здѣсь переведенное черезъ: «шутъ», во II, 7, 15 переведено черезъ: «кутила», а II, 7, 35 — черезъ: «прихлебатель».

ibid. 31: «вѣряетъ всѣ тайны книгамъ своимъ, не скрывая, случалось ли съ нимъ что дурное» — neque si male cesserat usquam descurrens alio. Русскій переводъ представляется перифразомъ подлинника, въ которомъ не говорится о томъ, чтобы Луцілій скрывалъ что нибудь, но о томъ, что онъ не обращался никуда, кромѣ книгъ, для того, чтобы подѣлиться своимъ горемъ или радостью.

ibid. 37: «онъ же здѣсь водворенъ, черезъ пустошь на Римлянъ врагъ не накинулся» — quone per vacuum Romano incurret hostis. Вѣроятно, въ переводѣ пропускъ или опечатка. Не слѣдуетъ ли читать: черезъ пустошь на Римлянъ врагъ чтобъ не кинулся?

ibid. 61. «О мальчикъ, при долголѣтїи твоемъ я боюсь, чтобъ изъ знатныхъ друзей кто не поразилъ тебя холодомъ.» — O puer, ut sis vitalis metuo et maiorum ne quis amicus frigore te feriat. Переводъ не совсѣмъ ясно выражаетъ мысль подлинника: Требацій съ одной стороны боится за долголѣтїе своего любимца, такъ какъ вообще, по общераспространенному воззрѣнію, осо-

бенно даровитыя дѣти не живучи, и затѣмъ опасается охлажденія къ нему знатныхъ покровителей. Между тѣмъ, въ переводѣ долголѣтіе представляется какъ нѣчто положительное, въ чемъ Требаціи увѣренъ (понимать: «при долголѣтїи» въ смыслѣ: «если только ты будешь долголѣтенъ» врядъ ли кому изъ читателей, незнакомыхъ съ латинскимъ подлинникомъ, придетъ въ голову).

II, 2, 11 опущенъ эпитетъ *velox*, приданный слову *pila* и для него характерный.

ibid. 88: «поздняя старость» — *tarda senectus*. Здѣсь эпитетъ *tardus* имѣетъ переходящее значеніе.

II, 3, 12: «такихъ провожатыхъ» — *comites educere tantos*. Въ подлинникѣ указывается на количество — «столькихъ».

ibid. 25: «домовъ накуплю я на барыши» — *domos mercatier unius cum lucro pogam*. Въ подлинникѣ говорится, что Дамасиппъ умѣлъ покупать дома съ барышомъ, съ выгодою для себя.

ibid. 32: «большіе глупцы и ты и всѣ вмѣстѣ» — *insanis et tu stultique prope omnes*. Въ переводѣ опущено нарѣчіе *prope*, которое значительно ограничиваетъ сужденіе Стертинія.

ibid. 68: «добычу, что явно Меркурій подноситъ» — *quam graesens Mercurius fert*. Слово: *graesens* не имѣетъ въ виду указать, что помощь является отъ божества явно, а не тайно, но на то, что божество, помогая, покровительствуетъ излюбленному имъ человѣку.

ibid. 72: «если его потащишь ты въ судъ — онъ ослабится только» — *malis ridentem alienis*. Этимъ выраженіемъ обозначается, что привлеченный къ суду должникъ, хотя и смѣется, но смѣхъ его неестественъ, потому что за нимъ скрывается внутрення тревога.

ibid. 80: «или иною болѣзнью» — *aut alio mentis morbo*. Въ подлинникѣ сказано болѣе опредѣленно.

ibid. 86: «дать угощеніе какъ Арріи» — *epulum arbitrio Agri*. Въ подлинникѣ пиршество, которое обязаны дать наслѣд-

ники, не зависить отъ сравненія его съ пиршествомъ, даннымъ Арріемъ, но подчиняется его распоряженіямъ.

ibid. 181: «тотъ да будетъ отверженъ и проклятъ» — *is in-
testabilis et sacer esto*. *Intestabilis* имѣеть специальное значеніе
лица, которому воспрещено выступать свидѣтелемъ и дѣлать за-
вѣщанія, слѣдовательно, лицо граждански ошельмованное.

ibid. въ стихѣ 194 оставлено безъ перевода слово *clagus*,
относящееся къ Ахиллу, а въ ст. 196 — *patrio*, относящееся къ
sepulcro.

ibid. 205: «чтобъ отвезть корабли, что засѣли на дальнемъ
томъ берегу» — *ut haerentis adverso litore navis eriperem*. Въ
подлинникѣ гораздо сильнѣе и вѣрнѣе преданію.

ibid. 212: опущенъ эпитетъ *inanis*, характеризующій слово
titulos.

ibid. 234: «спи въ сапогахъ ты на снѣгѣ Луканскомъ, чтобъ
могъ кабаномъ я ужинать, ты изъ зимней пучины мнѣ вытащи
рыбы. Я лѣнтяй недостойнъ владѣть столь многимъ» — *in nive
Lucana dormis ocreatus, ut aprum cenem ego, tu piscis hiberno
ex aequore verris. Segnis ego, indignus qui tantum possideam*.
Переводъ совершенно произвольно измѣняетъ конструкцію по-
длинника и этимъ придаетъ ему не надлежащій смыслъ.

ibid. 294: «на берегу холодномъ заставивши звать лихорад-
ку» — *in gelida fixum ripa febremque reducet*. Переводъ не то-
ченъ: мать не заставляетъ мальчика звать лихорадку на берегу, но
тѣмъ, что продержитъ его, еле еще оправившагося, утромъ на
холоду, возбуждаетъ въ немъ гибельную болѣзнь.

ibid. 310: опущены слова: *in armis*, кладущія не безын-
тересный штрихъ на обрисовываемую картину: карликъ Турбонъ
кичится, надѣвъ на себя вооруженіе, и этимъ еще болѣе возбу-
ждаетъ смѣхъ.

ibid. 323: «о раздраженіи я умолчу». Въ оригиналѣ гораздо
сильнѣе: *horrendam gabiet*, что, какъ укоръ Горація самому
себѣ, весьма характерно.

II, 4, 66: «отъ тунца Византійскаго, имъ чтобъ и пахла ку-

бышка» — *sturgia non alia quam qua Byzantia putuit orca*. Въ подлинникѣ главная сила лежитъ въ томъ, чтобы тунецъ былъ изъ Византіума, тогда какъ въ переводѣ — въ его запахѣ.

II, 5, 18: «Чтобъ я Дама свинью прикрываю?» — *Utne tegam spurco Damae latus?* Выраженіе: *latus tegere* есть техническое выраженіе про *comites*, упоминаемыхъ въ ст. 16 (гдѣ эпитетъ: *exterior* оставленъ безъ перевода), и потому обозначаетъ просто: провожать, сопровождать.

ibid. 33: «по имени зовъ такъ пріятенъ уху» — *gaudent praepomine molles auriculae*. Здѣсь не безъ намѣренія употребленъ эпитетъ *molles*, которымъ обозначается слухъ, доступный для всякой лести.

ibid. 82: «но если однажды — со старикомъ тобою она барышокъ то раздѣлить» — *quae si semel uno de sene gustarit tecum partita lucellum*. Переводъ несовсѣмъ точный: Тиресій говоритъ, что если Пенелопа раздѣлитъ съ Улиссомъ барышокъ, который она получитъ отъ одного старичка, то . . . и т. д.

ibid. 86: «на юныхъ плечахъ». Въ подлинникѣ: *nudis umeris*.

II, 6, 24: «Эй, смотрико, чтобы прежде тебя другой не пришелъ поручиться» — *Neia, ne prior officio quisquam respondeat urge*. Переводъ оказывается не точно передающимъ подлинникъ: *respondere officio* не имѣетъ значенія: поручиться, но значитъ: соотвѣтствовать своимъ обязанностямъ, исполнять ихъ.

ibid. 35: «подойти» — *adesse*, имѣющее специальное значеніе, разъясненное въ замѣчаніи къ *sat.* I, 9, 38.

ibid. 36 опущено важное слово *magna*, относящееся къ *res*.

ibid. 39: «отвѣтилъ онъ съ просьбой» — *addit et instat*. Переводъ слабѣе подлинника, въ которомъ рѣчь идетъ о настоятельной просьбѣ.

ibid. 46: «и подобное, что легко пропускается ухомъ» — *et quae rimosa bene deponuntur in auge*. Въ подлинникѣ мысль иная: такія вещи, которыя легко, т. е. безопасно слагаются даже въ щелявое ухо, т. е. довѣряются даже такому человѣку, который легко можетъ ихъ разболтать.

ibid. 56 опущенъ безъ перевода эпитетъ *promissa*, приложенный къ слову: *praedia*.

ibid. 58: «всѣ стануть изумляться, какъ тайны одинъ я изъ смертныхъ скрываю» — *ut unum scilicet egregii mortalem atque silenti*. Переводъ значительно слабѣе подлинника.

ibid. 75: «что насъ, польза или достоинство къ дружбѣ приводитъ» — *quidve ad amicitias, usus rectumne, trahat nos*. Здѣсь *rectum* есть нѣчто болѣе, чѣмъ достоинство, а именно добродѣтель.

ibid. 77: «Первый сосѣдъ» — *Cervius vicinus*. «Первый» не есть ли опечатка, вмѣсто «Цервій»?

ibid. 78: «старую сказочку» — *aniles fabellas*. Словомъ *anilis* обозначается, что подобныя сказочки особенно любятъ разсказывать старушки.

II, 7, 13: «то онъ щеголемъ въ Римѣ» — *iam moechus Romae*. Переводъ слабѣе оригинала.

ibid. 18 оставлено безъ перевода слово *isdem*, существенно необходимое, потому что Давъ говорить не о постоянствѣ въ порокахъ вообще, а о томъ, что Воланерій, оставаясь при однихъ и тѣхъ же порокахъ, оказывается непричастнымъ другимъ.

ibid. 29: «до небесъ превозносишь, чудакъ» — *tollis ad astra, levis*. Последнее слово указываетъ на легкомысленность и непостоянство.

ibid. 41: «чинною рѣчью облакая порокъ» — *verbisque decoris obvolvas vitium*. Эпитетъ *decoris* обозначаетъ здѣсь не «чинную» рѣчь, но такую, которая даетъ пристойную, приличную оболочку пороку.

ibid. 93: «затѣмъ что гнететъ властелинъ безпощадный духъ твой, тобою вертитъ и слабѣющаго подстрекаетъ» — *urget enim dominus mentem non lenis et acris subiectat lasso stimulos versatque negantem*. Переводъ представляется перифразомъ, и притомъ гораздо болѣе слабымъ.

II, 8, 88. Опущенъ эпитетъ *pinguibus*, приданный слову *ficis*.

Послания I, 1, 22: «малолѣткамъ, которымъ такъ тяжекъ

надзоръ материнскій» — *pupillis quos dura premit custodia matrum*. Здѣсь имѣются въ виду не родныя матери, надзоръ которыхъ обыкновенно не бываетъ тяжекъ для дѣтей, но мачихи.

ibid. 24: «время, что, замедляя меня, не даетъ мнѣ усердно заняться» — *tempora quae spem consiliumque morantur agendi pariter*. Переводъ значительно слабѣе подлинника.

ibid. 38 слово: *iracundus* не точно переведено черезъ: «золь».

ibid. 90: «тутъ какимъ же узломъ Протея подобнаго свяжешь?» — *quo teneam voltus mutantem Protea nodo?* Выраженіе: «подобнаго» неудовлетворительно передаетъ: *voltus mutantem* подлинника.

I, 2, 1: «Лоллій, пока краснорѣчіе въ Римѣ ты изучаешь» — *maxime Lolli dum tu declamas Romae*. Напрасно здѣсь оставленъ безъ перевода эпитетъ: *maxime*.

ibid. 29: «молодежь, что свою лишь кожу холить привыкла» — *in cute curanda plus aequo operata iuventus*. Выраженіе: «привыкла» весьма слабо передаетъ: *plus aequo operata* подлинника.

ibid. 45: «дѣвственный лѣсъ подымается плугомъ» — *incultae rasantur vomere silvae*. Выраженіе: «подымается» врядъ ли удачно передаетъ латинское *rasantur*.

ibid. 56: слѣдовало бы передать эпитетъ *certum*, приданный слову: *finem*.

ibid. 68: «къ извѣстнымъ людямъ стремился» — *nunc te melioribus offer*. Подъ *meliores* здѣсь разумѣются люди болѣе просвѣщенные философій, чѣмъ юноша Лоллій.

I, 3, 12: «живъ ли?» — *ut valet?* Горацій спрашиваетъ не о томъ, живъ ли Тицій, а о томъ, здоровъ ли онъ?

ibid. 28: «этому дѣлу и малъ и великъ должны мы предаться» — *hic parvi propegetus et amplii*. Какъ видно изъ всего контекста, здѣсь подъ *parvi* Горацій разумѣетъ бѣдняковъ, а подъ *amplii* — богачей.

I, 5, 4: Оставлено безъ перевода слово *iterum*, дающее опору для опредѣленія времени, когда было написано это посланіе.

ibid. 6: «иль судьбѣ покоряйся» — *vel imperium fer*. Подъ

impregium здѣсь разумѣется не судьба, а распоряженія Горация, приглашающаго къ себѣ Торквата.

ibid. 7: «уже давно тебя ждуть очагъ и блестящая утварь» — *iam dudum splendet focus et tibi munda supellex*. Переводъ перефразируетъ подлинникъ.

I, 6, 8: «рукоплесканьямъ и дружбѣ Квирита» — *plausus et amici dona Quiritis*. Подъ *dona amici Quiritis* разумѣются тѣ почетныя должности, которыя раздаются благорасположеніемъ гражданъ.

ibid. 15: «правдиваго строгимъ» — *aequus iniqui*. Въ подлинникѣ противоположеніе проведено болѣе рѣзко и вѣрно.

ibid. 20: «домой возвращайся послѣднимъ» — *vesperinus pete tectum*. Гораций говоритъ о возвращеніи домой вечеромъ.

ibid. 38: «лишь деньги имѣй — ты любимецъ Венеры» — *et bene nummatum decorat Suadela Venusque*. Переводъ нѣсколько далекъ отъ оригинала, въ которомъ говорится о томъ, что денежный человѣкъ считается и ораторомъ и красавцемъ.

Въ ст. 54 напрасно оставлено безъ перевода слово *importunus*, которое здѣсь прекрасно характеризуетъ капризное своеволие вліятельнаго избирателя. Точно также оставлено безъ перевода слово *studii* въ ст. 61, тоже существенно необходимое, такъ какъ указываетъ на купанье непосредственно послѣ обѣда, съ несварившейся еще пищей, что признавалось весьма вреднымъ.

ibid. 63: «подобны шальной дружинѣ Улисса» — *remigium vitiosum Itacensis Ulixei*. Подъ *vitiosum* Гораций разумѣетъ нѣчто явное, чѣмъ мы подъ словомъ: «шальной» и имѣетъ въ виду невоздержность спутниковъ Улисса, которые и были за нее наказаны.

I, 7, 6. «И жара посылаетъ могильщику ликторовъ черныхъ» — *Designatorem decorat lictoribus atris*. Подъ *designatores* были извѣстны антрепренеры погребальныхъ процессій, которые должны были, въ случаѣ нужды, поставлять и ликторовъ, одѣтыхъ въ траурный костюмъ.

ibid. 14: «Калабрійскій хозяинъ, сующій груши» — *piris*

vesci Calaber iubet hospes. Русскій переводъ: «сующій» не совсѣмъ точно передаетъ: *vesci iubet*.

ibid. 21: «этотъ посѣвъ неизмѣнно неблагодарныхъ рождаетъ» — *haec seges ingratos tulit et feret omnibus annis*. Подлинникъ оказывается сильнѣе перевода.

ibid. 32. Напрасно оставлено безъ перевода характерное нарѣчіе *procul*.

ibid. 40: «сынъ достойный Улисса» — *proles patientis Ulixei*. Переводъ несовсѣмъ точный.

ibid. 44: «не царственный Римъ мнѣ приличенъ, а безлюдный Тибуръ, или Тарентъ безмятежный» — *mihi iam non regia Roma, sed vacuum Tibur placet aut imbellis Tarentum*. Въ подлинникѣ рѣчь идетъ не о приличіи, а о томъ, что нравится, къ чему кто либо чувствуетъ влеченіе; кромѣ того, словомъ *imbellis* указывается не на безмятежность Тарента, а на невоинственность его жителей, которой они были извѣстны еще во времена Пирра.

ibid. 65: «Заутро Вольтея застаётъ Филиппъ, продающаго рухлядь людшкамъ» — *Volteium mane Philippus vilia vendentem tunicato scrutata popello occipat*. О значеніи глагола *occipare* мы сказали въ замѣчаніи къ сатирѣ I, 9, 6; опущеніе безъ перевода эпитета *tunicato* не можетъ быть одобрено. Слѣдующая за тѣмъ фраза: «и велитъ ему кланяться первый», хотя и представляетъ буквальный переводъ латинской: *et salvere iubet prius*, тѣмъ неменѣе не вполне отвѣчаетъ ей по смыслу: *salvere aliquem iubere* значить: желать кому здоровья, кланяться кому, привѣтствовать кого. Слѣдовательно, и здѣсь Филиппъ не велитъ (кому?) кланяться Вольтею, что было бы странно при ихъ личномъ свиданіи, но кланяется ему самъ.

ibid. 93. Напрасно опущено обращеніе Вольтея къ Филиппу: *patrone*.

I, 8, 13: «какъ управляется съ дѣломъ» — *quo pacto rem gerat et se*. Переводъ не совсѣмъ точный, ибо тутъ важна пе-

редача словъ: *et se*, объясняющихъ заключительную мысль посланія: *ut tu fortunam sic nos te, Celse, feremus.*

I, 9, 4: «какъ на достойнаго быть въ разборчивомъ домѣ Нерона» — *dignum mente domoque legentis honesta Neronis.* Переводъ довольно далекъ отъ подлинника, въ которомъ, сверхъ *domus*, упоминается еще и *mens Neronis*, и разборчивость его простирается на выборъ *honesta*.

I, 10, 20: «вода стремится по трубамъ свинцовымъ» — *aqua tendit rumpere plumbum.* Картина подлинника исчезла въ переводѣ, а между тѣмъ она поразительно вѣрна дѣйствительности.

ibid. 39: «не ставитъ свободы выше металла» — *potiore metallis libertate caret.* Въ подлинникѣ сказано гораздо сильнѣе, чѣмъ въ переводѣ.

I, 11, 21 опущено безъ основанія слово: *Romae*; въ I, 12, 13 — слово *velox*.

I, 12, 23: «вѣдь Гросфъ лишь того попроситъ, что должно» — *nil Grosphus nisi verum orabit et aequum.* Переводъ значительно слабѣе подлинника.

I, 13, 1: «толково и долго» — *saepe diuque.* *Saepe* не имѣетъ значенія: толково.

I, 15, 12: опущенъ эпитетъ *stomachosus*, характеризующій слово: *equus*.

I, 16, 12: «Такъ обилень ручей, что рѣкъ сообщилъ свое имя» — *fons etiam rivo dare potest idoneus.* Гораций говоритъ только о возможности, а не о совершившемся фактѣ.

ibid. 40: «почести ложной кто радъ и ложнымъ испуганъ позоромъ, кромѣ того, кто скрываетъ порокъ?» — *falsus honor iuvat et mendax infamia terret quem nisi mendosum et medicandum?* Последнія слова подлинника переведены не совсѣмъ удачно.

I, 17, 1: «Хоть ты, Сцева, прекрасно совѣтовать самъ себѣ можешь» — *quamvis, Scaeva, satis per te tibi consulis.* *Consulere alicui* значитъ: заботиться о комъ либо.

I, 18, 21: «кто метаньемъ костей раззоренъ, кто алчной Венерой» — *quem damnosa venus quem praecipis alea nudat.*

Русское слово: алчная не точно передаетъ смыслъ латинскаго *damnosa*.

ibid. 24: «кто стыдится быть бѣднымъ» — *quies paupertatis timor et fuga*. Въ подлинникѣ сверхъ стыда прибавлено еще желаніе избѣжать бѣдности.

ibid. 38: «ненавистная дикому лира» — *suspecta severo lyra*. Переводъ несовсѣмъ точный: *suspectus* означаетъ: подозрительный, и *severus* не значитъ: дикій, каковымъ и не былъ Зеть, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

ibid. 48: «да и поужинай мясомъ, что равнымъ трудомъ вы добыли» — *senes ut pariter pulmenta laboribus empta*. Переводъ не совсѣмъ точный.

ibid. 52 «*virilia arma*» не точно передано черезъ: «боевымъ оружіемъ».

ibid. ст. 64: оставленъ безъ перевода характерный эпитетъ *velox*, относящійся къ *victoria*.

ibid. 73: «коль ступилъ за порогъ ты мраморный знатаго друга» — *venerandi limen amici*. Переводъ не совсѣмъ точный.

ibid. 80: «чтобы служить лишь знакомому» — *ut penitus lotum — serves*. Переводъ весьма неудачный, происшедшій отъ смѣшенія глаг. *servare* съ глаг. *servire*; кромѣ того, напрасно переводчикомъ опущено нарѣчіе: *penitus*.

I, 19, 8: «никогда самъ Эній — не воспѣвалъ оружія» — *Ennius ipse — numquam — prosiluit ad arma dicenda*. Здѣсь не передано картинное выраженіе подлинника: *prosiluit*.

ibid. 28: «*mascula Sappho*» — «властная Саффо». Словомъ *mascula* Горацій хочетъ обозначить, что Саффо была одарена силою ума и таланта, свойственною только мужчинамъ, а не женщинамъ.

ibid. 34: «и въ рукахъ ихъ храниться» — *manibusque teneri*. Переводъ не удачный, такъ какъ въ рукахъ мы только держимъ (что и выражаетъ латинское *teneri*), но не хранимъ.

ibid. ст. 36 напрасно оставлено безъ перевода прилагательное *iniquus*.

ibid. 44: «считая что медь стихотворный лишь у тебя» — *fidis enim manare poetica mella te solum*. Переводъ утратилъ картинность подлинника.

II, 1, 2: «все ненавидить и гонить» — *fastidit et odit*. Переводъ усиливаетъ подлинникъ: *fastidire* значить: гнушаться, а не гнать.

ibid. 58: «Плавтъ съ успѣхомъ идетъ Сицилійцу во слѣдъ Эпихарму» — *Plautus ad exemplar Siculi propegare Epicharmi*. Эта характеристика Плавта въ русскомъ переводѣ нѣсколько измѣнилась въ томъ отношеніи, что указаніе на быстрый ходъ интригъ въ пьесахъ Плавта (*propegare*) опущено, и введено не находящееся въ подлинникѣ выраженіе: «съ успѣхомъ», которое врядъ-ли вѣрно, въ виду того, что Горацій вообще не высоко ставитъ Плавта и врядъ ли допустилъ бы сопоставить его съ Эпихармомъ; онъ сравниваетъ только ихъ приемы, но не говорить ничего объ ихъ относительномъ достоинствѣ.

ibid. 71: «Орбилій драчунъ мнѣ мальчику вбилъ» — *quae plagosum mihi parvo Orbilium dictasse*. И здѣсь переводъ усиливаетъ оригиналъ: *dictare* значить: диктовать, — приемъ общераспространенный въ римскихъ школахъ.

ibid. 85: «пришлось старикамъ забывать, чему въ дѣтствѣ учились» — *quae iuvenes didicere senes perdenda fateri*. Въ подлинникѣ нѣсколько иное: Горацій говоритъ, что старику трудно признаться въ ничтожествѣ того, что, какъ великое и образцовое, онъ изучалъ въ молодости.

ibid. 89 оставлено безъ перевода слово: *lividus*, характерно отгнѣняющее понятіе: *odit*.

ibid. 225: «я какъ тонка проведенная нить черезъ поэму» — *et tenui deducta poemata filo*. Мысль подлинника нѣсколько иная: Горацій говоритъ о необычайной тщательности во внѣшней отдѣлкѣ стихотворенія, употребляя разъясенную выше (замѣчаніе къ сатир. I, 10, 44) метафору, а не говорить о послѣдовательномъ проведеніи мысли черезъ все содержаніе.

II, 2, 1: «испытанный другъ дорогаго героя Нерона» — *vero*

claroque fidelis amice Neroni. Время написанія этого посланія падаетъ на 743 годъ, когда Тиберій былъ еще молодымъ человекомъ и не успѣлъ стяжать себѣ славу великаго полководца, вслѣдствіе чего *clarus* здѣсь лучше понимать въ смыслѣ знатнаго происхожденія Тиберія, а *bonus* — его доброты.

ibid. 26: «съ усилениемъ онъ собранъ» — *collecta viatica multis aerumnis*. Переводъ значительно ослабляетъ выраженія подлинника.

ibid. 34: «въ какую крѣпость ворваться» — *castellum evertere*; это значить, скорѣе: разрушить крѣпость.

ibid. 64: «очевидно тѣмъ двумъ ненавистно» — *id sane est invisum acidumque duobus*. Слово *acidum* сообщаетъ новый оттенокъ, оставленный безъ перевода. Такъ же опущенъ въ стихѣ 72 эпитетъ *calidus*, характеризующій слово *redemptor*.

ibid. 97: «Мы получаемъ удары и тѣмъ же врагу отвечаемъ» — *caedimur et totidem plagis consumimus hostem*. Переводъ перифразируетъ подлинникъ и представляется значительно слабѣе въ сравненіи съ нимъ.

ibid. 112: «слова, въ которыхъ нѣтъ благородства» — *parum splendoris habebunt*. *Splendor*, въ приложеніи къ словамъ, обозначаетъ ихъ благозвучность и мѣткость; то же выражается и ниже, въ ст. 116 черезъ: *speciosa vocabula gerunt*, что не совсѣмъ удачно передано черезъ: «предмета достойное слово».

ibid. 121: «богатою рѣчью счастливить» — *beabit divite lingua*. *Beare* здѣсь соотвѣтствуетъ нашему: «обогащать».

ibid. 173: «властною смертию» — *morte suprema*. Переводъ не совсѣмъ точный, такъ какъ о властности смерти въ подлинникѣ нѣтъ рѣчи, а говорится о томъ, что смерть есть окончаніе всѣхъ человѣческихъ дѣяній.

ibid. 176: «и господинъ господину вослѣдъ, какъ волна за волною» — въ подлинникѣ оттенокъ другой, вводимый словами: *heres heredem*.

ibid. 187: «родимой звѣзды покровитель» — *natale comes qui*

temperat astrum. Здѣсь *temperare* имѣеть значеніе руководства, управленія.

ibid. 210: «чтишь ли день ты рожденья?» Въ подлинникѣ прибавлено еще характерное *grate*, оставленное безъ перевода.

II, 3, 54: «греческій строй» передаетъ не совсѣмъ точно: *graeco fonte* подлинника, гдѣ рѣчь идетъ не о строѣ, а о составѣ слова.

ibid. 84: Опущено безъ перевода слово: *victorem*, существенно необходимое, такъ какъ лирики воспѣваютъ не кулачныхъ бойцовъ вообще, а только побѣдителей на состязаніяхъ.

ibid. 86: «если ни правилъ я, ни оттѣнковъ въ извѣстномъ твореньи не удержу» — *descriptas servare vices operumque colores*. Переводъ значительно уступаетъ подлиннику: подъ *descriptae vices* разумѣются не правила, но роды поэзіи, которые значительно разнятся одинъ отъ другаго.

ibid. 124: «Io безпомощна» — *vaqa Io*. Переводъ не точный.

ibid. 137: «Участь Приама пою и жребій войны благородной» — *Fortunam Priami cantabo et nobile bellum*. Выраженіе: «жребій войны» неудачно; кромѣ того, *nobilis* здѣсь имѣеть значеніе: знаменитый, а не благородный.

ibid. 134: «если ты хочешь, чтобъ зрители ждали спуска завѣсы» — *Si plausoris eges aulaea manentis*. Переводъ слабѣе подлинника.

ibid. 157: «я подвижныхъ и зрѣлыхъ лѣтъ сохранить выраженья» — *mobilibusque decor naturis dandus et annis*. Подъ *decor* разумѣется здѣсь не только выраженіе, но и весь характеръ, то прѣпов.

ibid. 162: «Яркое Марсово поле» — *argici gramina campri*. Переводъ не совсѣмъ точный.

ibid. 172 оставлено безъ перевода слово: *iners*.

ibid. 218: «полнымъ сочувствіемъ къ дѣлу добра» — *utilitumque sagax rerum*. Переводъ не совсѣмъ точный: *sagax* здѣсь тоже, что *gnagus*: свѣдуцій, опытный.

ibid. 223: «чтобъ такую пріятной завлечь новизною» — *illicebriis erat et grata novitate morandus spectator*. Переводъ значительно ослабляетъ подлинникъ.

ibid. 235: опущено слово *inognata*, вводящее особый отгѣпокъ.

ibid. 240: «общій предметъ бы воспѣлъ я» — *ex noto fictum carmen sequar*. *Sequi* здѣсь имѣетъ значеніе: стремиться къ чему либо, и подъ *carmen fictum ex noto* разумѣется стихотвореніе, тема котораго пзвѣстна слушателямъ.

ibid. 250 оставлено безъ перевода выраженіе: *aequis accipiunt animis*, а въ ст. 259 — слово *ragus*, характеризующее метрическое построеніе стиха Акція и Эннія.

ibid. 292: «пѣснь отвергайте» — *carmen reprehendite*. Переводъ безъ нужды усиливаетъ подлинникъ.

ibid. 307: «въ чемъ пища и сила поэта» — *quid alat formetque poetam*. Переводъ не совсѣмъ точный, ибо *formare* указываетъ не на силу, но на образованіе: «что образуетъ поэта».

ibid. 309: «старайся правильно мыслить» — *sapere est et principium et fons*. Переводъ значительно ослабляетъ подлинникъ.

ibid. 330 оставлено безъ перевода слово: *aerugo*, здѣсь имѣющее свое значеніе.

ibid. 340: «юный всадникъ не слушаетъ тѣхъ, гдѣ есть поученье». — *Celsi praetereunt austera roemata Ramnes*. Переводъ значительно отступаетъ отъ подлинника.

ibid. 360: «но сочиненье огромное вправѣ склонять и къ дремотѣ» — *verum operi longo fas est obrepere somnum*. Мысль подлинника иная: Продолжая вышешприведенную метафору: *quandoque bonus dormitat Homerus*, Горацийъ говоритъ, что этотъ недостатокъ зависить отъ значительнаго объема произведенія, въ которомъ поэтому можно быть и недостаткамъ.

ibid. «кто флейтѣ Пивейской преданъ» — *qui Pythia cantat tibicen*. Точнѣе было бы перевести, это не: «Пивейской флейтой», которой не было вовсе, но: «Пивейской мелодіей», которая употреблялась въ Дельфахъ, на празднествѣ Аполлона.

ibid. 423: «изъ судебного дѣла выручить»—*eripere atris litibus implicitum*. Переводъ значительно блѣднѣе оригинала.

ibid. 456: «а мальчишки, гоняясь за нимъ, его беспокоятъ»—*agitant pueri incautique sequuntur*. Здѣсь напрасно оставлено безъ перевода слово *incauti*.

Пусть не посѣтуетъ почтенный переводчикъ на этотъ длинный рядъ замѣчаній; они вызваны прежде всего желаніемъ видѣть слѣдующее изданіе его труда свободнымъ отъ укоровъ въ неточности и вольномъ обращеніи съ оригиналомъ. Затѣмъ, замѣчанія эти нисколько не умаляютъ достоинствъ перевода, въ общемъ, повторяемъ, вѣрнаго и удачно передающаго подлинникъ: видно, что переводчикъ долго вдумывался въ смыслъ оригинала и старался передать его во всѣхъ отгѣнкахъ, начиная съ хода и порядка мыслей и кончая отдѣльными образами и метафорами. Для доказательства приведемъ по одному примѣру изъ обоихъ отдѣловъ Гораціевыхъ произведеній: вотъ переводъ 4-ой оды второй книги, который можно признать почти безукоризненнымъ:

Ты не стыдись, что увлекся рабою
 Ксантій Фокей: Бризеида смирила
 Бывши въ плѣну, блѣсною красою
 Гордость Ахилла;
 Сынъ Теламона, Аяксъ повелитель,
 Стройной Текмесой плѣнился мгновенно:
 Такъ воспылалъ и Атридъ побѣдитель
 Дѣвою плѣнной
 Послѣ того, какъ герой вессалійскій
 Барваровъ смялъ, и за Гекторомъ павшимъ
 Легкой добычей сталъ берегъ фригійскій
 Грекамъ уставшимъ.
 Русой Филлиды родители были,
 Ты и не знаешь, быть можетъ, богаты;
 Вѣрно, въ ней царскую кровь затаили
 Злые пенаты.

Вѣрь мнѣ, что выборомъ можешь гордиться:
 Вѣрности нѣтъъ средь толпы ненавистной.
 Можно ль отъ матери подлой родиться
 Столь безкорыстной?
 Руки ея и лице и покатый
 Очеркъ икры, не страшась, выхваляю . . .
 Брось подозрѣнье. Вѣдь я ужь девятый
 Люстръ доживаю.

А вотъ начало 6-ой сатиры второй книги, переданное также въ высшей степени удачно:

Это лишь было въ мольбахъ: клочъ поля не слишкомъ обширный
 Гдѣ бы садъ былъ и близко отъ дома бѣгущій источникъ,
 Да ко всему лѣсокъ небольшой. Пространтѣй и лучше
 Боги послали. Прекрасно. Не буду просить еще больше,
 Развѣ чтобъ эти дары, сынъ Маи, за мной утвердилъ ты.
 Если дурными путями я не умножилъ достатка,
 Если пороками или виною его не умалю,
 Если не стану молить, какъ глупецъ: о хоть бы тотъ уголъ
 Ближній прирѣзать, который теперь искажаетъ все поле!
 О еслибъ денегъ горшокъ судьба, какъ тому, мнѣ послала,
 Что на отысканный плодъ то поле купилъ, что съ найма онъ
 Прежде пахалъ, богатымъ по милости ставъ Геркулеса.
 Ежели тѣмъ, что есть, я доволенъ, прошу объ одномъ я:
 Пусть у владѣльца жирѣетъ и скоть, и все прочее, кромѣ
 Духа и будь, какъ всегда, моимъ ты защитникомъ высшимъ.
 Разъ, что въ горы и въ домъ свой изъ города я удалился,
 Чтоже воспѣтъ мнѣ прежде сатиръ и будничной Музы?
 Ни честолюбье не губить меня, ни Австеръ свинцовый,
 Ни вредоносная осень, доходная злой Либитинѣ.

Такихъ, прекрасно переданныхъ мѣстъ не мало въ обоихъ отдѣлахъ и они съ лихвою искупаютъ тѣ неточности, образчики которыхъ приведены выше. Благодаря богатству русскаго языка,

которымъ г. Фетъ владѣеть въ совершенствѣ, ему удалось многія типическія выраженія подлинника передать почти съ буквальною точностью. Нѣсколько примѣровъ: saligno fuste dolat—«пивоюй палкой началъ *тесать*»; ad unguem factus homo—«человѣкъ *лощенный подѣ ноготъ*»; summum properabat lambere tectum—«собирался *лизать* высокую крышу»; quem rodunt omnes libertino patre natum—«все *грызутъ* меня, отца отпущенника сына»; expressa arbusto regerit convicia—«*дубоватымъ* отвѣтилъ ругательствомъ»; ultra perfectum traheretur—«ви *совершенства въ слѣдъ волоклось бы*»; plerumque recoctus scriba ex quinqueviro—«*перѣдко* писецъ *испеченный* изъ пяти-гласнаго»; nos numerus sumus—«мы *вѣдъ* только *нули*». Эти и имъ подобныя мѣткія передачи значительно возвышаютъ достоинство перевода г. Фета.

Переходимъ къ отчету о внѣшней формѣ перевода. Лирическія произведенія Горація переданы, за немногими исключеніями, рیمованными стихами; объ этомъ рیمѣ самъ переводчикъ говоритъ во введеніи слѣдующее: «Оды Горація, какъ и вообще произведенія античной лиры — пѣсни, музыка съ опредѣленнымъ, часто весьма причудливымъ метромъ, которому подражать на новѣйшихъ языкахъ невозможно, а пѣснь, какъ стрѣла, требуетъ быть оперенной. Въ нашихъ условіяхъ это достижимо только при помощи рیمы». Вѣрность взгляда г. Фета на такой, а не иной способъ передачи древнихъ лирическихъ произведеній подтверждается сужденіемъ такого глубокаго знатока античной музыки, какъ Вестфаль; вотъ что говоритъ онъ въ своемъ предисловіи къ Катутлу, переведенному имъ также рیمованными стихами: «Wenn ich daher einen meinem Herzen nahe stehenden antiken Dichter «in mein geliebtes Deutsch übertragen will», so kann ich nicht umhin, ihn nicht bloss in fließender deutscher Zunge, sondern auch in deutschen Reimen reden zu lassen; denn der Reim ist nun einmal das harmonische Element, welches der ganzen Richtung unserer musischen Kunst gemäss an die Stelle der rhythmischen Formenfülle des Alterthums getreten ist». Нѣтъ нужды распространяться и доказывать, что г. Фетъ стихомъ и

риемой владѣть съ рѣдкимъ мастерствомъ и это мастерство еще болѣе приближаетъ его переводъ къ подлиннику: и Гораціи въ совершенствѣ обладалъ латинскими лирическими метрами, которые отличаются у него съ одной стороны необычайною законченностью отдѣлки, а съ другой — непринужденностью. Эти же достоинства видимъ мы и у русскаго его переводчика. Метры г. Фета отличаются разнообразіемъ и оригинальнымъ сочетаніемъ стопъ, придающимъ особую прелесть переводу; сочетанія эти особенно часты въ эподахъ, отличающихся по своему метрическому строенію отъ одъ — новая черта, приближающая переводъ къ подлиннику. Рiemы г. Фета отличаются рѣдкою полнотою и благозвучностью. Лишь весьма немногія мѣста вызываютъ замѣчанія, потому что г. Фетъ рѣдко прибѣгаетъ къ такимъ формамъ, которыя прямо вызывались бы стихотворною нуждою. Къ такимъ случаямъ прежде всего надобно отнести собственныя имена, въ которыя иногда вводятся неправильныя формы и на которыхъ изрѣдка ставится неправильное удареніе. Таковы: Япі́гу (I, 3, 4; III, 27, 19), Пелеида (I, 6, 6), Гесперцевъ (II, 1, 31), сиртамъ (II, 6, 3; 20, 15; эпод. 9, 30), Фратъ (вм. Фраатъ II, 2, 10), Постумій (вм. Постумъ II, 14, 1), Либѣръ (II, 19, 8), Баѣ (вм. Баяхъ III, 4, 24), Ламія (вм. Лама III, 17, 1), Бибу́ла (III, 28, 8), Ауфѣ́да (IV, 9, 3, 14, 25, но въ III, 30, 9 — Ауфидъ), Квиритъ (вм. Квиритовъ IV, 14, 1), Хремъ (вм. Хреметъ эпод. 1, 34), Іоніа (какъ трехсложное слово 3,54), Бупа́лу (6, 14), Австеръ (10, 3), Вольту́рѣ (III, 4, 9); подобныя же особенности, хотя и въ значительно меньшемъ количествѣ, видимъ мы и въ именахъ нарицательныхъ и другихъ словахъ, какъ напр.: лука́ (I, 29, 7), благообразныя преклонности дожждаться (I, 31, 19), варили эту тра́ву миѣ нль злую сиѣдь (эпод. 3,7), деньга́ми (4, 5). Что касается языка, которымъ переведены лирическія произведенія Гораціи, то и онъ, при вышеозначенномъ мастерскомъ обладаніи имъ со стороны г. Фета, оказывается почти безупречнымъ: рѣчь его гладка, естественна, удобопонятна; лексикальный ея составъ, за рѣдкими исключеніями, замѣчаній не вызываетъ. Вездѣ видно,

что переводчикъ является полнымъ хозяиномъ въ близко знакомой ему области, что онъ опытною рукою распоряжается составляющими его полную собственность сокровищами русской рѣчи. Приводить доказательства только что сказаннаго считаемъ излишнимъ; но не бесполезнымъ признаемъ сдѣлать нѣсколько указаній на слова и фразы, представляющіяся намъ отчасти странными, отчасти неудачными:

«Алкида-ль прославилю иль *мальчиковъ* Леды» (I, 12, 25); кажется, что здѣсь ближе было бы къ величавому и торжественному тону оды слово: *отроковъ*.

ibid 33: «древнѣйшаго-ль трона я вѣкъ воспую». Выраженіе: «вѣкъ трона» представляется намъ неудачнымъ.

I, 28, 21: «Орiona *исхожаго* бѣшенный спутникъ». Врядъ ли слово: «исхожій» (*devexus*) употребляется про заходящее созвѣздіе.

II, 8, 9: «въ пользу лгать тебѣ погребеннымъ прахомъ матери и всѣмъ молчаливымъ небомъ, *звѣздъ ночныхъ* и чуждыми вѣчно-хладной смерти богами». Предполагая даже, что запятая, стоящая между словами: «небомъ» и «звѣздъ», есть опечатка, все же выраженіе: «небо звѣздъ» представляется страннымъ.

II, 13, 11: «на полѣ у меня *тебя*, несчастный стволъ». Соединеніе двухъ одинаковыхъ формъ личныхъ мѣстоименій представляется намъ какофоніей; такимъ же кажется намъ и ст. 10-й 14-й оды второй книги: «плодами своими хотя *бы мы были*».

II, 18, 18: «ты, полумертвый, подряжаешь каменотесовъ *за день похоронъ*» — мы ожидали бы: «за день до похоронъ» или: «вакануи похоронъ».

III, 18, 14: «и сыплеть боръ тебѣ *пустынные* листы». Эпитетъ: «пустынный» (*agrestis*) врядъ ли идетъ къ слову: листы.

IV, 8, 1: «дарить и чашами и мѣдью дорогой, о Цензоринъ *бы* я товарищей старался». Разстановка словъ неудачна.

IV, 3, 22: «сказавъ ли про меня: вотъ римскій нашъ *гусляръ!*» Слово «гусляръ» (*fidicen*) въ литературномъ языкѣ не употребляется.

IV, 13, 10: «онъ и тебя *то* за *то* покидаетъ» — стихъ неблагозвучный.

Врядъ ли удачны новообразованія: «властелинка» (Сатт. заес. 35), «ядотворка» (эпод. 5, 72), «мочливый Эвръ» (16, 53).

Эпод. 5, 13: «стоялъ мальчикъ съ обнаженнымъ отъ дѣтскихъ одеждъ знатнымъ тѣломъ» — выраженіе неудачное.

Эпод. 7, 12: «такой ни у волковъ нигдѣ и у львовъ повадки нѣтъ, ужь развѣ на звѣрей иныхъ» — конструкція, также представляющаяся намъ неудачной.

Эпод. 15, 14: «онъ не потерпитъ, чтобъ ты отдавала избраннику ночи, къ *ровни* въ сердцахъ онъ пойдетъ». Это вульгарное выраженіе мало гармонируетъ съ общимъ тономъ эподы.

Переходимъ къ обзорѣнію втораго отдѣла перевода г. Фета, сатиры и посланій, переданныхъ, какъ и естественно ожидать, гекзаметромъ. И этимъ метромъ владѣеть переводчикъ съ рѣдкимъ мастерствомъ, вводя въ него различныя особенности, не замѣчаемыя въ гекзаметрахъ Гнѣдича и Жуковского. Прежде всего, стихъ г. Фета отличается разнообразіемъ въ чередованіи стопъ дактилическихъ и спондаическихъ, чѣмъ значительно приближается къ гекзаметру самого Горация. У римскаго поэта это разнообразіе доведено до высокой степени техническаго совершенства, проявляющагося, между прочимъ, и въ томъ, что то или другое сочетаніе стопъ въ близкой, даже непосредственной связи съ содержаніемъ. Нѣчто подобное замѣчаемъ мы и у русскаго переводчика: и у него скопленіе спондеевъ картинно рисуетъ содержаніе серьезное и важное, и, наоборотъ, преобладаніе дактилей — соотвѣтствуетъ игривому разсказу или оживленной аргументаціи. Понятіе о рѣдкомъ мастерствѣ, съ которымъ г. Фетъ владѣеть гекзаметромъ, можно составить по слѣдующимъ начальнымъ стихамъ 5-ой сатиры первой книги:

Изъ великаго Рима мнѣ шедшему скромнымъ пріютомъ
 Стала Ариція: Геліодоръ со мною былъ, риторъ
 Самый ученый изъ Грековъ: затѣмъ и Аппія форумъ
 Весь набитый матросами да торгашами плутами.

Этотъ, лѣнивцы — мы переходъ раздѣлили, хоть легкимъ
 Людямъ онъ на день: не такъ утомительна Аппія тихимъ.
 Здѣсь изъ за гнусной воды войну объявилъ я желудку
 И съ нетерпѣніемъ ждалъ, пока сопутники ужинъ
 Кончили свой. Ужь ночь приближалась готовилась землю
 Тѣнью покрыть и по небу разсыпать ясныя звѣзды:
 Тутъ наши слуги съ гребцами, гребцы со слугами вступили
 Въ споры. — «Причаливай тутъ» — «Ты триста готовъ напихать
 ихъ».

«Стой, довольно!» Пока разочлись да мула прицѣпили
 Цѣлый часъ прошелъ. Комары да лягушки въ болотѣ
 Сонъ разогнали. А тутъ отдаленныхъ подругъ воспѣвають,
 Кислымъ налиты виномъ, какъ лодочникъ, такъ и погонщикъ
 Другъ передъ дружкой: однакожь усталый погонщикъ склонился
 Въ сонъ, а веревку съ мула, что пущенъ пастися, лѣнивый
 Лодочникъ привязалъ за камень, и навзничъ самъ дрыхнетъ.
 День ужъ насталъ, когда мы услышали, что лодка ни мало
 Не подвигается: тутъ одинъ запальчивый, прянувъ
 По головѣ то мула, то хозяина ивовой палкой
 Началъ тесать: въ четвертомъ часу мы только пристали».

Другую особенностью гекзаметра г. Фета слѣдуетъ поста-
 вить введеніе имъ двухъ новышеній голоса въ одномъ словѣ: эта
 особенность допускается имъ въ словахъ многосложныхъ, которыя
 поэтому скандрируются съ двумя арсисами. Для непривычнаго уха
 такой приѣмъ можетъ показаться сперва страннымъ, но при даль-
 нѣйшемъ чтеніи ухо къ нему привыкаетъ. Таковы слѣдующіе
 стихи:

Грѣхъ съ отпущенницей и съ чужбою женбою все тотъ же;
 Чтѣ пѣснопѣніямъ да ядѣми все извращаютъ;
 Поселяніи съ той поры, какъ по дрѣвнимъ преданьямъ Сабельцы;
 Необъѣзженной тебя истомѣла, иль Римскій;
 Сѣтуа плачешь: я спрашиваю: не поступишь ли лучше;

Я' ихъ съ яблоками подаю; винный камень я первый;
 Каменщикъ свой снарядъ. Коль брачное ложе есть въ домѣ;
 Греція съ варварами запуталась долгой войною;
 Страждущему подагрой и цитры ушамъ засореннымъ;
 Ужинать его пригласи. Но не вѣрится Мэнъ;
 Дѣтъхъ поръ, что засаженный затряслись его руки;
 Первосвященниковъ, старинныхъ гадателей свѣтки;
 Гуслиары и борцы превыше искусныхъ Ахейцевъ;
 Стражи, носильщики, завивальщики, приживалки;
 Лица Великаго Александра. 'Еслибъ такое;
 Малая нейдѣтъ къ твоему величью, ни скромность;
 Тѣ, если вѣрять законникамъ, пользованье усвоитъ;
 Чтѣ нашель не больше оставленнаго; но желанью;
 Новыя имена? Дозволено было и бѣдетъ;
 Съ Мессалой, а богатствомъ съ Каспеллиемъ 'Авломъ.

Мѣстами же, въ гекзаметрахъ г. Фета встрѣчается и явление обратное, т. е. исчезновеніе ударенія въ словѣ, его обыкновенно имѣющемъ, напр.

Триъ раза Тибръ переплыть должень крѣпкаго сна восхотѣвшій;
 Тутъ мѣня сталь онъ учить, что медовыя яблоки красны.

Изрѣдка встрѣчаются стихи, метрическое построеніе которыхъ представляется не совсѣмъ удачнымъ; таковы:

Отъ роду безъ году осьми десятковъ, хотъ много подстилокъ;
 Сбыться надеждамъ велитъ, труса толкаетъ въ сраженья;
 Кончилъ однажды дѣла около часу осьмаго;
 Стань его хвалить некстати, онъ брыкнется въ остратку;
 Горы сплошныя, прорѣзанныя тѣнистою долиной;
 Этому злу чуть не больше зло противоположно;
 Деревенская грубость въ неуклюжихъ ухваткахъ;
 Съ помощниками въ трудахъ, съ дѣтьми и вѣрною женою;
 И смѣшны ль тебѣ мы, и чудеса маги и вѣдьмы;
 За короткимъ слогомъ долгій ямбомъ зовется.

Мѣстами переводчикъ прибѣгаетъ къ измѣненію ударенія противъ общепринятаго, изрѣдка вводитъ формы мало употребительныя, изрѣдка вставляетъ частицы, очевидно, по требованію стиха, кое гдѣ допускаетъ необычную разстановку словъ; напр.:

Ртомъ что можетъ тащить...

... могучій Ауфидъ увлекаетъ;

... поплатиться деньгами, спиной и безчестьемъ;

... и самъ Гермогенъ то Тигеллій;

... сосѣдня съ Тривикомъ вилла;

... воды кувшинѣмъ тамъ не больше;

Что дѣдовскѣ добро...

... почемъ овощи и пшеница;

... умирающихъ Галловъ иль съ коней;

... изъ того же яйца порожденный;

Голову, броситься въ рѣку...

Или честная сестра и родина...

... иль помойную трубу;

... шейный платокъ, какъ тотъ хмѣльный;

... у Вертумніевъ всѣхъ при рожденіи проклять;

... соперника Баи блестящей;

Что же Парисъ-то?...

Сходятъ съ ума то цари...

... съ часу на часъ все медлить.

Замедляетъ ли васъ Эракія....

... въ Тибурѣ же Римъ восхваляю;

... или мимъ вторую ролю играетъ;

... иначе какъ хмѣльный;

Въ годъ какъ Лепида...

Въ Габіи или Тибурѣ...

... помянутый побѣгъ не смущаетъ;

Съ гордостью то какой...

Льетъ дары въ Лаціумъ....

... кустарникъ въ пашню обращаетъ;

И почные лемуры...
 У Цетегъ препоясанныхъ....
 И прогнѣванный Хремъ...
 Общій предметъ бы воспѣлъ я...
 Былъ говорить Теспісъ....
 Выручить, я бѣ взумился когда бѣ....
 Не отстанетъ какъ пьявка....

Но всѣ эти уклоненія суть ни что иное, какъ частности, несколько не нарушающія того общаго впечатлѣнія, которое производитъ на читателя прекрасные гекзаметры г. Фета. Рѣчь и тонъ перевода также вполне подходятъ къ рѣчи и тону подлинника; это не есть чопорный и надутый языкъ перевода Дмитріева, а точно такая же середина между языкомъ литературнымъ и рѣчью разговорной, которая составляетъ отличительную особенность Горациевыхъ *sermones*. Переводчикъ съ большимъ тактомъ пользуется и разговорной и, даже, простонародной рѣчью, и только въ исключительныхъ случаяхъ переступаетъ предѣлы дозволеннаго. Къ таковымъ относимъ мы выраженія: *жева плодущая* въ домѣ (*sat. II, 5, 31*), *амъ* ниже надежды (*посл. I, 6, 13*), *Давъ* говорить ли и *пройда* (*посл. II, 3, 237*). Изрѣдка попадаются фразы неловкія или ненужныя повторенія:

Издавъ указъ, *чтобъ кромѣ никто* Апеллеса его бы
 Не писалъ иль кромѣ Лизиппа не лилъ бы изъ мѣди
 Лица Великаго Александра
 Въ лѣсъ не безумиѣ *ты* дрова понесешь, чѣмъ затѣешь
 Сонмъ великій писателей греческихъ *ты* приумножить
 Этотъ мѣняетъ товаръ съ восходящаго *солнца* до самыхъ
 Страпъ вечерняго *солнца*

Къ подобнымъ же неловкостямъ относимъ и употребленіе безъ перевода латинскихъ словъ, въ родѣ: *маны*, *соккъ*, *лемуры* и тому под.

Высказываемъ вкратцѣ наше мнѣніе о переводѣ г. Фета: въ немъ мы видимъ явленіе въ нашей литературѣ выдающееся, заслуживающее признательности со стороны всѣхъ, интересующихся ея развитіемъ и вполне достойное высшей награды.

Отчетъ нашъ о трудѣ г. Фета былъ бы не полонъ, еслибъ мы не коснулись примѣчаній, которыми переводчикъ снабдилъ свой переводъ. Примѣчанія эти рѣзко распадаются на двѣ группы: одна имѣетъ въ виду указать хронологію Гораціевыхъ произведеній, разъяснить собственныя имена и техническіе термины, другая — прослѣдить связь между отдѣльными мыслями, уяснить тотъ или другой взглядъ Горація на различныя литературныя явленія. По достоинству, вторая группа стоитъ несравненно выше первой: г. Фетъ вездѣ умѣлъ уловить связь мыслей Горація и съ вѣрнымъ чутьемъ понялъ его взгляды на литературу; особыхъ замѣчаній этотъ отдѣлъ его разъясненій не вызываетъ. Но за то пришлось бы привести длинный рядъ указаній на неточности и даже ошибки, которыя вкрались въ примѣчанія, относящіяся къ разъясненію собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ; какъ образчикъ, можно привести два, три примѣчанія: Марзы — народъ воинственный въ западной Африкѣ, у подошвы Атласа, въ сосѣдствѣ Нумидійцевъ (стр. 8, прим. 39); Пимплея — Муза, названная отъ Пимплы или Пимплеи, рѣки еракійской, посвященной Музамъ (стр. 34, прим. 7); отецъ упоминаемыхъ въ немъ Пизоновъ сыновей (Люцій, Кальпурній, Пизонъ) велъ свой родъ отъ сына царя Нумы (стр. 447) и т. д.

Да позволено будетъ высказать по этому поводу наши пожеланія: пусть при послѣдующемъ изданіи почтенный переводчикъ приметъ во вниманіе нѣкоторыя важнѣйшія пособія какъ для изученія Горація (напр. Franke: fasti Horatiani), такъ и вообще для знакомства съ классической древностью (напр. лексиконы Любкера и Смита) и воспользуется ими для пересмотра и передѣлки своихъ примѣчаній. Пусть также исправитъ онъ и загла-

віе своего труда, поставивъ вмѣсто: К(ай) Горацій Флаккъ — Кв(интъ) Горацій Флаккъ.

Основываясь на такомъ приговорѣ одного изъ самыхъ компетентныхъ въ настоящемъ дѣлѣ судей, Академія тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ увѣнчала русскій переводъ Горація полною пушкинскою преміей, что увидѣла въ этомъ случай выразить свое уваженіе къ писателю, издавна занимающему почетное мѣсто въ русской литературѣ и нынѣ же обогатившему ее еще другимъ замѣчательнымъ трудомъ — полнымъ поэтическимъ переводомъ обѣихъ частей Фауста, на что не рѣшался до него ни одинъ изъ переводчиковъ знаменитой нѣмецкой трагедіи.

Вмѣстѣ съ симъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, въ засвидѣтельствованіе своей благодарности за содѣйствіе постороннихъ ученыхъ при разсмотрѣніи подлежащихъ ея оцѣнкѣ трудовъ, присудило золотыя медали рецензентамъ ихъ: И. В. Помяловскому и Г. С. Дестунису; а затѣмъ приноситъ искреннюю свою признательность и А. Н. Майкову за дѣятельное участіе, принятое имъ въ совѣщаніяхъ комиссіи по бывшему конкурсу.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ XXXVI ТОМЪ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ номеръ статьи; остальные же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго номера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга.

- Адодуровъ, Вас., ученикъ Академіи Наукъ. **2.** 10.
Александръ Великій. **3.** 248. 370. 405.
Амфилохій, архим. См. Ягичъ.
Антоновичъ. Его историч. пѣсни Малор. пар. **3.** 124. 279. 373. 403.
Аррій. **4.** 38. 39.
Афанасьевъ. **3.** 9. 43. 44. 341. 346. 347. 350. 388. 392.
Байронъ. **2.** 18.
Баратынскій. **2.** 18. 21.
Барковъ, переводчикъ Горація. **4.** 6.
Барсовъ. **3.** 34. 119. 123. 126. 134. 151. 152. 161—163. 172. 238. 249. 275. 280. 350—352. 354. 357. 360—367.
Баталинъ, Н. Его Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. **3.** 173. 188. 189.
Батюшковъ, К. Н. **2.** 18.
Башмаковъ. **3.** 269.
Безсоновъ. Его Болгарскія пѣсни. **3.** 10. 13. 122. 267. 288. 296. 384. 405.
Бентли. **4.** 18.
Бергманъ. **3.** 14

Бергъ, переводчикъ Горация. 4. 7.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. 3. 274.

Бодянский. Его Шестодневъ Іоанна Эзарха Болгарскаго 3. 335.

Боккаччо. 3. 387.

Брауне. 3. 326.

Брунъ. 3. 122. 173. 272. 304.

Брюне. 3. 173.

Брюннъ. 3. 71.

Буслаевъ, Ф. И., акад. Его отзывъ о программѣ изслѣдованія г. Киричникова «о Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и въ искусствѣ». II. XII. XIII.—Его трудъ подъ заглавіемъ «Русскій лицевой Апокалипсисъ, сводъ изображеній изъ лицевыхъ апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка по XIX». 2. 4.—3. 13. 26. 45. 81. 357. 360—365.

Бычковъ, А. Ф., акад. Его отзывы: а) о первомъ выпускѣ составленнаго г. Романовымъ Бѣлорусскаго Сборника и б) о находящейся у архимандрита Никодима Миаши древне-славянской рукописи. XIII—XV.—Издаль X-й томъ полнаго собранія русскихъ дѣтописей и готовилъ къ изданію вторую часть описанія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей Императорской Публичной библіотеки. 2. 2. 3.

Бэръ. 3. 178.

Бюдигеръ, М. 3. 2.

Вагнеръ. 3. 1. 2. 55. 254. 359. 405. 407. 408.

Вайтцъ. 3. 359.

Ваккернагель. 3. 10. 327.

Варій. 4. 36.

Веберъ. 4. 17.

Вейль. 3. 73.

Вейнбергъ, переводчикъ Горация. 4. 7.

Вейсманъ. 3. 179.

Вердеревскій, переводчикъ Горация. 4. 7.

Веселовскій, А. Н., акад. Его занятія познательской рукописью XVI вѣка, содержащей древнѣйшій текстъ трехъ русскихъ повѣстей. XIII.—Изъ приготовленъ къ печати трудъ его «Матеріалы и изслѣдованія по исторіи романа и повѣсти». XV.—Онъ продолжалъ свои изслѣдованія о южно-русскихъ былинахъ и напечаталъ 2-й выпускъ этого труда. 2. 5.—Напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія двѣ статьи, рассматривающія источники сербской поэмы объ Александрѣ. 2. 6.—Его южно-русскія былинны (III—XI). 3. 1—411.

Вестфаль. 4. 53.

Владимиръ Мономахъ. 3. 372.

- Вольфъ, Христ.** 2. 10.
Вольфъ, Ф. 3. 261.
Востоковъ, акад. А. Х. Письмо къ нему А. С. Шилкова, характеризующее современную имъ жизнь и дѣятельность Россійской Академіи. 2. 9.
Вульъ. 3. 66. 202.
Вяземскій, князь П. А. 2. 13. 18.
Гавъ. 3. 50.
Гаральдъ Строгій. 3. 233. 234.
Гейгеръ. 3. 98.
Гейденрейхъ. 3. 291.
Гейеръ. См. Судаковъ.
Гервасій Тильберійскій. 3. 216.
Германъ. 2. 10.
Гершеръ. 3. 111.
Гильбердингъ. 3. 11. 12. 15. 18—21. 23. 25. 31. 34. 39—45. 49. 53. 73. 74. 84—86. 88—90. 92—96. 99—102. 104—113. 115—117. 119—121. 123—132. 134. 136—142. 144—147. 149—156. 159—163. 165—169. 189. 238. 242—246. 259. 266. 282. 287. 309. 311. 312. 314—316. 319. 321—326. 334. 335. 337. 338. 341. 346. 350—357. 366. 374. 377—379. 396. 397. 400. 401. 407. 410.
Гисласонъ. 3. 194.
Глинка. 2. 18.
Гнѣдичъ. Столѣтняя годовщина дня его рожденія. I. — Напечатано небольшое, но цѣнное собраніе его рукописей. 2. 13—16. 18. 19. — 4. 3. 56.
Головацкій. 3. 404.
Гольцманъ. 3. 22.
Гомеръ. 4. 3.
Гонслоровскій, пом. библиотек. О командированіи его въ сѣверо-восточную Пруссію для наблюденій надъ языкомъ мазуровъ. III.
Горацій. 4. 2. 3. 6. 7. 10. 11. 15. 17. 18. 20—24. 26. 31. 32. 34. 36. 37. 39. 42—47. 50. 53. 54. 61. 62.
Готторидъ изъ Витербо. 3. 179.
Готье. 3. 54. 65—67. 91.
Гретсеръ. 3. 201.
Грефъ, Гар. 3. 54.
Гриммъ, В. 3. 286. 326.
Гросъ. 2. 10.
Гротъ, Ян. К., акад. Его докладъ по поводу столѣтней годовщины дня рожденія Гнѣдича. I. — Имъ представлена составленная С. И. По-

номаревнѣмъ статья о двухъ послѣднихъ произведеніяхъ Жуковскаго: «Вѣчный Жидъ» и «Апокалипсисъ». III. — Составилъ руководство Русское правописаніе. XV. 1. 1—112. — Имъ составленъ и прочитанъ въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 годъ. 2. 1—24. — Окончилъ статью: «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ», составилъ очеркъ исторіи одного эпизода шведской войны при Екатеринѣ II, извѣстнаго подъ именемъ Аньяльской конфедераціи, и напечаталъ 3-е изданіе своихъ «Филологическихъ Разысканій», въ двухъ томахъ, дополненное нѣсколькими новыми статьями и представляющее нѣкоторыя измѣненія прежняго текста. 2. 11. Продолжалъ изданіе сочиненій и переписки академика Плетнева и выпустилъ въ свѣтъ первые три тома. 2. 13—24.

Даль, В. И. Его Толковый словарь. 3. 81.

Дамаскинъ. 4. 38.

Дамасцій. 3. 285. 286.

Д'Анкона. 3. 56. 406.

Дашкевичъ. Его Былины объ Алексѣѣ Поповичѣ. 3. 124. 274.

Делль. 2. 10.

Дельвигъ, баронъ. 2. 17. 18. 21.

Дембовецкій. Изданъ подъ его редакціей Опытъ описанія Могилевской губерніи. 3. 83. 171.

Дестунисъ, проф. 3. 1 — 5. 8. 9. 12. 13. 15. 16. 135. 263. — Избранъ членомъ комиссіи для присужденія Пушкинской преміи въ 1884 году. 4. 1. — Присуждена ему золотая медаль за рецензію принятаго на соисканіе Пушкинской преміи переводнаго труда А. Фета «Б. Гораций Флаккъ». 4. 62.

Динмахъ. 3. 174.

Дмитріевъ, И. И. Его переводы Горация. 4. 6. 10. 11.

Добровский, славистъ. См. Ягичъ.

Дозонъ. 3. 411.

Достоевскій. 2. 23.

Драгомановъ. Его истор. пѣсни малор. нар. 3. 124. 279. 373. 399. 403. 411.

Дриновъ. 3. 304.

Друтмаръ, Христ. (Корвейскій грамматикъ). 3. 178.

Евгеній (Болховитиновъ), еписк., вполѣдствіи митроп. Избраніе его въ академію Россійской академіи. 2. 8. 9.

Евтихій. 3. 294.

Елисей (XII в.). 3. 174. 183. 191.

Енній. 4. 36. 46.

Епифаній. З. 134.

Ефименко. Его Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. **З.** 76. 129. 134. 143. 151. 152. 160—163. 167. 170. 189. 280. 281. 283. 317. 324. 348. 350. 351. 353. 407.

Жуанвилль. З. 176.

Жуковский, В. А. 2. 13. 14. 18. 20—22. 24.—**4.** 3. 56.

Зимрокъ. З. 387.

Иречекъ, К. З. 304.

Іоаннъ Witte de Hese. З. 174. 192.

Іоаннъ, пресвит. З. 173. 174. 180. 183. 190—192. 195. 196. 207. 210. 215. 216. 221. 222. 224. 238. 248. 250.

Іоаннъ экзархъ Болгарскій. З. 79.

Каллистъ, Нивиф. З. 294. 295.

Канкринъ, графъ. 2. 21.

Кантемиръ, князь Василій, ученикъ академіи наукъ. 2. 10.

Караджичъ. З. 73. 260. 295. 296. 298. 299. 301. 404. 410.

Карамзинъ, Н. М. 2. 14. 15. 18.

Карлъ Великій. З. 197. 198. 200. 201. 234—237. 386.

Катлина. 4. 33.

Катулъ. 4. 53.

Качановскій. Его Памятники. **З.** 73. 172. 260. 268. 269. 272. 296. 298. 299. 301. 302. 304. 305.

Квашинъ-Самаринъ. З. 274.

«К. Гораций Флаккъ. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва. 1883». Рецензія этого труда, сдѣланная проф. Помяловскимъ. **4.** 2—62. См. *Гораций*.

Кёлеръ, Р. З. 27. 97. 195. 230. 234. 261. 290. 291. 387.

Кёльбингъ. З. 27. 198.

Кирпичниковъ, А. И. Программа предпріятого имъ изслѣдованія «о Дѣвѣ Маріи въ поэзи и въ искусствѣ». II, VIII—XII.—Отзывъ о семъ изслѣдованіи академика Буслаева. XII. XIII.

Кирхнеръ. 4. 17.

Кирѣевскій. З. 11. 13. 18. 19. 21—24. 28. 34. 39. 41—45. 52. 71. 73. 76. 78—81. 84. 85. 88. 94—96. 99—101. 103—106. 108. 110. 112. 114. 116. 118. 120. 126. 127. 129. 132. 138. 141. 146. 150. 161—163. 195. 225. 237. 254. 255. 258—260. 274. 280—282. 287. 289. 307. 309. 311. 312. 315. 317—319. 322—324. 328. 336. 338. 341—350—355. 366. 377. 382. 383. 395. 396. 400.

Клитемистра. 4. 34.

Козловъ. 2. 18.

- Коль. **2** 10.
 Коммодіанъ. **3** 179.
 Комнинъ, Алексѣй. **3** 369. 371.
 Константинъ Великій. **3** 201. 288. 291. 305.
 Константинъ Копроминъ. **3** 301. 302.
 Константинъ Порфирородный. **3** 305.
 Коштаръ, славнсть. См. Ягичъ.
 Костомаровъ. Собранныя пмъ пѣсни. **3** 71. 225. 274. 411.
 Котляровскій, проф. І. Правила о преміяхъ его. V—VIII.
 Кошвиць. **3** 198. 199. 205. 206. 213. 216. 218.
 Крешевъ, переводчикъ Горациа. **4** 6. 11—15.
 Криспнъ. **4** 34.
 Крыловъ, И. А. **2** 18. 20. 21.
 Ктезіѣ. **3** 174.
 Кузьминъ. См. Херасковъ.
 Кустманнъ. **3** 173.
 Кюренбергъ. **3** 73.
 Ламвръ. **3** 10. 18. 73. 91. 111. 171. 304.
 Ландау. **3** 223. 387.
 Левшинъ. **3** 375. 377.
 Леграъ. **3** 2. 14—17. 55. 171. 262. 263. 384.
 Лекціи о русской литературѣ. См. Шевыревъ.
 Ленорманъ. **3** 176.
 Либрехтъ. **3** 50. 55.
 Липинскій. **3** 124.
 Липсіусъ. **3** 406.
 Ломачевскій. Его Сборникъ пѣсень Буковинскаго народа. **3** 404.
 Ломоносовъ. **2** 24.
 Луцилій. **4** 36. 37.
 Любкеръ. **4** 61.
 Магнитскій. **3** 44.
 Маддэъ, Фр. **3** 199.
 Майковъ, А. Н. **2** 23.—Приглашенъ въ комиссію для присужденія Пушкинской преміи въ 1884 году. **4** 1.—За участіе въ трудахъ комиссіи объявлена искренняя признательность Отдѣленія русскаго языка и словесности. **4** 62.
 Майковъ, Л. Н. О былинахъ Владиміроваго цикла. **3** 274. 275.
 Максимовичъ. **3** 404.
 Магдевиль. **3** 174. 176. 179. 185. 210.
 Марко-Поло. **3** 176.

- Масманъ, З.** 54.
- «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ.»** См. Толстой, гр. Д. А.
- Мегасоень, З.** 174.
- Мейеръ, П.** 3. 198.
- Мерзляковъ, 2.** 17. — Его переводы Горация. 4. 6—8. 11.
- Меценатъ, 4.** 21. 27. 35. 36.
- Миклошичъ, З.** 12. 79. 80. 335.
- Миллеръ, Вс.** 3. 410.
- Миллеръ, Л.** 4. 17.
- Миллеръ, О. Ө.** 3. 13. 22. 27. 189. 215. 274. 350. 410.
- Михелотти, д—ръ и проф.** 2. 10.
- Мордовцевъ, Собранныя имъ пѣсни.** 3. 71. 225.
- Мюлленгофъ, З.** 217.
- Мюллеръ, З.** 17. 80. 175. 261.
- Нейбауэръ, З.** 178.
- Неронъ, 4.** 47.
- Никифоръ Фока, З.** 305.
- Никодимъ Милашъ, архим. въ Зарѣ.** Его запросъ о находящейся у него древне-славянской рукописи, и отзывъ о послѣдней ак. Бычкова. XIV.
- Новаковичъ, З.** 80. 195.
- Носовичъ, Его словарь.** 3. 81.
- Оббаріусъ, 4.** 17.
- Общество исторіи и древностей Россійскихъ.** Телеграмма II Отдѣленія Академіи Наукъ по поводу 80-ти лѣтней годовщины Общества и отвѣтное письмо послѣдняго. II. III.
- Орловъ, переводчикъ Горация.** 4. 6. 8—10. 11.
- Орозій, З.** 178.
- «Опытъ областного словаря.»** См. Подвысоцкій.
- Отдѣленіе русскаго языка и словесности.** Прежнія и нынѣшнія изданія и характеристика дѣятельности Отдѣленія. 2. 1. 2.—Отчетъ Отдѣленія за 1884 годъ. 2. 1—24.
- Оттонъ II, З.** 217.
- Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 году.** 4. 1—62.
- Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 годъ.**
- Празднованіе Отдѣленіемъ столѣтней годовщины Россійской Академіи. Характеристика дѣятельности Отдѣленія за время его существованія. 2. 1. 2. — Ученые труды въ 1884 году академикомъ: Буслаева, Бычкова, Веселовскаго, Грота, Сухомлинова и Ягича. 2—12.— Изданіе Словаря Архангельскаго нарѣчія. 12.—Изданіе собранія рукописей Гвидича, лекцій о русской словесности Шевырева и сочиненій и переписки Плет-

нева. 13. — Свідѣнія о жизни и научной и литературной деятельности Плетнева. 14—24. — Присужденіе премій. 24.

Налаузовъ. З. 272. 304.

Налладій. З. 174.

Наризъ, Г. З. 199—201. 203. 215—217. 221. 230. 231. 234.

Нассовъ. З. 11. 13. 16. 18. 37. 261. 262. 384.

Недлатій. 4. 35.

Несерькантъ. 4. 18.

Неръ. З. 56.

Нестрановичъ. З. 260.

Нлаугъ. 4. 47.

Нлаугневъ, П. А., акад. Академикомъ Гротомъ изданы первые три тома его сочиненій и переписки. 2. 13—24.

Нлащесвъ, А. Н. 2. 23.

Нодвысоцкій, А. О. Составилъ Словарь областного Архангельскаго нарѣчія. 2. 12.

Ноловскій, Я. П. 2. 23.—4. 1.

Номяловскій, И. В., проф. 2. 24. Приглашенъ къ разсмотрѣнію принятаго на сонсканіе Пушкинской преміи переводнаго сочиненія А. Фета «К. Гораций Флаккъ». 4. 1. 2.—Рецензія его о названномъ трудѣ. 4. 2—62.—Присужденіе ему за это золотой медали. 4. 62.

Нономаревъ, С. И. Имъ составлена статья о двухъ послѣднихъ произведеніяхъ Жуковскаго: «Вѣчный Жидъ» и «Апокалипсисъ». III, IV.

Ноловскій, переводчикъ Горация. 4. 6.

Ноловъ, А. Его Хронографы. З. 304.

Нотанищъ. З. 281. 341. 348.

Нотебня, А. А., проф. Замятка его о двухъ пѣсняхъ. З. 404.

Премія Академіи Наукъ. 2. 24.

Премія Котляревскаго. Правила о нихъ. См. Котляревскій.

Премія Пушкинская. См. Пушкинская премія.

Протоколы засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности. Правила о преміяхъ Котляревскаго. О напечатаніи неизданныхъ бумагъ Гнѣдича. О занятіяхъ г. Романова по бѣлорусскому словарю и составленію бѣлорусскаго сборника памятниковъ народнаго творчества. I.—О программѣ изслѣдованія г. Киричичкова «о Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и въ искусствѣ». О предположенномъ академикомъ Ягичемъ изданіи «Изслѣдованія по русскому языку». II.—Привѣтственная телеграмма Отдѣленія Обществу исторіи и древностей Россійскихъ и отвѣтное письмо Общества. Командированіе г. Гонсіоровскаго въ Пруссію. Пожертвованіе протоіер. Судаковымъ рукописей сдѣланныхъ имъ двухъ переводовъ. II. III. —

Составленная г. Пономаревымъ статья о двухъ послѣднихъ неизданныхъ произведеніяхъ Жуковскаго. III. IV.

Псевдокаллистоенъ. З. 174. 175. 406.

Пульевскій. З. 272.

Пушкинская премія. Ею увѣнчанъ А. А. Шеншинъ (Фетъ). **2.** 24.—
Отчетъ о ея присужденіи. **4.** 1—62.

Пушкинъ, А. С. 2. 13—22. 24.—Отчетъ о присужденіи преміи его имени въ 1884 г. Присужденіе ея А. А. Шеншину (Фету). См. Пушкинская премія.

Пынинъ, А. Н. З. 188.

Радловъ, А. А., ак. З. 15. 20.

Рассманъ. З. 327.

Робертъ Норманскій. З. 233.

Ровинскій, Д. А. Его русскія народныя картинки. **З.** 274. 353. 375. 376.

Розенъль. З. 261.

Романовъ, Е. Р., штатъ. смотр. Его занятія по бѣлорусскому словарю и составленію бѣлорусскаго сборника памятниковъ народнаго творчества. I. — Отзывъ академика Бычкова о первомъ выпускѣ его сборника. XIII. XIV.

Рудченко. З. 398.

Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности акад. Я. К. Гротомъ: Ч. 1-я. Основныя черты русской фонетики и русская азбука. **1.** 1—20. Ч. 2-я. Правописаніе. 20—112.

Рыбниковъ. З. 11. 15. 18—20. 22—25. 39—42. 44. 49. 50. 53. 71. 73. 74. 84. 85. 88—90. 92—96. 99—110. 112. 114. 116—118. 121—128. 130—147. 149—156. 159—163. 168. 189. 222. 238. 246. 247. 249. 259. 266. 287. 309—311. 313—315. 317. 319. 321—324. 334. 335. 337. 338. 341. 346. 350. 351. 354. 355. 373. 374. 377—379. 390. 396. 397. 410.

Садовниковъ. Его сказки и преданія Самарскаго края. **З.** 394.

Сакелларій. З. 10. 13. 16. 17. 20. 94.

Саллюстій. 4. 19.

Сафо. 4. 46.

Сахаровъ. Его Сказанія русскаго народа. **З.** 135. 341. 376. 397. 398.

Сава. З. 14.

Словарь областного Архангельскаго нарѣчія. См. Подвысоцкій.

Смирновъ, студ. См. Сухомлиновъ.

Смитъ. 4. 61.

Снегиревъ. Его лубочныя картинки русскаго народа. **З.** 275.

- Современникъ**, журналъ. **2** 15. 16.
Соревнователь, журналъ. **2** 15.
Стертиній. **4** 38.
Стефанъ Сурожскій, свят. **3** 70.
Стрегановъ, гр. А. С. Дѣятельность его по Академическому словарю. **2** 7. 8.
Судаковъ, протоіер. А. Т. Пожертвованіе имъ Академіи Наукъ его перевода «Исторіи Шведскаго народа» Гейера и начала «Разказовъ изъ Шведской исторіи» Фрюкселя. III.
Сухомлиновъ, М. И., акад. Его докладъ о занятіяхъ студента С.-Петербургскаго университета Смирнова по изготовленію словаря изъ сочиненій Ломоносова. XV. Издалъ 7-й выпускъ «Исторіи Россійской Академіи». **2** 6—9.—Приготовлялъ въ изданію «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ». **2** 9.—Въ повременныхъ изданіяхъ помѣстилъ двѣ статьи: «Императоръ Николай Павловичъ, критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина» и «Полемическія статьи Пушкина». **2** 10. 11.
Сырку, П. **3** 67. 304.
Сѣверные Цвѣты, альманахъ. **2** 17.
Теодереску. **3** 81. 84.
Тиберій. **4** 48.
Тихановъ, П. Н. О находящихся у него неизданныхъ бумагахъ Гѣдича. I.—Онѣ напечатаны. **2** 13.
Тихонравовъ, Н. С. Его гѣтописи. **3** 71. 188. 225.
Тоблеръ. **3** 25. 225. 226.
Толстой, гр. Д. А., президентъ Академіи Наукъ. По мысли его, принято изданіе: «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ». **2** 9. — Его премія. **2** 24.
Требаціи. **4** 37. 38.
Тредіаковскій, переводчикъ Горація. **4** 6.
Тургеневъ, И. С. **2** 14. 15. 23.
Уваровъ, графъ С. С. **2** 21. 24.
Уландъ. **3** 10.
Ундольскій. **3** 188.
Фабрици. **3** 178.
Феодоръ Тиронъ. **3** 289.
Фѣрстеръ, В. **3** 222.
Фетъ. См. Шеншинъ. **4** 3. 6. 11 — 20. 22. 23. 29. 32. 53. 54. 56 — 58. 60. 61.
Фонвизинъ — авторъ плана перваго академическаго словаря. **2** 7.
Фоссъ. **4** 4.

- Фотій.** З. 285.
Фридрихъ II, импер. З. 195.
Фрюксель. См. Судаковъ.
Фускъ. 4. 36.
Халавскій, М. Его замѣтки по славянской народной поэзіи. З. 410.
Херасковъ. Его инициативѣ принадлежитъ введеніе русскаго языка въ лекціи профессоровъ Московскаго университета. Письмо его по этому предмету къ Кузьмину. 2. 7.
Хрущовъ. З. 188.
Худяковъ. Его Великороссійскія сказки. З. 316.
Царке. З. 173. 176. 195.
Чолаковъ. З. 238.
Чубинскій. З. 82.
Чулковъ. З. 375. 377.
Шевыревъ, акад. Напечатаны его лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ. 2. 13.
Шейнъ, П. В. Его великорусскія народныя пѣсни. З. 101. 102. 104—106. 108—110. 112. 225. 384.
Шекспиръ. 2. 20.—З. 387.
Шелеръ. З. 408.
Шеншинъ, А. А. (Фотъ). См. Пушкинская премія.
Шереметевъ, графъ С. Д. На его издженіи издавъ «Русскій лицевой Апокалипсисъ». 2. 4.
Шиллеръ. 2. 18.
Шюверъ, акад. З. 20. 22.
Шинковъ, А. С. Дѣятельность его въ качествѣ президента Россійской академіи. 2. 8.—Письмо его къ Востокову. 2. 9.
Шкалнѣтъ. Его двѣ былины. З. 121. 122.
Шлегель, А. 4. 4.
Шмидтъ. З. 20.
Штормъ. З. 230.
Шуваловъ, Н. И. Занятія его по академическому словарю и предложеніе содѣйствовать изданію журнала. 2. 7.
Эгнгардъ. З. 277.
Эдзардъ. З. 327. 329.
Эйлеръ, Леон. 2. 10.
Эрихтедтъ, В. К. Его списокъ греческаго житія по рукописи XI-го вѣка. З. 201. 292.
Южно-русскія былины (III—XI), акад. Веселовскаго. Былины о Саулѣ Леванидовѣ и греческая пѣснь объ Армури. З. 1—35. — Былины

объ Иванъ Гостинюмъ сынѣ и старофранцузскій романъ объ
37—68. — Богатыри-Сурожцы. 69—124. — Дюкъ Степановичъ
пня параллели къ пѣснямъ о немъ. 125—254. — Какъ перев
Руси богатыри. 255—286. — Царь Константинъ въ русскихъ
славянскихъ пѣсняхъ. 287—305. — Бой Илья Муромца съ см
—339. — Алексѣй Поповичъ и Тугарниъ — Илья Муромецъ и
341—380. — Алеша «бабій пересмѣшникъ» и сюжетъ Цимбели
401.—Поправки и дополненія. 403—411.

Ягичъ, П. В., анад. О предположеніи его издавать «Исслѣд
русскому языку». II.—Имъ напечатаны четыре критико-палеогр
статьи, посвященныя вопросамъ по поводу присужденной архи
лохію Ломоносовской преміи. Занятія его надъ памятниками др
ской письменности. 2. 3.—Напечаталъ въ «Архивѣ для славян
дологін» отрывки изъ переписки Добровскаго съ Коштаромъ и
полное собраніе пхъ переписки. 2. 4.—3. 22. 24. 27. 51. 79. 2

Языковъ, Н. М. 2. 18.

Якушкинъ. Его русскія пѣсни. 3. 163.

Яфѣ. 3. 234.

